

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

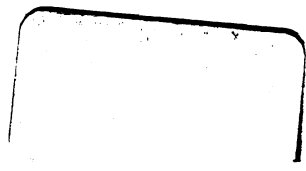
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PS120 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

АПРѢЛЬ.

1884.

ДѢЛО

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

№ 4.
1902

СОДЕРЖАНІЕ.

1. АВВА. Очеркъ (Окончаніе). Д. Сибиряка.
2. ШКОЛА БОРЬБЫ ВЪ СОЦІОЛОГІИ. . . Л. Мечникова.
3. ВЪ КАПИЩѢ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА.
Очеркъ. (Окончаніе). Ивановича.
4. ЧѢМЪ ЖИЗНЬ КРАСНА. Романъ Эмиля
Золя. (Окончаніе) Переводъ. А. Москвина.
5. РУФИНА КАЗДЮЕВА. Романъ въ 5-ти
частяхъ. Часть вторая. (Гл. I—VIII) . . Е. Ардова.
6. ЛОНДОНСКАЯ ГОЛЫТЪБА. Н. Н.
7. ИЗЪ ПРЕКРАСНАГО ДАЛЕКА. (Путе-
вые замѣтки). Н. Ш.

(См. на оборотѣ.)

8. ВОСКОВАЯ ГОЛОВА. Разсказъ. (Съ французскаго) Жоржа Приса.
9. ОСАДЧЕ. А. Мурашкинцева.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

10. РАБОЧІЕ НА КУБАНИ. Ф. Щербины.
11. НОВЫЯ КНИГИ:

Земскій врачъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. В. В. Соловьева. Спб. 1883.— Стихотворенія графа А. А. Голеницева-Кутузова. Спб. 1884.—По портамъ Европы. 1878—1879 гг. Очерки заграничнаго плаванія на фрегатѣ «Князь Пожарскій». Кронштадтъ, 1884.—Исслѣдованія народной жизни. Александры Ефименко. Вып. первый. Обычное право. Изд. В. И. Коспорова. Москва, 1884—Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. I и II. Исслѣдованіе И. И. Дубасова. Москва, 1883 г.

12. НАУЧНАЯ ХРОНИКА А. М.

Послѣдняя зоологическая экспедиція.—Жизнь въ глубинѣ моря.—Яркая окраска животныхъ.—Слѣпыя и зрчія животныя въ области абсолютнаго мрака.—Органы осязанія и освѣщенія.—Что дѣлается съ животными, внезапно перенесенными съ большой глубины на поверхность.—Обособленность жизни на различныхъ уровняхъ моря.—Ассоціація на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ метровъ.—Распределеніе морской фауны подъ различными географическими широтами.—Откуда взялось населеніе глубокихъ областей моря?—Комменсализмъ и паразитизмъ.—Ископаемые виды и новыя зоологическія группы.—У источниковъ холеры.—Работы нѣмецкой комиссіи въ Индіи.—Холерная бацилла.—Вода какъ носитель холерной заразы.

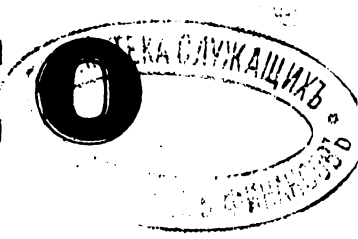
13. ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.
(Политическая и соціальная хроника). Жикѣ.
14. ГОДОВЫЕ ИТОГИ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ В. Острогорскаго.
15. БЕЗПОРЯДКИ ВЪ ЦИНЦИНАТИ П. Попова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи журнала «Дѣло».—Объ изданіяхъ Редакціи «Дѣло».—Объ изданіяхъ Н. А. Лебедева.—Объ изданіяхъ И. И. Билибина.—Объ изданіяхъ романовъ К. М. Станюковича.—Объ изданіи повѣстей Альбова.

898

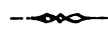
ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

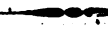
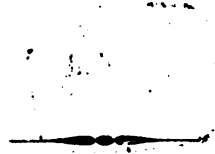
1884

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Левдева, Невскій просп., № 8.

1884.

D
PSlav 236-4 (1884, no. 4)
✓

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 27 Апрѣля 1884 г.

АВВА. 1902

(Очеркъ).

IV.

Въ Мугайскомъ заводѣ я пробылъ недѣли двѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ другую часть Урала, но года черезъ полтора, послѣ рождества, мнѣ опять пришлось заѣхать къ Фатѣвнѣ.

Видъ на Мугайскій заводъ зимой былъ самый печальный, потому что всѣ домики и даже фабрика точно утонули въ глубокомъ снѣгу.

Небольшія избушки совсѣмъ исчезали въ сугробахъ снѣга, и только къ воротамъ у хорошихъ хозяевъ были прогробены въ снѣгу глубокия траншеи; изъ оконъ такихъ избушекъ не видно улицы въ теченіи цѣлыхъ шести мѣсяцевъ. Домикъ Фатѣвны стоялъ на самомъ юру, и сѣверовосточный вѣтеръ наметалъ вокругъ него громадныя снѣжные завалы, такъ что во дворъ намъ приходилось вѣхать точно въ яму. Расчищать снѣгъ вокругъ дома Фатѣвна считала излишней роскошью, потому что, все равно, въ червую-же пургу намететъ вдвое больше,—значить, супротивъ Бога не пойдешь, а только даромъ деньги изводить на снѣговныя раскопки.

— И въ самый ты часъ, дѣва, пріѣхалъ! встрѣтила меня Фатѣвна, появляясь на крылечкѣ въ двухъ шубахъ.

— А что? спрашивалъ я, съ трудомъ вылѣзая изъ глубокой кошевой.

— Да ужъ такъ... Пойдемъ въ горницы, тамъ самъ увидишь. Сугробно ѣхать-то было, поди?.. Не въ проворотъ нынѣшнимъ годомъ снѣга напали: совсѣмъ замело...

Въ слѣдующей комнатѣ я, къ своему удивленію, встрѣтилъ

Помпея Агафоньча Краснопѣвцева, который былъ одѣтъ по-домашнему, въ какомъ-то пестромъ халатѣ.

— Узналъ? спрашивала Фатѣвна меня, забѣгая впередъ. — На фатерѣ, у меня стоитъ теперь.. Какъ-же!.. Ну, ужь, говорить, што-ли, всю правду, Агафоньчъ? А?..

— Говори, если языкъ чешется, угрюмо отозвался Паганини, вспыхнувъ до ушей

— И скажу, дѣва... Разѣ это худое што-нибудь? Ты ужь проздравь насъ, обратилась Фатѣвна ко мнѣ... Въ женихахъ у насъ Помпей-то Агафоньчъ живеть... Вотъ тѣ истинный Христочъ!.. Въ законъ вступить хочеть...

— А на комъ онъ женится? спросилъ я.

— Какъ на комъ, дѣва? На Ѳеклиствъ моей... Какъ-же!.. Второй мѣсяцъ теперь приданое ей проворимъ съ Глафирой. Въ настоящемъ видѣ свадьбу справляемъ, какъ слѣдуетъ быть свадьбѣ... Обрученье ужь было... Отецъ Егоръ и благословлялъ жениха съ невѣстой.

— Будеть тебѣ молоть-то, Фатѣвна! огрызнулся Паганини, начиная терять терпѣніе. — Ступай лучше, насчетъ самовара орудуй...

Фатѣвна самоцательно посмотрѣла на будущаго зятя своими ястребиными глазами: дескать, вотъ, погляди-ка, какого я зятька для Ѳеклисты обработала, — въ лучшемъ видѣ... Въ ея обращеніи съ Помпеемъ такъ и сквозило то особенное чувство собственности, съ какимъ всѣ женщины относятся къ своимъ вещамъ: очевидно, Паганини попалъ въ движимое имущество Фатѣвны. И ситцевый сарафанъ сидѣлъ на Фатѣвнѣ какъ-то не такъ, какъ раньше, и лицо точно помолодѣло, и повертывалась она еще быстрѣе прежняго, — видимо, она переживала свою самую счастливую минуту, какъ баба по-преимуществу, для которой вступленіе Ѳеклисты въ законъ являлось настоящимъ торжествомъ. Направившись къ двери, Фатѣвна вернулась съ полдороги и, оставивъ руки въ боки, проговорила:

— А, вѣдь, мы съ попомъ-то Андроникомъ опять вздоримъ... Ей-Богу, дѣва!.. Такъ вздоримъ, такъ вздоримъ — страсть!...

— Знаю, что вздорите... Это все изъ-за той лошади, которую ты купила тогда у о. Андроника за пятьдесятъ рублей и продала за сто?

— Вона... хватился!.. Мы ужь послѣ того помирились и

опять разсорились, и тоже изъ-за лошади все дѣло вышло. Какъ-же, дѣва, я лошадку продала попу-то Андронику, семьдесятъ цѣлковыхъ взяла, а ему лошадь-то и не поглянись... Ей-Богу!.. Онъ мнѣ сейчасъ лошадь назадъ, а я деньги не отдаю; шире-далѣ—и пошло, и пошло.

— Лошадь, вѣроятно, была скверная?

— Лошадь? Ну, ужь, дѣва, ты это врешь... Лошадь первый сортъ. Я на ней верхомъ по всему заводу ѣздил: картина, а не лошадь... Ну, а попп-то Андроникъ, хоть до коней и большой охотникъ, а толку не хватаетъ... Новокупка-то у него совсѣмъ отъ рукъ отбилась, теперь способу съ ней никакого нѣтъ. Да и куда Андронику съ конями возиться, когда у него брюхо вонъ какое, точно тройней собирается родить.

— Да ужь что тутъ попусту болтать, замѣтилъ Паганини:—надула ты Андроника лошадыю, и вся тутъ...

— Я? Да вотъ сейчасъ на этомъ самомъ мѣстѣ... съ мѣста вотъ мнѣ не сойти, ежели я отъ Андроника хоть на синь порохъ попользовалась, дѣва!..

— Не божись, Фатѣвна, и въ долгъ повѣримъ...

— Лошадь-то какая была: угодница... Каряя съ ремнемъ во всю спину и ушки поротые. Папистая она была маненько и на бабки у заднихъ ногъ садилась, ну, а все-таки настоящая лошадь: хоть воду, хоть воеводу вози. А штобы я стала надувать отца духовнаго лошадыю,—ужь это ты напраслиной обносишь меня. Теперь-то Андроникъ ее, конечно, извелъ: приступу къ лошади нѣтъ,—такъ задними и передними ногами и хлещетъ и зубами хватаетъ. Четверо, слышь, ее едва запрягутъ! Оказія, дѣва, каку страсть изъ этакой смиряющей лошади сдѣлають... Вотъ тѣ Христосъ!..

Мы съ Паганини долго смѣялись надъ Фатѣвной, которая никогда и ни въ чемъ не была виновата.

— И, вѣдь, все вреть: отъ перваго до послѣдняго слова, увѣрялъ Паганини, когда я по комнатѣ разминалъ ноги.

— То-есть, относительно чего вреть: относительно лошади или вашей женитьбы?

— Нѣтъ, относительно лошади вреть, а женитьба это ужь совсѣмъ другое...

Помпей Агафонычъ сдѣлался мраченъ и замолчалъ; пока Фатѣвна воздвигала на столъ кипѣвшій самоваръ со всѣми

его атрибутами, онъ шагаль изъ угла въ уголь, какъ маятникъ. Собственно, чайной частью завѣдывала Ѳеклиста, но сегодня она не показывалась почему-то. Когда на столѣ появилась семга и бутылка водки, мы, въ торжественномъ молчаніи, приступили къ трапезѣ. Паганини опрокинулъ сразу двѣ рюмки водки и долго прожевываль ломтикъ соленой рыбы. Самоваръ шумѣль, какъ самый радушный хозяинъ, который не знаетъ, чѣмъ угостить дорогихъ гостей; въ комнатѣ сдѣлалось еще теплѣе и окна отпотѣли. Короткій зимній день кончался, и съ улицы глядѣла вѣтряная и холодная зимняя ночь. Мы долго сидѣли въ полутьмѣ, наслаждаясь тѣмъ сибирскимъ кейфомъ, который называется сумерничаньемъ. Тамъ, сейчасъ за стѣной, бушевала снѣжная выюга, гдѣ-то далеко-далеко подвывала волчья стая, а здѣсь было такъ тепло и уютно. Согрѣвшись послѣ дороги, я чувствовалъ во всемъ тѣлѣ ту пріятную истому, когда крѣпкій, здоровый сонъ вяжетъ человѣка какъ веревками. Глаза слипались сами собой, самоваръ запускаль отдѣльныя пискливыя ноты и вдругъ ихъ обрываль, точно пробоваль какую-то позабытую мелодію; Паганини жегъ одну папирску за другой, прихлебываль изъ стакана чай и упорно молчалъ, какъ запертый шкафъ.

— А, вѣдь, дѣло дрянъ... проговорилъ, наконецъ, Паганини, зажигая оплывшую сальную свѣчку, въ высокомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

Длинное, худощавое лицо учителя было покрыто красными пятнами; длинные волосы падали на узкій бѣлый лобъ какими-то косицами, но въ этомъ странномъ лицѣ было что-то симпатичное. Есть такіе некрасивые люди, которыхъ какъ-то не замѣтишь съ перваго раза, а потомъ полюбишь ихъ всею душой. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и Помпей Агафонищъ. Онъ и держаль себя какъ-то особенно,—постоянно въ сторонкѣ, точно все боялся чего-нибудь, особенно если въ комнатѣ былъ новый человѣкъ.

— А что? спросилъ я.

— Подлость... коротко отвѣтилъ Паганини, бросая полъ недокуренную папирсу.—Представьте себѣ, вѣдь Андроника просто сживаютъ со свѣту... Да. Все о. Егоръ подсживаетъ. Два раза ужъ судъ наѣзжалъ на Андроника; ну, конечно, ихній-же, поповскій, судъ, а теперь третьяго ждатель

нужно. Андроникъ-то два раза самъ въ губернію ѣздилъ, консисторію замазывать...

— Да въ чемъ у нихъ дѣло-то?

— Вотъ въ томъ-то и штука, что собственно даже дѣла никакого не вышло, а такъ, рознять—и вся тутъ... Это всегда, положимъ, было, но о. Егоръ задушил консисторію жалобами. А теперь еще переманилъ на свою сторону Панышу... Помните?

— Какъ-же, отлично помню: еще умиралъ тогда собаку у о. Андроника...

— Да, да... И представьте себѣ, этотъ самый Паныша, который живмя жилъ у о. Андроника, теперь противъ него-же, а о. Егору это и на руку, потому что Паныша является главнымъ свидѣтелемъ противъ о. Андроника. Вѣдь онъ знаетъ всю подноготную про старика,—этимъ о. Егоръ и воспользовался... Теперь идетъ такая кляуза у нихъ, что не приведи Господи.

Учитель опять заходилъ по комнатѣ и нѣсколько разъ поправилъ свои длинные волосы, точно они мѣшали ему думать. Измѣна Паныши произвела на меня тяжелое впечатлѣніе, что я и высказать.

— Я сначала то же самое думалъ, что и вы, отвѣтилъ Паганини, наливая рюмку.—Но теперь я нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ. Да... Время такое подлое... А что значать какой-нибудь о. Егоръ или Паныша, взятые отдѣльно? Рѣшительно ничего, даже говорить не стоитъ, кромѣ того, что плюнуть на нихъ. Но совсѣмъ другой вопросъ получается, если мы взглянемъ на дѣло шире: прежде такіе кляузники являлись исключеніями, а теперь они перешли въ общее правило.

Выпивъ рюмку водки, Паганини горячо заговорилъ о новомъ типѣ батюшекъ, представителемъ которыхъ являлся о. Георгій.

— Вѣдь онъ вездѣ пролѣзетъ, увѣряю васъ! горячился Паганини, взмахивая руками, какъ вѣтряная мельница.—Ему до всего дѣло, его вездѣ спрашиваютъ... И всѣ эти молодые попки на одну колодку! Въ земство лѣзутъ, въ школы, въ волость и вездѣ проводятъ свои идеи: забрать понемногу въ руки и то, и другое, и пятое, и десятое. Взять теперь хоть школы: гдѣ новый батюшка завелся, учитель держи ухо востро... Особенно учительницамъ достается отъ этихъ батю-

шекъ... Препремимъ попамъ, въ родѣ Андроника, тогда узнаютъ цѣну, когда ихъ не будетъ... До сихъ поръ, въ старыхъ по-пахъ видѣли только однѣ смѣшныя стороны, а хорошихъ ни-кто не хотѣлъ замѣчать. Посмотрите на Андроника: вѣдь это натура, настоящая, цѣльная натура, у которой все оригинально, все по-своему... Онъ самъ навязываетъ себѣ такіе недостатки, о какихъ новые батюшки благоразумно умалчи-ваютъ. Даже самая необразованность и неотесанность старыхъ поповъ имѣла свою хорошую сторону: разъ—они стояли бли-же къ мужику, а второе—довольствовались самой скромной обстановкой и привычками... Новые батюшки будутъ ближе стоять къ образованнымъ и зажиточнымъ классамъ, но они совсѣмъ разойдутся съ народомъ, которому, главнымъ обра-зомъ, и должны были-бы служить. Даже сравнительно большое развитіе умственное и внѣшняя отесанность являются здѣсь новымъ зломъ. Вотъ подите вы, какая штука выходитъ... Я не говорю объ исключеніяхъ, объ единицахъ, которыя вездѣ найдутся, но важень общій характеръ, самый тонъ движенія.

Мы долго проговорили о трудныхъ временахъ и о теку-щихъ мугайскихъ событіяхъ. Паганини все пилъ, рюмку /за рюмкой и, наконецъ, совсѣмъ опьянѣлъ, такъ что не могъ уже ходить по комнатѣ, а сидѣлъ на диванѣ, придерживаясь за его ручку. Наша сальная свѣча давно нагорѣла и сильно оплыла; въ комнатѣ было накурено; меня «долил сонъ».

— Послушайте... вѣдь вы меня считаете за подлеца... да!.. неожиданно проговорилъ Паганини послѣ длинной паузы.—Я, вѣдь, это чувствую...

— Что вы, Помпей Агафонычъ... Съ какой это стати!..

— Отлично вижу... Что я такое... а? Женихъ Ѳеклисты... будущій зять Фатѣвны... Ха-ха!..

— Я вамъ расскажу все, какъ было... продолжалъ Па-ганини съ откровенностью дьянаго человѣка.—Да... даже очень просто вышло. А впрочемъ, вы, можетъ быть, думаете, что я опьянѣлъ и слуду болтаю?.. Нѣ-ѣтъ...

Паганини тихонько засмѣялся, сдѣлалъ безсильное движе-ніе подняться съ дивана и опять сѣлъ, мотнувъ головой, какъ теленокъ.

— Вы думаете, что это моя первая любовь... Ха-ха!.. Да... Ѳеклиста... Паазвольте, вы, можетъ быть, полагаете, что я же-нюсь на этомъ уродѣ изъ-за денегъ? Домомъ Фатѣвны хочу

завладѣть?.. Нѣтъ, ошибаетесь... Да. Я долженъ жениться, поелику... однимъ словомъ, грѣхъ покрыть закономъ нужно. Какъ-же... свой-же и грѣхъ-то... Осенью дѣло было... На вечеринкѣ встрѣтился съ Ѳеклистой... ну, выпилъ, а потомъ вотъ очутился здѣсь да и не выхѣдилъ отсюда. А теперь Ѳеклиста въ такомъ положеніи, что я, какъ честный человѣкъ, долженъ вступить съ ней въ законъ... А, Фатѣвна радуется... цѣпочку серебряную мнѣ подарила... какъ же... Ежели разобрать, такъ я, собственно, даже не стою Ѳеклисты... Ей-Богу!.. Она глупа, какъ соленая рыба, но хорошая дѣвушка и любитъ меня по-своему. А позвольте, вы меня все-таки считаете подлецомъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ-же... Какое кому дѣло до вашей интимной жизни.

— Вотъ именно... благодарю. Да... А признаться сказать, была у меня одна маленькая страстишка... Съѣздъ былъ учительскій, а на съѣздъ пріѣхала одна новенькая учительша... Изъ дворяночекъ она, изъ бѣдныхъ... Съ матерью живетъ. И славная такая, бѣленькая вся да нѣжная... и ручки бѣлыя, маленькія, а сама еще совсѣмъ почти ребенокъ. Ну, а тутъ и пришлось свой хлѣбъ горбомъ добывать, да попала она въ глушь, куда воронъ костей не носить... Скучно, жить хочется. Въ такомъ положеніи за одно ласковое слово человѣкъ душу отдасть... Ну, встрѣтились, познакомились... Славная она такая, умненькая... такъ въ глаза и смотреть... Хорошо. Какъ-то мы гуляли съ ней вечеромъ, она и говоритъ: «Женитесь на мнѣ, Помпей Агафонычъ...» А сама какъ заплачетъ, по-ребячьи такъ заплачетъ... Ахъ, какъ мнѣ тогда было жаль ее.. нѣтъ, и теперь жаль... Вся она бѣленькая такая, и платье на ней было бѣлое. Умѣла она это сдѣлать все, то есть, одѣться къ лицу и всякое прочее... Дворянская косточка, у нихъ въ крови ужъ это. И звали ее Ниной... Да, Ниночка... Ха-ха!.. Ѳеклиста и Ниночка... Я эту бѣленькую Ниночку въ бѣломъ платьицѣ какъ-то сразу полюбилъ, такъ и хожу за ней, какъ очумленный, а она все цѣлуетъ меня... урода этакого цѣлуетъ... Рѣшилъ я на ней жениться совсѣмъ и слово ей далъ... Хорошо. А потомъ пришелъ къ себѣ на квартиру и цѣлую ночь не спалъ... мысли одолѣли... даже плакалъ... Очень ужъ она мнѣ полюбилась,—рука не поднималась загубить. Ну, куда съ ней повернуться, когда у меня всего и жалованьишка двадцать-пять рублей, да съ этими

двадцатью-пятью и помру... Да еще вотъ зашиваю я частенько, въ обхожденіи грубъ... Ну, а тамъ дѣтишки полѣзуть... Ничокѣ-то и пришлось-бы и корову доить, и полы самой мыть, и всякую грязь тащить на себѣ... Это съ ея-то ручками! Отлично я представлялъ себѣ эту Ниночку своей женой... въ прозѣ-то самой представлялъ: какъ и личико у ней потухнетъ, и ручки загрубѣютъ, и сама она сдѣлается такой жалкой... Вотъ тогда я и разсудилъ, что не имѣю права губить ее изъ-за своего личнаго чувства, а что она мнѣ сама болтала, такъ это отъ жизни отъ тяжелой... Думалъ я тогда, что встрѣтить Ниночка лучше меня кого-нибудь, — зачѣмъ-же ея-то счастію мѣшать? Да... Написалъ ей письмо, все написалъ и взялъ свое слово назадъ, а она мнѣ послала свой локонь... Бѣлые у ней волосы съ такимъ золотымъ отливомъ...

Паганини махнулъ рукой и опять потянулся къ рюмкѣ.

— А теперъ гдѣ эта Ниночка? спросилъ я.

— Ниночка... Пропала ни за грошъ... да. Встрѣтилась она вскорѣ послѣ меня съ однимъ хорошимъ человѣкомъ, который ее обманулъ... а потомъ она и пошла чертить. Теперъ гдѣ-то на приискахъ болтается. Да... точно вотъ сонъ какой вижу... А вы, мстивый гсдарь, все таки считаете меня за подлеца?.. Да?.. А вѣдь я въ семинаріи кончилъ, батенька, — какъ-же... Въ попы могъ поступить, какъ о. Егоръ. Даже могъ-бы написать «И еще благочестивый крестьянинъ». Ха-ха!.. А оно вонъ что вышло... Ѳеклистинъ мужъ! Да... Работать хотѣлось, убѣжденія проводить въ жизнь... А вышла вонъ какая исторія! Сначала-то я, вѣдь, долго не пилъ, все крѣпился, а тутъ какъ-то вдругъ... это послѣ Ниночки ужъ пошло... На все рукой махнулъ. А знаете, что я вамъ скажу: вотъ вы слушаете меня, а не понимаете... и другой никто не пойметъ. Нужно въ нашу учительскую кожу влѣзть... Вотъ посидите-ка такъ, въ четырехъ стѣнахъ, восемь зимнихъ мѣсяцевъ, — тогда такая одурь возьметъ, такая одурь... точно вотъ червякъ какой сосетъ тебя... Ей-Богу, такъ и сосетъ день и ночь... А вотъ Андроникъ отлично понимаетъ... онъ все понимаетъ... Охъ, какая это душа... золотая душа!.. Это онъ только съ виду такимъ чортомъ-иванычемъ выгладить, а онъ все понимаетъ... Да-а... Онъ хоть и хвалится своимъ поповскимъ житьемъ и любить деньгу, а тоже его сосетъ... Вотъ она, жизнь-то наша, какъ складывается: подлостей дѣ-

латъ не хочется, а настоящимъ человѣкомъ, какъ въ книжкахъ-то пишутъ, прожить не умѣемъ.

Когда Паганини заснулъ на своемъ диванѣ, въ комнату на носочкахъ вошла Фатѣвна и шепотомъ освѣдомилась относительно ужина.

— Очень онъ къ водкѣ слабъ, замѣтила она про своего будущаго зятя.—Ну, да женится—перемѣнится!.. Это онъ теперь отъ своего холостого житья слабостями-то занимается, а послѣ не до того будетъ. А што, онъ не жаловался тебѣ на свое-то житье?

— Нѣтъ, ничего...

Фатѣвна испытующе посмотрѣла на меня своимъ ястренымъ окомъ и продолжала прежнимъ полупшепотомъ:

— А ужъ я, признаться тебѣ сказать, даже струсила, какъ ты прѣхалъ въ намъ... Вотъ-те Христоръ, дѣва! Думаю про себя, какъ примешься ты его разстраивать, примешься разстраивать...

— То-есть, какъ разстраивать?

— А такъ, какъ жениховъ разстраиваютъ... То да се, и невѣста изъ мужичекъ, и всякое прочее, дескать на поповнѣ жениться лучше. Вѣдь я это даже весьма понимаю, что Агафончъ, хотя и дьяконскій сынъ, а совсѣмъ на господскомъ положеніи, въ томъ родѣ какъ настоящій баринъ. Вонъ къ управителю въ гости ходитъ... Какъ-же!.. Ну, съ нами-то ему скушно покажется... Вотъ я и боялась, дѣва, а сказать-то тебѣ позабыла, что думаю я въ третью гильдію записаться. Да, все-же купчиха буду, дѣва... И Агафончу не совѣстно будетъ предъ другими, потому какъ въ томъ родѣ, что на купеческой дочери женатъ. Оно гораздо даже любопытнѣе... А, вѣдь, я какъ за нимъ, за Агафончемъ-то, ухаживаю,—съ ногъ сбилась. Теперь съ осени считать—одной ведки третье ведро идетъ... Ни въ чемъ не стѣсняю, дѣва, пусть побалуется, а тамъ ужъ какъ Господь пошлетъ. Духовную обѣщала на него записать,—и домъ, и лавку, и всякое прочее обзаведенье.

На улицѣ попрежнему бушевала снѣжная пурга; вѣтеръ съ остервененіемъ рвалъ ставни, завывалъ въ трубѣ и горстями разбрасывалъ во всѣ стороны сухой снѣгъ, точно толченое стекло Помпей, не раздѣваясь, уснулъ на диванѣ, тяжело храпѣлъ и нѣсколько разъ начиналъ бредить. Изъ кухни, гдѣ собственно жила Фатѣвна, долго доносился какой-то не-

опредѣленный стукъ и сдержанный говоръ. До моихъ ушей донеслась обрывкомъ ядовитая ругань, какой Фатѣвна имѣла привычку, на сонъ грядущій, прощаться съ Денисычемъ. «Пропасти на тебя нѣтъ»... ругалась Фатѣвна.—«Хлѣбъ-отъ умѣешь ѣсть, а почему онъ нойѣ,—а?.. Вонъ теперь сколько денегъ издержали опять на приданое Ѳеклиствъ: легкое мѣсто вымолвить,—какъ въ яму, такъ деньги и валишь. Водки одной»... Я отлично представлялъ себѣ убитую и точно выжатую фигуру Денисыча, который въ покорномъ молчаніи выслушивалъ градъ сыпавшихся на него попрековъ. Навѣрно, онъ цѣлый день проработалъ на морозѣ, продрогъ и, грѣя на печкѣ свои смиренныя кости, отъ души завидовалъ своему будущему зятю, Агафону, который трескаетъ третье ведро воды... Хорошо бы пропустить стаканчикъ-другой съ холоду, такъ-бы хорошо, а то Фатѣвна съ голоду не уморить — досыта не накормить. Навѣрно, Денисычъ, слышалъ, какъ мы съ Помпеемъ пили водку, и завидовалъ намъ... А можетъ быть, этотъ непроницаемый человѣкъ думалъ и свою думу: вотъ, дескать, погоди, Помпей Агафону, отойдетъ и тебѣ масляница, какъ попадешь въ законъ. Фатѣвна-то завяжетъ тебя узломъ, а потомъ и Ѳеклиста заберетъ свою волю и такъ-же будетъ тебя поѣдомъ ѣсть по вечерамъ.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно за беззаботно спавшаго Паганини, который попалъ въ это ястребиное гнѣздо, гдѣ все было такъ крѣпко и туго прилажено: погибнетъ онъ окончательно въ новой обстановкѣ «Ѳеклистина мужа». А буря все выла на улицѣ свою безконечную пѣсню, и вѣтеръ неистово гулялъ по улицамъ, взрывая тучи снѣжной пыли. Лежа съ закрытыми глазами, я чувствовалъ, какъ подъ порывами этого вѣтра вздрагивалъ весь домъ Фатѣвны, точно на улицѣ бродилъ какой-то исполин сумасшедшій, который напрасно старался, въ слѣпой ярости безумнаго, все разрушить кругомъ себя...

Вотъ чья-то громадная рука обшариваетъ уголь дома, пробуетъ обшивку, задѣваетъ по-пути за ставень; вотъ та-же рука толкнула ворота... вотъ загремѣло желѣзо на крышѣ, завыло въ трубѣ, а онъ уже далеко, и только сквозь бурю доносится съ улицы его безумный хохотъ и стоны и опять хохотъ. Иллюзія получалась поразительная: вотъ опять кто-то вратится возлѣ самой стѣны дома... вотъ остановился, и слышно, какъ

хруститъ снѣгъ подъ ногами, а потомъ кто-то опроретью бросился подъ-гору, на прудъ, гдѣ бѣлой стѣной ходить снѣжная пыль, и всѣ звуки тонуть въ одной надрывающей душу нотѣ, именно сумасшедшей нотѣ...

V.

Справивши кое-какія свои дѣла, я отправился къ о. Андронику. Заложивъ руки за широкую спину, онъ, по обыкновенію, въ одномъ жилетѣ, тяжело ходилъ изъ угла въ уголь по своей парадной гостиной и, видимо, былъ не въ духѣ.

— Ну, что, братчикъ, новенькаго на бѣломъ свѣтѣ дѣлается? спрашивалъ старикъ, грузно повертываясь на каблучкахъ.

— Да особеннаго ничего, о. Андроникъ.

Разговоръ не вязался; я, очевидно, явился тѣмъ гостемъ не въ пору, который хуже татарина. Старикъ было не до гостей, а до себя. Посидѣвъ съ четверть часа, я началъ прощаться.

— Пойди, братчикъ, остановилъ меня о. Андроникъ.—Я сейчасъ... только за разговоромъ схожу.

Онъ улыбнулся и, подмигнувъ, отправился въ завѣтную темную каморочку, гдѣ у него хранились наливки. Черезъ минуту онъ вернулся съ двумя бутылками и по-пути заказалъ безцвѣтной старушкѣ подать закуску. Это и былъ «разговоръ». Мы молча выпили по первой рюмкѣ, причѣмъ о. Андроникъ такъ врякнулъ, точно хотѣлъ раздавить диванъ, на которомъ возсѣдалъ. По наружности, онъ замѣтно измѣнился: лицо совсѣмъ заплыло, подъ глазами появились мѣшки, вся фигура какъ-то обрюзгла и опустилась. Обыкновенно при гостяхъ о. Андроникъ изъ вѣжливости надѣвалъ сейчасъ-же подрясникъ, а теперь оставался въ своемъ жилетѣ.

— Ты у Фатѣвны опять остановился? спрашивалъ старикъ, грузно отпыхивая.—Ахъ, шельма, какъ она меня оплела опять... Разказывала, поди?... Такую пропастьну мнѣ всучила, что просто срамъ. Вѣдь не денегъ жаль, а совѣсть зазрить: гдѣ глаза у стараго чорта были... Ей-Богу, изъ-за этой проклятой лошади теперь и дома больше сижу. Глаза въ люди стыдно показать, потому сейчасъ всѣ въ голосъ: «съ покупочкой, о. Андроникъ»...

— За чѣмъ-же вы у Фатѣвны покупали: вѣдь она ужъ разъ обманула васъ лошадыю.

— Зачѣмъ? А врагъ-то силенъ... да. Я и другимъ всѣмъ заказывалъ, чтобы подалше отъ этой шельмы, а самъ и пришелъ къ ней. Такъ и зашелъ, изъ любопытства, какъ она меня обманывать будетъ... Ну, а она и выведи эту самую карюю лошадь: сѣла на нее верхомъ,—прогнала улицу, потомъ сама запрягла ее,—опять по улицѣ шаркнула. И лошадь только: такъ и стелеть, такъ и рубить. Такъ она мнѣ понравилась, эта лошадь, что самъ вздумалъ ее попробовать, конечно для любопытства,—еще лучше у меня бѣжить... Тутъ меня врагъ и попуталъ: на семидесяти цѣлковыхъ и по рукамъ ударили. А какъ привелъ покупку домой,—точно другая лошадь.. Вѣдь вотъ, поди-же ты!.. Ужъ я думалъ, не напустила ли она слѣпоту на меня да другую лошадь и подсунула... Ей-Богу, братчикъ! Приступу нѣтъ къ лошади — и копецъ: всѣми четырьмя ногами бьетъ, головой вертитъ, въ оглобляхъ падаетъ, на дыбы встаетъ... Чортъ, а не лошадь!..

Разсказывая о своей новопкупкѣ, о. Андроникъ сильно оживился.

— Видишь, братчикъ, эта лошадь ужъ не проста въ мои руки попала, а такъ...

— Какъ?

— Да ужъ такъ... Оно, братчикъ, все—какъ пойдетъ на одну руку, тутъ только держись. Слышалъ про Паньпу-то? Какъ-же, къ Егоркѣ переметнулся... И кляузы на меня вмѣстѣ пишутъ. Вѣдь два раза ужъ судъ на меня наѣзжалъ, а я и въ усь не дую... Вотъ имъ всѣмъ...

Старикъ показавъ пальцами нѣчто очень вульгарное и разсыпался своимъ залившимся хохотомъ, но сейчасъ-же смолкъ и нахмурился.

— Въ чемъ-же у васъ дѣло-то, о. Андроникъ?

— Да ни въ чемъ... И дѣла никакого нѣтъ, а такъ, Егоркѣ хочется меня выкурить изъ Мугая, а я говорю: «Погоди, братчикъ, еще материно молоко на губахъ не обсохло»... Вотъ и все. Самъ два раза въ консисторію гонялъ, три сотенныхъ свезъ кровопійцамъ.

Отецъ Андроникъ выпилъ нѣсколько рюмокъ и замѣтно покраснѣлся; очевидно, воспоминаніе о консисторіи подѣйствовало на него очень непріятно.

— А, вѣдь, Егорка-то, братчикъ, оказывается поцъ съ

оттѣнкомъ, проговориль, наконецъ, старикъ послѣ долгой паузы.

— То-есть, какъ съ оттѣнкомъ?

— А вотъ такъ-же... Ты вотъ послушай, братчикъ.

Поднявшись съ дивана и вытянувъ лѣвую руку впередъ, о. Андроникъ пригнулъ первый палецъ и проговориль:

— Во-первыхъ, Егорка обвиняетъ меня въ незаконномъ сожитіи съ солдатской вдовой Василисой... Это какъ по-твоему братчикъ? Василиса, дѣйствительно, иногда приходитъ помыть и козь доить,—не самому-же мнѣ въ поломойки идти и съ дойникомъ въ хлѣвъ ходить! Во-вторыхъ, Егорка обвиняетъ меня за недовозлительную игру свѣтскихъ пѣсень на гитарѣ. На гитарѣ я дѣйствительно игралъ, но и царь Давидъ «скакаше и играя», не то что на гуслѣхъ и органѣхъ, но и тимпанѣхъ доброгласныхъ... Ха-ха!.. Что такое гитара? Какъ-то дѣйствительно Паньша съ Паганини пѣли прошлымъ лѣтомъ «Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту», а я на гитарѣ наигрывалъ. Это точно, было, ну, а вины за мной все-таки никакой нѣтъ... Только меня одно смущаетъ: и прежде рознь была между попами, а только такого еще не бывало. Ну, что я сдѣлалъ этому Егоркѣ, ежели разобрать? Ничего... Вотъ меня это и удивляетъ больше всего! Неисходимая въ немъ злость, въ Егоркѣ-то, вотъ онъ меня и таскаетъ по судамъ. Только, братчикъ, Егоркѣ ничего не взять съ меня: шалишь!..

Въ подтвержденіе своихъ словъ, о. Андроникъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что бутылки и рюмки зазвенѣли. Я старался успокоить расхолодившаго старика, но онъ еще сильнѣе разгорячился и принялся, съ своей стороны, обвинять о. Егора въ разныхъ неподобныхъ поступкахъ, которые тутъ же выдумывалъ и которыми самъ первый не вѣрилъ...

— Только попадись мнѣ въ лапы этотъ Егорка! уже кричалъ о. Андроникъ, бѣгая по комнатѣ съ разбѣжавшимися властями.—Меня разсердить трудно, а ужъ какъ разсержусь—хуже льва, братчикъ...

Я нѣсколько разъ заходилъ къ о. Андронику послѣ этого, и каждый разъ наши разговоры вертѣлись все около одной и той-же темы. Старикъ сильно храбрился, особенно подкрѣпившись «стомаха ради и частыхъ недугъ», но видно было, что онъ чувствовалъ себя не по себѣ и часто задумывался.

— Нѣтъ, братчикъ, мудрено нынче на свѣтѣ жить, по-

вторялъ о. Андроникъ нѣсколько разъ съ тяжелымъ вздохомъ. Ужь на что, кажется, я старикъ, а и то помѣшалъ, сживають съ мѣста... Конечно, у меня есть свои недостатки: исциваю рюмочку, ну, еще, можетъ, что найдется. Кто безъ грѣха, братчикъ, а только другимъ-то я никому зла не дѣлалъ... Эхъ, братчикъ, да что тутъ говорить!.. Если по человѣчеству-то взять да рассудить: овдовѣлъ я на двадцать-третьемъ году, а составъ-то у меня вонъ какой.. Теперь-то я разбухъ, а прежде лошадь за переднія ноги поднималъ, двухпудовыя гири за ворота перекидывалъ. Да... Егорка пьянствомъ меня коритъ, а куда-бы я съ силой-то своей дѣвался, если-бы не водка?.. Еще спасибо, что она, матушка, силы-то поубавила, а то безъ бѣды бѣда... Всѣ люди, какъ люди, а ты какимъ-то гороховымъ чучеломъ и живи, да еще всѣ каждый шагъ у тебя усчитываютъ. Конечно, на мнѣ священный санъ... Это вѣрно. Только, братчикъ, есть поговорка, что къ мірскому человѣку одинъ бѣсъ приставленъ, а къ попу-то семь... Оно такъ и выходитъ, ежели разобрать: и то тебѣ нельзя, и пятое-десятое нельзя... А что Паганини?

— Ничего особеннаго...

— Свадьба у него передъ масляницей?

— Кажется...

— Что-же, вполне одобряю, поелику самъ Господь сказалъ: что «не хорошо жить человѣку одному...» Одобряю, братчикъ. Что онъ ко мнѣ-то не заглянетъ? Ты ему скажи, что я самъ-бы къ нему забрѣлъ, да эта... Фатѣвна тамъ... видѣть ее не могу, братчикъ, — такъ съ души и воротить. Претить... Да и Егорка у нихъ теперь присутствуетъ, — тоже мнѣ не рука. Я ужь больше дома теперь отсиживаюсь, какъ травленный волкъ...

Однажды, когда я зашелъ къ о. Андронику, онъ ходилъ въ старой енотовой шубѣ по двору. Двое трапезниковъ (церковные сторожа) ввергивали въ рогожную кошовку новыя оглобли. Очевидно, готовилась торжественная запряжка новокупки.

— Хочешь, прокачу на карькѣ? предлагалъ о. Андроникъ. — Зима на исходѣ, надо объѣзжать лошадь, а то совсѣмъ отъ рукъ отобьется.

Подростокъ кучеръ, какихъ держать всѣ попы, вывелъ

изъ конюшни лошадь и, притпрукивая, началъ надѣвать на нее хомуть. Это была самая обыкновенная каряя лошадь съ большой головой и длинными ушами. Она позволила себя ввести въ оглобли, но, когда стали затягивать супонь, неожиданно пала во весь бокъ. Это было только началомъ представленія. Когда, совмѣстными усиліями двухъ трапезниковъ, кучера и самого о. Андроника, ее подняли на ноги и опять поставили въ оглобли, она принялась бѣшено мотать своей головой, бить задними ногами и т. д. Въ виду предстоящей работы, о. Андроникъ препоясался по шубѣ широкимъ гаруснымъ шарфомъ и вооружился новымъ хлыстомъ.

— Это для актрисы у меня овесъ, смѣялся старикъ, пробуя хлысть.—Я ей убавлю порцію-то, чтобы дурила меньше. Вишь, какое представленіе задаетъ... У!.. шельма!..

Послѣ долгой возни, новокупка, наконецъ, была запряжена, но вся дрожала и все оглядывалась назадъ, какъ мы будемъ садиться. Мальчикъ-кучеръ стоялъ у воротъ, ожидая момента, когда можно будетъ ихъ распахнуть. Наконецъ, мы съ о. Андроникомъ сидимъ въ кошевой, ворота открыты, и лошадь вихремъ выноситъ насъ на улицу, гдѣ начинается вторая половина представленія. Отецъ Андроникъ, наматывъ возжи на руки, напрасно старается сдержатъ ходъ новокупки, которая скачетъ по дорогѣ козломъ, задравъ голову. Наша кошевка летитъ стрѣлой по широкой улицѣ къ выѣзду; въ ныркахъ насъ такъ встряхиваетъ, что нужно держаться обѣими руками за раму экипажа.

— Держи меня, братчикъ! просить о. Андроникъ, откидываясь всѣмъ тѣломъ назадъ, чтобы сильнѣе натянуть возжи.

Но послѣднія слова онъ проговорилъ уже за кошевой, потому что лошадь сдѣлала неожиданный поворотъ за уголь, въ другую улицу, и старикъ выкатился изъ экипажа, какъ тыква. Это происшествіе окончательно взбѣсило лошадь, и она понеслась по улицѣ, какъ стрѣла. Въ одномъ ныркѣ я тоже вылетаю изъ кошевой, а о. Андроникъ потащился на возжахъ дальше. Черезъ минуту лошадь, кошевая и о. Андроникъ исчезаютъ на поворотѣ улицы, а я отправляюсь къ себѣ на квартиру, благо катастрофа произошла недалеко отъ дома Фатѣвны. Вся шуба у меня въ снѣгу, въ одномъ колѣнѣ чувствуется боль, и я, ругая новокупку и о. Андроника, подхожу къ отвореннымъ воротамъ своей квартиры. На дворѣ за-

стаю живую картину: у столба стоит привязанная новокупка, одна оглобля расщеплена, о. Андроникъ въ разорванной шубѣ, весь въ снѣгу и безъ шапки, напрасно старается отбиться отъ Фатѣвны и Паганини, которые тащатъ его подъ руки въ горницу.

— Нѣтъ ужъ, дѣва, самъ пріѣхалъ, такъ нечего кочевряжиться!.. кричитъ Фатѣвна, ухватившись за рукавъ шубы о. Андроника.—Вонъ какъ на тебѣ одежда-то вся испластана...

— А все твоя лошадь, Фатѣвна, ругается старикъ, уступая силѣ.—Это не лошадь, а дьяволъ!..

Костюмъ у о. Андроника въ самомъ печальномъ видѣ: передняя пола шубы изорвана, потому что онъ проѣхалъ на собственномъ животѣ цѣлыхъ три улицы; одинъ конецъ гаруснаго шарфа оторванъ, одна нога безъ калоши. Пока я шель, новокупка протащила о. Андроника дѣвъ улицы, прямо повернула къ дому Фатѣвны, гдѣ, на бѣду, ворота были отворены, и втащила о. Андроника во дворъ самымъ торжественнымъ образомъ.

— Тебѣ, дѣва, на козлухахъ ѣздить, а не на коняхъ, говорить Фатѣвна, стаскивая въ передней разорванную шубу съ гостя...

— Это твоя работа! огрызается о. Андроникъ.

— Нѣтъ, лошадь-то умная: знаетъ, что сердиться не хорошо, и привезла тебя къ намъ. Я сейчасъ самоварчикъ, о. Андроникъ, спроворю и всякое прочее. Милости просимъ, дорогой гостенекъ. И поговорка такая есть: званый да жданный гость милъ хозяину, а нежданный вдвое...

Къ счастью, о. Андроникъ отдѣлался только разорванной шубой и легкимъ ушибомъ лѣвой руки. Особенно серьезныхъ поврежденій не оказалось, и послѣ двухъ рюмокъ водки старикъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Посланный на развѣдки Денисычъ принесъ потерянные шапку и калошу.

— Вотъ и отлично, торжествовали Паганини, не зная, какъ ему угощать о. Андроника.—Дѣйствительно, лошадь-то не дурно сдѣлала... а?

— Полецъ ваша лошадь—вотъ что!.. уже добродушно гремѣлъ о. Андроникъ, приводя въ порядокъ свою спутанную бороду.—Она меня ужъ не въ первый разъ такъ угощаетъ... А я все-таки держусь на возжахъ—и конецъ дѣлу, такъ на брюхѣ за ней и качу.

Примиреніе о. Андроника и Фатѣвны состоялось при самой торжественной обстановкѣ, и мы проболтали до поздняго вечера, удерживая развеселившагося старика подъ разными предлогами. Появилась на сцену даже смиренная Глафира, которая прежде всего подошла подъ благословеніе къ о. Андронику и долго не соглашалась раздѣлить веселую компанію.

— Да садись, чего ты галеганишься? упрасиваль вмѣстѣ съ другими о. Андроникъ. — Вѣдь ужъ я знаю, что ты меня всего въ стихахъ описала... Да. Ну, признавайся: вѣдь описала, братчикъ?

— Ужъ какіе стихи, о. Андроникъ, скромно отзввалась Глафира, закрывая ротъ своей костлявой, длинной рукой. — Еле ноги таскаемъ. Вотъ теперь съ приданнымъ Феклистѣ съ ногъ сбились... не шутка мѣсто! Тоже въ законъ дѣвуса вступаетъ, надо все выправить форменно... А какъ у васъ новопкупка-то, о. Андроникъ?

— Охъ, не спрашивай... Камень на шею—вотъ мнѣ что ваша новопкупка, братчикъ! Вѣдь ты вмѣстѣ съ Фатѣвной тогда продавала лошадь... а?

— Не знаю ничего я въ этихъ коняхъ, о. Андроникъ. Это все Фатѣвна, у ней и спрашивайте... А я, дѣйствительно, видѣла, какъ вы покупали лошадку тогда, еще порадовалась. Думаю про себя: веселенькая лошадка досталась о. Андронику, славная...

Паганини тоже развеселился и нѣсколько разъ проговорилъ:

— Эхъ, Паньши-то нѣтъ, а то мы такую «раззоренную» спѣли-бы, что чертямъ тошно...

— А я на Паньшу не сержусь, братчикъ, добродушно басилъ о. Андроникъ.—Онъ не отъ ума въ клеветники обратился... Судигъ меня съ Егоркой хочеть... Да. Ежели разобратъ, такъ меня и беспокоить имъ не слѣдовало-бы...

Воспоминаніе объ измѣнѣ Паньши какъ ножемъ обрѣзало веселое настроеніе о. Андроника, и онъ началъ прощаться. Фатѣвна, однако, взяла съ него слово пріѣхать въ гости черезъ день, когда у ней назначенъ былъ оффиціальнѣй балъ.

— Обѣщать-то я тебѣ пообѣщаль, говорилъ старикъ, надѣвая въ передней шапку:—а не знаю, можетъ и обману... Вѣдь меня въ консисторію вызывали опять, а я написалъ, что боленъ. Егорка узнаеть, что я по гостямъ хожу, наклеузить такъ, что не расхлебашь.

— Ну, дѣва, чего испугался: былъ нездоровъ, а тутъ Богъ здоровья послалъ, успокаивала Фатѣвна съ своей обычной находчивостью.— А ваши-то суды извѣстные: воронъ ворону глазъ не выклюетъ...

— Не тѣ времена, братчикъ, не тѣ времена. Нынче своего-то бойся пуще чужого...

Чтобы о. Андроникъ не отказался, Фатѣвна послала за нимъ въ день бала свою лошадь, и старикъ волей-неволей прїѣхалъ. Теперь горницы Фатѣвны были биткомъ набиты гостями, преимущественно изъ мелкихъ торговцевъ и мелкихъ заводскихъ служащихъ. Въ одной комнатѣ танцовали кадрили подъ гармонику, въ другой дѣвушки пѣли пѣсни, въ третьей была устроена закуска. Въ числѣ гостей былъ и Паньша, который уже успѣлъ лизнуть нѣсколько рюмокъ, замѣтно осовѣлъ и къ каждому слову говорилъ «хорошо». Завидѣвъ входившаго о. Андроника, Паньша отправился за благословеніемъ.

— Преподобный отче... благослови! говорилъ клеветникъ, лобызая руку о. Андроника своимъ дьячковскимъ лобзаніемъ.

— На хорошее Богъ тебя благословитъ, братчикъ, а на худое самъ догадаешься, весело отвѣтилъ о. Андроникъ.

— Хорошо... Вы говорите, отче, чтобы на худое я самъ догадался... хорошо... Значитъ, вы подозрѣваете меня?

— Чего тутъ подозрѣвать-то? отрѣзалъ старикъ.— Выѣстѣ съ Егоркой кляузы разводите. На томъ свѣтѣ васъ обоихъ на одинъ крюкъ за языкъ повѣсятъ,—вотъ и весь разговоръ...

— Вотъ, о. Андроникъ, встрѣчную, просилъ Паганини, подводя гостя къ столу съ закуской.— Выѣстѣ, пожалуй, и выпьемъ.

О. Андроникъ не отказался и только велегласно крикнулъ. За первой рюмкой послѣдовала другая, за второй третья и т. д. Меня удивляло, что старикъ разрѣшилъ въ такой мѣрѣ, но онъ самъ объяснилъ причину:

— Для храбрости дернужь, братчикъ... Навѣрно, Егорка приплетется, такъ я ему покажу, курицыну сыну, гдѣ раки зимуютъ. Онъ думаетъ, я его боюсь... Ха-ха!..

Такой оборотъ дѣла не обѣщаль ничего добраго, и я предупредилъ Паганини, чтобы онъ не упускалъ изъ виду о. Андроника, если появится о. Георгій.

Баль былъ въ полномъ разгарѣ. Подгулявшіе гости кричали, какъ пѣтухи, и постоянно «повторяли» у стола съ за-

куской. Въ одномъ углу, за ломбернымъ столомъ, усѣлись картежники и ломили въ стуюлку. Табачный дымъ, винныя испаренія и жаръ выгнали меня въ ту комнату, гдѣ шли танцы. Провинціальныя барышни въ самыхъ пестрыхъ платьяхъ съ «паньями» и прочей благодатью чинно разсѣлись на стульяхъ около стѣнъ и кокетничали съ своими кавалерами въ самой примитивной формѣ. Платья работы Глафиры положительно портили фигуры дѣвушекъ, но мода здѣсь, какъ можетъ быть нигдѣ, являлась въ самой безпощадной формѣ. Я не могъ найти ни одной дѣвушки въ сарафанѣ—на всѣхъ были «паньи». Молодые люди въ сюртукахъ и стоячихъ воротничкахъ были лучше, но тоже являлись жертвой моды по части широчайшихъ раструбовъ у панталонъ и совсѣмъ четырехъугольныхъ носковъ у сапогъ. Танцовали въ четыре пары все одну и ту же кадрили безъ конца, и танцовали, нужно отдать справедливость, очень плохо. Глядя на эту молодежь, я сравнилъ невольно этотъ вечеръ съ одной крестьянской вечерней, куда ни «паньи» ни крахмаленные воротнички еще не проникли,—и право, у мужиковъ было веселѣе и красивѣе, и оригинальнѣе.

Только когда подгуляли старики, картина измѣнилась. Какой-то сѣдой прасоль потребовалъ «русскую» и вывелъ въ кругъ Фатѣвну, которая въ шелковомъ зеленомъ платьѣ была сегодня необыкновенно эффектна. Она сильно выпила и, какъ всѣ пьяныя бабы, хотѣла удивить міръ злодѣйствомъ. Гармоника, захлебываясь, пиликнула «Камаринскую», и началась «русская». Уставивъ руки въ боки и скосивъ голову на сторону, какъ пристыжная лошадь, Фатѣвна поплыла бѣлой лебедью; расхолодившійся прасоль пустился въ присядку. Публика замѣтно оживилась и сочувственно притопывала. Воодушевленная общимъ вниманіемъ, Фатѣвна усиленно сѣменила ногами и размахивала платочкомъ.

Въ дверяхъ, въ этотъ горячій моментъ, напротивъ о. Андроника, показалась блѣдная испытующая фізіономія о. Георгія, который явился на балъ неожиданно для всѣхъ.

- VI.

На другой день послѣ бала, когда мы съ Паганини пили утренній чай, заявила Глафира, и послѣ обычной нерѣшительности, проговорила:

— А, вѣдь, ночесъ слѣдователи пріѣхали... попа Андро-

ника будутъ судить. Какъ-же... Протопопъ да два депутата. На земскоѣ фатерѣ остановились...

Сейчасъ послѣ чая мы съ Паганини отправились къ о. Андронику. Старикъ, противъ обыкновенія, былъ въ подрясникѣ и только что предъ нами читалъ «Духовный регламентъ». Онъ встрѣтилъ насъ молча и молча-же указалъ на 28 параграфъ «регуль» о пресвитерахъ, діаконахъ и «прочихъ причетникахъ», который гласилъ: «Прочес не токмо наблюдать надлежить, не безчинствуютъ-ли священники и діаконы и прочіе церковники, не шумять-ли по улицамъ пьяни, или, что горшее, не шумять-ли пьяни въ церквахъ, не дѣлають-ли церковнаго молебствія двоегласно, не ссорятся-ли по мужичью на обѣдахъ, не истязуютъ-ли въ гостяхъ потчиванія (а сіе нестерпимое безстудіе бываетъ), не храбрствуютъ-ли въ бояхъ кулачныхъ—и за таковыя вины жестоко ихъ наказывати. Но и сіе прилежно имъ заповѣдать епископъ долженъ, чтобы хранили на себѣ благообразіе, а именно, чтобы одѣяніе ихъ верхнее, хотя убогое, но чистое было, и единой черной, а не иной краски, не ходили-бы простовласы, не ложилися-бы спать по улицамъ, не пили-бы по кабакамъ, не являли-бы въ гостяхъ силы и храбрости къ питію и прочая симъ подобная. Таковыя-бо неблагообразія показуютъ имъ быти ярыжными: а они поставлены пастырьми и отцами въ народѣ».

— Конечно, братчики, тихое и мирное наше житіе! какъ-то грустно проговорилъ о. Андроникъ, поглядывая въ окно на улицу.

— Ну, Богъ не безъ милости, успокаивалъ Паганини.— Вѣдь не въ первый разъ судъ-то судить... Слѣдователь не велика важность,—что еще скажутъ въ консисторіи.

— Нѣтъ, братчикъ, конецъ пришелъ... чувствую. Сонъ былъ сегодня такой... Ужь это вѣрно. Я все приготовилъ, ежели что, на всякій случай...

— Да полно хандрить, отче, уговаривалъ Паганини.— Не велика бѣда, что посудятъ. Ну, въ консисторію лишній разъ съѣдешь,—и вся тутъ.

— И въ консисторію больше не поѣду, братчикъ: будетъ... Пусть ихъ: все равно сживутъ.

Меня удивило необыкновенное малодушіе о. Андроника, который въ одну ночь какъ-то совсѣмъ опустился и состарился, точно перенесъ какую-нибудь тяжелую болѣзнь. Не

было даже прежнихъ гнѣвныхъ вспышекъ, которыя смѣнились неестественной кротостью. Наши утѣшенія не придали о. Андронику бодрости, а только усугубили его мрачное настроеніе.

— Да я и не боюсь ничего... ничего не боюсь, говорилъ старикъ, когда мы начали прощаться.—Никому я не слѣлалъ никакого зла, а что до моихъ грѣховъ—такъ это уже Богу буду каяться. Не о томъ я теперь думаю, братчикъ.

— А о чемъ?

— Да такъ, разныя мысли... Самое первое: жить надоѣло. А ты-бы какъ думалъ? Ну, что я такое, ежели разобрать?.. Будетъ ужъ небо-то коптить... Пусть помоложе насъ поживутъ, а съ насъ даже очень довольно.

— А деньги-то какъ, о. Андроникъ? пошутить Паганини.

— Деньги... Не бойсь, братчикъ, тебѣ ихъ не оставлю, онѣ всегда найдутъ хозяина. Только я этимъ консисторскимъ ни-ни: расколотой полушки больше не дамъ. Это они выдумали изъ меня жилы тянуть,—нѣтъ, братчикъ, шалишь, съ деньгами то я и безъ нихъ проживу...

Появленіе слѣдователя произвело въ Мугаѣ большое движеніе.

Свидѣтелямъ разнесены были повѣстки, причемъ вызывались на судъ—Фатѣвна, Глафира и Паганини. Судьбище имѣло происходить въ церкви, что заставило клеветниковъ призадуматься въ виду присяги. Свидѣтели были народъ простой и боялись присяги, какъ огня.

— Пойдемте въ церковь? предлагалъ мнѣ Паганини.—Интересно посмотрѣть...

— А меня не попросятъ уйти?

— Нѣтъ, ничего... Все свой народъ; кстати, вы и съ о. Георгіемъ немножко знакомы, а онъ тамъ главный запѣвало.

Въ назначенный часъ мы, были въ церкви, гдѣ народу набралось порядочно,—все выведенное сторонами, свидѣтели. Дѣйствіе происходило въ лѣвомъ придѣлѣ, недалеко отъ прилавка старосты. Слѣдователь—лысый старичокъ протоіерей—сидѣлъ за столомъ; по сторонамъ помѣщались два депутата священника. Середину стола занимали бумага и слѣдственно-духовныя книги. Отецъ Георгій торопливо перешептывался съ свидѣтелями, которые испытывали въ этой торжественной обстановкѣ невольное смущеніе. Трапезникъ, еще недавно запрягавшій намъ съ о. Андроникомъ новокупку, ставилъ въ сто-

ронкѣ наложь съ крестомъ и евангеліемъ, завернутымъ по походному въ эпитрахиль,—значить, допросъ будетъ производиться подъ присягой, отъ чего передернуло многихъ. Въ толпѣ свидѣтелей было нѣсколько заводскихъ служащихъ,—мастеровые, какая-то старушка съ палочкой и Фатѣвна съ Глафирой. Когда появился о. Андроникъ, эта толпа почтительно разступилась, давая дорогу. Поздоровавшись съ своими судьями, о. Андроникъ занялъ мѣсто у стола и внимательно обвелъ глазами толпу свидѣтелей. Паньша старался прятаться за чужими спинами, избѣгая встрѣчи съ своимъ недавнимъ покровителемъ.

Начался допросъ свидѣтелей, причемъ они предварительно были уведены въ сторожку трапезниковъ, откуда и вызывались по одному, какъ это дѣлается въ настоящемъ судѣ.

— Что вы можете рассказать по этому дѣлу? обращался слѣдователь къ каждому новому лицу.

Свидѣтели изъ мастеровыхъ ничего особеннаго не показали, но за то одинъ прасоль съ тонкой жилистой шеей утѣшилъ за всѣхъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ сутягъ, которые встрѣчаются вездѣ, и особенно старался изобличить о. Андроника. Выискался такой-же свидѣтель изъ заводскихъ служащихъ, который долго распространялся о томъ, какъ о. Андроникъ игралъ на гитарѣ свѣтскія пѣсни. Самый интересный моментъ слѣдствія наступилъ, когда была вызвана Фатѣвна, которая отрапортовала все, что сама знала и, между прочимъ, съ неподражаемымъ искусствомъ, передала недавній случай, какъ она плясала, а о. Андроникъ кричалъ ей: «Чище, шельма!»

— Не имѣете-ли вы что-нибудь сказать свидѣтелю? обращался слѣдователь къ о. Андронику послѣ допроса каждаго свидѣтеля.

— Можетъ быть... а не знаю... ничего не помню, отвѣчалъ о. Андроникъ.

— А неизвѣстно-ли вамъ, свидѣтельница Трегубова, авторитетно тянулъ одинъ изъ депутатовъ:—какъ о. Андроникъ въ пьяномъ видѣ ѣздилъ по всему Мугайскому заводу, даже не ѣздилъ, а таскался на возжахъ за лошадыю...

— Даже очень извѣстно, дѣва... И лошадь-то, поди, моя у Андроника. Отличная лошадь... Ей-Богу!.. Ну, а у Андроника она пошаливаетъ и, точно, таскаетъ его на возжахъ, даже во дворъ ко мнѣ затащила одинова... Стою я на крыльцѣ,

а онъ, Андроникъ-то, и въѣхаль во дворъ, — прямо на пузѣ такъ и тащится. А лошадка 'ничего, въ табунаѣ давана пятьдесятъ цѣлковыхъ... Славная лошадка.

— Что-же, о. Андроникъ былъ пьянь, когда въ такомъ видѣ былъ втащенъ къ вамъ во дворъ?

— Нѣтъ, дѣва, не замѣтила... Можетъ, и пропустилъ рюмочки двѣ, а я не замѣтила.

За допросомъ Фатѣвны послѣдовалъ допросъ Глафиры, причемъ прочитаны были даже ея стихи, обязательно доставленные слѣдователю о. Георгіемъ. Это была настоящая былина, начинавшаяся строфой:

Днесъ Мугайская страна прославляется—

О. Андроникъ въ сметанѣ валяется...

Бойкая у себя дома на словахъ, особенно у себя во дворѣ, Глафира теперь сильно смутилась духомъ и понесла какую-то околесную.

— Это ваши стихи? допрашивалъ старичекъ слѣдователь.

— Ужь оставьте вы меня, ваше высокоблагословеніе, съ этими стихами, ради истиннаго Христа... Сироту долго-ли обидѣть. Еслибы покойничекъ тятенька былъ живъ, да разѣ-бы я жила у Фатѣвны...

— Васъ не объ этомъ спрашиваютъ, свидѣтельница... Если эти стихи ваши, значить, вы хорошо знали описанныя въ нихъ событія?

— Охъ, сирота я горемычная...

Дѣло кончилось тѣмъ, что Глафира расплакалась и даже запричитала, такъ что ее попросили удалиться. Теперь оставался одинъ Памфілій Лихошерстовъ, котораго и вызвали. Онъ подошелъ къ столу самымъ униженнымъ шагомъ, придерживая лѣвой рукой полы расходившагося подрясника; но лицо Паньши было спокойно, и только маленькіе глазки смотрѣли съ вызывающей дерзостью, какъ у человѣка, отлично знающаго свое дѣло. Это былъ опытный клеветникъ, искусенный въ непрерывавшейся розни мугайскихъ поповъ. Отецъ Андроникъ, сидѣвшій до сихъ поръ спокойно, сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой и глубоко вздохнулъ, точно ему мало было воздуха

— Что вы имѣете сказать по этому дѣлу? предложилъ председатель свой стереотипный вопросъ, склоняя голову набокъ.

— Я-съ... О чемъ собственно рассказывать?

— Рассказывайте все, что вы знаете...

Паньша окончательно воодушевился и всё свои вины сваливалъ на голову о. Андроника. Происходила очень типичная сцена, точно цѣликомъ выхваченная изъ какой-то глупѣйшей сказки. Внутренность церкви была ярко освѣщена пыльными широкими полосами солнечнаго свѣта, падавшего подь угломъ сверху; въ глубинѣ высился сплошной золотой стѣнной богатый иконостасъ; ближе со стѣнъ глядѣли образа всевозможной формы, пахло ладономъ, восковыми свѣчами. Столъ съ батюшками служилъ дополненіемъ этой картины. Старичекъ слѣдователь, съ выхоленной благобразной сѣдиной, принадлежалъ къ типу заводскихъ священниковъ, какіе встрѣчаются только на Уралѣ; онъ держалъ себя съ тѣмъ приличнымъ достоинствомъ, какое приобрѣтается долгой жизнью въ образованномъ, приличномъ кругу. Такіе заводскіе батюшки не принадлежатъ ни къ старымъ, ни къ новымъ попамъ, а живутъ сами по себѣ. Своими слѣдовательскими обязанностями слѣдователь видимо тяготился и все поглядывалъ на золотые часы съ брелоками. Двое депутатовъ отличались только по цвѣту волосъ: одинъ молодой, бѣлокурый, съ веселой беззаботной физиономіей; другой по-старше, съ начинавшеюся лысинкой въ темныхъ волнистыхъ волосахъ, замѣтно дремалъ и, чтобы разогнать наватывавшійся сонъ, нѣсколько разъ принимался что-то писать на листѣ бумаги. Отецъ Георгій составлялъ душу этого слѣдовательскаго персонала и постоянно юлилъ около старичка слѣдователя, нашептывая ему на ухо. Спрошенные свидѣтели чинно сидѣли въ уголкѣ, на двухъ скамьяхъ; съ этихъ скамей доносился сдержанный шепотъ, тяжелые вздохи и подавленная зѣвота. Вообще, получалась довольно однообразная и скучная картина, такъ что я хотѣлъ уже идти домой.

— Погодите, сейчасъ Паньша будетъ про Васишку рассказывать, шепнулъ мнѣ Паганини, уже освободившійся отъ своихъ свидѣтельскихъ показаній. — Посмотрите, какъ онъ вретъ, — глазомъ не моргнетъ...

Началась самая тяжелая сцена. Желавшій непременно выслужиться, Паньша выворачивалъ всю подноготную изъ интимной жизни о. Андроника, при чемъ невозможно было отличить, гдѣ кончалась ложь и начиналась правда. Отецъ Георгій сдѣлалъ печальное лицо и нервно потиралъ свои длинные

бѣлыя руки, изрѣдка взглядывая на свою жертву пристальнымъ торжествующимъ взглядомъ. Лицо о. Андроника было красно, на лбу выступилъ крупный потъ. Собственно прямыхъ уликъ, въ юридическомъ смыслѣ, Паныша не могъ представить, но косвенныхъ доказательствъ нагромождать массу.

— Теперь намъ остается только произвести очную ставку между нѣкоторыми свидѣтелями, которыхъ показанія не сходятся, проговорилъ слѣдователь, откидываясь на спинку стула.

Выслушивать еще разъ повторенія прежнихъ дразгъ и пустяковъ я совсѣмъ не желалъ и, вмѣстѣ съ Паганини, отправился домой. При выходѣ изъ церкви, мы столкнулись съ Панышей, который съ другими свидѣтелями, подъ конвоемъ трапезника опять препровождался въ сторожку.

— Ужь и подлець-же ты, Паныша! ругался Паганини, оставливаясь.—Зачѣмъ враль-то цѣлый часъ?..

— Я?.. удивился Паныша совершенно естественно.— Совсѣмъ напрасно, Помпей Агафонычъ, вы меня подлецомъ крестите...

— Какъ напрасно? Вѣдь я-то ужъ знаю все, что ты говорилъ...

— Хорошо вамъ такъ разговаривать, а вотъ ежели-бы...

— Что ежели-бы?

— Да вотъ такъ-же, какъ меня, положить-бы между двумя жерновами да и молотъ,—тогда не то заговорили-бы...

Паныша скрылся въ сторожкѣ, а мы вышли на паперть. День былъ солнечный, снѣгъ слѣпилъ глаза; въ воздухѣ чувствовалась приближавшаяся весна. Гдѣ-то съ крыши звонко падали крупные капли таявшаго снѣга.

— Самое дрянное дѣло, замѣтилъ Паганини, нахлобучивая шапку на глаза.—Собственно говоря, этой исторіи съ Васинькой даже и я не знаю, хотя бывалъ у о. Андроника каждый день. И Паныша тоже ничего не знаетъ, а вретъ потому, чтобы себя выправить... Этакое свинство!.. Только все это одна комедія. Вѣдь такія слѣдствія рѣшительно ничего не значатъ; все зависитъ отъ консисторіи. Не такія дѣла тонули въ рѣкѣ забвенія, только Андроникъ держитъ себя какъ-то совсѣмъ странно...

Слѣдствіе продолжалось дня четыре, причѣмъ свидѣтелей вызывали нѣсколько разъ для передопросовъ и очныхъ ставокъ. Затѣмъ слѣдователь и депутаты уѣхали, и потревоженная му-

гайская жизнь вошла въ свою колею. Въ виду близкой свадьбы Паганини, въ домѣ Фатѣвны все было перевернуто вверхъ дномъ: было два дѣвичника, потомъ явились подруги Оеклисты, въ качествѣ официальныхъ свадебныхъ «дѣвись» и т. д. Чтобы избавиться отъ свадебной суеты, я часто уходилъ къ о. Андронику, особенно по вечерамъ. Старикъ скучалъ и радъ былъ побесѣдовать.

— Что-же вы въ консисторію-то не ѣдете? нѣсколько разъ спрашивалъ я о. Андроника.—Вѣдь дѣло, пожалуй, дрянъ будетъ...

— А не поѣду—и вся тутъ... Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, братчикъ. Съѣздили два раза, побаловалъ, а въ третій-то жирно будетъ, пожалуй подавятся. Все равно, ежели-бы я и выжилъ Егорку, другого на его мѣсто такого-же пошлютъ. Ну, теперь ежели разобрать, зачѣмъ эти слѣдователи приѣзжали? Осрамить меня осрамили, а узнать ничего не узнали...

Бывая у о. Андроника, я замѣтилъ по нѣкоторымъ признакамъ, что старикъ запилъ самымъ опаснымъ запоемъ. Раньше онъ всегда пилъ въ компаніи, а теперь нарѣзывался одинъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать. Въ теченіи нѣсколькихъ дней лицо у него опухло, голосъ охрипъ и глаза помутились.

— Вы нездоровы, о. Андроникъ? нѣсколько разъ спрашивалъ я его.—Не мѣшало-бы съ фельдшеромъ посовѣтоваться, а то и къ доктору съѣздить.

— Нѣтъ, братчикъ, это такъ... пройдетъ, отговаривался, старикъ.

Мы сидѣли одни. На столѣ стоялъ потухшій самоваръ, стеариновая свѣча слабо освѣщала комнату, въ которой теперь водворилась какая-то жуткая тишина. Разговоръ не вязался, читать не хотѣлось, а спать было совѣстно,—всего семь часовъ на дворѣ. Мы долго молчали, и когда я взглянулъ на о. Андроника—онъ сидѣлъ на диванѣ и плакалъ... Крупныя слезы такъ и лились по лицу, блестѣли на бородѣ и скатывались на подрабникъ.

— Охъ, скучно мнѣ, братчикъ, тихо заговорилъ о. Андроникъ, вытирая глаза кулакомъ.—Тошно!. Судомъ меня хотѣли застращать, а не знаютъ того, какой у меня судъ бываетъ по вечерамъ вотъ здѣсь, въ своемъ дому... Какъ стемнѣетъ, ставни запрутъ, тихо сдѣлается вездѣ,—меня и засосетъ: тошнехонько. Страхъ какой-то нападаетъ... Самъ не знаю, чего

боюсь. А такъ, хоть сейчасъ петлю на шею... Лягу пораньше спать, закрою глаза, а тутъ и пойдеть, и пойдеть въ башкѣ-то представленіе... Богу молиться начну, такъ опять молитвы во мнѣ нѣтъ настоящей, а—такъ, въ головѣ слова-то переливаются какъ вода и—только. И все мнѣ тяжелѣе, точно я даже жизни своей не радъ. Вѣдь грѣшно это, а ничего не подѣлаешь. И мысли какія въ башку лѣзутъ: зачѣмъ жилъ, да зачѣмъ еще жить?.. Ей-Богу!.. Въ монахи даже нѣсколько разъ собирался,—все же оно на людяхъ... Развѣ Егорка это можетъ понять? Поглядѣть на него, такъ онъ весь тутъ, хоть выжми. Даже иногда, какъ раздумаюсь, мнѣ жаль сдѣлается этого Егорки: больно ужъ въ немъ этого ехидства много, а самъ пусть...

— Надо лечиться, о. Андроникъ: у васъ просто нервы разстроены...

— Нервы... Эхъ, братчикъ, никакихъ во мнѣ нервовъ нѣтъ, а просто душа болитъ отъ этого постылаго житья. Я тогда на судѣ долго смотрѣлъ на этихъ свидѣтелей: рады радехоньки про попа всякія глупости говорить, а сами развѣ лучше меня?... Развѣ они были у меня на душѣ? Нашли въ чемъ обвинять!

Черезъ недѣлю былъ полученъ указъ преосвященнаго о запрещеніи о. Андроника. Вѣсть объ этомъ принесла Глафира. Мы съ Паганини сейчасъ-же отправились навѣстить старика. Ворота дома о. Андроника, противъ обыкновенія, не были заперты, и мы безпрепятственно вошли на дворъ.

Меня еще издали поразилъ какой-то говоръ и глухое вскрикиванье, которое доносилось изъ горницы. На порогѣ гостиной дѣло разъяснилось: на диванѣ, вытянувшись, лежалъ о. Андроникъ съ бѣлымъ застывшимъ лицомъ, а около него на колѣняхъ ползалъ Паныша.

— Авва... авва... авва!.. кричалъ онъ, схватывая себя за жиденькія косицы.

— Что такое, Паныша... о. Андроникъ?

Паныша обернулся, посмотрѣлъ на насъ какимъ-то изступленнымъ взглядомъ и опять затанулъ свое: «Авва... авва... авва»!.. Отецъ Андроникъ лежалъ мертвый. Параличъ избавилъ его отъ всѣхъ жигейскихъ дразгъ...

Д. Сибирякъ.

ШКОЛА БОРЬБЫ ВЪ СОЦІОЛОГІИ.

«Пусть хищные звѣри и птицы грызутся
между собою, но мы—у насъ есть справедлив-
ность».
Гезіодъ.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ люди существуютъ на свѣтѣ, имъ, безъ сомнѣнія, приходилось замѣчать каждый день, что всѣ тяжелые предметы, будучи лишены опоры, падаютъ неизмѣнно внизъ, по направленію къ центру земного шара. Тѣмъ не менѣе, понадобились долгіе вѣка очень высокаго культурнаго развитія на то, чтобы проницательнѣйшіе умы успѣли, наконецъ, усмотрѣть въ этомъ всемѣстномъ и вседневномъ явленіи дѣйствіе закона всемірнаго тяготѣнія, къ которому одному, съ каждымъ новымъ успѣхомъ наблюденія и мышленія, сводятся все болѣе и болѣе всѣ многообразнѣйшія измѣненія, замѣчаемыя нами въ неорганической природѣ. Окрыленный этою первою рѣшительною своею побѣдою, умъ человѣческій управляется уже, сравнительно говоря, очень быстро со всякими метафизическими призраками (теплорода, свѣторода и пр.), населявшими учебники физики недалеже какъ «въ дни нашей юности, въ дни безвозвратно минувшаго дѣтства».

Міръ органической отличается отъ такъ-называемой бездушнн природы очень многимъ, но прежде всего—такою чрезвычайною сложностью и такимъ разнообразіемъ своихъ явленій, что всякая попытка подчинить, въ свою очередь, и его дѣйствію какого-нибудь одного, естественнаго и удобопонятнаго закона долго должна была казаться самымъ смѣлымъ мыслителямъ непростительною дерзостью или, по крайней мѣрѣ, несбыточною мечтою. Матерьялистическая метафизика пыталась, правда, въ разныя времена перекинуть мостъ черезъ пропасти, отдѣлившія живую жизнь отъ бездушнаго бытія камней и минераловъ, но мосты эти, должно признаться, оказывались такъ-же непроходимыми для реалистическаго пониманія, какъ и самыя дремучія дебри крайняго спиритуализма. Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, нѣкото-

рые поэтическіе умы—Ламаркъ, Жоффрау Сентъ-Илеръ, Гете—осмѣлились было, въ скромной, гипотетической формѣ изложить мысль, что все изумительное разнообразіе органическихъ формъ можетъ быть вполнѣ научно объяснено дѣйствіемъ *эволюціи*, т. е. ряда послѣдовательныхъ и преемственныхъ перемѣнъ, вызываемыхъ въ организмахъ совершенно естественнымъ путемъ различныхъ его соотношеній съ тою внѣшнею средою, въ которой ему приходится зарождаться, развиваться и проходить свое житейское поприще. Но тогдашній запасъ точныхъ біологическихъ знаній рѣшительно не позволялъ имъ изложить свое ученіе съ тою-же научною доказательностью, передъ которою одною здоровый скептизмъ неподкупленныхъ предвзятою мыслью умовъ только и можетъ сложить свое оружіе. А потому солидная наука того времени, въ лицѣ знаменитаго Кювье, строго осудила эти поэтическія стремленія. Не болѣе благосклонно отнесся къ нимъ и основатель французской «положительной» философіи, Огюстъ Контъ, котораго нельзя, однакоже, обвинить въ робости мысли. Онъ безъ обиняковъ объявилъ, что вопросъ о происхожденіи видовъ (т. е. о возникновеніи органическихъ формъ) долженъ быть исключенъ навсегда изъ области познаваемого.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, съ выходомъ въ свѣтъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ трудовъ Дарвина, А. Росселя, Уоллеса, а затѣмъ Э. Геккеля (главнѣйшимъ образомъ его «Общей морфологіи» и «Исторіи міросозданія»), представленія эти облеклись, наконецъ, въ ту научную форму, которая одна способна придать всякому философскому воззрѣнію неоспоримыя права гражданственности въ мірѣ реалистическаго мышленія. Можно безъ малѣйшаго преувеличенія утверждать, что «Происхожденіе видовъ» Ч. Дарвина было знаменательнѣйшимъ философскимъ событіемъ нашего времени. О громадномъ значеніи дарвинизма, съ точки зрѣнія специальныхъ успѣховъ естествознанія, а также съ болѣе общей точки зрѣнія развитія философскаго реализма по всѣмъ направленіямъ, было говорено уже очень много, и мы не чувствуемъ ни малѣйшаго желанія распространяться объ этомъ предметѣ, т. е. повторять по этому поводу хорошо всѣмъ извѣстныя общія мѣста. Замѣтимъ вѣрнѣе, что съ Дарвиномъ наше знаніе органической природы дѣлаетъ гигантскій шагъ впередъ, совершенно соответственный тому, который былъ сдѣланъ въ области неорганическихъ наукъ съ открытіемъ закона всемірнаго тяготѣнія. Вмѣсто пестрящаго въ глазахъ, неувидимаго даже и для самаго пылкаго воображенія, многообразія природныхъ явленій, неимѣющихъ никакой, доступной нашему пониманію объединяющей связи между собою,—мы видимъ одинъ всеобъемлющій процессъ мировой жиз-

ни, составляющій какъ-бы одну непрерывную гигантскую цѣпь, которой всѣ звенья тѣсно и неразрывно связаны между собою. Для удобства наблюденія и пониманія мы дѣлимъ эту цѣпь на двѣ обширныя части:—область неорганическую, которой всѣ отдѣльныя звенья представляются намъ какъ-бы спаянными однимъ общимъ началомъ всемірнаго тяготѣнія, и область біологическую, явленія которой, вслѣдствіе своей значительно большей сложности и измѣняемости, не могутъ уже быть объясняемы однимъ только этимъ руководящимъ началомъ, а требуютъ чего то дополняющаго, новаго. Благодаря Дарвину, мы уже знаемъ, что этимъ необходимымъ дополняющимъ началомъ является *законъ борьбы*.

Вліяніе дарвинизма на научное и на философское развитіе новѣйшаго времени очень обширно и разносторонне. Признаніе основной мысли его ученія заставило насъ одновременно измѣнить болѣе или менѣе существенно, очень многія изъ представлений и воззрѣній, обращававшихся во всеобщемъ умственномъ обиходѣ съ очень давнихъ поръ, а также пустило въ нашъ умственный обиходъ немало и совершенно новыхъ понятій, соотвѣтственно которымъ нашъ научный, или даже и публицистическій, языкъ обогатился нѣкоторыми новыми словами и выраженіями. Въ употребленіи этихъ новыхъ выраженій и словъ мы не всегда даемъ себѣ трудъ тщательно уяснить себѣ самимъ ихъ точный смыслъ и значеніе. А это неизбѣжно ведетъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ и неясностямъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду подвести, по мѣрѣ силъ, итоги тому, что даетъ намъ дарвинизмъ въ дѣлѣ изученія и пониманія явленій общественности. Задача эта, обширная и очень не легкая сама по себѣ, должна неизбѣжно затрудниться очень существенно,—пожалуй даже стать и вовсе неразрѣшимой,—вслѣдствіе такихъ, хотя-бы только и чисто діалектическихъ недоразумѣній. Не слѣдуетъ забывать, что самъ Дарвинъ, точно также какъ и всѣ солиднѣйшіе его дополнители, пояснители и сотрудники, развивали главнѣйшимъ образомъ свое ученіе въ его примѣненіяхъ къ области исключительно біологической, обращаясь къ явленіямъ соціологическимъ только вскользь и по пути, останавливаясь на этихъ соціологическихъ явленіяхъ со всею обстоятельностью только тамъ, гдѣ тѣ или другія изъ условій соціологическаго порядка выступали въ роли чисто біологическихъ факторовъ, или же гдѣ, наоборотъ, условія чисто біологическія оказывали очень характерныя вліянія на формы и отправленія жизни общественной. Съ другой стороны, не должно также упускать изъ вида, что, въ области чисто біологической, дарвинизму приходилось занимать слѣдующую ему по праву позицію, такъ-сказать, съ бою, путемъ устраненія такихъ

предвзятыхъ мыслей и предразсудковъ, какъ напримѣръ неизмѣняемость органическихъ формъ или неподвѣдомственность антропологической области вообще, а еще болѣе психической дѣятельности людей, общимъ законамъ природы. Такимъ образомъ создавалась можетъ быть и искусственная, но легко понятная необходимость сосредоточивать главнѣйшимъ образомъ свое вниманіе на ближайшей сторонѣ дѣла, упуская хотя-бы и вове изъ вида все то, что не имѣло непосредственнаго біологическаго значенія. Въ результатѣ получилось, что далеко не всѣ послѣдователи дарвинизма, задумавшіе примѣнять и къ соціологическому поприщу установленныя имъ начала, придаютъ дарвинистскимъ формуламъ вездѣ и всегда тождественное значеніе.

Ограничимся очень немногими примѣрами. Въ Германіи, лѣтъ восемь уже существуетъ очень почтенный и довольно популярный журналъ «*Kosmos*», имѣющій свою программу пропаганды и дальнѣйшее развитіе дарвинизма на всевозможныхъ поприщахъ, въ томъ числѣ, конечно, и на поприщахъ психологическомъ и соціологическомъ. По мнѣнію редакціи этого журнала, «дарвинистскимъ» слѣдуетъ считать всякое изслѣдованіе, освѣщенное тѣмъ, что нѣмцы называютъ «*monistische Weltanschauung*» (монистическое или объединительное міросозерцаніе). Воззрѣніе это характеризуется исключительно тѣмъ, что оно разсматриваетъ всѣ явленія природы какъ различныя ступени развитія одного всеобъемлющаго мірового процесса, допускающаго неисчислимыя градаціи и степени осложненія, но существенно тождественнаго на всѣхъ своихъ ступеняхъ. Въ простѣйшихъ и неизмѣннѣйшихъ своихъ проявленіяхъ, процессъ этотъ исчерпывается сполна для наблюдателя тѣми физическими и химическими измѣненіями, которыя онъ вызываетъ въ подлежащихъ нашему изученію предметахъ или тѣлахъ. Но очень скоро онъ начинаетъ осложняться новымъ элементомъ—*формой*, сперва прямолинейною и необнаруживающею способности къ послѣдовательнымъ видоизмѣненіямъ, т. е. къ развитію: таковы кристаллы, въ которыхъ при извѣстныхъ условіяхъ отливаются неорганическія соединенія и простыя тѣла. Э. Іеккель (въ «*Общей морфологии*») обращаетъ вниманіе на то, что чистый углеродъ отличается уже очень существенно отъ другихъ неорганическихъ тѣлъ тѣмъ, что его кристаллы, т. е. алмазы, ограничиваются не прямолинейными поверхностями, составляющими общее правило въ неорганической морфологіи, а поверхностями сферическими. Въ связи съ этою особенностью углерода находится, конечно, и его способность образовывать тѣ сложныя (трехъ и четырехъ членныя) соединенія, которыя характеризуются не столько своею неустойчивостью, сколько своею невиданною въ неорганическомъ мірѣ способностью принимать.

своеобразное, твердо-жидкое, клейкое или студенистое агрегатное состояніе, играющее столь важную роль во всѣхъ органическихъ процессахъ. Индивидуализируясь въ этомъ своеобразномъ агрегатномъ состояніи, углеродистыя соединенія принимаютъ уже не геометрическія, прямолинейныя формѣ кристалла, а порождаютъ клѣточки, способныя входить съ окружающею средою въ такія разностороннія и многосложныя отношенія, которыхъ и слабого подобія мы не встрѣчаемъ на предшествующихъ ступеняхъ.

Уже на ступени клѣточки, органическая матерія обнаруживаетъ способность питаться, всасывая въ себя подходящіе ей элементы изъ внѣшней среды, увеличиваться въ объемѣ черезъ это питаніе и, наконецъ, распадаться на части, совершенно подобныя первоначальному, порождающему ихъ организму. Каждая изъ порожденныхъ такимъ образомъ новыхъ клѣточекъ можетъ продолжать на свой собственный страхъ свое одиночное существованіе, достигая при этомъ такихъ анатомическихъ и фізіологическихъ усложненій, которыя (въ инфузоріяхъ) приводили въ изумленіе Клапареда и Лахмана. Но клѣточки эти могутъ также и оставаться приросшими къ клѣточкѣ-матери, образуя такимъ образомъ собирательные организмы, съ появленіемъ которыхъ, собственно говоря, и начинается изумительная въ своемъ разнообразіи *эволюція* органическихъ формъ. Необходимость питанія, царствующая деспотически во всемъ органическомъ мірѣ, обуславливаетъ *борьбу за существованіе*, въ свою очередь обуславливающую измѣненія организма. соотвѣтствующія разнообразнымъ условіямъ среды, при чемъ организмы наилучше приспособляющіеся естественно процвѣтаютъ и распространяются въ ущербъ организмамъ менѣе гибкимъ и менѣе стойкимъ въ жизненной борьбѣ. Необходимость размноженія, съ исчезновеніемъ гермафродитизма и съ появленіемъ полового совокупленія, вызываетъ борьбу за обладаніе самкою, ведущую къ *естественному подбору родичей*. Пользуясь этимъ факторомъ, мы можемъ очень существенно вліять на эволюцію растительныхъ и животныхъ организмовъ, создавая и размножая такія формы, которыя не могли-бы возникнуть при нормальныхъ условіяхъ борьбы и при естественномъ подборѣ родичей.

При такомъ возрѣвніи на дарвинизмъ, очевидно, содержаніе его не исчерпывается словами: *эволюція, борьба за существованіе и естественный подборъ*, — хотя и естественный подборъ, и борьба, и эволюція являются очень важными факторами этого ученія. Возможны изслѣдованія въ духѣ самаго строгаго и плодотворнаго дарвинизма, въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, не будетъ и рѣчи объ эволюціи, потому что въ природѣ существуютъ обширѣйшіе разряды явленій, вовсе не представляющіе той преемственной измѣ-

няемости формъ, которую, ради краткости, мы называемъ эволюціею. Минералы вступаютъ въ химическія соединенія, которыя разлагаются и могутъ смѣняться новыми сочетаніями тѣхъ-же элементовъ; но эти измѣненія не могутъ составлять эволюцію, такъ какъ онѣ наступаютъ не въ опредѣленной послѣдовательности, не смѣняютъ одно другое тою роковою и вмѣстѣ съ тѣмъ логическою, такъ сказать, чередою, которая характеризуетъ, напримѣръ, нормальный ростъ высшей животной особи, переходящей отъ зародышняго состоянія къ дѣтству, отрочеству, возмужанію, старости и смерти всегда въ одномъ, неизмѣнномъ порядкѣ. Можно-бы было утверждать, что для эволюціи нѣтъ мѣста въ неорганической природѣ вообще, еслибы только не то, что міровныя тѣла—солнце, земля, луна, планеты—имѣютъ въ дѣйствительности свою исторію развитія, къ сожалѣнію разработанную еще только очень гипотетически до сихъ поръ трудами Канта, Лапласа, Герберта Спенсера и нѣкоторыхъ новѣйшихъ космологовъ. Мы не видимъ никакого препятствія къ тому, чтобы слово эволюція примѣнялось и къ только-что помянутымъ здѣсь рядамъ космологическихъ и геологическихъ явленій; при этомъ даже нѣтъ надобности утверждать (какъ это дѣлаютъ нѣкоторые новѣйшіе французскіе популяризаторы и ученые), будто небесныя тѣла, въ особенности-же земля, должны считаться за живые организмы, за особи, въ самомъ прямомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть новый наглядный примѣръ эволюціи, управляемой однимъ только закономъ всемірнаго тяготѣнія и въ которой нѣтъ помина о какой-бы-то ни было борьбѣ.

Ни самъ Дарвинъ, ни одинъ изъ его послѣдователей не показали намъ до сихъ поръ, какую роль играетъ борьба за существованіе въ явленіи, которое слѣдуетъ считать за точку отпавленія эволюціи органическихъ формъ, т. е. въ томъ органическомъ сростаніи кѣлочекъ, безъ котораго каждая изъ новорожденныхъ кѣлочекъ очень удобно могла-бы и обойтись въ видахъ своего эгоистическаго благополучія,—безъ котораго мириады ихъ и дѣйствительно обходятся каждый день, по примѣру матери продолжая свою жизнь въ однокѣлочномъ состояніи. Должно полагать, что самъ Дарвинъ обошелъ молчаніемъ этотъ интересный вопросъ именно потому, что самъ онъ считалъ свой законъ борьбы за законъ чисто біологическій, т. е. примѣнимый только къ очень опредѣленному разряду явленій и столь-же недѣйствительный у низшихъ предѣловъ оформленнаго органическаго бытія, какъ недѣйствителенъ законъ всемірнаго тяготѣнія въ первобытномъ хаосѣ.—Точно также онъ не говоритъ и о половомъ подборѣ тамъ, гдѣ родичей нѣтъ возможности подбирать, потому-что помы еще не обозначи-

лись и размноженіе производится черезъ самораздѣленіе (сегментацию), почкованіе и пр.

II.

Въ той-же самой ученой Германіи, гдѣ редакція «Космоса» отождествляетъ,—вполнѣ основательно на нашъ взглядъ,—дарвинизмъ съ «монистическимъ» или объединительнымъ міросозерцаніемъ вообще, мы находимъ многочисленные примѣры и совершенно иного пониманія этого плодотворнаго ученія. Назовемъ хоть-бы талантливаго фельетониста Гелльвальда, который, затѣявъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ написать общую исторію цивилизаціи въ духѣ дарвинизма, счелъ себя тѣмъ самымъ обязаннымъ объяснять всѣ культурныя явленія съ исключительной точки зрѣнія борьбы за существованіе, предполагая, очевидно, будто этотъ «духъ дарвинизма» всецѣло исчерпывается закономъ борьбы, а слѣдовательно—будто допустить въ области культурной исторіи и соціологіи участіе какихъ нибудь другихъ, постороннихъ факторовъ—значило-бы отрицать эволюцiонное или, пожалуй, даже монистическое міросозерцаніе огуломъ. Въ результатѣ получилась книга, написанная далеко не безъ привлекательности и даже представляющая немалый интересъ, благодаря большому запасу накопленнаго въ ней свѣжаго этнографическаго матерьяла, но тѣмъ не менѣе возмущающая на каждомъ шагу безпристрастнаго читателя голословностью своихъ выводовъ, совершенно произвольно, крайне ненаучною группировкою терпѣливо набранныхъ фактовъ, а главное-же, проникнутая такимъ безотраднымъ общимъ направленіемъ, отъ котораго самъ авторъ впадаетъ въ безысходную тоску. Мы понимаемъ очень хорошо, что добросовѣстный изслѣдователь не можетъ отказаться и отъ крайне безотрадныхъ выводовъ, хотя-бы отъ нихъ у него кровью обливалось сердце, если только онъ убѣжденъ въ безупречной научности путей и методовъ, которыми онъ дошелъ до нихъ. Но мы рѣшительно неспособны усмотрѣть, въ чемъ заключается гарантія за научную доброкачественность пріемовъ, основанныхъ на несомнѣнномъ недоразумѣніи: «Дарвинъ показалъ, что борьба за существованіе и половой подборъ управляютъ біологическою эволюціею; люди, живущіе обществами и создающіе культуру, суть прежде всего біологическія существа; а слѣдовательно, общественная жизнь и культура должны быть продуктами одной только борьбы, споспѣшествуемой подборомъ родителей». Теоретическая несостоятельность подобнаго разсужденія, казалось-бы, должна сама собою бросаться въ глаза. На такомъ-же точно основаніи можно, вѣдь, построить и нижеслѣдующій силло-

гизмъ: «Ньютономъ показанъ, что весь солнечный міръ управляется закономъ всемірнаго тяготѣнія; растительные, животные организмы живутъ въ солнечномъ мірѣ; а слѣдовательно, и биологическая эволюція не можетъ быть продуктомъ ничего, кромѣ закона всемірнаго тяготѣнія».—Такимъ разсужденіемъ сразу упразднились-бы и дарвинизмъ, и эволюція, и всякая научная биологія. Само собою разумѣется, что искать въ девятнадцатомъ столѣтіи спеціальныхъ биологическихъ законовъ, непринимая въ расчетъ ньютоновскаго, болѣе общаго, закона, могъ-бы только тотъ, чей умъ окаменѣлъ или застылъ на уровнѣ философскаго горизонта XVII-го столѣтія. Но Дарвинъ своимъ закономъ борьбы, вѣдь, и не думалъ освобождать или изымать биологическій міръ изъ подъ власти всемірнаго тяготѣнія. Во всемъ дарвинистскомъ ученіи нѣтъ рѣшительно ничего, позволяющаго намъ *à priori* утверждать, будто въ мірѣ культурномъ и соціологическомъ не существуетъ точно также свой особый законъ, неупраздняющій животной борьбы за существованіе, но и неотожествляющійся съ нею, точно также, какъ самый этотъ законъ борьбы, не упраздняя закона всемірнаго тяготѣнія, не отождествляется тѣмъ же менѣе съ нимъ.

Во всѣхъ европейскихъ литературахъ уже десятками насчитываются соціологическіе опыты и трактаты съ болѣе или менѣе громкими заглавіями, порожденные только-что указаннымъ недоразумѣніемъ и совершенно неосновательнымъ отождествленіемъ дарвинизма или эволюціонной теоріи съ исключительнымъ закономъ борьбы.

Охотно проходимъ молчаніемъ этихъ многочисленныхъ «соціологовъ борьбы», преподносящихъ намъ на всѣхъ языкахъ клочки, понадерганые изъ болѣе системныхъ трудовъ, биологическихъ и соціологическихъ, изъ Дарвина, Геккеля и Герберта Спенсера, или же пытающихся разрѣшить тотъ или другой практическій вопросъ изъ области новѣйшей исторіи при помощи такихъ теоретическихъ основъ, соціологическая пригодность которыхъ всего прежде должна-бы была подлежать тщательной критической провѣркѣ. Въ нѣмецкихъ произведеніяхъ этого разряда ссылаются всего охотнѣе на примѣръ Россіи, будто-бы легкомысленно повергшей себя въ бездну всякихъ золь черезъ освобожденіе крестьянъ, совершенное наперекоръ эволюціонной соціологии, требующей будто-бы, чтобы реформы выросли естественнымъ путемъ борьбы, а не совершалось въ искусственномъ законодательномъ порядкѣ. Французскіе-же авторы (въ ихъ числѣ, наприм., д-ръ Г. Ле-Бонъ, авторъ увѣсистаго трактата о «Человѣкъ и Общество») являютъ почему-то болѣе склонными сокрушаться о тѣхъ мрачныхъ судьбахъ, которыя приготовляетъ себѣ современная Японія сво-

имъ неожиданнымъ обращеніемъ на гибельный путь общечеловѣческой цивилизаціи. Несчастные очевидно не слышали, что «неумолимый законъ борьбы» беспощадно осуждаетъ на истребленіе всѣ низшія племена, коль-скоро онѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ высшими культурными расами!

Этотъ пресловутый законъ, въ силу котораго низшія расы неизбежно должны вымирать при каждомъ соприкосновеніи своемъ съ болѣе цивилизованными народами, составляетъ что-называется «конекъ» мнимо дарвинистской соціологіи реакціоннаго или консервативнаго пошиба. А потому предположимъ на минуту существованіе такого закона научно доказаннымъ и посмотримъ—что-же окажется тогда? Окажется прежде всего, что законъ этотъ дѣйствительно приводится въ исполненіе тамъ, гдѣ находятся добротные палачи, въ родѣ англійскихъ цивилизаторовъ Тасманіи, травившихъ беззащитныхъ туземцевъ собаками и убивавшихъ ихъ изъ нарѣзныхъ штуцеровъ, единственно ради «спорта», т. е. изъ за удовольствія убивать человѣка, не рискуя своею шею. Тамъ же, гдѣ цивилизаторы-ли являются менѣе кровожадными, или по другимъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ, между низшею и вышею расами установились не охотничьи и не прямо воинственныя отношенія, туземцы будутъ себѣ болѣе или менѣе благоденствовать не только въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ высшими культурными расами, но даже подъ игомъ этихъ расъ. Такъ, напримѣръ, якуты и буряты Восточной Сибири не только не обнаруживаютъ никакой склонности къ поголовному вымиранію, но даже довольно значительно увеличиваются въ числѣ. Краснокожіе Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки готовы были уже вовсе исчезнуть съ лица земли, какъ исчезли тасманійцы, когда открылась счастливая возможность прежнія ихъ военныя отношенія къ англо-американцамъ замѣнить отношеніями болѣе общественнаго, т. е. болѣе соціологическаго характера, и послѣдняя поголовная перепись 1880 г. показала уже довольно замѣтный приростъ краснокожаго населенія въ этой странѣ. Изъ этого уже прямо слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ отношенія между людьми имѣютъ исключительно зоологическій характеръ войны, пожираніе слабѣйшаго сильнѣйшимъ является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. Коль скоро-же отношенія эти становятся соціологическими, т. е. принимаютъ характеръ болѣе или менѣе разносторонней коопераціи, товарищества, — біологическій законъ борьбы не находитъ уже себѣ примѣненія. Дѣйствительность показываетъ, что какъ воинственныя, такъ и товарищескія (т. е. и біологическія и соціологическія отношенія) равно возможны между людьми, стоящими на очень различныхъ ступеняхъ культурнаго и антропологическаго развитія.

Случается и такъ, что между цивилизаторами и туземцами не складываются товарищескія, соціологическія отношенія, но и не завязываются отношенія открытой звѣрской войны. Въ исторіи колонизаціи далекихъ странъ мы видимъ всего чаще, что пришельцы, вооруженные усовершенствованными орудіями производства, вступаютъ въ промышленное соперничество съ туземцами, которыхъ они не думаютъ прямо истреблять. Въ такихъ случаяхъ, дѣйствительно, оказывается очень скоро, что эти слабѣйшіе соперники приходятъ въ крайне бѣдственное состояніе и могутъ, наконецъ, вовсе быть сжитыми со свѣта, безо всякой войны. Такъ исчезли, напримѣръ, съ лица земли цѣлыя десятки охотничьихъ племенъ Сибири, вслѣдствіе того только, что русскіе охотники, гораздо лучше вооруженные, истребляли ихъ дичь и тѣмъ заставляли ихъ углубляться въ такія трупцы, гдѣ существованіе ихъ становилось невозможнымъ по сотнѣ самыхъ разнообразныхъ причинъ. Изъ этого мы вполне въ правѣ заключить, что отношенія экономической конкуренціи тождественны съ тѣми отношеніями, которыя очень часто встрѣчаются въ растительномъ и животномъ царствѣ, гдѣ особи, непожирающія другъ друга, но черпающія свое питаніе изъ одной общей среды, находятся между собою во взаимодѣйствіи, очень удовлетворительно объясняемомъ дарвиновскимъ закономъ борьбы: особи болѣе алчныя такъ основательно высасываютъ изъ среды всѣ пригодные имъ элементы, что для менѣе счастливыхъ соперниковъ уже и не остается ничего. Но въдѣ общественныя отношенія между животными и между людьми далеко не исчерпываются ни отношеніями экономической конкуренціи, ни отношеніями войны. Въ той-же самой исторіи колонизаціи далекихъ странъ мы можемъ найти и такіе примѣры, гдѣ пришельцы высшаго культурнаго и антропологическаго развитія, не вступая съ туземцами въ товарищескую кооперацію, однако же и не соперничаютъ съ ними: они находятъ для себѣ выгоднѣе предоставлять этимъ туземцамъ такія производительныя поприща, которыя для самихъ себя они считаютъ слишкомъ измѣнными. Въ области соціологической такого рода отношенія представляются намъ очень еще несовершенными и очень зачаточными. Тѣмъ не менѣе, на практикѣ, даже и эти зачаточныя соціологическія отношенія доставляютъ обѣимъ сторонамъ довольно уже существенныя выгоды, а въ теоріи онѣ служатъ неопровержимымъ доказательствомъ тому, что явленія соціологическаго порядка не могутъ быть объясняемы біологическимъ закономъ борьбы. Сборища людей, стоящихъ хоть-бы очень близко другъ къ другу или, пожалуй, даже сбѣпившихся за волосы между собою, не составляютъ непрѣмнно общество. А потому, прежде чѣмъ рѣшать

отуломъ, сплеча, сложныя культурно-историческія задачи на основаніи біологическихъ законовъ борьбы и подбора родичей, приходится еще рѣшить съ возможною научною обстоятельностью цѣлый рядъ докучныхъ вопросовъ: что же такое общество? Чѣмъ характеризуется сущность социологическихъ явленій? Въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находятся между собою біологическій и социологическій міры?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что истинный дарвинизмъ въ значительной степени облегчаетъ намъ рѣшеніе этой задачи. Давая намъ очень основательное представленіе о біологической эволюціи и объ управляющемъ ею законѣ борьбы, онъ позволяетъ намъ ориентироваться въ сложной области культурно-историческихъ явленій, не ограниченной такими заборами, которае-бы даже поверхностному или ослѣпленному предвзятыми мыслями наблюдателю неизбѣжно бросались-бы въ глаза. Никто не думаетъ отрицать, что въ совмѣстной жизни людей, даже стоящихъ на вершинахъ новѣйшей цивилизаціи, встрѣчаются въ изобиліи явленія, носящія несомнѣнный характеръ борьбы за существованіе, а слѣдовательно и вполне удовлетворительно объяснимыя тѣми біологическими законами, которые установилъ Ч. Дарвинъ. Но столь-же очевидно съ другой стороны, что и въ жизни животныхъ, даже стоящихъ не особенно высоко на лѣстницѣ зоологическаго совершенствованія, встрѣчаются многочисленные примѣры такихъ взаимныхъ отношеній и такой группировки особей, которыя являются рѣшительно необъяснимыми съ точки зрѣнія желудочной или половой борьбы. Изъ этого слѣдуетъ, что область социологическая не совпадаетъ съ областью антропологическою. Міръ общественности не лежитъ надъ міромъ біологическимъ въ формѣ прямолинейнаго, явственно разграниченнаго пласта: оба эти міра, напротивъ, взаимно входятъ другъ въ друга, сдѣляются одинъ съ другимъ безчисленнымъ множествомъ корней и нитей, доходящихъ порою до микроскопическихъ развѣтвленій но ни въ какомъ случаѣ не сливаются и не отождествляются между собою. Основать социологию на дарвиновскомъ законѣ борьбы за существованіе такъ-же немислимо, какъ разрѣшить вопросъ о солнечныхъ пятнахъ на основаніи пифагоровой теоремы.

Блаженной памяти классицизмъ въ естествознаніи приучилъ насъ дѣлить всю познаваемую природу на три царства: минералогическое, растительное и животное. Ближайшимъ результатомъ переворота, связаннаго въ наукѣ съ именемъ Дарвина, является убѣжденіе въ единствѣ и тожествѣ мірового процесса на всѣхъ его ступеняхъ. При этомъ, само собою разумѣется, уже и рѣчи не можетъ быть о раздѣленіи природы на какія-бы то ни было

царства, рѣзко и конкретно разграниченныя между собою. Младенецъ превращается въ отрока, въ юношу, въ зрѣлаго человѣка и т. д. рядомъ непрерывныхъ и незамѣтныхъ измѣненій. Слѣдя шагъ за шагомъ, по мелочамъ, за этимъ долгимъ и сложнымъ процессомъ, мы необходимо теряемся въ безконечныхъ подробностяхъ и упускаемъ изъ вида самую его суть; изъ этого, однако-же, не слѣдуетъ, будто наше представленіе о возрастахъ—бесодержательная абстракція. Точно также и въ мировомъ процессѣ развитія мы можемъ замѣчать только такіе преемственные отдѣлы, которые очень отличны одинъ отъ другого въ своихъ среднихъ терминахъ, хотя на границахъ и переливаются незамѣтно одинъ въ другій. Старая классификація давно уже не отвѣчаетъ новымъ научнымъ требованіямъ. Недостатокъ ея не въ неопредѣленности границъ между ея «царствами», а въ томъ, что ея отдѣлы не состоятъ въ прямомъ соотношеніи съ живымъ процессомъ развитія, который одинъ составляетъ для насъ интересную и подлежащую реалистическому изученію сущность явленій природы.

Болѣе соотвѣтственнымъ духу новой науки является раздѣленіе подлежащихъ нашему изслѣдованію явленій на три области, слѣдующія одна за другою въ порядкѣ возрастающей сложности и болѣе измѣняемости своихъ процессовъ и формъ:

1) область—*неорганическая*, исчерпываемая физическими и химическими процессами, для объясненія которыхъ достаточно Ньютонова закона *всемирнаго тяготѣнія*; міръ геометрическихъ, неподвижныхъ формъ;

2-е область—*біологическая*, включающая весь міръ желудочныхъ и половыхъ интересовъ; міръ растительныхъ и животныхъ индивидуальностей, состоящихъ и измѣняющихся въ неустанной *борьбѣ за существованіе*; и

3-е область—*соціологическая*—міръ коллективностей, міръ интересовъ, выходящихъ за предѣлы одиночнаго біологическаго существованія; міръ *кооперации*, т. е. сочетанія не противудѣйствующихъ, а содѣйствующихъ достиженію одной общей цѣли, силъ, представляемыхъ отдѣльными біологическими особями, способными подъ вліяніемъ желудочныхъ и половыхъ интересовъ вступать между собою въ состязаніе или въ открытую біологическую борьбу.

Выше уже было замѣчено, что дарвиновскій законъ борьбы имѣетъ очень опредѣленную границу снизу, т. е. что онъ совершенно не нуженъ для объясненія явленій изъ той первой области, которую мы, по старой памяти, назвали областью неорганическою. Утверждать, будто законъ этотъ примѣнимъ къ третьей, т. е. соціологической области, значило-бы добровольно отнимать у словъ всякое опредѣленное значеніе и впадать въ ту безразличность,

при которой содѣйствіе является одною изъ формъ противодѣйствія. кооперация, взаимопомощное товарищество, является синонимомъ борьбы. Съ подобною діалектикою можно, конечно, договориться до всего; но при ней все сказанное становится по необходимости безразличнымъ. Слѣдовательно,—или законъ борьбы есть не всемірный, а чисто специфическій законъ явленій биологической группы, или-же явленія кооперации, сотрудничества, взаимопомощи не существуютъ нигдѣ, кромѣ нашего воображенія, а этимъ признаніемъ упраздняется всякая соціологія: вся экономіка, политика, культурная исторія не только неспособны во всей своей совокупности быть предметомъ особой научной отрасли, но съ трудомъ даже могутъ дать научное содержаніе одной дополнительной зоологической главѣ.—Говоря другими словами, основать соціологію на законѣ борьбы за существованіе можно не иначе, какъ упразднивъ всякую соціологію, признавъ незаслуживающаго вниманія всякую группировку особей, неимѣющую боеваго значенія и объявивъ всякое взаимопомощное содѣйствіе химерою, избыточною мечтою.

Авторы, о которыхъ было говорено выше, не договариваются до такихъ крайностей, благодаря тому, что, при большой начитанности и малой послѣдовательности о соціологическихъ предметахъ можно написать цѣлую библіотеку, не дойдя ни до какого конца. Но послѣдовательный въ своемъ ослѣпленіи нѣмецъ Йегеръ не остановился и передъ этими Геркулесовыми столбами нелѣпости. Въ вышедшемъ лѣтъ шесть тому назадъ своемъ «Учебникѣ Зоологіи», онъ «обрабатываетъ» въ духѣ ученія борьбы за существованіе всю соціологію, семейную и государственную, въ трехъ заключительныхъ параграфахъ своей классификаціи органическихъ формъ. Передать такое бессмертное открытіе своими словами мы, конечно, не рѣшаемся, а потому и приводимъ въ сокращенномъ переводѣ нижеслѣдующія его измышленія:

... § 219.—Биологическую индивидуальность второго порядка * составляетъ *семья*... Мы различаемъ: 1-е, семью *акефалическую* или *безголовую*, обыкновенно называемую *стадомъ*, безъ вождя. Этотъ видъ ассоціаціи встрѣчается очень часто у животныхъ низшихъ, а также и у иныхъ со значительно высшею организаціею (сороки, водяныя птицы); онѣ отличаются чрезвычайною многочисленностью у нѣкоторыхъ морскихъ породъ (крабовъ, моллюсковъ, полицистинъ); .. 2-е «*семью кефалическую* (орда, народъ, стая, товарищество).—Межъ тѣмъ какъ члены семьи безголовой состоятъ всѣ

*) Первичная *биологическая* индивидуальность есть *пара*, т. е. сочетаніе двухъ *морфологическихъ* особей: мужа и жены.

между собою въ отношеніяхъ *координаціи*, семьи этого второго вида имѣють *вожака*, къ которому всѣ они состоятъ въ отношеніяхъ *субординаціи*. Вожакомъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ *самецъ (патріархаты)*; рѣже (наприм., у гусей) самка (*матріархаты*)... У семей *кефалическихъ*, состоящихъ изъ нѣсколькихъ поколѣній (журавли, дикіе гуси, слоны), вожакъ выбирается частью по старшинству, частью-же по своимъ способностямъ управлять *стадомъ*.

«§ 220. — Біологическая индивидуальность третичнаго порядка есть *государство*, состоящее изъ семей. Отличительнымъ его признакомъ является раздѣленіе труда, ведущее иногда къ морфологической разнородности... Этого рода индивидуальность встрѣчается только у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ (термитовъ, муравьевъ, пчелъ) и у людей.—Здѣсь слѣдуетъ строго различать два случая: а) государства, возникающія черезъ увеличеніе семей путемъ размноженія; мы называемъ ихъ *племенными* государствами; низшій видъ этого рода—*государства половья*; высшій—*государства національныя*, встрѣчаемыя только у людей; б) но государства могутъ также возникать изъ особей, несостоящихъ въ кровномъ родствѣ между собою; такія встрѣчаются только у людей и называются государствами международными или *агрегаціями* (Америка, Швейцарія).—Государства племенные болѣе естественны, потому что регулирующій принципъ всякой организаціи, т. е. субординація, является уже предсущствующимъ въ лицѣ предковъ различныхъ возрастовъ. Государства агрегационныя организуются съ гораздо большимъ трудомъ, потому что ихъ составныя части находятся первоначально только въ отношеніяхъ координаціи и принципъ старшинства въ нихъ совершенно бездѣйствуетъ. Развиваясь, эти международныя государства представляютъ нижеслѣдующія стадіи: а) *государства двустороннія* или *партионныя* (Америка): внѣшнее могущество, внутренняя борьба; смертельно тревожное состояніе особей; б) *олигархіи*—господство сперва денежной аристократіи, переходящей потомъ въ *наследственный патриціатъ* (классическія республики, Швейцарія). Если такое государство не гибнетъ преждевременно, то оно доживаетъ до стадіи тиранніи, чтобы слѣдовать затѣмъ по естественному пути всякой плоти...»

«§. 221.—Въ противоположности съ предыдущимъ и неизмѣримо выше его стоитъ племенное государство, котораго всѣ члены связаны между собою узами кровнаго родства. Мы встрѣчаемъ его уже у животныхъ и можемъ раздѣлить нижеслѣдующимъ образомъ стадіи его развитія: 1-е, *половое государство* съ двумя цехами: *воспроизводителей* (половыхъ) и *работниковъ* (безполыхъ). Послѣдніе

находятся въ подчиненномъ состояніи и если *фактически* и могутъ иногда забрать власть въ свои руки, то только въ такомъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ, будто баринъ становится рабомъ своего слуги... 2-е, *государство рабовладельческое*, представляющее вторичную и болѣе возвышенную форму племеннаго государства; оно является послѣдствіемъ военнаго государства, которое хищническимъ путемъ приобщаетъ къ себѣ разноплеменныхъ особей; но онѣ не остаются здѣсь, какъ въ агрегационныхъ государствахъ въ отношеніяхъ координаціи, способныхъ затормозить организаціонную работу, а приводятся въ ординацію (владѣльцы и рабы)... Владѣльцы все имѣютъ поль, а потому, какъ и въ половомъ государствѣ, они иногда впадаютъ въ зависимость отъ своихъ рабовъ (древній Римъ и рабовладельческія государства нѣкоторыхъ муравьевъ).— 3-е, *собственническое государство*, вытекающее непосредственно изъ предыдущаго (сюда включаются государства *пастушескія* и государства *земледѣльческія*)...—...«Высшая форма, которой можетъ достигнуть общество—конституціонная монархія—можетъ быть достигнута только государствами племенными въ ихъ національномъ періодѣ; агрегациі же могутъ производить только одну изъ низшихъ формъ (республику, федерацію или деспотизмъ).»

Мы-бы рекомендовали всеѣмъ псевдо-дарвинизирующимъ соціологамъ школы борьбы выгравировать эти строки на мраморной доскѣ и имѣть ее постоянно передъ глазами, чтобы она оказывала имъ ту услугу, которой спартанскіе родители ждали отъ вида пьянаго илота для нравственности своихъ дѣтей.

III.

Ошибочно было-бы полагать, будто дарвинизмъ можетъ обновить общественную науку внесеніемъ въ нее принциповъ эволюціи и борьбы за существованіе, которые самъ онъ заимствуетъ у нея.—Представленіе о преемственности развитія (т. е. объ эволюціи) на историческомъ поприщѣ носилось довольно опредѣленно и довольно живо въ умахъ многихъ французскихъ гуманистовъ XVIII столѣтія (наприм. у Дидро). Правда, оно не особенно улыбалось этимъ юношески нетерпѣливымъ и смѣлымъ новаторамъ, жившимъ въ одну изъ тѣхъ критическихъ минутъ, когда человечество слишкомъ круто порываетъ свои связи съ прошлымъ, а потому и чувствуетъ мало склонности научно уяснить свое съ нимъ кровное родство. Принципъ эволюціи, точно, не былъ развитъ энциклопедистами до степени научнаго метода и даже скоро былъ, по видимому, оттертъ совершенно на задній планъ одностороннимъ идеализмомъ Руссо, котораго діалектическую исключительность но-

вѣйшіе позитивисты не безъ нѣкотораго основанія противуполагають реалистическимъ приѣмамъ, восторжествовавшимъ на всѣхъ научныхъ поприщахъ около ста лѣтъ спустя.

Въ первой половинѣ нашего вѣка, эволюціонный принципъ въ соціологическихъ своихъ примѣненіяхъ настолько уже носился въ воздухѣ, что къ нему естественно приходили мыслители самаго разнообразнаго закала и темперамента. Геніальный самоучка Прудонъ, несвязанный ни съ какою школою, строить капитальнѣйшее — изъ своихъ произведеній — «Систему экономическихъ противорѣчій» на эволюціонномъ началѣ, хотя и отраженно нѣсколько невыгодно сквозь призму его сомнительнаго гегелизма, заимствовавшаго изъ вторыхъ рукъ. Позднѣе, отдѣлавшись отъ колодокъ гегелевской трилогіи (игравшей, впрочемъ, далеко не существенную роль и въ прежнихъ его воззрѣніяхъ), онъ пишетъ свои изслѣдованія о «Войнѣ и мирѣ», проводя съ большою послѣдовательностью и съ обычною у него яркостью и силою діалектики безспорно вѣрную идею возникновенія краеугольнаго соціологическаго факта, — договора, права, — изъ первобытнаго біологическаго хаоса, руководимаго только силою, т. е. борьбою... Мы-бы никогда не кончили, еслибы задумали перечислять здѣсь хотя-бы только одни наиболѣе выдающіеся изъ соціологическихъ трудовъ первой половины нынѣшняго столѣтія, въ которыхъ идея преемственности развитія культурно-историческихъ явленій устанавливается со всею желательною опредѣленностью и ясностью. При имѣющемся уже въ наличности запасѣ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній, едвали возможно даже изслѣдователю, неослѣпленному какимъ-нибудь предвзятымъ доктринаризмомъ, такъ распредѣлить въ своемъ собственномъ умѣ многочисленные факты, касающіеся религиозныхъ вѣрованій, экономическихъ учреждений, бытовыхъ и политическихъ формъ у разныхъ народовъ или въ разные времена у одного и того-же народа, — чтобы законъ преемственнаго развитія этихъ вѣрованій, учреждений и формъ не выступилъ на видъ во всей своей яркости. — Еслибы для созданія положительной соціологіи достаточно было одного провозглашенія принципа эволюціи, то можно безъ малѣйшаго преувеличенія утверждать, что наука эта значительно опередила-бы въ своемъ развитіи новѣйшую біологію и дарвинизмъ. Никому, по крайней мѣрѣ, и въ голову не приходило оспаривать Эдгара Кинз, когда онъ (въ своемъ «Мірозданіи») утверждалъ, что принципъ преемственнаго совершенствованія заимствованъ естествознаніемъ у исторіи.

Что касается принципа борьбы, то онъ, на соціологическомъ поприщѣ, даже нѣсколько предупредилъ появленіе систематическаго эволюціонизма. Позволимъ себѣ напомнить читателю, что

уже Адамъ—Смитъ,—очевидно, противодѣйствуя крайнему идеализму Руссо,—счелъ нужнымъ обратиться къ изслѣдованію нашей соціологической наличности съ чисто эмпирической, съ описательной точки зрѣнія. При этомъ онъ разлагаетъ собирательную жизнь на двѣ части, относя къ одной изъ нихъ все, касающееся нравственной стороны и строго ограничивая другую часть только тѣмъ, что касается чисто животной стороны экономического приспособленія человѣческихъ обществъ къ внѣшней средѣ въ видахъ удовлетворенія однѣхъ только матерьяльных, т. е. биологическихъ потребностей. Ланге (въ *Исторіи матерьялизма*) замѣчаетъ вполне основательно, что такой пріемъ со стороны А. Смита былъ совершенно законенъ и не даетъ намъ ни малѣйшаго права обвинять творца политической экономіи въ односторонности. Чтобы изучить влияніе, оказываемое атмосферою на дышашія въ ней существа, очень полезно въ отдѣльности изучить азотъ и кислородъ, хотя мы и знаемъ очень хорошо, что въ чистомъ кислородѣ, также какъ и въ чистомъ водородѣ, дышать намъ рѣшительно невозможно. А. Смитъ не думаетъ утверждать, будто жизнь человѣческихъ обществъ исчерпывается однѣми экономическими приспособленіями, имѣющими свою очень опредѣленную цѣль удовлетвореніе однѣхъ только животныхъ нашихъ нуждъ, да и то, собственно говоря, не всѣхъ, а только тѣхъ, биологически важнѣйшихъ изъ нихъ, которыя имѣютъ тѣснѣйшій интересъ для самосохраненія особей; потребности-же тоже чисто биологическія, но имѣющія цѣлью сохраненіе рода, а не особи, напримѣръ, половая любовь,—принимаются очень мало въ расчетъ политическою экономіею. Еслибы А. Смитъ полагалъ, что коллективная жизнь человѣчества можетъ ограничиваться этою экономическою стороною, то онъ не сталъ-бы тратить времени на сочиненіе своего увѣсистаго «Трактата о нравственности». Вышло, однако-же, такъ, что этотъ «Трактатъ о нравственности» и въ свое время не обратилъ на себя особеннаго вниманія, теперь-же онъ, даже и по заглавію, извѣстенъ только очень немногимъ специалистамъ, да едва-ли и заслуживаетъ лучшей участи. Трактатъ-же о «Богатствѣ народовъ», по глубинѣ анализа, по блистательному изложенію, отчасти-же и по новости предмета, сталъ однимъ изъ капитальнѣйшихъ событій умственной исторіи своего времени. Въ немъ А. Смитъ раскрывалъ передъ изумленными современниками чудовищной сложности механизмъ (или, если хотите, организмъ); тщательно отдѣланный и гениально скомбинированный въ самонаибольшихъ своихъ частяхъ,—механизмъ, споконъ вѣка перемалывавшій самыя насущнѣйшіе ихъ житейскіе интересы, истиравшій въ порошокъ въ значительномъ количествѣ даже ихъ самихъ, но о существованіи котораго только очень не-

многіе изъ заинтересованныхъ имѣли хотя-бы только самыя смутныя представленія, благодаря предварительнымъ трудамъ французскихъ экономистовъ и фізіократовъ.—Кто-же создалъ этотъ гигантскій механизмъ, носившій во всѣхъ своихъ подробностяхъ столь очевидныя, казалось, слѣды глубокой цѣлесообразности и придуманности?—Никто какъ корысть, имѣющая исходною точкою чисто животную необходимость приспособленія къ средѣ подъ страхомъ смерти отъ голода и холода.—Чѣмъ движется этотъ сложный механизмъ, обладающій чуть что не волшебною способностью направлять къ одному желанному центру тысячи, міриады разрозненныхъ, чаще діаметрально противоположныхъ стремленій?—Личнымъ эгоизмомъ каждаго; всякое постороннее вмѣшательство можетъ только испортить его изумительно тонкую и сложную игру. Посмотрите, какія несмѣтныя богатства онъ накопилъ уже для васъ, пока вы даже и не подозрѣвали о его существованіи; а потому: *«laissez faire, laissez passer!»* думайте только о своихъ дѣлахъ всякъ за себя, одинъ Богъ за всѣхъ; главное—не вздумайте только обуздывать своихъ эгоистическихъ побужденій.—А какъ-же съ нравственностью?—«Это особое дѣло, обстоятельно изложенное въ этическомъ трактатѣ.»—А въ трактатѣ скука и суть; да къ тому же—*«laissez faire»* и *«laissez passer»* можно вѣдь очень удобно и безо всякой теоретической подготовки.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что голый эмпиризмъ А. Смита, въ смыслѣ научнаго развитія, составлялъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ тѣми чисто мистическими или метафизическими приѣмами, которые до тѣхъ поръ господствовали безраздѣльно въ области общественнаго вообще. Благодаря этому относительному превосходству своего метода, экономистъ очень скоро оттиснулъ всякую общественную философію и социальную этику совершенно на задній планъ. Политическая экономія овладѣвала исключительно солиднѣйшими умами этого времени, несмотря на то, что факторы очевидно не экономического свойства (напр. политическіе) играли завѣдомо очень важную роль въ дѣлѣ не только распредѣленія, но и самого производства такъ называемыхъ «общественныхъ богатствъ»; въ этомъ участіи постороннихъ факторовъ въ единомъ будто-бы существенномъ дѣлѣ экономической борьбы видѣли неизбѣжныя остатки только-что пережитой Европою эпохи варварства. Единственнымъ общественнымъ идеаломъ, который, не краснѣя, дѣлали солиднѣйшіе умы того времени, было стремленіе очистить экономическую эволюцію отъ всякаго участія этихъ непрошенныхъ элементовъ и тѣмъ окончательнѣе и всестороннѣе отождествить ее съ тою животною борьбою за существованіе, которая (какъ это намъ разъяснили впослѣдствіи) дѣйствительно

составляетъ краеугольный законъ всего біологическаго міра. Но такъ какъ общество рѣшительно не можетъ обходиться продолжительное время безъ какихъ-бы-то ни было нравственныхъ началъ, то вскорѣ,—несмотря на броню неподражаемаго и неподдѣльнаго самодовольства, одѣвавшую умы и сердца пророковъ политико-экономическаго ученія, несмотря на громадный приростъ «общественнаго богатства», начавшій обнаруживаться повсемѣстно въ западной Европѣ въ періодъ безраздѣльнаго господства смитовскихъ началъ,—внутренній разладъ, безпредѣльное недовольство людьми и міромъ стали все нестерпимѣе томить первоначально одни только высшіе круги и классы просвѣщеннаго общеввропейскаго общества, постепенно охватывая собою все болѣе и болѣе многочисленныя сферы, не останавливаясь даже передъ границею распространенія грамотности въ народѣ. Большинство людей такъ устроено, что нравственный разладъ томитъ ихъ неизбѣжно, какъ слишкомъ тѣсный сапогъ на роскошномъ пиру, даже среди дѣйствительнаго изобилія всякихъ земныхъ благъ и чувственныхъ удовольствій. А тутъ еще дѣло, какъ на бѣду, устраивалось такъ, что, по мѣрѣ возрастанія въ невѣроятныхъ почти размѣрахъ накопленія земныхъ благъ, число имѣющихъ нравственную и фактическую возможность наслаждаться ими примѣтно съуживалось изъ года въ годъ. Параллельно этому, ежегодно увеличивалось число затираемыхъ безопадною конкуренціею. Между достигшими и раздавленными становилось даже невозможнымъ установить какую-нибудь уловимую грань. Такъ какъ необходимымъ условіемъ пріобрѣтенія матерьяльной обезпеченности являлась ожесточенная борьба, вдохновляемая до крайности распаленными стяжательными инстинктами, то большинство удачниковъ оказывалось всего чаще въ критическомъ положеніи неопытныхъ чародѣевъ, терзаемыхъ тѣми самыми демонами, которыхъ они-же сами вызвали, но которыхъ они уже не въ силахъ обуздать. Кажущіеся счастливы, возбуждавшіе зависть во всѣхъ, оставшихся позади въ этой неистовой скачкѣ съ препятствіями, не только не находили въ себѣ вождедѣнной способности мирно наслаждаться пріобрѣтенными богатствами, а въ свою очередь сгорали завистью къ опередившимъ ихъ счастливымъ или томились сознаніемъ суетности пріобрѣтенныхъ ими благъ. Вся художественная литература этого времени есть только одинъ непрерывный лирическій вопль, вызываемый этимъ внутреннимъ томленіемъ: неудержимое стремленіе бѣжать куда-бы-то ни было, хоть въ самыя непроглядныя средне вѣковыя тущобы, неодолима потребность отуманить какимъ-нибудь романтическимъ дурманомъ слишкомъ отрезвленный политико-экономическимъ будничнымъ эмпиризмомъ умъ... Драго-

дѣйная способность непослѣдовательности могла еще до поры до времени служить паллятивомъ; но противурѣчіе развивалось быстро до такихъ вопіющихъ размѣровъ, что не могло уже укрыться и отъ добровольно ослѣпляемыхъ взоровъ: невозможно-же въ самомъ дѣлѣ проводить шесть дней каждой недѣли въ остервенѣлой травлѣ ближняго изъ-за удовлетворенія до-нельзя распаленной жажды наживы, а по воскресеньямъ съ умиленіемъ выслушивать притчи о птицахъ небесныхъ, иже не сѣютъ, не жнутъ, и о богачѣ, сопоставляемомъ съ вельбудомъ...

Оставалось-бы, — казалось, — обратиться къ тѣмъ началамъ, которыми А. Смитъ посвятилъ свой нравственный трактатъ, и за возможностью разслѣдовать ихъ съ желательною научною обстоятельностью, примѣнить, по крайней мѣрѣ, къ нимъ ту эмпирическую разработку, которая въ сферѣ зоологической борьбы за существованіе давала такой черезъ мѣру блистательный результатъ. Но, увы! область нравственныхъ интересовъ представлялась до такой степени перенаселенною всякими метафизическими и мистическими призраками, что ни наукѣ, ни голому эмпиризму къ ней не усматривалось вовсе доступа. Приходилось поневолѣ искать въ той-же самой погонѣ за наживою какихъ-нибудь крупницъ или зародышей новаго міровоззрѣнія, способнаго сплотить въ одно стройное цѣлое противурѣчивые элементы, — гиертрофированныя корыстныя побужденія и несогласныя умолкнуть нравственнымъ, альтруистическія требованія, — взаимно пожиравшія другъ друга въ нашей душѣ. Отвѣтомъ на этотъ спросъ явилось достопамятное ученіе Мальтуса, обозначающее собою дѣйствительно, міровой моментъ въ исторіи развитія общественныхъ и біологическихъ наукъ. Безсмертный протестантскій пасторъ, обезпечившій свой личный успѣхъ въ борьбѣ за существованіе воскресными проповѣдями о только-что помянутыхъ птицахъ небесныхъ и о богачѣ съ вельбудомъ, нѣжный отецъ одиннадцати дочерей, — Мальтусъ, въ свободное отъ своихъ воскресныхъ занятій время усмотрѣлъ, что эта борьба cadaque противъ всѣхъ только по внѣшности кажется служащею исключительно узко-эгоистическимъ корыстнымъ интересамъ состязующихся. Въ сущности-же, пожирая ближняго въ необузданномъ экономическомъ состязаніи, мы исполняемъ, хотя бы и сами о томъ не вѣдая, великій провиденціальныи законъ, законъ благодѣтельный по-преимуществу, такъ какъ имъ обезпечивается прогрессъ цивилизаціи и совершенствованіе человѣческаго рода. Такимъ образомъ оказывается, будто-бы обуздывающій свои корыстолюбивые побужденія не только не совершаетъ тѣмъ самымъ нравственнаго поступка, но скорѣе даже заслуживаетъ порицанія, какъ солдатъ, уклоняющійся отъ битвы съ непріателемъ, низо-

дѣть свое собственное значеніе на степень нуля и тѣмъ какъ-бы обманываетъ расчеты, возложенные на него провидѣніемъ. Еще хуже, въ смыслѣ этого ученія, поступаетъ тотъ, кто вздумаетъ изъ чувства человѣколюбія оказывать поддержку слабымъ и безпомощнымъ, затертымъ безпощадною конкуренціею, потому-что такимъ образомъ какъ будто извращается благой законъ борьбы, сохраняется негодный для коллективнаго предпріятія субъектъ, который непремѣнно долженъ занять мѣсто, будто-бы приготовленное на жизненномъ пиру для болѣе состоятельнаго бойца, наноса такимъ образомъ извѣстный ущербъ не только этому незаконно-устраиваемому сопернику, но и прогрессивному развитію дальнѣйшихъ поколѣній. Что касается обузданія эгоизмовъ, то Мальтусъ безъ особеннаго труда выдерживаетъ тонъ олимпийскаго величія, подобающій объективному мыслителю, вѣщающему міру въ первый разъ такія глубокія, такія новыя и вмѣстѣ съ тѣмъ оглушительныя для него истины. Немудрено: онъ сознаетъ, что провидѣніе слишкомъ обезпечило свои расчеты съ этой стороны и что люди, успѣшно состязающіеся въ жизненной борьбѣ, всего менѣе склонны грѣшить излишествомъ самообузданія. Но за то, въ качествѣ протестантскаго пастора, Мальтусъ знаетъ очень хорошо, что удачливые дѣльцы далеко бывають не прочь обезпечивать себя на всякій случай отъ непріятной перспективы очутиться на томъ свѣтѣ въ положеніи вельбуда, проходящаго сквозь игольное ушко, и что въ этихъ видахъ они порою готовы бывають бросать крохи со своего стола искалѣченнымъ непосильными состязаніями Лазарямъ. Въ филантропіи авторъ знаменитыхъ прогрессій усматриваетъ одну изъ величайшихъ язвъ нашей цивилизаціи, а потому и проповѣдуетъ воздержаніе отъ нея съ гораздо большимъ жаромъ и паеосомъ, чѣмъ самое свое пресловутое «нравственное воздержаніе» (*moral constraint*)

Психически, Мальтусъ, повидимому, не успѣлъ установить въ себѣ самое необходимое внутреннее равновѣсіе. Очень вѣроятно, что онъ, въ обыденной жизни, былъ даже очень добрый человѣкъ, неспособный относиться безучастно къ страданіямъ ближняго; онъ только очень ясно понималъ, что подѣ закономъ непримиримой борьбы каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго нѣтъ никакой возможности спасти отъ гибели одного побѣжденнаго бойца, не осуждая тѣмъ самымъ на жертву, вмѣсто него, другого, болѣе сильнаго соперника. Какъ бытъ! Мальтусъ только подводилъ итоги тому, что достаточно обнаружилъ уже А. Смитъ, не уклоняясь ни на шагъ отъ эмпирическихъ пріемовъ, завѣщанныхъ великимъ творцомъ политической экономіи. Плодомъ его личнаго сочувствія къ страждущимъ жертвамъ бездушной борьбы, составляющей будто-бы

неизбѣжный нашъ удѣлъ, является единственная, — правда, очень существенная, — непослѣдовательность, легко замѣтная даже на первый взглядъ въ его цѣлостномъ и солидно законченномъ ученіи. Убѣдивъ насъ, будто для успѣховъ цивилизаціи и для совершенствованія человѣческаго рода совершенно необходимо, чтобы на каждый имѣющійся коровай разѣвалось по меньшей мѣрѣ сто годовнихъ ртовъ, изъ которыхъ неумолимою борьбою девяносто-девять будутъ устранены въ пользу одного достойнѣйшаго, онъ рекомендуетъ, въ видахъ облегченія неустранимыхъ человѣческихъ золъ, всѣмъ, необезпеченнымъ наслѣдственными имуществами, воздерживаться отъ дѣторожденія. Спрашивается: что-же станется съ нашею цивилизаціею, если неустраняемая борьба вдругъ устранится сама собою вслѣдствіе того, что число ртовъ придетъ въ соотвѣтствіе съ числомъ наличныхъ караваевъ, ѣсть которые каждому пріятнѣе чѣмъ отнимать ихъ у ближняго? Что-же станется съ пресловутою теоріею Мальтуса, краеугольнымъ камнемъ которой служитъ положеніе, будто каждое улучшеніе быта народныхъ массъ естественно должно привести къ усиленному дѣторожденію?

Джонъ Ст. Миль, желая отстоять законъ Мальтуса въ своемъ *quasi*-соціалистическомъ міросозерцаніи, рекомендуетъ, въ качествѣ единственнаго средства противъ пауперизма, поднять уровень рабочихъ массъ настолько, чтобы онѣ прониклись сознаніемъ непреложности этого закона и отказались отъ «семейныхъ утѣхъ», а затѣмъ организовать на государственный или общественный счетъ эмиграцію рабочихъ *en masse*, чтобы уменьшеніемъ числа предлагаемыхъ на рынкѣ рабочихъ рукъ значительно возвысити задѣльную плату, которая и будетъ застрахована отъ быстрого дальнѣйшаго пониженія уменьшеннымъ дѣторожденіемъ. Средство это сильно напоминаетъ ловлю руками птицъ, предварительно насыпавъ имъ на хвостъ соли; но дѣло здѣсь не въ томъ, а въ томъ, что если законъ этотъ такъ удобно могъ-бы быть обойденъ сознательною коллективною дѣятельностью людей, то въ чемъ-же заключается его пресловутая космическая непреложность?

Отбрасывая такимъ образомъ, эти, дополненыя Дж. Ст. Милемъ, псевдо-человѣколюбивыя мальтузіанскія мечты, мы можемъ смѣло утверждать, что авторъ пресловутыхъ прогрессій развилъ теорію борьбы и естественнаго подбора въ соціологическомъ ея примѣненіи съ такою полнотою, которая уже рѣшительно не нуждается въ дальнѣйшихъ біологическихъ поясненіяхъ и толкованіяхъ. Дарвинъ и Уоллэсъ знали очень хорошо, что они примѣняютъ къ біологической области законъ, болѣе полувѣка тому назадъ уже примѣненный къ общественнознанію Мальтусомъ, и сами

они, конечно, нисколько не помышляли обновлять социологию этимъ своимъ глубоко осмысленнымъ примѣненіемъ.

IV.

За Мальтуса и противъ Мальтуса исписаны цѣлые тома, тѣмъ не менѣе, пресловутый его законъ никогда еще не былъ ни научно установленъ, ни научно опровергнутъ въ социологической области. Прискорбное это положеніе очень естественно вытекаетъ изъ того, что ни самый предметъ социологическихъ изслѣдованій, ни подобающій этимъ изслѣдованіямъ примѣнъ или методъ до сихъ поръ еще не выяснены съ надлежащею научною опредѣленностью. Однако-же, каждый разъ, когда мальтусовскій законъ пытался приложить къ разъясненію того или другого социологическаго явленія, то неизмѣнно оказывалось, что онъ не только не служилъ ключемъ къ разрѣшенію поставленныхъ задачъ, но даже не помогаль оріентироваться сколько-нибудь основательно въ изслѣдуемыхъ при его помощи задачахъ. Если законъ этотъ должно понимать только въ смыслѣ мрачнаго предостереженія, что когда-нибудь, въ совершенно неопредѣленномъ будущемъ, земной шаръ окажется настолько перенаселенъ, что люди, при всевозможныхъ усовершенствованіяхъ техническихъ и социальныхъ приспособленій, не въ состояніи уже будутъ доставать себѣ питательныя вещества, — въ такомъ случаѣ напередъ уже можно-бы было рѣшить, что законъ этотъ не имѣетъ рѣшительно никакого социологическаго значенія. Астрономы полагаютъ-же, напримѣръ, что солнечная теплота должна современемъ оскудѣть, угрожая не только цѣлой землѣ, но за-разъ уже и всѣмъ планетамъ съ ихъ спутниками неизбѣжною гибелью. Немного выиграетъ родъ людской отъ того, что, вмѣстѣ со смертію отъ голода, исчезнетъ отъ мороза. Если-же признать, будто этотъ законъ въ каждый данный моментъ, уже теперь, благодѣніемъ непрестанной грызни и непроходной нищеты менѣе стойкихъ бойцовъ спасаетъ каждую данную страну отъ перенаселенія, а цивилизацію отъ застоя, то съ первыхъ же шаговъ натыкаешься съ нимъ на неопределимыя препятствія и противорѣчія. Прежде всего бросается въ глаза что населенность и нищета нигдѣ не состоятъ между собою въ функциональномъ отношеніи. Россія, напримѣръ, при 12 душахъ населенія на 1 квадрат. версту пользуется гораздо меньшею экономическою обезпеченностью чѣмъ Франція, населенная въ пять или шесть разъ гуще ея, и при этомъ мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности утверждать, будто борьба за существованіе во Франціи ведется съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ у насъ. А это уже прямо ведетъ къ противумаль-

мальтузіанскому заключенію, что успѣшность экономическихъ приспособленій въ данномъ обществѣ не соизмѣряется ожесточеніемъ борьбы, что цивилизація, даже въ современномъ несовершенномъ своемъ значеніи, обезпечивается вовсе не многочисленностью контингента вымирающей отъ нищеты и голода голытьбы. А о другихъ какихъ-нибудь факторахъ во всемъ мальтузіанствѣ нѣтъ и рѣчи.

Прослѣдимъ-ли мы въ одной какой-нибудь странѣ (какъ это было сдѣлано Прудономъ для Франціи) возрастаніе за различные промежутки времени цифръ населенія параллельно съ суммою наличныхъ богатствъ, и тутъ мы рѣшительно неспособны усмотрѣть требуемой Мальтусомъ функциональной зависимости. Вообще въ цивилизованныхъ странахъ прогрессія возрастающаго населенія (по Мальтусу, будто-бы геометрическая) примѣтно отстаетъ отъ прогрессіи богатствъ (по Мальтусу, будто-бы арифметической). Упрочивающееся благосостояніе повсюду не только не обнаруживаетъ склонности вызывать усиленную дѣторождаемость, а дѣйствуетъ къ діаметрально противоположномъ направленію. Въ древнемъ Римѣ, параллельно съ чудовищнымъ накопленіемъ богатствъ, обнаружилось такое общераспространенное отвращеніе отъ производства, на свѣтъ себѣ подобныхъ, что явилось поползновеніе въ законодательномъ порядкѣ налагать штрафы на холостяковъ и поощрять государственными мѣрами рожденіе младенцевъ. Въ любомъ современномъ государствѣ, въ любомъ большомъ городѣ, можно очень явственно прослѣдить что нищета, являющаяся въ мальтузіанскомъ міровозрѣніи прямымъ послѣдствіемъ перенаселенности, въ дѣйствительности оказывается, наоборотъ, коренною причиною усиленной рождаемости. Обобщая статистическія данныя, Гербертъ Спенсеръ приходитъ къ тому заключенію, что, съ упрочивающимся матеріальнымъ благосостояніемъ и съ прогрессомъ культуры, цифры народонаселенія обнаруживаютъ примѣтную склонность держаться на одной и той-же высотѣ, при чемъ цифры рождаемости и смертности болѣе и болѣе понижаются, и что эта численная неподвижность населенія вовсе не замедляетъ дальнѣйшаго совершенствованія расъ и быстрого культурнаго преусушьянія...

Мы не отрицаемъ, что, при извѣстной діалектической увертливости можно каждое изъ только-что указанныхъ противорѣчій (не считая множества другихъ) пристегнуть съ грѣхомъ пополамъ къ пресловутымъ мальтузіанскимъ прогрессіямъ; но объяснить ихъ конкретно и логически на основаніи мальтузіанскаго закона борьбы отказались уже давно даже самые горячіе сторонники этого ученія. Такимъ образомъ мальтузіанство даже съ давнихъ поръ служило для политико-экономистовъ классическаго направленія чѣмъ-то въ

родѣ почетнаго знамени, которымъ въ торжественныхъ случаяхъ потрясали на страхъ врагамъ, но которое оказывалось рѣшительно непригоднымъ для серьезнаго дѣла. Импульсъ, данный политико-экономическому направленію А. Смитомъ и Мальтусомъ, совершенно обрывается уже на Ривкардо, своею теоріею рента нѣсколько дополнившемъ теорію благотѣльности борющихся эгоизмовъ въ дѣлѣ общественнаго благоденствія. Съ К. Б. Сэемъ политическая экономія отрывается отъ научныхъ пооползновеній и вступаетъ на путь, приведшей ее по наклонной плоскости къ «гармоническимъ» словоотверженіямъ Фредерика Бастья, съ которыми уже никакая наука, ни даже сколько-нибудь плодотворный эмпиризмъ, не могли имѣть рѣшительно ничего общаго. Все живое и цѣльное, отъ Прудона до Карла Маркса включительно, исходя изъ различныхъ началъ, робкою силою влеклось въ ряды противу-мальтузіанскаго лагеря. Теорія борьбы надала не подъ ударами враговъ, а вывѣтривалась сама собою, обнаруживая каждымъ своимъ новымъ появленіемъ передъ публикою только все большую несостоятельность сказать хоть одно дѣльное слово по поводу какого-бы то ни было животрепещущаго вопроса или явленія соціологическаго порядка, такъ что о ней скоро и вовсе-бы перестали думать или говорить, если-бы неожиданный ея успѣхъ съ Дарвиномъ и Уоллэсомъ на біологическомъ поприщѣ не привлекъ къ ней снова всеобщаго вниманія...

Ни для кого не тайна, что, въ смыслѣ научной обстоятельности, естествознаніе далеко опередило обществознаніе, а потому у каждаго является предположеніе, что если даже такой солидный ученый какъ Ч. Дарвинъ принимаетъ основныя положенія Мальтуса въ серьезъ, то, значить, они-то и выражаютъ собою самую истину. При этомъ мало кому приходитъ въ голову, что доброкачественность научнаго закона или пріема не можетъ существовать безотносительно къ области явленій, охватываемыхъ этимъ закономъ и методомъ. Законъ всемірнаго тяготѣнія, безспорно, общѣ и и научнѣе закона борьбы, но попытайтесь при помощи его изслѣдовать явленія біологической эволюціи! Организмы, растительные или животные, не перестаютъ, конечно, быть прежде всего всовыми тѣлами и, какъ таковыя, подлежатъ непреложному дѣйствію закона тяготѣнія. Обходясь въ біологической области тѣми законами и тѣми пріемами, которые низшую неорганическую природу объясняютъ намъ вполне, мы неизбѣжно должны будемъ проглядѣть то, что составляетъ характеристическую особенность, т. е. сущность біологическихъ явленій. Въ свою очередь, примѣненіе біологическаго закона къ низшей неорганической средѣ неизбѣжно могло-бы только привести къ смѣшенію и путаницѣ. Одно

то обстоятельство, что законъ борьбы за существованіе съ такимъ успѣхомъ, могъ быть примѣненъ къ сферѣ біологическихъ явленій, должно наводить насъ на мысль, что онъ органически неспособенъ стать закономъ социологическимъ. Мысль эта тотчасъ находитъ себѣ фактическое подтвержденіе уже въ томъ одномъ, что мальтузіянцы въ періодъ наипущаго своего процвѣтанія несомнѣнно разсматривали каждое общество какъ простую агрегацию живыхъ существъ, одаренныхъ способностью производить дѣтей, приспособляться и пожирать, безъ малѣйшаго соотношенія къ доброкачественности связывающихъ ихъ общественныхъ условій. Каждый разъ, когда противники или отщепенцы правовѣрнаго политика-экономическаго направленія усиливались обратитъ наше вниманіе именно на эти общественныя условія, т. е. на самую социологическую суть, мальтузіянцы дружнымъ хоромъ упрекали ихъ въ празднои мечтательности, утверждая совершенно голословно, будто судьбы людей и народовъ достаточно опредѣляются пресловутыми прогрессіями, которыя невозможно будетъ обойти никакими улучшеніями общественныхъ порядковъ. Короче говоря, мальтузіянство категорически отрицаетъ самый объектъ социологическихъ изслѣдованій, видя въ обществѣ, въ различныхъ методахъ коллективированія, не болѣе какъ частный случай всеобщей біологической борьбы за существованіе. Теперь, побывавъ въ зоологическихъ и антропологическихъ лабораторіяхъ, оно говоритъ съ нами совершенно инымъ языкомъ; но мы еще не знаемъ, научилось-ли оно проводить сколько-нибудь опредѣленныя границы между біологіею и социологіею?

Огюсть Контъ, къ которому невольно приходится обращаться въ подобныхъ случаяхъ, такъ какъ само слово «соціологія» ведетъ отъ него свой родъ, училъ насъ, что область соціологіи начинается тамъ, гдѣ біологическій *эвизмъ* смѣняется *альтрянзмомъ*, стало быть, гдѣ отношенія борьбы смѣняются діаметрально противоположными отношеніями взаимопомощи, дружбы, любви, товарищества. При такомъ опредѣленіи, о законѣ борьбы въ соціологіи такъ-же мало могло бы быть рѣчи, какъ напримѣръ о морозѣ при температурѣ кипѣнія. Оставалось, казалось-бы, только конкретно указать, гдѣ начинается самый альтрянзмъ, откуда берется онъ, т. е. какими реалистическими узами социологическій міръ вижется со служащимъ ему подножіемъ міромъ соціологін. Къ сожалѣнію, эта существенная часть задачи исполнена верховнымъ жрецомъ французскаго позитивизма съ гораздо меньшею категоричностью и обстоятельностью. О. Контъ не только не выводитъ насъ послѣдовательно изъ области біологіи въ высшій социологическій міръ, а даже усиливается создать между этими двумя

сферами искусственную пустоту, благодаря которой всё его социологическія построения неизбежно должны оказаться висящими на воздухѣ.

Молодой французскій ученый, Альфредъ Эспинасъ, въ вышедшемъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ блестящемъ трактатѣ «*Sociétés animales*», замѣчаетъ, будто европейское человѣчество бьется уже около двухъ тысячъ лѣтъ надъ разрѣшеніемъ вопроса: что такое общество? При этомъ всё предлагаемая съ разныхъ сторонъ рѣшенія легко могутъ быть сведены къ двумъ: умы позитивистскаго пошиба, отъ Аристотеля до нашихъ дней, т. е. до Герберта Спенсера и самого Эспинаса влѣбательно, видятъ въ обществѣ живой *организмъ*, въ которомъ мы, кичливо считающіе себя за вѣнецъ мірозданія и за самостоятельныя существа, являемся неболѣе какъ особами подчиненнаго порядка или органами. Умы-же идеалистическаго пошиба, отъ греческихъ софистовъ до Ж. Ж. Руссо, смотрятъ на общество какъ на *договоръ*, произвольно заключаемый между людьми въ видахъ достиженія собственныхъ своихъ выгодъ.

Двѣ тысячи лѣтъ, безспорно, очень уважительный срокъ, и можно-бы прийти въ отчаяніе при мысли о томъ, что передовые умы не успѣли за это время прийти къ соглашенію по поводу столь существеннаго вопроса. Сами собою, однако, сейчасъ-же приходятъ на умъ нѣкоторыя смягчающія обстоятельства. А именно, что рѣшенія классической древности для насъ все равно не могли бы имѣть значенія уже потому, что греческіе мудрецы только въ сферѣ низшей математики могли сходиться съ самыми умѣренными скептиками нашихъ дней въ своихъ представленіяхъ о научности. По мѣрѣ-же собственной своей требовательности они, вѣроятно, рѣшали этотъ вопросъ вполне удовлетворительно, если не устами греческихъ софистовъ и мудрецовъ, — которые жили въ слишкомъ ужъ тѣсномъ мірѣ своихъ микроскопическихъ республикъ и тиранній, — то по крайней мѣрѣ устами римскихъ своихъ послѣдователей, въ родѣ наприм., Лукреція. А затѣмъ, вскорѣ, на всю Европу опустился непробудный мракъ времени, на который изъ помянутыхъ двухъ тысячъ лѣтъ можно-бы удобно отбросить хоть полтора тысячелѣтія. Собственно говоря, споръ этотъ получается для насъ существенный интересъ только съ той поры, когда теорія *договора* въ блестящемъ изложеніи Ж. Ж. Руссо, такъ вдохновлявшая нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ конца прошлаго столѣтія, сопоставляется лицомъ къ лицу съ научно-формулированной, по крайней мѣрѣ по внѣшности теоріею общества-организма. При этомъ еще слѣдуетъ замѣтить, что нервъ или жизненный узелъ вопроса лежитъ едвали тамъ, гдѣ его видитъ Эспи-

нась, и что вопросъ этотъ, будучи разобранный по существу, окажется даже вовсе и не вопросомъ.

Не вдаваясь въ діалектическія тонкости, а слѣдя за развитіемъ этого разногласія въ новѣйшія времена, на болѣе позитивной исторической почвѣ, мы видимъ прежде всего, что философское недовольство теоріею общественнаго договора по Ж. Ж. Руссо первоначально отливается вовсе не въ форму діаметрально противоположной теоріи, рассматривающей общества какъ живые организмы. Самъ Руссо, въ особенности-же нѣкоторые изъ его исторически знаменитѣйшихъ послѣдователей, рассматривая общество какъ продуктъ взаимнаго соглашенія договаривающихся между собою, выводили изъ этого, что люди могутъ въ каждую данную минуту измѣнять по своему усмотрѣнію весь этотъ договоръ или тѣ изъ его частей, которыя оказались завѣдомо неведущими къ имѣвшейся въ виду цѣли. Затѣявъ такую передѣлку *en grand*, они не безъ горькаго изумленія убѣдились, что, уничтоживъ дѣйствительно несоотвѣтствовавшій требованіямъ новаго времени прежній договоръ, они на мѣстѣ его пожалуй не совсѣмъ-то, что сѣяли. Умудренные этимъ разочарованіемъ мыслители слѣдующаго поколѣнія, — въ ихъ главѣ тотъ-же О. Контъ, — пришли къ убѣжденію, что историческія явленія развиваются какимъ то своимъ загадочнымъ чередомъ и что общественныя затрудненія не могутъ быть устраиваемы эмпирическимъ путемъ, такъ-какъ онѣ зависятъ отъ множества условий, обыкновенно непринимаемыхъ въ расчетъ слишкомъ пылкими и увлекающимися реформаторами. По мнѣнію французскихъ позитивистовъ, веденіе общественныхъ дѣлъ должно быть поручено синоду специалистовъ, изучающихъ научнымъ путемъ многосложныя условія общественнаго развитія и образующихъ изъ себя нѣчто подобное китайскому трибуналу церемоній. Мы не станемъ останавливаться на той причудливой формѣ, въ которую О. Контъ облекалъ свои соціологическія построенія, но, и по содержанію, возрѣнія контистовъ на этотъ счетъ представляютъ мало самобытнаго и интереснаго. Признавая исходною точкою общественности альтруизмъ, О. Контъ, очевидно, не можетъ впадать въ непримиримыя противорѣчія съ общественною теоріею договора, такъ-какъ договоръ выражаетъ собою только позднѣйшій возрастъ развитія тѣхъ-же самыхъ альтруистическихъ началъ, только ужъ дозрѣвшихъ до полной сознательности. Можно представить себѣ такую теорію, которая, отправляясь отъ основныхъ положеній контизма объ «альтруизмѣ» и о «трехъ возрастахъ» сознанія, представила-бы намъ въ одной полной и возможно научной картинѣ весь многочисленный рядъ прогрессивно развивающихся общественныхъ явленій, отъ первыхъ

проявленій зародышнаго стихійнаго коллективизма, встрѣчаемыхъ уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ біологической лѣстницы, до тѣхъ идеальныхъ общественныхъ договоровъ, которые до настоящаго времени еще не конкретизировались нигдѣ, кромѣ какъ въ сознаніи небольшого числа людей, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ цивилизованнаго міра. Такая соціологическая теорія неизбѣжно примкнула-бы своими началами къ стройному ряду положительныхъ наукъ и, вѣроятно, на нѣкоторомъ продолженіи своего пути, слилась-бы съ біологією, чтобы затѣмъ отдѣлиться отъ нея, направляясь къ тѣмъ идеологическимъ сферамъ, которыя только своими корнями органически привязаны къ міру прошлаго и настоящаго нашей земли, но вершины которыхъ принадлежатъ еще только эволюціи будущаго. Ни самъ О. Контъ, ни его послѣдователи, однакоже, не дали намъ такой теоріи. Заслуга ихъ, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что они вѣрно указали сущность общественныхъ явленій — альтруизмъ, — органически неспособную отождествиться съ сущностью біологическихъ явленій, съ борьбою за существованіе. Но О. Контъ очень основательно расходится съ эволюціонистскою теорією въ томъ, что онъ (какъ выше уже было сказано) создаетъ между соціологією и біологією искусственную пропасть. Въ его классификаціи, соціологія вѣнчаетъ научное знаніе, но вѣнецъ этотъ, висящій на воздухѣ, представляется какъ-бы сдѣланнымъ изъ совершенно иного, крайне субтильнаго вещества, къ которому О. Контъ не позволяетъ подходить съ обычными приѣмами научныхъ изслѣдованій. Анализъ безжалостно изгнанъ изъ соціологической области навсегда: соціологическій методъ, по его предписаніямъ, долженъ быть исключительно синтетическимъ до шаманизма. Говоря другими словами, контизмъ уже въ шестидесятыхъ годахъ, являлся доктриною устарѣлою, неспособною вмѣстить въ себя тѣ эволюціонныя истины, которыя уже добыты научнымъ путемъ. Провозглашая своею исходною точкою качественное единство міровой жизни на всѣхъ ея ступеняхъ, онъ не можетъ представить себѣ космическую эволюцію иначе какъ разрѣзанною на нѣсколько ключковъ, отдѣленныхъ отъ послѣдующаго и предъидущаго пустыми жространствами. Отвергая схоластическія классификаціи вообще, контисты вѣрятъ въ реальное существованіе собственныхъ своихъ школьныхъ рубрикъ и подраздѣленій. Отъ этого во всемъ ихъ ученіи царитъ отъ начала до конца затхлый кабинетный тонъ, совершенно отвѣчающій духу нашего времени. Поэтому-то, со смертію послѣдняго своего могилана, Э. Литтрэ, возбуждавшаго сочувствіе своими спеціально учеными трудами, передовой отрядъ этого лагеря долженъ былъ прекратить изданіе своего органа «Philosophie positive». Редактори

этого покойнаго журнала, гг. Вырубовъ и Робэнъ, объясняютъ себѣ это прискорбное событіе тѣмъ, будто въ современной публикѣ охладѣть интересъ къ общимъ вопросамъ. Такое объясненіе едва ли вѣрно, потому-что въ той-же самой легкомысленной Франціи другія философскія періодическія изданія (хотя-бы, напримѣръ, *Revue philosophique* г. Рибо) процвѣтають и разрастаются изъ года въ годъ, питаются исключительно одними общими вопросами. Дѣло въ томъ, что весь складъ современной жизни—противъ всякой замкнутости и кабинетности. Эволюціонное ученіе крѣпчаетъ насъ интересоваться во всѣхъ явленіяхъ одною только ихъ жизненною стороною, понимая, что школьныя подраздѣленія и тонности—вещь условная и преходящая по-преимуществу. Сегодня господа ученые находятъ для себя удобнымъ располагать свои матеріалы и выписки въ одномъ порядкѣ; завтра-порядокъ этотъ можетъ быть существенно измѣненъ; и благо, лишь-бы только поучительность, жизненное значеніе самого матеріала выступали ярче и общедоступнѣе на видъ при новой перестановкѣ. Значеніе слова *знать* для всѣхъ уже выяснилось давно, и всякій понялъ, что знаніе можетъ быть качественно одно по всѣмъ категоріямъ и отраслямъ изслѣдуемыхъ явленій. Понятно, что относительно вопросовъ очень сложныхъ и трудныхъ поневолѣ приходится ограничиваться порою, за неимѣніемъ точнаго знанія, болѣе вѣроятными предположеніями; но существуетъ неизмѣримое качественное различіе между научною гипотезою и гаданіемъ на кофейной гущѣ.—Состояніе современной соціологіи таково, что отъ нея еще долго нельзя ждать непогрѣшимыхъ рецептовъ для изцѣленій въ частности того или другого изъ развѣдающихъ насъ общественныхъ золъ. Тѣмъ не менѣе, господство того или другого теоретическаго воззрѣнія въ сферѣ научной или quasi-научной соціологіи составляетъ явленіе значительной жизненной важности прежде всего потому, что между такими преобладающими воззрѣніями и основнымъ строемъ общественной жизни всегда существуетъ тѣсное, хоть и нелегко уловимое въ силу своей разносторонности отношеніе; во-вторыхъ, потому, что эти теоретическія воззрѣнія, господствующія въ сферѣ общественныхъ наукъ, служатъ для насъ въ каждый данный моментъ единственною возможною основою научной нравственности. Контизмъ былъ противо-дѣйствиємъ экономической теоріи борьбы и необузданности личныхъ корыстныхъ стремленій. Научная доброкачественность его, сколь ни относительною представляется она намъ теперь, не уступала, однакоже, теоретической убѣдительности политико-экономическаго эмпиризма; къ сожалѣнію, благотвительность этого контистскаго противо-дѣйствія значительно ограничивалась китаи-

свою стѣною кабинетности, пренятствовавшей распространенію этого ученія въ средѣ, чуждающейся кружковой замкнутости и сектантства.

V.

Значительно высшую ступень научнаго развитія выражает собою англійскій эволюціонный позитивизмъ, до сихъ поръ сосредоточивающійся почти исключительно въ высокодаровитой, блестящей личности Герберта Спенсера. Ученіе этого замѣчательнѣйшаго изъ современныхъ мыслителей пользуется у насъ такою извѣстностью, что намъ вѣтъ надобности излагать его здѣсь въ сухомъ и сжатомъ извлеченіи. Вооруженный неисчерпаемымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ знаній, свѣтлый умъ Спенсера однимъ орлинымъ полетомъ охватываетъ всю безконечную цѣль космическихъ явленій и улавливаетъ то ихъ органическое единство, которое О. Контъ видѣлъ какъ бы сквозь сонъ. Для Спенсера не существуетъ различныхъ категорій существъ и всѣ природныя явленія представляются ему только различными степенями усложненія одного мірового движенія; степени эти переливаются одна въ другую незамѣтными переходами, которые умъ нашъ не можетъ уловить; а потому Спенсеръ, отдѣляя биологическую область отъ соціологической, не создаетъ между этими двумя сферами знанія никакихъ искусственныхъ пропастей и понимаетъ очень хорошо, что нашей потребности въ классификаціи не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности никакая разрозненность. Соціологическія явленія представляютъ въ среднемъ терминѣ значительно большую степень усложненія, чѣмъ смежныя съ ними явленія биологическія, а потому онъ и выдѣляетъ ихъ изъ нея устанавливая соціологию какъ самостоятельную научную отрасль. Переходъ отъ соціологіи къ биологіи составляетъ, по мнѣнію Спенсера, психологія, которую О. Контъ не считалъ за особую научную вѣтвь. Это разногласіе Спенсера съ французскими позитивистами едва ли имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ и О. Контъ тоже давалъ соціологическимъ явленіямъ психологическую основу—альтруизмъ. Въ этомъ отношеніи контистское опредѣленіе имѣетъ даже нѣкоторое преимущество, по крайней мѣрѣ съ интересующей насъ здѣсь точки зрѣнія, потому что оно предрѣшаетъ вопросъ о несоціологичности теоріи борьбы.

Будучи гораздо лучше своего предшественника освоеныя съ биологическими задачами, Спенсеръ обращаетъ вниманіе на относительность понятій *особь* и *общество*, не уяснивши которую мы, дѣйствительно, не имѣемъ возможности разграничивать съ какою-бы-то ни было конкретностью смежныя области соціологіи и био-

логіи. Помимо всякихъ соціологическихъ соображеній, въ сферѣ ботаники и низшей зоологіи, уже давно было замѣчено, что представленіе *индивидуальности*, т. е. чего-то *недѣлимаго*, личнаго, абсолютно законченнаго, вносить въ біологическія изслѣдованія немалую долю путаницы, избѣгать которой нельзя иваче, какъ признавъ различныя ступени индивидуальности, каждая изъ которыхъ, являясь цѣлымъ или особью относительно предшествующаго момента, въ свою очередь играетъ роль части, подчиненнаго органа, по отношенію къ слѣдующимъ усложненіямъ. Клѣточка въ біологическихъ отношеніяхъ оказывается вполне способною вести самостоятельное существованіе, т. е. питаться, размножаться, приспособляться и вступать съ другими клѣточками въ отношенія борьбы или ассоціаціи на свой собственный счетъ. Существуютъ растительныя (водоросли) и животныя (инфузоріи) организмы, которые принято считать одноклѣточными, несмотря на то, что анатомическое ихъ строеніе представляетъ уже не малую долю усложненія. Эти-же клѣточки способны, сочетаясь между собою, производить новыя органическія усложненія, которыя, въ свою очередь существуютъ то въ видѣ болѣе или менѣе сложныхъ особей, довѣющихъ себѣ по вѣмъ физиологическимъ вѣдомствамъ, то въ видѣ составныхъ частей (тканей, органовъ) болѣе сложныхъ растительныхъ и животныхъ тѣлъ. Мы сами, какъ и всѣ позвоночныя животныя, представляемъ собою примѣръ такимъ собирательныхъ организмовъ, состоящихъ изъ частей, тоже очень сложныхъ и имѣющихъ свою, очень уже опредѣляющуюся индивидуальность. По свойственной человѣчеству привычкѣ приурочивать все къ себѣ и считать себя за конечную цѣль и за вѣнецъ міроздавія, мы неизбежно преувеличиваемъ значеніе той ступени космической эволюціи, которую мы представляемъ собою, и ограждаемъ свою собственную позицію неприступными пропастями сверху и снизу. Намъ кажется, будто настоящая индивидуальность только наша индивидуальность, и что всѣ другія должны быть качественно отличны отъ нея. Здѣсь нѣтъ возможности передать, хотя-бы въ сжатой формѣ, интересныя изслѣдованія по этой части ботаника Нэгели, анатома Вирхова, физиолога Гексли и др., устанавливающія эту эволюцію индивидуальности на неопровержимой научной почвѣ. Изслѣдованія эти приводятъ къ тому заключенію, что наиболѣе абсолютный характеръ индивидуальности или особи по преимуществу имѣетъ только низшій членъ этой группы, который одинъ только и обладаетъ способностью проходить свое земное поприще отъ начала до конца, не прибѣгая къ началамъ группировки или ассоціаціи. Для нашей цѣли рѣшительно все равно, признаемъ ли мы за этотъ абсолютный индивидъ органическую клѣточку, которая до позднѣй-

шаго времени считалась за простѣйшій организмъ, за дѣйствительное недѣлимое, такъ какъ по раздѣленіи получилось бы уже не органическое существо. а химическое соединеніе, или-же мы допустимъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями, что клѣточка въ свою очередь состоитъ изъ простѣйшихъ, но уже организованныхъ элементовъ. Для удобства изложенія, мы придержимся той градаціи индивидуальностей, которую въ концѣ прошлаго года предложилъ молодой итальянскій зоологъ Г. Котанео, въ своемъ интересномъ изслѣдованіи о линейныхъ колоніяхъ и о морфологіи моллюсковъ (*la colonia liniari e la morfologie dei molluschi*). Классификація эта имѣетъ въ нашихъ глазахъ неосцѣненное преимущество краткости и простоты. Какъ и нѣкоторые изъ своихъ предшественниковъ, Котанео считаетъ возможнымъ обойтись въ зоологіи только съ четырьмя видами индивидуальности: 1-е, *пластиды*, т. е. абсолютные индивиды или простѣйшія органическія существа; 2-е, *мориды*, т. е. колоніи или общества пластидъ; 3-е, *зоиды*, соотвѣтствующія *кормусамъ* (*cormus*) ботанической классификаціи, т. е. представляющія собою общества моридъ; особенно интересныя для насъ потому, что мы сами, какъ и всѣ высшія животныя, принадлежимъ къ этой степени, и наконецъ *демы* или общества зоидовъ, отвѣчающіе болѣе или менѣе представленію «общества» въ самомъ обычномъ смыслѣ этого слова.

Если социологія имѣетъ цѣлью изслѣдовать отношенія особи въ обществѣ подобныхъ себѣ, то ей по необходимости приходится разрѣшить предварительный вопросъ: какую изъ вышеупомянутыхъ ступеней индивидуальности она приметъ за исходную точку своихъ изслѣдованій?—Для О. Конта вопросъ этотъ не существовалъ, такъ какъ онъ, руководствуясь ходячими, такъ сказать, антропоцентрическими представленіями объ индивидуальности и объ общественной, ограничивалъ поле социологіи однѣми только человѣческими ассоціаціями. По его мнѣнію, альтруизмъ, служащій характернымъ признакомъ социологическихъ явленій, впервые проявляется въ роли мощнаго фактора космической жизни въ тотъ моментъ, когда два индивида изъ группы *зоидовъ* или, точнѣе, два человѣческія существа, движимыя побужденіями половой любви, вступаютъ въ продолжительный союзъ, имѣющій общему имъ обобщенную цѣлью воспроизведеніе третьяго существа и сохраненіе рода. Очень вѣроятно, что въ такомъ опредѣленіи исходной точки социологическихъ изслѣдованій О. Контъ руководствовался отчасти своимъ поверхностнымъ отношеніемъ къ значенію индивидуальности и общественной въ биологіи, отчасти-же бессознательно поддавался рутинѣ, приучившей насъ считать семью за «естественную ячейку общественной». Но въ настоящее время, большое

количество накопившагося этнографическаго матерьяла, рисующаго въ болѣе реальномъ цвѣтѣ картину быта отсталыхъ народовъ. Убѣждаетъ насъ, что семья, въ особенности-же патриархальная семья, не могла служить исходною точкою развитія общественности уже просто потому, что она сама возникаетъ только на сравнительно высокихъ ступеняхъ общественнаго развитія, что ей предшествовала семья *патриархальная* (т. е. подъ главенствомъ матери), проходившая въ свою очередь черезъ длинный рядъ эволюціонныхъ ступеней, начиная съ первобытной общности женъ; что, наконецъ, эта первобытная общность жепъ необходимо предполагаетъ уже известную общественную организацію, охранявшую дѣлушенъ и женщинъ даннаго племени отъ захвата ихъ силою въ исключительную собственность одного и изыятія ихъ такимъ путемъ изъ общаго пользованія.

Правда, О. Контъ мотивируетъ свое ограниченіе соціологической области снизу возникновеніемъ человѣческой семьи не историческими, а философскими соображеніями. Нельзя, однакоже, не замѣтить, что семья, даже въ высшихъ своихъ развитіяхъ патриархата и затѣмъ одноженства, встрѣчается у очень многихъ животныхъ, стоящихъ даже не особенно высоко на зоологической лѣстницѣ. А слѣдовательно, контовская граница и съ ея альтруистической точки зрѣнія представляется произвольною. На это О. Контъ возражалъ, что соціологическія явленія вообще только въ человѣчествѣ достигаютъ типическаго своего развитія, а потому на семью и иныя общества животныхъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на приготовительную степень настоящей общественности, не заслуживающую вниманія.

Спенсеръ существенно отличается отъ О. Конта какъ своею несравненно солиднѣйшею ученостію, такъ и тѣмъ, что онъ строго изгоняетъ всякую телеологію, всякую предвзятую цѣлесообразность изъ своихъ изслѣдованій. Онъ рѣшительно не допускаетъ, будто какое-бы-то ни было явленіе можетъ существовать только для того, чтобы изъ него вполнѣ родилась болѣе осмысленная и высшая форма того-же явленія. Но прежде всего онъ не можетъ, оставаясь вѣрнымъ основному духу своего ученія, допустить, чтобы та степень индивидуальности, которую изображаютъ собою высшія животныя и человѣкъ, обозначала собою какой-нибудь дѣйствительный предѣлъ, за которымъ начинается нѣчто, качественно отличное отъ предыдущаго. Біологическая эволюція индивидуальности не можетъ заканчиваться *зоидами* потому, что *зоиды* въ своемъ обособленіи довлѣютъ себѣ только съ точки зрѣнія питанія; съ точки-же зрѣнія другой важной фізіологической функціи—размноженія—они необходимо должны сочетаться съ другою подобною

себѣ особью, т. е. образовать *дема* въ формѣ, по крайней мѣрѣ, супружеской четы, которая служитъ, такимъ образомъ, связующимъ звеномъ между зоидною индивидуальностью и общественностью высшаго порядка. Отсюда онъ прямо приходитъ къ заключенію, что общества, животныя или человѣческія—все равно, суть живые организмы не въ аллегорическомъ, а въ буквальномъ значеніи этого слова.

Такимъ опредѣленіемъ общества, установленнымъ имъ уже въ «*Основнымъ началамъ*», Спенсеръ расходится, повидимому, гораздо существеннѣе съ ученіемъ объ общественномъ договорѣ, чѣмъ расходился съ нимъ О. Контъ. Послѣдній возставалъ только противъ такихъ попытокъ измѣненія общественныхъ условій, которыя исходятъ не изъ положительнаго социологическаго изслѣдованія, а лучшею практическою мѣрою считалъ учрежденіе помянутаго выше социологическаго синода, который, съ трактатомъ «*Позитивной Философіи*» въ рукахъ, выведетъ современное человѣчество изъ нынѣшняго состоянія анархіи къ позитивной организаціи и порядку. Спенсеръ-же, напротивъ, доходитъ до того, что Гексли ставилъ ему въ упрекъ подъ именемъ «*правительственнаго нигилизма*», т. е. отрицанія возможности оказывать существенное воздѣйствіе на судьбы общества какимъ-бы-то ни было, диктаторскимъ, правительственнымъ или вообще сознательнымъ, путемъ. Общества—организмы, а потому они растутъ, а не создаются какими-бы-то ни было диктаторскими предписаніями или договорами. Въ общественныхъ судьбахъ инстинкты, бессознательныя побужденія, стихійныя стремленія людей играютъ несравненно важнѣйшую роль, чѣмъ, такъ-называемыя, ихъ разумно-свободныя дѣйствія. Короче говоря, изъ своихъ часто глубокомысленныхъ, всегда блестящихъ экскурсій во всевозможныя сферы бытія Спенсеръ выноситъ всего прежде уже знакомую намъ политико-экономическую теорію «*laissez faire, laissez passer*», но только переложенную на совершенно новую, эволюціонистскую, подкладку. Съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ и разностороннею солидною эрудиціею, онъ пытается убѣдить насъ, что наиглубокомысленнѣйшій факультетъ социологовъ былъ-бы не въ состояніи организовать малѣйшее изъ отпаденій общественной жизни наполовину такъ хорошо, какъ оно устроивается само собою, будучи (какъ, напримѣръ, до снабженіе съѣстными припасами Лондона съ его пятимилліоннымъ населеніемъ) предоставлено вполнѣ общественной самодѣятельности.

Мы позволимъ себѣ замѣтить, что изъ основнаго положенія «общество есть организмъ» едвали позволительно дѣлать столь отдаленныя заключенія. Дерево несомнѣнно (гораздо несомнѣннѣе, чѣмъ общество) есть живой организмъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ,

будто садовникъ, задумавшій сорвать съ него вкусные плоды, обязанъ сидѣть сложа руки и смотрѣть на то, какъ оно растетъ. Конечно, на яблонѣ лихавой садовникъ не выраститъ персиковь или грушъ, но и для получения вкусныхъ яблокъ съ нея, отъ него потребуются не малые обдуманнныя воздѣйствiя. Къ тому же и организмъ организму ровъ. Ребенокъ, вѣдь, тоже организмъ и тоже растетъ; тѣмъ не менѣе, искусный и опытный педагогъ непременно окажетъ на его ростъ болѣе благодѣтельное воздѣйствiе, чѣмъ первый встрѣчный ефрейторъ или безграмотный дядька добраго стараго времени. Этому не отрицаетъ и Гербертъ Спенсеръ — иначе онъ не сталъ-бы писать своего извѣстнаго трактата о педагогiи. Мы не въ правѣ сказать, будто Гербертъ Спенсеръ заглава отрицаетъ возможность педагогическаго воздѣйствiя на *демы* людей; мы, напротивъ, думаемъ что онъ глубоко убѣжденъ въ благотворномъ воспитательномъ значенiи хотя-бы своихъ собственныхъ «*Основныхъ Началъ*», но мы только полагаемъ, что, прежде чѣмъ опредѣлять возможность и характеръ сознательнаго воздѣйствiя людей на общественный организмъ, необходимо нѣсколько основательнѣе уяснить себѣ и другимъ—какого именно вида организмъ изображаютъ собою человѣческiя общества или хоть *демы* вообще?

Къ этой существенной части задачи англiйскiй авторъ приступаетъ во введенiи своей «*Sociology*», вѣроятно уже извѣстной въ русскомъ переводѣ нашимъ читателямъ. Здѣсь мы не безъ изумленiя замѣчаемъ, что Гербертъ Спенсеръ, подойдя ближе къ своему предмету, хоть и не отрывается вовсе отъ основнаго своего положенiя, будто общество есть организмъ, тотчасъ же нейтрализуетъ его, добавляя что, однако-же, этотъ общественный организмъ существенно отличается отъ всѣхъ другихъ организмовъ, извѣстныхъ намъ. Во 1-хъ, говоритъ онъ, всѣ организмы представляются намъ сплоченными (*конкретными*), т. е. ограниченными опредѣленными очертанiями и состоящими изъ прилежащихъ другъ къ другу частей; тогда какъ общественные организмы—разбѣяны (*дискретны*), т. е. не имѣютъ опредѣленныхъ вѣшнихъ очертанiй и состоятъ изъ частей, болѣе или менѣе далеко отстоящихъ другъ отъ друга. Во 2-хъ, «въ животныхъ сознание сосредоточивается въ одномъ чувствилищѣ, т. е. въ небольшой части цѣлаго, между тѣмъ какъ остальные части вовсе—или почти вовсе—лишены сознаниа; въ обществѣ-же сознание разбѣяно повсюду; и всѣ члены общества въ равной—или почти въ равной—степени способны наслаждаться и страдать: особое общественное чувствилище не существуетъ вгдѣ».

Ниже мы рассмотримъ по существу значенiе этихъ спенсеровскихъ ограниченiй и постараемся уловить соображенiя, на основанiи которыхъ знаменитый англiйскiй эволюционистъ считаетъ возмож-

нымъ подъ словомъ *общество* понимать только такія ассоціаціи, которыя индивидуализировались до высшей степени демовъ. Теперь-же замѣтимъ только, что авторъ напрасно торопился изъ положенія объ органичности обществъ выводить, будто они, подобно другимъ организмамъ, могутъ только самостоятельно расти, а не преобразовываться сообразно съ сознательнымъ воздѣйствіемъ, хотя бы даже и договоромъ. Мы знаемъ, что остальные организмы способны поддаваться такимъ воздѣйствіямъ, хотя и въ разныхъ степеняхъ. Если *дема*, т. е. общество-организмъ, представляетъ собою въ непрерывной цѣпи эволюціонныхъ явленій нѣчто до такой степени новое, что съ возникновеніемъ этихъ *демовъ* начинается новая и высшая научная вѣтвь—*соціологія*, то благоразуміе совѣтуетъ намъ воздержаться, въ ожиданіи дальнѣйшихъ изслѣдованій, отъ всякихъ апріорныхъ заключеній на этотъ счетъ. Въ противномъ случаѣ мы рискуемъ нагрузить новорожденную соціологію такимъ биологическимъ балластомъ, котораго она, пожалуй, и не снесетъ. Если-же заключать по аналогіямъ, то не слѣдуетъ забывать, что всѣ другіе организмы тѣмъ именно воспримчивѣе къ сознательнымъ воздѣйствіямъ, чѣмъ выше они стоятъ на лѣстницѣ морфологическаго развитія. Не выходя изъ области *зоидовъ*, — деревья мы можемъ заставлятъ давать намъ болѣе обильные и болѣе вкусные плоды, дикихъ звѣрей мы можемъ укрощать, домашнихъ — дрессировать, дѣтей — воспитывать. Гдѣ-же ручательство за то, что въ высшей области человѣческихъ *демовъ* мы не можемъ осуществлять тѣхъ, болѣе сложныхъ, воздѣйствій, лозунгомъ которыхъ можно пока принять теорію общественнаго договора?

Л. Мечниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ КАПИЩЪ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА.

Очеркъ.

V.

Годъ окончился побѣдоносно: банкъ выпустилъ закладныхъ листовъ на пятнадцать милліоновъ. Отчетъ уже напечатанъ. Много было съ нимъ возни, — чуть не десятокъ корректуръ продержали. Басинскій самъ написалъ объяснительную записку. Она вышла не особенно литературной, — попадались въ ней неудобочитаемые, «протяженно-сложенные» періоды, но что это могло значить передъ блестящими цифрами отчета? Банкъ давалъ тридцать процентовъ дивиденда.

Ревизіонная комиссія произвела повѣрку и нашла все въ «образцовомъ порядкѣ». Какъ и вообще наши ревизіонныя комиссіи, она свято исполнила свой долгъ — глядѣть и не видѣть. Она отлично знала, что банкъ выдавалъ ссуды по невозможнымъ оцѣнкамъ, вызвавшимъ въ городѣ спекулятивную игру въ куплю-продажу домовъ, но и не подумала указать на этотъ грѣхъ. Комиссія была плоть отъ плоти, и кость отъ костей правленія банка и понимала, что право критики предоставлено ей только для видимости. Но, тѣмъ не менѣе, шутовской обрядъ ревизіи былъ исполненъ очень серьезно.

Ревизія была назначена вечеромъ. Кабинетъ правленія весело освѣщался нѣсколькими лампами. Члены правленія выглядѣли какъ мудрыя дѣвы, съ зажженными свѣтильниками, невинно и радостно ожидающія жениховъ; передъ ними лежали доказательства ихъ добродѣтели — толстыя банковскія книги въ прекрасныхъ переплетахъ съ золотыми надписями.

Два ревизора уже пріѣхали; поджидали третьяго — профессора Бобика.

Теперь ни одно сколько-нибудь благоустроенное капище золотого тельца не обходится безъ господъ профессоровъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ; тѣ и другіе состоятъ, такъ сказать, въ прикомандированіи къ капищамъ для особыхъ порученій. Роль профессоровъ—давать своимъ присутствіемъ санкцію науки культу золотого тельца, подобно тому, какъ дѣйствительные статскіе совѣтники даютъ ему санкцію администраціи. Интересно наблюдать, какъ эти профессора говорятъ рѣчи на какомъ-нибудь торжествѣ въ честь спекуляціи. Серьезное лицо сіяетъ авторитетомъ науки, а изъ устъ бѣжитъ чудотворная рѣчь; отъ ея звонкихъ фразъ азартная коммерческая игра, гешефты, спекуляціи совершенно преобразуются. Это не азартная игра, не нажива, это «великое дѣло поднятія экономическаго благосостоянія края», это «развитіе благотворнаго кредита», «удовлетвореніе насущныхъ потребностей страны» и, наконецъ, «смѣлый шагъ къ экономическому благосостоянію народа». Затѣмъ ораторы очень откровенно объясняютъ, что подъ народомъ нѣю разумѣть, конечно, не черный народъ, а только капиталистовъ, домовладѣльцевъ, помѣщиковъ, купцовъ и, разумѣется, ученыхъ, словомъ—однихъ только правовѣрныхъ служителей золотого бога. Больше умные любятъ щеголять народничествомъ, говорятъ о необходимости «поднять уровень благосостоянія крестьянъ», и любовь къ народу безпрестанно спрыгиваетъ съ ихъ языка. Это иногда возбуждаетъ недоразумѣніе: по окончаніи рѣчи, какой-нибудь несоборенно сообразительный коммерсантъ замѣчаетъ профессору, что такъ-де нехорошо,—и нашимъ, и вашимъ.

— Вы такъ думаете? говоритъ профессоръ съ торжествующей улыбкой.—Позвольте мнѣ пояснить вамъ мою мысль гастрономическимъ примѣромъ. Положимъ, мнѣ хочется полакомиться на рождествѣ великолѣпнѣйшей ветчиной. Не будетъ-ли глупо съ моей стороны, если я предназначенную для этой ветчины свинью стану морить голодомъ?

— Понялъ, батенька!.. Ха-ха-ха... Вотъ въ какомъ смыслѣ! Это вы правду сказали!..

И единеніе науки съ наживой выражается дружескими рукопожатіями профессора-народника и денежнаго туза.

Ораторы прибѣгаютъ также и къ модной аргументаціи статистическими цифрами и научными истинами, но въ сущность этой аргументаціи, не чуждой тенденціозной подтасовки,

никто изъ слушателей не внимаетъ, потому что и повороты эти рѣчи не для того, чтобы вникали въ ихъ сущность: это только бенгальскій огонь науки, которымъ любятъ ослѣплять себя сопряженная спекуляція.

Нѣсколько такихъ профессоръ составили въ приказаніи и къ „ипшенично-кукурузинному“ банку, въ томъ числѣ и запоздавшій на ревизію профессоръ Бобикъ.

Наконецъ, и онъ пріѣхалъ. Профессоръ вошелъ въ кабинетъ правленія съ сознаниемъ собственнаго достоинства, какъ генераль, абонированный на купеческую свадьбу.

Ревизія началась. Прежде всего подали чай, потомъ перелистовали бухгалтерскія книги, посмѣялись по поводу какого-то анекдота, рассказаннаго Апфелемъ, сосчитали наличность кассы, и ревизоры объявили, что они обязаны засвидѣтельствовать передъ общимъ собраніемъ найденный ими образцовый порядокъ. И какъ ни смѣшно было это заявленіе, такъ какъ и правленіе, и ревизіонная комиссія, и общее собраніе были «едина душа, едино тѣло», однако никто изъ актеровъ даже не улыбнулся. Ревизоры уѣхали, а на другой день получили свой гонораръ.

Черезъ недѣлю долженъ былъ разыгратъ другой подобный-же шутовской фарсъ—общее собраніе акціонеровъ.

Ряды вѣсскихъ студіевъ перегородили приемную банка; передъ ними—столъ для правленія. Весеннее солнышко смотрѣло въ залу и смѣялось надъ актерами предстоящаго спектакля. Басинскій, какъ верховный жрецъ, расхаживалъ по своему храму. Шварцъ и Димитраки стояли за столомъ, точно за прилавкомъ, уложеннымъ въ алфавитномъ порядкѣ избирательными книжками для акціонеровъ и уставами банка. Всѣ служащіе пріодѣлись по враздничему и имѣли веселыя фациономіи: они были увѣрены, что будетъ прибавка къ жалованью; сторожа, одушевленные той-же надеждой, весело расхаживали по передней, въ ожиданіи пальто и шляпъ.

Къ назначенному часу въ залѣ появились группы акціонеровъ, но они выглядѣли какъ-то не по-акціонерски: была видна въ нихъ нѣкоторая нерѣшительность, какъ у переодѣтыхъ солдатъ, изображающихъ свиту герцога въ какомъ-нибудь провинціальномъ театрѣ. Двое изъ нихъ шутили съ Шварцемъ и Димитраки, и вдругъ, послѣ громкаго взрыва хохота,

все четверо оглянулись на дверь правленія, какъ распались гимназисты.

Опытный глазъ сразу могъ-бы опредѣлить, что среди всѣхъ этихъ господъ, аккуратно явившихся, точно на службу, нѣтъ ни одного настоящаго акціонера. Это все были калифы на часъ, служащіе въ конторахъ настоящихъ акціонеровъ: на нихъ были росписаны акціи, сосредоточенныя въ немногихъ рукахъ, и вотъ эти мнимые акціонеры явились играть въ «общее собраніе».

У многихъ были озабоченныя фізіономіи: предстояли выборы должностныхъ лицъ, и они опасались какъ-бы не сдѣлать какой-нибудь ошибки.

— Позвольте узнать, спрашивалъ высокій юноша Шварца, — зачѣмъ вы дали мнѣ эту книжечку?

— Для выборовъ... Тамъ напечатано—на какія должности... Вотъ посмотрите: на этомъ листикѣ—въ члены оцѣночной комиссіи, на этомъ—въ депутаты для тиража и т. д.

— Понимаю... благодарю васъ.

Но безпокойство все-таки не сходило съ лица акціонера.

— Послушай, обращается онъ къ одному изъ товарищей—кого-же мы будемъ выбирать?

— Я и самъ не знаю. Надо Шварца спросить. Послушайте, Моисей Михайловичъ, кого мы должны выбирать?

— Да развѣ вамъ не сказали въ конторѣ Апфеля?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ погодите... я сію минуту узнаю.

Шварцъ побѣжалъ въ правленіе, къ Басинскому.

— Николай Петровичъ, акціонеры спрашиваютъ, кого имъ выбирать.

Басинскій разсердился.

— Зачѣмъ вы ушли съ своего мѣста? Я вамъ сказалъ, чтобы вы ни на шагъ не отходили отъ стола, пока всѣ не соберутся.

— Тамъ Димитраки остался.

— А можетъ быть и онъ ушелъ также, какъ и вы... Сколько разъ вамъ надо твердить, чтобы вы дѣлали свое дѣло.

Шварцъ съ досадою повернулся и хотѣлъ уйти.

— Позвольте!.. Куда вы бѣжите?.. Стойте!.. О чемъ вы меня спрашивали?

— Акціонеры не знаютъ, кого выбирать.

— Не знать!.. Это совершенно естественно... Вотъ вамъ списокъ... Извольте всѣмъ, кто не знаетъ, продиктовать. Понимаете?

— Конечно, понимаю.

— Смотрите, не напутайте!

— Я понимаю, Николай Петровичъ.

— Знаю я, какъ вы понимаете. Ну, идите-же скорѣе!

— Чтобъ чортъ тебя взялъ!.. Слова не-человѣчески не скажешь, а еще въ университетѣ былъ, ворчалъ Шварцъ себѣ подъ носъ, торопливо идя къ своему столу.

— Господа! возгласилъ онъ; — кто не знаетъ кого выбирать, пожалуйте сюда!..

Вдругъ сзади него раздался сердитый окрикъ:

— Господинъ Шварцъ!

Онъ оборотился и увидѣлъ гнѣвную фигуру Басинскаго.

— Пожалуйте сюда!..

Шварцъ побѣждалъ: тоска выразилась въ его глазахъ.

— Чего вы кричите? запищѣлъ на него Басинскій; — не могли этого съ тактомъ сдѣлать... тихонько. Ну, ступайте!..

Шварцъ сталъ шепотомъ сообщать мнимымъ акціонерамъ, кого они должны выбирать. Нѣкоторые просили вписать за нихъ фамилии, чтобы какъ-нибудь не ошибиться; у стола сгруппировалось нѣсколько человѣкъ, съ карандашами; и писали подъ диктовку. Наконецъ, всѣ избирательныя книжки наполнились фамилиями; пріѣхало нѣсколько настоящихъ акціонеровъ; ждали только туза Четверикова, который считалъ своимъ правомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то шикомъ непремѣнно опоздать и въ театръ, и въ концертъ, я тѣмъ болѣе на общее собраніе, гдѣ будутъ его подчиненные.

Наконецъ, и Четвериковъ Юпитеромъ оказался въ залѣ, небрежно кивнулъ головой на почтительный поклонъ мнимыхъ акціонеровъ и прошелъ въ правленіе. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда вышли Апфель, Басинскій и Хризанфъ. Они усѣлись за столъ. Четвериковъ помѣстился въ первомъ ряду; статисты акціонеры заняли задніе ряды стульевъ; въ дверяхъ столпились служащіе въ банкѣ, вмѣсто публики; черезъ ихъ головы выглядывалъ ставшій на ципочки сторожъ.

Апфель позвонилъ, потомъ взглянулъ на лежавшій передъ нимъ листъ бумаги, гдѣ былъ написанъ порядокъ собранія, и попросилъ избрать предсѣдателя.

— Вась... единогласно!.. произнесъ Четвериковъ.
Акціонеры безмолвовали.

— Единимъ только гласомъ, а не единогласно, произнесъ Степановъ.

— Надо имъ сказать, чтобы они подтверждали то, что произнесетъ Четвериковъ, сказалъ Шварцъ; — я найду скажу.

— Не суйтесь!.. Басинскій опять васъ вырываетъ, оставивъ его Дмитрава.

Повѣрили число акціонеровъ и голосовъ.

— Собраніе действительно!.. объявилъ Алфель; потомъ опять взглянулъ на бумагу и спросилъ:

— Угодно-ли собранію выслушать отчетъ банка и смѣту расходовъ на будущій годъ?

— Отчета не надо!.. Извѣстенъ... Только смѣту, сказалъ Четвериковъ.

Секретарь прочиталъ смѣту.

— Собраніе утверждаетъ... единогласно, произнесъ Четвериковъ.

Акціонеры безмолвовали. Тузь оглянулся и только двинулъ бровями.

— Единогласно!.. раздалось нѣсколько голосовъ.

— Единогласно!.. крикнулъ весь хоръ мнимыхъ акціонеровъ.

— Приступимъ къ выборамъ должностныхъ лицъ, объявилъ Алфель.

Избирательныя книжки уже были готовы; составили голоса: всѣ были выбраны по указанію правленія.

— Собраніе выражаетъ правленію благодарность, началъ Четвериковъ, — единогласно!

— Единогласно!.. откликнулось эхо.

— Засѣданіе закрыто!.. сказалъ Алфель.

Четвериковъ быстро ушелъ; зала начала пустѣть.

Басинскій похлопнулъ двумя пальцами.

— Господишъ Шварцъ!..

— Что вамъ угодно, Николай Петровичъ?..

Басинскій покрутилъ пальцемъ въ воздухѣ и похлопнулъ два раза.

— Я что-то хотѣлъ сказать... напомните мнѣ потомъ... я долженъ быть вполнѣнъ.

Онъ закурилъ папиросу и ушелъ вмѣстѣ съ Алфелемъ и Хризанфомъ.

VI.

На другой день служащие имѣли видъ дѣтей, ожидающихъ елви: они были уверены, что имъ будетъ объявлено объ увеличеніи жалованья, такъ какъ на первый годъ всѣмъ было назначено меньше того, что получали служащие въ другихъ мѣстныхъ банкахъ.

Правленіе собралось въ полномъ составѣ. Служащие просидѣли до пяти часовъ; одинъ только секретарь ушелъ, по обыкновенію, въ три. Томленіе ожиданія все росло и росло; наконецъ, двери правленскаго кабинета открылись, и всѣ три директора ушли домой, не обративъ никакого вниманія на устремленные на нихъ взгляды служащихъ, сначала радостные, въ моментъ открытія дверей, а потомъ быстро померкнувшіеся облакомъ недоумѣнія.

— Что сей сонъ значитъ? прошепсѣ Степановъ.

— Неужели не прибавятъ?.. сказалъ Шварцъ съ испугомъ.

— Какъ это возможно!.. возразилъ Димитраки.

— По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, началъ ораторствовать Степановъ, — увеличеніе жалованья должно непременно послѣдовать, ибо, съ одной стороны, такой громадный успѣхъ банка, а съ другой, тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, трудясь больше, получаемъ меньше, чѣмъ въ другихъ банкахъ; а изъ сего сопоставленія естественно, логически вытекаетъ мысль о множителѣ манифестъ...

— Помните мое слово, что шишъ получимъ!.. раздался голосъ свентика изъ бухгалтеріи.

— Типунъ вамъ на языкъ!.. возмелась Шварцъ.

— Басинскій сегодня не въ духѣ, этого и не объявили о прибавкѣ, предположилъ Димитраки.

Всѣ разошлись по домамъ, съ надеждами на завтра.

Утромъ Басинскій пришелъ мрачный и, по обыкновенію, придрался къ Шварцу: позвалъ его въ кабинетъ съ какой-то справкой и рассерчался. Шварцъ вышелъ озабоченный.

— Просте жуть не служи!.. проворчалъ онъ, принимаясь за свое дѣло.

— Басинскій — большой человекъ, задалъ Димитраки.

— Совершенно справедливо, подтверждалъ Степановъ.

— А мнѣ-то легче, что-ли, отъ этого? огрызнулся Шварцъ; —

да и врите вы, господа, что онъ такой отъ болѣзни. Если-бы онъ всѣхъ ругалъ во время болѣзни, ну, это было-бы такъ. А онъ какой вѣжливый со всѣми!.. Только надъ нами куражится, какъ самодуръ, потому что мы его подчиненные.. Ей-Богу, уйду, если не прибавятъ жалованья.

— Положимъ, что не уйдете, самѣтилъ Дмитраки.

— Ну, вотъ увидите!

— Сегодня, значить, нечего и ждать объявленія о прибавкѣ.

— А знаете что, господа, горячился Шварцъ:—я его сегодня спрошу: прибавятъ или нѣтъ... Пускай онъ осмѣлится сказать мнѣ дерзость,—честное слово, оборву его при всѣхъ.

— Вамъ давно это надо сдѣлать, сказалъ секретарь.

— Ей-Богу, оборву!.. Что, въ самомъ дѣлѣ!..

Шварцъ былъ такъ огорченъ, что Дмитраки не рѣшился возразить ему и только недовѣрчиво усмѣхнулся.

Опять просидѣли чуть не до пяти часовъ. Басинскій зачитался газетой, а къ тому времени, когда онъ прошелъ черезъ приемную, Шварцъ уже совершенно остылъ, позабылъ свою обиду и намѣреніе оборвать.

— Что-же вы, Шварцъ? спросилъ его Дмитраки.

— А ну его къ чорту!. Не стоитъ съ нимъ связываться!

— То-то вотъ и оно...

Дня черезъ три, томительному ожиданію служащихъ показался конецъ: Басинскій потребовалъ бланкъ журнала.

— Самъ хочетъ писать милостивый манифестъ, сказалъ Степановъ.

— Сегодня, значить, узнаемъ великія и богатія милости, произнесъ Дмитраки, весело улыбаясь.

Но Басинскій опять ушелъ домой молча.

— Ну, ужъ это свинство!.. Чего онъ насъ мучитъ! сказалъ Шварцъ.

— Больше подумаетъ, больше прибавитъ, кошутилъ Дмитраки.

На слѣдующій день ждали до пяти часовъ не напрасно: Басинскій, уходя, отдалъ секретарю желанный журналъ.

Всѣ обступили Плискова; каждый искалъ въ строчкахъ журнала своей фамилии и рядомъ съ ней цифры прибавочнаго жалованья.

Черезъ минуту группа служащихъ, окружавшая Плискова,

представляли прехристую живую картину обиднаго разочарованія: прибавка вышла только бухгалтеру и секретарю, да и то не такая, какой они могли ожидать.

Степановъ первый прервалъ молчаніе:

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

— Какая неблагодарность! съ горечью воскликнулъ Димитраки.

— Послѣ этого не стоитъ работать на такихъ людей, сказалъ Шварцъ и захлопнулъ свой исходящій.

Изъ правленія вышелъ Басинскій; его встрѣтили очень недружелюбные взгляды; но онъ не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія и тотчасъ замѣтилъ, что Шварцъ сидитъ безъ дѣла.

— Смотрите, сказалъ онъ ему, — чтобы всѣ бумаги сегодня-же были сданы на почту.

— Я знаю свое дѣло! огрызнулся, на этотъ разъ, Шварцъ. Басинскій съ удивленіемъ взглянулъ на него и ушелъ.

Всѣ служащіе собрались въ пріемной. Три сторожа, съ уныло-сердитыми фізіономіями, подошли къ секретарю.

— Что-же это такое, Илюдоръ Алексѣвичъ? сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Я о васъ два раза говорилъ Басинскому...

— Вопіющая неблагодарность!.. возглашала Димитраки, — мы такъ усердствовали, до полнечи просиживали и вдругъ!.. Черная неблагодарность!..

— Нѣтъ, господа, это не только свинство, но и глупость, сказалъ бухгалтеръ Канаусъ. — Такое мелочное скаредство, что сказать стыдно. Нашли въ чемъ экономію соблюдать! Это все невѣжа Басинскій!

— Всѣ они однимъ муромъ мазаны, замѣтилъ Степановъ.

— Я говорилъ, что кукишъ покажутъ! кричала сметникъ изъ бухгалтеріи.

— Что-же намъ теперь дѣлать?..

— Ничего не подѣлаешь.

— Нѣтъ, господа, надо какъ-нибудь протестовать. Илюдоръ Алексѣевичъ, какъ вы полагаете?

— Я думаю, что протестовать серьезно никто не захочетъ, а чтобы только пошумѣть, а потомъ пардона просить, такъ это одинъ срамъ.

— А вотъ что: вы, вмѣстѣ съ бухгалтеромъ, заявите намъ наше общее неудовольствіе.

— Они скажутъ: на здоровье, можете чувствовать неудовольствіе, сколько душъ угодно. Протестовать—такъ надо, чтобы за словами была сила. Вотъ, напримеръ, если-бы всѣ круто поставили вопросъ: или прибавьте жалованье, или мы всѣ уйдемъ... Но на это никто изъ насъ не рѣшится.

— Я уйду!.. заявилъ Шварцъ.

— Не уйдете!.. отвѣтила Димитраки.

— Честное слово, уйду!..

— Оставьте, пожалуйста... Ну, куда вы уйдете?

— Да я лучше буду 25 рублей получать, чѣмъ выслушивать дерзости какого-нибудь Басинскаго!

— Ну, давайте пари, что не уйдете!

— Убирайтесь вы къ чорту!

— Господа, будетъ вамъ! Дайте намъ дослушать Илюдора Алексѣевича.

— Такъ вотъ и выходитъ, сказала секретарь, что протестовать какъ слѣдуетъ никто не захочетъ, потому что хотъ намъ и меньше платять, чѣмъ слѣдовало-бы, а все-таки лучшикъ мѣстъ не скоро отыщемъ.

— Совершенная правда!.. произнесли со вздохомъ нѣсколько человекъ.

— Ничего, значить, не подѣлаешь.

— Хотъ-бы ихъ въ газетахъ осрамить.

— Отлично-бы это было!..

— Пустяки. Они и не поморщатся..

— Ну, итъ... Все-же таки гласность что-нибудь да значить. Вѣдь, весь городъ прочтеть... Смѣются будутъ надъ такимъ средствомъ.

— Надо написать!.. Не мытьемъ, такъ катаньемъ!

Илюсковъ промолчалъ, но рѣшилъ про себя, что онъ долженъ исполнить общее желаніе товарищей, и въ тотъ-же вечеръ написалъ корреспонденцію объ отношеніяхъ правленія банка къ служащимъ.

Недѣлю черезъ двѣ, Димитраки, просматривая только что полученный номеръ газеты, вдругъ закричалъ:

— Господа, корреспонденція про банкъ!

— Bravo!.. вскричалъ Степановъ, выскакивая изъ-за стола.

Извѣстіе о корреспонденціи разнеслось по всѣмъ комна-

тамъ; всѣ служащіе сошлись слушать чтеніе Димитраки, помахившаго, какъ флагомъ, газетнымъ листомъ.

— Bravo!.. Ловко продернули!.. Теперь этотъ номеръ на столъ въ правленіе. Пусть облизнутся...

— А если не замѣтятъ?

— А вѣдь, я обведу краснымъ карандашомъ.

Одинъ только бухгалтеръ Канаусъ былъ, повиданному, недоволенъ и не высказалъ никакого мнѣнія. Шумный разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Басинскаго.

— Что такое? спросилъ онъ.

Всѣ молчали, разсѣявшись по своимъ мѣстамъ.

— Мы читали корреспонденцію про банкъ, сказалъ Канаусъ;— всѣ мы возмущены... Все написано—наглая ложь... Мы протестуемъ.

Басинскій молча взялъ номеръ газеты и ушелъ въ кабинетъ, за нимъ побѣжалъ и Канаусъ.

Всѣ были поражены до ошмѣнія...

Черезъ нѣсколько минутъ Канаусъ вышелъ изъ кабинета и обратился къ секретарю:

— Я заявилъ Николаю Петровичу, что мы считаемъ своимъ долгомъ написать возраженіе на эту корреспонденцію и онъ сказалъ, чтобы попросить васъ редактировать возраженіе.

— Доложите ему, что я отказываюсь.

Канаусъ покраснѣлъ.

— Не хотите?! Какъ знаете!

Онъ торопливо ушелъ въ бухгалтерію, ни на кого не глядя, какъ будто боясь встрѣтить чей-нибудь взглядъ.

— Каково! Вотъ это ловкій ходъ!.. сказалъ Степановъ.

— Что за мерзость!.. проворчалъ Димитраки.

— Что же, господа, подѣлшемъ или нѣтъ?.. спросилъ

Шварцъ.

Всѣ собрались на обсужденіе этого вопроса; на лицахъ уже не было веселости, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Бояни овладѣлъ страхъ лишиться мѣста, и противъ чувства негодования энергично боролись практическія соображенія.

Совѣщаніе началось единодушнымъ заключеніемъ: «нельзя не подписать».

— Илюдоръ Алексѣевичъ, вы не подписываете?

— Конечно, нѣтъ.

— Вы—дѣло другое. Васъ не тронуть, а намъ достается.

— Всѣхъ не выгонять.

— То-то, если-бы *все* отказались подписать, а то, видя, нѣкоторые подпишутъ.

— Эхъ вы, протестанты!..

— Что-же дѣлать... Если-бы *все*, тогда дѣло другое...

Всѣ разошлись съ отвратительными ощущениями; ничто не производило такого гадкаго впечатлѣнія, какъ нѣмѣна товарища, а въ этомъ случаѣ оно еще усложнялось горечью добровольнаго самоуниженія.

Между тѣмъ Канаусъ отложилъ въ сторону свой меморіалъ и началъ сочинять возраженіе, въ которомъ говорилось, что корреспонденція есть клевета на правленіе, что служащіе въ банкѣ всѣмъ довольны и выражаютъ свое негодованіе корреспонденту.

— Подпишите, предложилъ затѣмъ Канаусъ своимъ помощникамъ.

Морщась, вздыхая и про себя награждая бухгалтера очень нежесткими эпитетами, они подписались.

Канаусъ пошелъ въ комнату переписчиковъ.

— Подписывайте, господа!

— Пусть Иліодоръ Алексѣевичъ подпишетъ, тогда и мы за нимъ.

— Онъ не хочетъ...

— Ну, и намъ безъ него неловко подписать.

— А я вамъ совѣтую подумать, чтобы не пришлось раскаяться..

Переписчиками овладѣла тревога: и подписывать было стыдно, и мѣсто потерять не хотѣлось. Страхъ уже сдѣлалъ свое дѣло—отнялъ способность разсуждать, и они не сомнѣвались въ томъ, что стоитъ только не подписать—и ихъ выгонять.

— Иліодоръ Алексѣевичъ, жалобно говорили они, — посоветуйте намъ: подписывать или нѣтъ?

— Странный вопросъ! Довольны вы корреспонденціей или нѣтъ?

— Довольны.

— Правда въ ней или ложь?

— Разуется, правда.

— Ну, такъ какъ-же вы хотите протестовать противъ правды?

Утро прошло въ мучительной борьбѣ мыслей; наконецъ,

всѣ пошли въ бухгалтеру и съ краской стыда и страха на щекахъ заявили, что они, по необходимости, согласны подписать.

Подписали и начали стыдить другъ друга и утѣшать.

— Я нарочно такъ подписалъ, что невозможно разобрать фамилию, говорюль одинъ.

— И я тоже.

— А знаете что, господа? Напишемъ въ редакцію письмо, что мы протестуемъ по-неволѣ и просимъ не печатать возраженія.

— А редакція возьметъ, да и напечатаетъ наше письмо, какъ курьезъ. Вотъ мы и влопаемся.

— Да можетъ быть и такъ не напечатаютъ.

— Илюдоръ Алексѣевичъ, какъ вы думаете?

— Я думаю, что не напечатаютъ.

— Дай-то, Господи!. А то вѣдь на всю Россію осрамимся.

Послѣ занятій, Плисковъ пошелъ въ бухгалтерію, куда двинулись за нимъ всѣ служащіе.

— Николай Михайловичъ, сказалъ онъ бухгалтеру, — мнѣ помнится, что вы, пожалуй, больше каждаго изъ насъ ругали нравленіе.

— Ну, такъ что-же?

— А что вы сегодня сдѣлали?

— То, что слѣдовало.

— Такъ я вамъ скажу, какъ называется вашъ поступокъ. Чтобы выслужиться, вы не только сами унизились, а еще заставили другихъ поступить противъ совѣсти. Это лакейство самаго гнуснаго свойства.

— Не лакейство, а соблюденіе приличія.

— Очень жаль, что вы этого не понимаете. Я съ вами больше не знакомъ и не кланяюсь.

Служащіе разошлись въ тоскливомъ настроеніи духа.

„Хороши, нечего сказать! думалъ Плисковъ, идя домой.— Послѣ этого какъ-же не унижать ихъ Басинскому.. И это вездѣ такъ: въ душѣ протестъ, а на дѣлѣ лакейство,—не въ одномъ только пшенично-кукурузномъ банкѣ“.

„Но и самъ ты тоже хорошъ, подумалъ онъ затѣмъ.— Положимъ, ты не прислуживаешься, какъ они, но вѣдь ты не поклонникъ золотого тельца, а между тѣмъ служишь въ его каплицѣ. Хорошъ, братъ, и ты, нечего сказать“.

VII.

Въ третье полугодіе игроки „Пшенично-кукурузнаго“ банка замѣтили, что они поразительно зареались. Цѣль банка—занять сразу видное мѣсто среди старыхъ банковъ—была достигнута, но оцѣночная коммиссія и нѣкоторые агенты черезъ-чуръ поусердствовали въ исполненіи инструкціи «не скупиться оцѣнкой».

Множество заемщиковъ не внесли платежей; объявленіе банка о продажѣ домовъ и имѣній заняло цѣлуе страницу мѣстной газеты. Начали составлять подробныя описи, и при этомъ дѣлались не особенно пріятныя открытія. Домъ, который, по оцѣночному акту, составленному годъ тому назадъ, «находится въ прочномъ состояніи и можетъ простоять срокъ ссуды» (18 лѣтъ), оказывался чуть не руиной; многіе доходы въ оцѣночномъ актѣ оказывались созданіемъ фантазіи оцѣнщиковъ. Хозяева описываемыхъ домовъ не имѣли огорченныхъ физиономій.

— Домъ не выносить платежей съ такой ссуды... продавайте! .. говорили они, усмѣхаясь.

Недобѣльскій тоже предоставилъ банку продавать свои дома и имѣнія, и при составленіи описи оказалось, что случайности такъ благопріятствовали этому любимцу спекуляціи, что банкъ, по неясности въ документахъ, одно имущество считалъ за два разныхъ и выдалъ двѣ ссуды.

Сбитневъ тоже не заплатилъ. Это очень удивило правленіе банка.

— Странно, говорили члены, припоминая оцѣночный актъ Червошнаго, — образцовый хозяинъ, имѣніе стоитъ больше ста тысячъ, и вдругъ не платитъ.

Писали агенту, чтобы онъ разъяснилъ это недоразумѣніе, но Червошный коротко отозвался, что ему ничего неизвѣстно о причинѣ, по которой Сбитневъ не внесъ платежей. Тогда рѣшили послать Грача сдѣлать подробную опись имѣнія Сбитнева.

Грачъ съ удовольствіемъ отправился въ эту командировку, рассчитывая на радушный пріемъ въ барской усадьбѣ о семнадцати комнатахъ. Онъ задавалъ себѣ вопросъ, любить-ли женщинъ этотъ образцовый землевладѣлецъ, ведущій хозяйство „на ра-

ціональныхъ началахъ», и можно-ли рассчитывать на удовольствія въ Песковомъ.

Въ городѣ Виноградномъ Грачъ нанялъ вольныхъ, ночтова дорога не проходила черезъ благословенное капище Обитнева. Полдня ѣхалъ Грачъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ скучнѣе становилась дорога; перестали попадаться фруктовые сады, не видать телеголей, даже акація исчезли. Степь—куда ни поглядишь, да еще какая унылая степь: это не живой зеленый коверъ съ разбросанными по немъ душистыми букетами цвѣтовъ, а сѣрая, пожженная солнцемъ трава, и на ней, точно огромныя лысины, песчаныя прогалины, блестящія отъ солнца.

Скучно было ѣхать Грачу, и онъ безпрестанно торопилъ ямщика напоминаніемъ о дачѣ на водку. Онъ даже сталъ дремать: но вотъ, наконецъ, ямщикъ воодушевился и, стегнувъ лошадей, обернулся къ Грачу и спросилъ:

— Куда прикажете вести?

— Какъ куда? Въ Песковую!

— А вотъ она самая и есть.

Онъ указалъ кнутомъ на убогія избушки впереди дороги.

— Да ты, видно, сбился съ пути. Ты привезъ меня чортъ знаетъ куда, а не въ Песковую, сказалъ Грачъ.

— Вотъ-те на! Нешто я дороги не знаю? отвѣтилъ ямщикъ съ усмѣшкою.

— Вези въ помѣщицью усадьбу.

— А гдѣ она тутъ? Не видать.

— Дуракъ! Подъѣзжай къ первой избѣ и спроси.

Ямщикъ еще хлестнулъ своихъ коней.

— Гдѣ-же, однако, усадьба? подумалъ Грачъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и прищуриваясь. Онъ искалъ сада на десяти десятинахъ и рѣчки, протекающей чрезъ Песковое но за малюсенькой деревней, которая вся была видна, какъ на ладонкѣ, опять разстилалась сѣрая степь, и надъ ней уже довольно низко стояло солнце.

— И рѣчки нѣтъ... Ясно, что этотъ олухъ не знаетъ дороги, рѣшилъ Грачъ съ досадою.

Ямщикъ остановился у крайней избенки; у воротъ, на скамейкѣ, грѣлся на солнышкѣ старикъ.

— Послушай, дѣдушка, какая это деревня? спросилъ Грачъ.

— Эта?! А извѣстно какая... Песковой называется.

— Странно!.. А, можетъ быть, тутъ есть другая Песковая?

— Никакой другой Песковой нѣтъ.

Все лицо ямщика сіяло насмѣшкой надъ баринномъ, который прѣхалъ въ Песковую и ищетъ другую Песковую.

— Да тебѣ кого надо? спросилъ старикъ Грачъ.

— Сбитнева... помѣщика...

— А Богъ его знаетъ, гдѣ онъ живетъ. Здѣсь его никогда не видывали. Чего ему тутъ дѣлать?

„Какая-то удивительная мистификація“, подумалъ Грачъ.

— Какъ что дѣлать? Вѣдь у него усадьба съ садомъ.

— Перекрестись, баринъ, посоветовалъ старикъ, — никакой усадьбы здѣсь и не бывало.

Ямщикъ такъ и фыркнулъ.

— Чего ты смѣешься, болванъ? рассердился Грачъ.

— Да извѣстно, смѣшно. На пустомъ мѣстѣ барской усадьбы ищите, да еще съ садомъ.

— А гдѣ тутъ рѣчка? допрашивалъ Грачъ старика.

— Рѣчки намъ Богъ не далъ. Кабы рѣчка-то была, не то бы у насъ было. Колодцевъ, и тѣхъ мало, и вода въ нихъ не вкусная, земли пахнетъ.

— Староста у васъ есть? спросилъ Грачъ съ отчаяніемъ.

— Какъ не быть... Иванъ Герасимовичъ... Вонъ онъ самый къ кабаку идетъ.

— Вези туда! скомандовалъ Грачъ.

Староста уже заносилъ ногу на крыльцо кабака, какъ окрикнулъ Грачъ: «Послушай-ка, любезный», заставилъ его обернуться. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ староста на неизвѣстнаго барина: кромѣ становаго, никакіе господа въ деревню не наѣзжали.

— Чего изволите? спросилъ онъ.

— Ты староста?

— Я.

— Скажи, братецъ, толкомъ, какая это деревня?

— Песковая.

— Помѣщикъ Сбитневъ здѣсь не живетъ?

— Гдѣ ему жить-то? Чисто да гладко у насъ, ровно на плѣши.

— И другой Песковой поблизости нѣтъ?

— На сто верстъ кругомъ нѣтъ... Есть деревня Зайчиха, Овражкино...

Староста пересчиталъ до десятка деревень.

«Ловко вздули банкѣ!» подумалъ Грачъ.

Въ Виноградномъ Грачъ остановился отдохнуть и, первымъ дѣломъ, отправился къ агенту, но его не оказалось дома: „уѣхали въ уѣздъ“, сказалъ лакей. Грачъ разузналъ насчетъ имѣнія Сбитнева и убѣдился, что онъ былъ въ томъ самомъ Песковомъ, которое заложено въ банкѣ. Пославъ правленію пріятную телеграмму, онъ рѣшилъ вечеръ провести въ клубѣ.

Составилась отличная пулька съ котломъ и птичкой. Какое-то веселый господинъ обыгралъ всѣхъ трехъ партнеровъ и тотчасъ потребовалъ шампанскаго.

— У меня ужъ такое правило, объяснялъ онъ Грачу, — послѣ каждаго выигрыша—вспрыска. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь и удовольствіе бесѣдовать?

Грачъ отрекомендовался.

— Грачъ!.. Значитъ вы у насъ гость перелетный?

— Да... Я оцѣнщикъ «Пшенично-кукурузнаго банка».

— Вотъ пріятнѣйшая встрѣча!.. А я вѣдъ кліентъ банка—

Сбитневъ.

— Скажите, пожалуйста, это ваше имѣніе въ девяносто верстахъ отсюда?

— Мое!.. Вѣрнѣе, было мое, а теперь ваше имѣніе, то-есть «Пшенично-кукурузнаго банка». Безъ лести вамъ скажу, это превосходный, милый, обязательный банкъ! Да вы не въ Песковое-ли ѣдете?

— Я уже тамъ былъ.

— Описали!.. Ха-ха-ха!.. Наврядъ кто купить! Банкъ можетъ тамъ лѣтнее помѣщеніе устроить... Ха-ха-ха!..

— У васъ тамъ прежде была усадьба?

— Никогда!.. Я и въ глаза не видывалъ этой деревни. Это явное недоброжелательство со стороны покойнаго папеньки оставить такое наслѣдство. Никто не хотѣлъ купить... Десять лѣтъ продавалъ... Если-бы не банкъ, дѣло было-бы дрянъ. А знаете, деньги у вашего банка пресчастливыя. Съ его ссуды, я немножко поднялся... А то, знаете, такъ не везло, что страсть... Оно, положимъ, и теперь мнѣ не везеть, но все-таки не то... Выигрыша не зналъ... Милости прошу.

Сбитневъ налилъ бокалы.

— За здоровье господъ директоровъ «Пшенично-кукурузнаго банка»!..

Грачъ долженъ былъ чокнуться.

— Пріятнѣйшая и неожиданная встрѣча, продолжалъ болтать Сбитневъ. — Человѣкъ! Еще бутылку заморозить.

— Не знаете-ли вы, Червонный надолго уѣхалъ? интересовался Грачъ.

— А право, не знаю... Чрезвычайно добрый человѣкъ!. Онъ меня познакомилъ съ вашимъ банкомъ... Я ему очень обязанъ.

Сбитневъ снова налилъ бокалы.

— За здоровье Червоннаго, вашего товарища по оружію!

Грачъ опять долженъ былъ чокнуться.

VIII.

Неутолима жажда наживы. Вотъ хоть-бы взять, для при-мѣра, Апфеля и Хризанфа. Они милліонеры; роскошная жизнь для нихъ обезпечена; пора бы имъ почить на лаврахъ, тѣмъ болѣе, что и лѣта ихъ уже требуютъ покоя, а между тѣмъ оба они поднимаются съ ранняго утра и идутъ въ капища своего бога, гдѣ ихъ ждутъ волненія и непріятности. Имъ милъ самый процессъ наживы, ихъ жизнь — въ исполненіи функціи капитала множиться и множиться безъ конца.

Апфель часто выходитъ изъ своей конторы или съ биржи нахмуренный отъ неблагопріятныхъ извѣстій о ходѣ какого-нибудь «дѣла» или о курсѣ бумаги; онъ боится убытковъ, придумываетъ разныя комбинаціи, страдаетъ муками игрока, волнуется, но все это умѣетъ хорошо скрывать.

Раздражительный Хризанфъ мучится громко. Дѣлъ у него пропасть. Разныя личности, прикосновенныя къ этимъ дѣламъ, часто ожидаютъ въ банкѣ его прихода и, молча подавъ руку, идутъ за нимъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ тамъ уже шумитъ горячій споръ. Хризанфъ чувствуетъ, что его хотятъ немножко поднадуть (на языкѣ спекуляторовъ это значить «заработать») и энергично сопротивляется; противники усиливаютъ свои доводы, Хризанфъ не уступаетъ. Онъ уже красный отъ спора, даже его толстая шея покраснѣла. Наконецъ, противники побѣждены и уходятъ, ворча про себя: «нѣтъ, его не проведешь... кремень».

Потомъ идетъ въ кабинетъ робкая фигура изъ рабочаго люда и опять сердить Хризанфа: это опять покушеніе на его карманъ, въ видѣ желанія получить больше за трудъ.

Всякій, кому случилось наблюдать дѣльцовъ-капиталистовъ, конечно, замѣчалъ, что ничто такъ не раздражаетъ ихъ, какъ претензіи чернорабочихъ на какой-нибудь полтинникъ; инстинктъ напугала, его вѣчная тенденція—понижать заработную плату, елико возможно.

Не успѣвъ Хризанфъ успокоиться, какъ въ кабинетъ входитъ какой-нибудь заемщикъ банка, не признающій никакихъ уставовъ и правилъ, и начинаетъ приставать съ какой-нибудь невозможной просьбой. Хризанфъ горячится, а заемщикъ помолчитъ-помолчитъ и опять начинаетъ свое.

— Ахъ, Боже мой! восклицаетъ Хризанфъ, — я вамъ ска- залъ, что правительство постановило...

— Слышите? Опять «правительство» постановило, замѣ- чаетъ, смѣясь, Дмитраки.

Наконецъ, Хризанфъ, зоветъ на помощь секретаря.

— Иліодоръ Алексѣевичъ, объясните ему пожалуйста... Правительство постановило... и измѣнить нельзя.

— Пожалуйте, говоритъ секретарь, и заемщикъ нехотя уходитъ изъ кабинета.

А около двухъ часовъ для Хризанфа новое безпокойство. Секретарь приноситъ бумаги къ подписи и, если нѣтъ Басин- скаго, кладетъ ихъ передъ Хризанфомъ.

— А что, есть денежныя? спрашиваетъ онъ.

— Есть. Отправокъ около двадцати тысячъ.

Хризанфъ дѣлаетъ гримасу.

— Оставьте, я просмотрю.

Хризанфъ постоянно боится то подвоха, то какой-нибудь ошибки.

Нажива—все равно, что война; только тутъ *есть* враги, не исключая и союзниковъ: чернорабочіе не упустятъ случая на- дуть, служащіе нарываютъ тоже попользоваться изъ кассы, и свой братъ капиталистъ, въ свою очередь, надуетъ при случаѣ въ общемъ дѣлѣ,—стоитъ только зазѣваться. Гляди къ оба, дѣйствуя на полѣ спекулятивной брани, и не претендуй, если наткнулся на какую-нибудь мину: и жалѣтъ никто не станетъ, только дура- комъ назовутъ.

Просмотрѣвъ бумаги, Хризанфъ звалъ секретаря.

— Вѣрно-ли все это, Иліодоръ Алексѣевичъ?

— Вѣрно. Если хотите провѣрить, тутъ и журналъ объ отправленіи этихъ денегъ.

Хризанфъ читаль журналъ и съ неудовольствіемъ останавливался на своей подписи: онъ всегда старался избѣгать подписывать денежные журналы.

Съ перомъ, на которомъ уже высохли чернила, сидѣлъ Хризанфъ надъ бумагами и все не подписываль.

«Вѣрно-то вѣрно, а вдругъ какая-нибудь ошибка окажется?» думаль онъ.

— Оставьте эти бумаги до завтра... Дайте Басинскому подписать.

— Какъ хотите.

— Онъ всегда подписываетъ, пускай и эти подпишетъ.

Однажды Хризанфъ пришелъ въ банкъ очень взволнованный и, поздоровавшись съ секретаремъ, таинственнымъ голосомъ сказалъ ему:

— Подите сюда, Иліодоръ Алексѣевичъ.

Когда они вошли въ кабинетъ, Хризанфъ притворилъ дверь и почти шепотомъ спросилъ:

— Вѣдь у насъ есть заемщикъ Кайгородовъ?

— Есть.

— Впутались мы съ нимъ въ пренепріятную исторію. Дайте поскорѣ журналъ объ его ссудѣ.

Плисковъ принесъ книгу журналовъ. Хризанфъ прежде всего взглянулъ на подписи: тамъ была и его фамилія, да еще такъ отчетливо выписана. Онъ глядѣлъ на подпись, какъ-бы желая вытравить чернила своимъ взглядомъ, потомъ тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— У меня точно предчувствіе было не выдавать ему ссуды. Вотъ теперъ и жди бѣды.

— Да что такое случилось? спросилъ Плисковъ.

— Понимаете-ли... Этотъ Кайгородовъ арестованъ.

— Вѣроятно онъ вашъ родственникъ или хорошій знакомый?

— Что это вы говорите! съ ужасомъ возразилъ Хризанфъ, махавъ руками.— Да я отрекся-бы отъ него, если-бы онъ былъ родственникъ... Слава Богу, чужой!.. Я его знать не знаю... Чортъ-бы его побралъ!.. Какой онъ мнѣ знакомый!..

— Такъ почему-же васъ такъ обезпокоилъ его арестъ?

— Банкъ ему ссуду выдалъ... И я подписалъ журналъ... Вѣдь могутъ подумать, что банкъ ему сочувствовалъ... Понимаете?

— Этого никому и въ голову не можетъ придти, ска-
заль Плисковъ, засмѣявшись.

— Вамъ смѣшно!.. Вы не отвѣчаете за дѣйствія банка...
А мы отвѣчаемъ имущественно... Извольте доказать, если бу-
детъ подозрѣніе, что мы не имѣли къ нему никакихъ отноше-
ній, кромѣ дѣловыхъ... Это ясно, а не докажешь... Падеть
тѣмъ подозрѣнія—и мало-ли что изъ этого можетъ выйти!

— Ровнехонько ничего.

— Что вы мнѣ говорите!.. Дайте-ка дѣло Кайгородова...
Надо пересмотрѣть всѣ бумажки, на всякій случай.

Когда Плисковъ принесъ дѣло о ссудѣ Кайгородова, Хри-
занфъ сказалъ ему:

— Вотъ еще вопросъ. Мы должны прервать съ нимъ вся-
кія сношенія, а между тѣмъ надо напомнить о взносовъ пла-
тежей.

— Такъ что-же, и напомнимъ. Письмо и въ острогъ доста-
вятъ.

— Да... но знаете, надо такъ написать, чтобы въ бумагѣ
ясно было видно, что банкъ тутъ не причемъ.

— Какъ хотите, я не понимаю вашего безпокойства, ска-
заль секретарь, не будучи въ состояніи удержаться отъ смѣха.

Нѣсколько дней Хризанфъ вздрагиваль, когда отворялась
дверь кабинета: ему все чудился прокуроръ, который объя-
вить ему, что на него падаетъ подозрѣніе въ сочувствіи Кай-
городову, такъ какъ онъ подписалъ журналъ о ссудѣ ему.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого припадка паническаго стра-
ха, Хризанфъ сидѣлъ въ правленіи и сводилъ счетъ оплачен-
ныхъ купоновъ закладныхъ листовъ. Дверь отворилась; къ
столу подошелъ мужчина въ коричневомъ сюртукѣ и подаль
директору ордеръ для подписи.

Хризанфъ взялъ его, прочиталь фамилію плательщика и
поблѣднѣлъ.

Передъ нимъ стоялъ Кайгородовъ.

Хризанфъ подумаль, что онъ бѣжалъ изъ тюрьмы.

— Какимъ образомъ вы здѣсь?.. спросилъ онъ съ ужасомъ.

— Пріѣхаль внести платежи банку.

— Да вѣдь вы были арестованы!..

— Былъ.

— Такъ какъ-же?! Васъ, значитъ, выпустили?

— Конечно. Вышло недоразумѣніе.

Кайгородовъ сталъ рассказывать; Хризанфъ началъ-было слушать интересную исторію и вдругъ опять испугался.

«А вдругъ кто-нибудь изъ служащихъ скажетъ, что я съ нимъ наединѣ разговаривалъ... сочувствіе выражалъ»...;

— Извините, рѣзко оборвалъ онъ слова Кайгородова, — мнѣ надо идти.

И, торопливо подписавъ ордеръ, Хризанфъ быстро вышелъ изъ кабинета.

IX.

День торга. Въ банкѣ шумно; народъ толпится и шмыгаетъ изъ угла въ уголь. Публика разношерстная: тутъ и настоящіе покупатели, — пожилой чиновникъ съ женой, облюбовавшіе домъ для приданого дочери, скопидомъ-офицеръ, сколотившій двѣ-три тысячки въ должности казначея или квартирмейстера, озабоченный «батюшка» — заимодавецъ, давшій деньги подъ вторую закладную и вынужденный теперь купить домъ, — бой-барыня, дѣлецъ въ юбкѣ — цвѣтокъ новѣйшаго времени, тутъ и маклера, зайцы, игроки на отступное.

Эти игроки всегда являются на торги, чтобы «заработать», какъ они выражаются. Игра у нихъ вѣрная, какъ у шулеровъ. Они знаютъ, сколько стоитъ продаваемое имущество и сколько можетъ дать за него настоящій покупатель; ихъ задача — заставить настоящаго покупателя, своимъ впечатлѣтельствомъ въ торги, заплатить имъ извѣстную сумму за то, что они отступятся отъ торговъ. Для покупателя выгодно дать отступное, потому что, въ противномъ случаѣ, придется купить имущество за значительно большую сумму, такъ какъ игрокъ на отступное подниметъ цѣну приблизительно до той, которую можетъ дать настоящій покупатель, и тогда откажется.

Но такой исходъ торга можетъ быть только въ томъ случаѣ, если покупатель или не хочетъ дать отступное по принципу, или совершенно невинная душа, воображающая, что его конкурентъ дѣйствительно желаетъ купить домъ, также какъ и онъ. Впрочемъ, и такую невинную душу, если бы она явилась на торги, непременно просвѣтилъ-бы какойнибудь маклеръ и, конечно, взялъ-бы за это нѣсколько рублей куртажныхъ.

Среди публики обращалъ на себя вниманіе господинъ съ

рыженными баками и волосами, важно сидѣвшій на вѣнскомъ диванчикѣ и поигрывающій золотыми брелками на часовой цѣпочкѣ. Это богатый домовладѣлецъ, Эдельштейнъ, пріѣхавшій «заработать» на отступномъ. Мелкіе игроки на отступное съ завистью и почтеніемъ поглядывали на счастливаго собрата по ремеслу: у нихъ мало денегъ для внесенія залоговъ на право торга, а онъ можетъ торговаться на любое имущество,—онъ уже внесъ въ кассу десять тысячъ рублей залога.

Съ нѣкоторыми изъ покупателей Эдельштейнъ уже кончилъ и получилъ деньги, конечно, при свидѣтеляхъ маклерахъ; но по залѣ похаживалъ съдой закладчикъ Кофманъ, владѣлецъ второй закладной въ 15,000 рублей на домъ Буркина и Эдельштейнъ поглядывалъ на него не безъ удовольствія, рассчитывая взять хорошій кушъ отступного. Кофманъ, въ свою очередь, поглядывалъ на Эдельштейна, зная, что ему придется заплатить. Какъ всякій закладчикъ, онъ былъ скупъ и отдалялъ минуту выдачи денегъ, обманывая самого себя, что, можетъ быть, какъ-нибудь обойдется и безъ отступного. Это были два коршуна, изъ которыхъ одинъ намѣревался пощипать другого.

Двери правленія торжественно отворились; говоръ смолкъ.

Шварцъ провозгласилъ:

— Начинаются торги на домъ Буркина!

Покупщики вошли въ правленіе; въ дверяхъ столпилась публика.

Секретарь началъ читать правила торговъ, уже всѣмъ извѣстныя.

— Мы знаемъ... не надо! говорили покупщики.

Но это никому не нужное чтеніе все-таки продолжалось, потому что на торгахъ бываютъ разные крючки, которые жадно ждутъ нарушенія какой-нибудь формальности, чтобы «заработать», то-есть взять съ банка отступное за невозбужденіе дѣла о недѣйствительности торговъ.

Наконецъ, формальности были окончены, и два коршуна сѣли у стола рядомъ. Трусовато поглядывалъ Кафманъ, непреклонно-серьезнымъ взглядомъ отвѣчалъ ему Эдельштейнъ.

— Торгъ начинается съ 41,209 рублей, объявилъ Анфельдъ.—Вамъ сколько угодно прибавить? обратился онъ къ Кофману.

— Я прибавляю... (Онъ немножко подумалъ).. Я прибавляю пятьдесятъ копѣекъ..

Въ толпѣ кто-то засмѣялся.

— Такимъ образомъ мы затынемъ торги,—замѣтилъ Аффель,—и притомъ безъ всякой пользы для васъ... Нельзя-ли хоть не меньше рубля?..

— Одинъ рубль, произнесъ Кофманъ робкимъ шепотомъ.

— Пятьдесятъ рублей!.. отрѣзалъ Эдельштейнъ.

Кофманъ вздрогнулъ и покосился на сосѣда.

— Еще одинъ рубль, произнесъ онъ, и руки его начали дрожать.

— Сто рублей!.. выпалилъ Эдельштейнъ.

Кофманъ поблѣднѣлъ и сдался на капитуляцію.

— Господинъ предсѣдатель, позвольте мнѣ подумать,— произнесъ онъ со стономъ.

— Извольте... Господинъ Шварцъ, объявите продажу дома Пѣтушинова.

Эдельштейнъ и Кофманъ уединились въ уголокъ корридора.

— Какъ это такъ можно!.. Пятьдесятъ рублей!.. Сто рублей!.. Не дай Богъ!.. говорилъ Кофманъ.

— Скорѣе кончимъ торги... Зачѣмъ канитель таять?

— Послушайте, господинъ Эдельштейнъ... я человѣкъ небогатый... я далъ Буркину 20,000... Домъ не стоитъ такихъ денегъ... Не обижайте меня... вы еврей и я еврей..

— Позвольте, перебилъ его Эдельштейнъ,—это вы все напрасно. Мы вѣдь не разговаривать вышли... Если хотите кончать, будемъ кончать скорѣй... Мнѣ нужно на другіе торги.

— Сколько-же вамъ угодно?.. со страхомъ спросилъ Кофманъ.

— Тысячу рублей.

— Боже мой!.. Я не могу!.. Триста рублей возьмите, господинъ Эдельштейнъ..

Но тотъ молча отошелъ отъ Кофмана, который въ изнеможеніи опустился на диванъ. Къ нему подскочилъ одинъ изъ маклеровъ и внушительно заговорилъ.

— Дѣло серьезное, господинъ Кофманъ... вамъ не выгодно скупиться... Пожалуйте одну тысячу, заплатите пятьнацать... Эдельштейнъ набьетъ до этой суммы и тогда отступится.

— За что-же я дамъ тысячу рублей?.. Помилуйте!

— Э.. полноте.. Сосчитайте что больше 1,000 или 15,000.

Кофманъ молчалъ, вздыхалъ, терзаемый скупостью. Онъ все тянулъ время, точно надѣялся на какое-нибудь чудо; лицо у него было смѣшное и жалостное.

Вдругъ раздался голосъ Шварца:

— Продолженіе торга на домъ Буркина!

— Слышите?!. трагически воскликнулъ маклеръ.

— Согласенъ!. На-те!. отчаянно прошепталъ Кофманъ.

Дрожащей рукой онъ вынулъ изъ сюртука толстый бумажникъ и отсчиталъ десять сторублевокъ.

Тогда оба коршуна пошли въ правленіе.

— Сколько вы прибавляете?. спросилъ Шварцъ Кофмана.

— Пятьдесятъ копѣекъ.. Какъ вамъ угодно, господинъ предсѣдатель, больше не могу..

— Я отказываюсь!.. громко заявилъ Эдельштейнъ.

Когда онъ, получивъ еще отступное съ «батюшки», быстро спускался съ лѣсницы, его догналъ маклеръ.

— Господинъ Эдельштейнъ, позвольте и мнѣ заработать... Съ васъ слѣдуетъ получить.

— Это за что?

— А какъ-же-съ?! Я уговорилъ Кофмана.. Онъ не хотѣлъ..

Ей-Богу не хотѣлъ..

Эдельштейнъ, не останавливаясь, пошарилъ рукой въ жилетномъ карманѣ и сунулъ маклеру трехрублевку.

— Три рубля?. Господинъ Эдельштейнъ!. Обижаете.. Я для васъ трудился..

Но Эдельштейнъ уже сѣлъ въ свои дрожки, и маклеръ, ругая его, пшелъ назадъ въ банкъ.

Къ тремъ часамъ торги окончились. Приемная опустѣла. Басинскій составилъ списокъ оставшихся за банкомъ домовъ и имѣній.

Апфель подвелъ итогъ выданныхъ по нимъ ссудъ и поморщился.

X.

«Была игра», были крупныя выигрыши, потомъ пришлось считать проигрыши. Три года почти весь дивидендъ уходилъ на покрытіе убытковъ отъ продажи имуществъ, оставшихся за банкомъ.

Пришлось взяться за благоразуміе, тѣмъ болѣе, что уже и смысла не было для спекуляціи въ высокихъ оцѣнкахъ. Онѣ сослужили свою службу.

Наступили будни въ пшенично-кукурузномъ банкѣ.

Заемщики уже не являются толпами, и оцѣночная комиссія не печетъ, какъ блины, оцѣночные акты.

Оцѣнки — солидныя; провѣрка оцѣночныхъ актовъ агентовъ—очень строгая; урокъ Червоннаго, уволеннаго отъ «содѣйствія» безъ всякихъ претензій, былъ слишкомъ вразумителенъ.

Въ пріемной тишина. Иногда заходитъ справиться объ условіяхъ ссуды какой-нибудь помѣщикъ, желающій прокутить имѣніе или замѣнить массу долговъ еврейскимъ и русскимъ пивкамъ однимъ долгомъ банку. Неохотно уже принимаетъ банкъ дома, устремивъ свою дѣятельность преимущественно на имѣнія.

Тишина нарушается также разговорами служащихъ. Они все тѣ-же. Любимая тема разговоровъ—бранить или осмѣивать свое начальство. Шварцъ часто рассказываетъ какое-нибудь «не люблю не слушай», съ божбой и каскадомъ «честныхъ благородныхъ словъ»; а неумолимый Димитраки твердитъ свое.

— Врете, все равно врете!..

Иногда возникаетъ споръ о томъ, какъ зовутъ какое-нибудь должностное лицо въ городѣ, и Димитраки побѣдоносно завершаетъ его своимъ авторитетнымъ словомъ.

Иногда Степановъ, съ глубокомысленной миной, возбуждаетъ мудреные вопросы, —напримѣръ, о тонкой разницѣ между канцелярскими выраженіями «вслѣдствіе сего» и «впослѣдствіе сего».

Тихо идетъ служеніе въ капищѣ золотого тельца; но благодарный золотой богъ не оставляетъ безъ благословенія и награды своихъ вѣрныхъ жрецовъ.

Ивановичъ.

ЧѢМЪ ЖИЗНЬ КРАСНА.

Романъ Эмиля Золя.

IX.

Опять потянулись однообразные дни въ бонвильскомъ домѣ. За холодною зимою послѣдовала дождливая весна; море, взбаломученное постоянными дождями, походило на озеро жидкой грязи; а потомъ запоздавшее лѣто протянулось до середины осени, и непредѣльная голубая масса воды сонно колыхалась подъ жгучими лучами солнца въ душные, знойные дни. Наступила опять зима... Время шло, минута тянулась за минутой; съ неизмѣнною, мѣрною правильностью смѣнялись дни... Подопшла весна, а потомъ и опять—лѣто.

Сердце Подины снова билось спокойно, какъ будто соразмѣривъ свои удары съ этимъ правильнымъ движеніемъ часового механизма. Ея страданія утратили прежній острый характеръ, убаюканныя неизмѣннымъ, усыпляющимъ однообразіемъ ежедневныхъ занятій. Утромъ она спускалась въ нижній этажъ; цѣловала дядю, имѣла съ кухаркою совѣщаніе, ничѣмъ не отличавшееся отъ вчерашняго, два раза въ день садилась за обѣденный столъ, между завтракомъ и обѣдомъ шила, а вечеромъ рано ложилась спать. Слѣдующій день проходилъ точно такъ-же, и никогда никакое неожиданное событіе не нарушало его монотоннаго теченія. Шанто, пуще прежняго скованный подагрой, съ опухшими ногами и обезображенными руками, или ревѣлъ благимъ матомъ, или, наоборотъ, сидѣлъ точно нѣмой, счастливый ужъ и тѣмъ, что не чувствовалъ боли. Вероника тоже какъ будто онѣмѣла и все болѣе впадала въ мрачную меланхолію. Только субботніе обѣды нѣсколько нарушали эту абсолютную тишину. Казновъ и аббатъ Гортгър

съ обычною аккуратностью являлись къ обѣду; до десяти часовъ въ столовой раздавались голоса, а потомъ на мощеномъ дворѣ слышался стукъ тяжелыхъ башмаковъ удалявшагося священника, въ то время какъ старая лошадь доктора грузною рысью тащила кабріолетъ его по направленію къ Арроманшу. Даже веселость Полины приняла болѣе спокойный характеръ, тотъ самый, который она умѣла сохранять въ періодъ жестокихъ душевныхъ бурь. Звонкій смѣхъ ея уже не раздавался на лѣстницѣ и по комнатамъ, но зато она попрежнему олицетворяла въ домѣ дѣятельность и доброту. Каждое утро она просыпалась съ новымъ запасомъ энергіи, съ желаніемъ жить и пользоваться жизнью. По истеченіи года сердце ея спало, и она могла думать, что теперь уже и впредь часы будутъ тянуться такъ-же однообразно, безмятежно, и ничто не пробудитъ въ ней прежнихъ страданій.

Въ первое время, послѣ отъѣзда Лазаря, каждое письмо его волновало Полину. Она жила этими письмами, ожидала ихъ съ нетерпѣніемъ, перечитывала каждое письмо по нѣскольку разъ, читала между строками, дополняла фантазіей то, что не было выражено словами. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ они приходили правильно, — въ двѣ недѣли разъ, длинныя, подробныя, полныя самыхъ розовыхъ надеждъ. Лазарь опять находился въ періодѣ увлеченія, кинулся въ дѣловую жизнь — но обыкновенію, воображалъ, что моментально создастъ себѣ колоссальное богатство. По его словамъ, страховое общество обѣщало приносить громаднѣйшій доходъ; но этимъ онъ не думалъ ограничиться: онъ выработывалъ проекты новыхъ предприятий, видимо былъ въ восторгѣ отъ окружавшаго его финансоваго и промышленнаго міра и обвинялъ себя за то, что такъ легкомысленно судилъ объ этихъ людяхъ съ точки зрѣнія поэта. Прежніе помыслы о литературной дѣятельности, казалось, были совершенно забыты. вмѣстѣ съ тѣмъ, его письма были наполнены безконечными подробностями о его семейномъ счастьи; онъ рассказывалъ о самыхъ ничтожныхъ эпизодахъ ихъ жизни, о любовныхъ заигрываніяхъ съ женою, о похищенныхъ поцѣлуяхъ, о шуткахъ и сюрпризахъ, выставляя на показъ свое счастье, чтобы поблагодарить ту, которую называлъ «своею дорогою сестрою». Пальцы Полины дрожали легкой лихорадочною дрожью, когда она читала описаніе всѣхъ этихъ интимныхъ деталей семейной жизни; голова у нея вру-

жила отъ этого благоуханія любви, отъ тонкаго запаха геліотропа,—любимыхъ духовъ Луизы, которымъ было пропитано письмо. Эта бумага, навѣрное, лежала гдѣ нибудь вовлѣ ихъ бѣлья. Полина закрывала глаза, а строчки попрежнему огненными чертами рисовались передъ ея воображеніемъ, до-сказывали неоконченныя фразы и переносили ее въ интимную жизнь медоваго мѣсяца. Но мало-по-малу письма стали приходиться рѣже и дѣлаться короче; двоюродный братъ не говорилъ о своихъ дѣлахъ и ограничивался тѣмъ, что передавалъ ей поклонны отъ жены. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и не думалъ объяснять причины своего молчанія, а просто пересталъ писать о себѣ и о своей жизни. Былъ-ли онъ недоволенъ своимъ положеніемъ, успѣлъ-ли ему надобѣсть тотъ финансовый міръ, отъ котораго онъ еще недавно былъ въ восторгѣ, возникли ли какія нибудь недоразумѣнія, нарушившія семейное счастье? На всѣ эти вопросы Полина могла отвѣчать только догадками и предположеніями; ее беспокоили эта скука, это отчаяніе, которыми вѣяло отъ каждаго слова въ коротенькихъ записочкахъ, написанныхъ какъ будто нехотя и черезъ силу. Въ концѣ апрѣля, послѣ шестинедѣльнаго молчанія, онъ сообщилъ ей запискою изъ четырехъ строкъ, что Луиза находится въ третьемъ мѣсяцѣ беременности. Затѣмъ извѣстія снова прекратились, и Полина вовсе не получала писемъ.

Прошло еще два мѣсяца,—май и іюнь. Приливъ разбилъ одинъ изъ волноломовъ. Это было крупное событіе, о которомъ долго говорили; весь Бонвидъ смѣялся и злорадствовалъ, рыбаки растащили поломанныя бревна и доски. Кромѣ того, это лѣто ознаменовалось еще однимъ приключеніемъ: маленькая Гонёнъ, дѣвчонка тринадцати съ половиною лѣтъ, родила дочку, и на деревнѣ не были увѣрены, обязана ли она этимъ приподомъ молодому Кюшу, такъ какъ, кромѣ того, ее видали еще съ какимъ-то старикомъ. Потомъ наступило прежнее затишье; деревня жила все тою же жалкою жизнью у подножья скалистаго берега, прильпившись къ нему, какъ цѣпкій, живучій лишай. Въ іюлѣ пришлось чинить стѣну террасы и цѣлый уголъ дома. Послѣ первыхъ-же ударовъ все грозило рухнуть; каменщики принуждены были проработать цѣлый мѣсяцъ; расходы простирались почти до десяти тысячъ.

Платила, разумѣется, попрежнему Полина. Завѣтный пакетъ, хранившійся въ коммодѣ, опять сильно поубавился;

весь капиталъ ея уже состоялъ теперь изъ какихъ-нибудь со- рока тысячъ франковъ. На хозяйство ей съ избыткомъ хватало ихъ ежемѣсячнаго дохода въ триста франковъ, но теперь пришлось продать часть ея процентныхъ бумагъ, чтобы не трогать капитала дяди. Подобно покойной женѣ своей, онъ тоже говорилъ теперь Полинь, что когда пибудь сведеть съ нею эти счета. Впрочемъ, она готова была отдать хоть все; послѣдній слѣдъ скупости совершенно исчезъ въ ней подъ вліяніемъ этого медленнаго, постепеннаго расхищенія ея на- слѣдства, и теперь она заботилась только о томъ, чтобы спасти хоть тѣ деньги, которыя предназначались для милостыни. Мысль, что, быть можетъ, придется прекратить субботнюю раздачу подаяній, приводила ее въ отчаяніе, потому что это было для нея величайшею радостью, которой она ждала цѣлую недѣлю. Въ послѣднюю зиму она принялась вязать чулки, и вся дере- венская дѣтвора ходила теперь съ теплыми ногами.

Однажды утромъ, въ концѣ іюля, когда Вероника подме- тала известку, оставленную каменщиками, Полина получила письмо, которое ее сильно взволновало. Письмо было изъ Кана и заключало въ себѣ только нѣсколько словъ. Лазарь, безъ всякихъ объясненій, предупреждалъ ее, что на слѣдующій день къ вечеру будетъ въ Бонвилѣ. Она побѣжала сообщить эту новость дядѣ. Оба молча посмотрѣли другъ на друга; въ его глазахъ свѣтился страхъ, какъ-бы она не покинула его, если молодне вздумаютъ поселиться здѣсь надолго. Онъ не рѣшился ее расспрашивать, такъ какъ читалъ на лицѣ ея твердое рѣшеніе уѣхать. Послѣ завтрака она поднялась даже въ свою комнату, чтобы привести въ порядокъ бѣлье. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ей не хотѣлось показывать, что она бѣжитъ отъ нихъ.

Около пяти часовъ Лазарь выскочилъ изъ повозки передъ воротами двора. Погода стояла чудная. Полина вышла къ нему на встрѣчу. Но прежде, чѣмъ поцѣловать его, она съ удивле- ніемъ воскликнула:

— Какъ! Ты одинъ?

— Да, отвѣчалъ онъ просто.

И затѣмъ онъ первый звонко поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

— А гдѣ-же Луиза?

— Въ Клермонѣ, у своей невѣстки. Докторъ совѣтовалъ ей пожить въ горной мѣстности. Беременность ее очень утомляетъ.

Продолжая говорить, онъ направился къ крыльцу и долгимъ взглядомъ обводилъ весь дворъ. Потомъ онъ еще разъ посмотрѣлъ на двоюродную сестру, и губы его задрожали отъ сдержаннаго волненія. Увидѣвъ собаку, выбѣжавшую изъ кухни и кинувшуюся на него съ лаемъ, онъ удивился.

— Это что такое? спросилъ онъ.

— Это Люлю, отвѣтила Полина. — Онъ тебя еще не знаетъ... Люлю, не смѣй кусать хозяина!

Собака продолжала ворчать.

— Да какая она безобразная! Гдѣ это ты откопала такое чучело?

И дѣйствительно, собака была прежалкая, уродливая, паршивая и вдобавокъ отличалась отвратительнымъ, ворчливымъ нравомъ, меланхоліей обездоленнаго, отверженнаго созданія, наводившаго тоску и уныніе на людей.

— Что прикажешь дѣлать? Меня увѣряли, что изъ нея выйдетъ огромный, красивый песъ, а ва самомъ дѣлѣ вотъ, видишь, что вышло... Это ужъ пятая собака, которую мы пробуемъ воспитывать; всѣ остальные умерли, только она одна выжила.

Люлю все съ тѣмъ-же угрюмымъ видомъ улегся, наконецъ, на солнцѣ, повернувшись къ нимъ спиною, которую облѣпили мухи. Лазарь думалъ о минувшихъ годахъ, о тѣхъ новыхъ, уродливыхъ элементахъ, которые врываются въ его жизнь. Онъ остановился и еще разъ обвелъ глазами дворъ.

— Бѣдный мой Матье! прошепталъ онъ тихо.

На крыльцѣ Вероника кивнула ему головою, не переставая чистить морковь. Но онъ прямо прошелъ въ столовую, гдѣ уже ждалъ его отецъ, взволнованный шумомъ приближавшихся голосовъ. Полина, еще не успѣвъ переступить порогъ, крикнула ему:

— Вообрази, онъ пріѣхалъ одинъ; Луиза въ Клермонѣ.

Шанто, безпокойный взглядъ котораго началъ проясняться, сталъ спрашивать сына, не успѣвъ съ нимъ даже поздороваться.

— Ты ждешь ее сюда? Когда она пріѣдетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтилъ Лазарь; — я самъ заѣду за нею къ ея двоюродной сестрѣ, по дорогѣ въ Парижъ... Я пробуду съ вами недѣли двѣ, а потомъ и въ обратный путь.

Шанто смотрѣлъ на Полину съ выраженіемъ величайшей

радости во взглядѣ. Лазарь, наконецъ, обнялъ его и старикъ отвѣтилъ на привѣтствіе сына двумя крѣпкими поцѣлуями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почелъ необходимымъ выразить нѣкоторое сожалѣніе.

— Какая досада, что жена твоя не могла пріѣхать; мы бы были такъ счастливы всѣ вмѣстѣ!.. Ну, да нечего дѣлать, подождемъ до другого раза; ты непременно долженъ привести ее къ намъ.

Полина молчала, скрывая подъ нѣжною улыбкою привѣтствія то волненіе, которое она испытывала въ настоящую минуту. Всѣ планы ея спать были разрушены: ей уже незачѣмъ было уѣзжать, и она сама не сумѣла-бы сказать, пріятна-ли ей эта переменна или нѣтъ, — до такой степени она превращалась мало-по-малу въ какую-то вещь, предназначенную для удовлетворенія чужихъ интересовъ. Впрочемъ, веселое настроеніе ея отравлялось печальнымъ чувствомъ при видѣ потухшаго взгляда Лазаря и горькаго, недовольнаго выраженія, снова появлявшагося на его лицѣ. Ей были знакомы эти морщины, бороздившія его лобъ и щеки, но теперь онѣ какъ будто стали еще глубже; онѣ говорили ей о прежней тоскѣ, о прежнихъ терзаніяхъ. Онъ тоже смотрѣлъ на нее. Ему, вѣроятно, казалось, что она еще болѣе развилась, стала сильнѣе и красивѣе; улыбаясь въ свою очередь, онъ сказалъ:

— Однако вы, видно, не очень тосковали во время моего отсутствія... Отецъ молодѣетъ, Полина разцвѣла на славу... Странное дѣло, даже домъ какъ будто сталъ просторнѣе.

Онъ осматрѣлъ и столовую съ тѣмъ-же выраженіемъ удивленія и взволнованнаго, напряженнаго вниманія, которымъ свѣтилось его лицо въ то время, какъ онъ шелъ по двору. Взоръ его остановился, наконецъ, на Минушѣ, которая лежала на столѣ, поджавъ подъ себя лапки и казалась до такой степени погруженною въ блаженную праздность, что даже не пошевелилась.

— И Минушъ тоже нисколько не постарѣла, сказалъ онъ. — Послушай, неблагодарная, не грѣхъ-бы тебѣ и узнать меня!

Онъ сталъ ее гладить, а она замурлыкала, не мѣняя своей покойной позы.

— О, Минушъ думаетъ только о себѣ, весело сказала Полина. — Третьяго дня у нея отняли и утопили пятерыхъ котятъ. Ты видишь, это ее нисколько не огорчало.

Обѣдать сѣли раньше обыкновеннаго, потому-что Лазарь рано позавтракалъ. Несмотря на всѣ усилія Полины, вечеръ прошелъ довольно скучно. Обо многомъ не рѣшались говорить, и разговоръ то и дѣло прерывался молчаніемъ.

Они избѣгали разспрашивать Лазаря, видя, что онъ отвѣчаетъ не безъ смущенія, не старались узнать о положеніи его дѣлъ въ Парижѣ, о томъ, почему онъ увѣдомилъ ихъ о своемъ приѣздѣ только изъ Кана. Слишкомъ прямые вопросы Лазарь отстранялъ неопредѣленнымъ жестомъ, какъ будто желая сказать, что отвѣтитъ на нихъ впоследствии. Когда былъ поданъ чай, онъ глубоко вздохнулъ, съ видомъ человѣка, освободившагося отъ тяжелой обузы. Какъ хорошо здѣсь живется, какъ хорошо работать среди этой невозмутимой типины! Онъ упомянулъ о драмѣ въ стихахъ, надъ которою уже работаетъ шесть мѣсяцевъ. Двоюродная сестра его посмотрѣла на него съ изумленіемъ, когда онъ прибавилъ, что рассчитываетъ окончить ее въ Бонвилѣ. Дней черезъ двѣнадцать она будетъ готова.

Въ десять часовъ Вероника пришла сказать, что комната для барина готова. Но когда они поднялись во второй этажъ, когда служанка хотѣла ввести его въ комнату, предназначавшуюся прежде для друзей, и приготовленную послѣ свадьбы для молодыхъ супруговъ, онъ разсердился.

— Съ чего ты взяла, что я буду спать здѣсь?... Я лягу наверху, на своей маленькой желѣзной кровати?

Вероника принялась ворчать. Что за причуды! вѣдь постель приготовлена, — неужели теперь снова все перетаскивать наверхъ?

— Хорошо, сказалъ онъ, — я буду спать въ креслѣ.

Пока Вероника въ бѣшенствѣ стаскивала простыни и переносила ихъ въ верхній этажъ, Полина чувствовала какую-то безсознательную радость, приливъ внезапнаго веселья, который заставилъ ее кинуться на шею двоюродному брату и пожелать ему покойной ночи, подъ вліяніемъ искренняго порыва прежняго товарищескаго чувства, соединявшаго ихъ въ дѣтствѣ. Вотъ и опять онъ жилъ въ своей большой комнатѣ, такъ близко возлѣ нея, что она слышала, какъ онъ долго еще ходилъ, одолаваемый воспоминаніями, которыя и ей тоже не давали заснуть.

Только на другой день Лазарь началъ повѣрять Полину

свои тревоги, да и то не сразу; въ первое время она узнавала о нихъ изъ короткихъ фразъ, вырвавшихся у него среди разговора. Затѣмъ она уже стала спрашивать его съ глубокимъ участіемъ. Какъ они живутъ съ Луизой?—все такъ-же ли счастливо? Онъ отвѣчалъ утвердительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на мелкія семейныя непріятности, рассказывалъ о ничтожныхъ событіяхъ, которыя служили поводомъ къ ссорамъ. Семейная жизнь ихъ, хотя еще не привела къ разрыву, уже страдала, однако, отъ безпрестанныхъ столкновеній двухъ нервныхъ темпераментовъ, неспособныхъ къ гармоніи ни въ радости, ни въ печали. Ихъ обоихъ точило какое-то постоянное тайное раздраженіе, какъ будто они сердились за то, что ошиблись другъ въ другъ и такъ быстро истощили запасъ любви, который вначалѣ казался имъ неистощимымъ. Въ первую минуту Полина думала, что источникомъ этого раздраженія были денежныя потери; но она ошибалась: ихъ доходъ въ десять тысячъ франковъ оставался почти нетронутымъ. Лазарю просто надоѣло его новое занятіе, подобно тому, какъ прежде ему надоѣдала музыка, медицина, промышленныя затѣи. Коснувшись этого предмета, Лазарь далъ волю своему негодованію; никогда еще онъ не встрѣчалъ такой глупой, испорченной среды, какъ здѣсь, въ этомъ финансовомъ мірѣ; онъ готовъ былъ предпочесть все,—провинціальную скуку, стѣсненныя условія, сопряженныя съ ограниченными средствами, этой постоянной заботѣ о деньгахъ, этому размягченію мозга подъ вліяніемъ безумной пляски цифръ. Страховое общество онъ уже покинулъ, и теперь рѣшился попытать свое счастье въ театрѣ слѣдующею-же зимою, когда снова поселится въ Парижѣ. Своею пьесою онъ отмститъ за себя, онъ покажетъ въ ней, до какой степени деньги, подобно глубокой язвѣ, разъѣдаютъ современное общество.

Полина не особенно тревожилась этою новою неудачею, о которой она уже догадывалась изъ послѣднихъ писемъ Лазаря. Несравненно болѣе беспокоили ее несогласія, развивавшіяся мало-по-малу въ его отношеніяхъ съ женою. Она старалась разгадать ихъ причину. Какимъ образомъ эти два человека, молодые, ничѣмъ не стѣсненные, не имѣвшіе иной заботы, кромѣ своего собственнаго счастья, могли такъ быстро дойти до недовольства и пресыщенія? Разъ двадцать возвращалась она къ этой темѣ и прекращала свои расспросы

только потому, что они видимо смущали двоюроднаго брата: онъ каждый разъ путался, блѣднѣлъ, отворачивался. Она узнала въ его лицѣ прежнее выраженіе стыда и страха, мучительный ужасъ при мысли о смерти, который онъ скрывалъ когда-то, какъ скрываютъ постыдный порокъ. Но неужели-же холодный призракъ смерти легъ между ними уже теперь, на брачномъ ложѣ, еще не остывшемъ отъ страстныхъ объятій? Въ теченіи нѣсколькихъ дней она сомнѣвалась, но потомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ признаній съ его стороны, прочитала въ его глазахъ всю правду однажды вечеромъ, когда онъ спускался изъ своей комнаты, безъ свѣчки, встревоженный, какъ будто спасался бѣгствомъ отъ привидѣній.

Въ Парижѣ, среди лихорадочнаго порыва страсти, Лазарь забылъ о смерти. Онъ спасался отъ нея въ объятіяхъ Луизы а потомъ, утомленный, засыпалъ глубокимъ дѣтскимъ сномъ. Она, сладострастная, граціозная и ласковая, какъ кошечка, созданная исключительно для культа мужчины, любила его такою-же безпокойною, порывистою любовью и чувствовала себя несчастной, если онъ хоть на одинъ часъ переставалъ заниматься ею. Эта пламенная потребность удовлетворять накипающія желанія, потребность забывать обо всемъ остальномъ, продолжалась до тѣхъ поръ, пока имъ казалось, что ихъ чувственнымъ наслажденіямъ никогда не будетъ конца. Но затѣмъ явилось пресыщеніе; онъ удивлялся, что страсть его не можетъ перейти за предѣлы опьяненія первыхъ дней, а она, чувствуя только потребность въ ласкахъ, не требуя и не давая ничего иного, не могла служить ему опорой, не умѣла придать ему мужества. Неужели-же такъ коротки эти наслажденія? Неужели невозможно непрерывно возвращаться къ нимъ, непрерывно открывать новыя ощущенія, которыя своею неизвѣданною прелестью могли-бы поддерживать иллюзію счастья? Однажды, ночью, Лазарь былъ пробужденъ прежнимъ, знакомымъ ему ледянымъ дыханіемъ, отъ котораго у него становились дыбомъ волосы; онъ весь затрепеталъ и изъ груди его вырвался обычный крикъ неподдѣльнаго ужаса: «Боже мой!.. я умру, умру!..» Луиза спала рядомъ съ нимъ. За страстными поцѣлуями онъ открывалъ все тотъ-же грозный призракъ смерти,

За эту ночь послѣдовали многія другія, и снова начались прежнія терзанія. Припадки страха овладѣвали имъ въ

бессонные часы, безъ всякой правильности, такъ что онъ не могъ ни предвидѣть ихъ, ни отвратить. Холодная дрожь потрясала его внезапно, среди самаго покойнаго настроенія, между тѣмъ какъ въ другое время, послѣ раздраженія и непріятностей неудачнаго дня, ужасъ смерти шадилъ его. Къ тому-же, припадки уже не ограничивались прежними кратковременными потрясеніями. Первое страданіе усиливалось, каждый новый приступъ расшатывалъ все его существо. Онъ не могъ уже спать безъ ночника: темнота еще болѣе усиливала его волненіе, несмотря на постоянный страхъ, какъ-бы жена не замѣтила его недуга. Это послѣднее чувство только удваивало его страданія и усиливало припадки, потому-что прежде, когда онъ спалъ одинъ, ему, по крайней мѣрѣ, можно было не скрывать своей трусости. Это живое существо, теплое прикосновеніе котораго онъ чувствовалъ возлѣ себя, беспокоило его. Вскочивъ, подѣ влияніемъ привычнаго ужаса, еще ослѣпленный сномъ, онъ тотчасъ смотрѣлъ на нее, въ мучительномъ ожиданіи увидѣть и ее тоже пробужденною, съ широко раскрытыми, устремленными на него глазами. Но она никогда не шевелилась; при свѣтѣ ночника, онъ различалъ ся неподвижное лицо, съ опухшими отъ сна губами, съ тонкими, синеватыми вѣками. Онъ уже начиналъ успокаиваться, какъ вдругъ однажды ночью, дѣйствительно, увидѣлъ то, чего такъ долго боялся. Она лежала съ раскрытыми глазами, ничего не говорила и смотрѣла, какъ онъ дрожить и блѣднѣть. Вѣроятно, и она тоже почувствовала дыханіе смерти, поняла причину его волненія и прижалась къ нему, какъ будто ожидала отъ него помощи. Потомъ, желая обмануть другъ друга, они притворились, что слышали въ комнатѣ чьи-то шаги, встали и заглянули подѣ мебель и за занавѣски.

Начиная съ этого времени, ихъ обоихъ преслѣдовалъ тотъ-же мучительный страхъ; но они не признавались въ этомъ другъ другу и хранили свою постыдную тайну, не упоминая о ней ни единымъ словомъ. Но въ глубинѣ алькова, ночью, лежа на спинѣ съ раскрытыми глазами, они ясно читали другъ у друга въ мысляхъ. Она была такая-же нервная какъ и онъ, и они, повидимому, сообщали другъ другу свой безотчетный страхъ, какъ заразительную лихорадку. Если ему приходилось просыпаться, въ то время какъ она уже успѣла заснуть, онъ пугался этого сна. Ему казалось, что она же

не дышать. Быть можетъ, она внезапно умерла. Онъ всматривался въ ея лицо, щупалъ ея руки, но затѣмъ, даже успокоившись, все-таки не засыпалъ. Мысль, что она когда нибудь умретъ, повергала его въ мрачныя думы. Кто изъ нихъ умретъ первый, — онъ или она? И онъ принимался развивать обѣ гипотезы; картины смерти проносились передъ нимъ въ видѣ отчетливыхъ образовъ, съ ужасными муками агоніи, съ могильнымъ холодомъ послѣднихъ обрядовъ, со всѣми атрибутами безжалостной, вѣчной разлуки. Все существо его возмущалось при этой мысли: какъ! разстаться навсегда, навсегда, проживъ столько времени тѣсною, общею жизнью! Онъ чувствовалъ, что разсудокъ его мутится; это ужасное представленіе не укладывалось въ его головѣ. И среди страха въ немъ просыпалось своего рода мужество: ему хотѣлось умереть первому. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умилялся надъ ея судьбою, воображалъ себѣ ее вдовою, продолжающею придерживаться прежнихъ общихъ имъ привычекъ, продолжающею дѣлать то или другое, чего онъ уже не будетъ дѣлать. Иногда, чтобы прогнать эти неотвязныя думы, онъ осторожно заключалъ ее въ свои объятія, старался не потревожить ея сна. Но долго держать ее такъ онъ былъ не въ состояніи. Ощущеніе жизни, горѣвшей подъ его руками, становилось для него источникомъ новаго страха. Если онъ клалъ голову на ея грудь и прислушивался къ біеніямъ ея сердца, его то и дѣло тревожила мысль, что вотъ-вотъ оно остановится и умолкнетъ. Прикосновеніе ея молодого, обожаемаго тѣла скоро становилось для него невыносимымъ, наполняло его томительнымъ ожиданіемъ чего-то невѣдомаго, грозившаго изъ мрачной области небытія, предвкушеніе которой давило его, какъ кошмаръ. А когда она просыпалась, за минутою опьяненія слѣдовала прежняя жалкая дѣйствительность: они опять всецѣло отдавались своему малодушному страху и долго лежали на спинѣ. Въ тѣни алькова, передъ ихъ широкооткрытыми, неподвижными глазами, снова рисовался призракъ смерти.

Около этого времени Лазарю надоѣли и дѣловыя его занятія. Лѣнь его возвращалась; онъ проводилъ цѣлыя дни въ полнѣйшей праздности, подъ предлогомъ презрѣнія къ людямъ, посвящающимъ свою жизнь денежнымъ спекуляціямъ. Истинная-же причина заключалась въ томъ, что постоянная мысль о смерти съ каждымъ днемъ все болѣе лишала его силы и

желанія жить. Поперекъ дорога снова становилъся ужасный вопросъ: къ чему? Вѣдь послѣдній прыжокъ въ вѣчность придется совершить завтра, сегодня, быть можетъ—черезъ часъ; изъ за чего-же хлопотать, волноваться, придавать больше значенія тому, а не этому? Всему одинъ конецъ. Жизнь его была не что иное, какъ медленный, ежедневный, ежечасный процессъ умиранія, къ которому онъ по-прежнему прислушивался, какъ къ движенію часового механизма. И движеніе это, по-видимому, все болѣе и болѣе замедлялось. Сердце уже билось не такъ скоро, другіе органы функционировали тоже лѣнливо, а скоро, вѣроятно, и все остановится. И онъ съ содроганіемъ слѣдилъ за постепеннымъ, фатальнымъ потуханіемъ жизни подъ вліяніемъ безжалостнаго времени. Организмъ его понемногу и непрерывно разрушался: волоса стали падать, во рту уже не доставало нѣсколькихъ зубовъ, мускулы становились дряблыми, какъ будто ужъ начиная превращаться въ прахъ. Приближеніе сорокалѣтняго возраста погружало его въ мрачную меланхолю. Теперь уже не далеко и до старости, которая быстро сведетъ его въ могилу. Онъ уже воображалъ въ себѣ всевозможныя болѣзни; что-нибудь непременно должно было надорваться въ его организмѣ;—и дни проходили за днями, въ вѣчномъ, лихорадочномъ ожиданіи смерти. Каждый разъ, когда онъ узнавалъ о смерти кого-нибудь изъ бывшихъ товарищей, это извѣстіе глубоко потрясало его. Неужели и этотъ тоже умеръ? Вѣдь онъ былъ тремя годами моложе и пользовался такимъ крѣпкимъ здоровьемъ, что обѣщаль прожить сто лѣтъ! А вотъ этотъ? Человѣкъ благоразумный, осторожный, жившій по всѣмъ правиламъ гигіены... Какъ это случилось, что онъ вдругъ свихнулся? Въ теченіи двухъ дней онъ ни о чемъ иномъ не думалъ, ошеломленный неожиданною катастрофою, еще внимательнѣе изслѣдуя самого себя, копаясь въ своихъ болѣзняхъ, чуть не злобствуя даже противъ бѣдныхъ мертвецовъ. Онъ чувствовалъ потребность хоть чѣмъ-нибудь разсѣять свои опасенія и утверждалъ, что они умерли по собственной винѣ: первый позволилъ себѣ непростительную неосторожность; что-же касалось до второго, то онъ умеръ отъ необыкновенно рѣдкой болѣзни, которую доктора не сумѣли даже назвать. Но тщетно онъ старался отогнать назойливый призракъ; въ ухахъ его постоянно раздавался скрипъ колесъ расшатавшейся машины, онъ безостановочно скользилъ

по наклонной плоскости времени, и при мысли о мрачной ямѣ, которая ожидала его у ея основанія, холодный потъ выступалъ у него на лбу, а волосы дыбомъ становились отъ ужаса.

Съ тѣхъ поръ какъ Лазарь пересталъ ходить въ свое бюро, въ домѣ начались ссоры. Онъ дошелъ до крайней раздражительности, которая заставляла его выходить изъ себя отъ малѣйшаго препятствія. Возрастающій недугъ, который онъ такъ тщательно скрывалъ, давалъ о себѣ знать внезапными вспышками, мрачнымъ настроеніемъ, маниакальными выходками. Одно время боязнь пожара преслѣдовала его до такой степени, что онъ переѣхалъ изъ четвертаго этажа во второй. единственно ради того, чтобы скорѣе спастись въ случаѣ, еслибы загорѣлся домъ. Постоянная забота о завтрашнемъ днѣ отравляла ему всякую радость въ настоящемъ. Онъ жилъ въ ожиданіи несчастія, вздрагивалъ, если кто-нибудь слишкомъ быстро отворялъ дверь; когда приносили письмо, у него дѣлалось сердцебіеніе. Потомъ имъ овладѣло крайнее недовѣріе ко всѣмъ: онъ пряталъ свой деньги небольшими суммами въ различныхъ мѣстахъ, держалъ въ тайнѣ самые простые и неважные проекты; кромѣ того, въ немъ развилось чувство горечи противъ всего свѣта, убѣжденіе, что его не сдумѣли оцѣнить, что всѣми своими неудачами онъ обязанъ чему-то въ родѣ обширнаго заговора, составленнаго противъ него людьми и условіями жизни. Но все это покрывалось, потоплялось безграничной скукой празднаго человѣка, потерявшаго всякую энергію подъ влияніемъ неотвязной мысли о смерти и влачившаго бесполезное существованіе подъ предлогомъ ничтожества жизненныхъ интересовъ. Изъ за чего себя тревожить? Область науки ограничена, человѣкъ не въ силахъ ни задержать, ни направить естественнаго хода вещей. Онъ страдалъ скептической скукой всего современнаго ему поколѣнія, — не романтической скукою Вертеровъ и Рене, оплакивавшихъ время простодушныхъ вѣрованій, а скукою новыхъ героевъ сомнѣнія, молодыхъ химиковъ, которые негодуютъ и объявляютъ весь міръ никуда негоднымъ, потому что не открыли съ перваго-же раза тайны жизни на днѣ своихъ ретортъ.

У Лазаря, въ силу логическаго противорѣчія, тайный страхъ передъ смертью шель рука объ руку съ потребностью постоянно выставлать напоказъ свои понятія о ничтожествѣ

жизни. Боязнь смерти, въ связи съ неустойчивостью его натуры, склонной къ ипохондріи, заставляла его ударяться въ пессимизмъ, развивала въ немъ бѣшеную ненависть къ существованію. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на обманъ, разъ оно не длилось вѣчно. Развѣ люди не проводятъ первую половину жизни въ мечтахъ о счастіи, а вторую въ сожалѣніяхъ и страхѣ? Не даромъ онъ рѣзкостью своихъ выводовъ старался перешеголять даже теорію «старика», какъ называлъ обыкновенно Шопенгауера, изъ котораго декламировалъ на память самыя рѣзкіе пассажи. По его мнѣнію, необходимо было убить въ человѣкѣ желанье жить, чтобы прекратить эту варварскую, нелѣпую комедію жизни. Онъ желалъ уничтожить жизнь, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ нею исчезъ и страхъ. Въ концѣ концовъ всѣ его разсужденія приводили къ одному и тому-же, неизмѣнному всеизцѣляющему рецепту: ничего не желать изъ опасенія худшаго, избѣгать движенія, которое равносильно страданію, а затѣмъ всецѣло отдаться смерти. Его не на шутку занимала мысль о наиболѣе практическомъ способѣ, при помощи котораго можно-бы было осуществить всеобщее самоубійство, внезапное и полное исчезновеніе, основанное на согласіи всей совокупности живыхъ существъ. Подобныя фразы, въ видѣ рѣзкихъ, внезапныхъ вспышекъ, безпрестанно вырывались у него среди самаго обыкновеннаго разговора. По поводу малѣйшей неприятности, онъ выражалъ сожалѣніе, что не успѣлъ еще околѣть. Простая головная боль заставляла его проклинать свой дохлый организмъ. Разговоръ съ пріятелемъ сейчасъ-же сводился на разсужденія о вѣчныхъ дрязгахъ, наполняющихъ жизнь, и на завидную участь тѣхъ, кто удобряетъ почву кладбища. Все, наводящее на мрачныя размышленія, поражало и преслѣдовало его. Очень сильное впечатлѣніе произвела на него статья какого-то фантазера-астронома, предвѣщавшаго появленіе кометы, которая своимъ хвостомъ должна была увлечь за собою земной шаръ, какъ песчинку. Быть можетъ, эта комета и послужитъ причиною ожидаемой всемірной катастрофы; быть можетъ, она и представляетъ собою тотъ громадный зарядъ динамита, который взорветъ міръ, какъ старый, полусгнившій корабль? И эта жажда смерти, эти излюбленныя теоріи мірового погрома были не что иное, какъ извращенное отраженіе его собственныхъ малодушныхъ терзаній, празднаго словозверженія, подъ которыми

онъ скрывалъ мучительное ожиданіе своей собственной кончины.

Беременность жены его около этого времени сдѣлалась источникомъ новыхъ нервныхъ потрясеній. Въ началѣ онъ испытывалъ какое-то невыразимое чувство, въ которомъ смѣшивалась великая радость съ удвоенною тревогою. Вопреки идеямъ «старика», мысль, что онъ сталъ отцомъ и создалъ новую жизнь, вызывала въ немъ чувство гордости. Продолжая говорить, что глупцы злоупотребляютъ правомъ плодить свою глупость, передавая ее дѣтямъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ какое-то тщеславное изумленіе, какъ будто подобное событіе никогда еще не выпадало на долю другихъ людей. Но затѣмъ эта радость была отравлена: онъ началъ мучиться предчувствіемъ, что роды будутъ имѣть дурной исходъ; ему казалось, что мать уже погибла, что ребенокъ, быть можетъ, даже и не родится. Въ первые-же мѣсяцы беременность повлекла за собою разныя болѣзненные осложненія, въ домѣ начался переполохъ, привычное теченіе семейной жизни разстроилось, поводы къ ссорамъ появлялись чаще, и все это вмѣстѣ взятое еще болѣе способствовало угнетенному настроенію Лазаря. Этотъ ребенокъ, который долженъ-бы былъ сблизить супруговъ, напротивъ—только содѣйствовалъ возникновенію новыхъ раздоровъ, новыхъ столкновеній въ узкомъ семейномъ обществѣ. Лазаря больше всего раздражали всѣ эти неопредѣленные, болѣзненные ощущенія, на которыя Луиза жаловалась съ утра до вечера; поэтому, когда докторъ сказалъ какъ-то, что ей-бы не худо пожить въ горной мѣстности, онъ съ радостью ухватился за этотъ проектъ, отвезъ жену къ ея невѣсткѣ, а самъ уѣхалъ на двѣ недѣли, объявивъ, что ему необходимо навѣстить отца въ Бонвилѣ. Въ глубинѣ души, ему самому было стыдно за свое бѣгство, и онъ пытался оправдать этотъ поступокъ передъ собственной совѣстью: короткая разлука успокоитъ ихъ нервы, а присутствіе его, въ сущности, вѣдь, необходимо только во время родовъ.

Въ тотъ вечеръ, когда Полина познакомилась, наконецъ, вполне съ исторіей послѣднихъ восемнадцати мѣсяцевъ, она нѣсколько времени сидѣла, ошеломленная извѣстіемъ объ этомъ новомъ бѣдствіи и не въ силахъ была вымолвить ни слова. Разговоръ происходилъ въ столовой; она уложила Шанто, и Лазарь только что окончилъ свою исповѣдь,

сидя передъ остывшимъ чайникомъ, подъ догоравшею лампою.

Нѣсколько времени оба молчали; наконецъ, она сказала:
— Боже мой, да вѣдь вы не любите другъ друга!

Онъ всталъ, собираясь идти въ свою комнату, и возразилъ.
засмѣявшись своимъ нервнымъ смѣхомъ:

— Мы любимъ другъ друга настолько, насколько вообще возможно любить, дитя мое. Я вижу, ты живешь среди этого захолустья въ прежнемъ блаженномъ невѣдѣніи. Съ какой стати любовь будетъ прочнѣе всего остального?

Очутившись въ своей комнатѣ, Полина отдалась одному изъ тѣхъ припадковъ отчаянія, которые такъ часто терзали ее здѣсь, на этомъ самомъ стулѣ, по цѣлымъ ночамъ, въ то время, какъ всѣ въ домѣ спали. Неужели чаша испытаній еще не исчерпана? Она воображала, что все уже кончено и для нея, и для другихъ; она пожертвовала своимъ счастьемъ сама отдала Лазаря Луизѣ, и вдругъ теперь открывается, что жертва ея была бесполезна: они уже не любятъ другъ друга; напрасно лились ея слезы, напрасно сердце ея обливалось мученическою кровью. Вотъ тотъ жалкій результатъ, къ которому она пришла послѣ всѣхъ мученій; и теперь опять начнутся муки, опять борьба, предчувствіе которой еще болѣе усиливало ея смертельную тоску. Неужели-же нѣтъ конца человѣческимъ страданіямъ!?

И пока она сидѣла такъ, бессильно опустивъ руки и уставившись на пламя свѣчи, изъ глубины ея сознанія съ мучительною ясностью поднималась мысль, что во всемъ виновата она сама. Тщетно пыталась она бороться противъ фактовъ: она одна устроила этотъ бракъ, не понимая, что Луиза не могла быть тою женою, которая нужна ея двоюродному брату; теперь она отчетливо представлялась ей со всѣми своими недостатками, слишкомъ нервная, чтобы способствовать его нравственному равновѣсію, готовая придти въ безумное отчаяніе отъ малѣйшей невзгоды, обладающая только поверхностною прелестью любовной граціи, которая уже успѣла надѣсть ему. Отчего всѣ эти соображенія приходятъ ей въ голову только теперь? Развѣ не тѣ-же самые доводы заставили ее уступить свое мѣсто Луизѣ? Прежде она находила въ ней способность къ болѣе прочной привязанности; ей казалось, что эта женщина своими поцѣлуями сумѣетъ разсѣять мрачное настроеніе Лазаря. Развѣ не ужасно причинять зло, когда

желаешь добра; развѣ не ужасно до такой степени не понимать жизни и губить людей, которыхъ желаешь спасти? Вѣдь ей казалось, что она дѣлаетъ доброе дѣло и упрочиваетъ свой милосердный подвигъ, платя за ихъ счастье своими слезами. Теперь она презирала свою доброту, потому что видѣла, что доброта не всегда создаетъ счастье.

Весь домъ спалъ; среди царившей въ комнатѣ тишины она слышала только движеніе своей собственной крови, которая стучала въ ея вискахъ. Она все болѣе и болѣе возмущалась при мысли о непоправимыхъ ошибкахъ прошлаго. Отчего она не вышла за Лазаря? Онъ принадлежалъ ей, она имѣла право не уступать его. Быть можетъ, въ первое время онъ-бы и впалъ въ свое обычное отчаянное настроеніе, но она скоро съумѣла-бы внушить ему долю своего мужества, защитить его противъ нелѣпныхъ кошмаровъ, отравлявшихъ ему жизнь. Всегда-то она сомнѣвалась въ себѣ, и это было единственною причиною ихъ общаго несчастья. Она сознавала свою силу; весь ея здоровый организмъ, ея любвеобильное сердце—протестовали противъ жестокой дѣйствительности. Развѣ она была не лучше той, которая заняла ея мѣсто? Зачѣмъ она такъ глупо пожертвовала своимъ счастьемъ? Теперь она не признавала въ своей соперницѣ даже страсти, несмотря на ея способность къ чувственнымъ порывамъ; въ своемъ собственномъ сердцѣ она находила страсть болѣе широкую, страсть, готовую жертвовать собою ради любимаго существа. Она настолько любила своего двоюроднаго брата, что готова была удалиться, если-бы другая осчастливила его. Но теперь, когда оказывалось, что другая не умѣетъ ни оцѣнить, ни удержать своего счастья, развѣ она не въ правѣ дѣйствовать, расторгнуть этотъ злополучный союзъ? Негодование ея росло съ каждою минутою; ей казалось, что она и красивѣе, и сильнѣе своей соперницы; она любовалась своею обнаженною грудью, своимъ дѣвственнымъ тѣломъ, съ невольною гордостью женщины, которая могла-бы быть женою и матерью. Какъ молнія озарила ее несомнѣнная увѣренность: ей, а не Луизѣ слѣдовало сдѣлаться женою Лазаря.

Гнетущая тоска сжимала ей сердце. Ночные часы тянулись, проходили одинъ за другимъ, а ей даже и въ голову не приходило дотащить до своей постели. Вереница видѣній проносилась передъ ея широко раскрытыми глазами

ослѣпленными высокимъ пламенемъ свѣчки, на которую она бессознательно продолжала смотрѣть. Ея уже не было въ этой комнатѣ; она воображала, что Лазарь на ней женился; передъ нею проносилась ихъ общая жизнь, возникали картины любви и счастья. Они жили въ Бонвилѣ, на берегу голубого моря, или въ Парижѣ, на шумной улицѣ; но и тамъ, въ ихъ маленькой комнатѣ, царила тишина, вездѣ были разбросаны книги, на столѣ цвѣли розы, вечеромъ лампа заливала комнату золотистымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ по потолку блуждали тѣни. Руки ихъ ежеминутно встрѣчались; къ нему снова вернулось безпечное веселье молодости, — она такъ его любила, что онъ уже искренно вѣрилъ въ безпредѣльность человѣческой жизни. Въ опредѣленный часъ они сѣли за столъ, потомъ вмѣстѣ уходили; завтра она провѣритъ съ нимъ хозяйственные счета за недѣлю. Она умилялась, мечтая объ этихъ мелочахъ семейнаго общежитія, она видѣла въ нихъ залогъ ихъ счастья, которое стало, наконецъ, очевиднымъ, реальнымъ, начиная съ утренняго туалета, сопровождавшагося веселымъ смѣхомъ и вплоть до послѣдняго поцѣлуя, которымъ они обмѣнивались вечеромъ. Лѣтомъ они путешествовали. Затѣмъ, однажды утромъ ей показалось, что она беременна... По тѣлу ея пробѣжала холодная дрожь, и грезы разлетѣлись. Она снова очутилась въ своей комнатѣ, передъ догоравшею свѣчею. Беременна!.. Боже мой!.. Беременна не она, а другая, и никогда, никогда ей не извѣдать этихъ радостей! Пробужденіе было такъ жестоко, что слезы брызнули изъ ея глазъ, и долго ее душили надрывающія душу рыданія. Свѣча погасла; она должна была лечь въ потьмахъ.

Эта ночь, проведенная въ лихорадочномъ бреду и жестокой внутренней борьбѣ, оставила въ душѣ Полины глубокій слѣдъ, поселила въ ней чувство состраданія къ несчастной молодой четѣ и къ себѣ самой. Горе ея смягчалось какою-то смутною надеждою. Она и сама не сумѣла-бы сказать, на что собственно рассчитывала, и не рѣшалась анализировать противоположныя ощущенія, волновавшія ея сердце. Къ чему предаваться бесполезнымъ терзаніямъ; вѣдь передъ нею еще по крайней мѣрѣ десять дней, она еще успѣетъ принять опредѣленное рѣшеніе, а прежде всего слѣдовало успокоить Лазаря, дать ему возможность отдохнуть и поправиться въ

Бонвилѣ. Она опять повеселѣла, и они зажили вдвоемъ прежнею безмятежною жизнью.

Въ началѣ между ними установились товарищескія отношенія, къ которымъ они привыкли съ дѣтства.

— Охота тебѣ сидѣть надъ своею драмою! Увѣряю тебя, что ее освистаютъ... Знаешь что? Помоги-ка мнѣ лучше поглядѣть, не затасила-ли Минувшъ моего клубка на шкафъ.

Онъ держалъ стулъ, пока она смотрѣла, приподнявшись на ципочки. Уже два дня сряду шелъ дождь, и они принуждены были сидѣть въ большой комнатѣ. Всякая находка, напоминавшая о прошломъ, пріѣтствовала въ веселымъ смѣхомъ.

— Смотри, вотъ кукла, которую ты сдѣлала изъ двухъ моихъ воротниковъ... А это,—помнишь?—это твой портретъ, который я нарисовалъ въ тотъ день, когда ты такъ расплакалась съ досады, потому что я не хотѣлъ тебѣ дать моей бритвы.

Она держала пари, что съумѣетъ еще вскочить однимъ прыжкомъ на столъ. Онъ тоже принимался прыгать, въ сущности очень довольный, что она ему мѣшаетъ. Его драма уже покоилась въ ящикѣ стола. Однажды, утромъ, они открыли знаменитую симфонію страданія; она начала ее разыгрывать, съ комическою важностью, преувеличивая торжественность ритма, а онъ подшучивалъ надъ своимъ произведеніемъ и напѣвалъ мелодію, помогая инструменту, который издавалъ глухіе, едва слышимые звуки. Только одна пьеса,—пресловутый маршъ смерти,—и теперь еще произвела на нихъ впечатлѣніе. Это въ самомъ дѣлѣ не дурно задуманная вещь; ее необходимо сохранить. Все ихъ занимало и приводило въ умиленіе: коллекція водорослей, наклеенная когда-то Полиною и найденная подъ кипкою книгъ; забытая банка съ образчикомъ бромистаго кали, добытаго на заводѣ; миниатюрная модель плотины, наполовину сломанная, какъ будто разрушенная бурей въ стаканѣ воды. А потомъ они рыскали по всему дому, гонясь другъ за другомъ, какъ вырвавшіеся на свободу школьники. Безпрестанно спускались и поднимались на лѣстницу, слонялись по комнатамъ и громко хлопали дверями. Казалось, снова вернулись прежніе дни. Ей было десять лѣтъ, а ему девятнадцать. Она опять чувствовала къ нему прежнюю дѣтски-страстную дружбу. Кругомъ ничего не перемѣнилось.

Въ столовой попрежнему стоялъ буфетъ изъ свѣтлаго орѣховаго дерева, висѣла мѣдная лампа, видѣ Везувія и четыре литографіи, изображавшія времена года и забавлявшія ихъ даже теперь. Образцовое произведеніе дѣда дремало на прежнемъ мѣстѣ, подъ своимъ стекляннымъ колпакомъ, и какъ будто уже превратилось въ составную часть камина, такъ что служанка ставила на него стаканы и тарелки. Только въ одну комнату они входили обыкновенно нѣмѣя отъ волненія: это была прежняя комната мадамъ Шанто, въ которой послѣ ея смерти ничего не измѣнили. Никто уже не открывалъ конторки, только обивка изъ желтаго ситца съ зеленоватыми вѣтками полиняла подъ лучами солнца, проникавшаго сюда въ тѣ дни, когда растворялись ставни. Вскорѣ послѣ пріѣзда Назаря подошелъ день рожденія его покойной матери, и они украсили комнату большими букетами.

Но вѣтеръ скоро разсѣялъ дождевыя тучи; они стали выходить изъ дома на терассу, въ огородъ, гуляли вдоль береговыхъ скалъ, и оба вспомнили свою молодость.

— Пойдемъ ловить креветокъ, кричала она ему утромъ, черезъ перегородку, едва успѣвъ вскочить съ постели.—Отливъ уже начался.

Они отправлялись въ купальныхъ костюмахъ и находили на берегу прежнія старыя скалы, почти не пострадавшія подъ волнами прилива въ теченіи столькихъ недѣль и мѣсяцевъ. Можно было подумать, что они вчера еще ходили по этому берегу. Онъ прекрасно помнилъ каждую особенность мѣстности.

— Берегись, тамъ яма, и дно усыяно большими камнями.

Но она его тотчасъ успокоивала.

— Я знаю, не бойся... Смотри, смотри, какого громаднаго краба я поймала!

Море обдавало ихъ своими прохладными волнами, рѣзкій, дувшій съ моря вѣтеръ, насыщенный частичками соли, охланилъ и веселилъ ихъ. И опять начались прежнія далекія прогулки; они отдыхали на песчаномъ берегу, укрывались отъ дождя въ глубинѣ грота и съ наступленіемъ ночи, глухими тропинками возвращались домой. Здѣсь, подъ открытымъ небомъ, казалось, также ничто не измѣнилось. Море все такъ-же колебалось въ своемъ безконечномъ движеніи и представляло на горизонтѣ однѣ и тѣ-же смѣнявшія другъ друга картины.

Не вчера-ли оно разстилалось передъ ними такое-же синее, съ широкими блѣдными пятнами, которыя подъ вѣтромъ подергивались мелкой рябью? А эти свинцовыя волны подъ сѣрымъ, ненастнымъ небомъ, эта полоса дождя, надвигавшаяся слѣва, вмѣстѣ съ приливомъ, — быть можетъ, все это они увидятъ еще разъ, завтра и въ другіе дни. Мелкіе, забытые факты воскресали въ ихъ памяти съ замѣчательною отчетливостью. Ему въ то время было двадцать-пять лѣтъ, а ей шестнадцать. Когда они, бывало, возились и онъ хваталъ ее безцеремонно, какъ товарища, она задыхалась, взволнованная, смущенная, испытывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то невѣдомое, сладостное чувство. Въ то-же время, она не избѣгала его; мысль объ опасности даже не приходила ей въ голову. Самыя обыденныя фразы, — просьба передать хлѣбъ, замѣчаніе о погодѣ, пожеланіе покойной ночи, которымъ они обмѣнивались на порогѣ двери, — приобрѣтали въ ихъ глазахъ необыкновенное значеніе. Прошлое вставало передъ ними со всею сладостью старыхъ привязанностей, дремавшаго и пробуждающагося нѣжнаго чувства. Изъ-за чего имъ было тревожиться? Они даже не сопротивлялись этому наплыву прежнихъ ощущеній; море, казалось, убаюкивало, усыпляло ихъ своимъ вѣчнымъ монотоннымъ ропотомъ.

И дни тянулись спокойно, безъ тревогъ и волненій. Лазарь гостилъ уже третью недѣлю и, повидимому, даже не думалъ объ отъѣздѣ, хотя получилъ нѣсколько писемъ отъ Луизы. Она очень скучала, но невѣстка убѣждала ее остаться подольше. Въ своихъ отвѣтахъ онъ также совѣтовалъ ей остаться и подкрѣплялъ свое мнѣніе авторитетомъ доктора Казнова, съ которымъ дѣйствительно бесѣдовалъ иногда о здоровьѣ жены. Мало-по-малу, онъ снова подчинился мирному, правильному теченію ихъ семейной жизни: въ прежніе часы садился за столъ, вставалъ и ложился раньше, чѣмъ въ Парижѣ, привыкъ слышать безпрестанную воркотню Вероники, смотрѣть на непрерывное страданіе отца, который все также сидѣлъ неподвижно, съ лицомъ, искаженнымъ тою-же жестокою болью, между тѣмъ, какъ кругомъ все измѣнялось и обновлялось. По субботамъ онъ видѣлъ за обѣдомъ знакомыя лица, доктора и аббата, и слушалъ ихъ безконечные разговоры о послѣдней бурѣ или объ арроманскихъ купальщикахъ. За десертомъ Минушъ попрежнему прыгала

на етоль съ легкостью перышка, ласкаясь— терла свою голову объ его подбородокъ, а онъ, чувствуя прикосновеніе ея желѣзныхъ зубовъ, слегка царапавшихъ ему кожу, мысленно переносился къ далекому прошлому. Среди этой старой, знакомой обстановки замѣшался только одинъ новый элементъ: это былъ Люлю, угрюмый и уродливый, неподвижно лежавшій подъ столомъ и ворчавшій, лишь только къ нему приближались. Напрасно Лазарь кормилъ его сахаромъ; съѣвъ его, собака скалила зубы и ворчала пуще прежняго. Наконецъ, отъ него отступились, и онъ жилъ одиноко, ни съ кѣмъ не внаясь, какъ неспособное къ общественной жизни существо, которое только и требуетъ отъ людей и отъ боговъ, чтобы никто не нарушалъ его скуки.

Иногда, впрочемъ, длинныя прогулки Лазаря и Полины разнообразились неожиданными приключеніями. Такъ, напримеръ, однажды, когда они нарочно свернули съ тропинки, пролегавшей вдоль берега, чтобы не проходить мимо завода, стоявшаго у залива «Сокровище», случай какъ разъ заставилъ ихъ столкнуться съ Бутиньи на поворотѣ дороги, тянувшейся между скалами. Бутиньи превратился темеръ въ немаловажную особу, разбогатѣвъ, благодаря производству соды. Онъ женился на той самой женщинѣ, которая обнаружила по отношенію къ нему такое самоотверженіе, что даже согласилась послѣдовать за нимъ въ эту волчью берлогу. Недавно она родила ему третьяго ребенка. Вся семья, въ сопровожденіи лакея и кормилицы, ѣхала въ великолѣпной коляскѣ, запряженной парю бѣлыхъ лошадей. Пѣшеходы должны были посторониться, прижавшись къ откосу насыпи, чтобы колеса экипажа не проѣхали по ихъ ногамъ. Бутиньи, который правилъ самъ, сдержалъ лошадей и поѣхалъ шагомъ. Въ первое мгновеніе всѣ почувствовали нѣкоторую неловкость: всякое знакомство между ними прекратилось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ; присутствіе жены и дѣтей еще болѣе способствовало всеобщему замѣпательству. Наконецъ, когда взгляды встрѣтились, объ стороны обмѣнялись молчаливыми поклонами.

Послѣ того какъ экипажъ скрылся изъ глазъ, Лазарь, замѣтно поблѣднѣвшій, выговорилъ, наконецъ, съ усиленіемъ:

— Однако, онъ, повидимому, живетъ какъ принцъ.

Полина, которую взволновала только видъ дѣтей, кротко отвѣтила:

— Да, заводъ его, говорятъ, въ послѣднее время даетъ ему громадныя барыши... Ты вѣдь знаешь, что онъ продолжалъ начатые тобою опыты.

Это-то обстоятельство, главнымъ образомъ, и бѣсило Лазаря. Боявильскіе рыбаки, чувствовавшіе, повидимому, постоянную потребность причинить ему какую-нибудь непріятность, уже познакомили его съ положеніемъ дѣлъ на заводѣ. Съ нѣкотораго времени Бутинъ, при помощи молодого химика, работавшаго у него на постоянномъ жалованьи, снова прибѣгнувъ, при обработкѣ золы водорослей, къ методу постепеннаго охлажденія и, благодаря своей практичности, своей благоразумной, осмѣрительной настойчивости, добивался превосходныхъ результатовъ.

— Еще-бы! пробормоталъ Лазарь; — вѣдь наука только тогда и прогрессируетъ, когда какой-нибудь глупецъ, самъ того не подозревая, толкнетъ ее впередъ.

Прогулка ихъ была испорчена; они молча шли, устремивъ взоры на далекій горизонтъ, глядя, какъ съ моря поднимались сѣрые хлопья тумана, медленно расплывшіеся блѣдною пеленою по небесному склону. Домой они вернулись вечеромъ, продрогшіе подъ свѣжимъ дыханіемъ наступающей ночи; но въ столовой скоро согрѣлись при веселомъ свѣтѣ лампы, ярко освѣщавшемъ бѣлую скатерть.

Въ другой разъ; гуляя въ сторонѣ Вершмона, они пробрались по тропинкѣ среди поля, засѣяннаго свеклою и вдругъ остановились, замѣтивъ хижину, изъ крыши которой валилъ дымъ. Это былъ пожаръ; вертикальныя лучи солнца мѣшали видѣть пламя, и домъ, въ которомъ окна и двери были заперты, преспокойно горѣлъ себѣ, въ то время какъ крестьяне, вѣроятно, работали гдѣ нибудь неподалеку, въ окрестностяхъ. Они тотчасъ покинули тропинку, бросились бѣжать по направленію къ дому и громкимъ крикомъ звали на помощь. Но крикъ ихъ слугнулъ только сорокъ, стрекотавшихъ на яблоняхъ. Наконецъ, на довольно отдаленной полосѣ картофеля показалась какая-то женщина, повязанная платкомъ, посмотрѣла въ сторону дома и вдругъ опростетью, что было духу, бросилась бѣжать по вспаханымъ полосамъ, отдѣлавшимъ ее отъ горящей хижины, жестикулируя и громко выкрикивая

все одно и то-же слово, которое невозможно было разобрать, такъ какъ звуки, казалось, съ трудомъ вырывались изъ ея горла. Она упала, опять вскочила, снова упала и, поднявшись, продолжала бѣжать по направленію къ дому, съ окровавленными руками. Платокъ соскользнулъ съ головы, волосы расплелись и развѣвались по воздуху.

— Что она кричить? спросила Полина, охваченная страхомъ.

Женщина приблизилась, и они могли, наконецъ, услышать ея хриплый крикъ, походившій скорѣе на ревъ дикаго звѣря.

— Ребенокъ!.. ребенокъ!.. ребенокъ!

Отецъ и сынъ съ утра работали на разстояніи цѣлаго лье отъ дома, въ полѣ, которое досталось имъ по наслѣдству, а она, только что вышла изъ дома, чтобы накопать корзину картофеля, оставила спящаго ребенка и, вдобавокъ, все заперла, чего обыкновенно никогда не дѣлала. Вѣроятно, огонь тлѣлъ уже давно; она клялась, что передъ уходомъ загасила все, до послѣдняго уголька. Теперь уже вся соломенная крыша пылала, пламя высоко поднималось надъ нею и красными волнами врывалось въ прозрачную атмосферу желтаго солнечнаго свѣта.

— Стало быть, вы заперли на ключъ? крикнулъ Лазарь.

Женщина не слышала его вопроса. Она металась, какъ безумная, бѣгала вокругъ дома, повидимому безъ всякой цѣли, — быть можетъ, въ надеждѣ найти гдѣ нибудь отверстіе, хотя ей было извѣстно, что нигдѣ никакого отверстія нѣтъ. Затѣмъ она опять упала, ноги отказывались служить, ея старое, блѣдное лицо было искажено отчаяніемъ и ужасомъ; она не переставала кричать:

— Ребенокъ!.. ребенокъ!

Крупныя слезы навернулись на глазахъ у Полины. Но Лазаря этотъ крикъ потрясалъ еще больше, каждыи разъ возбуждая въ немъ какое-то особенное, тяжелое чувство. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и вдругъ воскликнулъ:

— Я пойду, принесу ей ребенка.

Двоюродная сестра смотрѣла на него съ ужасомъ. Она старалась схватить его за руки, силилась удержать его.

— Ты! Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу... Крыша сейчасъ обрушится.

— А вотъ увидимъ, сказалъ онъ просто.

Затѣмъ онъ снова обратился къ женщинѣ и закричалъ ей прямо въ лицо:

— Вашъ ключъ! Гдѣ у васъ ключъ?

Она попрежнему безсмысленно смотрѣла на него и ничего не понимала. Лазарь растолкалъ, растормошилъ ее и, наконецъ, добился-таки ключа, а затѣмъ, когда она продолжала выть и причитать, спокойнымъ шагомъ направился къ дому. Полина слѣдила за нимъ взглядомъ, не стараясь его удерживать, прикованная къ мѣсту страхомъ и изумленіемъ. Лазарь имѣлъ видъ человѣка, совершающаго дѣло вполне естественное, обыкновенное. Искры и горячіе клочья соломы огненнымъ дождемъ сыпались съ крыши; отпирая дверь, онъ принужденъ былъ плотно прижаться къ ней; но и здѣсь оказалось новое препятствіе; заржавѣвшій ключъ не поворачивался въ замкѣ. Но онъ не выходилъ изъ себя, не терялъ терпѣнія, настойчиво трудился, наконецъ—отперъ дверь и на мгновеніе остановился на порогѣ, чтобы дать выйти первому облаку дыма, который хлынулъ ему въ лицо. Никогда еще ему не приходилось обнаруживать такого удивительнаго хладнокровія; онъ дѣйствовалъ словно во снѣ, съ увѣренностью въ каждомъ движеніи, съ ловкостью и благоразуміемъ, порожденными опасностью. Затѣмъ онъ наклонилъ голову и скрылся.

— Боже мой! Боже мой! лепетала Полина, задыхаясь отъ смертельнаго ужаса.

Невольными движеніями она сложила руки, сжимая ихъ, что было силы, и, въ безграничномъ волненіи, то поднимала, то опускала ихъ, какъ дѣлаютъ больные подъ вліяніемъ невыносимой боли. Крыша трещала и мѣстами уже проваливалась, и видно двоюродному брату ея не суждено уже было спастись отъ гибели. Ей казалось, что она уже цѣлую вѣчность стоитъ здѣсь въ мучительномъ ожиданіи. Женщина сидѣвшая на землѣ, умолкла, увидѣвъ, какъ баринъ скрылся въ горящемъ домѣ.

Вдругъ раздался громкій крикъ. Онъ невольно вырвался у Полины въ ту минуту, когда крыша рухнула подъ дымившимися стѣнами.

— Лазарь!

Онъ стоялъ на порогѣ, съ едва обгорѣвшими волосами. Передавъ женщинѣ ребенка, который плакалъ и выбивался у

него изъ рукъ, онъ почти съ сердцемъ воскликнулъ, обращаясь къ двоюродной сестрѣ:

— Что такое? Изъ-за чего это ты такъ встревожилась?

Она кинулась къ нему на шею и разразилась такими судорожными, нервными рыданиями, что онъ побоялся, какъ-бы съ нею не сдѣлалось обморока, и усадилъ ее на старый, поросшій мохомъ камень, возлѣ колодца. Но затѣмъ и его собственные силы грозили измѣнить ему. Тутъ-же стоялъ большой чанъ, наполненный водою, и онъ съ наслажденіемъ погрузилъ въ нее руки. Приятное ощущеніе холода заставило его прійти въ себя; онъ въ свою очередь изумился, только теперь начиная давать себѣ ясный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ? неужели онъ входилъ въ этотъ ярко пылавшій домъ? Существо его какъ будто раздвоилось; онъ ясно видѣлъ себя среди дыма, удивлялся своей ловкости, своему нѣвѣроятному присутствію духа, относясь ко всему этому, какъ къ подвигу, совершенному какимъ-то чужимъ человѣкомъ. Остатокъ недавняго одушевленія наполнялъ его душу какою-то особенною, никогда еще неизвѣданною радостью.

Полина нѣсколько оправилась; осмотрѣвъ его руки, она сказала:

— Нѣтъ, все обошлось еще довольно благополучно; обжогъ не глубокіе. Но все-таки, пойдемъ скорѣе домой, я наложу тебѣ повязку. Боже мой, какъ ты перепугалъ меня!

Она окунула въ воду свой носовой платокъ и обернула его правую руку, которая пострадала больше всего. Они встали, постарались утѣшить женщину, которая, расцѣлывая своего ребенка съ безумною горячностью, положила его возлѣ себя и даже не смотрѣла на него; теперь она убивалась, глядя на пылающій домъ, кричала и выла въ такомъ-же отчаяніи, спрашивая, что ей сказать своимъ мужикамъ, когда они вернутся и увидятъ передъ собою развалины. Впрочемъ, стѣны пока еще уцѣлѣли; клубы черного дыма поднимались изъ очага, продолжавшаго горѣть внутри; невидимыя искры съ трескомъ взлетали надъ хижиною вмѣстѣ съ дымомъ.

— Полно, голубушка, не убивайтесь, повторяла Полина. — Заходите завтра ко мнѣ; мы потолкуемъ.

Сосѣди сбѣгались, привлеченные дымомъ. Полина могла, наконецъ, увести Лазаря. У обоихъ на душѣ было какъ-то особенно легко. Онъ не чувствовалъ сильной боли, но, по ея

настоянію, долженъ былъ опираться на ея руку. Не успѣвъ окончательно оправиться отъ своего волненія, они еще не находили словъ и только молча улыбались другъ другу. Въ особенноти она чувствовала себя такою счастливою и какъ будто даже гордилась тѣмъ, что произошло... Такъ стало быть, онъ храбрый, смѣлый, несмотря на то, что блѣднѣетъ при одной мысли о смерти? Они возвращались по той-же узкой тропинкѣ. Полина погрузилась въ свои думы и съ изумленіемъ перебирала всѣ противурѣчивыя свойства, которыя уживались въ этомъ человѣкѣ. Она поняла, какъ онъ просиживать за работою цѣлыя ночи, а потомъ цѣлые мѣсяцы проводилъ въ абсолютной праздности, то поражать ее своею необыкновенною искренностью. то, напротивъ, лгалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, цѣловалъ ее въ лобъ, какъ товарища, между тѣмъ какъ она чувствовала, что руки его горѣли лихорадкою страстныхъ желаній, и вотъ, наконецъ, сегодня, онъ оказывается даже героемъ. Она была права, не отчаяваясь въ жизни и думая, что если не все въ ней прекрасно, такъ не все-же и дурно. Когда они вернулись домой, молчаніе ихъ вдругъ смѣнилось шумнымъ и обильнымъ потокомъ словъ. Малѣйшія детали воскресали въ ихъ памяти; они разъ двадцать рассказали свое приключеніе, припоминая все новое, забытыя факты, которые вдругъ приходили въ голову, то Лазарю, то Полинѣ, какъ будто освѣщенные яркимъ свѣтомъ молніи. Приключеніе это долго служило темою для разговоровъ; погорѣвшей семьѣ было выдано пособіе.

Почти уже цѣлый мѣсяцъ Лазарь жилъ въ Бонвилѣ. Пришло новое письмо отъ Луизы, которая приходила въ отчаянье отъ скуки. Онъ отвѣтилъ, что заѣдетъ за нею въ началѣ слѣдующей недѣли. Опять начались сильные дожди, которые въ это время года такъ часто посѣщали ихъ берегъ, подымаясь вдругъ, какъ волны спущеннаго шлюза, и окутывая море, землю и небо общею целеною сѣраго тумана. Лазарь опять объявилъ, что намѣренъ серьезно приняться за свою драму, и Полина, которую онъ просилъ поощрять его къ работѣ своимъ присутствіемъ, приходила къ нему въ комнату и принималась вязать маленькіе чулочки, которые раздавала деревенскимъ дѣвочкамъ. Но онъ переставалъ работать, лишь только она присаживалась къ его столу, и они начинали бесѣдовать, почти шепотомъ, глядя другъ другу въ глаза, неутомимо пере-

бирая все однѣ и тѣ же немногочисленные темы. Теперь они уже не играли, не возились, не давали волю рукамъ, съ инстинктивною осторожностью уже наказанныхъ разъ дѣтей, понимающихъ какъ опасны эти прикосновенія, это теплое дыханіе, надъ которыми они смѣялись еще вчера. Имъ было такъ хорошо среди царившей здѣсь тишины, наводившей на нихъ какую-то сонную истому, подъ монотонные звуки дождя, барабанившаго по черепицамъ крыши. Иногда, когда прерывался разговоръ, оба почему-то краснѣли, каждое слово невольно приобрѣтало значеніе ласки, и, подъ вліяніемъ волнованнаго ихъ чувства, пробуждалось и разцвѣтало прошлое, которое они еще недавно считали похороненнымъ навсегда.

Однажды вечеромъ Полина до полуночи сидѣла въ комнатѣ Лазаря. Она занималась своимъ вязаньемъ, а онъ, бросивъ перо, излагалъ ей планы своихъ будущихъ сочиненій, содержаніе драмъ, въ которыхъ дѣйствовали и боролись необыкновенныя, исполинскія натуры. Всѣ въ домѣ спали даже Вероника улеглась рано, и таинственная тишина ночи, нарушавшаяся только привычнымъ монотоннымъ шумомъ прилива, пробуждала въ нихъ какое-то чувственное умиленіе. Онъ раскрывалъ передъ нею всю душу и признавался, что не умѣлъ до сихъ поръ устроить свою жизнь. Если и мечты его о литературной дѣятельности, въ свою очередь, не осуществляются, то онъ удалится въ какой-нибудь забытый уголокъ и будетъ жить отшельникомъ.

— Знаешь? продолжалъ онъ, улыбаясь;—я часто думаю, что намъ слѣдовало эмигрировать послѣ смерти моей матери.

— Какъ, эмигрировать?

— Да, уѣхать куда-нибудь, далеко, далеко,—напримѣръ, въ Океанію, на одинъ изъ этихъ острововъ, гдѣ такъ хорошо живется.

— А отца твоего мы-бы взяли съ собою?

— Да вѣдь я-же тебѣ говорю, что это только мечты... Развѣ человѣкъ не имѣетъ права хоть въ воображеніи рисовать себѣ пріятную жизнь, когда дѣйствительность такъ печальна.

Онъ отошелъ отъ стола и усѣлся на одну изъ ручекъ ея кресла. Она опустила свое вязанье и отъ души смѣялась надъ этими неугмонными полетами фантазіи взрослого, блажнаго ребенка. Откинувъ голову на спинку кресла, она смотрѣла на

него, между тѣмъ какъ онъ такъ близко придвинулся къ ней, что чувствовалъ живую теплоту ея плеча.

— Ты съ ума сошелъ, мой бѣдный другъ! Что-же мы-бы стали тамъ дѣлать?

— А просто жили-бы!.. Помнишь, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, мы какъ-то читали вмѣстѣ описаніе разныхъ путешествій. Вѣдь тамъ можно жить, какъ въ раю: зимы никогда не бываетъ, небо вѣчно голубое, вся жизнь проходитъ подъ лучами солнца, при блескѣ звѣздъ. Мы построили-бы себѣ хижину, питались-бы вкусными плодами, ничего-бы не дѣлали, не знали-бы ни заботъ, ни печали.

— Словомъ, превратились-бы въ дикарей съ кольцами въ носу и съ пучками перьевъ на головѣ.

— А что-же? Почему-бы и не такъ?.. Мы-бы любили другъ друга круглый годъ, не считая дней... Это было-бы совсѣмъ не такъ глупо.

Она смотрѣла на него; вѣки ея то опускались, то поднимались, дрожь пробѣжала по тѣлу, лицо слегка поблѣднѣло. Мысль о возможности такой любви закрадывалась въ ея сердце, наполняя все существо ея сладостною нѣгою. Онъ взялъ ея руку, безъ всякаго разчета, повинуясь потребности еще болѣе къ ней приблизиться, обладать хоть чѣмъ нибудь, принадлежащимъ этому дорогому существу; и онъ игралъ этою теплою рукою, сгибая и разгибая ея тонкіе пальцы, продолжая смѣяться смущеннымъ, взволнованнымъ смѣхомъ. Она нисколько не тревожилась; вѣдь это тоже была лишь невинная игра, напоминавшая о прошломъ; къ тому-же силы начинали покидать ее; она уже принадлежала ему, поблѣднѣвшая возроставшимъ волненіемъ; даже голосъ измѣнялъ ей.

— Но вѣдь нельзя-же все время ѣсть плоды; это уже слишкомъ постно; пришлось-бы охотиться, ловить рыбу, обрабатывать поле... Если правда, что тамъ всѣ тяжелыя работы исполняютъ женщины, такъ и ты, пожалуй, заставилъ-бы меня копать землю?

— Тебя! твоими маленькими лапочками?.. А на что-же обезьяны? Развѣ ты не знаешь, что теперь ихъ приучаютъ ко всякимъ работамъ?

Она отвѣтила на эту шутку слабымъ, замирающимъ смѣхомъ, между тѣмъ какъ онъ продолжалъ:

— Впрочемъ, отъ этихъ лачочекъ ничего-бы и не осталось; я бы ихъ съѣлъ; смотри,—вотъ такъ!

Онъ цѣловаль ей руки и, наконецъ, даже сталъ ихъ кусывать зубами, теряя всякое самообладаніе, ослѣпленный страстью. Они уже не говорили, беззавѣтно подчиняясь общему, охватившему ихъ обоихъ безумному порыву. Она готова была отдаться ему, раскинувшись въ креслѣ, съ краснымъ, налившимся кровью лицомъ, закрывъ глаза, чтобы не видѣть. Грубою, нетерпѣливою рукою онъ уже разстегнулъ ея лифъ, оборвалъ тесемки ея юбокъ, и въ это время губы ихъ встрѣтились. Онъ поцѣловаль ее, и она отвѣтила такимъ-же страстнымъ, бѣшеннымъ поцѣлуемъ, крѣпко обнявъ его шею обѣими руками. Но, подъ вліяніемъ этого потрясенія ея дѣвственнаго тѣла, она раскрыла глаза, увидѣла себя падающею на полъ, узнала лампу, шкафъ, потолокъ, на которомъ ей было знакомо каждое пятнышко... Она вдругъ какъ будто очнулась отъ тяжелаго, ужаснаго сна, вырвалась и вскочила на ноги. Юбки ея спускались, грудь обнаружилась. Среди трепещущей ночной тишины у нея вырвался крикъ:

— Оставь меня, это возмутительно!

Но онъ уже не слушалъ, обезумѣвъ отъ кипѣвшихъ въ немъ желаній. Освободившись на секунду, она успѣла выбѣжать и броситься въ свою комнату.

И такъ все кончено,—она побѣдила, но эта побѣда сопровождалась такимъ отчаяніемъ, такимъ жгучимъ стыдомъ, что она раздѣлась и легла, не зажигая свѣчи. Мысль—увидѣть себя обнаженною, въ растерзанной одеждѣ, возмущала ее. Холодное постельное бѣлье нѣсколько освѣжило ей плечи, на которыхъ еще горѣли его поцѣлуи, и она долго лежала неподвижно, какъ будто подавленная гнетомъ позора и отчаянія.

Но заснуть она не могла до самаго утра. Мысль о случившемся неотступно преслѣдовала ее. Весь этотъ вечеръ былъ преступленіемъ, о которомъ она безъ ужаса не могла подумать. Теперь она уже ни чѣмъ не могла извинить своего поведенія, должна была признаться въ двойственности своихъ чувствъ. Ея материнская привязанность къ Лазарю и ея обвиненія, направленные противъ Луизы, были не что иное, какъ лицемѣрное пробужденіе прежней ея страсти. Она мало-помалу дошла до этой лжи, а за нею, въ глубинѣ сердца открывала даже радость при мысли о разладѣ молодой четы,

надежду, быть можетъ, воспользоваться этимъ разладомъ. Развѣ не она побудила своего двоюроднаго брата вернуться къ прежнимъ ихъ отношеніямъ? Развѣ она не должна была предвидѣть, что они неминуемо приведутъ къ паденію? Теперь она ясно видѣла весь ужасъ того положенія, которое сама-же создала, которое веѣмъ имъ отравило жизнь. Она уступала его другой, а между тѣмъ они оба любятъ другъ друга. Эта мысль не выходила у нея изъ головы и назойливо звенѣла въ ея ушахъ. Въ первую минуту она рѣшила, что завтра-же уѣдетъ, но затѣмъ ей показалось, что такое бѣгство было-бы трусостью. Вѣдь онъ и самъ скоро уѣдетъ; отчего-же не подождать? Къ тому-же въ ней заговорила гордость; она хотѣла окончательно поборотъ себя, чтобы не унести съ собою позора своей слабости. Она чувствовала, что не въ состояніи уже будетъ жить попрежнему, съ высоко-поднятой головой, если на совѣсти ея останется тяжелое воспомнаніе о сегодняшнемъ вечерѣ.

На другое утро Полина въ обычный часъ спустилась въ столовую. Только опухшія отъ бессонницы вѣки свидѣтельствовали о нравственной пыткѣ, которую она выносила въ теченіи цѣлой ночи. Когда Лазарь, въ свою очередь, появился, онъ очень просто объяснилъ свой усталый видъ, сказавъ отцу, что долго просидѣлъ вчера за работою. День прошелъ въ привычныхъ занятіяхъ. Ни тотъ, ни другая ни единымъ словомъ не намекали на то, что произошло между ними, даже тогда, когда остались вдвоемъ, вдали отъ постороннихъ глазъ и ушей. Они не избѣгали другъ друга и, казалось, не сомнѣвались уже, что устоять противъ искушенія. Но вечеромъ, когда они остановились въ корридорѣ, передъ растворенными дверями своихъ комнатъ, чтобы пожелать другъ другу доброй ночи, она бросилась ему на шею, они страстно обнялись и обмѣнялись послѣднимъ, прощальнымъ поцѣлуемъ. Полина заперлась, внезапно объята ужасомъ, Лазарь тоже убѣжалъ въ свою комнату и, рыдая, бросился на постель.

Съ тѣхъ поръ они жили другъ возлѣ друга въ постоянномъ страхѣ не выдержать эту борьбу и поддаться искушенію. Хотя ни одинъ изъ нихъ не упоминалъ о случившемся, хотя разговоръ никогда не касался происшествій ужасной ночи, они оба постоянно думали о нихъ, постоянно боялись, что вотъ-вотъ забудутъ обо всемъ и замрутъ въ безумномъ объятіи, какъ будто пораженные молніей. Случится-ли это утромъ,

вскорѣ послѣ пробужденія, или вечеромъ, когда они обмѣнивались послѣдними словами, случится-ли это у него, у нея или гдѣ-нибудь въ другомъ уединенномъ углу дома,— этого они и сами не знали. А между тѣмъ разсудокъ ихъ работалъ съ прежнею ясностью; послѣ каждаго внезапнаго безумнаго порыва, послѣ страстныхъ объятій за какою-нибудь дверь, послѣ жгучихъ поцѣлуевъ, которыми они обмѣнивались въ темнотѣ, они оба терзались мучительнымъ гнѣвомъ, негодуя на свою собственную слабость. Почва дрожала подъ ихъ ногами, они отчаянно хватались за рѣшенія, принятые въ спокойныя минуты, боясь забыться и не устоять. А между тѣмъ, ни у него, ни у нея не хватало силы избрать единственный спасительный путь,—разлуку. Она, подъ предлогомъ храбрости, не рѣшалась оторваться отъ опасности; онъ, поглощенный всецѣло своимъ чувствомъ, готовый броситься навстрѣчу первому новому искушенію, даже не отвѣчалъ на письма жены. Уже шесть недѣль онъ жилъ въ Бонвилѣ, и имъ казалось, что это существованіе, состоявшее изъ постоянныхъ мучительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ блаженныхъ потрясеній, не прекратится никогда.

Однажды вечеромъ, за ужиномъ, Шанто былъ какъ-то необыкновенно веселъ, послѣ того какъ разрѣшилъ себѣ стаканъ бургундскаго вина; хотя зналъ, что за это каждый разъ приходилось жестоко расплачиваться. Полина и Лазарь провели весь день въ чудной прогулкѣ вдоль берега моря, подъ яснымъ, голубымъ небомъ; они обмѣнивались нѣжными взглядами, въ которыхъ теперь постоянно проглядывалъ тайный страхъ передъ собственнымъ увлеченіемъ, страхъ, придававшій прежнимъ ихъ товарищескимъ отношеніямъ еще болѣе страстный характеръ.

Всѣ трое смѣялись, какъ вдругъ Вероника, которая должна была подать десертъ, появилась на порогѣ кухни и крикнула:

— А вотъ и барыня!

— Какая барыня? спросила Полина въ изумленіи.

— Извѣстно, мадамъ Луиза!

Въ комнатѣ раздались сдержанные возгласы удивленія. Шанто съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Полину и Лазаря, которые оба поблѣднѣли. Но послѣдній вдругъ вскочилъ и, задыхаясь отъ гнѣва, воскликнулъ:

— Какъ! Луиза? Но вѣдь она мнѣ ничего не написала! И-бы не позволили ей пріѣхать... Она съ ума сошла.

Вечеръ былъ ясный и теплый; сумерки постепенно густѣли. Бросивъ на столъ салфетку, Лазарь вышелъ; Полина послѣдовала за нимъ, стараясь казаться, по обыкновенію, спокойною и ласковою. Это дѣйствительно была Луиза; она съ трудомъ вылезала изъ берлина дяди Маливуара.

— Ты съ ума сошла! кричалъ ей мужъ, остановившійся посрединѣ двора. — Развѣ можно дѣлать такія сумасбродныя вещи, не написавъ ни слова?

Луиза расплакалась. Ей было тамъ такъ тяжело, она такъ скучала! Когда-же, наконецъ, даже два послѣднія ея письма остались безъ отвѣта, ею овладѣло непреодолимое желаніе уѣхать, еще разъ побывать въ Бонвилѣ. А не увѣдомила она его изъ опасенія, какъ-бы онъ не воспротивился осуществленію ея плана.

— Я такъ радовалась; я думала, что пріѣздъ мой будетъ для всѣхъ васъ пріятнымъ сюрпризомъ.

— Это смѣшно! Ты завтра-же уѣдешь обратно!

Луиза, пораженная, оскорбленная такою встрѣчею, бросилась въ объятія Полины, которая еще болѣе поблѣднѣла, замѣтивъ ея тяжелую, неуклюжую походку, ея обезображенную, раздавшуюся талію. Теперь она чувствовала прикосновеніе ея живота, вызывавшее въ ней отвращеніе, смѣшанное съ состраданіемъ. Наконецъ, она съумѣла побѣдить въ себѣ проснувшуюся ревность и заставила замолчать Лазаря.

— За что ты бранишь ее? Поцѣлуйте... Дорогая моя, ты отлично сдѣлала, что пріѣхала, если думаешь, что тебѣ будетъ лучше въ Бонвилѣ. Вѣдь ты знаешь, что мы всѣ тебя любимъ, не правда-ли?

Люлю заливался отчаяннымъ лаемъ, взбѣшенный этимъ шумомъ, нарушавшимъ обычную тишину, царившую на дворѣ. Минувъ, сунувшаяся-было на крыльцо, тотчасъ ретировалась, отряхивая лапки, какъ будто боялась компрометировать себя, присутствуя при такомъ непріятномъ приключеніи. Всѣ вошли въ домъ; Вероника должна была ставить на столъ четвертый приборъ и еще разъ подавать ужинъ.

— Какъ! Неужели это ты, Луизочка? повторялъ Шанто съ какимъ-то безпокойнымъ, смущеннымъ смѣхомъ. — Ты хо-

тѣда устроить намъ сюрпризъ?.. Я отъ удивленья чуть-чуть не поперхнулася виномъ.

Вечерь, однако, прошелъ довольно благополучно. Всѣ нѣсколько успокоились; о томъ, что каждый предприметь въ слѣдующіе дни, видимо избѣгали говорить. Препрежнее смущеніе на минуту вернулось, когда служанка вошла спросить, будетъ-ли баринъ спать въ комнатѣ барыни.

— О, нѣтъ, Луиза лучше отдохнетъ одна, пробормотала Лазарь, невольно взглянувъ при этомъ на Полину.

— Да, да, ложись наверху, я ужасно устала; одной мнѣ будетъ просторѣе на постели.

Прошло три дня Полина, наконецъ, остановилась на опредѣленномъ рѣшеніи: она уѣдетъ въ слѣдующій понедѣльникъ. Лазарь и Луиза уже поговаривали, что лучше-бы дожидаться здѣсь родовъ, которыхъ ждали не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ; но она напередъ была увѣрена, что двоюродный братъ ея, разстроенный и обезкураженный постоянными неудачами, въ концѣ концовъ совсѣмъ останется въ Бонвилѣ. Такъ лучше-же тотчасъ уступить имъ мѣсто. Она чувствовала, что не въ силахъ побѣдить себя и менѣе чѣмъ прежде способна жить вмѣстѣ съ ними, быть свидѣтельницею ихъ интимныхъ супружескихъ отношеній. Къ тому-же только такимъ образомъ и можно было побѣдить возродившуюся страсть, которая причинила и ей, и Лазарю уже столько страданій. Только Луиза удивилась, когда узнала рѣшеніе двоюродной сестры. На видъ выставлялись самые неопровержимые резоны: докторъ Казновъ рассказывалъ, что дама изъ Сень-Ло предлагаетъ Полинѣ необыкновенно выгодныя условія, и со стороны послѣдней было-бы положительно безразсудствомъ не воспользоваться такимъ случаемъ; родственники ея обязаны убѣдить ее принять это мѣсто, которое обезпечитъ всю ея будущность. Даже Шанто, со слезами на глазахъ, соглашался.

Въ субботу всѣ въ послѣдній разъ собрались за обѣдомъ, не исключая, разумѣется, доктора и аббата. Но Луиза только черезъ силу могла дотащиться до столовой. Это еще болѣе способствовало унылому настроенію общества, несмотря на усилія Полины, которая всѣмъ улыбалась, чувствуя въ то-же время нѣкоторыя угрызения совѣсти при мысли, что покидаетъ этотъ домъ такимъ печальнымъ, послѣ того, какъ такъ

долго оживляла его своимъ шумнымъ, здоровымъ веселіемъ. Сердце ея сжималось отъ тоски. Вероника прислуживала съ трагическимъ видомъ. За жареннымъ Шанто совсѣмъ отказался отъ вина, проявляя вдругъ необыкновенное, преувеличенное благоразуміе, дрожа при одной мысли, что скоро возлѣ него ужъ не будетъ прежней сидѣлки, которая, бывало, однимъ звукомъ своего голоса умѣла унимать его боли. Лазарь видимо былъ въ какой-то лихорадочной ажитаци и все время спорилъ съ докторомъ по поводу какого-то новаго научнаго открытія.

Къ одиннадцати часамъ весь домъ снова погрузился въ тишину. Луиза и Шанто ужъ спали, а Вероника приводила въ порядокъ кухню. Наверху Лазарь, по обыкновенію, оставился съ Полиною передъ дверью своей комнаты, въ которой все еще продолжалъ спать.

— Прощай! прошептала онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она, пытаясь смѣяться, — не прощай, а до свиданія; вѣдь я уѣзжаю только въ понедѣльникъ.

Взгляды ихъ встрѣтились; на глазахъ выступили слезы; они бросились другъ къ другу въ объятія, и губы ихъ слились въ послѣднемъ, страстномъ поцѣлѣу.

X.

На другой день, утромъ, когда всѣ уже сидѣли вокругъ стола и пили кофе, Луиза, ко всеобщему удивленію, не являлась. Служанка уже собиралась подняться во второй этажъ и постучаться въ ея дверь, когда она вошла, наконецъ, въ столовую. Она была очень блѣдна и съ трудомъ держалась на ногахъ.

— Что съ тобою? спросилъ Лазарь, встревоженный ея видомъ.

— Я мучусь съ самаго утра. Да и ночью я почти не спала и каждый разъ слышала, когда били часы.

— Но отчего-же ты не позвала насъ? воскликнула Полина. — Мы-бы, по крайней мѣрѣ, постарались чѣмъ нибудь помочь тебѣ.

Дойдя до стола, Луиза сѣла и глубоко вздохнула, видимо почувствовавъ облегченіе.

— О, вы-бы не въ состояніи были помочь мнѣ, продолжала она. — Вѣдь это случается со мною не въ первый разъ.

Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ эти боли почти не покидаютъ меня.

Беременность ея, необыкновенно тяжелая, дѣйствительно съ самаго начала постоянно сопровождалась тошнотою и сильными болями въ животѣ и поясницѣ, которыя иногда по цѣлымъ днямъ не давали ей разогнуться. Въ это утро тошнота прекратилась, но животъ былъ точно перетянутъ желѣзнымъ поясомъ.

— Человѣкъ привыкаетъ къ страданіямъ, наставительнымъ тономъ замѣтилъ Шанто.

— И чувствую постоянную потребность двигаться, продолжала Луиза;— поэтому я и сошла внизъ... Тамъ, наверху, я положительно не въ силахъ была оставаться на одномъ мѣстѣ.

Она проглотила только нѣсколько ложечекъ кофе съ молокомъ. Все утро она бродила по дому, присаживалась на одинъ стулъ, потомъ сейчасъ-же покидала его и переходила на другой. Никто не рѣшался заговаривать съ нею: она съ первыхъ же словъ выходила изъ себя и, повидимому, даже больше страдала, когда на нее обращали вниманіе. Боли не покидали ее. Передъ самымъ завтракомъ онѣ, впрочемъ, нѣсколько стихли: она еще могла сѣсть за столъ и сѣсть тарелку супа. Но между двумя и тремя часами начались необыкновенно сильныя мучительныя схватки. Начиная съ этого времени, она даже ужъ и не присаживалась,—переходила изъ столовой въ кухню, своею грузною походкой поднималась наверхъ, чтобы тотчасъ снова спуститься.

Полина въ своей комнатѣ укладывала чемоданъ. Она уже окончательно рѣшила, что завтра уѣдетъ, и теперь у нея едва осталось достаточно времени, чтобы перебрать, привести въ порядокъ свои вещи и улечься. Тѣмъ не менѣе она ежеминутно выходила въ корридоръ, перегибалась черезъ перила и съ безпокойствомъ прислушивалась къ этимъ болѣзненно-тяжелымъ шагамъ, отъ которыхъ дрожала весь полъ. Около четырехъ часовъ, услышавъ, что Луиза безпокоится больше прежняго, она рѣшилась, наконецъ, постучаться къ Лазарю, который заперся въ своей комнатѣ и находился въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, увѣряя, что судьба положительно преслѣдуетъ его несчастьями.

— Мы не можемъ оставить ее въ такомъ состояніи, объ-

явила она ему.—Необходимо поговорить съ нею. Пойдемъ со мною.

Они нашли ее посрединѣ лѣстницы между первымъ и вторымъ этажемъ. Она стояла, прислонившись къ периламъ, вся скорчилась и не въ состояніи уже была ни подниматься ни спуститься.

— Дитя мое, сказала Полина,—твое состояніе беспокоитъ насъ... Мы пошлемъ за акушеркой.

Луиза разсердилась.

— Боже мой! Зачѣмъ вы такъ мучаете меня, когда я только о томъ и умоляю, чтобы меня оставили въ покоѣ?.. Вѣдь я на восьмомъ мѣсяцѣ; чѣмъ-же мнѣ можетъ помочь акушерка?

— Во всякомъ случаѣ было-бы благоразумнѣе поговорить съ нею.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу; я сама знаю, отчего это у меня... Ради Бога, не говорите со мною, не мучьте меня!

Луиза упорно стояла на своемъ и съ такою гнѣвною раздражительностью встрѣчала всякую попытку помочь ей, что Лазарь, наконецъ, въ свою очередь вышелъ изъ себя. Полина принуждена была дать торжественное обѣщаніе, что не пошлетъ за акушеркой. Эта акушерка была нѣкая мадамъ Буланъ изъ Вершмона, пользовавшаяся въ странѣ репутаціей необыкновенно ловкой, знающей и энергичной женщины. Увѣряли, что подобной акушерки не найти ни въ Байе, ни даже въ Канѣ. Поэтому-то Луиза, не отличавшаяся большой храбростью, терзаясь предчувствіемъ, что эти роды будутъ стоить ей жизни, и рѣшилась довѣриться ея искуснымъ рукамъ. Тѣмъ не менѣе, одна мысль о мадамъ Буланъ уже внушала ей страхъ. тотъ самый безразсудный страхъ, благодаря которому человѣкъ до послѣдней минуты не рѣшается идти къ зубному врачу, хотя знаетъ, что онъ избавить его отъ страданія.

Въ шесть часовъ боли снова стихли. Луиза торжествовала: ну, вотъ. вѣдь она говорила, это не что иное какъ обыкновенныя ея боли, только очень сильныя; развѣ она не права была, когда требовала, чтобы изъ за такихъ пустяковъ не тревожили напрасно человѣка? Тѣмъ не менѣе, она чувствовала необыкновенную усталость и, съѣвъ котлетку, тотчасъ легла въ постель, увѣряя, что все будетъ кончено, если ей

только удастся заснуть. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она съ прежнимъ упорствомъ отклоняла всякія услуги, непремѣнно желала остаться одна, пока остальные обѣдали, и даже не велѣла входить въ ея комнату, боясь слишкомъ внезапно проснуться; вскочить и этимъ снова вызвать боли.

Въ этотъ день за обѣдомъ былъ супъ и холодная жареная телятина. Въ началѣ разговоръ не клеился; болѣзнь Луизы еще болѣе увеличила печальное настроеніе въ виду предстоявшаго отъѣзда Полины. Избѣгали даже стучать ложками и вилками, какъ будто опасаясь, что шумъ этотъ дойдетъ до второго этажа и будетъ неприятенъ больной. Шанто, впрочемъ, пытался затѣять разговоръ, рассказывалъ объ извѣстныхъ ему случаяхъ необыкновенныхъ беременностей, какъ вдругъ Вероника, входя съ нарѣзанной телятиной, сказала:

— Послушайте-ка, мнѣ. право, кажется, точно она стонетъ наверху.

Лазарь всталъ и отворилъ дверь въ корридоръ. Всѣ перестали ѣсть и прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ. Сначала не слышно было ничего, но затѣмъ явственно донеслись протяжные, подавленные стоны.

— Ей опять хуже, сказала Полина,—я пойду наверхъ.

Она бросила салфетку и даже не притронулась къ ломтю телятины, который служанка въ это время клала ей на тарелку. Ключъ, къ счастью, торчалъ въ замкѣ; она могла выйти. Сидя на краю своей кровати, съ босыми ногами, закутанная въ пенюаръ, Луиза раскачивалась, какъ малтникъ, подъ вліяніемъ невыносимой, неотступной боли, и оглашала комнату протяжнымъ, правильно повторявшимся стономъ.

— Ты чувствуешь себя хуже? спросила Полина.

Она не отвѣчала.

— Хочешь, чтобы мы теперь послали за мадамъ Буланъ?

Наконецъ, она отвѣтила съ видомъ чловѣка, который согласенъ уже на все, лишь-бы его перестали тревожить:

— Да, мнѣ все равно... Можетъ быть, послѣ этого, меня хоть оставятъ въ покоѣ... Я не могу, не могу дальше выносить эти мученія...

Лазарь, поднявшійся вслѣдъ за Полиной и слушавшій за дверью, рѣшился, наконецъ, войти и сказалъ, что, можетъ быть, благоразумнѣе-бы было теперь-же отправить кого ни-

будь и въ Арроманшѣ, за докторомъ Казновомъ, на тотъ случай, если-бы оказались какія-нибудь осложненія. Но Луиза расплакалась. Неужели-же они нисколько ее не жадѣютъ? Зачѣмъ ее мучаютъ такъ? Вѣдь имъ извѣстно, что одна мысль о присутствіи мужчины во время ея родовъ, возмущала ее! Въ каждомъ движеніи ея проглядывала болѣзненная стыдливость кокетливой женщины, желаніе скрыть отъ постороннихъ глазъ свои нестерпимыя муки, и это чувство, даже въ присутствіи мужа и Полины, заставляло ее стыдливо закутывать пеньюаромъ свое бѣдное, измученное тѣло.

— Если ты пойдешь за докторомъ, простонала она,—то я лягу, отвернусь къ стѣнѣ и не стану ни съ кѣмъ говорить.

— Бѣги во всякомъ случаѣ за акушеркой, сказала Полина, обращаясь къ Лазарю.—Я тоже не думаю, что это начало родовъ. Ее просто нужно успокоить, унять чѣмъ-нибудь эти боли.

Они оба сошли внизъ. Въ столовой оказался аббатъ Гортъръ, который забѣжалъ на минутку и теперь молча сидѣлъ передъ разстроеннымъ Шанто. Всѣ совѣтовали Лазарю съѣсть хоть кусокъ телятины, прежде чѣмъ пускаться въ путь; но онъ уже окончательно потерялъ голову, объявилъ, что кусокъ остановится у него въ горлѣ, и опрометью побѣжалъ по направленію къ Вершмону.

— Кажется, она звала меня? сказала Полина, снова бросаясь къ лѣстницѣ.—Если мнѣ нужна будетъ Вероника, я постучу... А ты, дядя, продолжай ужинать безъ меня.

Священникъ, смущенный тѣмъ, что такъ неожиданно попалъ на роды, не находилъ своихъ обычныхъ утѣшительныхъ фразъ. Наконецъ, онъ удалился, обѣщавъ вернуться послѣ того какъ посѣтитъ Гоненовъ, у которыхъ серьезно заболѣлъ несчастный, разбитый параличемъ старикъ. И Шанто остался одинъ передъ столомъ, уставленнымъ неприбранными тарелками и блюдами. Стаканы были не допиты, куски телятины лежали на тарелкахъ, запачканныя вилки, початые куски хлѣба валялись на столѣ, брошенные куда попало въ ту минуту, когда надъ скатертью пронесся вихрь внезапной тревоги. Служанка, на всякій случай, грѣла воду и вмѣстѣ съ тѣмъ ворчала, не зная, убирать-ли ей со стола или оставить все какъ было.

Наверху Полина нашла Луизу на ногахъ; она стояла опираясь на спинку стула.

— Я невыносимо страдаю сидя, помоги мнѣ ходить...

Въ теченіи двухъ часовъ она ходила, почти не оставаясь. Часы пробили девять. Отчего не ѣдетъ эта акушерка? Теперь она уже ждала ее съ нетерпѣніемъ, говорила, что, видно, всѣ желаютъ ея смерти, если такъ долго оставляютъ ее безъ помощи. До Вершмона всего двадцать-пять минутъ ходьбы; Лазарь могъ-бы вернуться уже часъ тому назадъ. Онъ, навѣрное, забавляется гдѣ-нибудь; а можетъ быть, съ нимъ случилось несчастіе; все кончено, — она ихъ не дожидется. Опять началась тошнота, а потомъ рвота.

— Уйди, я не хочу, чтобы ты оставалась!.. Боже мой! возможно-ли дойти до такого состоянія! Вѣдь я всѣмъ въ тягость, всѣмъ внушаю отвращенье!

Несмотря на ужасныя муки, ее не покидала преувеличенная стыдливость и постоянная забота о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на другихъ ея безобразіе. Обладая значительною нервною упругостью, она напрягала послѣднія свои силы, чтобы не распустить себя окончательно, приходила въ отчаянье, что не можетъ надѣть чулки, стыдливо куталась въ свой пеньюаръ...

Полина начинала терять голову. Пробыло десять часовъ; она сама не могла понять, почему Лазарь такъ долго не возвращается. Онъ, навѣрное, не засталъ мадамъ Буланъ; но что-же она будетъ дѣлать одна-одинешенька, не зная, какъ и за что взяться, съ этою бѣдною женщиною, которой видимо становилось все хуже и хуже? Ей припоминалось кое-что изъ прочитаннаго въ былое время; она охотно изслѣдовала-бы Луизу, въ надеждѣ успокоить и себя, и ее. Но видя, до какой степени она всего стыдится, Полина даже не рѣшилась предложить ей этого.

Пробыло одиннадцать часовъ. Томительное ожиданіе сдѣлалось просто невыносимымъ. Вероника отправилась съ фонаремъ по дорогѣ въ Вершмонъ и получила инструкцію осмотрѣть всѣ канавы. Два раза Луиза, измученная до послѣдней степени, пыталась ложиться въ постель, но тотчасъ снова поднималась. Теперь она стояла, облокотившись на комодъ, ни секунды не оставаясь безъ движенія, безпрестанно переминаясь съ ноги на ногу; а Полина, стоя за нею, рѣши-

тельно ничѣмъ не могла ей помочь и даже принуждена была отвертывать голову, притворяться, что занята чѣмъ-нибудь, когда замѣчала, какъ она въ смущеніи поправляла пеньюаръ, поглощенная заботой о своихъ распустившихся роскошныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, о своемъ опухшемъ, обезображенномъ лицѣ.

Было уже близко къ полуночи, когда шумъ приближавшихся колесъ заставилъ Полину быстро сбѣжать съ лѣстницы.

— А гдѣ-же Вероника? крикнула она съ крыльца, узнавая Лазаря и акушерку.—Развѣ вы ее не встрѣтили?

Лазарь объяснилъ ей, что они вернулись по дорогѣ изъ Port-en Bassin; неудачамъ и препятствіямъ не было конца; мадамъ Буланъ онъ не засталъ дома,—она уѣхала за три льѣ, къ роженицѣ; во всей деревнѣ невозможно было найти ни лошади, ни экипажа, чтобы ѣхать за нею; всѣ три льѣ пришлось отмахать пѣшкомъ, бѣглымъ шагомъ; а въ заключеніе, и тамъ еще пошли задержки, неприятности, безъ конца! Къ счастью, у мадамъ Буланъ была телѣжка.

— А какъ-же женщина-то? спросила Полина.—Стало быть, роды были окончены, акушерка могла ее оставить?

— Женщина умерла, отвѣтилъ Лазарь глухимъ, дрожащимъ голосомъ.

Всѣ вошли въ переднюю, которая освѣщалась свѣчою, стоявшею на ступенькѣ лѣстницы. Полина и Лазарь молчали, пока мадамъ Буланъ снимала и вѣшала свое пальто. Это была маленькая, худоцавая брюнетка, желтая, какъ лимонъ, съ большимъ носомъ, свидѣтельствующимъ о властолюбивыхъ наклонностяхъ ея обладательницы. Говорила она громко, дѣйствовала съ деспотическою рѣшительностью и, благодаря этому, пользовалась большимъ уваженіемъ среди крестьянъ.

— Не угодно-ли вамъ подняться со мною наверхъ, сказала Полина.—Я ужь просто не знала, что дѣлать. Съ самаго начала вечера она, не умолкая, стонетъ.

Въ комнатѣ Луиза все еще переминалась съ ноги на ногу, стоя передъ комодомъ. Увидѣвъ акушерку, она опять начала плакать. Мадамъ Буланъ предложила ей нѣсколько короткихъ вопросовъ относительно начала беременности и характера болѣй. Затѣмъ она сухо замѣтила:

— А вотъ увидимъ... Я ничего не могу сказать, пока не опредѣлю положеніе ребенка.

— Какъ! уже теперь? простонала Луиза, обливаясь слезами.—Боже мой! на восьмомъ мѣсяцѣ! А я-то была увѣрена, что у меня, по крайней мѣрѣ, еще мѣсяцъ впереди!

Мадамъ Буланъ, не отвѣчая, принялась взбивать подушки и укладывала ихъ одну на другую посерединѣ кровати. Лазарь, вошедшій вслѣдъ за акушеркою, какъ большинство мужчинъ, терялся и не зналъ, что дѣлать среди женской драмы. Однако, онъ подошелъ и прикоснулся губами къ потному лбу своей жены, которая, повидимому, даже не замѣтила этой ободряющей ласки.

— Ложитесь, сударыня, ложитесь! сказала акушерка.

Встрѣтивъ умоляющій взглядъ Луизы, Полина увела Лазаря, и они оба стали ждать въ корридорѣ, не рѣшаясь уйти дальше. Отъ оставленной внизу свѣчи поднималась широкая полоса тускаго свѣта, перерѣзанная причудливыми тѣнями. Они стояли неподвижно, молча, онъ,—прислонившись къ стѣнѣ, она, опершись на перила, и прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ. Оттуда доносились глухіе стоны; два раза комната огласилась пронзительнымъ крикомъ. Потомъ имъ казалось, что прошла цѣлая вѣчность, пока на порогѣ не появилась наконецъ акушерка. Они собирались уже войти въ комнату, но она удержала ихъ, вышла сама въ корридоръ и затворила дверь.

— Что случилось? прошептала Полина.

— Роды будутъ тяжелые; моя обязанность предупредить родныхъ.

Лазарь поблѣднѣлъ. Лицо его вдругъ похолодѣло; онъ какъ будто уже чувствовалъ ледяное дыханіе смерти.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Насколько я могла убѣдиться, предлежитъ лѣвое плечо, и притомъ я сильно опасаюсь выпаденія ручки.

— Что-же вы думаете дѣлать? спросила Полина.

— Въ подобномъ случаѣ необходимо присутствіе доктора... Я не могу взять на себя такую серьезную отвѣтственность, въ особенности при преждевременныхъ родахъ.

Нѣсколько мгновеній всѣ молчали. Затѣмъ Лазарь опять предался беспомощному отчаянію. Гдѣ-же онъ найдетъ теперь доктора, въ такое позднее ночное время? Жена его успѣтъ двадцать разъ умереть, прежде чѣмъ онъ вернется изъ Арроманша съ Казновомъ.

— Я не думаю, чтобы ей грозила моментальная опасность, сказала акушерка.—Поѣзжайте сейчасъ-же... Я сама ничего не могу сдѣлать.

Когда же и Полина стала умолять ее не дожидаться доктора и облегчить страданья несчастной родильницы, которая продолжала оглашать домъ своими жалобными стонами, она объявила своимъ рѣшительнымъ тономъ:

— Нѣтъ, это запрещено намъ закономъ... Одни роды у меня ужъ окончились смертью сегодня вечеромъ; я не хочу, чтобы и эта умерла у меня подъ руками.

Въ это мгновеніе изъ столовой послышался жалобный голосъ Шанто:

— Вы всѣ внизу? войдите сюда... Мнѣ ничего не говорить; я сижу здѣсь ужъ цѣлую вѣчность и все жду извѣстій.

Они вошли. О Шанто съ самаго обѣда, дѣйствительно, никто и не подумалъ. Онъ все время сидѣлъ передъ накрытымъ столомъ, вертя отъ скуки пальцами, терпѣливо ожидая, съ сонною покорностью калѣнки, привыкшаго къ продолжительному тоскливому одиночеству. Эта новая катастрофа, взбудоражившая весь домъ, произвела на него подавляющее впечатлѣніе; онъ не рѣшился даже окончить прерванный обѣдъ и до сихъ поръ сидѣлъ передъ полною тарелкою, не прикасаясь къ пищѣ.

— Что, развѣ не благополучно? спросилъ онъ въ полголоса.

Лазарь съ видомъ отчаянія пожалъ плечами. Мадамъ Буланъ, сохранявшая свое обычное спокойствіе, совѣтовала ему не терять долѣе времени.

— Возьмите мою телѣжку; лошадь не особенно ретивая, но въ два, въ два съ половиною часа вы во всякомъ случаѣ можете съѣздить туда и вернуться съ докторомъ... А до тѣхъ поръ она останется на моемъ попеченіи.

Наконецъ, онъ рѣшился и выбѣжалъ изъ двери, твердо увѣренный, что уже не застанетъ своей жены въ живыхъ. Слышно было, какъ онъ стегалъ лошадь, разражаясь проклятіями, и телѣжка съ трескомъ и грохотомъ покатила по темной дорогѣ.

— Въ чемъ дѣло? еще разъ спросилъ Шанто, на котораго никто не обращалъ вниманія.

Акушерка уже поднималась по лѣстницѣ, и Полина послѣдовала за нею, сказавъ дядѣ, что бѣдной Луизѣ, вѣроятно,

придется еще долго мучиться. Ложиться спать онъ не хотѣлъ, рѣшившись во что-бы то ни стало дожидаться исхода родовъ. Если его одолѣетъ сонъ, онъ заснетъ въ креслѣ, въ которомъ зачастую спалъ и доселѣ по цѣлымъ часамъ. Едва успѣла уйти Полина, какъ вернулась Вероника, съ потухшимъ фонаремъ, взбѣшенная бесплодными поисками. За послѣдніе два года она никогда еще не раздражалась такимъ обильнымъ потокомъ словъ.

— Отчего-жъ мнѣ не сказали, что они вернутся по другой дорогѣ? А я и то заглядывала во всѣ канавы, дошла до самаго Вершмона; да и тамъ еще съ полчаса простояла, какъ дура, на большой дорогѣ.

Шанто смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Да, встрѣтиться вы, дѣйствительно, не могли.

— А потомъ, на возвратномъ пути, вдругъ встрѣчаю молодого барина, который, какъ съумасшедшій, скачетъ въ какой-то тряской телѣжкѣ... Я кричу ему, что его ждуть, а онъ еще пуще принимается хлестать лошадь, да такъ и катитъ прямо на меня!.. Нѣтъ, слуга покорная!.. довольно съ меня этихъ порученій, которыхъ самъ чортъ не разберетъ! А тутъ еще, какъ на грѣхъ, и фонарь у меня потухъ.

Затѣмъ она привязалась къ Шанто, принуждала его дождать обѣды, чтобы хоть со стола-то можно было убрать. Онъ увѣрялъ, что не голоденъ, но въ концѣ концовъ согласился съѣсть кусочекъ телятины, такъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечься. Больше всего онъ сердился на аббата, который не сдержалъ своего слова, не пришелъ его навѣстить. Зачѣмъ онъ обѣщаль, когда напередъ рѣшилъ, что останется дома? Впрочемъ, и то правда,—положеніе священника, присутствующаго при родахъ, пресмѣшное! Эта мысль показалась ему забавною; онъ весело принялся за прерванный ужинъ.

— Скорѣе, баринъ, торопитесь, твердила Вероника.—Скоро часъ, не могу-же я оставить здѣсь грязную посуду до утра... Вотъ ужъ проклятый домъ-то; ни на минуту не знаешь покоя!

Она уже начала собирать тарелки, какъ вдругъ Полина позвала ее съ лѣстницы. И Шанто опять очутился въ одиночествѣ, передъ неприбраннымъ столомъ, и никому даже въ голову не приходило спуститься къ нему и успокоить его насчетъ Луизы.

Мадамъ Буланъ уже распоряжалась въ комнатѣ больной

съ авторитетомъ хозяйки, рылась во всѣхъ ящикахъ, отдавала приказанія. Прежде всего она велѣла развести огонь, такъ какъ комната показалась ей сырою. Затѣмъ она объявила, что постель неудобна, —слишкомъ низка и мягка; а когда Полина сказала ей, что на чердакѣ у нихъ стоитъ старая кровать, она послала за нею Веронику. Кровать поставили передъ каминомъ и положили на нее простой матрацъ, подмостивъ подъ него доску. Затѣмъ потребовалось множество бѣлья, простыня, которую акушерка сложила вчетверо и разложила посерединѣ матраца, —еще нѣсколько простынь, салфетки, всякія тряпки, которыя она развѣсила на стульяхъ и грѣла передъ каминомъ. Вскорѣ вся комната, увѣшенная, заваленная бѣльемъ, перегороженная кроватью приняла видъ перевязочнаго пункта, устроеннаго наскоро, въ ожиданіи битвы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, акушерка теперь почти безъ умолку говорила, ободряла Луизу своимъ военнымъ, командирскимъ голосомъ, какъ будто разсчитывала, что даже страданіе преклонится передъ ея авторитетомъ. Полина отвела ее въ сторону и просила не говорить больной, что послали за докторомъ.

— Ничего, все кончится благополучно, барынька. По мнѣ-бы, вамъ лучше лечь; но если это для васъ непріятно, такъ подите себѣ съ Богомъ, не бойтесь, опирайтесь на меня... Не въ первый разъ у меня на рукахъ восьмимѣсячныя родильницы, и дѣти у нихъ сплошь да рядомъ рождались большія, крѣпкія, —лучше девятимѣсячныхъ... Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ ужь это не такъ больно, какъ вамъ кажется. Потерпите еще чуточку, мы сію минуту все это покончимъ, по военному, въ три приѣма.

Такъ проходила минута за минутою; было уже около двухъ часовъ. Нѣсколько разъ Луиза заговаривала о Лазарѣ. Въ этихъ случаяхъ прибѣгали ко лжи, говорили ей, что онъ сидитъ внизу, что онъ самъ слишкомъ встревоженъ и боится еще больше разстроить ее своимъ присутствіемъ. Впрочемъ, она уже не имѣла яснаго представленія о времени: часы тянулись нестерпимо медленно, и каждая минута казалась ей вѣчностью. Среди лихорадочнаго волненія, ее преслѣдовало только одно чувство: ей казалось, что это никогда не кончится, что всѣ окружающіе ее люди стоворились мучить ее и не хотятъ прекратить ея страданій. Она сердилась на

акушерку, на Полину, на Веронику, утверждая, что онѣ ничего не понимаютъ и не умѣютъ придумать настоящаго средства, чтобы облегчить ея мученія.

Мадамъ Буланъ молчала. Отъ времени до времени она поглядывала на часы, хотя и не ждала доктора раньше, чѣмъ черезъ часъ, зная, какъ тихо плетется ея лошадь...

Впрочемъ, въ половинѣ четвертаго, видя, что дѣло принимаетъ все болѣе и болѣе критическій характеръ, она уже рѣшилась было дѣйствовать, какъ вдругъ Вероника, вернувшись изъ кухни, вызвала барышню въ корридоръ и объявила ей, что докторъ пріѣхалъ. Ее попросили остаться на минуту возлѣ родильницы, а Полина и акушерка спустились внизъ. Посреди двора Лазарь вылѣзъ изъ повозки, проклиная медленность лошади, но извѣстіе, что жена его еще жива, такъ сильно подѣйствовало на него, что онъ тотчасъ успокоился. Докторъ Казновъ уже поднимался на крыльцо, расспрашивая мадамъ Буланъ о состояніи родильницы.

— Ваше внезапное появленіе испугаетъ ее, сказала ему Полина на лѣстницѣ. — Не лучше-ли предупредить ее сначала?

— Хорошо, идите-же скорѣе, отвѣтилъ Казновъ.

Полина вошла одна, остальные ждали за дверью.

— Дорогая моя, начала она, — вообрази себѣ: докторъ самъ догадался пріѣхать; онъ видѣлъ, въ какомъ состояніи ты была вчера, и рѣшилъ, что присутствіе его будетъ не бесполезно... Тебѣ-бы слѣдовало посоветоваться съ нимъ, — нельзя-же тебѣ мучиться безъ конца.

Луиза, казалось, не слышала ея словъ и отчаянно металась, уткнувъ голову въ подушки. Наконецъ, она пробормотала.

— Дѣлайте что хотите, Боже мой... Развѣ я могу что нибудь сообразить теперь.

Докторъ подошелъ къ постели. Акушерка попросила Полину и Лазаря выйти, обѣщая позвать ихъ, если понадобится ихъ помощь. Они молча удалились. Внизу, въ столовой, Шанто спалъ передъ столомъ, на которомъ все еще стояла неприбранная посуда. Сонъ, повидимому, одолѣлъ его во время запоздалаго ужина, потому-что вилка еще лежала на тарелкѣ вмѣстѣ съ остатками телятины. Войдя въ комнату, Полина должна была прибавить огня въ лампѣ, которая готова была потухнуть.

— Не станемъ будить его, прошептала она:—зачѣмъ ему знать?

Она тихо сѣла на стулъ, между тѣмъ какъ Лазарь неподвижно стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ. Началось томительное ожиданіе; они оба молчали и старались даже не смотрѣть другъ на друга, отворачиваясь всякій разъ, когда встрѣчались ихъ взгляды. Сверху не доносилось ни звука; ослабѣвшихъ стонѡвъ не было слышно; они тщетно напрягали слухъ, но не могли уловить ничего, кромѣ жужжанья собственной, лихорадочно-взволнованной крови. Эта зловѣщая тишина, это безмолвіе смерти—пугали ихъ больше всего. Что происходило тамъ? Зачѣмъ ихъ удалили? Имъ было-бы легче, если-бы надъ головами ихъ раздавались крики, борьба, какой-нибудь признакъ жизни. Минуты тянулись, и домъ, казалось, все болѣе погружался въ мертвую тишину. Наконецъ, дверь отворилась и вошелъ докторъ Казновъ.

— Ну, что? спросилъ Лазарь, который тоже, наконецъ, присѣлъ на стулъ противъ Полины.

Докторъ не тотчасъ отвѣтилъ. Тускло мерцавшая лампа, наполнявшая комнату тѣмъ трепетнымъ полусвѣтомъ, которымъ заканчиваются долгія безсонныя ночи, плохо освѣщала его старое, загорѣлое лицо, на которомъ, даже въ минуты сильнаго волненія, блѣднѣли только морщины. Но когда онъ заговорилъ, его разбитый голосъ далъ возможность заключить о происходившей въ немъ борьбѣ.

— Я еще ничего не сдѣлалъ отвѣтилъ онъ;—да и не хочу ничего дѣлать, не посовѣтовавшись съ вами.

Онъ машинально провелъ рукою по лбу, какъ-бы стараясь отогнать какое-то препятствіе, узелъ, который онъ не въ состояніи былъ развязать.

— Да развѣ мы можемъ что-нибудь рѣшить, докторъ? сказала Полина;—мы вполне полагаемся на васъ.

Онъ покачалъ головою. Тяжелое воспоминаніе не выходило у него изъ головы; онъ думалъ о тѣхъ негритянкахъ, у которыхъ онъ принималъ въ колоніяхъ; ему помнилась, между прочимъ одна, высокая дѣвушка, у которой ребенокъ былъ въ такомъ-же положеніи и которая умерла въ то время, какъ онъ извлекалъ изъ нея обезображенный комокъ, состоявшій изъ мяса и костей. Это были единственные случаи акушерской практики, доступные морскимъ докторамъ, которые только из-

рѣдка могли присутствовать при родахъ, во время госпитальной практики въ колоніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Арроманшѣ, ему, правда, не разъ приходилось принимать и удалось приобрести даже нѣкоторую ловкость; но трудный случай, представившійся теперь, въ этомъ знакомомъ домѣ, пробудилъ въ немъ прежнюю нерѣшительность. Онъ дрожалъ, какъ начинающій, и вмѣстѣ съ тѣмъ не довѣрялъ своимъ старымъ рукамъ, которыя не обладали уже силою молодости.

— Я обязанъ сказать вамъ все, продолжалъ онъ.—Мнѣ кажется, что и мать, и ребенокъ погибли... Но, можетъ быть, я еще успѣю спасти кого-нибудь изъ нихъ...

Лазарь и Полина встали; холодная дрожь пробѣжала по ихъ тѣлу. Шанто, пробужденный шумомъ голосовъ, открылъ заспанные глаза и съ изумленіемъ слушалъ.

— Кого я долженъ попытаться спасти? продолжалъ докторъ, дрожавшій не менѣе тѣхъ, кому онъ задавалъ этотъ вопросъ.—Ребенка или мать?

— Кого? Боже мой! воскликнулъ Лазарь.—Да развѣ я знаю? развѣ я могу сказать? Слезы снова душили его, между тѣмъ какъ двоюродная сестра его стояла блѣдная, онѣмѣвъ передъ этою страшною альтернативою.

— Если я попытаюсь сдѣлать поворотъ, продолжалъ докторъ, излагая вслухъ одолевавшія его сомнѣнія,—ребенокъ навѣрное погибнетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это окончательно истощило-бы и мать: она уже слишкомъ долго мучается... Съ другой стороны, кесаревское сѣченіе спасло-бы, конечно, жизнь ребенка, но состояніе бѣдной матери не кажется мнѣ на столько отчаяннымъ, чтобы я считалъ себя въ правѣ пожертвовать ею... Это слишкомъ серьезный вопросъ, и я умоляю васъ взять на себя его рѣшеніе.

Рыданія мѣшали Лазарю говорить. Онъ схватилъ свой платокъ и судорожно сжималъ его въ рукахъ, тщетно стараясь хоть сколько-нибудь собраться съ мыслями. Шанто попрежнему смотрѣлъ на нихъ молча, окончательно ошеломленный словами доктора. Первая заговорила Полина.

— Зачѣмъ вы пришли къ намъ?.. Не грѣшно-ли вамъ мучить насъ, когда вы одни можете рѣшить этотъ вопросъ и дѣйствовать...

Въ эту минуту вошла мадамъ Буланъ и объявила, что состояніе больной ухудшается.

— Рѣшились-ли вы, наконецъ?.. Она все болѣе слабѣетъ.

Докторъ вдругъ преобразился. Подъ вліяніемъ внезапнаго порыва, возвратившаго ему вдругъ энергію, онъ обнялъ Лазаря и воскликнулъ:

— Слушай, я постараюсь спасти ихъ обоихъ. А если они умрутъ, такъ знай, что мнѣ будетъ тяжело, чѣмъ тебѣ, потому что я буду думать, что это случилось по моей винѣ.

Съ живостью человѣка, отдѣлавшагося отъ тяжелыхъ сомнѣній, онъ прежде всего объявилъ, что не считаетъ возможнымъ хлороформировать больную. Онъ, правда, привезъ съ собою все, что было для этого необходимо, но нѣкоторые симптомы заставляли его опасаться геморрагіи, которую онъ считалъ рѣшительнымъ противопоказаніемъ. Его беспокоили обмороки и слабый пульсъ. Въ виду этого, онъ настоялъ на своемъ, хотя родные и требовали употребленія хлороформа, измученные этими страданіями, которыя они какъ будто сами раздѣляли почти въ теченіи сутокъ. Въ этомъ отказѣ поддержала его и акушерка, которая съ презрительнымъ и негодующимъ видомъ пожимала плечами.

— Я въ теченіи года принимаю, можетъ быть, у двухсотъ женщинъ, сказала она;—слава Богу, всѣ обходятся безъ этой дряни... Не бѣда, если помучается; всѣмъ приходится мучиться!

— Теперь пойдите наверхъ, дѣти мои, продолжалъ докторъ,—ваша помощь еще понадобится... Да и вообще мнѣ будетъ легче видѣть васъ около себя.

Когда всѣ уже выходили изъ столовой, Шанто, наконецъ, заговорилъ. Онъ подзвалъ къ себѣ сына.

— Поцѣлуй меня... Ахъ, эта бѣдная Луизочка! Сколько вдругъ горя обрушилось на насъ, когда никто и не ждалъ его. Хоть-бы разсвѣло поскорѣй!.. Приди сказать мнѣ, когда все будетъ кончено.

Онъ снова остался въ комнатѣ одинъ. Лампа горѣла по-прежнему тускло. Онъ закрылъ глаза, ослѣпленные ея красноватымъ свѣтомъ; его клонило ко сну. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ онъ, впрочемъ, еще боролся противъ сна, смотрѣлъ на посуду, разбросанную по столу, на стоявшіе среди комнаты

стулья, на которыхъ еще висѣли салфетки. Но воздухъ въ комнатѣ былъ такой душный, тишина такъ располагала ко сну... Онъ задремалъ, вѣки его опустились, и въ комнатѣ, среди трагическаго безпорядка, который напоминалъ о внезапно прерванномъ обѣдѣ, послышалось глубокое, ровное дыханіе спящаго.

Наверху, докторъ Казновъ посовѣтовалъ развести огонь въ большой комнатѣ мадамъ Шанто. Эта комната могла понадобиться по окончаніи родовъ. Вероника, которая оставалась возлѣ Луизы во время отсутствія акушерки, тотчасъ пошла затопить каминъ. Затѣмъ были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія; передъ каминомъ развѣсили тонкое бѣлье, принесли еще одинъ тазъ, большой котелъ горячей воды, литръ водки, тарелку со свинымъ саломъ. Затѣмъ докторъ счелъ долгомъ предупредить родильницу:

— Дитя мое, сказалъ онъ, — не тревожьтесь, если я постараюсь ускорить роды... Ваша жизнь намъ всеѣмъ дорога, и хотя бѣдному ребенку грозитъ опасность, мы не можемъ оставить васъ долѣе въ этомъ положеніи... Вѣдь вы позволяете мнѣ помочь вамъ, неправда-ли?

Луиза, казалось, ничего уже не слышала. Голова ея скатилась къ лѣвому краю подушки; она лежала съ раскрытымъ ртомъ; изъ груди ея вырывался постоянный тихій стонъ, походившій на хрипѣнье. Когда вѣки ея раскрывались, она блуждающимъ взглядомъ смотрѣла на потолокъ, какъ будто просыпаясь въ какомъ-то незнакомомъ ей мѣстѣ.

— Вы позволяете? повторилъ докторъ.

Тогда она, наконецъ, пробормотала:

— Убейте меня, убейте меня поскорѣе!

— Торопитесь, докторъ, умоляю васъ! прошептала Полина. Мы беремъ на себя всю отвѣтственность.

.

— Наконецъ-то! воскликнулъ Казновъ. — Этотъ ребенокъ можетъ похвастаться, что не легко нарождался на свѣтъ божій.

Всѣ были до того взволнованы, что никому и въ голову не приходило поинтересоваться полемъ новорожденнаго.

— Поздравляю васъ съ сыномъ, сударь, сказала мадамъ Буланъ, подходя къ отцу.

Лазарь, обернувшись къ стѣнѣ, громко зарыдалъ. Имъ овла-

дѣло безграничное отчаяніе; ему казалось, что лучше-бы умереть всѣмъ, чѣмъ жить послѣ такихъ мученій. Появленіе этого ребенка, казалось, еще болѣе опечалило его.

Полина наклонилась къ Луизѣ и поцѣловала ее въ лобъ.

— Пойди, поцѣлуй ее, сказала она, обращаясь къ двоюродному брату.

Онъ подошелъ и, въ свою очередь, нагнулся къ ней. Но прикосновеніе къ этому лицу, покрытому холоднымъ потомъ, снова заставило его содрогнуться. Жена его лежала съ закрытыми глазами и, казалось, даже не дышала. Онъ отошелъ къ противоположному концу постели, прислонился головою къ стѣнѣ и старался подавить рыданія.

— Едва-ли онъ живъ, прошепталъ докторъ;—перевяжите скорѣе пуповину.

Въ моментъ рожденія ребенокъ не издалъ жалобнаго крика, сопровождаемаго тѣмъ захлебываньемъ, которое возвѣщаетъ о вступленіи воздуха въ легкія. Онъ былъ весь синій, съ блѣдными пятнами, крошечный даже для восьми мѣсяцевъ, съ несоразмѣрно большою головою.

Мадамъ Буланъ быстро перерѣзала и перевязала канатикъ. Но ребенокъ все-таки не дышалъ, сокращенія сердца были по-прежнему нечувствительны.

— Все кончено, объявилъ Казновъ.—Можно, пожалуй, попытать растиранья и вдуванье воздуха; но я думаю, что и это будетъ бесполезно... Къ тому-же, мать больше его нуждается въ моей помощи.

Полина слушала.

— Дайте его мнѣ, сказала она.—Я попытаюсь, и если не заставлю его дышать, такъ ужъ развѣ потому, что у меня не хватитъ дыханія.

Мадамъ Буланъ обмыла и обрядила родильницу, которая лежала блѣдная, покрытая до подбородка теплыми одѣялами, нисколько, повидимому, не согрѣвавшими ее.

— Оставайтесь, сказалъ докторъ, обращаясь къ акушеркѣ и продолжая слѣдить за пульсомъ Луизы.—Я также не отойду отъ нея, пока не успокоюсь насчетъ ея состоянія.

По другую сторону корридора, въ бывшей комнатѣ мадамъ Шанто, Полина боролась противъ возраставшей асфикціи маленькаго жалкаго созданія, которое она перенесла сюда изъ комнаты родильницы. Не теряя времени, она положила его на

кресло, передъ ярко пылавшимъ каминомъ, опустилась на колѣни и, обмакивая конецъ полотенца въ блюдо со спиртомъ, принялась неумоимо растирать ребенка, не теряя надежды и даже не чувствуя ломоты, которая мало по малу грозила парализовать ея усталую руку. Ребенокъ былъ такой худенькій, несчастный, что она даже боялась крѣпко тереть его, и полотенце нѣжно скользило по его тѣлу, едва прикасаясь къ кожѣ, мѣрнымъ, ласкающимъ движеніемъ птичьяго крыла. Она осторожно поворачивала это крошечное созданіе съ боку на бокъ, пыталась пробудить жизнь въ каждомъ изъ его маленькихъ членовъ. Но ребенокъ все еще не обнаруживалъ ни малѣйшаго признака жизни. Кожа нѣсколько согрѣлась отъ растиранія, но грудь по-прежнему оставалась вдавленной и ни разу еще не шелохнулась. Напротивъ, ребенокъ, казалось, посинѣлъ еще больше.

Тогда она нагнулась къ этому влажному, едва обытому лицу, безъ всякаго отвращенія прильнула своими губами къ его маленькому, неподвижному ротикъ и медленно, осторожно стала вдвѣвать въ него воздухъ, соразмѣряя свое дыханіе съ вмѣстимостью маленькихъ легкихъ, въ которыя воздухъ не успѣлъ еще проникнуть. Повременамъ она сама задышалась, на нѣсколько секундъ останавливалась, а потомъ снова продолжала. Кровь прилиwała ей къ головѣ, въ ушахъ поднимался шумъ, голова кружилась. Но она все-таки не отчаявалась и въ теченіи полчаса силилась оживить его своимъ дыханіемъ, не ободренная ни малѣйшимъ результатомъ. При каждомъ вдыханіи, ее обдавало холоднымъ, приторнымъ запахомъ безжизненнаго тѣла. Тщетно старалась она привести въ движеніе грудную клѣтку, осторожно нажимая на нее концами пальцевъ. Ничто не удавалось. Другая давно-бы оставила эти бесплодныя попытки воскресить угасшую жизнь. Но она настойчиво продолжала ихъ съ упорнымъ отчаяніемъ матери, довершающей творческой актъ надъ рожденнымъ, но еще не пробужденнымъ къ жизни ребенкомъ. Она хотѣла, чтобы онъ жилъ, и наконецъ почувствовала, какъ это жалкое тѣло оживилось, какъ маленькій ротикъ слегка дрогнулъ подъ ея губами.

Уже около часа возилась она съ ребенкомъ, въ постоянномъ страхѣ, что не сумѣетъ воскресить его, забывъ обо всѣхъ и обо всемъ на свѣтѣ. Слабый признакъ жизни, кото-

рѣй она на мгновеніе почувствовала губами, возвратилъ ей бодрость. Она усерднѣе прежняго принялась за растиранія и прерывала ихъ только для того, чтобы опять попытаться вдохнуть ему въ легкія воздухъ. Въ эту минуту она готова была пожертвовать своею собственною жизнью, одушевленная безграничнымъ милосердіемъ, непреодолимою потребностью добиться своей цѣли, пробудить эту дремлющую жизнь. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ ей казалось, что она ошиблась, такъ какъ чувствовала подъ своими губами все тѣ-же холодныя, неподвижныя губы. Но вотъ онѣ еще разъ содрогнулись; мало по малу дыханіе ея стало проникать въ легкія ребенка и снова выходило изъ нихъ. Ей показалось, что подъ грудью ея стали раздаваться правильные удары сердца. И губы ея уже не покидали ротика ребенка; она жила съ нимъ одною жизнью, дѣлила съ нимъ дыханіе свое, медленное, протяжное, переходившее изъ одного тѣла въ другое, какъ общая имъ душа, пробужденная, воскрешенная чудотворною силою любви. Къ губамъ ея липли слезъ и мокрота, выходившія изъ рта ребенка, но, подъ вліяніемъ радостнаго сознанія, что онъ спасенъ ея усиліями, она не чувствовала отвращенія; она жадно вдыхала горячую, опьяняющую струю жизни. Когда изъ груди ребенка вырвался, наконецъ, слабый, жалобный крикъ, она въ изнеможеніи опустила въ возлѣ кресла и сѣла на полу, потрясенная до глубины души.

Горѣвшій въ каминѣ огонь заливалъ всю комнату яркимъ свѣтомъ. Полина неподвижно сидѣла на полу, передъ ребенкомъ, на котораго до сихъ поръ даже не успѣла взглянуть хорошенько. Какое это было жалкое, едва сформированное существо! И въ ней въ послѣдній разъ заговорило негодованіе; ея здоровье протестовало противъ хилаго сына, которымъ Луиза подарила Лазаря. Въмѣсто этого несчастнаго созданія, копошившагося на креслѣ, словно насѣкомое, въ воображеніи ея рисовался образъ толстаго, здороваго мальчика, который родился-бы у нея, и она не могла утѣшиться и горько оплакивала ребенка, котораго ей не суждено имѣть.

Но бѣдная крошка такъ жалобно плакала и такъ отчаянно барахтался на креслѣ, что она испугалась, какъ-бы онъ не упалъ. При видѣ этого безобразнаго, беспомощнаго существа, въ ней съ новою силою проснулось состраданіе. Она, по крайней мѣрѣ, облегчить его участь, поможетъ ему жить,

подобно тому, какъ помогла ему родиться. И, позабывъ о себѣ, она снова занялась имъ, взяла его къ себѣ на колѣни, между тѣмъ какъ по щекамъ ея еще продолжали катиться слезы, въ которыхъ смѣшивались и горькое чувство сожалѣнія при мысли, что ей уже не суждено быть матерью, и состраданіе къ несчастью всякаго живого существа.

Мадамъ Буланъ, управившись съ родильницей, пришла обмывать новорожденнаго. Онѣ сначала завернули его въ теплую пеленку, а потомъ одѣли и положили на стоявшую въ комнатѣ постель, такъ какъ колыбель не была еще приготовлена. Акушерка очень удивилась, найдя ребенка живымъ, внимательно осмотрѣла его и объявила, что онъ сложенъ, повидимому, нормально, но что, тѣмъ не менѣе, съ нимъ будетъ не мало хлопотъ. Затѣмъ она поспѣшила вернуться къ Луизѣ, которая все еще была въ опасности.

Полина усѣлась возлѣ ребенка, а вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ и Лазарь, котораго акушерка увѣдомила о совершившемся чудѣ.

— Подойди, взгляни на него, сказала Полина взволнованнымъ голосомъ.

Онъ приблизился и тоже весь дрожалъ отъ волненія.

— Боже мой! воскликнулъ онъ; — ты положила его на эту постель!

Уже на порогѣ онъ невольно содрогнулся. Въ этой необитаемой комнатѣ, куда такъ рѣдко заходили, гдѣ еще такъ недавно носились тѣни смерти, теперь было тепло и свѣтло; трещавшій въ каминѣ огонь придавалъ ей уютный, веселый видъ. А между тѣмъ, мебель осталась на прежнихъ мѣстахъ, стрѣлка часовъ попрежнему показывала тридцать-семь минутъ восьмого; никто здѣсь не жилъ съ самой смерти его матери. И на той самой постели, гдѣ она умерла, на которую онъ не могъ смотрѣть безъ священнаго трепета, теперь лежалъ его ребенокъ, казавшійся еще болѣе крошечнымъ среди этихъ обширныхъ простынь.

— Тебѣ это неприятно? спросила Полина съ удивленіемъ.

Онъ отрицательно покачалъ головой; волненіе душило его и мѣшало ему говорить. Наконецъ, онъ, заикаясь, пробормоталъ:

— Я вспомнилъ о матери... Ея не стало, и на ея мѣсто

явился другой, который когда-нибудь тоже умретъ. Зачѣмъ онъ родился?

Рыданія прервали его голосъ. Послѣ ужасныхъ родовъ Луизы, прежній страхъ, прежняя тоска при одной мысли о томъ, что его ожидаетъ впереди, опять проснулись въ немъ и, несмотря на всѣ усилія, онъ не въ состояніи былъ сдерживать этого чувства. Прикоснувшись губами къ морщинистому лбу своего сына, онъ вдругъ отшатнулся: ему показалось, что черепъ ребенка подался подъ слабымъ давленіемъ его губъ. Отчаяніе его еще болѣе усиливалось чувствомъ угрызенія совѣсти при видѣ этого тщесдушнаго созданія, которое было обязано ему жизнью.

— Не безпокойся, продолжала Полина, желая успокоить его;—мы сдѣлаемъ изъ него молодца... Это не бѣда, что онъ теперь такой крошечный.

Онъ посмотрѣлъ на нее, и, подъ вліяніемъ волновавшихся его чувствъ, у него вырвалось все, что постепенно накопилось на душѣ.

— Даже и его жизнью мы опять обязаны тебѣ... Видно, мнѣ вѣчно суждено быть твоимъ должникомъ!

— Помилуй, отвѣтила она,—я просто сдѣлала то-же, что сдѣлала-бы акушерка, если-бы она была одна.

Движеніемъ руки онъ заставилъ ее замолчать.

— Неужели-же ты думаешь, что я даже неспособенъ понять, чѣмъ тебѣ обязанъ?.. Съ самаго твоего появленія въ нашемъ домѣ, ты только и дѣлала, что жертвовала собою. О твоихъ деньгахъ я ужъ не говорю, но вѣдь ты меня еще любила, когда дала мнѣ Луизу; теперь это для меня ясно... О, если-бы ты знала, какъ я презираю себя, когда смотрю на тебя, когда припоминаю прошлое! Ты готова была отдать за насъ всю душу, ты всегда была добра и весела, даже въ тѣ дни, когда я такъ жестоко мучилъ тебя. Да, ты была права: только доброта и веселье имѣютъ значеніе въ жизни; все остальное простой кошмаръ.

Она попыталась прервать его, но онъ продолжалъ еще громче:

— Какъ нелѣпы, какъ бессмысленны были всѣ эти отрицанія, фанфароннады и мрачныя фразы, за которыми скрывались страхъ и неудовлетворенное тщеславіе! Вѣдь это и испортило всю нашу жизнь,—и твою, и мою... Да, ты одна

понимала жизнь. Вѣдь она такъ легка, такъ пріятна, когда въ домѣ всѣ веселы, когда люди живутъ другъ для друга!.. Если ужъ суждено человѣчеству погибать отъ всякихъ невзгодъ, такъ пусть-же оно погибаетъ, хоть весело, жалѣя самого себя!

Отчаянный тонъ этихъ фразъ вызвалъ на губахъ Полины улыбку; она схватила его руки.

— Полно, успокойся... Ну, вотъ ты теперь сознаешь, что я права, ты справишься и все пойдетъ хорошо.

— Да, какъ-же, исправился! Я говорю все это теперь, потому что бываютъ минуты, когда правда беретъ свое. Но завтра-же я примусь за свои старыя терзанія. Развѣ люди мѣняются!.. Нѣтъ, все пойдетъ не лучше, а напротивъ, съ каждымъ днемъ хуже. Ты знаешь это такъ-же хорошо, какъ и я... Моя глупость приводитъ меня въ бѣшенство.

Она тихо привлекла его къ себѣ и сказала своимъ серьезнымъ тономъ:

— Ты не глупъ и не золь, — ты несчастливъ... Поцѣлуй меня, Лазарь.

Они обмѣнялись поцѣлуемъ, стоя передъ маленькимъ, жалкимъ созданіемъ, которое теперь, повидимому, дремало; и это былъ поцѣлуй брата и сестры, въ которомъ не было и слѣда страстнаго порыва, волновавшаго ихъ еще наканунѣ.

Занялась заря, сѣрый полусвѣтъ теплаго утра проникалъ въ комнату. Казновъ пришелъ посмотреть на ребенка и удивился, найдя его въ такомъ хорошемъ состояніи. Онъ посоветовалъ перенести его въ комнату Луизы, такъ какъ теперь состояніе его уже не внушало ему опасенія. Когда ребенка показали матери, по лицу ея скользнула слабая улыбка. Затѣмъ она закрыла глаза и скоро погрузилась въ тотъ глубокій, восстанавливающей силы сонъ, съ котораго обыкновенно начинается выздоровленіе родильницъ. Въ комнатѣ нѣсколько пріотворили окно, чтобы прогнать запахъ крови, и теперь въ нее проникала свѣжая живительная струя морского воздуха.

Всѣ стояли неподвижно, усталые и счастливые, передъ постелью, на которой она спала. Наконецъ, они вышли осторожно, безъ шума, оставивъ возлѣ спящей одну мадамъ Буланъ.

Но докторъ уѣхалъ только въ восемь часовъ. Онъ былъ о сѣ голоденъ, Лазарь и Полина также едва держались на

ногахъ отъ истощенія, и Вероникѣ велѣли приготовить яичницу и кофе съ молокомъ. Внизу, забытый всѣми, Шанто спокойно спалъ въ своемъ креслѣ. Въ столовой все стояло на прежнемъ мѣстѣ; потухшая лампа наполнила комнату ѣдкимъ дымомъ, который еще продолжалъ подниматься тонкой струйкой изъ стекла. Полна со смѣхомъ замѣтила, что столъ, съ котораго не были прибраны послѣ ужина тарелки, уже накрыть. Она смахнула со скатерти крошки и нѣсколько привела въ порядокъ приборы. Затѣмъ, видя, что Вероника что-то долго не несетъ кофе, они принялись за холодную телятину, подшучивая надъ этимъ оригинальнымъ ужиномъ, прерваннымъ ужасными родами. Теперь, когда опасность миновала, всѣми овладѣло какое-то ребяческое веселіе.

— Вотъ вы, можетъ быть, не повѣрите мнѣ, а вѣдь я все время такъ только дремала и безпрестанно просыпался... Мнѣ было досадно на васъ за то, что вы оставляли меня безъ всякихъ вѣстей, а вмѣстѣ съ тѣмъ я не ощущала никакого безпокойства, потому что видѣлъ во снѣ, что все идетъ благополучно, сказалъ проснувшійся Шанто.

Радость его удвоилась, когда, въ заключеніе, явился и аббатъ Гортэръ, прибѣжавшій послѣ службы узнать о здоровьѣ Луизы. Онъ сейчасъ же началъ подшучивать надъ священникомъ.

— А! Такъ вотъ вы какъ! Обѣщали прийти, а потомъ надули?... Видно, вы боитесь дѣтей.

Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, аббатъ рассказалъ, какъ онъ, однажды вечеромъ, набрелъ посреди дороги на рожаящую женщину, принялъ ребенка, да тутъ-же и окрестилъ его. Потомъ онъ вмѣстѣ съ другими выпилъ рюмочку кюрасо.

Яркое солнце заливало дворъ золотисто-желтымъ свѣтомъ, когда докторъ Казновъ, наконецъ, собрался домой. Лазарь и Полина провожали его. Обращаясь къ послѣдней, онъ тихо спросилъ:

— Вы не уѣзжаете сегодня?

Нѣсколько мгновеній она молчала; ея большіе глаза, задумчиво устремленные въ даль, казалось, смотрѣли въ будущее:

— Нѣтъ, отвѣтила она.— Я должна подождать.

XI.

Послѣ отвратительнаго, ненастнаго мая наступили жаркіе іюньскіе дни. Въ теченіи трехъ недѣль дулъ западный вѣтеръ, бури яростно бичевали берегъ, подмывали его скалы, поглощали лодки и людей, и теперь это широкое голубое небо, это море, гладкое, какъ атласъ, эти теплые ясные дни—дышали какою-то особенною, безконечною прелестью.

Въ одинъ изъ такихъ чудныхъ дней Полина рѣшилась выкатить на террасу кресло Шанто и положить возлѣ него, на большое красное шерстяное одѣяло, маленькаго Поля, которому уже минуло полтора года. Она была крестною матерью ребенка и баловала его не меньше дѣдушки.

— Солнце не мѣшаетъ тебѣ, дядя?

— О, нѣтъ, напротивъ! Я уже такъ давно не видалъ его... Ты хочешь, чтобы Поля здѣсь спалъ?

— Да, да, ему здорово подышать свѣжимъ воздухомъ.

Она опустилась на колѣни возлѣ ребенка и смотрѣла на него. Въ своемъ бѣленькомъ платьицѣ, изъ подъ котораго виднѣлись голенькія ножки и ручки, онъ лежалъ съ закрытыми глазами, обративъ къ небу свое маленькое, розовое, неподвижное личико.

— 'Смотри-ка, вѣдь онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ одну минуту заснулъ, прошептала она.—Онъ усталъ барахтаться... Не подпускай къ нему кошку и собаку.

Она погрозила пальцемъ Минушѣ, которая сидѣла на окнѣ столовой и занималась своимъ туалетомъ. Люлю, растянувшись въ нѣкоторомъ отдаленіи на песокъ, отъ времени до времени подозрительно поглядывала на людей, готовый огрызнуться и укусить при первомъ покушеніи нарушить его угрюмое одиночество.

Пока Полина поднималась на ноги, Шанто издалъ глухой стонъ.

— Что? развѣ опять начинается?

— Не начинается, а вѣрнѣе — никогда уже не прекращается... А что, развѣ я стоналъ? Странное дѣло, я ужъ и самъ этого не замѣчаю.

Онъ дошелъ до самаго жалкаго состоянія. Мало-по-малу хроническая подагра наполнила мѣломъ всѣ его сочлененія, вокругъ которыхъ образовались громадныя, бѣловатые, сквозившіе подъ кожей и выступавшіе наружу сроски. Ноги, заку-

танная въ одѣяло, были сведены и скорчены, какъ у раненной птицы. Но исковерканныя, ничѣмъ не прикрытыя руки, съ красными, лоснящимся узлами на каждомъ суставѣ, съ опухшими, растопыренными пальцами, еще лучше обнаруживали быстрое развитіе ужасной болѣзни,—въ особенности лѣвая рука, обезображенная сrostкомъ величиною въ небольшое яйцо. На локтѣ, съ той же стороны, болѣе объемистое скопленіе обусловило язву. Дѣло дошло до полной неподвижности сочлененій; онъ уже не владѣлъ ни руками, ни ногами; даже тѣ сочлененія, въ которыхъ еще сохранилась нѣкоторая способность къ движенію, хрустѣли и трещали, какъ мѣшокъ, наполненный каменными шариками. Съ теченіемъ времени тѣло его какъ будто окаменѣло въ томъ положеніи, которое онъ принималъ, какъ наиболѣе сносное, подавшись впередъ и нѣсколько склонившись въ правую сторону. Онъ какъ будто принялъ форму кресла, въ которомъ проводилъ большую часть жизни, и такъ и оставался скорченнымъ, когда его вечеромъ клали въ постель. Боль уже не покидала его; воспаленіе обострялось при малѣйшей переменѣ погоды, послѣ глотка вина или куска мяса, когда онъ изрѣдка разрѣшалъ себѣ такую роскошь внѣ обычной строгой діеты.

— Не выпьешь-ли ты чашку молока? спросила Полина;— можетъ быть, это освѣжитъ тебя.

— Ну, да, какъ-же, освѣжить! отвѣтилъ онъ между двумя словами.—Выдумали тоже это молочное леченіе! Я думаю, они меня этимъ-то и доканалы совсѣмъ... Нѣтъ, нѣтъ, ничего мнѣ не нужно; это самое лучшее...

Тѣмъ не менѣе, онъ попросилъ ее придать другое положеніе его лѣвой ногѣ, которою онъ не могъ уже двигать безъ постоянной помощи.

— Она у меня сегодня опять вся горитъ, мерзавка. Отодвинь ее подальше, еще, еще... Вотъ такъ, спасибо!.. Какой чудный день! Охъ! Боже мой!.. Охъ!

Устремивъ взглядъ на обширный горизонтъ, онъ продолжалъ стонать, безсознательно, не давая себѣ въ этомъ отчета. Эти жалобные стоны сопровождали теперь почти каждое дыханіе его. Облеченный въ сюртукъ изъ толстаго, мягкаго драпа, скрывавшій подъ своими широкими складками тощіе члены, изогнутые, словно древесные корни, онъ сидѣлъ, разложивъ на колѣняхъ и грѣя на солнцѣ свои опухшія, безобразныя руки. Его

интересовали и это безпредѣльное, голубое море, среди котораго скользили бѣлые паруса, и эта безконечная дорога, такъ заманчиво убѣгавшая въ даль, между тѣмъ какъ самъ онъ уже не въ силахъ былъ сдѣлать ни единого шага.

Полина, которую беспокоили обнаженные ножки ребенка, снова опустилась на колѣни, чтобы прикрыть его концомъ одеяла. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ она каждую недѣлю собиралась уѣхать въ слѣдующій понедѣльникъ. Но слабыя ручки ребенка удерживали ее съ непреодолимою силою. Въ первый мѣсяцъ изо-дня въ день ждали его смерти. Она одна каждую минуту повторяла надъ нимъ чудо воскрешенія, потому что мать еще лежала въ постели, а кормилица, которую пришлось нанять, ограничивалась тѣмъ, что кормила его грудью съ безучастною покорностью дойной коровы. Она ни на минуту не отходила отъ него, безпрестанно слѣдила за температурой, изо-дня въ день отвоевывала эту молодую, неокрѣпшую жизнь съ удивительнымъ упорствомъ насѣдья, расточающей свои инстинктивныя материнскія заботы надъ чужимъ гнѣздомъ. По истеченіи этого перваго мѣсяца онъ, къ счастью, принялъ видъ ребенка, родившагося въ нормальный срокъ, и мало-по-малу развился, хотя все еще оставался слабымъ и хилымъ. Она по-прежнему почти не отходила отъ него, въ особенности послѣ того, какъ его отняли отъ груди.

— Вотъ такъ онъ не озябнетъ, сказала она.—Посмотри-ка, дядя, какой онъ хорошенькій въ этомъ красномъ одеялѣ,—весь розовый.

Шанто съ усиліемъ повернулъ голову, единственную часть тѣла, которою могъ еще двигать.

— Не цѣлуй его, ты его разбудишь. Пускай онъ себѣ спитъ, твой херувимчикъ... Видишь, вотъ тамъ, этотъ пароходъ? Онъ идетъ изъ Гавра. Вотъ летитъ-то на всѣхъ парахъ!

Полина принуждена была посмотреть на пароходъ, чтобы доставить ему удовольствіе. Онъ казался черною точкою среди громаднаго воднаго пространства. Тонкая полоска дыма тянулась надъ горизонтомъ. Она неподвижно стояла, глядя на это спокойное море, подъ этимъ яснымъ, прозрачнымъ небомъ, наслаждаясь чуднымъ днемъ.

— Ну, однако, мнѣ некогда, мое рагу того и гляди сгоритъ, сказала она, направляясь къ кухнѣ.

Но въ ту минуту, какъ она собиралась войти въ дверь, чей-то голосъ крикнулъ изъ второго этажа:

— Полина!

Это была Луиза. Она стояла, облокотившись, у окна большой комнаты мадамъ Шанто, гдѣ жила теперь молодая чета. Нечесанная, въ ночной кофть, она продолжала недовольнымъ, ворчливымъ голосомъ:

— Если это Лазарь вернулся, такъ скажи ему, что я его жду.

— Нѣтъ, онъ еще не пріѣхалъ.

Луиза окончательно вышла изъ себя.

— Я знала, что раньше вечера его не дождешься; хорошо еще, если соблаговолить вернуться сегодня. Вчера днѣ опять не почевалъ дома, несмотря на свое обѣщаніе... Очень мило, нечего сказать! Когда онъ вырвется въ Канъ, его ужъ ничѣмъ не заманишь домой.

— У него здѣсь такъ мало развлеченія, кротко замѣтила Полина.— Къ тому-же, его, должно быть, задержала эта спекуляція съ удобреніемъ... Онъ, вѣроятно, воспользуется кабриолетомъ доктора и пріѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Съ тѣхъ поръ какъ молодые супруги поселились въ Бонвиллѣ, раздоры и перебранки между ними не прекращались. До настоящей серьезной ссоры дѣло не доходило, но жизнь постоянно отравлялась постояннымъ, обоюднымъ раздраженіемъ. Она, поправившись послѣ трудныхъ родовъ, проводила жизнь въ абсолютной праздности, какъ огня избѣгала всякихъ хлопотъ по хозяйству, по цѣлымъ днямъ читала, до самаго обѣда ходила неодѣтая. Онъ, всецѣло отдавшись гнетущей скукѣ, не раскрывалъ даже книги, съ видомъ глубочайшей апатии просиживалъ цѣлые часы на берегу моря, безучастно уставившись въ даль; отъ времени до времени пытался развлечься поѣздкою въ Канъ, но возвращался оттуда еще болѣе усталый и разочарованный. Полина, которая принуждена была по-прежнему вести хозяйство, сдѣлалась положительно необходимымъ для нихъ лицомъ, такъ какъ мирила ихъ раза по три въ день.

— Тебѣ-бы слѣдовало одѣться, продолжала она.— Скоро, вѣроятно, придетъ священникъ, такъ ты ужъ посиди съ нимъ и съ дядей. У меня столько дѣла!

Но Луиза не намѣрена была такъ скоро прекратить свою воркотню.

— На что это похоже, столько времени пропадать изъ дома!

Отецъ мой еще вчера писалъ мнѣ, что такимъ образомъ погибнуть послѣднія наши деньги.

Лазарь, дѣйствительно, уже успѣлъ потерять значительныя суммы въ двухъ несчастныхъ предпріятіяхъ, такъ что Полина, безпокоясь за будущность ребенка, какъ крестная мать его, подарила ему двѣ трети того, что у нея оставалось, взявъ на его имя страховое свидѣтельство, въ силу котораго онъ долженъ былъ получить въ день своего совершеннолѣтія сто тысячъ франковъ. У нея самой оставалась только рента въ пятьсотъ франковъ; больше всего ее огорчало то, что пришлось ограничить обычныя подаванія.

— Выдумалъ тоже спекуляцію съ этимъ удобреніемъ! продолжала Луиза.—Мой отецъ, вѣроятно, уговорилъ его отказаться отъ нея, и если онъ до сихъ поръ не возвращается, то это только доказываетъ, что онъ просто кутитъ въ Канѣ... Ну, да на это мнѣ наплевать! Пускай таскается гдѣ хочетъ!

— Такъ изъ за чего-же ты сердилъ? возразила Полина.— Повѣрь мнѣ, ничего дурного у него въ помыслахъ нѣтъ... Такъ иди-же скорѣй внизъ; слышишь? Вотъ тоже фантазія со стороны Вероники,—исчезнуть какъ разъ въ субботу и оставить у меня на рукахъ всю кухню.

Это непонятное происшествіе случилось часа два тому назадъ. Служанка очистила овощи для рагу, оципала утку, приготовила и положила на тарелку мясо, а затѣмъ вдругъ словно провалилась сквозь землю и до сихъ поръ не возвращалась. Полина рѣшилась, наконецъ, поставить въ печку рагу безъ нея, рѣшительно не зная, какъ истолковать это исчезновеніе.

— Развѣ она еще не вернулась? спросила Луиза, позабывъ на минуту о своемъ гнѣвѣ.

— Нѣтъ, отвѣтила молодая дѣвушка.—Знаешь, что мнѣ пришло въ голову? Она заплатила какой-то женщинѣ за утку два франка, а я, помнится, замѣтила ей, что въ Вершмонѣ можно имѣть болѣе жирную за полтора. Она мгновенно вся измѣнилась въ лицѣ и посмотрѣла на меня своимъ злобнымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ... Бьюсь объ закладъ,—она отправилась въ Вершмонъ, чтобы убѣдиться, не солгала-ли я.

Полина засмѣялась, но въ этомъ смѣхѣ слышался отбѣнокъ грусти; злобныя и совершенно безпричинныя выходки Вероники противъ нея не на шутку ее огорчали. Нравствен-

ная реакція, совершавшаяся въ душѣ угрюмой служанки послѣ смерти мадамъ Шанто, мало-по-малу довела ее до прежней ненависти.

— Вотъ уже больше недѣли, какъ отъ нея невозможно добиться слова, сказала Луиза.— Человѣкъ съ подобнымъ характеромъ способенъ на самую сумасбродную выходку.

Полина отвѣтила съ примиряющимъ жестомъ:

— Не бѣда! пускай удовлетворяетъ свои фантази и капризы; вернется-же она когда-нибудь; а съ голода мы и сегодня, Богъ дастъ, не умремъ.

Ребенокъ зашевелился подъ своимъ одѣяломъ. Она поспѣшила къ нему.

— Что, моя радость?

Мать еще съ минуту простояла возлѣ окна, а потомъ исчезла въ глубинѣ комнаты. Шанто, все также задумчиво смотрѣвшій въ даль, повернулъ голову только тогда, когда Люлю ворчаніемъ возвѣстилъ о появленіи постороннихъ.

— Полина, сказалъ онъ,— вотъ и твои гости!

Двое оборванныхъ мальчугановъ оказались первыми представителями той толпы деревенской молодежи, которая посѣщала Полину каждую субботу. Видя, что маленькій Поль опять заснулъ, она встала и отошла отъ него.

— Вотъ ужъ не кстати-то! У меня нѣтъ ни минуты свободного времени... Ну, да ужъ нечего дѣлать, останьтесь, садитесь вотъ на эту скамейку. А ты, дядя, когда придутъ остальные, усади ихъ пожалуйста тутъ-же, рядомъ съ этими... Мнѣ необходимо взглянуть на свое рагу.

Когда она вернулась черезъ четверть часа, на скамьѣ уже сидѣли два мальчишка и двѣ дѣвочки, тѣ-же, которые и прежде являлись къ ней за милостынею, значительно выросшіе, но не покидавшіе своихъ нищенскихъ привычекъ.

Впрочемъ, никогда еще надъ Бонвилемъ не обрушивалось столько бѣдъ. Во время майскихъ бурь не устояли и три послѣднихъ дома. Все было кончено; могучія волны прилива окончательно смыли деревню; неутомимыя вѣковыя нападенія моря, которое изъ года въ годъ отрывало отъ берега клочки за клочкомъ, закончились, наконецъ, рѣшительною побѣдою. Побѣдоносныя волны свободно гуляли теперь по булыжнику, унося съ собою послѣдніе обломки разрушеннаго селенія. Рыбаки, выгнанные изъ своей норы, въ которой уже столько по-

колѣннй упорно продолжали жить подъ вѣчною угрозою моря, поневолю должны были подняться выше и поселиться въ спускавшемся къ берегу оврагѣ. Здѣсь они расположились пестрымъ таборомъ; болѣе богатые уже строились, другіе пріютились пока подъ скалами; всѣ вмѣстѣ основывали новый Бонвиль, изъ котораго, послѣ новой вѣковой борьбы, имъ, конечно, точно также суждено было когда-нибудь ретироваться. Чтобы довершить дѣло разрушенія, море должно было прежде всего снести волноломы и палиссы. Въ этотъ день дулъ сѣверный вѣтеръ, чудовищные валы съ такимъ грохотомъ разбивались о берегъ, что даже въ церкви дрожали стѣны. Лазарь, предупрежденный объ опасности, грозившей его плотинѣ, не захотѣлъ спуститься на берегъ. Онъ остался на террасѣ и издали слѣдилъ за нарастающимъ приливомъ; рыбаки же, напротивъ, всѣ высыпали изъ своихъ хижинокъ, въ высшей степени заинтересованные и возбужденные этою бѣшеною атакою. Чувство страха боролось въ нихъ съ невольною гордостью, которую внушало имъ родное море: «важно заревѣло чудище, ловко искрошить оно его плотину!» Менѣе чѣмъ въ двадцать минутъ, дѣйствительно, все исчезло: палиссы были прорваны, сваи повалены, разбиты въ щепки. И рыбаки ревѣли и вопили вмѣстѣ съ моремъ, жестикулировали, плясали, точно дикари, опьяненные рѣзкимъ вѣтромъ, грохотомъ волнъ и окружавшею ихъ картиною бѣшенаго разрушенія. Затѣмъ, пока Лазарь, въ бессильной злобѣ, грозилъ имъ кулакомъ, они бросились бѣжать, улепетывая отъ гнавшагося по ихъ пятамъ, уже ничѣмъ не сдерживаемаго моря. Теперь они пуще прежняго бѣдовали въ новомъ Бонвилѣ, обвиняя проклятое море за постигшее ихъ несчастіе и прибѣгая къ милосердію доброй барышни.

— Ты зачѣмъ здѣсь? воскликнула Полина, увидѣвъ молодого Гутляра. — Я вѣдь запретила тебѣ приходить.

Теперь это былъ уже рослый парень лѣтъ двадцати. Вѣчно-испуганная миная забитаго ребенка замѣнилась угрюмымъ выраженіемъ. Онъ отвѣтилъ, потупившись:

— Сжальтесь надъ нами, барышня. Мы такъ несчастливы съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ.

Гутляръ, выѣхавшій однажды вечеромъ въ море въ бурную погоду, исчезъ безслѣдно; море не возвратило даже ни его тѣла, ни тѣла сопровождавшаго его матроса, ни облом-

ковъ лодки, на которой они выѣхали. Но Полина, которая теперь принуждена была нѣсколько осмотрительнѣе раздавать свою милостыню, поклялась ничего не давать ни сыну его, ни вдовѣ, пока они не прекратятъ своего скандальнаго сожителства. Мачиха, исполнявшая прежде въ домѣ должность служанки и безжалостно колотившая мальчишка, теперь, послѣ смерти отца, когда парень былъ уже на возрастѣ, когда колотить его было уже неудобно, жила съ нимъ, какъ съ мужемъ. Весь Бонвиль хохоталъ, глядя на эту новую чету.

— Ты вѣдь знаешь, почему я не позволила тебѣ приходить ко мнѣ, продолжала Полина. — Когда измѣнишь свое поведение, тогда посмотримъ.

Онъ началъ оправдываться плаксивымъ голосомъ.

— Вѣдь это она меня заставила. Если-бы я не согласился, она-бы опять стала бить меня. Да и не все-ли равно, со мной-ли она живетъ или съ другимъ; вѣдь она мнѣ не мать... Дайте хоть что-нибудь, добрая барышня. Мы всего лишились. Я-то еще пробился-бы какъ-нибудь, да ее ужъ больно жаль; вѣдь она больна, — право-же больна, Богомъ вамъ клянусь!

Молодая дѣвушка, въ концѣ концовъ, дѣйствительно сжалась, дала парню хлѣбъ и горшокъ супу, а въ заключеніе обѣщала даже зайти навѣстить больную и принести ей лекарства.

— Да, какъ-же, лекарство! проворчалъ Шанто. — Заставишь ты ее принимать лекарство! Имъ-бы все только мясо жрать.

Полина уже занималась дочерью Пруана, у которой была расшиблена щека.

— Какъ это тебя угораздило?

— Я упала и ударилась щекою объ дерево, барышня.

— Объ дерево?.. Что-то непохоже. Вѣришь, — объ уголъ стола или стула.

Почти взрослая уже дѣвушка, съ широкими скулами, съ тѣмъ-же большими, блуждающими, истерическими глазами, она тщетно старалась неподвижно стоять на одномъ мѣстѣ, какъ того требовало приличіе. Ноги ея подкашивались, коснѣющій языкъ едва лепеталъ невнятные слова.

— Да ты пьяна, несчастная! воскликнула Полина, взглянувъ на нее пристальнѣе.

— О, барышня! Что вы это говорите?

— Ты пьяна и, вѣроятно, расшиблась у себя дома, не правда-ли? Что это у васъ у всѣхъ за несчастная страсть?.. Садись, я принесу арники и бѣлья.

Она перевязала ей щеку и въ то-же время старалась ус-овѣстить ее. Не стыдно-ли дѣвущкѣ ея лѣтъ напиваться вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, старыми пьяницами, которыхъ, навѣр-ное, когда-нибудь, въ одно прекрасное утро, найдутъ мертвыми, убитыми этой ужасной кальвадосской водкой. Дѣвочка слу-шала, глядя на нее мутнѣющими глазами и, казалось, вотъ-вотъ готова была заснуть.

Когда повязка была наложена, она пролепетала:

— Отецъ что-то жалуется на ломоту; я-бы его натерла, кабы вы мнѣ дали чуточку камфарной водки.

Полина и Шанто не могли удержаться отъ смѣха.

— Нѣтъ, я знаю, зачѣмъ тебѣ нужна моя водка! Такъ и быть, дамъ тебѣ хлѣбъ; да и то не увѣрена, что вы не про-дадите его и не пропѣете вырученныхъ денегъ... Подожди пока. Кюшъ тебя проводить.

Очередь дошла до молодого Кюша. Обуви у него на но-гахъ не было, а вся одежда состояла изъ старыхъ штановъ да изъ лохмотьевъ рубашки, сквозь которые виднѣлось его за-горѣлое, изцарапанное терніемъ тѣло. Теперь, когда мужчины уже пренебрегали его матерью, дошедшей до послѣдней сте-пени нищеты и истощенія, онъ самъ слонялся по окрестно-стямъ, стараясь отыскать охотниковъ. Большую часть времени онъ проводилъ внѣ дома, бѣгая по большимъ дорогамъ, пере-скакивая черезъ изгороди съ ловкостью волка, живя точно звѣрь, котораго голодъ заставляетъ кидаться на всякую до-бычу. Вся фигура его свидѣтельствовала о такой крайней ни-щетѣ, о такомъ низкомъ нравственномъ паденіи, что Полина, глядя на него, чувствовала угрызенія совѣсти, какъ будто сама была виновата въ томъ, что онъ до сихъ поръ остается въ этой растлѣвающей клоакѣ. Но при каждой ея попыткѣ из-влечь его изъ этой обстановки, онъ готовъ былъ бѣжать,—до та-кой степени одна мысль о работѣ и подчиненности казалась ему ненавистною.

— Изъ того, что ты опять пришелъ, начала она кроткимъ голосомъ,—я заключаю, что ты обдумалъ предложеніе, кото-рое я сдѣлала тебѣ въ прошлую субботу. Надѣюсь, что въ тебѣ еще сохранился остатокъ добраго чувства... Ты не мо-

жешь вести долѣе такой ужасный образъ жизни; а я не достаточно уже богата, чтобы кормить тебя... Рѣшился-ли ты, наконецъ, воспользоваться моимъ предложеніемъ?

Съ тѣхъ поръ, какъ денежные ея ресурсы до такой степени истощились, она по возможности старалась заинтересовать своими благотворительными планами другихъ сострадательныхъ людей. Докторъ Казновъ выхлопоталъ, наконецъ, для матери Кюша мѣсто въ богадѣльнѣ для неизлечимыхъ, въ Байе; а она сама уже приготовила сто франковъ, чтобы одѣть и снарядить въ дорогу сына, для котораго оказалось возможнымъ найти работу на шербургской желѣзной дорогѣ. Пока она говорила, онъ молча слушалъ, потушившись и поглядывая на нее съ недовѣріемъ.

— Значить, рѣшено, не правда-ли? продолжала она.— Ты проводишь мать, а потомъ отправишься на свое мѣсто.

Но когда она сдѣлала шагъ, собираясь подойти къ нему, онъ быстро отскочилъ назадъ. Опущенные глаза его подозрительно слѣдили за каждымъ ея движеніемъ; ему показалось, что она собирается схватить его за руки.

— Что съ тобою? спросила Полина, изумившись.

Тогда онъ пробормоталъ, все еще встревоженный, недовѣрчивый, какъ дикое животное:

— Вы думаете заманить меня да потомъ запереть; а я не хочу.

Всѣ дальнѣйшія попытки Полины оказались безплодными. Онъ не прерывалъ ее, какъ будто даже убѣждался ея доводами, но лишь только она двигалась съ мѣста, онъ кидался къ воротамъ, упорно качалъ головою, отказывался отъ предлагаемыхъ благодѣяній и за себя и за мать, предпочитая не ѣсть, но жить на волѣ.

— Вонъ, тунеядецъ! крикнулъ, наконецъ, Шанто съ негодованіемъ.— И охота тебѣ тоже заниматься такимъ негодлемъ!

Руки Полины дрожали; она была глубоко взволнована этимъ бесполезнымъ милосердіемъ, своею собственною всеобъемлющею любовью, разбиравшеюся объ эту добровольную нищету. На восклицаніе Шанто она отвѣтила печальнымъ жестомъ, въ которомъ выражалась вся ея безграничная терпимость.

— Полно, дядя, вѣдь имъ, въ самомъ дѣлѣ, не легко живется, и наормить ихъ, во всякомъ случаѣ, нужно.

Она позвала Кюша, намѣреваясь дать ему, какъ всегда,

хлѣбъ и два франка денегъ. Но онъ снова попытился назадъ и, наконецъ, сказалъ:

— Положите на землю, а сами отойдите... Я подниму.

Она должна была исполнить его желаніе. Онъ подошелъ осторожнымъ шагомъ, ни на секунду не отрывая отъ нея глазъ. Затѣмъ, подобравъ двухфранковую монету и хлѣбъ, онъ пустился бѣжать, что было духу.

— Дикарь! крикнулъ ему вслѣдъ Шанто.—Смотри, когда-нибудь ночью онъ еще придетъ и всѣхъ насъ передупитъ... Да вотъ еще эта дѣвчонка, дочь каторжника... Руку отдамъ на отсѣченіе, если не она украла намедни мой фуляръ.

Онъ говорилъ о дочери Турмаля, дѣдъ которой теперь тоже уже сидѣлъ въ тюрьмѣ. На скамьѣ уже не оставалось никого, кромѣ нея да дочери Пруана, совершенно осовѣвшей отъ водки. Она встала, какъ будто не слышавъ этого обвиненія въ воровствѣ, и принялась хныкать.

— Сжальтесь, добрая барышня... Въ домѣ никого не осталось, кромѣ меня да мамы; жандармы каждый вечеръ заходятъ и бьютъ насъ; у меня все тѣло въ ранахъ; мама едва жива... Ахъ, добрая барышня, нужно-бы намъ денегъ, мясного бульону, да вина хорошаго...

Шанто, выведенный изъ себя этою ложью, зашевелился въ своемъ креслѣ. Но Полина готова была отдать послѣднюю свою рубашку.

— Замолчи, сказала она.—Ты-бы и получала больше, если-бы поменьше говорила... Подожди здѣсь; я положу все, что нужно, въ корзину.

Вернувшись со старой корзиной, въ которую были уложены хлѣбъ, два литра вина и мясо, она застала на террасѣ еще одну изъ своихъ прежнихъ кліентовъ,—маленькую Гонень, которая привела съ собою свою дочку, дѣвочку двадцати мѣсяцевъ. Эта мать, которой самой было всего шестнадцать лѣтъ, смотрѣла такую тщедушною, такъ плохо еще сформировалась, что казалась, рядомъ съ ребенкомъ, старшею сестрою, вышедшею погулять съ младшею. Она черезъ силу тащила свою дѣвочку, но все-таки брала ее съ собою, такъ какъ знала, что барышня ужасно любить дѣтей и ни въ чемъ имъ не отказываетъ.

— Боже мой, какая она толстая! воскликнула Полина,

бера на руки дѣвочку.—Можно-ли повѣрить, что она менѣе чѣмъ на полгода старше нашего Поля?

Взглядъ ея съ невольною грустью остановился на мальчикѣ, который все еще спалъ на своемъ одѣялѣ. Какъ-бы счастлива должна была быть эта дѣвушка, такъ рано сдѣлавшаяся матерью. А между тѣмъ она жаловалась на свою судьбу.

— Вы себя представить не можете, барышня, сколько она ѣсть! Да и обѣля у меня нѣтъ; не во что ее одѣть... А теперь еще, вдобавокъ, когда отецъ умеръ, мама и ея любовникъ накинулись на меня, чествятъ меня, какъ послѣднюю шлюху. Коли, говорятъ, начала таскаться, такъ заботься, по крайней мѣрѣ, чтобы отъ этого была выгода, а не убытокъ.

Въ одинъ прекрасный день большого старика, дѣйствительно, нашли мертвымъ въ его ящикѣ изъ подъ угля. Тѣло его оказалось до такой степени покрыто синяками отъ ударовъ, что одно время полиція даже думала было вмѣшаться въ это дѣло. Теперь вдова и любовникъ ея только и твердили, что не худо бы придушить это бесполезное сонливое созданіе, которое только даромъ объѣдаетъ ихъ.

— Бѣдная крошка! воскликнула Полина.—Кое-что я уже отложила для нея, да теперь еще вяжу ей чулочки... Тебѣ слѣдовало-бы почаще заходить съ нею сюда; у насъ всегда есть молоко, можно варить ей кашицу... Я зайду къ твоей матери и припугну ее, если она не перестанетъ угрожать тебѣ.

Маленькая Гонень снова взяла на руки свою дочку, пока Полина и для нея готовила паветъ со всякой всячиной. Она сѣла и держала ребенка на колѣняхъ, съ неловкостью маленькой дѣвочки, играющей куклою. Судя по выраженію ея свѣтлыхъ глазъ, она какъ будто и сама до сихъ поръ удивлялась, что произвела его на свѣтъ. Выкормила она ребенка сама, но тѣмъ не менѣе няньчилась съ нимъ такъ неумѣло, такъ неловко укачивала его на своей плоской груди, что, казалось, вотъ-вотъ онъ выскользнетъ изъ ея рукъ. Барышня сдѣлала ей строгій выговоръ однажды, когда она покинула ребенка на краю дороги, среди кучи каменьевъ, чтобы подраться съ дочерью Пруана.

На террасѣ появился аббатъ Гортэръ.

— А вотъ и молодой хозяинъ съ докторомъ, объявилъ онъ.

Въ то-же время послышался стукъ кабриолета, и пока Мартень, отставной матросъ на деревянной ногѣ, ставилъ лошадь въ конюшню, Казновъ направился къ террасѣ и еще издали кричалъ:

— Я привезъ вамъ молодца, который, кажется, пропадалъ дѣлыя сутки. Надѣюсь, что голову ему за это не отрубятъ.

Вслѣдъ за докторомъ показался и Лазарь, улыбавшійся блѣдною, вялою улыбкою. Онъ быстро старѣлся; плечи его сторбились, цвѣтъ лица сталъ какимъ-то землистымъ; по всему было замѣтно, что его вѣчно грызъ все тотъ-же страхъ, все та-же неизлечимая тоска. Онъ, повидимому, уже собирался объяснить причину своего долгаго отсутствія, какъ вдругъ пріотворенное окно второго этажа съ трескомъ захлопнулось.

— Луиза еще не готова, объяснила Полина.—Она сію минуту выйдетъ.

Всѣ переглянулись, наступило неловкое молчаніе: это гнѣвно захлопнутое окно предвѣщало ссору. Направившись было къ лѣстницѣ, Лазарь вдругъ раздумалъ и предпочелъ ждать. Онъ поцѣловалъ отца и маленькаго Поля, а потомъ, чтобы скрыть свое замѣшательство, обратился къ двоюродной сестрѣ и недовольнымъ тономъ проворчалъ:

— Избавь насъ, ради Бога, отъ этой сволочи. Ты вѣдь знаешь, я терпѣть не могу, когда она попадается мнѣ подъ ноги.

Онъ говорилъ о трехъ дѣвушкахъ, все еще сидѣвшихъ на скамьѣ. Полина успѣла снарядить пакетъ для маленькой Гонень.

— Ну, теперь идите. Вы двое проводите домой свою подругу, чтобы она по дорогѣ опять какъ-нибудь не упала... Да смотри, не дурачься съ ребенкомъ-то; не потеряй его дорогой.

Когда онѣ уже собрались уходить, Лазарю пришла фантазія обыскать корзинку дочери Турмала, и дѣйствительно оказалось, что она уже успѣла упрятать въ нее какой-то старый, валявшійся на дворѣ кофейникъ. Затѣмъ ихъ всѣхъ трохъ выпроводили за ворота; пьяная, шатаясь, плелась между двумя другими.

— Ну, ужъ народецъ! воскликнулъ священникъ, подсажи-

ваясь къ Шанто. Самъ Господь видимо отступился отъ нихъ. Помилуйте, эти дѣвочки послѣ перваго-же причащенія начинаютъ плодить дѣтей, пьянствовать и воровать не хуже, чѣмъ отецъ съ матерью... О, я давно уже предсказалъ имъ всѣ бѣдствія, которыя постигли ихъ.

— А что-же, любезный другъ, не безъ ироніи спросилъ докторъ, обращаясь къ Лазарю,—наибрены вы возстановить свою плотину?

Лазарь съ досадою махнулъ рукою. Всякій намекъ на поражение, которое онъ потерпѣлъ въ борьбѣ съ моремъ, раздражалъ его. Онъ воскликнулъ:

— Я!.. Да если-бы завтра море дошло до самыхъ нашихъ дверей, я-бы пальцемъ не шевельнулъ, чтобы остановить его... Ну, нѣтъ! Разъ оказался въ дуракахъ, но ужъ во второй разъ не попадусь! Вообразите себѣ, вѣдь я собственными глазами видѣлъ, какъ эти мерзавцы плясали въ то время, когда волны разносили плотину!.. И знаете, что я еще подозрѣваю?—они, навѣрно, подпилили мои сваи наканунѣ того сильнаго прилива: рѣшительно немислимо, чтобы такія толстыя бревна надломилась сами.

Послѣднимъ соображеніемъ самоувѣренный строитель плотины старался утѣшить свое пострадавшее самолюбіе. Указывая рукою на Бонвилъ, онъ прибавилъ:

— Пусть-же они окоблѣваютъ! а я въ свою очередь буду плясать!

— Къ чему ты прикидываешься такимъ злымъ? сказала Полина своимъ спокойнымъ тономъ.—Только бѣдныя имѣютъ право быть злыми... Я увѣрена, что ты все-таки непрочь построить новую плотину.

Онъ уже успокоился, какъ будто утомленный этой вспышкой гнѣва.

— О нѣтъ! сказалъ онъ;—было-бы слишкомъ скучно... Но ты права; глупо сердиться изъ за чего-бы то ни было. Погибнуть-ли они въ морѣ, или не погибнуть,—какое мнѣ до этого дѣло?

Разговоръ снова прекратился. Шанто, приподнявшій-было голову, когда сынъ подошелъ его поцѣловать, теперь опять сидѣлъ неподвижно, скорчившись отъ боли. Священникъ отъ нечего дѣлать вертѣлъ пальцами. Докторъ расхаживалъ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину. Всѣ смотрѣли на спя-

цаго ребенка, въ которому Полина не подпускала даже и отца, боясь какъ-бы его не разбудили. Она то и дѣло просила всѣхъ говорить тише, не стучать такъ громко ногами возлѣ одѣяла, и, наконецъ, пригрозила хлыстомъ Люлю, который все еще ворчалъ и не могъ успокоиться, оттого что слышалъ, какъ отводили въ конюшню лошадь.

— Напрасно ты воображаешь, что заставишь его замолчать. Онъ еще цѣлый часъ будетъ надоѣдать намъ своимъ ворчаніемъ... Никогда я не видалъ такой неприятной собаки. Малѣйшее движеніе раздражаетъ ее; она до такой степени живетъ особнякомъ, что, право, не знаешь, наша-ли она или чужая. Это отвратительное животное, кажется, только для того и создано, чтобы заставить насъ жалѣть о бѣдномъ Матвѣ.

— А сколько лѣтъ вашей Минушъ? спросилъ Казновъ.— Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю, она, помнится, всегда была у васъ.

— Ей уже болѣе шестнадцати лѣтъ, отвѣтила Полина,— но чувствуетъ она себя, повидимому, все такъ-же прекрасно.

Минушъ, продолжавшая заниматься своимъ туалетомъ, сидя на окнѣ въ столовой, подняла голову, когда докторъ назвалъ ее по имени. Нѣсколько мгновеній она оставалась неподвижною, задравъ кверху одну изъ заднихъ лапъ и выставивъ на солнце животъ, а затѣмъ снова принялась тщательно вылизывать себѣ шерсть.

— Вы видите, она еще не глуха, продолжала молодая дѣвушка;— только зрѣніе, кажется, уже слабѣетъ у нея, что ей, однако, нисколько не мѣшаетъ вести самую распутную жизнь... Вообразите, не далѣе, какъ съ недѣлю тому назадъ опять пришлось топить ея котятъ. Она плодитъ потомство просто съ изумительною быстротою. Если-бы въ теченіи пятнадцати лѣтъ всѣхъ ея котятъ оставляли въ живыхъ, они-бы населили всю страну. А въ прошлый вторникъ она опять ужъ пропала, и теперь вотъ, какъ видите, чистится послѣ своихъ оргій, продолжавшихся три дня и три ночи.

Она говорила о любовныхъ похожденияхъ кошки своимъ обычнымъ веселымъ тономъ, не краснѣя, безъ малѣйшаго замѣшательства. Не странно-ли, что такое чистоплотное, деликатное животное, не рѣшающееся выходить изъ дома въ смрую погоду, четыре раза въ годъ готово валяться во всѣхъ канавахъ? Вчера вечеромъ она видѣла ее на заборѣ, въ обще-

ствѣ большого кота; задравъ на воздухъ хвосты и обмѣнявшись нѣсколькими пощечинами, они кубаремъ скатились въ какую-то лужу, раздражаясь самымъ отчаяннымъ мяукашемъ. На этотъ разъ кошка вернулась изъ своей любовной экспедиціи съ надорваннымъ ухомъ, вся въ грязи. Притомъ она по-прежнему оказывалась самою безчувственною матерью. Послѣ того, какъ у нея отнимали котятъ, она, какъ и въ юные годы, преспокойно облизывалась, повидимому даже не давая себѣ отчета въ своей неистощимой плодовитости, а затѣмъ тотчасъ свѣшила снова обзавестись брюшкою.

— Она, по крайней мѣрѣ, хоть чистошлотна, замѣтила аббатъ Гортэръ, глядя, съ какимъ стараніемъ Минушь облизывалась.—Мало-ли потаскухъ, которыя не даютъ себѣ даже труда умыться.

Шанто, также смотрѣвшій на кошку, дышалъ съ видимымъ усиліемъ, сопровождая каждое дыханіе легкимъ стономъ, котораго и самъ уже не замѣчалъ.

— Вамъ сегодня хуже? спросилъ его докторъ.

— А? Почему вы думаете? сказала онъ, какъ будто вдругъ просыпаясь. — Ахъ да, — потому что я такъ тяжело дышу... Дѣйствительно, сегодня вечеромъ мнѣ хуже. Я думалъ, что на солнцѣ будетъ легче; да нѣтъ, я и здѣсь задыхаюсь, а суставы всѣ до одинаго горять, словно въ огнѣ.

Казновъ осмотрѣлъ его руки. Всѣ невольно содрогнулись при видѣ этихъ жалкихъ, изуродованныхъ пальцевъ. Священникъ опять счелъ нужнымъ вставить глубокомысленное замѣчаніе:

— Съ такими пальцами мудрено играть въ шашки... Теперь ужъ и этого развлеченія у васъ не будетъ.

— Главное дѣло, будьте осторожны насчетъ пищи, посоветовалъ докторъ.—Локоть сильно воспаленъ; язва становится все шире.

— Какой-же еще осторожности вы отъ меня требуете? съ отчаяніемъ воскликнулъ Шанто.—Помилуйте, мнѣ ужъ и такъ отмиряютъ каждую каплю вина, едва разрѣшаютъ кусочекъ мяса; не отказаться же вовсе отъ пищи!.. Если-бы еще я былъ одинъ! Но вѣдь согласитесь, что съ такими искалѣченными руками это невозможно. Полина, которая кормитъ меня каждый день, очень хорошо знаетъ, что я ничего лишняго не ѣмъ.

Молодая дѣвушка улыбулась.

— Нѣтъ, дядя, вчера ты, дѣйствительно, поѣлъ больше, чѣмъ слѣдовало... Впрочемъ, я сама въ этомъ виновата: я не умѣю отказывать, когда вижу, что тебѣ чего-нибудь очень хочется.

Всѣ отвѣтили на слова Полины принужденно-веселымъ смѣхомъ и начали дразнить его кутежами, которые онъ будто бы еще позволялъ себѣ повременамъ. Но голоса ихъ дрожали отъ жалости при видѣ этой развалины, этой неподвижной массы, въ которой изъ всѣхъ признаковъ жизни сохранилось одно страданіе. Онъ снова принялъ прежнее положеніе, откинувшись въ правую сторону и вытянувъ руки на колѣняхъ.

— Вотъ, напримѣръ, сегодня вечеромъ, продолжала Полина,— у насъ будетъ утка, жареная на вертелѣ...

Но она остановилась, не докончивъ фразы, и спросила:

— Кстати, не встрѣтили-ли вы Веронику, проѣзжая черезъ Вершимонъ?

Затѣмъ она рассказала о загадочномъ исчезновеніи служанки. Ни Лазарь, ни докторъ не видали ее. Подивились страннымъ капризамъ этой дѣвушки, посмѣялись надъ нею, представивъ себѣ ея фizioномію, когда она вернется и найдеть все общество уже за столомъ.

— Ну, однако, мнѣ некогда; я сегодня дежурю въ кухнѣ, весело воскликнула Полина.— Если у меня подгорить рагу, или утка окажется недожаренною, дядя, безъ дальнихъ разговоровъ, дасть мнѣ расчетъ.

Аббатъ Гортѣрь громко расхохотался при этомъ неожиданномъ заключеніи, которое, повидимому, размѣшило даже доктора Вазнова; но въ эту минуту во второмъ этажѣ загремѣло окно. Луиза, однако, не показалась, а только крикнула рѣзкимъ голосомъ:

— Лазарь, поди сюда!

Въ первое мгновеніе онъ, видимо, рѣшился не повиноваться желанію, выраженному такимъ тономъ. Но Полина бросила на него умоляющій взглядъ, желая избѣжать сцены въ присутствіи гостей, и онъ отправился наверхъ, между тѣмъ какъ она осталась еще съ минуту на террасѣ, чтобы изгладить дурное впечатлѣніе. Воцарилось неловкое молчаніе; всѣ смотрѣли на море. Косые лучи солнца заливали его теперь пеленою золотого свѣта, отъ котораго на мелкихъ, голубыхъ вол-

нахъ вспыхивали огоньки. Вдали горизонтъ принималъ нѣжный лиловый оттѣнокъ. Чудный день догоралъ среди величественнаго безмолвія; на безпредѣльномъ, слившемся пространствѣ воды и неба не видно было ни паруса, ни облачка.

— Подѣломъ ему! сказала, наконецъ, Полина, улыбаясь. — Нужно-же его побранить немного за то, что онъ не ночевалъ дома.

Но докторъ смотрѣлъ на нее, и на улыбающемся лицѣ его она прочитала ту-же проникательность, съ которою онъ когда-то предсказалъ ей, что, соединяя ихъ, она готовитъ имъ не Богъ знаетъ какое счастье.

— И такъ, я васъ покидаю, сказала она, направляясь въ кухню, — постарайтесь чѣмъ-нибудь заняться въ ожиданіи обѣда... А ты, дядя, позови меня, если Поль проснется.

Въ кухнѣ она посмотрѣла, не горитъ-ли рагу, приготовила вертелъ и нетерпѣливо гремѣла кострюлями, передвигая ихъ съ мѣста на мѣсто. Голоса Луизы и Лазаря все яснѣе доносились до нея сквозь потолокъ, и она приходила въ отчаяніе при мысли, что ихъ слышать на террасѣ. Не безразсудно-ли такъ кричать, точно они глухіе или во что-бы-то ни стало желаютъ возвѣстить всему свѣту о своемъ разладѣ. Тѣмъ не менѣе, она не хотѣла идти наверхъ: во-первыхъ, ей нужно было заняться обѣдомъ, а во-вторыхъ, не хотѣлось до такой степени вмѣшиваться въ ихъ семейныя отношенія и играть роль примирительницы даже въ ихъ спальнѣ. Обыкновенно, она мирила ихъ внизу, въ тѣ часы, когда всѣ собирались вмѣстѣ. На минуту она зашла въ столовую и начала наврывать столъ, съ намѣреніемъ гремя тарелками. Но голоса не умолкали; она не въ силахъ была выносить долѣе мысль, что они отравляютъ другъ другу жизнь, и поспѣшила наверхъ, побуждаемая тою неистощимою добротою, благодаря которой вся жизнь ея была посвящена заботѣ о чужомъ счастьѣ.

— Друзья мои, сказала она, быстро входя въ комнату, — вы, можетъ быть, скажете, что я мѣшаюсь не въ свое дѣло, но увѣряю васъ, вы кричите слишкомъ громко... Не стыдно-ли вамъ подымать гамъ на весь домъ.

Прежде всего, она поспѣшила затворить окно, которое Луиза оставила отвореннымъ. Къ счастью, ни доктора, ни священника уже не было на террасѣ. Быстро оглянувъ ее, она уви-

дѣла, что тамъ сидѣлъ одинъ Шанто, все въ той-же задумчивой позѣ, возлѣ маленькаго спавшаго Поля.

— Каждое ваше слово было слышно внизу такъ-же ясно, какъ если-бы вы говорили въ столовой. Скажите, ради Бога, изъ-за чего это вы опять ссоритесь?

Но они оба до такой степени были раздражены, что продолжали споръ, какъ будто даже не замѣтивъ ея появленія; а она стояла теперь неподвижно, охваченная чувствомъ какого-то особеннаго смущенія въ этой комнатѣ, которая служила супругамъ спальнею. Желтый ситецъ съ зелеными вѣтками, красный коверъ и старая мебель краснаго дерева замѣнились обивкою изъ плотной шерстяной матеріи и новою кокетливою меблировкой. Ничто не напоминало уже о покойной матери. Туалетный столикъ, на которомъ валялись мокрая полотенца, распространялъ по всей комнатѣ тонкое благоуханіе гелиотропа. Ей было душно въ этомъ воздухѣ; она невольно обвела взглядомъ комнату, въ которой каждый предметъ свидѣтельствовалъ объ интимной супружеской жизни. Послѣ долгой внутренней борьбы, она, правда, согласилась; наконецъ, жить возлѣ нихъ, и могла уже спать по ночамъ, зная, что они вмѣстѣ, быть можетъ въ объятіяхъ другъ у друга, но ей никогда еще не случалось входить въ ихъ комнату и заставлять ихъ въ этой беспорядочной обстановкѣ, среди раскиданной повсюду одежды, передъ этою кроватью, уже приготовленной для ночного отдыха, — и въ ней снова зашевелилось прежнее ревнивое чувство.

— Не стыдно-ли вамъ вѣчно пилить другъ друга! сказала она послѣ нѣкотораго молчанія. — Неужели-же вы никогда не будете благоразумнѣе?

— Нѣтъ! воскликнула Луиза, — я рѣшительно не намѣрена выносить долѣе такую жизнь!.. Можетъ быть, ты думаешь, что онъ способенъ сознаться, когда не правъ?... Очень ошибаешься. Я просто сказала ему, до какой степени онъ насъ встревожилъ, не вернувшись вчера вечеромъ, и вдругъ онъ-же накидывается на меня, кричить, что я отравила ему жизнь, и грозить уѣхать въ Америку!

Лазарь прервалъ ее громовымъ голосомъ:

— Ты лжешь!.. Если-бы ты выразила свой упрекъ въ такой мягкой формѣ, я-бы поцѣловалъ тебя, и все было-бы кончено. Но развѣ не ты первая принялась обвинять меня, у-

верждая, что, благодаря мнѣ, проводишь всю жизнь въ слезахъ. Да, ты грозила утопиться въ морѣ, если я не сдумѣю создать тебѣ болѣе сносное существованіе.

И они снова принялись осыпать другъ друга упреками, заливая всю злобу, накопившуюся въ нихъ, благодаря постояннымъ столкновеніямъ. Вѣчныя придирки по поводу самыхъ ничтожныхъ фактовъ мало-по-малу доводили ихъ до острой, взаимной антипатіи, которая отравляла имъ цѣлые дни. Съ тѣхъ поръ какъ онъ мѣшалъ ей по-прежнему наслаждаться жизнью, она, несмотря на свое кроткое личико, стала обнаруживать приличную дозу злости, какъ ласковая кошечка, умѣющая при случаѣ выпустить когти. Онъ, несмотря на свою апатію чувствовалъ какую-то потребность въ этихъ ссорахъ, разгонявшихъ на время невыносимую скуку, и часто отыскивалъ малѣйшій поводъ, чтобы развлечь себя хоть этимъ лихорадочнымъ возбужденіемъ.

Полина молча слушала. Она страдала больше ихъ самихъ и не могла понять такого рода любви. Отчего-бы, кажется, не жалѣть, не щадить другъ друга? Отчего не принаровиться другъ къ другу, когда приходится жить вмѣстѣ? Ей казалось, что счастье такъ легко обезпечить спокойною, тихою жизнью и состраданіемъ. Отношенія ихъ глубоко огорчали ее; она знала, что этотъ бракъ состоялся по ея волѣ, и ей хотѣлось, чтобы счастье ихъ было болѣе прочно и вознаграждало ее за принесенную жертву сознаніемъ, что она поступила благоразумно.

— Я не упрекаю тебя за то, что ты растратилъ значительную часть моего состоянія, продолжала Луиза.

— Этого-бы еще не доставало! воскликнулъ Лазарь.—Развѣ я виноватъ, что меня обобрали.

— Повѣрь, что обираютъ только неумѣлыхъ людей, которые позволяютъ себя обирать... Какъ-бы то ни было, всѣ наши доходы теперь ограничиваются какими-нибудь несчастными четырьмя или пятью тысячами франковъ, которыхъ какъ разъ хватаетъ на то, чтобы жить въ этой берлогѣ. Если-бы не Полина, нашему ребенку пришлось-бы когда-нибудь идти по міру, потому что ты, разумѣется, не замедлишь разсорить и остальные деньги на свои блестящія предпріятія, которыя вѣчно кончаются неудачею.

— Прекрасно, продолжай, продолжай! отецъ твой уже

вчера преподнесъ мнѣ всѣ эти милые комплименты; я догадался, что ты написала ему. Успокойся; мысль о фабрикаціи искусственнаго удобрения я бросилъ, хотя увѣренъ, что нажилъ-бы на немъ сто на сто. Но все это, наконецъ, надоѣло мнѣ. Будь я проклятъ, если впредь хоть пальцемъ пошевелю!.. Мы будемъ жить здѣсь.

— Хороша жизнь, нечего сказать, для женщины моихъ лѣтъ. Это настоящая тюрьма; вѣчно сидишь дома, круглый годъ никого не видишь; передъ глазами вѣчно это глупое море, которое еще больше наводитъ сонъ и скуку... О, еслибы я знала, еслибы я знала!..

— А мнѣ, ты думаешь, весело?.. Не будь я женатъ, мнѣ можно-бы было уѣхать куда-нибудь далеко, попытать счастья въ другой странѣ. Разъ двадцать уже приходила мнѣ эта мысль. А теперь все кончено, я обреченъ вѣчно жить въ этомъ захолустѣ, гдѣ только и можно дѣлать, что спать... Я чувствую, что ты окончательно разбила мою жизнь.

— Я разбила твою жизнь?.. Я?.. Да развѣ я принуждала тебя жениться на мнѣ? Развѣ ты не долженъ былъ видѣть, что мы не созданы другъ для друга?.. Если жизнь наша испорчена, то виновать въ этомъ ты.

— О, да, ты права: жизнь наша испорчена, и ты постоянно стараешься сдѣлать ее еще болѣе невыносимою.

Въ это мгновеніе Полина, несмотря на свое намѣреніе не вмѣшиваться, прервала ихъ:

— Замолчите, несчастные!.. Дѣйствительно, вы только и дѣлаете, что отравляете эту жизнь, которая могла-бы давать вамъ столько счастья. Зачѣмъ вы заставляете другъ друга говорить такія вещи, которыя не забываются и о которыхъ вы потомъ сами будете жалѣть?.. Нѣтъ, нѣтъ, замолчите; я не потерплю, чтобы это продолжалось!

Луиза, вся въ слезахъ, опустилась на стулъ, между тѣмъ какъ Лазарь въ волненіи расхаживалъ по комнатѣ.

— Слезы ни къ чему не ведутъ, моя милая, продолжала Полина.—Ты дѣйствительно слишкомъ нетерпима и во многомъ виновата... А ты, мой другъ,—не стыдно-ли тебѣ такъ грубо обращаться съ нею? Это возмутительно; я думала, что у тебя, по крайней мѣрѣ, доброе сердце... Да, вы оба взрослые дѣти, одинаково виноваты въ своемъ несчастѣи и одинаково мучаете другъ друга. Но я не хочу этого, слышите! Я не хочу ви-

дѣтъ вокругъ себя печальныхъ людей... Извольте сію минуту поцѣловаться.

Она старалась смѣяться; въ ней уже не было ни малѣйшаго слѣда того смущенія, которое она ощущала въ первую минуту. Теперь ее одушевляло только одно пламенное желаніе—видѣть ихъ въ объятіяхъ другъ у друга и удалиться съ увѣренностью, что ссора кончена..

— Чтобы я его поцѣловала!—Ну ужъ нѣтъ! отвѣтила Луиза;—онъ наговорилъ мнѣ слишкомъ много оскорбительныхъ вещей.

— Ни за что! воскликнулъ Лазарь.

Полина весело расхохоталась.

— Полно, не дуйтесь. Вѣдь вы знаете, что я упряма и не отстану... Въ кухнѣ все пригораетъ, гости ждуть... Я тебя толкну Лазарь, если ты не слушаешься. Стань передъ нею на колѣни и нѣжно, нѣжно обними ее... Нѣтъ, не такъ, крѣпче, крѣпче!

Съ торжествующимъ видомъ смотрѣла она, какъ они цѣловались, и въ ясныхъ глазахъ ея не мелькнуло ни искры ревниваго чувства. Безкорыстная радость согрѣвала ей сердце и какъ будто поднимала ее выше ихъ. Двоюродный братъ ея, въ порывѣ угрызенія совѣсти, страстно обнималъ жену, а Луиза, все еще не одѣтая, въ ночной кофтѣ, съ обнаженными руками и шею, возвращала ему ласки, продолжая плакать пуще прежняго.

— Вотъ такъ-то лучше, чѣмъ вѣчно ссориться, сказала Полина.—Однако, я бѣгу; теперь вы и безъ меня закончите мировую.

Она была уже у двери и быстро затворила ее за собою, чтобы не видѣть этой сцены любви, передъ раскрытою постелью, среди неприбранной комнаты, пропитанной запахомъ геліотропа, который теперь казался ей союзникомъ, заканчивающимъ дѣло примиренія.

Внизу, въ кухнѣ, Полина принялась еще разъ мѣшать рагу, весело напѣвая пѣсенку. Затѣмъ она зажгла связку хвороста, снарядила вертелъ и внимательно, какъ опытная хозяйка, наблюдала за жаренымъ. Неожиданно выпавшая на ея долю роль служанки забавляла ее; она надѣла большой бѣлый фартукъ и приходила въ восторгъ при мысли, что сегодня она всѣмъ имъ будетъ прислуживать, исполнять всѣ, даже низмен-

ныя, работы по хозяйству, что въ этотъ вечеръ они ей одной будутъ обязаны своимъ веселіемъ и своимъ здоровьемъ. Теперь, когда, благодаря ей, они уже смѣялись, она мечтала изготovitъ имъ праздничный обѣдъ, какія-нибудь особенно вкусныя блюда, которыя-бы они ѣли съ удовольствіемъ среди веселой застольной бесѣды.

Потомъ она вспомнила про дядю и маленькаго Поля, поспѣшно выбѣжала на террасу и очень удивилась, когда увидѣла, что двоюродный братъ ея сидитъ возлѣ ребенка.

— Какъ? воскликнула она.—Ты уже опять здѣсь?

Онъ просто кивнулъ головою, уже успѣвъ погрузиться въ прежнюю апатію, снова сгорбившись и не зная, куда дѣвать праздныя руки.

— Надѣюсь, что вы не принялись за прежнюю ссору за моею спиною? спросила она съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился онъ, наконецъ, отвѣтить. — Она придетъ, когда кончитъ одѣваться... Мы простили другъ другу. Но надолго-ли? Та-же исторія начнется завтра, будетъ повторяться каждый день, каждый часъ! Развѣ люди мѣняются, развѣ можно помѣшать чему-бы то ни было совершиться?

Лицо Полины приняло серьезное выраженіе, глаза ея печально опустились. Онъ былъ правъ: она ясно видѣла впереди цѣлую вереницу подобныхъ дней, вѣчное повтореніе одной и той-же ссоры, которую ей придется улаживать. Да и она сама уже не была увѣрена, что вполнѣ исцѣлилась, что внезапно пробудившаяся ревность не вызоветъ и съ ея стороны какой-нибудь безразсудной выходки. Да, впереди открывалась невеселая перспектива непрерывнаго возобновленія ежедневныхъ дразгъ! Но въ слѣдующую минуту глаза ея снова смотрѣли ясно. Вѣдь она уже такъ часто побѣждала себя! Неизвѣстно еще, кто скорѣе устанетъ, они-ли—ссориться, или она — мирить ихъ. Эта мысль развеселила ее, и она высказала ее Лазарю. Къ тому-же, ей вѣдь и дѣлать-бы было нечего, если-бы всѣ въ домѣ были слишкомъ счастливы; она-бы пропала со скуки; нельзя-же лишить ее удовольствія врачевать отъ времени до времени всякія житейскія царапины.

— Куда ушли аббатъ и докторъ? спросила она, удивляясь, что не видитъ ихъ на террасѣ.

— Они должны быть въ огородѣ, отвѣтилъ Шанто.—Аббатъ хотѣлъ показать доктору наши груши.

Полина направилась—было къ углу террасы, чтобы заглянуть въ огородъ, но по дорогѣ остановилась передъ маленькимъ Полемя.

— Э, да онъ проснулся! воскликнула она. — Посмотри-ка, какъ это маленькое созданыце ужъ умѣетъ работать ноженками!

Поль, на своемъ красномъ одѣялѣ, дѣйствительно поднялся на колѣни и въ тихомолку, ползкомъ, на четверенькахъ старался перебраться на другое мѣсто; но, не успѣвъ еще доползти до песка, онъ, повидимому, задѣлъ за складку одѣяла, зашатался и опрокинулся на спину, задравъ на животъ платице и размахивая по воздуху руками и ногами. Розовое, обнаженное тѣло его барахталось и копошилось среди одѣяла, красного, какъ распутившійся пюнь.

— Видите, онъ намъ показываетъ всѣ свои прелести, весело продолжала Полина, глядя на ребенка. — Подождите, сейчасъ я покажу вамъ, какъ онъ умѣетъ ходить со вчерашняго дня.

Она опустила въ возлѣ него на колѣни и старалась поставить его на ноги. Онъ развивался такъ медленно, что во всемъ значительно отсталъ для своего возраста, и одно время даже опасались, какъ-бы онъ не остался съ расслабленными ногами. Въ виду этого, вся семья, разумѣется, съ восторгомъ смотрѣла, какъ онъ дѣлалъ первые свои шаги, неуклюже размахивая рученками и падая каждый разъ, когда по пути встрѣчался камушекъ.

— Прощу покорно не дурачиться! твердила ему Полина. — Нѣтъ, теперь не до шутокъ; докажи, что ты мужчина... Вотъ такъ, стой крѣпче; поди, поцѣлуй сначала папу, а потомъ пойдемъ поцѣловать дѣдушку.

Шанто, у котораго лицо повременамъ передергивалось отъ боли, повернулся, чтобы посмотреть на приготовляющуюся сцену. Лазарь, несмотря на свое угнетенное настроеніе, тоже согласился принять участіе въ игрѣ.

— Иди ко мнѣ, сказалъ онъ ребенку.

— Нѣтъ, ты долженъ протянуть ему руки, пояснила Полина. — Онъ не рѣшится такъ опрометчиво пуститься въ дорогу. Прежде всего ему нужно знать, кто его подхватитъ... Ну, моя радость, смѣйся!

Всего на всего предстояло сдѣлать три шага, и громкіе

возгласы ясно свидѣтельствовали объ умилении и восторгѣ зрителей, когда Поль рѣшился пройти это короткое пространство, балансируя, какъ эквилибристъ, неувѣренный въ своихъ ногахъ. Приблизившись къ цѣли, ребенокъ кинулся въ объятія своего отца, который поцѣловалъ его въ голову, покрытую довольно еще жидкими волосами, и онъ смѣялся тѣмъ неопредѣленнымъ, захлебывающимся смѣхомъ, которымъ смѣются всеѣмъ еще маленькія дѣти, широко раскрывая свой ротикъ, влажный и свѣжій, какъ распускающаяся роза. Послѣ этого крестная мать хотѣла его заставить говорить; но при этомъ оказалось, что языкъ его запоздалъ въ своемъ развитіи еще больше, чѣмъ ноги. Онъ издавалъ какіе-то гортанные звуки, въ которыхъ только родные его узнавали слова «пана» и «мама».

— Это еще не все, сказала Полина;—онъ обѣщаль пойти и поцѣловать дѣдушку... Нутка! на этотъ разъ придется принять цѣлое путешествіе!

По крайней мѣрѣ восемь шаговъ отдѣляли стулъ Лазаря отъ кресла Шанто. Никогда еще Поль не отваживался на такую длинную экспедицію; подвигъ былъ не шуточный. Полина помѣстилась на половинѣ дороги, на всякій случай, и ребенка пришлось раззадоривать въ теченіи цѣлыхъ двухъ минутъ. Наконецъ, онъ ринулся впередъ, очертя голову, отчаянно размахивая руками. Въ первое мгновеніе она думала, что его придется подхватить на половинѣ пути, но онъ храбро выдержалъ искусь и уцѣпился рученками за колѣни Шанто. Раздались громкіе крики «браво»!

— Видѣли вы, какъ отважно онъ бросился?.. Рѣшительности ему не занимать стать... Вотъ увидите, какой изъ него выйдетъ молодецъ!

Послѣ этого его разъ десять заставили повторять этотъ подвигъ. Онъ уже не боялся, пускался въ дорогу по первому призыву, переходя отъ дѣдушки къ отцу и снова возвращаясь къ дѣдушкѣ, заливаясь громкимъ, радостнымъ смѣхомъ, сильно покачиваясь, какъ будто земля колебалась подъ его ногами.

— Еще разъ къ папѣ! кричала Полина.

Лазарь начиналъ уже утомляться. Дѣти, не исключая даже его собственнаго ребенка, скоро надоѣдали ему. Глядя на это маленькое веселое существо, которое съ такимъ трудомъ удалось спасти отъ смерти, онъ невольно подумалъ о той минутѣ, когда сынъ закроетъ ему глаза, и по тѣлу его снова пробѣ-

жала дрожь холоднаго ужаса. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшилъ окончательно основаться въ Бонвилѣ, его неотступно преслѣдовала мысль, что онъ умретъ въ той-же комнатѣ, гдѣ умерла его мать, и не проходило дня, чтобы, поднимаясь по лѣстницѣ, онъ не представлялъ себѣ, какъ когда-нибудь понесутъ тою-же дорогою его гробъ. Въ одномъ мѣстѣ, при входѣ, былъ, узкій неудобный поворотъ, такъ что Лазаря постоянно тревожилъ вопросъ, какъ носильщики вынесутъ гробъ, ни за что не задѣвъ и не потревоживъ тѣла. По мѣрѣ того, какъ время съ каждымъ днемъ уносило частицу его жизни, эта вѣчная мысль о смерти ускоряла его разложеніе, подрывала послѣднія нравственныя силы. Онъ уже ни на что не былъ годенъ, въ чемъ, впрочемъ, и самъ признавался, и продолжалъ влечить бесполезную жизнь, рѣшивъ, что не изъ за чего хлопотать и метаться, и все болѣе и болѣе опускаясь среди этой мертвящей, притупляющей скуки.

— Еще разъ къ дѣдушкѣ! кричала Полина.

Шанто не могъ даже протянуть руки, чтобы поддержать маленькаго Поля. Какъ онъ ни старался раздвигать колѣни, эти крошечныя пальцы цѣплялись каждый разъ за его штаны и заставляли его издавать тяжелые, протяжныя вздохи. Ребенокъ уже привыкъ къ вѣчнымъ стонамъ старика и, вѣроятно, представлялъ себѣ въ своемъ дѣтскомъ, едва пробуждавшемся разумѣ, что всѣ дѣдушки непременно дышатъ такимъ образомъ. Но сегодня, подъ яркими лучами солнца, добравшись до его колѣнъ, онъ поднималъ свое маленькое личико, переставала смѣяться и серьезно смотрѣлъ на него своими блуждающими глазами. Эти обезображенныя руки казались ему какими-то чудовищными глыбами мяса и мѣла; лицо, изборожденное красными морщинами, искаженное страданіемъ, судорожно склонилось къ правому плечу, а все тѣло было покрыто буграми и трещинами, какъ старая, разбитая и плохо склеенная каменная статуя какого-нибудь святого. И Поль казался удивленнымъ, видя передъ собою, при яркомъ освѣщеніи, это больное, древнее существо.

— Еще разъ! еще разъ! кричала Полина.

Она вся трепетала отъ избытка веселья и здоровья, посылая ребенка то къ тому, то къ другому, то къ дѣду, такъ упорно цѣплявшемуся за свою страдальческую жизнь, то къ

отцу, который уже терзался страхомъ передъ неизвѣстностью завтрашняго дня.

— Надѣюсь, что онъ будетъ принадлежать къ менѣе глупому поколѣнію, сказала она вдругъ.—Онъ не станетъ обвинять химію въ томъ, что она испортила ему жизнь, и будетъ думать, что можно жить даже съ увѣренностью, что рано или поздно не избѣжишь смерти.

Лазарь засмѣялся, видимо смущенный.

— Да, сказалъ онъ,—у него будетъ подагра, какъ у дѣда, а нервы его будутъ еще больше разстроены, чѣмъ у меня... Посмотри, какой онъ хилый! Таковъ законъ вырожденія.

— Замолчишь-ли ты! воскликнула Полина.—Я его воспитую, и ты увидишь, что изъ него выйдетъ молодецъ!

Наступило молчаніе. Полина взяла ребенка на руки и нѣжно прижимала его къ груди.

— Отчего ты не выходишь замужъ, если такъ любишь дѣтей? спросилъ Лазарь.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Да вѣдь у меня есть ребенокъ! Развѣ ты не подарилъ мнѣ его?.. Чтобы я вышла замужъ! Никогда!

Она укачивала маленькаго Поля и со смѣхомъ рассказывала, что двоюродный братъ обратилъ ее въ религію святаго Шопенгауера, что она хочетъ остаться въ дѣвушкахъ, ради того, чтобы содѣйствовать всемірному избавленію. И развѣ въ самомъ дѣлѣ она не была олицетвореніемъ самопожертвованія, любви и безконечной доброты, разлитой надъ испорченнымъ міромъ. Солнце погружалось въ море; подъ поблѣднѣвшимъ небомъ царила глубокая тишина; безпредѣльная площадь воды и глубокой, прозрачный воздухъ принимали нѣжный колоритъ потухающаго лѣтняго дня. Только маленькій бѣлый парусъ еще сверкалъ вдали, какъ догорающая искра, когда огненное свѣтило скрылось, наконецъ, подъ прямою, однообразною линіею широкаго горизонта. И затѣмъ на неподвижное море уже стали медленно спускаться сумерки. А она продолжала укачивать ребенка съ тѣмъ-же спокойнымъ, веселымъ смѣхомъ, стоя посреди террасы, окутанной голубою тѣнью, между хандрившимъ двоюроднымъ братомъ и стонавшимъ старикомъ, и звонкій смѣхъ ея звучалъ, какъ благовѣсть счастья.

— Что-же, мы сегодня развѣ не будемъ обѣдать? спросила

Луиза, выходя изъ дома въ кокетливомъ платьѣ изъ сѣрой шелковой матеріи.

— У меня все готово, отвѣтила Полина.— Не понимаю, что они дѣлають до сихъ поръ въ саду.

Въ это мгновеніе на террасѣ появился аббатъ Гортѣръ съ необыкновенно встревоженнымъ видомъ. Когда всѣ принялись осыпать его вопросами, онъ тщетно подыскивалъ какую-нибудь вступительную фразу и, наконецъ, прямо брякнулъ:

— Вообразите, гдѣ мы нашли бѣдную Веронику: она повѣсилась на одномъ изъ вашихъ грушевыхъ деревьевъ.

Всѣ вскрикнули отъ изумленія и ужаса; лица поблѣднѣли подъ холоднымъ дыханіемъ смерти, которымъ вдругъ какъ будто обдало cadaго.

— Но изъ за чего-же она это сдѣлала? спросила Полина.— У нея не было никакой серьезной причины; она даже начала уже готовить обѣдъ... Боже мой! неужели ее до такой степени огорчило мое замѣчаніе, что она заплатила за утку пятьюдесятью сантиматами дороже, чѣмъ слѣдовало!

Наконецъ, вернулся и докторъ Казновъ. Уже съ четверть часа онъ тщетно старался вернуть ее къ жизни, въ сараѣ, куда они перенесли ее при помощи Мартена. Развѣ возможно предвидѣть всякую фантазію у этихъ старыхъ, полусумасшедшихъ служанокъ! Она все еще не могла утѣшиться послѣ смерти своей барыни.

— Приготовленія, повидимому, были не продолжительныя. Она, безъ всякихъ затѣй, просто повѣсилась на тесемкѣ отъ кухоннаго фартука.

Лазарь и Луиза, похолодѣвъ отъ ужаса, молчали. Но Шанто, слушавшій все время молча, наконецъ, не вытерпѣлъ при мысли о разстроенномъ обѣдѣ. И этотъ жалкій, безрукій и безногій калѣка, котораго приходилось укладывать и кормить какъ ребенка, этотъ несчастный обломокъ человѣка, вся жизнь котораго превратилась въ непрерывный мучительный стонъ, воскликнулъ въ порывѣ бѣшената негодованія:

— Ну, не глупо-ли лишать себя жизни!

Переводъ А. Мессинга.

КОНЕЦЪ.

РУФИНА КАЗДОВА.

Романъ въ 5-ти частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

— Шарлота Францовна! пожалуйста, не увѣряйте вы меня, что вы ничего не знаете! сердито говорила Настасья Петровна.—Я никогда этому не повѣрю. У васъ привычка секретничать, я васъ знаю. Слава Богу, не первый годъ живемъ вмѣстѣ. Какъ только дѣло коснется Руфи, у васъ одинъ отвѣтъ: не знаю, да не знаю!... Скажите, пожалуйста, я врагъ моей дочери, что-ли? Ужь не думаете-ли вы, что вы Руфи больше любите, чѣмъ я?

Старая Лота съ видомъ покорности выслушала гнѣвную тираду Настасьи Петровны. Она не пыталась возражать.

— Да скажите-же чтонибудь! Что-же вы молчите? запальчиво спросила Настасья Петровна.

Лота подняла опущенную голову и уныло взглянула на свою допросчицу.

— Руфичка давно уже перестала повѣрять мнѣ свои мысли, Настасья Петровна, печально промолвила она.—Прежде, дѣйствительно, она иногда говорила, но это было давно. Лота могла тогда еще понимать, а теперь!?. О чемъ она станетъ разговаривать съ старой Лотой?..

Послѣднія слова старушка произнесла такъ грустно, что Настасья Петровна не нашла возможнымъ отвѣтить ей рѣзко.

— Руфи по-прежнему васъ любить, Шарлота Францовна, небрежно замѣтила она.

— Знаю, согласилась Лота.—У Руфички золотое сердце.

Но молодые не любятъ повѣрять старымъ своимъ мыслямъ. Молодой къ молодому льнетъ, осторожно, какъ предположеніе, вернула она.

Настасья Петровна поморщилась.

— Она и Арсенью ничего не говоритъ, сухо сказала она. Лота промолчала.

— Нѣтъ сомнѣнья, ее что-то грызеть и гнететь, озабоченно заговорила немного погодя Настасья Петровна.— Даромъ такъ не измѣняются.

— Смерть Юрія Петровича... начала было Лота.

— Ахъ, полноте, Шарлота Францовна, нетерпѣливо перебила Настасья Петровна.— Никогда этому не повѣрю. Ужь годъ минулъ со дня его смерти. Неужто она вѣчно будетъ скорбѣть.

Лота вздохнула.

— И потомъ, это не скорбь, продолжала Настасья Петровна.— Первое время послѣ смерти дяди она, дѣйствительно, очень горевала, часто украдкой плакала; но теперь это не то, совсѣмъ не то. Развѣ вы это не видите?

Лота не отвѣчала. Настасья Петровна съ неудовольствіемъ посмотрѣла на нее.

— Отъ васъ, видно, толку не добьешься, съ досадой проговорила она.— Идите спать. Уже поздно.

Лота, понутивъ голову, вышла изъ спальни. Преходя по темному корридорѣ мимо комнаты Руфи, она нагнулась и заглянула въ замочную скважину.

— Темно; спать, подумала старушка и поплелась въ свою комнату.

Долго ворочалась она на постели, долго тяжело вздыхала; наконецъ, утомленная безсонницей, начала-было уже дремать, когда ей вспомнилось, что она забыла въ гостиной ключи отъ кладовой. Дремота ея тотчасъ-же разсѣялась. Она поспѣшила встать, сунула босыя ноги въ старыя, стоптанныя туфли и въ одной рубашкѣ отправилась въ гостинную. Ей нечего было опасаться встрѣчи: домашніе уже спали. Ей нечего было брать свѣчу: каждый уголокъ квартиры она знала наизусть. Вся поглощенная мыслью о забытыхъ ключахъ, она увѣренно, какъ днемъ, ступала по знакомому корридорѣ, не смущаясь окружающей темнотой. Небольшая полоска свѣта

внезапно привлекла ея вниманіе. Свѣтъ шелъ изъ комнаты Руфи.

— Не спать! проснулась! нездорова!

Эти умозаключенія одновременно пронесли въ головѣ Лоты и заставили забыть цѣль ночной прогулки. Задерживая шлепанье туфель, приблизилась она къ комнатѣ дѣвушки и снова заглянула въ замочную скважину. Лампа горѣла на письменномъ столѣ, но кромѣ лампы Лота больше ничего не могла видѣть. За дверью царствовала полная тишина. Лота осторожно нажала ручку двери. Дверь безъ скрипа подалась, и Лота шагнула въ комнату.

На креслѣ у письменнаго стола сидѣла Руфи въ простенькомъ, накинутомъ на ночное бѣлье свѣтло-сѣромъ фланелевомъ капотикѣ; темныя косы тяжело свѣшивались съ ручки кресла, на которую она облокотилась. На колѣняхъ у нея лежало нѣсколько сшитыхъ, мелко исписанныхъ листовъ почтовыхъ бумаги. Подпирая рукой голову, она глубоко задумалась. Веселенькая дѣвическая обстановка—розовымъ обитая мебель, розовыя драпировки, розовыя обои, китайскій фонарикъ, свѣшивающійся на блестящей цѣпочкѣ съ потолка, цвѣты во всѣхъ углахъ—все это не вязалось съ сосредоточеннымъ скорбнымъ выраженіемъ лица молодой хозяйки: казалось-бы, въ такомъ уютномъ гнѣздышкѣ должна царствовать одна беззаботность. Не вязались съ кокетливой обстановкой и толстыя книги, загромождившія изящный рѣзной дамскій письменный столикъ и тѣснившіяся на двухъ легенькихъ этажеркахъ, очевидно предназначенныхъ для кипсэковъ и бездѣлушекъ, а не для классическихъ и научныхъ сочиненій.

Многое здѣсь одно съ другимъ не вязалось! Такъ, надъ письменнымъ столомъ помѣщалась полная скорби голова Спасителя Гвидо Рени, надъ диваномъ—превосходная гравюра Сикстинской Мадонны, и тутъ-же, почти бокъ о бокъ съ Спасителемъ, напротивъ Мадонны, стояла на верхней полкѣ этажерки очень удачная мраморная статуэтка Венеры Милосской, и чистые, глубокіе глаза Мадонны кротко глядѣли на дивное, обнаженное тѣло богини красоты, молочной бѣлизной отдѣляющееся отъ темныхъ переплетовъ книгъ. Глубокая скорбь и свѣтлая радость уживались въ этомъ розовомъ міркѣ.

— Руфичка! шопотомъ позвала Лота.

Руфи не пошевельнулась.

— Не пугайся, Руфичка, это я! громче произнесла Лота.

Руфи встрепелась. Глаза ее съ испуганнымъ изумленіемъ остановились на странной фигурѣ Лоты. Въ длинной, узкой рубахѣ и высокомъ ночномъ чепцѣ старуха походила на привидѣніе.

— Что случилось? тревожно спросила Руфи.

— Отчего ты не спишь, Руфичка? заботливо произнесла Лота.

Брови дѣвушки чуть-чуть нахмурились.

— Не спишь! коротко объяснила она. — Ты за этимъ пришла?

— Нѣтъ... да... забормотала Лота, смущенная рѣзкостью вопроса. — Я шла въ гостиную... Ключи забыла... Вижу у тебя свѣтъ... Думала, ты нездорова...

— Совершенно здорова, сухо возразила Руфи. — Хотя тебѣ разгуливать по ночамъ въ такомъ костюмѣ. Еще простудисься.

Лота опустила глаза на свою рубаху и еще болѣе смутилась. Она хотѣла что-то сказать, но только вздохнула, повернулась и медленно пошла къ двери. Руфи, хмурия брови, съ худо скрытой досадой смотрѣла ей вслѣдъ. На порогѣ Лота обернулась, чтобы потянуть за собою дверь. Слезы текли у нее по желтымъ поблекшимъ щекамъ, губы дрожали. Руфи вскочила съ кресла.

— Прости меня! торопливо заговорила она, подбѣгая къ Лотѣ. — Я не хотѣла тебя обидѣть.

Она обняла старушку и насильно ввела ее въ комнату.

— Прощу тебя, не плачь. Право, я не хотѣла быть рѣзкой.

Руфи нѣжно поцѣловала Лоту, но Лота не сразу успокоилась. Имѣющійся у нее всегда въ запасѣ обильный источникъ слезъ еще не истощился. Она продолжала плакать, жалобно всхлипывая какъ ребенокъ. Руфи усадила ее въ кресло, принесла изъ-за перегородки, отдѣлявшей ее спальню отъ остальной комнаты, большой теплый платокъ, закутала имъ плечи Лоты и принудила ее выпить стаканъ холодной воды.

— Повѣрь, я не хотѣла быть рѣзкой! повторила, ласкаясь, Руфи. — Не хотѣла, не хотѣла! Развѣ я могу въ душѣ быть жесткой къ тебѣ, къ моей старой Лотѣ! Но ты не понимаешь, какъ мучительно, какъ невыносимо не имѣть ни одной

минуты для себя!.. быть вѣчно подь надзоромъ! Только ночь принадлежит мнѣ, только ночью могу я спокойно оставаться сама съ собой! и вдругъ ты входишь! Значить, опять за мной наблюдаютъ! Понимаешь? Я не на тебя сердилась, а на то, что и ночью не имѣю покоя!

Лота, отирая слезы, старалась вникнуть въ смыслъ прерывистыхъ словъ Руфи. Она не вполне понимала.

— Я думала, ты нездорова! жалобно произнесла она. — Я къ тебѣ лишній разъ не войду. Я знаю, ты не любишь!

— Я на тебя не сержусь! мягко повторила Руфи.

— Настасья Петровна, дѣйствительно, послѣ того, какъ ты ушла въ свою комнату, снова призвала меня къ себѣ, продолжала Лота смѣлѣе, — и спрашивала...

— Спрашивала, допрашивала, пыталась, перебила ее Руфи.

Въ голосѣ ея снова слышалась рѣзкость.

Она очень тревожится, неуверенно замѣтила Лота.

Руфи не отвѣчала.

— Она находитъ, ты очень измѣнилась. Ей не нравится, что ты все сидишь у себя, такъ много читаешь... Находитъ, ты похудѣла, поблѣднѣла... Боятся, ты заболѣешь...

Старушка не рѣшилась сказать, что она раздвѣляетъ описанія своей госпожи.

— Она думаетъ, ты не спишь по ночамъ... Я сказала ей, Руфичка, что ты все еще тоскуешь по Юрьѣ Петровичѣ.. Она не вѣритъ; говорить, у тебя есть другое горе на сердцѣ..

Лота заискивающимъ образомъ заглянула въ глаза Руфи. Дѣвушка слушала не разжимая губъ. Лота подождала отвѣта; отвѣтъ не послѣдовалъ. Вздыхая и кряхтя, старушка поднялась съ кресла.

— Что-жь, я пойду, Руфичка! кротко сказала она.

— Ложись Лота, промолвила Руфи, ласково проводя рукой ей по щекамъ. — Встаешь ты съ зарей, цѣлый день возишь ся и вздумала еще по ночамъ не спать.

— Я иду; вотъ только ключи...

— Постой; сейчасъ тебѣ принесу. Я знаю гдѣ они.

Руфи схватила лампу и, прежде чѣмъ Лота успѣла возразить, вышла изъ комнаты. Черезъ минуту она вернулась.

— На, бери твое сокровище, шутливо сказала она, пода-

вая Лотѣ связку ключей.—И ступай ты спать, du, unruhiger Geist! ¹⁾).

Подълугами, шутками, нѣжными словами заставила она Лоту улыбнуться, и Лота ушла, умиленная ласками своей любимицы, но унося въ своемъ старомъ, преданномъ сердцѣ прежнюю боль и тревогу.

ГЛАВА II.

Никто въ эту ночь не нарушалъ покоя Руфи; никто не нарушалъ его и въ слѣдующія ночи. Лота больше не входила въ ночное время къ Руфи и тайну ея ночныхъ бдѣній Настасьѣ Петровнѣ не выдала. Но сознание, что Руфи проводить ночи безъ сна, не давало ей покоя. Она рѣшилась поговорить съ Арсениемъ.

Пользуясь краткимъ послѣбобѣденномъ сномъ Настасьи Петровны, она вошла однажды въ кабинетъ Арсенья. Онъ лежалъ на диванѣ съ книгою въ рукахъ. На столѣ около дивана стояла на подносѣ чашка черного кофе. Лота нерѣшительно приблизилась къ нему. Арсеній продолжалъ читать.

— Я еще не допилъ, замѣтилъ онъ, предполагая, что она пришла за пустой чашкой.

Лота не двигалась. Арсеній мелькомъ взглянулъ на нее.

— Тебѣ что-нибудь нужно, Лота? спросилъ онъ, опуская книгу.

— Да, видишь-ли, Арсеній... Ты меня извини... Я хотѣла спросить...

Лота откашлялась.

— Ты ничего не замѣтилъ въ Руфи? прибавила она таинственно.

Лота, прослужившая у Каздоевыхъ болѣе пятнадцати лѣтъ, сначала въ качествѣ бонны, а затѣмъ экономки, пользовалась правами члена семьи. Арсеній обходился съ нею ласково, и теперь терпѣливо слушалъ ее.

— Ничего не замѣтилъ, возразилъ онъ.—А что?

— Она такъ измѣнилась, поблѣднѣла; глаза ввалились.

Арсеній немного подумалъ.

— Дѣйствительно, на мой взглядъ она немного похудѣла, сказалъ онъ.—А впрочемъ, другой перемѣны я не вижу.

¹⁾ Ты, безпокойный духъ!

— Она не спитъ по ночамъ, промолвила Лота, понижая голосъ.

— Да-а? протянулъ Арсеній. Значеніе, которое придала Лота этому не важному, по его мнѣнію, обстоятельству, невольно заставило его улыбнуться.—Что-же она дѣлаетъ по ночамъ?

— Не знаю; вѣрно, все читаетъ. Я видѣла у нее какую-то исписанную тетрадь.

— Вѣроятно, дневникъ покойнаго дяди. Она мнѣ говорила о немъ.

Лота съ благоговѣніемъ на лицѣ выслушала это объясненіе. Она очень высоко цѣнила Зуева. Не распространяясь далѣе объ упомянутой тетради, она передала въ подробности свой ночной разговоръ съ Руфи.

— Она права, сказалъ Арсеній.—Въ ея распорядкѣ, дѣйствительно, остается только ночь. Матап ей жить не даетъ. Поневолѣ приходится урѣзывать свой сонъ, чтобы спокійно читать, или писать, или дѣлать что ей угодно! Это, конечно, должно вредно отразиться на ея здоровьѣ, но я не знаю какъ тутъ быть. Я пробовалъ-было говорить матап. Ни-къ чему не повело. Лучше всего—предоставить Руфи самой себѣ.

Лота хотѣла было заговорить.

— Право, Лота, это лучше всего, остановилъ ее Арсеній.— Оставьте ее въ покоѣ. Сознаніе, что находишься вѣчно подъ полицейскимъ надзоромъ, и самаго кроткаго человѣка можетъ довести до бѣшенства. А что можетъ быть хуже домашняго надзора!

Лота призадумалась.

— И онъ, и она съ негодованіемъ отзываются о надзорѣ, мелькнуло у нее въ головѣ.— Какъ-же не слѣдить за человѣкомъ, котораго любишь! Какъ-же не тревожиться за него!

— Ты-бы поговорилъ съ ней, промолвила она черезъ минуту громко.

— О чемъ я съ ней буду говорить! уже съ досадою возразилъ Арсеній.—Кажется, вы обѣ, ты и матап, достаточно ее пытаете! Сдѣлай одолженіе, не воображай, что я, въ свою очередь, буду приводить ее къ допросу. И что она такое необыкновенное совершаетъ! Дѣвочка любить читать... Ей вѣчнымъ приставаньемъ мѣшаютъ читать днемъ—она читаетъ вечеромъ. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто мѣшаетъ, если ночное чтеніе вредитъ ея здоровью!

Лота покачала головой.

— У нее что-то есть на сердцѣ, грустно произнесла она.— Она что-то таить, и это что-то лишаетъ ее веселости.

— Можетъ, она влюблена, шутливо замѣтилъ Арсеній, которому бесѣда съ Лотой начинала надоѣдать.

Глубокое негодованіе выразилось на лицѣ Лоты.

— Pфui, Арсеній! вскрикнула она почти сердито.— Какъ можешь ты такъ говорить про свою сестру!

— Точно она не человекъ! со смѣхомъ возразилъ онъ.

— Руфи не такая дѣвушка, горячо вступилась за свою любимицу Лота.— Она о такихъ глупостяхъ не думаетъ. Стыдно тебѣ такъ говорить!

— Дѣло житейское! продолжалъ шутить Арсеній.— Ну, ну, не буду! А только не суди о другихъ по себѣ. Не у всѣхъ такое холодное сердце! И потомъ, кто знаетъ, какова была Лотхень въ юности!

Лота, въ качествѣ старой дѣвицы, находила подобныя шутки неприличными, а по отношенію къ ней, старухѣ, знавшей этого самаго Арсенія еще въ курточкѣ, считала такіе намеки прямо непочтительными; поэтому она насупилась; добродушные, слезливые глазки сверкнули-было гнѣвомъ, но Арсеній притянулъ ее за обѣ руки къ себѣ и запечатлѣлъ на щекахъ ея два звучныхъ поцѣлуя. Разумѣется, гнѣвъ Лоты тотчасъ-же разсѣялся.

— Ты всегда такое выдумашь! однако, полусердито проворчала она.

Арсеній, посмѣиваясь, взялся за книгу и далъ этимъ понять, что онъ считаетъ бесѣду оконченной.

Лота не уходила.

— Мнѣ, старухѣ, она не скажетъ; матери тоже. Тебѣ— другое дѣло... Молодой молодому все скажетъ, съ озабоченнымъ видомъ размышляла она вслухъ.

— Я уже высказалъ свое мнѣніе, промолвилъ Арсеній тономъ, прекращающимъ всякія дальнѣйшія разсужденія.— Пожалуйста, не настаивай. Говорить съ Руфи я не буду. Совѣтую и тебѣ оставить ее въ покоѣ.

— У него сердца нѣтъ, думала огорченная Лота по-нѣмецки, возвращаясь послѣ неудачной попытки въ свою комнату.— Можно быть добрымъ, ласковымъ и все-таки не имѣть сердца. Арсенью никогда ни до кого дѣла нѣтъ!..

ГЛАВА III.

За чтеніемъ вышедшаго недавно передъ тѣмъ труда Дарвина Арсеній очень скоро забылъ о Лотѣ и о своемъ разговорѣ съ ней. Онъ не оторвался отъ книги и тогда, когда до слуха его явственно донеслись фортепянные звуки. Одна передняя отдѣляла его кабинетъ отъ зала, гдѣ стоялъ рояль. Играла Руфи. Она имѣла обыкновеніе упражняться въ послѣобѣденные часы, а Арсеній въ эти часы большею частью читалъ, лежа на диванѣ. Ея игра не мѣшала ему; иногда, когда книга не очень его интересовала, онъ любилъ послушать сестру. Она играла хорошо. Но въ данную минуту онъ такъ заинтересовался гениальными доводами великаго ученаго, что не слышалъ музыки, не слышалъ раздававшегося въ передней колокольчика, не обратилъ вниманія на то, что звуки рояля вдругъ смолкли и, послѣ краткаго перерыва, снова полились живѣе, энергичнѣе прежняго.

— Ты не выйдешь? спросила вдругъ въ дверь Настасья Петровна. — Юхнеровъ пришелъ.

Въ ея голосѣ звучало недовольство.

— Ко мнѣ княгиня притащилась; надо съ ней сидѣть, прибавила она и ушла.

Арсеній отложилъ книгу. Ради Юхнерова онъ-бы этого не сдѣлалъ. Юхнеровъ уже давно пересталъ интересоваться его, и онъ зналъ, что гость собственно въ его обществѣ не нуждается, но онъ тоже зналъ, что мать не успокоится, пока онъ не выйдетъ изъ кабинета. Нехотя поднялся онъ съ дивана, небрежно пригладилъ щеткой волосы, пощупалъ завязанъ-ли галстухъ, застегнулся, оправился, и вялой, усталой походкой вышелъ въ залъ. Руфи перестала играть. Она стояла, облокотившись о рояль и разговаривала съ Юхнеровымъ.

Настасья Петровна сидѣла въ гостиной. Въ раскрытую настежь дверь она могла видѣть именно ту часть зала, гдѣ помѣщался рояль. Маленькая, кривобокая, дряхлая, но еще молодящаяся княгиня съ рысьими глазами, фальшивыми бровями и зубами, въ накладѣ, прикрѣпленной ко лбу узенькой черной бархаткой и прикрытой кокетливою наколкой изъ бѣлыхъ блондѣ, въ черномъ атласномъ платьѣ и спустившейся на поясицу турецкой шали, конецъ которой, когда она вставала, волочился по полу, быстро вязала высохшими набѣлен-

ными пальцами какое-то *futilité* и не менѣе быстро высыпала передъ Каздовой свой коробъ стодичныхъ сплетень, приправляя послѣднія ѣдкими, не лишенными цинизма словцами. Въ обществѣ старую княгиню называли тронутой, «*toquée*»; ее побавивались и всюду принимали: она забавляла. Настасья Петровна улыбалась разсказамъ гостыи, слушала ее не безъ удовольствія, но при этомъ пыталась, по выраженію лица дочери—Руфи стояла лицомъ къ гостиной—уловить смыслъ ея бесѣды съ «жидомъ». Она иначе мысленно не называлъ Юхнерова, къ которому чувствовала глубокую антипатію. Молодые люди не понижали голоса; тѣмъ не менѣе, до гостиной долетали одни несвязныя, отрывочныя слова. Говорилъ Юхнеровъ, Руфи больше слушала, но по оживленному выраженію лица, по блеску глазъ, по румянцу, игравшему на ея щекахъ, видно было, что она съ увлеченіемъ слушаетъ своего собесѣдника. Это оживленіе не нравилось Настасьѣ Петровнѣ, не понравилось оно и Арсенью. Въ ту минуту, какъ онъ приближался къ нимъ, Руфи спросила:

— Знаете вы «*An die Freude*» Шиллера?

Юхнеровъ отвѣтилъ утвердительно.

— А знаете-ли вы девятую симфонію Бетховена?

— Мнѣ удалось только разъ въ жизни, въ Лейпцигѣ, слышать ее. Я понимаю, затѣмъ вы меня это спросили, прибавилъ онъ съ улыбкой.

Арсеній подошелъ. Юхнеровъ холодно пожалъ ему руку.

Въ то время, какъ они обмѣнивались незначительными замѣчаніями, Руфи отошла къ близъ стоявшей этажеркѣ, выбрала изъ кипы лежавшихъ на ней ноть объемистую тетрадь въ шагреновомъ переплетѣ и вернулась къ роялю.

— Что это? полюбопытствовалъ узнать Арсеній.

— *Clavierauszug* девятой симфоніи, разсѣянно возразила Руфи, не глядя на брата; она положила тетрадь на пюпитръ и, переворачивая страницы одной рукойъ, другою негромко брала аккорды.

Старая княгиня, завидѣвъ изъ гостиной Арсенья, настойчиво потребовала его къ себѣ. Онъ повиновался. Когда онъ лѣнливой, мѣшковатой походкой переходилъ залъ, Руфи заиграла финаль девятой симфоніи.

— Мнѣ кажется, ничто такъ хорошо не выражаетъ вашу мечту, промолвила она, лучезарными глазами взглядывая на

Юхнерова.—Конечно, надо оркестръ, хоры... рояль передаетъ такъ блѣдно... одинъ остовъ...

Арсеній не видалъ сіяющаго взгляда, но слышалъ слова. Ему почему-то вдругъ вспомнился разговоръ съ Лотой.

— Неужели моя шутка оправдалась? Она влюблена!.. Въ этого сумасброда!.. Руфи! дѣвочка!?!.. Не можетъ быть!..

Эти вихремъ пронесшіяся въ его головѣ мысли такъ смутили и озадачили его, что онъ едва не вернулся къ роялю, чтобы еще разъ во очію убѣдиться въ нелѣпости своихъ предположеній, но дребезжащій голосъ княгини вернулъ его къ дѣйствительности и свѣтскимъ приличіямъ.

— Allons, avancez donc, beau ténébreux! Voyons, comme il se fait attendre ¹⁾, заговорила княгиня съ кокетливой ужимкой, оставшейся отъ прежняго времени.

Она протянула крошечную лапку, отягощенную сверкающими перстнями. Арсеній отвѣчалъ разсѣянной улыбкой; онъ сѣлъ на указанный ему стулъ.

— Какіе теперь молодые люди! совсѣмъ не умѣютъ causer, обратилась княгиня къ Настасѣ Петровнѣ послѣ тщетной попытки вызвать Арсеня на разговоръ.—Mais comme il est beau! ²⁾ Вы счастливая мать, Настасья Петровна. Ah, si j'avais vingt ans de moins! ³⁾.

Княгиня сказала это въ скобкахъ, какъ-бы обращаясь исключительно къ Настасѣ Петровнѣ, но рысьи глазки ея лукаво взглянули на Арсеня. Онъ или не хотѣлъ слышать, или дѣйствительно не слышалъ. Положивъ обѣ руки на бархатную скатерть круглаго преддиваннаго стола, онъ, со свойственнымъ ему задумчиво-грустнымъ выраженіемъ, тасовалъ колоду картъ.

— Quelles mains de duchesse! ⁴⁾ съ завистью подумала княгиня.—Слишкомъ серьезны нынѣшніе молодые люди, слишкомъ серьезны, задребезжала она вслухъ.—Въ наше время on savait causer, а теперь! Я себя спрашиваю est-ce que cela vaut la peine de prendre la vie au sérieux! ⁵⁾ Все равно, насъ

¹⁾ Ну-съ, идите сюда, задумчивый красавецъ!.. Но какъ онъ заставляетъ себя ждать!

²⁾ Но до чего онъ красивъ!

³⁾ Ахъ, будь я на двадцать лѣтъ моложе!

⁴⁾ Вотъ руки герцогини.

⁵⁾ Стоять-ли смотрѣть серьезно на жизнь!

похоронять; les vers nous mangerons tous... brrr! c'est pas beau! 1) Весело мы проведемъ жизнь или нѣтъ—одинъ конецъ! По-моему, лучше эту глупую комедию сыграть весело! Rions, dansons, aimons 2)—вотъ девизъ нашего времени! Nous n'étions pas plus bêtes que vous! Nous avons Voltaire pour maître 3)... А кто вашъ учитель? Quelque pedant allemand... quelque... Ah ça! quelle cacophonie joue votre soeur?! 4) прервала себя съ гримасой старая княгиня.

Руфи, увлекшись любимымъ мотивомъ и вниманіемъ слушателя, проиграла финаль симфоніи до конца.

— Вы совершенно поняли меня, заговорилъ Юхнеровъ, и голосъ его звучалъ той чарующей, музыкальной мягкостью, которая придавала особенное значеніе его словамъ.—Трудно цѣльнѣе, образнѣе выразить идею... Прослушавъ девятую симфонію въ Лейпцигѣ—надо сказать, чудесно исполненную—я вернулся домой какъ въ чадѣ. Мнѣ вспомнились слова поэта.

«Съ души какъ бремя скатится
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко»...

Я ихъ тогда понималъ. Всѣ сомнѣнія въ свои силы исчезли; я вѣрилъ; я былъ счастливъ... Вы мнѣ напомнили одинъ изъ самыхъ счастливыхъ эпизодовъ въ моей жизни, закончилъ онъ тихо.

Руфи подняла на него сіяющій взглядъ.

— Какъ я рада, сказала она искренно.—Но развѣ вы когда-нибудь сомнѣвались?

Юхнеровъ немного подумалъ прежде чѣмъ отвѣтить.

— Но moi sur, но... сомнѣнія въ прошломъ, возразилъ онъ твердо.

Руфи опустила глаза; пальцы ея безъ звука перебирали клавиши; она задумалась. Юхнеровъ, молча, смотрѣлъ на ея опущенную голову.

— Вы говорите, это Бетховенъ, дребезжала между тѣмъ

1) Черви издоужутъ насъ всѣхъ... бррр! некрасиво!

2) Будемъ смѣяться, плясать, любить.

3) Мы были не глупѣе васъ! Нашимъ учителемъ былъ Вольтеръ...

4) Какойнибудь нѣмецъ-педаггъ... Какойнибудь... Однако, что за какофонію производитъ ваша сестра?!

старая княгиня. — *Tant pis* ¹⁾. Въ наше время его музыку всё называли-бы какофонией. Теперь это считается преступлениемъ. *Autre temps, autres mœurs* ²⁾; мы любили *des motifs légers, gracieux* ³⁾, а теперь, *grand Dieu!* все похоронные марши... *La chère petite 'a fini, je respire!* ⁴⁾ Вѣроятно этотъ докторъ... Вы мнѣ его представили, но я забыла фамилію...

— Юхнеровъ, подсказала Настасья Петровна.

— А, Юхнеровъ! *parfait*; я теперь не забуду. Вѣроятно онъ любить Бетховена *et comp.* У него очень умные глаза, *mais il a l'air d'un singe, très laid!* ⁵⁾ Женщинамъ онъ не можетъ нравиться... *Dites donc, il doit joliment embêter cette pauvre petite* ⁶⁾... Что-бы вы тамъ ни говорили, никогда не повѣрю, *que cette drôle de musique fasse plaisir aux fillettes* ⁷⁾... Мода, одна мода... О чемъ они тамъ разговариваютъ? Позовите ихъ сюда.

Въ это время Юхнеровъ говорилъ Руфи:

— Мнѣ кажется, недалеко тотъ день, Руфина Михайловна, когда вы рѣшитесь идти рука объ руку съ нами. Вы не видите, какими гигантскими шагами вы идете впередъ, какъ рушится въ васъ старый міръ, какъ быстро возникаетъ на его развалинахъ новый... Вы не видите, а я вижу... Я вижу борьбу и вижу исходъ ея.

— Нельзя его видѣть, Яковъ Яковлевичъ; борьба слишкомъ тяжела, вполголоса промолвила Руфи; лицо ея отуманилось, между бровями легла складка.—Мнѣ кажется, вы слишкомъ на меня рассчитываете... Не знаю, хватитъ-ли у меня силы...

— Если у васъ не хватитъ, у кого-же она есть? Вамъ много дано, съ васъ много и требуется.

Онъ мягко, почти нѣжно смотрѣлъ на дѣвушку, но въ голосѣ его слышалась суровость, которая заставила ее невольно поднять глаза.

— Я не могу такъ скоро рѣшиться, прошептала она.

¹⁾ Тѣмъ хуже.

²⁾ Другія времена—другіе нравы.

³⁾ Легкіе, граціозные мотивы.

⁴⁾ Милая дѣвочка кончила; я могу вздохнуть свободно.

⁵⁾ ...Но онъ похожъ на обезьяну... очень безобразенъ!

⁶⁾ Я полагаю, онъ достаточно-таки надоедаетъ бѣдняжкѣ...

⁷⁾ Чтобы эта курьезная музыка могла нравиться дѣвочкамъ...

— Такія рѣшенія скоро и не принимаются...

— Еслибъ я была одна... Но разбить жизнь другимъ...

— Всякая неэгоистическая цѣль требуетъ жертвъ.

— Руфи! докторъ! не присоединитесь-ли вы къ намъ?
крикнула имъ Настасья Петровна.

Руфи встала и направилась было въ гостиную.

— Руфина Михайловна, вы уронили вашъ платокъ, сказала Юхеровъ громко.

Руфи обернулась. Юхеровъ поднялъ съ полу маленькій, обшитый кружевами платокъ и передалъ его дѣвушкамъ. Алая краска залила все лицо Руфи. Сквозь тонкую батистовую ткань пальцы ея оцупали письмо. Она растерялась; платокъ чуть не выскользнулъ у нея изъ рукъ, но пристальный, спокойный взглядъ Юхерова вернулъ ей самообладаніе; она молча опустила платокъ съ письмомъ въ карманъ и прошла въ гостиную. Юхеровъ послѣдовалъ за нею. Рысьи глазки княгини остановились на немъ.

— *Bien laid!* ¹⁾ подумала она.—Но должно быть умница!.. *Venez ici, ma chère belle, que je vous embrasse* ²⁾, сказала она громко Руфи.—Но что съ вами, *petite*, у васъ руки какъ ледъ?

Арсеній сбоку взглянулъ на сестру; одновременно съ нимъ взглянула на нее и мать. Руфи смутилась. Юхеровъ съ вѣжливымъ вниманіемъ тоже посмотрѣлъ на нее. Руфи опять почувствовала на себѣ спокойный, какъ-бы повелѣвающій самообладаніе взглядъ; она слабо улыбнулась матери и попыталась высвободить руку изъ цѣпкихъ пальцевъ княгини.

— Скажите, какъ музыка на нее дѣйствуетъ, обратилась княгиня къ Настасьѣ Петровнѣ!—Она, вѣрно, очень нервная. Всѣ теперь нервные...

Она выпустила руку дѣвушки, равнодушно отвернулась отъ нее и все свое вниманіе обратила на Юхерова. Молодые дѣвушки ее не интересовали. *Rien de plus insipide qu'une jeune fille!* ³⁾ говаривала она.—До брака въ ихъ глупенькой жизни нечего читать. Это книга безъ заглавія и содержанія.

— Не правда-ли, докторъ, всѣ теперь нервные? спросила она, любезно улыбаясь.

¹⁾ Весьма безобразнѣ!

²⁾ Подойдите ко мнѣ, моя красавица, и васъ поцѣлую.

³⁾ Натъ ничего нелише молоденькихъ дѣвушекъ.

— Нервные болѣзни очень распространены, сухо возразилъ Юхнеровъ.

— Но почему?

— Вамъ угодно знать?

— О да, да, съ живостью проговорила княгиня.—Садитесь поближе; вотъ сюда, ближе ко мнѣ... Объясненія доктора, молодого, je ne doute pas ¹⁾ талантливаго... это очень интересно. Но не забудьте, мы профаны, мы ничего не смыслимъ въ ученыхъ названіяхъ.

Юхнеровъ отвѣтилъ легкимъ поклономъ и началъ съжато, ясно, толково излагать историческій ходъ развитія нервныхъ болѣзней: Онъ читалъ лекцію; глаза его безстрастно глядѣли на старую княгиню, голосъ звучалъ однообразно. Княгиня сначала слушала, или дѣлала видъ, что слушаетъ; рысьи глазки ея живо обѣгали лицо, руки и фигуру Юхнерова, но мало по малу глазки эти перестали бѣгать, любезная улыбка исчезла, взглядъ сдѣлался неподвиженъ. Юхнеровъ говорилъ слишкомъ долго; ей становилось скучно. Она обвела глазами присутствующихъ. Арсеній, откинувшись на мягкую спинку стула и скрестивъ руки на груди, слушалъ Юхнерова съ чуть замѣтной неопредѣленной улыбкой на губахъ. Настасья Петровна кусала губы отъ нетерпѣнія. Руфи, повидимому, не слушала; она смотрѣла себѣ подъ ноги.

— Ah, il nous embête ce monsieur! nous prend-il pour des étudiants! ²⁾ подумала княгиня и кинула сердитый взглядъ на Юхнерова.

Онъ не смутился; не спуская безстрастныхъ глазъ съ княгини, онъ продолжалъ свою лекцію. Княгиня нетерпѣливо задвигалась на диванѣ. Отъ раздраженія и досады на ея щекахъ и на лбу появились красныя пятна; даже кончикъ вздернутаго носика заалѣлся.

— Assez, assez ³⁾, не выдержала она наконецъ,—merci, grand merci! ⁴⁾ Очень интересно... очень, очень... Настасья Петровна, si nous faisons une partie de piquet ⁵⁾, предложила она вдругъ Каздоевой.

¹⁾ Я не сомнѣваюсь.

²⁾ Какъ онъ надоелъ, этотъ господинъ! воображаетъ онъ, что мы студенты, что-ли!

³⁾ Довольно, довольно.

⁴⁾ Благодарю васъ, очень вамъ благодарна.

⁵⁾ Не сыграешь-ли въ пикетъ.

Съ трудомъ удерживая смѣхъ, Арсеній поспѣшилъ придвинуть къ дивану маленькій карточный столикъ. Юхнеровъ всталъ.

— Мы васъ не задерживаемъ, сказала съ кислой улыбкой княгиня.—Понимаете, nous sommes des ignorants... ¹⁾ Вамъ веселѣе съ М-г Arsène и...

Княгиня взглянула на стулъ Руфь; онъ стоялъ пустой.

— La petite s'est sauvée ²⁾, не безъ злорадства промолвила княгиня, подмигнувъ глазкомъ Настасьѣ Петровнѣ.— Elle a raison. Quel pedant, mon Dieu! ³⁾ сказала она, негодующимъ взглядомъ провожая Юхнерова, выходявшаго вмѣстѣ съ Арсеньемъ изъ гостиной. Ah, vous pouvez dormir sur vos deux oreilles, ma chère. Celui—là ne donnera jamais dans l'œil de votre petite. Oh, jamais, jamais! ⁴⁾ потрясая головой съ глубокимъ убѣжденіемъ прибавила она.

Между тѣмъ, Арсеній съ Юхнеровымъ вошелъ въ столовую, гдѣ за самоваромъ суетилась Лота.

— Однако, вы ее чуть до обморока не довели, промолвилъ Арсеній, давая здѣсь волю своему смѣху.

— Не приставай впередъ, съ холодной усмѣшкой лаконически замѣтилъ Юхнеровъ.

Усмѣшка эта не сходила съ его губъ съ той минуты, какъ старая княгиня прервала его лекцію.

— Согласитесь, вы неумолимы, Яковъ Яковлевичъ, продолжалъ со смѣхомъ Арсеній,—развѣ вы не видѣли, какой пыткѣ вы ее подвергали.

— Она хотѣла сдѣлать изъ меня шута, я обернулъ ея-же оружіе противъ нее самое, холодно возразилъ Юхнеровъ.

У Арсенья пропала охота смѣяться; тонъ Юхнерова ему не понравился. Онъ не понималъ, чтобы къ княгинѣ можно было относиться серьезно.

— Мнѣ кажется, она ничего въ сущности не хотѣла. Ей просто наскучило наше общество; она обрадовалась новому человѣку, рассчитывала развлечься...

¹⁾ Мы невѣжды. .

²⁾ Дѣвочка обратилась въ бѣгство.

³⁾ Она права. Боже, что за педантъ.

⁴⁾ Ну, вы можете спать спокойно, моя милая. Въ этого ваша дочь никогда не влюбится.

— Къ развлеченію княгини и всякихъ баръ я не пригоденъ, рѣзко перебилъ его Юхеровъ.

— Какое безпредѣльное самолюбіе въ этомъ человѣкѣ! подумалъ Арсеній, и въ немъ шевельнулось, не въ первый уже разъ, то чувство антипатіи, которое весьма скоро замѣнилось живой интересъ, возбужденный первою встрѣчей, и второе, помимо даже его сознанія, все росло и росло:

— Дай намъ чаю, Лота, сказалъ онъ, оставляя безъ отвѣта замѣчаніе Юхерова. — Мы здѣсь будемъ чай пить, не такъ-ли, Яковъ Яковлевичъ?

— Гдѣ угодно, отвѣтилъ Юхеровъ.

Взявъ свой стаканъ изъ рукъ Лоты, онъ поставилъ его на столъ, но не сѣлъ, а маленькими шажками началъ ходить взадъ и впередъ по небольшой столовой. Арсеній заговорилъ о Дарвинѣ. Юхеровъ тотчасъ-же приблизился къ столу, сѣлъ передъ своимъ стаканомъ и, попивая чай съ ложечки, слушалъ съ вѣжливымъ вниманіемъ.

— Выводы интересные, проговорилъ онъ нѣсколько свысока, какъ показалось Арсенію. — Впрочемъ, Дарвинъ только обобщилъ то, что было указано его предшественниками.

— Это обобщеніе—его слава, горячо вступился Арсеній. — По-моему, онъ намѣчаетъ новую эру въ естественныхъ наукахъ

— Да-съ; а, можетъ, и въ общественныхъ отношеніяхъ.

Арсеній вопросительно взглянулъ на него.

— Признанная умнымъ и, я не отрицаю, высокообразованнымъ человѣкомъ теорія о борьбѣ за существованіе даетъ право людямъ толпы безнаказанно вырывать кусокъ изо рта ближняго. Сильные индивидуумы, сказано въ книжкѣ, живутъ на счетъ слабыхъ. Каждый возмнитъ себя сильнымъ и—горе побѣжденнымъ.

— Извините, Яковъ Яковлевичъ, съ легкой досадой замѣтилъ Арсеній, — мнѣ кажется, вы сводите чисто научный вопросъ на личную точку зрѣнія.

— Наука только тогда перестанетъ быть достояніемъ однихъ ученыхъ, то-есть всецѣло посвятившихъ себя ей людей, когда каждый изъ смертныхъ будетъ въ состояніи черпать изъ нее руководящіе выводы для своей личной жизни, промолвилъ Юхеровъ.

— Я съ вами не спору, возразилъ сдержанно Арсеній,—

наука въ будущемъ, при большемъ развитіи общества, должна служить жизни.

— Прекрасно-съ. Отчего-же вы не хотите допустить, что выраженная въ доступной формѣ научная истина можетъ послужить интересамъ правящихъ классовъ? Подъ правящими классами я разумѣю небольшую, возвысившуюся надъ темной массой, часть общества, получившую большее или меньшее образованіе.

Безапелляціонный тонъ, которымъ говорилъ Юхнеровъ, неприятно раздражалъ нервы Арсенья. Его доводы онъ находилъ односторонними, его выводы — предвзятыми.

— Допустимъ, что вы правы, началъ онъ помолчавъ, — допустимъ, что данная научная истина слѣдается могучимъ орудіемъ въ рукахъ сильныхъ. Слабымъ остается или погибнуть въ качествѣ несовершенныхъ индивидуумовъ, или...

— Или сплотиться и противопоставить силѣ силу, докончить за него Юхнеровъ.

— Я не то хотѣлъ сказать, промолвилъ Арсеній, и не продолжалъ. Онъ зналъ о какомъ видѣ сплоченія говорилъ Юхнеровъ.

— Вотъ ужъ по-истинѣ заколдованный кругъ, подумалъ онъ. — Никакъ онъ изъ него не выскочить.

Юхнеровъ допилъ свой чай, передалъ стаканъ съ вѣжливымъ поклономъ Лотѣ и, вставъ, подошелъ къ одной изъ гравюръ на стѣнѣ. Изображенная на ней сцена охоты, повидимому, поглотила все его вниманіе.

— А знаете, Яковъ Яковлевичъ, заговорилъ Арсеній послѣ нѣкотораго молчанія, — взвѣсивая и про, и contra преслѣдуемой вами цѣли, я прихожу къ заключенію, что на вашей сторонѣ будутъ развѣ только однѣ женщины.

Юхнеровъ повернулся къ нему лицомъ.

— Женщины создали христіанство, проговорилъ онъ твердо.

— Какое сомнѣніе, подумалъ съ досадой Арсеній.

Лота слушала разговоръ, не понимая его смысла и недоумѣвая, почему собесѣдники, оставаясь въ предѣлахъ вѣжливости и сдержанности, будто говорятъ одинъ другому неприятныя вещи. Она съ безпокойствомъ переводила глаза съ Юхнерова на Арсенья.

— Они другъ другъ не любятъ, размышляла она сама съ собою по-нѣмецки. — Мнѣ тоже этотъ господинъ Юхнеровъ не

нравится, aber Руфиночка scheint sich in seiner Gesellschaft zu gefallen *).

Именно о Руфи думалъ въ эту минуту Арсеній. Ему пришло въ голову, что, по безопасности, онъ, можетъ быть, упустилъ время воздѣйствовать на нее своимъ всегдашнимъ вліяніемъ.

ГЛАВА IV.

Улучивъ минуту, когда всѣ съ большимъ или меньшимъ вниманіемъ слушали Юхнерова, Руфи тихонько встала, вышла изъ гостиной и ускользнула въ свою комнату. Здѣсь китайскій фонарикъ разливалъ пріятный розовый полусвѣтъ. Нѣжно алѣлось въ этомъ полусвѣтѣ мѣтовое тѣло Венеры, а лики Христа и Мадонны казались еще кротче, еще мягче обыкновеннаго. И нервы, и глаза отдыхали тутъ послѣ слишкомъ яркаго блага освѣщенія гостиной и зала. Но не для отдыха удалилась сюда Руфи. Она заперла дверь на ключъ и распечатала письмо. Въ конвертѣ заключалось нѣсколько заномерованныхъ, мелко исписанныхъ листовъ чрезвычайно тонкой почтовой бумаги. Одинъ листокъ поменьше другихъ отдѣлился отъ остальныхъ и упалъ на полъ. По померу онъ былъ первый, и на немъ болѣе крупными буквами стояло слѣдующее:

„NB. Все ниже изложенное прочтите на досугѣ; это отвѣтъ на нѣкоторые Ваши вопросы. Но въ виду невозможности продолжительныхъ и послѣдовательныхъ бесѣдъ, въ виду чрезмерной траты времени на безплодное, часто, выжиданіе подходящаго случая для подобныхъ бесѣдъ, въ виду, наконецъ, того, что мое присутствіе требуется, и другими, я прошу Васъ дать мнѣ возможность говорить съ Вами наединѣ. Я придаю значеніе только устной бесѣдѣ; письменные доводы и убѣжденія несутъ на себѣ характеръ мертвенности... По отдаленности моего мѣстожителства и во избѣжаніе могущихъ возникнуть подозрѣній, не позволю себѣ просить васъ пожаловать ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что и у меня мы не застрахованы отъ появленія постороннихъ лицъ; но какъ-то разъ при мнѣ Вы сказали, что иногда, рано по утрамъ, гуляете въ Лѣтнемъ Саду, гдѣ въ ранніе утренніе часы обыкновенно никого нѣтъ. Позвольте мнѣ встрѣтить Васъ тамъ завтра. Если

*) Но Руфиночкѣ, повидимому, нравится его общество.

погода воспрепятствуетъ этой прогулкѣ, я буду ждать Васъ тамъ послѣзавтра; я буду ждать до тѣхъ поръ, пока не дождусь этой встрѣчи. Отвѣтить на эту просьбу прошу простымъ устнымъ: да».

Руфи въ нерѣшимости стояла подъ розовымъ фонарикомъ, который она спустила, чтобы прочесть письмо. Ее смущала не самая просьба, не тонъ письма, скорѣе повелительный, чѣмъ просительный,—на это она не обратила вниманія,—ее смущала таинственность предлагаемаго свиданія. Надо скрыть это свиданіе отъ другихъ, надо найти предлогъ выйти изъ дому одной, безъ Лоты, которая почти всегда и всюду ее сопровождала; надо, слѣдовательно, прибѣгнуть ко лжи, а Руфи привыкла дѣйствовать открыто; она ненавидѣла ложь, ненавидѣла таинственность.

— Безъ тяжелыхъ жертвъ высокая цѣль не достигается, вспомнились ей слова Юхнерова... Не то-ли самое говорилъ покойный дядя. Не потребовалъ-ли-бы и онъ отъ нее жертвъ, и не предстоятъ-ли ей еще большія жертвы! думала Руфи.— А развѣ Юхнеровъ не согласился съ нею, что дѣйствовать втайнѣ тяжело, но онъ отрекся-же разъ навсегда отъ личныхъ чувствъ и соображеній. Онъ видитъ передъ собой только цѣль, и ради достиженія ея не боится прибѣгнуть къ неприятнымъ и даже унижительнымъ средствамъ. Достигнутая цѣль все смоетъ, все облитъ. Кто себя щадить, тотъ не долженъ становиться въ ряды борцовъ...

Этими и другими подобными размышленіями старалась Руфи успокоить свою щепетильную совѣсть. Она еще стояла въ раздумьи, съ раскрытымъ письмомъ въ рукахъ, посреди комнаты, когда тихій стукъ въ дверь заставилъ ее отъ неожиданности вздрогнуть съ головы до ногъ. Она поспѣшно опустила скомканное письмо въ карманъ, но отъ волненія не сразу могла отомкнуть дверь.

— Что это ты замыкаешься, дѣвочка, спросилъ, смѣясь, Арсеній.— Юхнеровъ желаетъ съ собой проститься; онъ уходитъ.

Арсеній ласково продѣлъ ея руку въ свою.

— Ты, кажется, нездорова, дружокъ, продолжалъ онъ нѣжно, наклонясь, чтобы заглянуть ей въ глаза.— У тебя пальцы совсѣмъ ледяные. Не начинается-ли ужъ моя дѣвочка нервничать, какъ истая барышня? Ты это, пожалуйста, пре-

доставь другимъ. До сихъ поръ сестренка составляла мою гордость именно тѣмъ, что ни въ чемъ не походила на барышню.

Арсеній поцѣловалъ сестру въ лобъ. Руфи улыбнулась ему, ея пальцы крѣпче сжали его руку.

— У меня немного голова болитъ. Можетъ, оттого, что я все сижу, мало хожу, прибавила она, запинаясь и вспыхнувъ.

— Кто-же тебѣ мѣшаетъ больше гулять?

— Скучно таскать за собой Лоту, а одну шапан не охотно пускаетъ...

— Ну, пора тебѣ привыкать къ самостоятельности; я стараюсь уговорить шапан. По ночамъ ты не спишь, ходишь мало; это нехорошо. Ты себѣ здоровье разстроишь.

Руфи низко опустила голову. Тщетно упрекала она себя въ малодушія; необходимость лжи ложилась непосильнымъ гнетомъ на ея плечи. Она не могла заставить себя взглянуть на брата.

— Отчего-бы тебѣ въ хорошую погоду не гулять по утрамъ въ Лѣтнемъ Саду, благо онъ подъ бокомъ, сказалъ Арсеній, когда они уже подошли къ столовой.— Начни завтра свой моціонъ. Хочешь, я сегодня-же переговорю съ шапанъ? Такимъ образомъ, у тебя будетъ хоть одинъ часъ, свободный отъ допросовъ и разспросовъ, шепнулъ онъ ей шутливо.— Вѣдь я знаю, бѣдной дѣвочкѣ дышать не дають.

Руфи подняла на него полные слезъ глаза; говорить она не могла. Арсеній прочелъ въ этомъ взглядѣ благодарность и ласково улыбнулся ей.

— Какая она, однако, стала нервная, подумалъ онъ.— Неужто въ самомъ дѣлѣ влюбилась?

Онъ не особенно дружелюбно взглянулъ на Юхнерова, который, съ шапкой въ рукѣ, стоялъ передъ одной изъ гравюръ и внимательно ее разсматривалъ.

Арсеній подошелъ къ нему. Руфи остановилась у чайнаго стола.

— Довольно плохая гравюра, замѣтилъ Арсеній.

— Я стараюсь, заговорилъ Юхнеровъ,—припомнить оригиналь, видѣнный мною, если не ошибаюсь, въ Дрезденской галлерей.

— А вы любитель живописи? спросилъ не безъ удивленія Арсеній.

— Я? нисколько. Живопись не производит на меня никакого впечатлѣнія. Я осматривалъ картинныя галереи просто изъ любопытства. Въ этой картинѣ поразило меня выраженіе глазъ загнанной, окруженной сабаками и охотниками, лани. Въ нихъ столько было ужаса, муки, мольбы о пощадѣ. Въ нихъ столько было человѣческаго. Я не знаю, впрочемъ, хороша-ли была эта картина въ техническомъ отношеніи, равнодушно прибавилъ онъ.

— Она пользуется извѣстностью, возразилъ Арсеній.

— Я не могу теперь припомнить связь между нею и моими мыслями. Связь должна была быть. Иначе, я-бы передъ ней не остановился. Самыя знаменитыя картины оставляли меня совершенно равнодушнымъ. Ни въ краскахъ, ни въ освѣщеніи я рѣшительно ничего не понимаю.

— И ты не возмущаешься, Руфи! сказалъ Арсеній.—Вамъ, вѣроятно, извѣстно, Яковъ Яковлевичъ, что сестра горячая поклонница живописи и скульптуры.

— Мы наследуемъ вкусъ нашихъ отцовъ, сухо замѣтилъ Юхеровъ.—Мои предки не знали живописи; пристрастия къ ней они мнѣ, слѣдовательно, не передали. Я-же выработалъ убѣжденіе, что пластическое искусство отжило свой вѣкъ.

Онъ подошелъ къ Руфи.

— Современемъ вы со мною согласитесь, Руфина Михайловна... Теперь наступило царство слова, и пополнить его, а порой даже замѣнить, можетъ развѣ одна только музыка. Мы имѣли сегодня этому довольно вѣскій примѣръ, да?

Юхеровъ значительно взглянулъ на Руфи. Она слегка перемѣнилась въ лицѣ. Это «да», сопровождаемое пристальнымъ взглядомъ, имѣло для нея двойное значеніе.

— Да, нетвердо проговорила она, не рѣшаясь взглянуть на брата.

Юхеровъ почтительно пожалъ ей руку и вышелъ, сопровождаемый Арсеньемъ, въ переднюю.

ГЛАВА V.

— Однако, надо-бы поговорить съ дѣвочкой, подумалъ Арсеній, проводивъ Юхерова.

Необходимость эта удовольствія ему не доставляла. Онъ вообще, по лѣни или почему либо другому, избѣгалъ вмѣши-

ваться во внутреннюю жизнь своихъ домашнихъ. Неизмѣнно мягкой, ласковый съ сестрой и матерью, онъ жилъ своею жизнью, предоставляя и имъ жить по-своему. Но сдѣланныя имъ въ тотъ вечеръ наблюденія, въ связи съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ вынесъ изъ словъ Лоты, побудили его отклониться отъ своего обычнаго образа дѣйствій.

Онъ прошелъ въ свой кабинетъ и, въ ожиданіи отъѣзда старой княгини, снова взялся за книгу.

— Неужели этотъ ребенокъ увлекся и самимъ сумасбродомъ, и его утоціями! продолжалъ разсуждать самъ съ собою Арсеній, лежа, съ книгой въ рукахъ, на диванѣ.—Въ эти годы дѣвочки имѣютъ самыя дикія фантазіи. Ничего не подѣлаешь! Надо поговорить!

Легче было сказать «надо поговорить», чѣмъ приступить къ самому разговору, и Арсеній, заранѣе предвкушая всю тяжесть такой бесѣды, чувствовалъ нѣкоторую досаду противъ сестры.

— Ужъ эти мнѣ ледѣшки! Никогда не влюблялась и вдругъ!.. Для чего, однако, я буду вмѣшиваться... Къ чему все это поведеть... Можно-ли тутъ дѣйствовать убѣжденьями!..

Любовь къ покою подсказывала ему эти мысли; онъ готовъ былъ за нихъ ухватиться, но привязанность къ сестрѣ пересилила на этотъ разъ себялюбивыя побужденья. Лишь только мать удалилась въ спальню, онъ тихо постучалъ въ дверь Руфи, въ комнатѣ которой виднѣлся свѣтъ. Руфи отперла ему; она переѣхнула дневное платье на свой фланелевый капотикъ и въ рукѣ держала большой гребень; длинныя распущенныя волосы густой блестящей темной массой спускались окутывая ей плечи, вдоль стана ниже колѣнъ.

— Ну-съ, можете завтра-же приступить къ вашимъ прогулкамъ, сказалъ онъ, перешагнувъ порогъ.—Мамап изъявила согласіе Мы немного поспорили, но все обошлось благополучно.

Арсеній притянулъ къ себѣ сестру и поцѣловалъ сначала въ лобъ, затѣмъ въ глаза. Руфи взглядомъ поблагодарила его. Особенной радости она не выказала. Рука брата обвила ея талію; она тихо отстранилась отъ него, какъ-бы для того, чтобы освободить изъ-подъ его пальцевъ свои волосы.

— А вѣдь, должно быть, нелегко носить такую тяжесть на головѣ! продолжалъ шутить Арсеній, взвѣсивая на рукѣ гу-

стую прядь и искренно любуюсь ея шелковистостью и блескомъ.—Красавица у меня сестренка, что и говорить! прибавилъ онъ съ улыбкой.

Руфи улыбнулась и потянула къ себѣ захваченные имъ волосы. Она привыкла къ его восторгамъ и шуткамъ. Арсеній открыто восхищался красотой сестры. Онъ нѣжилъ, баловалъ ее и при другихъ, и наединѣ. Ему нравилось, что сестра его не любить выѣздовъ, нарядовъ; ему нравилось, что она правдива, проста, что нѣтъ въ ней женской мелочности, капризовъ, что любитъ она хорошую музыку, серьезное чтеніе, и онъ охотно доставлялъ ей книги, указывалъ на какое-нибудь сочиненіе, сказавъ: «Прочти, интересно!», но никогда не спрашивалъ ея мнѣнія о прочитанномъ, никогда не интересовался знать, что она думаетъ о томъ или другомъ предметѣ. Онъ привыкъ видѣть въ сестрѣ дѣвочку, и Руфи привыкла смотрѣть на брата снизу вверхъ. Въ ея комнату онъ рѣдко входилъ и рѣдко въ ней засиживался. Поэтому Руфи и теперь ожидала, что, передавъ ей результатъ своего разговора съ Настасьей Петровной, онъ уйдетъ, но Арсеній не уходилъ.

— Расчесывай ихъ при мнѣ, заговорилъ онъ, выпуская изъ рукъ волосы сестры и бросаясь на кресло у письменнаго стола.—Какъ ты съ ними справляешься! Я-бы съ ума сошелъ, если-бы меня заставляли каждый день расчесывать такіе волосы.

— А мнѣ не позволяешь ихъ обрѣзать, пошутила Руфи.

— И Боже тебя упаси! Это было-бы варварство, съ забавнымъ негодованіемъ вскрикнулъ онъ.

Руфи разсмѣялась звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Матап услышатъ; прійдетъ! шутливо пугнулъ ее Арсеній.

Руфи прикусила губы. Раздѣливъ всю массу волосъ на равныя части, она быстрыми, ловкими движеніями заплела ихъ въ двѣ косы. Длина волосъ заставила ее откидывать и голову, и корпусъ назадъ. Арсеній залюбовался гибкостью ея юнаго сильнаго стана. Въ воображеніи его мелькнула фигура Юхнерова, съ длинными, тощими руками и блѣднымъ морщинистымъ лицомъ. Онъ нахмурился, отвелъ глаза отъ сестры и взялъ со стола первую попавшуюся книгу. То былъ романъ Жоржъ Зандъ: «Le compagnon du Tour de France». Арсеній положилъ его обратно и взялъ двѣ другія книжки—одну въ

темномъ переплетѣ, другую въ истертой обложкѣ. На корешкѣ первой онъ прочиталъ: «*Fourier. Traité de l'association domestique — agricole*», на обложкѣ второй: «*Cabet. Voyage en Icarie, roman philosophique et social.*» Онъ обернулся къ сестрѣ.

— Это Юхнеровъ снабжаетъ тебя всей этой галиматей? спросилъ онъ рѣзко.

Руфи откинула доплетенную тяжелую косу за плечо; голось ея слегка дрогнувъ, когда она отвѣтила:

— Юхнеровъ.

— И ты все это прочла?

— Прочла.

— Ну, и...

— И не нашла, чтобы это была галиматья, тихо, но довольно твердо отвѣтила Руфи.

Арсеній съ досадою швырнулъ обѣ книжки на столъ.

— Тѣмъ хуже, проговорилъ онъ все такъ-же рѣзко. — Со стороны Юхнерова недобросовѣстно приносить тебѣ подобныя сочиненія.

— Почему? спросила Руфи, стараясь побороть робость. всегда, въ серьезномъ разговорѣ съ братомъ, овладѣвавшую ею.

— Потому что для такого неопытнаго существа; какъ ты, подобныя сочиненія прямо вредны; они тѣмъ болѣе вредны, если ихъ читаютъ при томъ одностороннемъ освѣщеніи, которое даетъ имъ Юхнеровъ...

— Юхнеровъ не раздѣляетъ всѣхъ выводовъ, застѣнчиво перебила Руфи.

— Разумѣется, не раздѣляетъ. Юхнеровъ—человѣкъ умный. Онъ, безъ сомнѣнья, понимаетъ, что господа эти завирались; но Юхнеровъ своего рода маниакъ; у него есть манія, которая проникаетъ и, такъ сказать, оформливаетъ весь строй его мысли. Онъ смотритъ на жизнь черезъ втертыя имъ себѣ самому очки. Очень жаль, если онъ втираетъ эти очки другимъ, да еще юнымъ, несвѣдущимъ дѣвочкамъ.

— Я его не считаю маниакомъ...

— Что ты его не считаешь, это еще ничего не доказываетъ, сухо прервалъ сестру Арсеній.

Онъ легко впадалъ въ этотъ тонъ, когда ему претиворѣчили, особенно если противорѣчія эти шли со стороны тѣхъ, за которыми внутренно онъ не признавалъ права на самостоятельное мышленіе. Эта, всегда внезапная, сухость и заставляла

Руфи робѣть передъ братомъ и недовѣрчиво относиться къ своимъ мнѣніямъ въ его присутствіи.

— Ты еще не можешь отличить здравомыслящую личность отъ свихнувшагося человѣка, продолжалъ онъ въ томъ-же тонѣ.— Не обижайся, дѣвочка, поспѣшилъ онъ прибавить.— Весьма естественно, что ты еще не можешь. Вѣрное сужденіе является только съ годами и опытомъ.

Онъ взялъ ее за руку.

— Я не обижаюсь, сдержанно возразила Руфи и освободила руку.— Но позволь мнѣ иногда имѣть свое мнѣніе.

Горячій румянецъ пылалъ у нее на щекахъ, но голосъ звучалъ тверже обыкновеннаго. Не дѣвочка отвѣтила ему, а женщина, оскорбленная его высокомѣріемъ. Арсеній съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Глаза его приняли грустное выраженіе.

— Извини меня, Руфи, сказалъ онъ мягко.— Нечаянно я, можетъ, грубо коснулся... Я не зналъ, что Юхнеровъ тебѣ такъ дорогъ...

Руфи вспыхнула.

— Совсѣмъ нѣтъ, горячо заговорила она. — Не онъ мнѣ дорогъ, а...

Арсеній схватилъ ее за обѣ руки и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Ты... ты не влюбилась въ него? спросилъ онъ съ полуконфузливой, полушутливой улыбкой.

Руфи съ негодованіемъ вскочила на ноги.

— Какъ тебѣ не стыдно предполагать это! запальчиво вскрикнула она.

У Арсенья отлегло на сердцѣ.

— Постой, сказалъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ.— Ужь стыдиться, такъ за-разъ! А онъ... онъ не влюбленъ?.. Впрочемъ, на это можешь не отвѣчать! Главная суть въ тебѣ, прибавилъ Арсеній, чувствуя себя несовсѣмъ ловко въ роли подобнаго рода допросчика.

Руфи молчала. Не то упрекъ, не то смущеніе выражали ея большіе глаза, прямо устремленные на брата.

— Въ нашихъ бесѣдахъ никогда ничего подобнаго не было, никогда ничего личнаго, проговорила она.— Ты какъ-то странно судишь о Юхнеровѣ; ты умаляешь его, прибавила она съ разстановкой.

— Да-а? протянулъ съ улыбкой Арсеній.— Можетъ быть... Но, не въ обиду будь вамъ сказано, сударыня, я вѣдь не такой ребенокъ, какъ моя сестренка, и увлеченія пророками относятся ко днямъ моей юности.

Онъ нагнувъ ея голову къ себѣ и поцѣловаль мягкіе, душистые волосы, а затѣмъ, шутливо приподнявъ пальцемъ нѣжный, дѣтски-округленный подбородокъ, поцѣловаль на немъ маленькую ямочку. Руфи не отклоняла его ласки, но, противъ обыкновенія, онѣ ее не радовали и она на нихъ не отвѣчала.

— Знаешь, Арсеній, сказала она немного помолчавъ,— я думаю, рѣдко братъ и сестра такъ дружны по-внѣшнему... Ты такой ласковый, нѣжный... А въ сущности мы, вѣдь, чужіе...

— Ужь и чужіе! пошутить Арсеній.

— Чужіе! повторила съ горечью Руфи.

— Ну, ужъ это, кажется, вы изволите заниматься микроскопическими изслѣдованьями; занятіе довольно безплодное въ ночное время.

Руфи отошла отъ него; Арсеній всталъ и потянулся; разговоръ утомилъ его.

— Ты увидишь, дѣвочка, сказалъ онъ снисходительно, замѣтивъ на лицѣ сестры легкую тѣнь грусти,— что когда встрѣтитя на твоемъ пути что-либо серьезное,— дѣло-ли, горе-ли, счастье-ли,— я не отнесусь ни къ тому, ни къ другому, ни къ третьему равнодушно, а это и покажетъ степень нашей близости. Анализировать-же нашу сравнительную близость теперь—значить зарываться въ сантиментальность.

Руфи не возражала.

— Не слушай я старушечьихъ разговоровъ, не сдѣлалъ бы я такой грубой ошибки, думаль Арсеній, возвращаясь къ себѣ... Дѣвочка безъ темперамента... Чиста какъ мадонна, и, какъ мадонну, ее не волнуютъ мысли о земной любви!.. А увлеченіе утопіями мы постараемся охладить современемъ.

Глава VI.

Лучи утренняго мартовскаго солнца играли на полированной поверхности маленькаго столика, стоявшаго у дивана, сверкали на бронзовыхъ ярко вычищенныхъ принадлежностяхъ письменнаго стола, тянулись снопами на пестромъ коврѣ, на которомъ не виднѣлось ни соринки, и, всползая на зеленую

сафьянную подушку, зажигались пламенемъ въ рыжеватыхъ, щеткой вверхъ растущихъ волосахъ Метцеля. За особенность роста волосъ, очень, впрочемъ, мягкихъ на ощупь, товарищи прозвали Метцеля ежомъ. Маленькіе свинные глазки и укороченная нижняя часть лица, надъ которой преобладалъ длинный, острый носъ, упрочили за нимъ это названье.

Метцель лежалъ на диванѣ. Лежачее положеніе—обычное положеніе Метцеля. Онъ держалъ передъ глазами раскрытую книгу, но хотя чтеніе тоже составляло его обычное занятіе, въ данное утро, когда весеннее солнце такъ весело свѣтило въ его кабинетъ, отличающійся безукоризненнымъ до педантизма порядкомъ, онъ не читалъ, а только въ силу привычки держалъ передъ глазами книгу. Нижняя губа его вытянулась впередъ, прижавъ собой верхнюю, опущенную маленькими золотистыми усиками; тонкій носъ шевелился, шевелились и рыжеватые негустые брови; то одна бровь поднималась кверху, то другая, причемъ нѣжная, бѣлая съ голубыми жилками на вискахъ кожа невысокаго лба собиралась въ мельчайшія складки и приводила въ движеніе волосы. Метцель велъ мысленно монологъ. Къ монологамъ онъ питалъ особенное пристрастіе.

— Слѣдуетъ-ли мнѣ ѣхать въ Чокракъ? Не слѣдуетъ... Безсмысленно ѣхать... Глупо, что онъ отказывается отъ управленія имѣніемъ (подъ мѣстоимѣніемъ «онъ» подразумѣвался старикъ-дядя, отставной капитанъ 2-го ранга, Спиридонъ Аргеевичъ Разсохинъ). Пишетъ, старъ становится. Трудно... Отъ дряхлости-де дѣлаю упущенія... Никто отъ него отчета не требовалъ... Жиль-бы себѣ, да управлялъ какъ Богъ на душу положить.. Я, говорить, переселюсь на хуторъ и оттуда буду присматривать за дѣйствіями твоего новаго управляющаго... Разстояніе отъ хутора недалеко, всего двѣ версты. А меня ужъ, Володичка, уволь... И лѣта мои, и раны, и ревматизмы одолѣли... Пора на покой!.. Какой ему еще покой надо!.. Жиль-бы себѣ припѣваючи... Ничего отъ него не требовалось!.. Пріѣзжай, распорядись... Шутка сказать!.. Скакать въ Крымъ на почтовыхъ! Одолжилъ! Чего я тамъ не видалъ? Пшеницу отъ овса не отличу, по-татарски не понимаю, въ хозяйствѣ ничего не смыслю!.. И знаетъ все это старина, а тоже предлагаетъ чепуху!..

Носъ и брови пришли въ усиленное движеніе, но тѣло оставалось покойно. Метцель, не прерывая своего монолога,

машинально перевернулъ страницу книги, которую все еще держалъ передъ глазами.

— ...Найми управляющаго!.. Гдѣ я его найму? Какъ я его найму?! Чепуха!.. Продамъ имѣніе, да и все тутъ. Напишу старику, чтобы продалъ.

Движеніе носа и бровей вдругъ прекратилось. Очевидно, Метцель пришелъ къ желанному рѣшенію. Онъ приподнялся было съ дивана.

— Успѣю! объявилъ онъ себѣ мысленно,—вечеромъ напишу.

Онъ поправилъ подушку подъ головой и принялся читать. Нѣсколько минутъ внимательно, съ спокойнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, Метцель смотрѣлъ въ книгу; но вотъ носъ и брови снова задвигались. Движеніе это, какъ всегда, являлось внѣшнимъ признакомъ монолога.

— Метцеля губятъ деньги, говорить Евлампьевъ; — не будь у него денегъ, вышелъ-бы изъ него прокъ. Какой? любопытно знать. Во-первыхъ, у Метцеля не всегда бываютъ деньги. въ послѣднее время даже очень рѣдко бываютъ!.. Въ настоящую минуту въ столѣ лежитъ два трехрублевая бумажка, которую сегодня-же надо отдать прачкѣ .. Отъ продажи имѣнія останется немного. Деньги разойдутся по рукамъ. Понятно, разойдутся... Интересно знать, какой прокъ можетъ выйти изъ Метцеля, когда онъ останется безъ гроша!?..

Носъ Метцеля быстро зашевелился.

— Поступить на службу? Прекрасно. Докажетъ-ли Метцель-чиновникъ, что изъ него вышелъ прокъ!.. Или сдѣлаться учителемъ? Отлично. Почетное званіе по нынѣшнему времени. Метцеля одобрятъ; скажутъ, вотъ и вышелъ изъ него прокъ! Такъ!.. А интересно знать, почему обучать ребятъ грамматикѣ, которую Метцель самъ забылъ, лишь только покшнұл школьную скамью—почетно, а составлять ни кому ненужныя департаментскія бумаги—непочетно? Заняться переводами? почему-же нѣтъ. Но опять-таки возникаетъ вопросъ, чѣмъ Метцель-переводчикъ выше Метцеля-чиновника. И тотъ, и другой будутъ скромно дѣлать скромную работу. Разница только въ томъ, что Метцель-чиновникъ за свою скромную работу получить сносное содержаніе, а Метцель-переводчикъ будетъ довольствоваться издательскими обѣщаніями будущихъ благъ... Вступить на литературное поприще? Да, это недурно. Мет-

цель-писатель! Это хорошо; это тоже одобрять! Метцель-романистъ. Разберемъ. Какія данныя? Наблюдательность — есть; впечатлительность — есть, въ скобкахъ — въ умѣренной степени; фантазія — скудная; оригинальность міросозерцанія — сомнительная; желанія подѣлиться мыслями — никакого; ненависть къ письму — непреодолимая. Метцель-публицистъ! Тѣ-же данныя; прибавленіе — отсутствіе интереса къ вопросамъ дня и безразличное отношеніе къ сплетнямъ...

Нижняя губа Метцеля совсѣмъ прикрыла собой верхнюю, обѣ брови приподнялись, кожа на лбу собралась въ мельчайшія складки и волосы ошетинились; черезъ секунду, поддаваясь теченію мыслей, всѣ черты подвижнаго лица заняли нормальное положеніе; только носъ продолжалъ пошевеливаться.

— Остается общественная дѣятельность. Чего почетнѣе!.. Что нужно? Честолюбіе — его нѣтъ. Любовь къ ближнему, самоблѣзнованіе о судьбѣ обездоленныхъ и пригнѣтенныхъ — сантиментальныя разглагольствованья, головное оцѣпаненіе! Метцель — человѣкъ толпы, ergo — человѣкъ трезвый, ergo — онъ не снѣдается самолюбивымъ зудомъ вылѣзти изъ толпы, чтобъ прокричать ей двѣ, три идейки, случайно забредшія ему въ голову!.. Толпа, когда ей это будетъ нужно, отлично доберется до нихъ сама!.. Филантропія на англійскій манеръ? Наукой доказанъ ей вредъ... Остается Метцелю тихо, скромно, безъ шума и треска совершить свой маленькій круговоротъ жизни, не выдѣляясь изъ массы, ничѣмъ не отличаясь отъ тысячи другихъ Метцелей, ежедневно умирающихъ и вновь нарождающихся... Короче, не выскакивать изъ толпы, не мнить себя героемъ. Незамѣтная должность незамѣтнаго чиновника всего болѣе приличествуетъ незамѣтной жизни. Положимъ, Метцель въ мечтахъ своихъ не прочь вознестись въ надзвѣздныя пространства! Напримѣръ, представить себя художникомъ! Очень пріятное представленіе! Весьма даже увлекательное! Спрашивается, почему Метцелю, гражданину Россійской Имперіи, понадобилось искусство? Почему его волнуетъ пластика, чаруютъ краски, линіи! Почему онъ, человѣкъ сѣренькій, безъ воображенія и творчества, млѣетъ передъ мраморными Венерами, падаетъ ницъ передъ Мадоннами? Почему? Огромный вопросительный знакъ, сопровождаемый восклицательнымъ. Дальше. Почему этого гражданина Россійской Имперіи, котораго съ колыбели приучили находить все существующее ра-

зумнымъ, которому съ колыбели внушили, что на Западѣ дозволяется и то, и другое, а на Руси не дозволяется ни того, ни другого, почему въ мозгахъ этого самаго гражданина зарождаются вдругъ планы грандіозныхъ преобразованій, мечты о распространеніи просвѣщенія въ самыхъ наидальнѣйшихъ закоулкахъ Россійскаго государства, о прекращеніи хронической голодовки мужицкаго населенія и прочія, и прочія филантропическія возжеланія, очевидно праздныя, такъ какъ, пробудясь отъ бреда, разсудочный человѣкъ, не сходя съ дивана, самъ лично разбиваетъ ихъ неотразимыми доводами?.. Новый вопросительный знакъ. Далѣе..

Всѣ черты Метцеля пришли въ усиленное движеніе; на лбу и щекахъ выступила краска.

— Почему Метцель тянется къ дѣвушкамъ, которую онъ въ своемъ воображеніи ставитъ выше всѣхъ произведеній искусства, передъ которой онъ, какъ Пигмалионъ передъ своею Галатеей, приходитъ въ умиленіе, и влюбляется, самымъ обыкновеннымъ образомъ влюбляется въ жену товарища, передъ которой онъ не чувствуетъ никакого благоговѣнія, никакого уваженія, и ради которой способенъ на всякія пелѣности..

Здѣсь Метцель занесъ руку на голову и, захвативъ клокъ волосъ, не особенно бережно дернулъ его разъ-другой. Это странное движеніе имѣло, повидимому, благотворное дѣйствіе. Складки на лбу разгладились, всѣ черты успокоились; выраженіе утомленія распространилось по лицу Метцеля; онъ даже опустилъ книгу и закрылъ глаза.

— Непослѣдовательность! продолжалъ онъ разсуждать, но уже безъ наружныхъ признаковъ волненія; — привитые вкусы, головныя страсти!.. И почему Евлампьевъ думаетъ, что изъ Метцеля, при какихъ-то другихъ обстоятельствахъ, можетъ выйти прокъ!

Осторожный кашель заставилъ его приподнять голову съ подушки. Въ дверяхъ стоялъ Юхнеровъ.

— Извините, промолвилъ онъ вѣжливо, — я кажется васъ разбудилъ.

Метцель спустилъ ноги съ дивана и всталъ ему на встрѣчу.

— Я не спалъ, хотя и не слыхалъ вашего звонка.

— Ваша женщина встрѣтилась мнѣ на лѣстницѣ. Мы вошли вмѣстѣ.

Метцель удовольствовался этимъ отвѣтомъ. Онъ встрѣчалъ

Юхнерова у Каздоевыхъ, но никогда не приглашалъ его къ себѣ. Неожиданное посѣщеніе не вызвало, однако, съ его стороны вѣдшихъ проявленій изумленія. Онъ предложилъ гостю кресло и самъ сѣлъ напротивъ него.

— Господинъ Метцель, у меня къ вамъ дѣло, заговорилъ Юхнеровъ.

Метцель молча поклонился.

— Если не ошибаюсь, вы какъ-то разъ при мнѣ упоминали Настасьѣ Петровнѣ объ одномъ изъ вашихъ имѣній?

— У меня только одно имѣнье—въ Крыму, замѣтилъ Метцель.

— Именно; вы упоминали о крымскомъ имѣнии.

Метцель задумался.

— Можетъ, и упоминалъ. согласился онъ.

— Чокракъ?

— Да, такъ оно называется.

— По климату и мѣстоположенію очень удобное для устройства лечебницы?

— Вы хотите устроить тамъ лечебницу?

— То-есть, хотѣлъ-бы. Я поручилъ доставить мнѣ свѣдѣнія о крымскихъ имѣньяхъ. Мнѣ, между прочимъ, упомянули о Чокракѣ.

Юхнеровъ почему-то не сообщилъ, что онъ именно о Чокракѣ просилъ доставить ему свѣдѣнія.

— Если мы сойдемся въ условіяхъ, продолжалъ онъ, —я-бы взялъ его въ аренду.

— Отчего не отдать въ аренду. Все лучше, чѣмъ продать, подумалъ Метцель и, вставъ, вынулъ изъ письменнаго стола аккуратно связанную пачку документовъ.

— Взгляните, сказалъ онъ Юхнерову,—здѣсь планъ Чокрака и годовые отчеты управляющаго. Онъ приходится мнѣ дядей. Признаюсь, я никогда его отчетовъ не читалъ. Вамъ придется съ нимъ списаться. Послѣ смерти матери въ Чокракѣ я не былъ, а умерла она лѣтъ восемь тому назадъ.

Юхнеровъ выслушалъ эти объясненія, сказанныя сухимъ дѣловымъ тономъ, придвинулъ кресло къ столу и развернулъ бумаги.

— Мнѣ писали, что домъ помѣстительный, замѣтилъ онъ.

— Да; старинная постройка; комнаты, насколько помнится, много; фруктовый садъ, виноградникъ.

Юхнеровъ больше не разспрашивалъ. Онъ развернулъ планъ и принялся внимательно изучать его, дѣлая порой карандашомъ отщѣтки въ своей записной книжкѣ. Метцель не прерывалъ его занятія. Откинувшись на спинку кресла, онъ равнодушно смотрѣлъ на гостя; только легкое пошевеливанье носа, да чуть замѣтное движеніе бровей показывали, что Метцель мысленно ведетъ монологъ.

— Странная мысль устроить лечебницу въ такой мѣстности, гдѣ нѣтъ дорогъ! думалъ Метцель.—Изъ Петербурга не поѣдутъ, изъ Москвы тоже... Развѣ изъ Одессы... Убыточно и неудобствъ никакихъ! А у него, вѣрно, есть деньги... Это очень интересно! Откуда у него могутъ быть деньги? Каздоевъ говорилъ, что обстоятельства его не блестящія... Эта лечебница, вѣрно, афера... На то онъ и еврей... А, можетъ, лечебница предлогъ...

Хотя послѣднее предположеніе внутренно нѣсколько взволновало Метцеля, вѣшнымъ образомъ волненіе это проявилось только быстрымъ сбирanjemъ въ складки кожи на лбу; волосы не преминули оцетиниться, но тотчасъ-же и кожа, и волосы пришли въ нормальное положеніе.

— Да, вотъ что! Въ Чокракѣ послѣдуетъ примѣненіе теоріи! Понятно, ему нуженъ предлогъ. Мнѣ онъ не скажетъ. Спрашивается, для чего ему говорить мнѣ? Къ арендѣ это не относится, а неофита изъ меня, онъ понимаетъ, сдѣлать нельзя... Такъ, такъ!.. Руфинъ Михайловичъ, вѣроятно, извѣстно... По всей вѣроятности, извѣстно!.. Любопытная непослѣдовательность! Кто, бишь, это дѣлилъ людей на эллиновъ и іудеевъ? Да, Гейне! Именно Гейне! или Гете! Нѣтъ, Гейне... Онъ еще, помнится, по поводу Гете привелъ это сравненіе... Или по поводу Берне... Все равно... Она—элинка, онъ—іудей, и она хочетъ подчиниться ему! Любопытно, что она причисляетъ себя къ іудеямъ... Зуевъ—іудей, Юхнеровъ—іудей... Ловагинъ—элинь. Іудеи поработаютъ элинку... Своя своихъ не признаетъ!.. Ловагинъ понимаетъ, а она не понимаетъ... Любопытно знать, что изъ всей этой непослѣдовательности произойдетъ.

Юхнеровъ поднялъ голову и встрѣтился съ холоднымъ, какъ-бы изучающимъ его взглядомъ Метцеля.

— Если позволите, я унесу бумаги домой, сказалъ Юхнеровъ.—Хотѣлось-бы основательно познакомиться съ планомъ и отчетами, прежде чѣмъ выработать условія.

Метцель подумалъ.

— Извольте, согласился онъ, приподымаясь съ кресла. — Яуже было рѣшился продать Чокракъ, въ виду того, что дядя, ссылаясь на свои годы и недуги, отказывается отъ управленія имѣньемъ... Почему-же не попытать аренды! Спишитесь съ дядей. Я подпишу всѣ условія, но выговариваю себѣ одно право: право, если пожелаю, прѣзжать лѣтомъ или, лучше, когда мнѣ угодно, въ Чокракъ и проводить въ немъ столько мѣсяцевъ, сколько мнѣ заблагоразсудится.

Юхнеровъ нахмурился.

— Условіе это нѣсколько стѣснительно, сухо возразилъ онъ. — Арендатору необходимо быть полнымъ хозяиномъ.

— Вы и будете полнымъ хозяиномъ. Вмѣшиваться въ хозяйство я не намѣренъ. Если хотите, я закрѣплю это намѣреніе подписью. Стѣснять другъ друга мы не можемъ. Большой домъ весь въ вашемъ распоряженіи. Я оставляю за собою небольшой флигель, въ которомъ теперь живетъ дядя. Очень можетъ быть, что я никогда не покажусь въ Чокракъ, но, на всякій случай, не желая быть стѣсненнымъ, выговариваю себѣ это право, и безъ этого права ни на какія условія не соглашусь, твердо закончилъ Метцель, внутренно самъ удивляясь, что вслухъ произнесъ подъ рядъ столько словъ.

Многословіемъ съ другими онъ не отличался.

Юхнерову, видимо, не нравилось выговоренное Метцелемъ условіе. Онъ въ раздумьи стоялъ передъ столомъ, опустивъ глаза на развернутыя бумаги

— Хорошо-съ, произнесъ онъ громко. — Я подумаю. Вы позволите унести документы?

Метцель, вмѣсто отвѣта, самъ, въ методическомъ порядкѣ, не сгѣша, вложилъ планъ и отчеты обратно въ папку, завязалъ тесьмы и съ вѣжливымъ поклономъ передалъ документы Юхнерову.

Глава VII.

Ребенокъ слабо застоналъ. Съ самаго дня рожденія онъ не переставалъ стонать. Неизвѣстно, какъ держалась жизнь въ маленькомъ чахломъ тѣльцѣ, неизвѣстно, какими чудомъ онъ протянулъ свое жалкое существованіе цѣлыхъ семь мѣсяцевъ. Франя знала, что смерть ежеминутно грозитъ ея сыну,

и твердо рѣшилась къ неизбежному отнести разумно. Она говорила, что не привяжется, не хочет привязаться къ нему и, сама не зная какъ, привязалась страстно, безумно къ крошечному существу.

Ребенокъ лежалъ на ея постели. Стоявшая на комодѣ лампа подъ зеленымъ абажуромъ бросала зеленоватый, мертвенный свѣтъ на его безкровное личико и на исхудалое измученное лицо матери. Франя прислонилась головой къ спинкѣ желѣзной кровати и на минуту забылась. Стоны ребенка вывели ее изъ забытья. Она немедленно встала, взяла его на руки и зашагала съ нимъ по комнатѣ. Прижимая его къ своей груди, растирала она рукой сводимыя судорогой ножки и старалась дыханьемъ отогрѣть ему руки; но судорога не прекращалась и жизненная теплота не возвращалась въ бѣдные, маленькіе, истощенные болѣзнью члены. Франя продолжала ходить, ребенокъ продолжалъ жалобно стонать. Стоны его мучительно терзали ея слухъ. Всѣ средства были ужъ раньше испробованы; докторъ совѣтовалъ его больше не мучить.

Франя крѣпче прижимала малютку къ груди и ускоряла шаги. Вчера ей удалось быстрой ходьбой хоть на короткое время успокоить его. Но сегодня онъ все стоналъ. Съ выраженьемъ отчаянія на лицѣ, какъ раненный звѣрь, кружилась Франя, съ своимъ несчастнымъ ребенкомъ на рукахъ, по небольшой комнатѣ. Вдругъ онъ замолкъ. Лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ Франи. Ребенокъ какъ-то странно вытянулся, разъ, другой... и успокоился. Франя, затаивъ дыханіе, не замедляя шаговъ, ходила взадъ и впередъ. Ребенокъ лежалъ тихо, безмолвно, неподвижно. Франя нагнулась и приложила ухо къ его губамъ; онъ не дышалъ. Съ глухимъ крикомъ подбѣжала она къ лампѣ и сбросила съ нее абажуръ. Лампа ярко освѣтила безжизненное личико. Франя, точно подкошенная, опустилась съ трупомъ ребенка на полъ.

Сколько времени она просидѣла на полу, она не знала. Кто-то позвонилъ въ передней. Она не пошевелинулась.

— Алексѣй Дмитріевичъ дома? послышался ей какъ будто откуда-то издали голосъ Метцеля.

— Ихъ дома нѣтъ, возразила кухарка.— Барыня дома.

Голоса смолкли. Франя тупо глядѣла передъ собой.

— Франциска Леонтьевна! окликнулъ ее надъ самымъ ея ухомъ Метцель.

Безмысленная улыбка исказила ей посинѣвшія губы.

— Видите, онъ умеръ, промолвила она, — видите, какъ все справедливо! Умеръ!

Она раскохоталась. Метцель бережно освободилъ изъ ея рукъ трупъ ребенка и отнесъ его на постель. Она не противилась и безпрекословно поднялась съ полу, когда онъ взялъ ее за руку и вторично сказалъ:

— Встаньте!

Метцель вывелъ ее въ сосѣдную комнату. Франя автоматически опустила на первый попавшійся стулъ.

— Какъ вы думаете, теперь онъ меня бросить? спросила она черезъ минуту.

— Менѣ чѣмъ когда-либо, возразилъ Метцель.

Франя снова раскохоталась.

— О, великій сердцеѣдецъ! произнесла она съ хохотомъ, сквозь который слышались всхлипыванья. — Не бросить! пожалѣть!... Онъ жалостливый!... Онъ и сына терпѣлъ... Не любилъ, а терпѣлъ, такъ же какъ и мать... Пустите, я хочу къ нему идти, гнѣвно проговорила она, вскакивая со стула.

— Къ кому? спросилъ Метцель, заграждая ей путь.

— Къ сыну. Пустите, это мой ребенокъ! мой!

Метцель принудилъ ее снова сѣсть.

— Полноте чудить, Франциска Леонтьевна, съ невозможнымъ спокойствіемъ произнесъ онъ, стискивая, какъ въ тискахъ, ея руки выше кистей своими тонкими нервными пальцами.

Всѣ усилія Франи вырваться изъ его рукъ ни къ чему не повели. Послѣ краткой борьбы она уступила и залилась слезами. Метцель выпустилъ ея одну руку, прислонилъ ея голову къ своему плечу и, тихо поглаживая ей волосы, далъ ей выплакаться.

— Она теперь успокоится, думалъ онъ, усиленно шевеля носомъ, — на время успокоится. А потомъ? Одну ее оставить нельзя!... Мальчонка отлично сдѣлалъ, что отправился къ праотцамъ... Радоваться надо, а она убивается!... Понятно: она держалась за него, какъ утопающій за соломенку!.. Эхъ, Ловагинъ, Ловагинъ! Камень не свалится самъ собою съ твоей шеи, а сорвать его ты не въ силахъ! Она принадлежитъ къ разряду женщинъ, которыя, разъ прицѣпившись къ мужчинѣ, добровольно не отцѣпляются!

Несмотря на горечь, проникавшую этотъ монологъ, пальцы Метцеля бережно, мягко гладили волосы Франи. Прикосновенія ихъ, повидимому, успокоительно дѣйствовали на ея нервы; слезы не душили, не давили ей горла, вызывая судорожныя всхлипыванья, а лились безъ усилій, и дыханіе ея становилось легче, спокойнѣе.

Она подняла голову и встрѣтила полный заботливости сочувствующій взглядъ Метцеля.

— Легче вамъ, милая? спросилъ онъ.

Она глубоко вздохнула.

— Легче, подтвердилъ онъ, не дожидаясь отвѣта.— Послать за Ловагинимъ?

Франия отрицательно покачала головой.

— Какъ хотите. По-моему, лучше послать. Гдѣ онъ?

Франия, не отвѣчая, вдругъ встала. Метцель, полагая, что она хочетъ идти къ ребенку, теперь не счелъ нужнымъ ее удерживать. Но онъ ошибся. Порывисто откинувъ короткіе волосы за уши, она принялась быстро шагать по комнатѣ. Метцель молча слѣдилъ за ней.

— Уйдемъ отсюда! сказала она, рѣшительно подходя къ нему

— Куда?

— Куда хотите. Я теперь болѣе ему не нужна...—Я не могу видѣть... Я...

Она отвернулась.

— Принесите мнѣ шубку, платокъ... Уйдемъ!

Метцель исполнилъ ея желаніе. Они вышли на улицу. Франия помчалась впередъ. Метцель едва поспѣвалъ за ней.

— Гдѣ Ловагинъ? спросилъ онъ на ходу.

Франия не отвѣчала.

— Пойдите; куда вы бѣжите? отвѣчайте мнѣ. Гдѣ Ловагинъ? настойчиво произнесъ Метцель, схвативъ ее за руку и тѣмъ принуждая ее остановиться.

— Онъ... тамъ... я къ нему, неопредѣленно возразила она.

Метцель выпустилъ ея руку и безмолвно послѣдовалъ за ней. Она снова мчалась впередъ. Онъ не пытался равнять свои шаги съ ея бѣгомъ, только старался не упускать ее изъ виду.

Вечеръ былъ тихій, теплый; воздухъ влажный, пропитанный прѣлыми испареніями растаявшаго снѣга; большія лужи расплзались на тротуарахъ. Метцель усталъ шагать за несущей

щейся впереди Франей; онъ крикнулъ извозчика, нагналъ Франю и, поровнявшись съ нею, твердо сказалъ:

— Садитесь; скажите ему—куда ѣхать.

Франя машинально повиновалась.

— На Петербургскую, Большой проспектъ, отрывисто произнесла она.

Метцель въ душѣ одобрилъ себя за счастливую мысль нанять извозчика. Ему пришлось-бы шагать по-грязи и слякоти съ добрый часъ. Франя не разжимала губъ. Метцель не пытался съ ней заговаривать. Онъ соображалъ про себя, кто изъ знакомыхъ Ловагина живетъ на Петербургской сторонѣ.

— Вы навѣрное знаете, что Ловагинъ тамъ? спросилъ Метцель, когда они ѣхали по совершенно пустынному Самсоніевскому мосту.

— Навѣрное.

Метцель далѣе не разспрашивалъ. Точный до педантизма во всемъ, что онъ предпринималъ, онъ намѣревался покинуть Франю у дверей квартиры ея знакомыхъ. Намѣренье это онъ сообщилъ ей, когда они подъѣхали, по ея указанію, къ высокому угловому дому. Франя равнодушно кивнула головой. Они вошли подъ ворота и поднялись по темной, крутой, извилистой лѣстницѣ. Только на площадкѣ третьяго этажа виднѣлся свѣтъ. Здѣсь, на этой площадкѣ, стоялъ человекъ съ непокрытой головой, безъ пальто, въ одномъ сюртукѣ. Онъ, очевидно, ждалъ кого-то. Перегнувшись черезъ перила, онъ всматривался въ полумракъ лѣстницы. Свѣтъ небольшой стѣнной лампочки прямо падалъ на его бѣлокурую голову.

— Ловагинъ, ты? окликнулъ его со второй площадки Метцель.

— Я! возразилъ Ловагинъ.

Въ голосѣ его слышалось крайнее изумленіе. Франя и Метцель ускорили шаги.

— Какими судьбами вы вдвоемъ? съ недоумѣніемъ спросилъ Ловагинъ.

— Сынъ умеръ, жестоко произнесла Франя.

Ловагинъ взялъ ее за руку.

— Бѣдная! сказалъ онъ просто.

Глухое рыданье вырвалось изъ груди Франи; она подавила его.

— Это надо было ожидать, заговорила она трепетнымъ голосомъ.—Безумная! я привязалась... Но такъ лучше... Онъ не помѣнаетъ ..

Она жадно впиалась глазами въ его лицо.

Ловагинъ молча пожалъ ея руку.

— Ты ждешь кого-нибудь? спросила она черезъ минуту.

— Да, одного господина. Онъ, вѣроятно, не будетъ. Ловагинъ взглянулъ на часы.

— Вѣроятно, не будетъ, съ легкимъ оттѣнкомъ досады повторилъ онъ.—Ты не войдешь?

Франя покорно повернулась къ неплотно притворенной двери, сквозь которую врвался на площадку глухой гулъ многочисленныхъ голосовъ.

— Я хотѣлъ ее проводить. Она была въ ужасномъ состояннн, заговорилъ Метцель, когда Франя скрылась за дверь. — Теперь прощай.

— Прощай, медленно произнесъ Ловагинъ.—Нѣтъ, стой! живо промолвилъ онъ.—Останься, ты мнѣ нуженъ, очень даже нуженъ.

Глава VIII.

Они вошли въ тѣсную переднюю, освѣщенную одной свѣчей, поставленной на верхней полкѣ загроможденной шубами и платками вѣшалки. Тѣ-же принадлежности верхней одежды лежали на единственномъ стулѣ и даже просто были свалены на полу. Изъ жилыхъ комнатъ доносился говоръ, фортепьянные звуки, пѣнье и смѣхъ. Сборище въ квартирѣ, повидимому, было значительное. Метцель поискалъ глазами мѣстечка для своего пальто.

— Снимай здѣсь, предложилъ Ловагинъ, вводя Метцеля въ узкую, длинную, совершенно темную комнату.

Какъ человѣкъ, вполне знакомый съ мѣстностью, онъ прямо подошелъ къ письменному столу, котораго Метцель въ темнотѣ не примѣтилъ, и положилъ на него пальто и шляпу Метцеля.

— Ловагинъ, вы? послышался въ темнотѣ юный женскій голосъ.

— Кто меня зоветъ? спросилъ Ловагинъ.

Напрягая зрѣннє, Метцель различилъ диванъ и неясное очертаннє сидѣвшей на немъ женской фигуры.

— Вы не одинъ? спросилъ въ свою очередь тотъ-же голосъ.

— Нѣтъ, не одинъ; со мной товарищъ мой, Метцель.

Ловагинъ приблизился къ дивану.

— Ахъ, это вы, Дунечка, промолвилъ онъ. — Я васъ не узналъ по голосу. — Что вы тутъ дѣлаете въ темнотѣ?

— Ушла сюда отдохнуть отъ словъ.

— А ихъ тамъ много говорить! Что дѣлать! Всѣ мы любимъ говорить! смѣясь сказалъ Ловагинъ.

— Нѣтъ, вы — другое... Ловагинъ, останьтесь, садитесь, потолкуемъ съ вами, живо заговорила Дунечка. Она сильно шепелявила. — Я весь вечеръ искала случая выразить вамъ, что у меня лежитъ на душѣ.

— Но я тоже буду говорить слова, Авдотья Степановна, шутливо замѣтилъ Ловагинъ.

— Ахъ, нѣтъ, вы не то... Вы не понимаете меня... я хочу просить у васъ совѣта, дружеской помощи.

— Да мы вѣдь недавно говорили. Я отвѣтилъ, какъ умѣлъ, на ваши вопросы, нѣсколько нетерпѣливо произнесъ Ловагинъ. — Теперь не время; видите, меня ждутъ.

— Всѣ вы одинаковы, раздражительно сказала Авдотья Степановна. — Я ѣхала сюда, думала найти правду, истину... отношенія, основанныя на взаимной любви и помощи, общее дѣло... и вѣсто того...

— Услышали много хорошихъ словъ, перебилъ ее Ловагинъ. Видите-ли, Авдотья Степановна, ошибка ваша въ томъ, что вы слишкомъ много ожидали отъ другихъ. Вы сомнѣваетесь, ищете, но вѣдь и другіе сомнѣваются, ищутъ, идутъ оцупью... Мы всѣ идемъ оцупью... Нельзя отъ насъ требовать того, что мы, при всемъ желаніи, не можемъ дать.

— Я хочу помощи, совѣта, а отъ меня всѣ отдѣлываются полусловами, обиженно сказала она.

— Я вамъ далъ совѣтъ...

— Хорошъ совѣтъ! Вернуться въ деревню, къ роднымъ! Я даже этого отъ васъ никакъ не ожидала!

— Ожидали или нѣтъ, а другого совѣта я и теперь не могу дать... Не понимаю, какой недобрый человекъ могъ васъ сбить съ толку. Жилось вамъ, навѣрное, вольно; росли вы, навѣрное, балованнымъ дѣтищемъ... Жить-бы да жить! Составили-бы счастье какого-нибудь хорошаго, добраго человека...

— Противно даже слушать такія буржуазныя мысли, съ невыразимымъ презрѣніемъ прервала его Дунечка.

Ловагинъ разсмѣялся.

— Ну, вот видите! Какъ-же мнѣ быть съ вами! Требуете правду, скажешь ее, вы сердитесь...

— Да развѣ мнѣ такую надо, такую! чуть не со слезами сказала Дунечка.— Вы такъ не говорите съ другими, а меня вы просто-на-просто считаете неспособной...

— Не неспособной, Дунечка, а неприготовленной, чрезвычайно мягко произнесъ Ловагинъ.— Какая вы пріѣхали не больше года тому назадъ! Веселенькая, свѣженькая, радостная; полная надеждъ, а теперь что сдѣлала эта жизнь словъ, въ которую вы окунулись... Вамъ все не мило; во всемъ вы сомнѣваетесь, ни себѣ, ни другимъ не довѣряете! Гдѣ ваша радость? Гдѣ ваша веселость?

Въ темнотѣ послышалось будто всхлипыванье. Ловагинъ помолчалъ.

— А хуже всего, это сидѣть въ темнотѣ и предаваться мрачнымъ мыслямъ, заговорилъ онъ бодро.— Ничто такъ не подкашиваетъ силу. Пойдемте туда, къ другимъ. Я васъ познакомлю съ моимъ товарищемъ. Если вамъ надоѣли слова, посидите съ нимъ. Онъ отлично умѣетъ молчать. Видите, онъ все время тутъ, а вы даже забыли объ его присутствіи. Развѣ это не доказываетъ, что молчаніе его не обременяетъ.

Ловагинъ продѣлъ руку Дунечки въ свою и вывелъ ее изъ темнаго угла, въ который она забилась, къ двери, гдѣ въ терпѣливомъ ожиданіи стоялъ Метцель. Ни одно слово изъ предъидущаго разговора не ускользнуло отъ его вниманія. Съ любопытствомъ взглянулъ онъ на Дунечку. Круглое, довольно миловидное, очень еще молоденькое личико, обрамленное темными коротко остриженными волосами представилось его глазамъ. Черное шерстяное платье не особенно ловко обтягивало полченькій короткій станъ небольшой фигурки; смятый полотняный воротничокъ и такіе-же рукавчики довершали небрежный нарядъ Дунечки. На щекахъ ея горѣлъ еще деревенскій румянецъ, но взглядъ большихъ, влажныхъ, на выкатѣ глазъ не соответствовалъ юной, ребяческой наружности. Въ немъ виднѣлась тревога и горечь, и круглыя брови, сдвинувшись надъ глазами, выражали то-же самое.

— Вотъ, Авдотья Степановна, позвольте васъ познакомить съ моимъ пріятелемъ, Метцелемъ. Госпожа Коровина, проговорилъ Ловагинъ.

— Китайскія церемоніи! просто — Метцель, Коровина,

строго замѣтила Дунечка и помужски пожала руку Метцеля.

Ловагинъ улыбнулся. Дунечка насупилась.

— Ну, пойдѣмъ, чего-же тутъ въ передней стоять! промолвила она съ напускной рѣзкостью.

Она опередила молодыхъ людей и первая вошла въ комнату, откуда неслись фортепьянные звуки.

— Вотъ бѣдняжка! замѣтилъ Ловагинъ, задержавъ Метцеля въ передней.—Прискакала сюда изъ захолустья Тамбовской губерніи искать дѣла, учиться... Ученье не дается... Втиснули ей сразу въ руки Миля, Прудона и Писарева, а она едва грамоту знаетъ. Говорять, книжки чепуха, надо дѣло дѣлать! Она просить дѣла—ей говорятъ: «подождите, прежде почитайте то и то»... Она мечется и туда, и сюда, и хватается за каждаго, кто-бы могъ укрѣпить ея болтающіяся на воздухѣ ноги на какой-бы то ни было почвѣ... А дѣвочка честная, хорошая...

— Что ей—лѣтъ семнадцать? спросилъ Метцель.

— Да, вѣроятно что-то въ родѣ этого... Согрѣмъ еще ребенокъ, и къ тому еще мало развитой ребенокъ. Должно быть, не такъ давно она носилась по саду, качалась на качеляхъ, бѣгала въ горѣлки и наѣдалась всласть малиной и смородиной.

Ловагинъ взялся за ручку двери той комнаты, въ которую вошла Дунечка.

— Я тебя попрошу немного тамъ обождать. Тутъ безъ церемоніи. Представленій никакихъ не надо. Хозяева—студентъ-медикъ пятаго курса и его жена—будущая докторша. Онъ человекъ со средствами, сынъ хозяина этого дома. Фамилія его Варнухинъ. Говорилъ я тебѣ о немъ? Нѣтъ? Впрочемъ, это безразлично. У нихъ собираются люди всѣхъ мастей, всѣхъ видовъ... Свобода полная... Въ этомъ главная ихъ прелесть. Ну, войди. Я сейчасъ тебѣ скажу, зачѣмъ ты мнѣ понадобился.

Они вошли въ большой залъ, довольно плохо освѣщенный четырьмя свѣчами, изъ которыхъ двѣ стояли на роялѣ, на одномъ краю зала, а другія двѣ помѣщались на чайномъ столѣ, на другомъ краю. Густой папиросный дымъ затемнял и этотъ скудный свѣтъ. Обстановка тоже была довольно скудная. Ни картинъ, ни зеркалъ, ни драпировокъ; бѣлыя каленкоровыя

шторы на окнахъ, у одной стѣны широкой шкафъ съ книгами, у другой—раздвижной обѣденный столъ, беспорядочно уставленный чайною посудой, закусками и пивными бутылками, у третьей—рояль, заваленный нотами, и, наконецъ, дюжины три простыхъ соломенныхъ стульевъ довершали меблировку. Табачный дымъ, словно сизымъ облакомъ, окутывалъ многочисленное общество. Одни ходили, разговаривая, по залу, другіе сидѣли у чайнаго стола и такъ, гдѣ попало, иные помѣстились, за неимѣніемъ свободнаго мѣста, на подоконникахъ. За самоваромъ никто специально не хозяйничалъ. Каждый подходилъ, наливалъ себѣ чай, бралъ что ему надо было со стола и садился, если было мѣсто, тутъ-же, или пристраивался гдѣ и какъ могъ. У рояля нѣсколько молодыхъ мужчинъ и женщинъ разучивали хоръ «Эхъ, дубинушка, ухнемъ!» Длинноносенькая, черненькая женщина акомпанировала. Метцель узналъ потому, что то была сама молодая хозяйка. Кто изъ молодыхъ людей въ очкахъ и безъ оныхъ, въ жакеткахъ, сюртукахъ и форменныхъ студенческихъ мундирахъ былъ хозяинъ—этого Метцелю во весь вечеръ не удалось узнать. На его появленіе никто не обратилъ вниманія и никто къ нему не подходилъ. Издали онъ увидѣлъ Франю. Она курила среди небольшой группы, сидя на подоконникѣ; до него долетѣлъ рѣзкій, сухой звукъ ея голоса. Она чему-то смѣялась. Онъ не могъ разглядѣть выраженье ея лица, но смѣхъ, неестественный, горькій, рѣзалъ слухъ. Въ одномъ углу зала онъ примѣтилъ Дунечку. Она держала за пуговицу сюртука безбородого юношу въ синихъ очкахъ и горячо что-то ему доказывала. Юноша пытался говорить, но она прерывала его и продолжала, не спуская съ него ребяческихъ глазъ, путаясь, торопясь, проводить свои доводы. Ловагинъ, быстро жестикулируя, разговаривалъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Метцеля, съ однимъ молодымъ артиллеристомъ. Метцель почему-то былъ увѣренъ, что Ловагинъ задержалъ его именно ради этого артиллериста. Онъ подвинулся, чтобы лучше разглядѣть его, но вдругъ вниманіе его было отвлечено тощей фигурой человѣка въ черномъ платьѣ, который остановился около Дунечки и, повидимому, съ интересомъ слушалъ ея бесѣду съ безбородымъ юношей. Онъ стоялъ спиной къ Метцелю. Въ ту минуту, какъ Метцель припоминалъ, гдѣ онъ видѣлъ эту выгнутую спину и длинные руки, незнакомецъ придвинулся къ Дунечкѣ и сталъ въ полу-

оборотъ къ Метцелю. Тонкая кожа на лбу Метцеля мгновенно собралась въ складки, волосы и носъ зашевелились.

— Юхнеровъ! про себя вскрикнулъ онъ,—здѣсь знакомъ и... и вербуетъ!..

Открытие это сильно его заинтересовало. Онъ даже перешелъ на другое мѣсто, чтобы съ ближайшаго пункта наблюдать за маленькой группой, состоящей изъ Юхнерова, Дунечки и безбородаго юноши, но въ это время къ нему подошелъ Ловагинъ.

— Часто тутъ бываетъ Юхнеровъ? съ несвойственнымъ ему оживленіемъ спросилъ Метцель.

— Юхнеровъ? кто такой Юхнеровъ?

— Юхнеровъ, докторъ Юхнеровъ. Ты развѣ его не знаешь? Онъ говорить теперь съ Дунечкой.

Ловагинъ посмотрѣлъ на Юхнерова.

— Нѣтъ, я его не знаю, равнодушно промолвилъ онъ.— Здѣсь я его не видалъ. Ты мнѣ что-то о немъ говорилъ. Не Юхнеровъ собирается взять у тебя въ аренду Чокракъ?

— Онъ самый.

Ловагинъ еще разъ мелькомъ взглянулъ на Юхнерова и немедленно опять обратился къ Метцелю.

— Скверная исторія, Володя, промолвилъ онъ немного погодя.

— Какая?

— Смерть ребенка.

Метцель не отвѣчалъ.

— Я хотѣлъ ѣхать... Съ больнымъ ребенкомъ она не могла-бы слѣдовать. Мнѣ надо ѣхать. Этотъ проклятый Петербургъ давить, гнететь...

Метцель снова остался одинъ. Онъ задумчиво провожалъ взглядомъ Ловагина, который шелъ по залу своей обычной эластичной походкой съ перевалкой. Его остановилъ на-ходу безбородый юноша, съ которымъ передъ тѣмъ разговаривала Дунечка. Онъ спросилъ что-то, указалъ на Юхнерова, который теперь ходилъ съ Дунечкой по залу. Ловагинъ снова вскользь взглянулъ на Юхнерова, отрицательно покачалъ головой и, оставивъ юношу; направился къ ожидавшему его у книжнаго шкафа артиллеристу.

— Если-бы онъ зналъ, какъ прочно Юхнеровъ водворился у Каздовыхъ, подумалъ Метцель,—онъ-бы внимательнѣе къ

нему отнесся! А впрочемъ, кто знаетъ! У него прошла полоса въ жизни, которая, можетъ, все въ немъ вверхъ дномъ перевернула... Что тамъ такое?

Это мысленное восклицаніе относилось къ происходившему у рояля шуму и гаму.

— Наладили, наладили! кричали хористы. — Слушайте! вниманіе! слушайте!

Заставить себя слушать было не легко. Молодежь продолжала жужжать какъ пчелы въ ульѣ. Хористы рѣшили заглушить неумолкаемый говоръ и смѣхъ. Они гаркнули во все горло «Дубинушку». Волей неволей всѣ замолкли. Многіе, увлеченные напѣвомъ, стали подтягивать.

— Bravo! брависсимо! раздались восторженные одобренія, когда послѣднее «Эй, ухнемъ!» прокатилось по залу. — Еще, еще разъ! бисъ!

«Дубинушку» повторили.

— Пойдемъ въ другую комнату, услышалъ Метцель возлѣ себя голосъ Дунечки. — Здѣсь невозможно говорить... Какъ странно!.. Я приходила въ совершенное отчаянье... И ни отъ кого, ни отъ кого не могла добиться живого слова... и вдругъ встрѣчаю васъ... Можно повѣрить въ фатализмъ!..

Дунечка торопливо прошла въ дверь мимо Метцеля, не взглянувъ на него. На ходу она оглянулась на спокойно шедшаго за нею Юхнерова. Ребяческіе круглые глаза ея выражали и изумленіе, и радость, и какую-то наивную гордость. Юхеровъ вскинулъ глаза на Метцеля и молча, не останавливаясь, пожалъ ему руку.

— Вы знакомы? спросила Дунечка.

Отвѣта Метцель не слышалъ. Они вышли изъ зала.

— Завербовалъ! иронически подумалъ Метцель и тутъ же поймалъ себя на недоброжелательномъ чувствѣ къ Юхерову. — Ужь не ревную-ли? Подумаешь, Метцель-Отелло!..

— Ловагинъ направилъ меня къ вамъ, произнесъ сухой, будто надтреснутый голосъ.

Метцель оглянулся. Передъ нимъ стоялъ артиллеристъ съ блѣднымъ нервическимъ лицомъ.

— Мы можемъ ѣхать? просто спросилъ Метцель.

— Если хотите, отвѣтилъ артиллеристъ.

Онъ не назвалъ своей фамиліи, и Метцель не спросилъ ее.

— Пожалуйста, подождите меня на лестницѣ. Я сейчас за вами послѣдую, проговорилъ офицеръ, нервно кусая губы.

И Метцель вышелъ изъ квартиры Варнухиныхъ также, какъ вошелъ въ нее, никому не представленный и никѣмъ не замѣченный.

Е. Ардовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛОНДОНСКАЯ ГОЛЫТЬБА.

Очерки.

Гектора Франса.

VIII.

Пляска Евы.

Въ лунанарахъ Бискары и Ксурахъ южной Алжиріи я видѣлъ сквозь облака душистаго дыма пляску знаменитыхъ танцовщицъ изъ племени Уледъ-Наилъ; я видѣлъ подъ палатками изъ козьей шерсти Фрешишей, сектантовъ какого-то загадочнаго сладострастнаго культа, бритыхъ и блѣдныхъ какъ евнухи-жрецы Таниты или корибанты Цибелы, переряженныхъ въ женское платье и, съ гадкою улыбкою, видѣлывающихъ неприличныя па. Пьяныя негритянки кружились предо мною въ дикомъ возбужденіи, извиняемомъ огненнымъ дыханіемъ самума. Помню искры, загоравшіяся при этомъ въ глазахъ зрителей, и трепеть, пробѣгавшій по ихъ тѣламъ. Но я не видѣлъ и не могъ себѣ вообразить ничего подобнаго тому грязно-возбуждающему явленію, которое составляетъ одну изъ специальностей Лондона и называется «джигомъ Евы».

Да и не легко видѣть эту пляску. Надо быть страстнымъ поклонникомъ искусства для искусства, чтобы рѣшиться въ холодную, туманную ночь послѣдовать за агентомъ сысской полиціи въ кварталы, пользующіеся вовсе непривлекательною извѣстностью.

— Это настоящее гнѣздо порока и преступленія, говоритъ мнѣ переодѣтый сыщикъ, провожающій меня въ этой экскурсіи, на которую я рѣшаюсь, наконецъ, запасшись револьверомъ.—Мнѣ бы плохо пришлось, очутись я здѣсь одинъ и въ полицейской формѣ. Видите этотъ уголь? его прозвали—«уголь ударовъ ножемъ». А это зданіе называется «домомъ висѣльниковъ». Вотъ этотъ питьейный домъ въ прежнія времена посѣщался «душителями»; теперь онъ сильно упалъ и служитъ мѣстомъ сходокъ для мелкихъ грабителей и воровъ.

Подобными разговорами агентъ Томсонъ развлекалъ меня, идя рядомъ со мной по темнымъ закоулкамъ, часовъ въ одиннадцать вечера. Мы шли болѣе получаса, поворачивая то направо, то налево, проходя то по узкимъ мѣшкообразнымъ проходкамъ, то шлепая по грязи зловонныхъ, неосвѣщенныхъ закоулковъ. Вдругъ до насъ донеслись звуки скрипки.

— Вотъ мы и пришли, сэръ, сказалъ Томсонъ;—я не хотѣлъ васъ тревожить, но начиналъ уже думать, что мы заблудились.

Мы стояли передъ питейнымъ домомъ, ничѣмъ не отличавшимся отъ остальныхъ. Однако, онъ показался мнѣ еще болѣе подозрительнымъ и зловѣщимъ, несмотря на два газовыхъ рожка, какъ волчьи глаза блестящихъ сквозь матовыя стекла. Отъ времени до времени мелькала молчаливая тѣнь, дверь отворялась и звуки скрипки долетали до насъ явственнѣе. Питейный домъ казался пустымъ и, за исключеніемъ музыки,—никакой шумъ не нарушалъ его безмолвія. Мы толкнули дверь. Четверо мужчинъ, въ лохмотьяхъ, но въ черныхъ шляпахъ на головѣ, стояли, опираясь на стойку и молчаливо курили длинныя глиняныя трубки. Около каждаго стояло по кружечкѣ портера. Мрачный видъ ихъ никого бы не навелъ на мысль, что они явились сюда для увеселенія.

— А, это вы, мистеръ Томсонъ! воскликнулъ громадный мужчина, выступая изъ-за стойки.—Чѣмъ могу служить вамъ?

— На этотъ разъ мнѣ не надо ничего. Я просто привелъ къ вамъ этого джентльмена. Что, уже началось?

— Нѣтъ еще. «Самка» не пришла. Погода гадкая. Шиллинги и пенсы не хотятъ выползать изъ кармановъ. Всѣ копятъ деньги къ Рождеству. Музыка скрипитъ уже цѣлый часъ, а публика все еще не является.

— Да, я услыхалъ скрипку съ конца улицы; она-то и помогла мнѣ найти дорогу.

— Плохая это вывѣска, мистеръ Томсонъ. Приходится тратиться на оркестръ, чтобы привлечь оборванцевъ на зрѣлище, за которое лорды Верхней Палаты съ радостью-бы заплатили по гинеѣ, да еще бы въ слякоть пришли пѣшеомъ хоть за десять верстъ...

— И даже больше.

— Да! да! вы правы,—и даже больше. Войдите, джентльменъ,—«самка» скоро явится.

Въ залѣ или, точнѣе говоря, просто въ задней комнатѣ, способной вмѣстить не болѣе двадцати, тридцати человѣкъ, сидѣло до десяти мужчинъ очень подозрительнаго вида; они пили, курили и тихо разговаривали, облокотясь на узкіе столы, покрытые слоемъ грязи и залитые пивомъ и джиномъ; отсырѣвшія обои ви-

сѣли длинными лохмотьями на промозглихъ стѣнахъ, обнаруживая мѣстами обвалившуюся штукатурку. На столахъ стояли кувшины, жестяныя пинты и лежали пакеты дешеваго табаку, дрянныя сигары и новыя трубки.

Посреди комнаты возвышалось нѣчто въ родѣ тяжелаго четырехугольнаго стола. Газовый рожокъ безъ колпака освѣщалъ этотъ вертепъ, въ которомъ все дышало нищетой и развратомъ. Атмосфера была пропитана отвратительнымъ, чисто національнымъ запахомъ англійскихъ пьяницъ, переполненныхъ портеромъ; ихъ лохмотья, лоснящіеся отъ грязи, издавали какую-то своеобразную, ворушащую душу вонь.

Всѣ эти лица, обезображенныя порокомъ и возбужденныя развратомъ, не выразили ни тѣни удивленія или неудовольствія при видѣ посторонняго лица и полицейскаго сыщика; едва замѣтное движеніе глазъ въ нашу сторону показало мнѣ, что на насъ обратили вниманіе. Скрипки усиленно визжали, и мы только что успѣли занять свои мѣста, какъ всѣ взоры устремились на дверь.

«Самка» вошла.

Ей могло быть лѣтъ двадцать. Это была хорошенькая брюнетка съ большими черными глазами, словно утопавшими въ оняняющей влагѣ. Она шла съ нѣкоторымъ смущеніемъ, едва отгвѣчая легкимъ кивкомъ головы на раздававшіеся со всѣхъ сторонъ: «Good night, Polly» (добрый вечеръ, Полли). Сперва, при видѣ малочисленности собранія, губы ея сложились въ презрительную гримасу, и она, казалось, намѣревалась уйти; но, увидавъ насъ, она подошла и сѣла подлѣ Томсона. Дождь лилъ да лилъ; бѣдняжка промокла насквозь; старое шерстяное платье, все обтрепанное, проводило по полу мокрый слѣдъ, а дырявыя ботинки шлепали по нему. Сухой кашель заставилъ ее плотнѣе закутаться въ старую шаль.

— Не выпьете-ли грога? спросилъ ее агентъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—грогу съ виски.

Толстощекий, бѣлокурый паренъ принесъ намъ грогъ и кувшинъ горькаго элю. Она выпила грогъ и опорожнила до половины кувшинъ съ пивомъ. Затѣмъ она направилась къ другимъ группамъ, привѣтствовавшимъ ее,—и пила все, что ей ни предлагали: пиво и джинъ. Согрѣвшись внутренно, она подала знакъ скрипачу и однимъ прыжкомъ вскочила на средній столъ, опираясь на плечо какого-то вертляваго молодца съ фізіономіею хоряка. Скрипка заиграла извѣстную арію: «Готовьте плугъ!» и «джига» началась.

Движенія, сначала тихія, дѣлались все быстрѣе и быстрѣе; дѣвушка оживлялась, пристукивала изо всей силы каблучкомъ по столу и, наконецъ, подъ ускорявшійся все болѣе и болѣе темпъ скрипача, закружилась какъ въ истерическомъ бѣшенствѣ.

Тогда произошла странная сцена: танцовщица сбрасывала съ себя одну за другою всѣ части немногосложнаго своего одѣянія; сначала упала потертая бархатная шляпка, затѣмъ — дырявая шаль и, наконецъ, — лифъ и юбка.

Толстощекий парень подбиралъ эти лохмотья, а дѣвушка, въ одной рубашкѣ, продолжала неистовую пляску среди восторженныхъ рукоплесканій зрителей.

Затѣмъ, съ улыбкой на губахъ, спокойная и довѣрчивая, она обратила свою бархатную шляпку въ тарелку для сбора и медленно стала обходить съ нею публику. Пенсы быстро накопились. Окончивши сборъ, она стала считать деньги подъ надзоромъ толстощекаго парня. Оказалось всего три шиллинга, изъ которыхъ половину надо было отдать содержателю заведенія.

— Этого мало; если вы хотите, чтобы я продолжала, — прибавьте еще два шиллинга...

Съ хладнокровіемъ церковнаго старосты она ожидала, поглядывая въ нашу сторону и хорошо зная, что добавленіе явится отсюда.

И дѣйствительно, оно явилось, во всеобщему удовольствію зрителей. И вотъ, она вновь очутилась на столѣ. Со скромностью, которой я никакъ не ожидалъ отъ нея, она, несмотря на общій протестъ, сильно уменьшила пламя газоваго рожка, оставляя только маленькій, колеблющійся свѣтъ, и — спустила рубашку.

Ея опьяненіе прошло, и казалось, будто она исполняла тяжелую работу, которую желательно поскорѣе свалить съ плечъ.

Наконецъ, вся въ поту, она остановилась; одуряющія испаренія носились въ воздухѣ. Толстощекий парень набросилъ ей на плечи ватерпруфъ, и она бѣгомъ скрылась въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ валялись ея лохмотья.

IX.

Скитальцы (Tramps).

Слово «tramp» непереводимо ни на какой языкъ, такъ какъ самое явленіе составляетъ одну изъ странностей, свойственныхъ только Англїи.

«То tramp» собственно значить: ходить съ усильемъ, пройти пѣшкомъ трудный путь, чтобы достигнуть желанной цѣли.

Но на этотъ разъ пѣшеходъ — нищій, а желанная цѣль — ночлегъ въ тюрьмѣ и восемь унцій хлѣба.

Восемь унцій полагается только мужчинамъ; женщинамъ-же даютъ всего шесть унцій, а дѣтямъ до семи лѣтъ — четыре унции и полъ-пинты похлѣбки.

И, ради такой-то приманки, цѣлыя тысячи несчастныхъ скитаются по англійскимъ дорогамъ всю свою жизнь. Идутъ они цѣлый день, до захода солнца; часто случается, что разстояние велико, а день коротокъ, и тогда приходится спѣшить, потому что пристанище открыто только отъ семи до девяти часовъ вечера, а позже — напрасно было-бы стучаться въ его тяжелую дверь.

Сегодня тутъ, завтра тамъ, послѣзавтра еще дальше — и такъ каждый день; каждый день они оставляютъ за собой длинную ленту новой дороги. Какъ Вѣчный Жидъ, они идутъ, все идутъ и нигдѣ не могутъ осѣсть и успокоиться. Даже и Агасферъ передъ ними могъ-бы считаться капиталистомъ, такъ какъ у нихъ не имѣется за душою даже и его легендарнаго пятака.

Вотъ эти-то вѣчные скитальцы и называются — tramps!

Безсемейные и бездомные, безъ всякихъ средствъ къ существованію, они одиноко проходятъ свое земное поприще, измѣряя его ежедневными переходами изъ одного рабочаго дома въ другой, принося въ дань суровой судьбѣ свою безилонную усталость, пока, наконецъ, не свалится гдѣ-нибудь на пути, съ окоченѣлыми членами, съ окровавленными ногами и пустыми желудками.

Впрочемъ, «tramp» ничего не имѣетъ общаго съ обыкновеннымъ бродягой. Это чисто мѣстный продуктъ, растущій и способный процвѣтать только на англійской почвѣ *).

Оборванцы, скитающіеся по нашимъ дорогамъ, бродяги, праздношатающіеся въ предмѣстьяхъ нашихъ большихъ городовъ, — все это люди, находящіеся въ состояніи, такъ сказать, временнаго банкротства. Эти бездѣльники, лѣнтяи и бѣглецы каторжники переживаютъ критическій фазисъ, въ ожиданіи лучшихъ дней, соединяя съ ремесломъ бродяги другія, болѣе прибыльные: нищенство и кражу. Полиція за ними слѣдитъ, полевые сторожа требуютъ

*) Однако, «страна миллиардовъ», добродѣтельная Германія, также какъ и Англія, имѣетъ свою язву — своихъ бродягъ. По одному изъ послѣднихъ отчетовъ нѣкоего государственнаго совѣтника, директора пенитенціарной тюрьмы Цвикау, оказывается, что 200,000 бродягъ постоянно странствуютъ по дорогамъ Германской имперіи. Но это — обыкновенные нищие, блуждающіе всюду и ничего неимѣющіе общаго съ tramps'ами. Отчетъ показываетъ, что болѣе двухъ сотъ милліоновъ марокъ ежегодно вымогаются у мирныхъ обывателей этою арміею оборванцевъ.

отъ нихъ бумагъ и, въ концѣ концовъ, неизбѣжно водворяютъ ихъ на прежнее мѣсто жительства, т. е. въ тюрьму или на каторгу. Совсѣмъ иное дѣло — *tramp*.

Полицеманъ свободно его пропускаетъ. Всѣмъ извѣстно, откуда и куда онъ идетъ, гдѣ онъ ночевалъ вчера и гдѣ будетъ ночевать завтра. Это не нищій, не воришка, не подозрительная личность, — онъ слишкомъ любитъ свою свободу!

Его ремесло въ томъ заключается, чтобы не имѣть никакого ремесла. Онъ рѣшается просить милостыню только отъ голоду. Все его искусство состоитъ въ умѣннн ходить, — онъ и идетъ.

Набожной Англіи по праву принадлежитъ честь превращенія бродяжничества въ средство жизни.

Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ Соединеннаго Королевства возвышается громадное, мрачное зданіе, не то монастырь, не то тюрьма; здѣсь звонъ колоколовъ постоянно смѣшивается съ бряцаніемъ тюремныхъ ключей и замковъ. Зданіе это или «Союзъ» (*Union*) служитъ убѣжищемъ для нищихъ, нося совершенно невѣрное названіе рабочаго дома (*Workhouse*).

Села, слишкомъ малая, чтобы имѣть каждое собственный рабочій домъ, соединяются по нѣскольку вмѣстѣ и строятъ одинъ общій домъ, чѣмъ и объясняется официальное названіе: «Союзъ».

Англія съ Валлисомъ включительно, но не считая Шотландіи и Ирландіи, имѣетъ 650 рабочихъ домовъ; каждый изъ нихъ вмѣщаетъ отъ пятидесяти и до трехъ тысячъ нищихъ.

Сюда Джонъ Буллъ сваливаетъ часть своихъ отверженцевъ.

Таковъ разрядъ *inmates'овъ*, т. е. постоянныхъ жильцевъ. Во время выборовъ они составляютъ силу, и ихъ ведутъ, по два въ рядѣ, для подачи голоса за благонадежнаго кандидата. Но, кромѣ этихъ избранниковъ, бываютъ еще случайные нищіе (*casual paupers*): мастеровые безъ работы, иностранцы, неимѣющіе возможности заплатить за ночлеги, всевозможные голодные проходимцы, и, наконецъ, — «*tramps'ы*».

Къ вечеру они являются со всѣхъ концовъ и, прислонясь къ большой, мрачной стѣнѣ, ждуть. Въ ихъ впалыхъ глазахъ и истощенныхъ лицахъ еще болѣе, чѣмъ на грязныхъ ломотьяхъ, читаются безконечныя повѣсти горя и несчастья.

Въ угрюмомъ молчаніи они смотрятъ на счастливыхъ, имѣющихъ «*home*» и спѣвшихъ послѣ дневной работы туда, гдѣ ихъ ждуть. Наконецъ, часы бьютъ семь. Дверь открывается и мрачное зданіе поглощаетъ ихъ одного за другимъ.

Инспекторъ *tramps'овъ* (одинъ изъ нищихъ рабочаго дома) приноситъ кадку, въ которую они должны выложить все, что най-

дется у нихъ въ карманахъ: это служитъ средствомъ убѣдиться, что у нихъ нѣтъ необходимыхъ двухъ пенсовъ для уплаты въ ночлежный пріютъ.

Послѣ этой операціи, ихъ принимаютъ. Теплая ванна, восемь унцій хлѣба, кувшинъ воды и келья готовы для всѣхъ.

Однако, всѣ эти блага не достаются имъ даромъ: утромъ имъ бросаютъ фунтъ стараго корабельнаго каната, закорузлаго и покрытаго дегтемъ, а они обязаны вернуть фунтъ пакли; или-же ихъ заставляютъ набить кучу щепню. Подобная работа требуетъ по крайней мѣрѣ три часа времени. Женщинъ-же, когда канатовъ больше нѣтъ, заставляютъ чистить, убирать или шить въ продолженіи тѣхъ-же трехъ часовъ. По окончаніи заданной работы, опять выдаютъ восемь унцій хлѣба или кружку похлебки; конечно, подобный завтракъ далеко не роскошенъ, но для неизмѣненныхъ желудковъ его достаточно для поддержанія силъ до вечера. Затѣмъ всѣ снова пускаются въ путь.

Надо дойти до рабочаго дома слѣдующаго села, такъ какъ «Союзъ» не имѣетъ права пріютить два раза подъ рядъ одного и того-же странника. Каждый приходъ долженъ нести свой крестъ. Черезъ мѣсяцъ странникъ можетъ вернуться опять. Если-же онъ придетъ раньше, то его впускать, но наложить на него три дня каторжной работы, то-есть, заставить набить около 355 килограммовъ щепня въ день.

Несмотря на всю непривлекательность подобнаго гостепрѣимства, кушеннаго тремя часами тяжелаго труда, оно все-же привлекаетъ тысячи несчастныхъ. Сколько ихъ?—на это могутъ дать отвѣтъ только статистическія росписи «Союзомъ»: во всякомъ случаѣ, имя имъ—легионъ.

Обыкновенно они ходятъ въ одиночку; иногда по два и очень рѣдко по нѣскольку за-разъ. Сгорбившись, залажа руки въ карманы, они идутъ, потупя взоры и какъ будто разглядывая въ шлы или въ грязи слѣды своихъ прежнихъ шаговъ.

Они останавливаютъ прохожихъ: «Governor! пожертвуйте нѣсколько мѣдюковъ бѣдняку безъ работы!»

Но работы скиталецъ не ищетъ никогда. Было время, конечно, когда и онъ искалъ ее. Оставшись безъ работы, онъ, быть можетъ, ходилъ изъ двери въ дверь, умоляя о правѣ на жизнь и честный заработокъ; но вездѣ онъ встрѣчалъ одинъ отвѣтъ: «идите съ Богомъ, у насъ и безъ васъ избытокъ рабочихъ рукъ». Въ концѣ концовъ, его утомили напрасныя мольбы и исканія. Теперь, если-бы ему и предложили работу,—онъ отказался-бы отъ нея. Онъ отвѣдалъ свободы, свѣжаго воздуха, жизни съ обезпеченнымъ кускомъ хлѣба и кельею, въ которой онъ каждый вечеръ засы-

пасть добровольнымъ узникомъ. Онъ приобрѣлъ философскій взглядъ на жизнь и довольствуется малымъ. Желудокъ его, освоенный съ минимальными приемами, удовлетворяется шестнадцатью унциями хлѣба или двумя пинтами похлебки.

Безвыходная нищета убила все, и скиталецъ живетъ дивимъ звѣремъ.

Семьею странники обзаводятся крайне рѣдко: слишкомъ-бы тяжело было тащить за собою жену и дѣтей. Всякъ за себя, а рабочій домъ—за всѣхъ и для всѣхъ!

Они встрѣтились. На опушкѣ лѣса только что распустились первые цвѣты, на лугахъ зазеленѣла молодая трава, и боярышникъ обаямилъ своими бѣлыми зубчиками тропинки и дороги. Воздухъ былъ пропитанъ страстью, и они поддались его обаянію. Между скитальцами,—мужиной и женщиной, — всѣ счеты кончаются одною случайною встрѣчею. Она это знаетъ и ничего отъ него не требуетъ:—для нея тоже существуетъ «Союзный» домъ. Тамъ она родить, если только родовыя муки не застигнутъ ее врасплохъ гдѣ-нибудь въ кустарникѣ, у большой дороги. «Союзъ» дастъ ей хорошую, теплую постель и достаточную пищу, а затѣмъ, въ одно прекрасное утро, она вновь начнетъ свое безконечное скитаніе, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ.

Такимъ образомъ «tramps'ы» размножаются въ громаднѣхъ размѣрахъ. Безъ бумагъ, безъ семьи, безъ имени и безо всякаго ремесла, они снова возродили среди цивилизаціи первобытное «природное состояніе» лѣсныхъ людей.

Происхожденіе «tramps'овъ» теряется въ историческомъ мракѣ; но въ былыя времена къ нимъ относились очень строго.

Уже съ 1388 г. законъ ихъ преслѣдуетъ. Ихъ бьютъ, сажаютъ въ тюрьмы, продаютъ; но, несмотря на все, ими кишмя кишатъ большія дороги.

Генрихи VII-й и VIII-й, испуганные ихъ количествомъ, еще усиливаютъ строгость указовъ Ричарда II-го. Одинъ изъ законовъ, изданный въ 1536 г., ужасенъ: «Всякій здоровый бродяга будетъ: въ первый разъ—высѣченъ; во второй—ему отрѣжутъ правое ухо; упорствующій затѣмъ и попадающійся въ третій разъ—подежитъ повѣшенію, какъ вѣроломный врагъ общественнаго спокойствія».

Саксонская раса упорна и плодовита, какъ племя Іакова; — порода «tramps'овъ» только размножалась подъ ударами.

Х.

Рабочіе дома.

При появленіи первыхъ холодовъ, бѣдняки со всѣхъ концовъ

начинають стекаться въ Workhouse'ы. Въ сумерки, у низкой двери большой, мрачной тюрьмы, молчаливо толпятся уже извѣстные намъ «скитальцы». Но они—только случайные гости; жильцы же помѣщаются отдѣльно, — они, такъ сказать, патентованные обыватели этихъ городовъ несчастья. Да, это настоящіе города; тутъ есть все: и школа, и церковь, и булочныя, и гробовыя мастерскія.

Нѣкоторые рабочіе дома, наприм. ливерпульскій, имѣють болѣе 3,000 жителей. Въмѣстѣ со всѣми служащими и «скитальцами»— это составляетъ маленький четырехъ-тысячный городокъ среди большого города.

Ни одна нація не жертвуетъ столько на своихъ бѣдняковъ, какъ Англія. Невѣроятныя суммы поглощаются ежегодно для того, чтобы задержать все болѣе и болѣе поднимающуюся волну раззоренія и безпомощности. Въ одномъ Лондонѣ насчитываютъ до сорока рабочихъ домовъ, самый маленькій изъ которыхъ можетъ вмѣстить до тысячи питомцевъ. Рядомъ съ этимъ— 85 госпиталей, 50 даровыхъ лечебницъ, до 100 домовъ для оказанія временной помощи, 163 пріюта для стариковъ, 50 сиротскихъ пріютовъ, 23 кухни, продающія порціи безъ барыша, 40 домовъ для выходящихъ изъ госпиталей, болѣе 100 школъ для нищихъ дѣтей,—и все это создано исключительно частной предприимчивостью!

Въ этомъ надо отдать справедливость англичанамъ: имъ чуждъ духъ грошевичества, присущій латинскимъ рассамъ. Всевозможныя суммы,—по подпискамъ, по завѣщаніямъ, по дарственнымъ записямъ,—накаплиются въ громаднхъ размѣрахъ не только въ Лондонѣ, но и въ другихъ городахъ Британскаго королевства. Для примѣра можно привести мануфактурный городъ Бирмингамъ, получившій частныхъ приношеній за десять лѣтъ на сумму 814,000 фунтовъ стерлинговъ!

Въ тридцать лѣтъ Англія издержала на пауперизмъ пять милліардовъ!

Большинство нищихъ получаетъ помощь на дому. Приходскіе совѣты заняты почти исключительно этимъ вопросомъ. Назначаются инспектора, обязанные обходить квартиры всѣхъ вписанныхъ въ списки приходскихъ нищихъ, раздавая—однимъ хлѣбъ, другимъ—деньги. При этомъ выдается еженедѣльно три шиллинга и шесть пенсовъ на старика, три шиллинга на старуху, пять шил. и шесть пенсовъ — на каждую чету, съ прибавкою шиллинга ба каждаго малолѣтняго ребенка.

Число записанныхъ въ приходскія книги доходить до сказочныхъ размѣровъ и роковымъ образомъ растетъ и растетъ изъ года въ годъ.

По статистическимъ даннымъ, которыя недавно представилъ сэръ Валдуинъ Литтонъ, оказывается, что въ одномъ изъ лондонскихъ приходовъ (White Chapel), на 80.000 жителей, только въ февралѣ мѣсяцѣ была подана помощь шести тысячамъ нищихъ!

Вписанные нищіе, т. е. избранники, обыкновенно кончаютъ свою плачевную эпопею въ приходскихъ «Союзахъ», невѣрно называемыхъ рабочими домами, и тутъ-же многочисленныя новорожденные вступаютъ въ жизнь. При посѣщеніи этихъ пріютовъ, камнемъ ложится на грудь тяжелое чувство, испытываемое при видѣ всякаго чужого несчастья. Но въ то-же время нельзя не подивиться порядку, здравому смыслу, практичности и изобрѣтательности, съ которыми устраиваются здѣсь такія грандіозныя дѣла безо всякаго вмѣшательства правительства.

Изьять, такъ сказать, изъ обращенія сотни тысячъ нищихъ, возложивъ ихъ содержаніе на приходы, къ которымъ они приписаны, дать имъ необходимое помѣщеніе, одежду, пищу, принудить ихъ къ чистотѣ и порядку, ухаживать за больными и погребать мертвыхъ, воспитывать ихъ дѣтей, а также тѣхъ безчисленныхъ «арабовъ», которыхъ нищета или развратъ родителей выбрасываетъ на улицу, дать имъ ремесло и нѣкоторое образованіе,—все это лежитъ на обязанности рабочихъ домовъ.

Среди многочисленныхъ центровъ, на окраинахъ маленькихъ городковъ, возвышаются эти пріюты, служащіе выѣскою общественныхъ язвъ, соломенкою утопающаго для обездоленныхъ и въ то-же время—угрозою для безопасныхъ, непомышляющихъ о завтрашнемъ днѣ.

Тутъ есть все, необходимое для жизни того, кто отъ жизни не ждетъ уже ничего.

Безсердечное обращеніе, которому подвергались въ былыя времена жители рабочихъ домовъ, и чудовищныя дѣла, творившіяся за этими высокими стѣнами, породили множество ужасныхъ легендъ, до сихъ поръ еще имѣющихъ ходъ между обитателями нищенскихъ кварталовъ Лондона.

Но прошло около тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ великій англійскій романистъ освѣтилъ жизнь рабочихъ домовъ, и многое измѣнилось къ лучшему. Общественное мнѣніе возмутилось этими картинами, и вся печать въ одинъ голосъ потребовала реформы. Сперва были произведены тщательныя ревизіи, имѣвшія слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстную, печальную участь подобныхъ мѣръ. Власти рабочаго дома заблаговременно предупреждались о посѣщеніи приходскихъ ревизоровъ; но обычаю, принятому съ незапамятныхъ временъ, послѣ роскошнаго обѣда, — осматривающіи

власти видѣли только то, что имъ хотѣли показать. Остальное проходило безъ вниманія. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые уличенія были тотчасъ же осуществлены; самыя вопіющія злоупотребленія прекратились; однако, жалобы продолжались, несмотря на протестъ надзирателей, и бѣдники не переставали околѣвать съ голоду на улицахъ, боясь, пуще ада, возможности попасть въ рабочій домъ.

Наконецъ, лѣтъ десять тому назадъ, одинъ изъ членовъ парламента, вмѣстѣ съ извѣстнымъ журналистомъ, принялъ смѣлое рѣшеніе отправиться на развѣдки. Не въ качествѣ постороннихъ посѣтителей рѣшили они проникнуть въ этотъ темный міръ. Они явились туда какъ нищіе.

Они самолично подвергались тамъ и голоду, и ударамъ, и заключенію, и, въ концѣ концовъ, этою тяжелою цѣною они узнали настоящую истину.

Членъ парламента сообщилъ ее въ палатѣ общинъ, а журналистъ разсказалъ публикѣ о томъ, что творилось за филантропическою стѣной. Приключеніе это надѣлало много шума. Администрація рабочаго дома была немедленно отставлена. Наступила пора радикальныхъ преобразованій.

Все это произошло еще недавно, а потому, конечно, многое еще не приведено въ желанный видъ. Тѣмъ не менѣе, надо отдать справедливость *westrymen*'амъ и сказать, что они дѣлаютъ все возможное для достиженія относительнаго благосостоянія питомцевъ.

Циничныя, мрачныя драмы прекратились; старики болѣе не замариваются голодомъ и каторжной работой; вы больше не видите худыхъ, голодныхъ дѣтей, умоляющихъ—какъ маленький *Oliver Twist*—чтобы ему дали «some more», еще немножко тошнотворной похлебки.

Въ настоящее время бѣдныя одѣты тепло; комнаты содержатся чисто; пища здорова и не скудна. Дѣти ведутся опрятно и имѣютъ розовый, цвѣтущій видъ; на лицахъ стариковъ лежитъ отпечатокъ правильной жизни, опредѣленныхъ часовъ ѣды и увѣренности въ завтрашнемъ днѣ.

Многіе, проведеншіе всю жизнь въ борьбѣ и несчастіи, наслаждаются тѣмъ, что попали, наконецъ, въ эту пристань.

Здѣсь и старымъ, и молодымъ всегда есть работа, исполняемая питомцами помаленьку, не спѣша, какъ работаютъ люди, трудящіеся не для себя, а для чего-то мало интереснаго, отвлеченнаго... Они знаютъ, что рабочій домъ не нуждается для своего существованія въ ихъ работѣ. Она служитъ только вспомогательнымъ средствомъ, а болѣе—формальностью, налагаемою изъ нравственныхъ видовъ.

Старики занимаются изготовленіемъ вязанокъ лучины для расщипыванія печей. Одинъ пилить дрова, другой—колетъ ихъ, третій вяжетъ вязанки, а четвертый—складываетъ ихъ по дюжинамъ, пятый вьетъ изъ расщипанныхъ старыхъ канатовъ веревочки для связыванія ихъ. Молодые занимаются другой работой: шьютъ одежду, обувь, готовятъ хлѣбъ, стряпаютъ, сколачиваютъ гробы... Женщины — дѣятельнѣе: онѣ стираютъ, шьютъ, моютъ и вездѣ поддерживаютъ самую пуританскую чистоту. Все это исполняется подъ надзоромъ смотрительницъ, выбранныхъ изъ ихъ-же среды.

Паровыя машины облегчаютъ трудъ и согрѣваютъ зданіе. Всюду царствуютъ порядокъ и строгій расчетъ.]

Waste nothing;
Want nothing —

(«ничего не изводите понапрасну; ничего не просите»), — эти многозначущія слова выведены большими буквами на стѣнахъ столовой. Въ залахъ, въ корридорахъ, въ комнатахъ и даже въ кухняхъ—стѣны испещрены сентенціями, напоминающими обитателямъ о смиреніи, о терпѣннн, о суетности всѣхъ благъ земныхъ.

Трудно вообразить себѣ, какъ велико число людей, рожденныхъ въ богатствѣ и роскоши и которыхъ жизнь приводитъ въ рабочій домъ. Для того, чтобы судить о *качествѣ* гостей рабочаго дома, стоить только постоять нѣсколько минутъ у низкой входной двери въ часъ принятія скитальцевъ. Подъ общей ливреей нишеты, подъ уравнивающими лохмотьями порока и разврата ясно видны неравенства положеній. На многихъ худыхъ лицахъ, на лбахъ, изрытыхъ глубокими морщинами, вы прочтете плачевную повѣсть нищаго во фракѣ. Въ молчаливой и мрачной толпѣ бездомныхъ, нѣжныя, бѣлыя руки встрѣчаются такъ-же часто, какъ и грубыя, и бакалавры всевозможныхъ наукъ стоятъ здѣсь рядомъ съ простыми рабочими. Здѣсь вы увидите и отупѣвшіе взоры людей, проигравшихъ послѣднюю ставку въ игрѣ жизни, и рядомъ— блестящіе умомъ и знаніемъ глаза неудавшихся ученыхъ и художниковъ.

Впрочемъ, за рѣдкими исключеніями, эти послѣдніе сами виновны въ своемъ паденіи. Какъ легкомысленные игроки, они поставили на зеленое поле молодости ставку всей своей будущности. Отнесемъ къ нимъ съ сожалѣніемъ, котораго заслуживаютъ всякія крупныя несчастія, но все-же побережемъ свои слезы для другихъ, болѣе достойныхъ, т. е. для жертвъ этихъ-же самыхъ неудачниковъ, для жертвъ чужихъ пороковъ и преступленій вообще:

для ихъ женъ, дочерей и матерей. Преклонимся передъ этими мученицами, такъ какъ онѣ несутъ совсѣмъ уже не заслуженныя ими несчастія. На склонѣ лѣтъ—тогда, когда имъ всего нужнѣе отдыхъ, уваженіе и преданность—пороки и безнравственность мужей или сыновей осуждаютъ ихъ на нищету, на холодъ и голодъ.

Много я встрѣчалъ такихъ благородныхъ старухъ, сидящихъ на кроватяхъ рабочаго дома и исполняющихъ дрожащими руками заданную имъ работу. Большинство изъ нихъ смиряется въ тупомъ безразличіи и несетъ безропотно подавляющую тяжесть лѣтъ и несчастій; молчаливо углубясь въ воспоминанія прошлаго, онѣ какъ будто слѣдятъ грустнымъ, покорнымъ взглядомъ за конечнымъ разрушеніемъ своей жизни. Но спокойствіе ихъ только кажущееся: это—личина, требуемая правилами рабочаго дома. Достаточно одного сочувственнаго взгляда или слова, — и изъ этихъ сухихъ глазъ заструятся слезы, медленно катаясь по блѣднымъ, морщинистымъ щекамъ.

Ужъ этихъ-то старухъ, конечно, привело сюда не безнравственное ихъ поведеніе, — какъ это часто утверждаютъ про большинство молодыхъ жилищъ рабочаго дома, — ихъ бросило сюда безсердечіе другихъ: — пьяница мужъ, проворовавшійся банкиръ или преступникъ сынъ, или т. п. Въ рабочемъ домѣ Saint-Pancrass мнѣ показывали старуху, обладавшую когда-то милліонами и въ одно прекрасное утро проснувшуюся нищею!..

Впрочемъ, подобныя денежные катастрофы трогаютъ меня гораздо меньше чѣмъ другого рода раны, и я никогда не забуду удручающаго взгляда бѣдной семидесятилѣтней, умирающей старухи, неспускавшей глазъ со входной двери въ ожиданіи сына. А сынъ этотъ, распродавъ мало-по-малу все имущество, исчезъ въ одинъ прекрасный день съ остаткомъ материнскихъ сбереженій и совершенно опустошивши домъ. Старая мать, покинутая всѣми, пришла въ рабочій домъ, и теперь, лежа на смертномъ одрѣ, ждала возвращенія блуднаго сына. Ей все казалось, что вотъ-вотъ онъ войдетъ, возьметъ ее на руки и отнесетъ «домой». «Онъ вернется», шептала она, умирая: — «у него доброе сердце, я знаю — онъ вернется».

Почти вездѣ повторяются тѣ-же драмы; каждая изъ этихъ женщинъ имѣетъ въ своемъ прошедшемъ мрачныя странички, и болѣзненное волненіе окватываетъ и душитъ васъ, какъ тяжелая крышка гроба.

Сквозь большія, закрытыя окна, блѣдныя лучи декабрьскаго солнца рисовали на бѣлыхъ стѣнахъ золотистые узоры; было что-

то невыразимо грустное въ этихъ послѣднихъ лучахъ замирающаго дня и кончающагося года, освѣщавшихъ эти бѣлоснѣжныя, старческія головы, склоненныя подъ ударами судьбы.. Со двора доносились веселые крики дѣвочекъ рабочаго дома, бѣдныхъ дѣтей, обреченныхъ чуть не съ пеленокъ на безрадостную жизнь. Между ними встрѣчаются прелестныя существа, которыхъ такъ и хочется приласкать, пригрѣть; непривычныя къ ласкѣ, онѣ провожаютъ добраго посѣтителя большими удивленными глазами...

Въ концѣ корридора, на двери съ рѣшетчатымъ окошечкомъ читается надпись: *insane* (умалишенная).

Какъ только сторожиха открыла намъ эту дверь, тотчасъ-же раздался визгливый, странный голосъ, кричащій:

— Ты самъ виноватъ, Полли! Это твоя вина! Ахъ, этотъ хвостъ этотъ проклятый хвостъ!

— Двѣ изъ сидящихъ женщинъ очень безпокойны, донесла начальнику сидѣлка.

Начальникъ какъ-будто колебался; я настаивалъ, чтобы войти.

— Вы не боитесь увидать или услышать что-нибудь неподобающее?

— Нисколько. Я полагаю, что эти умалишенные не разорвутъ меня на части?

— О, напротивъ! отвѣчалъ онъ со смѣхомъ. Начальникъ былъ отставной конногвардейскій офицеръ, давно уже отвыкшій отъ англійской чопорности.

— По мѣстамъ, къ кроватямъ — и молчите! громко командовала старшая сидѣлка, — идетъ начальникъ, а съ нимъ еще ино-странный джентльменъ!

Около тридцати женщинъ въ чепцахъ и бѣлыхъ платкахъ поверхъ сѣрыхъ платьевъ стремительно бросились къ своимъ кроватямъ, выдѣлывая при этомъ самыя смѣшныя гримасы, а странный, визгливый голосъ все повторялъ:

— Полли! это твоя вина! это твоя вина! Ахъ, этотъ хвостъ! этотъ проклятый хвостъ!

— Замолчи-ка ты!

— Ахъ! этотъ хвостъ! этотъ проклятый хвостъ!

Однѣ изъ умалишенныхъ стояли у своихъ кроватей, другія сидѣли на нихъ, двѣ или три лежали. Когда мы проходили мимо, онѣ пристально смотрѣли на насъ; нѣкоторыя кивали намъ головою.

Тутъ были и совсѣмъ молоденькія, и очень старыя; многія улыбались намъ, другія дѣлали намъ знаки. Одна, толстая брюнетка лѣтъ двадцати-пяти или тридцати, послала намъ нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ.

— То, что вы дѣлаете, неприлично, замѣтила ей сидѣлка; —

вы должны-бы были стыдиться, Мэри. Вы останетесь безъ масла за чаемъ.

— Безъ масла? возразила Мэри.—Вотъ вамъ,—и она высунула языкъ.

— Этотъ хвостъ! этотъ хвостъ! этотъ проклятый хвостъ! снова прокричалъ у самого моего уха рѣзкій голосъ. Я обернулся съ нѣкоторымъ страхомъ и увидаль роскошнаго австралійскаго попугая съ длиннымъ хвостомъ; онъ сидѣлъ на стулѣ, надувался и охорашивался.

— Это мой попугай, пояснила мнѣ одна изъ сидѣлокъ,—а его держу здѣсь для забавы больныхъ. Но у него скверная привычка прыгать по полу около кроватей и ему постоянно наступаютъ на хвостъ; онъ и научился повторять то, что ему ежедневно говорить: «это твоя вина, Полли; ахъ, этотъ хвостъ! этотъ проклятый хвостъ!»

Около печки, огороженной желѣзною рѣшеткою, сидѣла на кушеткѣ молоденькая женщина въ полнѣйшей неподвижности. Въ большихъ глазахъ, неподвижно устремленныхъ на какой-то невидимый образъ, сосредоточилась вся ея жизнь. Черные волосы, прекрасно очерченныя брови, матовый цвѣтъ лица съ чахоточнымъ румянцемъ, строгія очертанія рта и профиль камен — дѣлали ее прелестной. Равнодушная ко всему окружающему, она, казалось, была вся поглощена тяжелыми воспоминаніями прошлаго.

Начальникъ остановился передъ нею и вѣжливо спросилъ:

— Что-же, миссъ Флори, какъ вы себя чувствуете сегодня? Вы, вѣдь, говорите по французски, — такъ вотъ джентльменъ, съ которымъ вы можете побесѣдовать.

Она не отвѣтила и даже не подняла глазъ.

— Номеръ 162! заворчала на нее сидѣлка, — это хозяинъ съ вами говорить; слышите-ли?—хозяинъ!

— Оставьте ее въ покоѣ, остановилъ начальникъ, — не тревожьте ее. Эта—ненавидитъ мужчинъ, прошепталъ онъ мнѣ на ухо.

Когда мы уходили, она была все въ той-же неподвижной позѣ. и глаза ея продолжали пристально смотрѣть все въ тотъ-же уголъ. Отворяя дверь, я еще разъ оглянулся на нее и встрѣтилъ взглядъ ея блестящихъ глазъ, полныхъ печали и гнѣва; а саркастическій полось австралійскаго попугая преслѣдовалъ насъ по всему корридору:

— Это твоя вина, Полли, это твоя вина! Ахъ! этотъ хвостъ, этотъ проклятый хвостъ!

XI.

Бунтъ смитальцевъ.

Я уже говорилъ, что «tramps» ами называются несчастные, неимѣющіе иного ремесла, какъ хожденіе отъ одного рабочаго дома къ другому.

Прежде, по воскресеньямъ ихъ распускали гораздо раньше обыкновеннаго, не требуя отъ нихъ никакой работы: это былъ для нихъ настоящій праздникъ.

Парламентъ рѣшилъ, что подобные порядки были излишнимъ баловствомъ, и съ перваго января 1883 года постановилъ, что «случайные нищіе», принимаемые по субботамъ въ «vagrant ward» (отдѣленіе бродягъ), должны будутъ оставаться тамъ до утра понедѣльника, для исполненія положенной работы.

Въ одно прекрасное воскресенье ихъ собралось человекъ сорокъ мужчинъ въ vagrant-ward'ѣ одного изъ «Союзовъ» южной части Лондона. Ихъ разбудилъ веселый трезвонъ колокола рабочаго дома. Они лежали рядомъ, ногами къ ногамъ, на холщевыхъ гамакахъ, придѣланныхъ къ желѣзнымъ болтамъ по двумъ параллельнымъ линіямъ; сторожъ только-что открылъ форточку, и рѣзкій утренній воздухъ заставлялъ ихъ дрожать подъ тонкими, старыми одѣялами.

Колоколъ все продолжалъ звонить, и нѣкоторые изъ нихъ собрались вставать, ища машинальнымъ движеніемъ свои лохмотья и забывая, что ихъ отобрали наканунѣ, замѣнивъ ихъ толстой рубахой изъ стараго холста, даваемою администраціей. Они опять улеглись и старались уснуть подъ веселое щебетаніе сиротъ «Союза», доносящееся къ нимъ съ противоположнаго конца зданія.

Часъ спуста, колоколъ вновь зазвонилъ къ завтраку; послѣдовало четверть часа полной тишины; затѣмъ послышались во дворѣ шаги нищихъ, старавшихся согрѣться подъ солнечными лучами, въ ожиданіи обѣдни. Наконецъ, опять зазвонилъ колоколъ, и въ этомъ городкѣ, съ его двумя тысячами жителей, наступило полное безмолвіе.

Однако tramps'ы не могли заснуть. Голодъ давалъ себя чувствовать, и они зѣвали такъ, что челюсти трещали. Наконецъ, около десяти часовъ, вошелъ надсмотрщикъ въ сопровожденіи четырехъ нищихъ, которые несли миску съ кашей, тарелки и ложки.

— Джентльмены! иронически воскликнулъ сторожъ:— вамъ подаютъ завтракъ въ постели, какъ лордамъ! Не угодно-ли! Послѣ этого, только и остается мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться бродягою. Право! я завтра-же бросаю свое мѣсто и отправляюсь

вмѣстѣ съ вами!—Сторожъ смѣялся, нищѣ смѣялись, и свѣтальцы также смѣялись; они потребовали свою одежду.

— На что вамъ одежду? Чтобы наполнить себѣ брюхо вовсе не нужно штановъ, отвѣтилъ сторожъ. — Безъ пояса вы еще легче переварите.

И свѣтальцы усѣлись, скрестивши ноги подъ одѣялами. Сторожъ прохаживался между двойными рядами и присматривалъ за раздачей. Каждому досталось по тарелкѣ жидкой, бѣлесоватой кашицы; раздающіе отмѣривали по справедливости, не возбуждая ни въ комъ зависти. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ молчаніе прерывалось только звукомъ жаднаго глотанія черезчуръ разжиженной каши. Затѣмъ, когда тарелки были опорожнены, выскреблены и наконецъ вылизаны, а также ложки и пальцы, нищѣ собирали посуду, и сторожъ, уходя, пожелалъ несчастнымъ доброй ночи.

— Какъ доброй ночи?! а наши вещи? завопили они.

— Вотъ что, ребятушки: сегодня воскресенье, а такъ какъ вы не работаете и, съ другой стороны, такъ какъ администрація вовсе не намѣрена награждать васъ увеселеніями въ городѣ, то она и рѣшила, что будетъ гораздо экономнѣе не выдавать вамъ вашей одежды. Лежа въ постеляхъ, вы сэкономите обувь, отдохнете, и тѣмъ бодрѣе завтра утромъ исполните свою работу; а послѣ завтрака пуститесь въ путь. Доброй ночи!

— Да мы вовсе не хотимъ спать! Подавайте намъ наши вещи!..

Но сторожъ, въ отвѣтъ на ихъ требованіе, заперъ дверь.

Скрипъ ключа въ замкѣ былъ яснѣе самаго длиннаго объясненія. Tramps'ы смирились.

Однако, около часу пополудни, они проснулись снова, всѣ разомъ, точно ихъ разбудилъ звукъ трубы архангела. Но никто не будилъ ихъ: дѣло было въ томъ, что черезъ открытыя окна доносился запахъ какой-то вкусной пищи: въ сосѣдней кухнѣ готовилось мясное блюдо для жителей рабочаго дома, составляющее ихъ воскресное лакомство.

У бѣдныхъ tramps'овъ расширились зрачки, какъ у кошки, пожирающей лакомый кусочекъ; ихъ ноздри съ наслажденіемъ вдыхали аппетитныя испаренія. На одно мгновеніе у нихъ блеснула мысль, что и они примутъ участіе въ этомъ пиршествѣ. Надзиратель былъ, въ сущности, добрякъ и навѣрное готовилъ имъ сюрпризъ.

И они тревожно ждали.

Но прошелъ часъ, затѣмъ два — и всякая надежда пропала,

тѣмъ болѣе что снова раздался неистовый звонъ колокола, призывавшій наѣвшихъ нищихъ къ молитвѣ.

Тогда скитальцы начали въ одинъ голосъ кричать. Другіе, рѣзкіе, бѣшеные крики отвѣчали имъ: кричали «скитальцы», запертыя въ сосѣдней комнатѣ и находящіяся въ такомъ-же точно положеніи. Они также вдохнули лакомья испаренія и теперь не на шутку расходились.

— Что-же, ребята, вдругъ послышался голосъ надзирателя; — развѣ вы не довольны? Развѣ вы забыли, что карцеръ въ двухъ шагахъ? Молчите, кролики, а то, смотрите, останетесь безъ угощенія.

«Угощеніемъ» онъ называлъ свою жидкую кашу. Трапсы и, разлакомленные запахомъ болѣе вкуснаго блюда, еще сильнѣе разлились и удвоили крики и требованія.

— Наши вещи! Подавайте намъ нашу одежду!

Въ общемъ шумѣ, два-три голоса закричали громче другихъ:

— Хлѣба! Мясa!

Тогда всѣ разомъ завопили:

— Разъ—что насъ здѣсь держатъ насильно, то пусть съ нами и обращаются какъ съ обыкновенными нищими. Пусть намъ дадутъ хлѣба, мяса!

Трапсы хохотали, опьяненные мыслью, что и они достойны такого-же почета, какъ и обыкновенные нищіе, что и имъ могутъ дать хлѣба и мяса.

Они вскочили со своихъ коекъ и съ крикомъ и гамомъ окружили надсмотрщика.

Полу-нагіе, съ загорѣлыми лицами, испещренными шрамами и заклеяменными, безвыходной, безнадежной нищетой, старые и молодые, съ неостриженными бородами и морщинистыми лбами, въ рубахахъ, висѣвшихъ на ихъ костлявыхъ тѣлахъ, съ блуждающимъ взоромъ,—они какъ будто сами ужаснулись собственному бѣшенству.

Сторожъ перепугался и на одно мгновеніе утратилъ свое саксонское хладнокровіе.

— Друзья мои, заленеталъ онъ,—друзья мои!

Но они продолжали тащить его на середину залы, заперли двери и, все болѣе и болѣе стѣсняя кругъ, грозили ему и орали, какъ безумные:

— Подавайте намъ или одежду нашу, или мяса! Одежду или мяса! .

Въ это время сильные удары пошатнули дверь, сообщавшуюся съ заломъ, гдѣ были женщины, и раздались визгливые голоса:

— Отворите! отворите!

Гудѣніе колокола и трезвонъ въ сосѣдней церкви заглушали весь этотъ шумъ. Къ тому-же часть служащихъ была распущена по случаю воскресенья, а другая часть—была въ церкви; все это вмѣстѣ и сдѣлало возможнымъ ту сцену, которая произошла въ залѣ «скитальцевъ».

Кругъ стѣснялся все болѣе и болѣе. Стоявшіе съ краю все болѣе и болѣе толкали стоявшихъ въ срединѣ, такъ что имъ пришлось, чтобы устоять противъ натиска, навалиться на надзирателя. До этой минуты еще никто не осмѣливался его тронуть, но тутъ десять рукъ сжали его, и это соприкосновеніе привело его въ бѣшенство. Первая минута недоумѣнія прошла и смѣнилась негодованіемъ. «Какъ! онъ—приходскій чиновникъ, и эти бродяги смѣютъ дотрогиваться до него своими грязными руками!» И онъ пустилъ въ ходъ и кулаки, и ноги, стараясь пробить себѣ проходъ къ двери. Подъ ударами его толстѣйшихъ сапогъ и здоровенныхъ кулаковъ—кости и челюсти трещали, а глаза и носы покрывались синевами и сплющивались. Онъ билъ направо и налево, изо всѣхъ силъ:—

Однако, разъяренные *tramps* ы, въ свою очередь, отвѣчали тѣмъ-же.

Подавленный численностью нападавшихъ и силою сыпавшихся на него ударовъ, надзиратель повалился на полъ вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ бывшихъ его; онъ оралъ во все горло: «Подлецы! пруссаки вы этикіе! сорокъ противъ одного!»

Безобразная куча бопошила надъ надзирателемъ. Всѣ они жестоко его били, заглушая его голосъ, тщетно призывавшій на помощь: *Help! help! murder!* (Спасите! спасите! убиваютъ!) Въ сосѣдней комнатѣ женщины, слыша гвалтъ и сторая желаніемъ принять участіе въ битвѣ, колотили кулаками въ дверь и удваивали бѣшенные крики:

— Отворите-же! отворите! мы его на части разорвемъ!—У надзирателя отняли ключи и отворили дверь.

Женщины сначала не вопли; испуганныя, онѣ остановились въ дверяхъ и смотрѣли.

Было около трехъ часовъ пополудни, и зимнее солнце освѣщало группу полунагихъ скитальцевъ. Одна изъ женщинъ, безобразная старуха, съ кожей давно уже почернѣвшей отъ загара, первая рѣшилась приблизиться. Ея нечесанные волосы, къ которымъ уже столько лѣтъ не прикасались зубцы гребня, походили на ту паклю, которую она сорокъ лѣтъ выщипывала изъ старыхъ канатовъ. Она подошла, еще нѣсколько робѣя, но увидавъ, что врагъ задыхается подъ напоромъ ея товарищей, она бросилась на него съ хохотомъ и крикомъ. Остальныя послѣдовали ея примѣру.

Ихъ тутъ было штукъ двадцать: и маленькихъ, еще державшихся за материнскую рубаху, и старыхъ, беззубыхъ. И всѣ онѣ, взявшись за руки, начали безумную пляску.

При видѣ этого зрѣлища, мужчины забыли свою ярость; они встали, и тогда началась вокругъ лежащаго и полузадушеннаго надзирателя адская пляска, сопровождавшаяся самыми отвратительными тѣлодвиженіями и грязной мимикой.

Н. К.

ИЗЪ ПРЕКРАСНАГО ДАЛЕКА.

(Путевыя замѣтки).

Что гонятъ насъ, русскихъ, за границу? Не климать-же, потому что на Кавказѣ и въ Крыму не хуже, чѣмъ въ Ниццѣ или въ Италіи. Или мы ищемъ природы? Но развѣ крымская и кавказская природа уступаетъ Альпамъ? Или за границей жить дешевле? Но, мѣняя 100 рубл. на серебро, вы получаете только 60 цѣлковыхъ, а 40 куда-то исчезаютъ. Чего-же, въ самомъ дѣлѣ, мы ищемъ во Франціи, въ Италіи, въ Германіи? Говорятъ, что можно устать даже отъ любви и что бываетъ необходимо отдохнуть отъ самаго любимаго человѣка. Кажется, это правда... Но куда-же убѣжать отъ себя? Пожалуй, и это правда; но вѣдь не всю-же Россію увезешь съ собою, кое-что останется и за плечами.

Не знаю, сколько англичанъ оставляютъ ежегодно туманный Альбіонъ ради болѣе плѣнительнаго континента, но, кажется, мы, русскіе, превзошли въ бродяжествѣ англичанъ. Въ послѣднее время ежегодно отправлялось за границу русскихъ до 400,000 чел. Пускай эта цифра преувеличена и возьмемъ только половину. Окажется, все-таки, что въ 30-ть лѣтъ перебывало за границей 6.000,000 русскихъ, 6.000,000 интеллигентныхъ людей! Вѣдь это больше, чѣмъ населеніе всей Бельгіи, больше Швеціи и Норвегіи, взятыхъ вмѣстѣ. Ужь, конечно, 6 мил. русскихъ интеллигентовъ ѣздили въ Европу не за померанцами и финиками и не для того, чтобы курить во Франціи капораль, будь онъ даже «*Sarogal supérieur*»... Въ началѣ нынѣшняго столѣтія жилъ въ Германіи статистикъ Людеръ; онъ молился статистикѣ, какъ новому бо-жеству, которое должно спасти человѣчество, онъ фанатически вѣрилъ, какъ Гете, что «если числа и не управляютъ людьми, то они показываютъ, какъ управляютъ людьми». И чѣмъ страстиѣ отдавался Людеръ статистикѣ, тѣмъ рѣшительнѣе, впоследствии, онъ отвернулся отъ нея и назвалъ ее «массой жи и пустяковъ». Ужь не такая-ли масса жи и пустяковъ и наша статистика заграничныхъ путешественниковъ, ужъ интеллигенты-ли, полно, эти 6 мил. русскихъ,—не иностранные-ли

это купцы, приказчики и комиссіонеры, разъѣзжающіе ежегодно взадъ и впередъ? Кто, въ самомъ дѣлѣ, эти 6 мил. человѣкъ? Статистика молчитъ. Или только единицы ищутъ отдыха отъ любви къ отечеству, единицы ищутъ возможности подышать другимъ воздухомъ, а остальные ѣдутъ за «капоралемъ», да за померанцами? Очевидно, что вопросъ объ европейскомъ вліяніи остается открытымъ, или-же его нужно свести къ нулю, къ вящему торжеству нашихъ народниковъ послѣдней формаціи. Въ такомъ случаѣ, чего-же они воюютъ противъ Европы!..

Отправляясь за границу, я не задавался никакими вопросами, а просто искалъ теплоты и солнца. Мнѣ хотѣлось попасть поскорѣе на югъ, а прусско-берлинскій климатъ не казался мнѣ достаточно теплымъ,—и вотъ, я направился, черезъ Варшаву, на Вѣну и, затѣмъ, сѣверомъ Италиі, черезъ Верону, Миланъ, Геную—въ Ниццу. Въ Петербургѣ стояли еще морозы, а подъ Варшавой поля были уже зелены и въ воздухѣ чувствовалась весна. Варшавы я почти не видѣлъ, потому что со станціи тираспольской желѣзной дороги переѣхалъ прямо на вѣнскую. Но такъ какъ до поѣзда оставалось еще часа четыре, то, чтобы какъ-нибудь убить время, я побродилъ по Маршалковской улицѣ. Уличная Варшава производитъ впечатлѣніе вполне русскаго города; масса офицеровъ и солдатъ, полицейскіе въ обще-русской полицейской формѣ, на станціяхъ жандармъ.

Въ Варшавѣ случился со мною маленькій эпизодъ, очень обидный для моего патріотическаго чувства. Въ залѣ ходилъ, между публикой, господинъ скромнаго вида, въ статскомъ платьѣ, въ форменной фуражкѣ, съ краснымъ околышемъ и военной кокардой. Отошло нѣсколько поѣздовъ, зало пустѣло нѣсколько разъ, а господинъ въ форменной фуражкѣ все оставался. Наконецъ, зало опустѣло еще разъ, и мы съ форменной фуражкой остались вдвоемъ. Сажу я на диванѣ по одну сторону зала, господинъ съ кокардой сидитъ напротивъ, на другомъ. Посидѣвъ немного, онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, сѣлъ и началъ тихимъ голосомъ: «былъ я сегодня у попечителя Алухтина, но онъ принимаетъ только въ пятницу; не знаю, что мнѣ дѣлать»... и т. д. Оказалось, что служилъ этотъ господинъ въ Ташкентѣ 10 лѣтъ, получалъ 3 тысячи въ годъ, но ему надѣлъ Ташкентъ, и онъ задумалъ проситься въ Польшу, гдѣ, какъ ему сказали, «охотно принимаютъ русскихъ чиновниковъ, говорящихъ по-польски». Приѣхалъ — и теперь вотъ дѣльный годъ не можетъ найти мѣста. «Люди такіе бездушные: къ кому ни обращаюсь, ни въ комъ не встрѣчаю участія; не можете-ли вы что-нибудь для меня сдѣлать?»—«Но что-же я могу для васъ сдѣлать? я никого здѣсь не знаю и уѣзжаю съ слѣдующимъ поѣздомъ». Ду-

малъ дать ему денегъ, но что-же дать? 3 рубля?.. Мнѣ было неловко, господину, какъ мнѣ показалось, было то-же не по себѣ, и мы разошлись. Взявъ билетъ, я ходилъ по корридорѣ. Въ корридорѣ не было никого. Оборачиваюсь—и опять передо мной господинъ въ форменной фуражкѣ и съ тѣмъ-же скромнымъ видомъ тихо говорить: «дайте 30 копѣекъ». Я далъ, сколько у меня было мелочи; красный околышъ моментально повернулся и быстро вышелъ изъ вокзала, точно боясь погони. А можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ ея боялся? Мнѣ стало ужасно обидно и думалось вотъ что. Вводимъ мы въ Польшѣ русскій элементъ, мы не довольны замкнутостію поляковъ, но насколько подобный чиновникъ, ѣхавшій въ Польшу на коронную службу, потому что, какъ ему сказали, берутъ охотно «русскихъ, говорящихъ по-польски», сдѣлаетъ честь русскому имени и въ состояніи поднять достоинство Россіи въ глазахъ поляковъ? А съ другой стороны—чего я былъ свидѣтелемъ? Во всякомъ случаѣ, тутъ было много и той безпомощности и неумѣлости, которая такъ обыкновенна между русскими и особенно между тѣми, кто ищетъ средствъ для жизни только въ коронной службѣ. Вышибите изъ мѣста англичанина, француза, нѣмца, не говорю уже про американца,—каждый изъ нихъ сейчасъ-же создастъ себѣ дѣло и постыдится протягивать руку, какъ нищій. На сѣверной окраинѣ мнѣ случилось видѣть ссыльныхъ поляковъ и сосланныхъ проворовавшихся чиновниковъ. Полякъ не растеряется: онъ заведетъ лавочку, станетъ шить сапоги, дѣлать гильзы и папиросы; русскій-же слоняется цѣлый день по улицамъ и живетъ на счетъ казеннаго содержанія въ 16 р. 15 к. въ мѣсяцъ. Да что говорить объ этихъ несчастныхъ, въ дѣйствительности неспособныхъ людяхъ. А наши акціонерныя общества, желѣзнодорожныя и всякія другія, ищущія казенныхъ концессій и гарантій..: Они берутся за предпріятія или рискованныя, или за такія, съ которыми не могутъ справиться, и ихъ неумѣлость и безпомощность должна быть обезпечена казенной гарантійей. Но кто является въ этихъ случаяхъ казной? Конечно. тѣ, кто платитъ налоги и кому иногда до промышленнаго предпріятія, компаніи нѣтъ никакого дѣла. Чѣмъ такая компанія отличается отъ краснаго околыша, просящаго 30 копѣекъ? Только развѣ тѣмъ, что скромный околышъ проситъ копѣекъ, а компанія запроситъ милліоны. Въ Европѣ вы этого не встрѣтите. Въ Европѣ вы встрѣтите пролетарія, т. е. человѣка сильнаго и умѣлаго, человѣка желающаго работать, но не находящаго работы, а такихъ людей вы не найдете, у которыхъ передъ носомъ лежитъ дѣло и они не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Американецъ—сегодня дровосѣкъ, завтра портной, послѣзавтра адвокатъ, затѣмъ сенаторъ.

президентъ, а потомъ опять портной. Онъ всегда на своихъ ногахъ, всегда господинъ своихъ обстоятельствъ и нѣтъ такого положенія, съ которымъ-бы онъ не справился. Въ меньшей степени, но въ томъ-же родѣ и европеецъ. У него всегда работаетъ мысль, и въ этой вѣчно подвижной, вѣчно тревожной и изобрѣтательной мысли заключается сила европейца, лежитъ его средство для борьбы съ жизнью и кроется источникъ его личной самостоятельности и независимости. Здѣсь человѣку нельзя заснуть или остановиться,—иначе его сейчасъ-же обгонятъ другіе. И выработалъ себѣ европеецъ, особенно французъ, умъ гибкій, острый, находчивый. У насъ, напримѣръ, когда, съ послѣдней перемѣной военной формы, пуговицы были замѣнены крючками, пуговичныя мастерскія нашли только одинъ выходъ: закрыться и распустить рабочихъ. Французъ поступаетъ иначе. Сегодня онъ выдумалъ, напримѣръ, жуковъ съ дрожащими ногами, надѣлалъ этихъ жуковъ десятки тысячъ—и сбылъ новинку. Больше жуковъ ужъ никому ненужно,—французъ выдумываетъ прыгающую лягушку. Потомъ еще что-нибудь—и такъ безконечно. Французъ всегда изобрѣтатель и всегда знаетъ свою публику, которая тоже ищетъ вѣчно новаго. Это своего рода умственный круговоротъ, взаимное толканіе впередъ, въ которомъ никто, ни одну минуту не стоитъ на мѣстѣ. Франція изготовляетъ бездѣлушки, извѣстныя подъ названіемъ *articles de Paris*,—и у насъ дѣлается нѣчто подобное, подъ названіемъ сидоровскаго товара. Нашъ сидоровскій товаръ и до сихъ поръ стоитъ на рисункахъ, какіе были при царѣ Горохѣ, а у французовъ, что вы купили въ прошедшемъ году, того уже вы не найдете въ нынѣшнемъ. Мы замерзли на одной мысли и ни съ мѣста, французъ-же тысячу разъ испнырялъ во всѣхъ закоулкахъ своей изобрѣтательности и выдумалъ тысячи новыхъ образцовъ и рисунковъ. Вчера, на бульварѣ, стоитъ французъ въ блузѣ и что-то выкрикиваетъ. Около толпа. Подхожу. На панели, у ногъ ерикуна, лежатъ какія-то искривленныя макароны. Французъ держитъ въ лѣвой рукѣ тарелку, дномъ еверху, а правой рукой достаетъ изъ штановъ какой-то бѣленькій кусочекъ, кладетъ его на тарелку, поджигаетъ спичкой, и кусочекъ начинаетъ тянуться вверхъ макаронкой, тянется, тянется безконечно, точно выдвѣзаетъ изъ тарелки. Мальчишка, стоявшій подлѣ, такъ и подумалъ—и заглянулъ подъ низъ. Французъ повернулъ тарелку и показалъ, что внизу нѣтъ ничего. «Купите, господа; пакетъ 1 су», выкрикивалъ французъ. Одинъ изъ публики нашелъ, что это глупость. Другіе, однако, думали иначе, и торговля у француза шла недурно. Я тоже купилъ три пакета; пакеты тоненькіе, цилиндрическіе, въ вершокъ длиною. Прихожу домой и сейчасъ-же принимаюсь за

пакетъ. Развертываю бумажку: въ ней оказывается другой цилиндрикъ, но поменьше; развертываю вторую бумажку, — въ ней вата, развертываю вату — лежатъ три маленькихъ, бѣленькихъ кусочка. Беру кусочекъ, но съ нѣкоторой робостію — богъ его знаетъ, что это такое — кладу на тарелку, поджигаю, и, къ моему удовольствію, макарона тянется, тянется безконечно, и эффектъ получается полный. Я спросилъ потомъ доктора, что это за вещество. «Это какой-то ртутный препаратъ, очень ядовитый; онъ запрещенъ въ продажѣ», отвѣтилъ мнѣ докторъ. Но запрещенъ или не запрещенъ препаратъ, а французъ, богъ его знаетъ какъ, отыскалъ въ немъ вовсе не ядовитое свойство и придумалъ петъшную штуку, которая дастъ ему, конечно, не одинъ франкъ. И вы думаете, что изобрѣтатель этимъ и кончилъ? Нѣтъ. Сегодня онъ опять стоитъ на бульварѣ, опять выкрикиваетъ и опять собираетъ вокругъ толпу. И на этотъ разъ у него въ лѣвой рукѣ тарелка, а правой онъ опять отправляется въ карманъ своихъ штановъ, достаетъ опять какой-то кусочекъ, кладетъ его на тарелку и ужъ не поджигаетъ, а плюетъ, — и, къ изумленію публики, кусочекъ загорается и является пламя. Общій восторгъ; въ особенности ликуютъ мальчишки.

Ну, конечно, трудна жизнь, если приходится дѣлать подобныя изобрѣтенія. И жизнь здѣсь точно трудна; безъ дѣла слоняться по улицамъ нельзя. Подобный индивидуализмъ создаетъ свободные, независимые характеры, но, конечно, въ социальномъ-экономическомъ отношеніи оставляетъ желать многого. Вотъ въ этомъ-то индивидуализмѣ наши почвенники и славянофилы и усмотрѣли «гніеніе» Запада и думали спасти Европу русской общинностью. Но и Европу мы пока еще не спасли, да и для себя не нашли спасенія въ общинѣ. Только теперь начинаютъ являться у насъ первые проблески нарождающагося чувства личности. Впрочемъ, къ этой темѣ мнѣ придется вернуться еще не разъ.

Въ Варшавѣ былъ со мною еще одинъ случай. Дорогой меня предупредили, что извозчику за конецъ отъ станціи до станціи слѣдуетъ по таксѣ 75 к. или 5 злотыхъ. Пріѣзжаю. «Сколько?» спрашиваю извозчика. — «Десять злотыхъ», отвѣчаетъ извозчикъ твердо и увѣренно. «Какъ десять? по таксѣ только пять». — «Это по старой таксѣ, а теперь новая». Смотрю на носильщика, взявшаго мои вещи; онъ глядитъ сосредоточенно внизъ и молчитъ. Заплатилъ 10 злотыхъ. Позомъ оказалось, что «новая» такса была издана извозчикомъ для меня. Подобныя «новыя» таксы случалось мнѣ встрѣтить потомъ не разъ. Въ Вѣнѣ, вмѣсто 1 г. 50 кр., извозчикъ спросилъ за конецъ 2 г. 20 кр. И это было тоже по «новой» таксѣ. Впрочемъ, я заплатилъ извозчику только 2 г., а

вмѣсто остальныхъ 20 кр. я его выбранилъ и прогналъ. Въ Ниццѣ беру извозчика на выставку. Приѣзжаю. «Сколько вамъ слѣдуетъ?» — «Полтора франка». Потомъ оказывается, что по «новой» таксѣ, установленной городской думой для выставки, за конецъ на выставку полагается только франкъ. Есть одинъ несомнѣнный признакъ, по которому вы всегда можете предусмотрѣть намѣреніе извозчика взять лишнее: это его необыкновенное стараніе ѣхать скорѣе; извозчикъ щелкаетъ бичемъ безъ устали и гонитъ лошадь чуть не вскачь. Въ этомъ есть, конечно, извѣстная деликатность и совѣстливость. Но даже и безъ нихъ едва-ли можно претендовать на извозчиковъ. Почему, спрашивается, извозчики должны быть исключеніемъ, когда рѣшительно все поступаютъ какъ извозчики? Въ Москвѣ, когда запросятъ съ васъ вдсятеро, вамъ скажутъ, что запросъ въ карманъ не лѣзетъ. Въ нѣкоторыхъ гостиницахъ здѣсь есть очень сердитые швейцары, которые въ интересахъ путешественниковъ строго слѣдятъ за извозчиками, чтобы они не выходили изъ таксы. И тотъ-же самый швейцаръ именно этимъ вниманіемъ имѣетъ въ виду получить съ васъ хоть часть того, что вы передали-бы извозчику. И во всемъ этомъ нѣтъ ни обмана, ни эксплуатаціи; это не больше, какъ общее экономическое явленіе, неизбѣжное при индивидуализмѣ отношеній. Просто, людямъ жить тяжело, и каждый старается часть своей тяжести переложить на другого. Если вы магазинщикъ, трактирщикъ, фабрикантъ — развѣ вы станете поступать иначе? Путешественникъ является самымъ подходящимъ объектомъ для подобныхъ переложеній и, конечно, имъ и пользуется всякій. Швейцарія, на примѣръ, выплачиваетъ все свои налоги доходами съ путешественниковъ, и это, кажется, самое грандіозное переложеніе, какое только существуетъ. Въ Петербургѣ, въ иностранномъ отдѣленіи вывѣшено объявленіе, чтобы лица, отправляющіяся въ Германію, визировали свои паспорта въ германскомъ консульствѣ. О происхожденіи этого визирования ходитъ такая легенда. Князь Бисмаркъ давно уже подумывалъ, какъ-бы обложить русскихъ путешественниковъ въ пользу Германіи. Обложить вдругъ, такъ, ни съ того, ни съ сего, казалось ему грубымъ, а благовидныхъ поводовъ не было. Думалъ, думалъ Бисмаркъ и придумалъ ветлянскую чуму. Легенда утверждаетъ, что никакой чумы въ дѣйствительности не было, а сочинили ее наши доктора, по желанію Бисмарка. Пользуясь искусственной паникой, которую создала въ Германіи ветлянка, Бисмаркъ объявилъ, что, въ санитарныхъ цѣляхъ, нужно подчинить выѣздъ изъ Россіи въ Германію контролю. Контроль-же долженъ заключаться въ томъ, что русскій путешественникъ является въ германское консульство, уплачиваетъ 75 к., получаетъ визу и затѣмъ, какъ исполнѣ бе-

зопасный, можетъ уже ѣхать свободно. Та же легенда утверждаетъ, что изъ Россіи, черезъ Германію и въ Германію, прѣзжаетъ ежегодно не менѣе 200,000 русскихъ и 150,000 рублей, собираемые съ нихъ, назначаются Бисмаркомъ на содержаніе въ Петербургѣ германскаго посольства. Легенда эта не безъ остроумія, — и такъ-ли или нѣтъ, но фактъ остается фактомъ, и несомнѣнно, что въ теченіи десяти лѣтъ русскіе путешественники внесли въ германское казначейство 1,500,000 руб., которые пошли, конечно, не на русскія нужды. Это тоже одинъ изъ видовъ переложенія, но въ международной формѣ. Такую-же международную форму составляютъ и таможенные мучительства, которыя заставляютъ испытывать путешественниковъ. Подогнавъ все подъ извѣстную теорію, я уже не ропталъ ни на что и шелъ мужественно на всякое закланіе, зная, что никакой протестъ не поведетъ ни къ чему. Русскій генералъ, съ которымъ я вѣзжалъ въ Австрію, думалъ, однако, иначе. Онъ нашелъ одну лазейку, о которой я умолчу, и австрійскому таможенному чиновнику была передана просьба генерала не осматривать. Такъ и сдѣлалось. Наши ручныя вещи вынули изъ вагоновъ, его — не тронули, наши чемоданы были вскрыты, его — нѣтъ. Очистивъ пошлюхой чай и папирсы, я получилъ квитанцію, которую тщательно спряталъ въ карманъ, ибо зналъ изъ *Reisebuch'a*, что она мнѣ еще пригодится. Точно также я старался сохранить австрійскіе орлы, которые наклеили на мои вещи. Прѣзжаемъ въ Вѣну. Опять натащили чемоданы и мѣшки въ таможеню, но я, уже какъ побывавшій въ чистилищѣ, показалъ орлы и квитанціи, и чиновникъ сказалъ мнѣ съ любезной улыбкой: «съ васъ братъ больше уже нечего!» Не знаю, это-ли онъ сказалъ генералу, у котораго на вещахъ не было орловъ, но думаю, что едва-ли генералъ перехитрилъ австрійскую таможеню. Отдавшись въ жертву таможеннаго международного переложенія, я заплатилъ за чай и папирсы чуть-ли не четыре раза и отнесся философски даже къ «ошибкѣ» въ счетѣ итальянской таможи. На итальянской границѣ мой чай и папирсы куда-то унесли и держали ихъ нестерпимо долго; затѣмъ пришелъ итальянецъ и сказалъ, что съ меня слѣдуетъ 2 франка; я далъ 20 франковъ, мнѣ сдали 16, грязными бумажками, а потомъ вручили квитанцію, въ которой значилось 1 фр. 90 с. Варшавскій полякъ, съ которымъ я ѣхалъ, увѣрялъ меня, что съ него за 12 сигаръ хотѣли взять 3 франка, но онъ выторговалъ и заплатилъ только 2. Полякъ былъ очень возмущенъ и ругалъ итальянцевъ мошенниками и ворами. Такого-же мнѣнія объ итальянцахъ былъ одинъ швейцаръ — чехъ, съ которымъ я познакомился въ Венеціи. «Я всегда смотрю за этими итальянцами и не позволяю имъ обчи-

тывать»; сказалъ онъ мнѣ, когда я сообщилъ ему о 4-хъ франкахъ. А между тѣмъ итальянцы прелестный, добродушный и веселый народъ, по своей беспорядочности очень похожій на насъ, русскія. Если судить о народахъ по таможеннымъ чиновникамъ, то про австрійцевъ придется сказать, что они честны, точны, педантичны, скучны и вообще похожи на нѣмцевъ; итальянцы—распущены, беспорядочны, вороваты и добродушны. Французы величественны и великодушны. На французской границѣ, я, какъ и вездѣ раньше, заявилъ о чаѣ и папиросахъ. Французъ посмотрѣлъ свисова и съ достоинствомъ въ мой чемоданъ, потрогалъ чай и папирсы и, не говоря ни слова, захлопнулъ крышку и поставилъ на ней знакъ мѣломъ. Такъ рыцарственно не поступала со мной еще ни одна таможня.

Говорить, что съ тѣхъ поръ, какъ явились желѣзныя дороги, путешествіе утратило свою прелесть и теперь уже не путешествуютъ, а только ѣздятъ. Едва-ли это такъ. Очень можетъ быть, что при прежнемъ способѣ ѣзды, на долгихъ или съ почтой, впечатлѣнія были глубже и ложились прочнѣе. Теперь впечатлѣнія гораздо быстрѣе, это правда, но за то въ сравнительно очень короткое время вы получаете ихъ такую массу, что едва съ нею справляетесь. Подумайте, что въ какія-нибудь двѣ недѣли вы проѣзжаете Россію отъ Петербурга до Польши, Австрію, сѣверную Италію и южную Францію. Что-бы вамъ дали двѣ недѣли путешествія на долгихъ по прежнему способу? Вы сидѣли-бы пока еще въ Динабургѣ, съ ужасомъ подумывая, сколько дней и ночей предстоитъ вамъ еще претерпѣвать разныя дорожныя мучительства, а Ницца представлялась-бы туманной звѣздочкой, гдѣ-то тамъ, на очень отдаленномъ небосклонѣ. И почему-же никто изъ тѣхъ, кто жалѣетъ объ утраченной прелести прежняго сноса путешествія, не ѣздитъ на долгихъ, а напротивъ старается записаться билетомъ курьерскаго поѣзда? Въ быстротѣ-то желѣзныхъ дорогъ и въ частой смѣнѣ впечатлѣній, въ постоянно новыхъ картинахъ и новыхъ лицахъ, которыхъ вы видите, и заключается прелесть теперешней ѣзды. Прогрессивная роль желѣзныхъ дорогъ—именно въ томъ, что онѣ даютъ постоянно новую пищу органамъ чувствъ, подставляютъ постоянно новый и новый матеріалъ для работы мысли. Съ тѣхъ поръ, какъ явились паровая машина, телеграфъ, желѣзныя дороги, время считается уже не вѣками, какъ это было прежде, когда ѣздили на долгихъ, а десятилѣтіями. Медвѣжьи углы всегда лежатъ внѣ желѣзныхъ дорогъ, желѣзныя-же дороги производятъ на населеніе такое-же прогрессивное вліяніе, какъ и города. Самыя прогрессивныя и культурныя страны—всегда самыя богатыя желѣзными дорогами. Страна можетъ не желать никакого

прогресса и даже пятиться отъ него, но желѣзныя дороги силою вещей поведутъ ее впередъ, и тою-же силою вещей онѣ явятся въ ней, потому что безъ желѣзныхъ дорогъ невозможно международное существованіе. Читателю, конечно, все это хорошо извѣстно, и я бы могъ объ этомъ и не говорить, если-бы дорогой мнѣ не встрѣтились соотечественники и соотечественницы, которые, отправляясь въ Европу съ курьерскимъ поѣздомъ, жалѣли объ утраченной позіи ѣзды на перекладной. Такое-же сожалѣніе высказывалъ мнѣ и генералъ, желавшій обмануть австрійскую таможеню. Желѣзныя дороги удобны еще и тѣмъ, что помогаютъ скорѣе освободиться отъ впечатлѣній вамъ извѣстныхъ.

Впрочемъ, до Вѣны впечатлѣнія были все, болѣе или менѣе, такъ сказать, родныя, и если не совсѣмъ русскія, то славянскія. Болѣе новое даетъ Вѣна, городъ, дѣйствительно прелестный. Въ центральномъ, старомъ городѣ, вы чувствуете сѣдую старину, многое пережитое и пережитое не даромъ. Нужно отдать справедливость Австріи, что съ 1848 года она ушла очень впередъ и стала вполне Европой. Съ Вѣны, поэтому, вы и начинаете чувствовать Европу, т. е. наиболѣе упрощенную, сложившуюся жизнь, представляющую, какъ сказалъ-бы механикъ, наименьшую поверхность сопротивленія.

Судить изъ окна вагона о строѣ цѣлой европейской жизни, конечно, нельзя, но даже такія мелочи, какъ телеграфные столбы, заборы, поля, говорятъ вамъ, что отношенія сложились здѣсь иначе и жизнь представляетъ человѣку только деликатныя препятствія. Оставляя Россію, вы сохраняете воспоминанія о телеграфныхъ столбахъ ростомъ съ мачту, о несокрушимыхъ и безконечныхъ заборахъ, вышиною въ сажень, утыканныхъ гвоздями, о каменныхъ или деревянныхъ тумбахъ, защищающихъ углы заборовъ и домовъ. Ничего подобнаго вы здѣсь не увидите. По мѣрѣ удаленія отъ русской границы, телеграфные столбы становятся все меньше и меньше, и длина ихъ рассчитана только на число проволокъ, которое они должны поддерживать, а не на сопротивленіе, которое они должны обнаруживать противъ стихій и другихъ враждебныхъ силъ. Деликатность здѣшнихъ заборовъ доходитъ до того, что, начиная уже съ Италіи, вмѣсто заборовъ вы встрѣчаете аршинныя лучинки, воткнутыя въ землю и перевязанныя вдоль шнурками. Это уже не заборъ, а простая деликатная просьба, «не ходите пожалуйста сюда». Правда, въ той же Италіи я видѣлъ каменные заборы, по гребню которыхъ торчали гвозди и были вкочлены даже битыя стекла, но это, вѣрно, противъ кошекъ. Поля здѣсь тоже не огорожены. Ломбардія, этотъ земледѣльческій Китай Европы, которая довела обработку своихъ полей до такого

совершенства, что въ ней не только нѣтъ ни одного невоздѣланнаго клочка, но даже рѣки превращены въ прямыя канавы, не огораживаетъ своихъ полей ничѣмъ. Конечно, ихъ можно-бы огородить жердями, но въ Ломбардіи нѣтъ лѣсу; можно-бы устроить и каменные заборы, но это дорого, да и будетъ отѣнять поля, и вотъ ломбардцы условились не рвать другъ у друга — плодовъ съ фруктовыхъ деревь, не ходить и не ѣздить по чужимъ засѣяннымъ полямъ и вообще не пакостить другъ другу и обходятся превосходно безъ заборовъ и изгородей. Даже ломовые извозчики не наводятъ здѣсь паническаго страха: они не сворачиваютъ съ мѣстъ тумбъ, не валятъ фонарныхъ столбовъ, и, встрѣчаясь съ ломовикомъ въ самомъ узкомъ переулкѣ, вы разѣзжаетесь съ нимъ съ легкимъ сердцемъ и съ увѣренностію, что останетесь цѣлы. А между тѣмъ, лошадь нормандской породы не лошадь, а слонъ; что-же свезетъ тройка такихъ слоновъ и какъ должна быть длинна вся ломовая запряжка, если три слона запряжены гусемъ! Если-бы такія тройки поручить петербургскимъ ломовикамъ, то въ Петербургѣ, вѣроятно, не осталось-бы ни одного цѣлаго дома. Въ гостинницѣ, гдѣ я живу, нѣтъ воротъ. вмѣсто воротъ — двѣ высокія колонны и на нихъ какія-то женскія фигуры съ поднятыми вверхъ руками. Я живу во флигелѣ, у котораго нѣтъ швейцара; когда, уходя въ первый разъ изъ дому, я спросилъ, кому отдать ключъ, мнѣ отвѣтили «оставьте его въ двери», и уѣзжая даже изъ городу, я оставляю ключъ въ двери и, возвращаясь, вхожу къ себѣ съ полной увѣренностію, что моей комнаты не посѣщала ни любопытствующій глазъ, ни воръ, ни одинъ не нужный мнѣ посторонній. Моя комната есть мой особнякъ, мое священное убѣжище, на которомъ для всякаго посторонняго лежитъ мое табу. Если на стукъ снаружи не послѣдуетъ отвѣта изнутри, стучащій уйдетъ, а не станетъ любопытничать и не отворитъ двери, чтобы поглядѣть, что у васъ такое. Вообще, здѣсь любопытство относительно ближняго совсѣмъ неразвито, и, зная это, чувствуешь себя необыкновенно легко. Отсутствие любопытства не только хорошо на васъ дѣйствуетъ, но и воспитываетъ.

Невнимательство французовъ и итальянцевъ идетъ такъ далеко, что даже на желѣзной дорогѣ они предоставляютъ васъ самому себѣ. У Мейера я прочелъ, что «во время пути, если онъ даже продолжается полу-сутки, ни одинъ кондукторъ не заботится о путешественникѣ, и вообще сношеніе между пассажирами и прислугою желѣзныхъ дорогъ сводится къ нулю». Зная это, я изучалъ свой путь, чтобы не спутаться въ пересадкахъ. Изъ Вѣны прямой поѣздъ на Геную идетъ черезъ Местръ, станція, съ которой сворачиваютъ и въ Венецію. Все это я зналъ. Зналъ также,

что одни вагоны идутъ на Геную безъ пересадки, а въ Венецію идутъ другіе вагоны этого-же поѣзда, которые въ Местрѣ и отцѣляются. Приѣзжаемъ въ Местрѣ въ $\frac{1}{2}$ 12 ночи; поѣздъ, по расписанію стоитъ, кажется, 20 минутъ. Захожу въ буфетъ. Проѣзжающихъ масса и суета невообразимая; несчастные итальянскіе гарсоны сбиваются съ ногъ и никто ничего не получаетъ вовремя. Никто изъ кондукторовъ, однако, не является, и я выхожу на платформу, чтобы узнать о судьбѣ нашего поѣзда. Что-же—кондукторы захлопываютъ двери, и поѣздъ начинаетъ трогаться. Я кидаюсь къ одному купѣ, къ другому—нѣтъ, не мой, бросаюсь въ первый, какой мнѣ затѣмъ попадается, отворяю дверь, встречаю сильный отпоръ двухъ какихъ-то неизвѣстныхъ, но одолѣваю ихъ и, очень довольный,—сажусь. Кондукторъ запираетъ дверь, и поѣздъ идетъ. «Вы куда?» спрашиваетъ меня одинъ неизвѣстный по-нѣмецки. — «Въ Геную», отвѣчаю я самоувѣренно. — «А этотъ поѣздъ въ Венецію»... И вотъ, вмѣсто Генуи я попалъ въ Венецію, а мой дорожный мѣшокъ и пледъ, оставленные въ вагонѣ, отправились въ Геную. Нѣмцы оказались очень добродушными малыми; одинъ изъ нихъ превосходно говорилъ по-итальянски, другой — столько-же, сколько и я. Приѣхавъ въ Венецію, мы сейчасъ обратились къ начальнику станціи; нѣмецъ, говорившій по-итальянски, былъ моимъ переводчикомъ. «Это *русскій*, началъ нѣмецъ, указывая на меня начальнику станціи,—онъ ошибся поѣздомъ... (Слѣдуетъ изложеніе событія)... Нужно послать телеграмму въ Верону, чтобы удержали его вещи»... Подходить еще какой-то желѣзнодорожный чинъ,—нѣмецъ опять: «это *русскій*»... слѣдуетъ изложеніе. Идемъ всей гурьбой въ телеграфъ. Обращаясь къ начальнику телеграфа, нѣмецъ опять: «это *русскій*»... и тоже изложеніе. Нѣмецъ, какъ мнѣ показалось, употребляетъ эпитетъ «русскій» въ видѣ смягчающаго обстоятельства, вполнѣ объясняющаго причину путаницы, которая случилась. Но на этотъ разъ я, однако, остановилъ нѣмца, ибо мнѣ казалось, что и нѣмецъ могъ вмѣсто Генуи попасть въ Венецію. Съ слѣдующимъ утреннимъ поѣздомъ отправился въ Геную. Въ Веронѣ спрашиваю начальника станціи. Мнѣ указываютъ на высокаго, красиваго и совсѣмъ бѣлокуроаго господина. Я зналъ, что есть итальянцы бѣлокурые и рыжіе и что бѣлокурость считается здѣсь красотой. Обращаюсь къ начальнику станціи по-французски, онъ мнѣ отвѣчаетъ по-нѣмецки. Оказался нѣмецъ. Несмотря на это, станція его не была въ особенномъ порядкѣ. Телеграммы моей онъ не получилъ. Идемъ въ телеграфъ. «Была телеграмма?» — «Была». — «Отчего-же вы мнѣ не доставили?» — «Она пришла ночью». — Какъ-же ей было придти днемъ, когда она была отправлена во второмъ часу ночи; но отчего-же и

днемъ она не была предъявлена? Все это я высказалъ начальнику станціи, и видя, что его станція напутала, онъ просилъ обратиться къ начальнику станціи въ Миланѣ. Въ Миланѣ оказалась тоже телеграмма; кто ее послать не знаю, — видно провинившійся телеграфистъ, — и послѣ строгаго опроса признаковъ я получилъ подъ росписку свой мѣшокъ и плѣдъ. Чтобы окончательно разсѣять сомнѣніе относительно принадлежности вещей, я досталъ ключъ и два раза отворилъ и заперъ мѣшокъ. Итальянцы остались очень довольны, я еще больше.

Мы жалуемся, что насъ одолѣваютъ нѣмцы, а всѣ мѣста Италіи и Франціи, которые я проѣхалъ, кишатъ нѣмцами, и между тѣмъ патріотическое чувство итальянцевъ и французовъ нисколько этимъ не возмущено. Гостинницы повсюду содержатся по преимуществу нѣмцами и даже нѣмцами, прислуга нѣмецкая или швейцарская. на магазинахъ читаете: «man spricht deutsch», на аптекахъ стоитъ: «deutsche Apotheke», въ библіотекахъ для чтенія — нѣмцы, въ гостинницахъ вы найдете массу нѣмецкихъ газетъ: Нѣмецкій языкъ — это международный языкъ, и нѣмецъ сталъ международнымъ чело-вѣкомъ. Мы, русскіе, до сихъ поръ этой международности еще не достигли, и только на одномъ колониальномъ магазинѣ въ Ниццѣ я встрѣтилъ надпись: «говорять по-русски». Изъ русскихъ предметовъ въ этомъ магазинѣ выставлены икра въ маленькомъ боченкѣ, очищенная водка Поповой, Штригера, англійская горькая и на дверяхъ виситъ провѣсная бѣлорыбца. Наше участіе въ международности дальше этого, кажется, не простирается, если не считать еще деревянныхъ чашекъ. Я говорю о красныхъ чашкахъ, «въ русскомъ стилѣ». Любопытно вотъ что. Самая маленькая чашечка продается здѣсь за 20 сантимовъ, или безъ курсу 5 к. сер., а по курсу 8 к. Какимъ-же образомъ чашечка въ Ниццѣ стоитъ дешевле чѣмъ въ Петербургѣ? Очень просто. Русскій производитель продаетъ положимъ французу чашку за 6 к. сер., французъ вручаетъ ему 3 к., и онъ, въ силу курса, превращаются въ рукахъ русскаго въ 5 к. Такимъ образомъ, французъ, купивъ чашку за 3 к. и продавая ее за 20 сантимовъ (5 к.) имѣетъ 2 к. барыша. Затѣмъ тотъ-же русскій производитель продаетъ за 5 к. чашку петербургскому торговцу; чтобы получить барышъ, торговецъ долженъ взять за нее 7 к., а то и больше. И вотъ, собственно издѣлія мы покупаемъ дома дороже, чѣмъ за границей. Это называется международнымъ курсомъ, который тяготѣетъ только надъ нами одними.

Иностранцы совсѣмъ не гонятся за самобытностію, — они ищутъ только самостоятельности и потому, конечно, и самобытны. Итальянцы, французы, нѣмцы берутъ свое хорошее, гдѣ его находятъ,

и нѣсколько не боятся, что они отъ этого превратятся въ какой-то иной народъ. Нашей сути, по справедливому выраженію Тургенева, тоже не вымоешь въ ста водахъ. Бѣда наша не въ томъ, что мы не самобытны, а въ томъ, что мы никакъ не можемъ встать на собственныя ноги и больше всего тщеславимся своей пространственностію. Что же удивительнаго, что русскій, пріѣхавшій въ первый разъ за границу и охваченный здѣшной широкой, свободной, самостоятельной жизнью, съ одной стороны чувствуетъ себя необыкновенно хорошо и легко, точно выросъ на нѣсколько вершковъ, а съ другой — читая въ этой жизни богатую лѣтопись историческаго прошлаго, онъ видитъ въ немъ громадное умственное наслѣдіе, скопленное вѣками неустанной умственной работы и общественныхъ и личныхъ стремленій? Отчего какой-нибудь нѣмецъ-сапожникъ или кочегарь-англичанинъ держать себя съ такимъ гордымъ достоинствомъ и такъ склонны заноситься надъ русскими? Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Петербургѣ, прокладывали газоваыя или водяныя трубы и почему-то вмѣстѣ съ русскими солдатами копали и англичане. Надо было видѣть, какъ высокомерно держали себя англичане. Очень можетъ быть, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности и умственно, и нравственно былъ ниже тѣхъ русскихъ, съ которыми онъ работалъ, какъ очень часто русскіе, являющіеся за границей могутъ быть далеко образованнѣе и французовъ, и нѣмцевъ, съ которыми они сходятся. Но каждый нѣмецъ, каждый французъ, каждый англичанинъ, какъ-бы онъ ни былъ малъ лично, чувствуетъ за собою громадное историческое культурное прошлое, котораго онъ, можетъ быть, даже и не сознаетъ хорошенько, и это прошлое даетъ ему личную цѣну и создаетъ его личное достоинство. Основой народнаго достоинства всегда будетъ только умственное и нравственное содержимое и тѣ культурныя средства, которыя вносятъ народъ въ свою и международную жизнь. Европейскія государства, несмотря на раздѣляющія ихъ таможенныя границы, спаялись въ одно культурное цѣлое, потому что пережили вмѣстѣ массу общихъ историческимъ событій и поднимались рука въ руку на высоту, на которой они теперь стоятъ. Мы не работали умственно вмѣстѣ съ Европой, а взяли отъ нея готовыя понятія, какъ взяли въ такомъ-же готовомъ видѣ желѣзныя дороги, телеграфы, рисунки для обоевъ и матерій. Наслѣдственная культура Европы заключается въ той общественной атмосферѣ, которая на cadaго отдѣльнаго человѣка налагаетъ извѣстную умственную и нравственную дисциплину и дѣлаетъ его членомъ гражданскаго общества. Подобная дисциплина существуетъ даже въ Финляндіи, но мы ее создать у себя еще не успѣли. Въ Вѣнѣ чистота поразительная, точно полъ въ комнатѣ. Какимъ образомъ

десятью тысячъ петербургскихъ дворниковъ не могутъ держать улицъ въ чистотѣ, а въ Вѣнѣ это достигается, какими то единичными, которыхъ вы не видите—я не знаю; сообщаю только фактъ. Итальянскіе города тоже превосходно вымощены и тоже чисты. Французы имѣютъ слабость къ шоссе, и потому ихъ города въ сухую погоду пыльны, а въ мокрую грязны.

Европейскіе города, которые я проѣхалъ, производятъ грандіозное и вмѣстѣ изящное впечатлѣніе. Особенно хороши итальянскіе города. Какъ только подходитъ поѣздъ къ станціи, вы уже чувствуете себя въ странѣ искусствъ: постройки, громадныя и въ тоже время изящныя и легкія, производятъ какое-то веселое, радостное впечатлѣніе. Вездѣ живопись. Стѣны, потолки—все росписано. Миланскій вокзалъ и станція такъ громадны, что въ нихъ, какъ въ футлярѣ, можно помѣстить нашу Петербургскую станцію Николаевской желѣзной дороги. И въ то-же время Миланская станція васъ веселитъ, въ ней много свѣта и воздуха, тогда какъ Николаевская давитъ своей темнотой, холодитъ массой камня и мрачной окраской. Уже не отъ этого-ли всѣ встрѣчи и проводы на Николаевской дорогѣ такъ холодны и молчаливы и похожи на похороны? Кстати о похоронахъ. Въ томъ, какъ люди хоронятъ своихъ покойниковъ, сказывается, разумѣется, ихъ религіозное отношеніе къ этому акту. Первые похороны я видѣлъ въ Вѣнѣ. Черный гробъ, подъ богатымъ чернымъ катафалкомъ, везла четверка превосходныхъ, огромнаго роста лошадей въ шорахъ. Лошади не были ничѣмъ покрыты. Переднихъ лошадей вели подъ уздцы лакеи въ черныхъ фракахъ, съ блестящими пуговицами, съ бѣлыми шарфами черезъ плечо и въ треугольныхъ шляпахъ. На козлахъ сидѣлъ кучеръ въ такомъ-же фракѣ и въ такой-же треугольной шляпѣ. По бокамъ гроба шли опять такіе-же парадные лакеи, съ зажженными свѣчами. За гробомъ слѣдовалъ рядъ громадныхъ четырехмѣстныхъ каретъ, запряженныхъ превосходными лошадьми; на козлахъ, покрытыхъ черными чехлами, съ бахрамой и кистями, сидѣли кучера тоже во фракахъ и треуголкахъ. Было очевидно, что весь этотъ печальный поѣздъ былъ поставленъ гробовымъ мастеромъ. Похороны имѣли очень парадный видъ, но отъ нихъ вѣяло каимъ-то красивымъ холодомъ, и за красотой лакеевъ, каретъ и откормленныхъ лошадей вы забывали о покойникѣ.

Вторыя похороны я видѣлъ въ Миланѣ. Эти были похожи на наши, русскіе. Лошади были въ черныхъ поповахъ, но короче, чѣмъ у насъ. Красиваго парада не было, за гробомъ шли люди и плакали. Но самая несообразная похороны пришлось мнѣ увидѣть въ Ниццѣ. Катафалкъ съ гробомъ былъ запряженъ парой лошадей въ коротенькихъ черныхъ поповахъ, съ бѣлой полосой посерединѣ,

и кучеръ обыкновеннаго рода ѣхалъ рысю. За гробомъ, и тоже рысю, ѣхала двухмѣстная коляска съ двумя дамами. Другія похороны были еще оригинальнѣе. Кучеръ везъ рысю гробъ подъ катафалкомъ, и за гробомъ не слѣдовало никого. Можетъ быть, это были даже не похороны, а кучеръ еще ѣхалъ только за покойникомъ? Во всякомъ случаѣ, очевидно, что въ Ниццѣ отъ покойниковъ стараются освободиться поскорѣе. По закону, хоронить должно по истеченіи 24 часовъ. Въ видѣ исключенія, позволяется и ранѣе, но не иначе, какъ съ разрѣшенія высшей мѣстной власти. Больше 36 часовъ трупъ не позволяютъ держать, потому что онъ начнетъ разлагаться.

Огорчила меня Италия только однимъ: я совсѣмъ въ ней не видѣлъ итальянцевъ. Я представлялъ себѣ итальянца чѣмъ-то среднимъ между саппромъ въ круглой шляпѣ, въ курткѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, продающимъ бѣлыхъ мышей или играющимъ на волынкѣ, и бандитомъ въ высокой шляпѣ съ безконечными полями; но, на самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго не оказалось, и итальянцевъ этого фасона я въ сѣверной Италиі не видѣлъ. Веселые, добродушные, большею частью краснощекіе и полные, итальянцы нарядились въ пиджаки и смѣнили свои классическія шляпы съ широкими полями котелками послѣдней моды. По виду, итальянцы больше походятъ на нѣмцевъ, чѣмъ сами нѣмцы. Впрочемъ, со мной былъ случай, когда воображеніе, настроенное на романическій ладъ, уже рисовало мнѣ ужасы, о которыхъ я читалъ когда-то въ романахъ. Приѣзжаю ночью въ Геную. Окружаетъ меня толпа швейцаровъ съ предложеніемъ гостинницъ. У меня уже была намѣчена одна, очень гемютная, по словамъ Reisebuch'a, и близъ станціи, и, услышавъ—«Hotel di Roma», я вручаю свой мѣшокъ швейцару и иду съ нимъ. Отошли мы не мало отъ станціи, повернули въ узкій переулокъ направо и стали опускаться подъ гору, затѣмъ повернули еще разъ и вступили въ переулокъ болѣе узкій и еще болѣе темный. Меня взяло робкое сомнѣніе: не могъ-же Reisebuch рекомендовать такую труппу. Остановиваемся, наконецъ, передъ узкою дверью и вступаемъ въ грязную, едва освѣщенную комнату, очень маленькую, съ нѣсколькими столами, за которыми сидятъ какіе то люди и пьютъ. Встрѣчается хозяинъ, съ плутоватымъ лицомъ и кошачьими манерами, и велитъ отвести въ № 11. Повели меня узкими и темными корридорами, то вверхъ, то внизъ, и наконецъ отворили 11 №. Я ужаснулся. «Нѣтъ, не хочу здѣсь», сказалъ я. «Да вы, можетъ быть, въ «Hotel di Londra»? спросилъ проводникъ. Тутъ только я вспомнилъ, что смѣшалъ «Лондонъ» съ «Римомъ». Хозяинъ, казавшійся мнѣ, было, бандитомъ, убивающимъ по-ночамъ путешественниковъ, очень при-

вѣтливо проводилъ до двери, а добродушный чичероне довелъ меня до «Лондона». Еще, пожалуй, я своей ошибкой лишилъ хозяина постояльца. Послѣ нѣсколько чопорной и формальной Австріи, съ ея пиковатыми военными и нѣмецкими порядками, Италия кажется даже распушенной и по своей беспорядочности похожа на Россію. Въ Венеціи, запутавшись въ вокзалѣ въ напрасномъ исканіи, я спрашиваю итальянца, служащаго при станціи, и не простаго рабочаго, куда идти, и онъ мнѣ показалъ на рельсы; утромъ, я предлагаю тому-же итальянцу тотъ-же вопросъ, и онъ мнѣ опять показываетъ на рельсы. Когда это и еще кое-что другое я рассказалъ «брату славянину», съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать въ буфетѣ той-же станціи, въ Венеціи, братъ-славянинъ отвѣтилъ: «эти итальянцы ужасныя свиньи». Но эти «свиньи», однако, успѣли освободиться отъ Австріи, чего братья-славяне не сдѣлали. Эти же свиньи умѣютъ чтить память своихъ великихъ патріотовъ, ихъ именами называютъ улицы и площади, и своимъ освободителямъ отъ чужеземнаго ига ставятъ памятники. Въ Миланѣ, на площади, на довольно высокомъ четырехстороннемъ постаментѣ, воздвигнута изъ бронзы (кажется) статуя одному изъ освободителей Италии, а внизу, не то Слава, не то сама Италия пишетъ перомъ: «Кавуръ». Кажется, монументы такого типа здѣсь, на югѣ, довольно обыкновенны. Въ Ниццѣ, на подобномъ-же постаментѣ стоитъ бронзовый генералъ, и Слава пишетъ громаднымъ перомъ: «Массена». Брату-славянину, порицающему итальянцевъ, можно указать еще на слѣдующій любопытный фактъ. Въ то время, какъ братья-славяне, особенно чехи, превосходно вмучились говорить по-нѣмецки и едва не забыли своего роднаго языка, итальянцы заимствовали отъ нѣмцевъ только пиджаки и котелки, да и то, пожалуй, отъ французовъ, и остались чистыми итальянцами. Ни слянія, ни онѣмеченія австрійцамъ не удалось достигнуть. На границѣ между Австріей и Италіей съ австрійской стороны лежитъ станція Понтафель, чисто нѣмецкая, а съ итальянской — Понтебба, и между ними точно легла какая-то механическая преграда, рѣзко отдѣлившая двѣ національности. Сразу, вдругъ, безъ всякаго перехода, вы вступаете въ Италію, и ни одного нѣмецкаго слова у васъ въ Понтеббѣ не поймутъ. А вѣдь сколько времени австрійцы учили итальянцевъ по-нѣмецки. Со стороны французской границы такого рѣзкаго перехода національностей нѣтъ, и почти каждый итальянецъ или говоритъ, или понимаетъ по-французски.

Въѣзжая во Францію, вы чувствуете, что это, дѣйствительно, «великая» страна и что ее населяетъ «великій» народъ. Васъ не осаждаютъ и не мозолятъ вамъ глазъ нѣмецкій педантизмъ, съ его

формальностію и мелочностію, но зато вась какъ-бы подавляетъ величественная стройность жизни, чему, какъ мнѣ показалось, немало способствуютъ станціонные жандармы, съ ихъ уже очень большими треугольными шляпами. Внѣшній видъ французской жизни вполнѣ установился и выработался. Это—типъ городской, уличный, очень красивый и блестящій. Всѣ большіе города Европы—Вѣна, Берлинъ, Петербургъ, стараются подражать этому типу. Одна Москва, кажется, пока остается внѣ французскаго вліянія. Ницца, еще такъ недавно бывшая итальянскою—стала теперь вполнѣ французскою, маленькимъ Парижемъ. Каждый французскій городъ—всегда маленький Парижъ. Бульвары, дома французскаго, своеобразнаго и очень изящнаго, красиваго вида, блестящіе магазины, яркоосвѣщенные кофейни, всегда набитыя народомъ, все это дѣлаетъ всякій французскій городъ похожимъ или, по крайней мѣрѣ, желающимъ походить на Парижъ. Въ сущности, тутъ Парижъ не причемъ. Это только извѣстная форма общественности, оказывающаяся всѣмъ по вкусу.

Но у Ниццы есть еще своя особенность, которая дѣлаетъ ее любимымъ дѣтищемъ Франціи. Французы очень любятъ Ниццу и даже, кажется, ею гордятся. Ницца извѣстна своимъ превосходнымъ климатомъ, своею своеобразною растительностію и стала поэтому международнымъ городомъ. Вы здѣсь иногда услышите таковой языкъ, что даже не вѣрится, чтобы люди могли понимать другъ друга. Уже съ Генуи, спустившись на берегъ Средиземнаго моря, вы вступаете въ область совсѣмъ иной растительности, которая съ Сан-Ремо—итальянскаго города, лежащаго передъ Ментономъ—принимаетъ тропическій характеръ. Въ Ниццѣ, Монако и Монте-Карло эта растительность развивается уже въ полномъ блескѣ. Финиковыя пальмы, бананы, кактусы, алое, которыя мы привыкли видѣть только въ оранжереяхъ, растутъ здѣсь на открытомъ воздухѣ почти во всякомъ саду. Сливы, лимонныя и апельсиныя деревья образуютъ цѣлыя рощи. Эта необычная для сѣвернаго жителя тропическая растительность совсѣмъ затѣняетъ драцены, кривумы, агантусы, розы, ацалии и массу другихъ цвѣтовъ, занимающихъ, сравнительно съ красивыми, стройными пальмами и бананами, второе мѣсто. Но странное дѣло, что эта тропическая растительность производитъ впечатлѣніе чего-то искусственнаго, дѣланнаго, какой-то оранжереи на открытомъ воздухѣ. Оттого-ли, что африканская растительность уже слишкомъ усердно скучена, насажена напоказъ, выхолена и подстрижена или, можетъ быть, оттого, что рядомъ съ тропическою оранжереей вы видите бульваръ, засаженный платанами, на которыхъ до сихъ поръ нѣтъ еще листьевъ. Этотъ контрастъ старыхъ, голыхъ пла-

тановъ съ пальмами очень мѣщаетъ иллюзии, и впечатлѣнія тропиковъ не получается. А красиво, особенно въ саду Монте-Карло. Даже климатъ Ниццы искусственный, а не настоящий.] Въ Ниццѣ тепло потому, что она окружена горами и открыта къ югу. Солнце здѣсь, дѣйствительно, производитъ чудеса, но за то чувствуется очень рѣзкая разница на солнцѣ и въ тѣни, днемъ и вечеромъ, и чтобы не простуживаться—неизбѣжно носить фуфайку. Оттого-ли что переходъ къ южной растительности свершается постепенно, по мѣрѣ приближенія къ окрестностямъ Ниццы или потому, что организмъ сразу-же осваивается съ условіями новой мѣстности, но и ниццская теплота или, точнѣе, благоарастворенность и ниццская растительность съ самаго начала не производятъ впечатлѣнія изумительности и находишь все это въ порядкѣ вещей. И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли изумляться, что въ Египтѣ жарко, въ Ниццѣ тепло, а въ Петербургѣ холодно и сыро? Развѣ это можетъ быть иначе?

Изумительно въ Ниццѣ не то, что создано солнцемъ и климатомъ, а то, что создано людьми. И вмѣстѣ съ климатомъ, простая уличная ниццская жизнь окутываетъ васъ такой теплотой, образуетъ около васъ атмосферу такого спокойствія, такой свободы и независимости, что вы проникаетесь глубокимъ уваженіемъ къ генію народа, сумѣвшаго создать такую общественную атмосферу. Любопытно, что во всю дорогу, начиная отъ Вѣны, я совсѣмъ не слышалъ разговоровъ о политикѣ, не слышу ихъ и здѣсь. Обыкновеннымъ людямъ, занятымъ своими повседневными домашними дѣлами, политикой заниматься некогда, да обыкновенные люди, какъ и крестьяне, заниматься ею и не любятъ. А между тѣмъ, французы глубоко политическій народъ, и каждый думаетъ свою политическую думу и знаетъ, что онъ думаетъ; каждый читаетъ газеты, каждый зорко слѣдитъ за правительствомъ и прислушивается ко всему, что дѣлается и говорится въ другихъ мѣстахъ. При входѣ въ здѣшній банкъ, въ его обширной передней, вывѣшены четыре огромныя, черныя доски, на которыхъ каждый день пишутся крупными буквами, мѣломъ, телеграммы, получаемыя изъ Парижа. Разъ я читаю: «въ № отъ 20 марта русская газета «Новое Время» (Nowoje Wremja), говоря о политикѣ французской республики въ китайскомъ вопросѣ, находить... и т. д.» «Новое Время» похвалило политику Франціи, и объ этомъ сейчасъ-же доводится до свѣдѣнія публики. Конечно, для французскаго правительства было важно не мнѣніе «Новаго Времени», потому что если-бы то-же самое «Новое Время» сказало что-нибудь противъ Франціи, то телеграфировать объ этомъ никто-бы не сталъ. Справедливо еще и то, что политика есть извѣст-

наго, рода игра, и, пожалуй, игра азартная, вести которую въ свою пользу правительство всегда имѣеть больше шансовъ и возможностей. Но также справедливо и то, что Франція имѣеть свободную печать и что чтеніе газетъ въ ней такъ распространено, что какой-нибудь «Petit Journal» печатается въ 700,000 экземплярахъ. При такихъ условіяхъ правительство должно очень слѣдить за собою и быть весьма осторожнымъ, ибо оно знаетъ очень хорошо, что не только у интеллигенціи, но у всякаго извозчика въ Ниццѣ есть свое политическое мнѣніе и усвоенные имъ общественные принципы, которыхъ оскорбить нельзя. Нужно думать, что эта-то самая политическая атмосфера и сообщаетъ климату Ниццы ту особенную пріятность, что чѣмъ больше здѣсь живешь, тѣмъ больше Ницца нравится.

Въ нынѣшній сезонъ ко всѣмъ своимъ пріятностямъ Ницца прибавила еще одну—международную выставку. И въ устройствѣ этой выставки снова сказались удивительныя способности французъ и ихъ общественный гений. Въ Ниццѣ должна была быть очередная сельско-хозяйственная выставка, въ порядѣ, установленномъ министерствомъ. Но, по своему положенію, почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, Ницца на обыкновенной очередной выставкѣ не могла-бы блеснуть разнообразіемъ своихъ земледѣльческихъ продуктовъ, потому что растутъ преимущественно маслину. Кромѣ того, и по времени выставка была-бы не особенно выгодна, ибо лѣтомъ населеніе Ниццы значительно сокращается. И вотъ мэръ задумалъ просить разрѣшенія, вмѣсто сельско-хозяйственной, устроить промышленную выставку, сначала вообще для Франціи, потомъ для Италіи и Франціи, а наконецъ и международную. Разрѣшеніе отъ правительства, конечно, послѣдовало, и въ Ниццѣ тотчасъ-же образовался выставочный комитетъ, который меньше чѣмъ въ восемь дней собралъ 600,000 франковъ. Муниципальный совѣтъ города вотировалъ 300,000 франковъ, да кружокъ иностранцевъ въ Монако далъ 200,000 франковъ. Такимъ образомъ, кромѣ правительственнаго пособія, пособія отъ общества желѣзной дороги и доходовъ, которые должна была дать выставка, комитетъ почти въ одну недѣлю собралъ болѣе 1 м. фр. Съ этимъ уже можно было начать дѣло.

Устройство выставки было поручено опытному архитектору, участвовавшему въ устройствѣ парижской выставки 1867 г. и устроившему прошлогоднюю всемірную выставку винъ въ Бордо. Въ восемь мѣсяцевъ (въ мартѣ начались работы, а 1 декабря открыта выставка) на пустырь, лежавшемъ за станціей желѣзной дороги, возникъ цѣлый городъ кіосковъ и павильоновъ, раскинулся садъ, наполненный тропическими растеніями, между которыми осо-

бенной чистоплотной стройностію плѣняетъ тонкій и опрятный перечный камышь, а въ глубинѣ этой картины, на горѣ—красивый, главный корпусъ выставки, украшенный двумя высокими, тонкими башнями. Направо и налѣво двѣ очень широкія лѣстницы ведутъ къ главному входу зданія, и между ними, съ высоты пяти сажень, падаетъ водопадъ. Выставка не поражаетъ своими размѣрами, но въ ней много вкуса, даровитости и изящества. Описывать того, что помѣщено въ залахъ выставки, я не стану. Не думаю также, чтобы ниццкая выставка могла имѣть серьезное промышленное значеніе. Какъ нужно полагать, она была задумана чисто въ мѣстныхъ интересахъ, ибо золотая пора Ниццы уже кончается, и въ ближайшихъ сосѣднихъ городахъ, какъ Ментонъ, Каннъ, Іеръ, не говоря уже про Монако и Санремо, Ницца начинаетъ встрѣчать очень серьезныхъ соперниковъ. Самое прискорбное для мѣстныхъ патриотовъ, что въ англійскихъ газетахъ стали появляться статьи, въ которыхъ доказываютъ, что Ницца не только не здоровый городъ, а напротивъ, вредный. «Morning News», напримѣръ, пишетъ, что въ то время, какъ въ Лондонѣ смертность составляетъ 22 на тысячу, въ Парижѣ 23, въ Нью-Йоркѣ 25, въ Ниццѣ она доходитъ до 44. А между тѣмъ, на Ниццу затрачены громадные капиталы, въ какія-нибудь десять лѣтъ она изъ крошечнаго стариннаго городка, съ узкими и кривыми улицами, превратилась въ маленькій Парижъ. Желѣзная дорога, бывшая еще недавно за городомъ, теперь почти въ центрѣ города. И постройки все продолжаютъ и продолжаютъ. Что-же станется со всѣми этими пяти-шести этажными палаццо, рассчитанными исключительно на иностранцевъ, если иностранцы станутъ обѣгать Ниццу? И нужно думать, что Ницца во всякомъ случаѣ должна утратить свою репутацію цѣлебности, какъ это случилось съ Монпелье. Теперь даже удивляются, какъ могъ Монпелье считаться цѣлебнымъ мѣстомъ. Sic transit gloria mundi. Ницца—городъ, со всѣми повадками и стремленіями города, для большихъ-же нужно что нибудь болѣе спокойное, болѣе похожее на деревню или на дачу, а не пятиэтажныя гостинницы и семиэтажные дома, верхніе этажи которыхъ не подъ силу одолѣвать даже здоровымъ. Наконецъ, Ницца слишкомъ дорога; если вы не располагаете 15 франками въ день, т. е., по курсу, 6 рублями, во что здѣсь обходится день въ гостинницѣ—то лучше отправляйтесь въ Каннъ, Іеръ, Санремо, Ментонъ, гдѣ гораздо дешевле. Здѣсь, даже въ частныхъ квартирахъ, вы не достанете комнаты съ содержаніемъ дешевле 10 фр. Да еще васъ заставятъ подниматься въ третій этажъ. Ну, а другіе расходы! Должно быть, и здоровье—привилегія богатыхъ. Впрочемъ, если Ницца лишится большихъ, она

можетъ разсчитывать на здоровыхъ; для этого у нея есть достаточныя средства и возможность, и на свѣтѣ всегда найдется довольно богатыхъ людей, которые поѣдутъ въ Ниццу не только ради выставки и скачекъ, но и для того, чтобы участвовать въ ея концертахъ. Вѣдь такъ пріятно участвовать въ хорошемъ обществѣ, въ особенности въ хорошемъ французскомъ обществѣ, гдѣ такъ хорошо говорятъ по-французски. Завтра, на примѣръ, предполагается духовный концертъ, который очень рекламируетъ «Saison de Nice», газета международная, издающаяся почти исключительно для иностранцевъ, и мнѣ было очень пріятно встрѣтить въ рекламѣ нѣсколько именъ своихъ соотечественниковъ и соотечественницъ: de Nazimoff et Baumgarten, la comtesse Rebinder и еще Baumgarten.

Такъ какъ ниццская выставка—международная, то въ ней есть и русскій отдѣлъ. Отдѣлъ этотъ очень мизерный, и, вѣроятно поэтому-то ему и отведено послѣднее мѣсто. Въ главѣ русскаго отдѣла помѣщается Верфель. Магазинъ въ Петербургѣ, въ Караванной. Верфель выставилъ бронзовыя вещи для письменнаго стола. Это разныя преспапье въ видѣ русскихъ троекъ, рысаковъ въ дрожкахъ и саняхъ, кабановъ, оленей. Есть большія группы, напр., баба убиваетъ топоромъ медвѣдя, насѣвшаго на ея сына. Тутъ же въ витринѣ—малахитовыя брошки, застежки для рубашекъ и подобныя мелочи. Самыя эффектныя изъ выставленныхъ Верфелемъ вещей—шесть небольшихъ, круглыхъ малахитовыхъ столовъ на ножкахъ изъ золоченой бронзы. Противъ Верфеля помѣщается небольшая витрина съ брошками, серьгами, браслетами и металлическими кушаками восточнаго издѣлія. На витринѣ надпись: *Turquoise véritable venant de Perse. Djavard Ali. Magasin à St.-Petersbourg.* Гдѣ такой магазинъ въ Петербургѣ—не знаю. При витринѣ стоитъ бедуинъ, полный, красивый и очень хорошо говорящій по-французски. Этого бедуина я видѣлъ и въ другомъ отдѣленіи выставки, тоже восточномъ, гдѣ онъ, кажется, чувствовалъ себя больше дома. Между Верфелемъ и Джаваромъ Али помѣстилась круглая витрина съ надписью: *Maison Khlebnikoff-fils. Moscou.* Это наши извѣстныя серебряныя издѣлія; нѣкоторыя изъ нихъ отличаются очень тонкой работой, на примѣръ, серебряный женскій рабочій сессеръ. Затѣмъ: небольшой или, точнѣе, маленький шкафъ съ мыломъ и духами, Брокера; 4 головы сахару и четыре вазы съ сахарнымъ пескомъ, Харитоненко. Еще 2 головы сахару, 3 вазы пиленнаго сахару и 2 вазы сахарнаго песку. Имена экспонентовъ написаны какой-то французской вязью, такъ что я прочиталъ: Бержелъ; но потомъ оказалось, что это Сергѣевъ и Романовъ, изъ Москвы. Роялино Дидерихса; русскія

кружева и тканевыя одѣяла Роженова, Старшинова и Павлова изъ Волоколамска. Бѣлила Сорокина, изъ Ярославля. Махорка для нюханья, Злобина изъ Козлова. Эту махорку охотно здѣсь раскупають, какъ лекарство для скота. Стекла оконныя, Шокина. 26 бутылокъ очищенной водки братьевъ Пановыхъ изъ Москвы. Очищенная водка Шапошникова, изъ Гжатска; леденцы, варенье, вяземскіе пряники Елисѣева. Водка Вольфшмидта изъ Риги,—выборъ очень богатый, разнообразный и красивый. Наконецъ, нашъ знаменитый Марксъ выставилъ въ переплетахъ свои изданія: «Ниву» за нѣсколько лѣтъ, «Потерянный рай» и цѣлый рядъ романовъ Всеволода Соловьева—«Навожденіе», «Касимовская невѣста», «Княжна Острожская», «Волтерьянецъ», «Капитанъ гренадерской роты», «Горбатовъ». Французамъ, конечно, будетъ пріятно узнать имя такого извѣстнаго русскаго романиста. Есть еще маленькій столикъ съ печатами и монограммами, какого-то рѣзчика изъ Одессы, и рядъ полоекъ, уставленныхъ стаканами и рюмками, и при нихъ мастеръ, тутъ-же на колесѣ вытачивающій на посудѣ цвѣты, фигуры и вензеля. Этотъ мастеръ тоже изъ Одессы, и объ немъ можно было-бы не упоминать, если-бы не ругань, въ которой онъ участвовалъ, хотя не въ качествѣ главнаго дѣятеля, но дѣятеля достаточно-мужественнаго и неустрашимаго. Скандаль этотъ привлекъ къ себѣ вниманіе почти всей выставки, и хотя побѣда осталась несомнѣнно за однимъ изъ официальныхъ представителей русскаго отдѣленія, но было-бы лучше, если бы онъ не далъ итальянцамъ повода сказать—итальянское отдѣленіе находится рядомъ, нѣсколькими ступенями выше, и я во время этой исторіи былъ въ итальянскомъ отдѣленіи—«ну, русскіе!»

Дня за два до посѣщенія выставки я встрѣтилъ на бульварѣ господина въ оригинальномъ русскомъ костюмѣ, который выдумалъ лѣтъ 25 назадъ псковскій крестьянинъ Поляковъ, посланный министромъ Муравьевымъ за-границу, для изученія льняного дѣла и льняной промышленности. Тогда русскіе во Франціи были мало извѣстны, и Поляковъ своей шутовской одеждой не мало способствовалъ въ Парижѣ нашей популярности. Разъ Поляковъ былъ въ театрѣ и, конечно, забрался въ первый рядъ кресель. Наполеонъ III, бывшій тоже въ театрѣ, въ одномъ изъ антрактовъ даже всталъ, чтобы разсмотрѣть хорошенько этого русскаго попугая. Поляковъ постоянно дѣлалъ изъ себя выставку: онъ ходилъ на показъ по бульварамъ, ѣздилъ верхомъ по Елисейскимъ полямъ и ужасно былъ доволенъ, что на него всѣ смотрѣли. Выставкой себя Поляковъ и ограничилъ свою поѣздку за-границу; деньги казенныя онъ прогулялъ съ одной русскою генеральшей, искавшей въ Парижѣ приключеній, а льняного дѣла не изучилъ и никакихъ

торговыхъ сношеній съ Европой не устроилъ. Поляковъ носилъ малиновую или желтую канаусовую рубашку, при желтыхъ или малиновыхъ штанахъ, запущенныхъ въ высокіе лакированные сапоги; на рубашку надѣвался черный суконный кафтанъ нараспашку, и на голову—ямская шляпа съ павлиньими перьями. Ну, совѣмъ шутъ гороховый. Вотъ и господинъ, котораго я встрѣтилъ, былъ въ такомъ-же русскомъ костюмѣ, но штаны были у него бархатныя. Удивило меня только, что русскій мужикъ говорилъ съ своей дамой по-французски. Затѣмъ встрѣчаю я мужика въ русскомъ отдѣленіи. «Вы русскій?» обратился я къ нему по-русски. «Я полякъ изъ Варшавы», отвѣтилъ онъ, довольно плохо по-русски.—«Что-же вы тутъ дѣлаете?»—«Это мое отдѣленіе». Вижу, что человекъ съ положеніемъ, но кто онъ доподлинно, такъ и осталось недосказаннымъ. Затѣмъ, на слѣдующій разъ, слышу изъ итальянскаго отдѣленія невозможный базарный крикъ въ отдѣленіи русскомъ. Ругаются, однако, русскіе по-французски, вѣроятно, чтобы быть понятнѣе публикѣ. «Да я съ вами, вотъ что сдѣлаю, плюну и разотру!» кричитъ полякъ и затѣмъ плюетъ и растираетъ.—«Ахъ вы жида поганне!»—«А я вамъ французскимъ языкомъ говорю, что вы дуракъ, понимаете, дуракъ! кричить противникъ,—вы ужъ съ утра пьете водку»... Любопытные изъ другихъ отдѣленій сходятся посмотрѣть на русскихъ молодцовъ, пожимаютъ плечами—и уходятъ. «Что вы это дѣлаете, говорю я поляку, отъ котораго такъ порядочно пахло водкой,—какъ вамъ не стыдно».—«Не могу я вынести; для меня дороги русскіе интересы. Вчера въ нашемъ отдѣленіи была комиссія; я хотѣлъ, чтобы Дидриксу за его рояль дали золотую медаль, а этотъ жидъ говорить, что у рояля лопнули двѣ струны...»—«Кто этотъ въ красной рубашкѣ?» сирачиваю я рѣзчива изъ Одессы.—«Да это служитель при русскомъ отдѣленіи».—«Какъ-же ему позволяетъ комиссаръ такія безобразія?»—«Ужъ не говорите. Комиссаръ ужасно слабый человекъ, и каждый въ нашемъ отдѣленіи дѣлаетъ, что хочетъ». Комиссаромъ оказался нѣкто Maurice de Barontséwitch, кавалеръ почетнаго легіона. Это маленький, сутуловатый, скромный и тихій человекъ, который ужъ никакъ не внушалъ страха, и при немъ дѣйствительно можно было дѣлать, что хочешь, при маленькой дозѣ наглости.

Французы народъ политическій, уличный, они читаютъ много газетъ, но книжная торговля у нихъ не особенно процвѣтаетъ—она специальность нѣмцевъ. Поэтому вы въ Ниццѣ встрѣтите много магазиновъ съ цвѣтами, фруктовыхъ, галантерейныхъ, модныхъ, съ разными блестящими бездѣлушками, но книжныхъ лавокъ почти не встрѣтите. Здѣсь читаютъ мало, хоть есть даже

и мѣстные авторы. Такимъ оказался, между прочимъ, нашъ соотечественникъ, книгу котораго я и купилъ. Она озаглавлена такъ: «Les Mystères de Nice. Par W. de Zybinn. Nice. 1882—83». Книга, значить, не новая. Томъ I-й. Не знаю, есть-ли второй, или г. Зыбинъ ограничился только первымъ. Говорять, г. Зыбинъ исцѣплялъ свои силы и на драматическомъ поприщѣ и поставилъ пьесу, въ которой выразилъ свое недовольство теперешнимъ временемъ и направлениемъ молодежи. Вѣроятно, г. Зыбинъ имѣлъ въ виду молодежь русскую, но французы этого не поняли, обидѣлись и перестали ходить на пьесу г. Зыбина. Въ посвященіи г. Зыбинъ объясняетъ причину своего литературнаго творчества: «Посвящается городу Ниццѣ, въ знакъ признательности за десять лѣтъ пріятнаго пребыванія въ этомъ очаровательномъ городѣ, и его обитателямъ, за ихъ любезное гостепріимство». Посвященіе это стоитъ цѣлаго открытія, и если найдете себѣ подражателей, то Ниццѣ грозитъ цѣлая литература отелей и гостинницъ. Десять лѣтъ, конечно, не обязательны, чтобы проиницироваться благодарными чувствами къ пальмамъ и теплому солнцу и къ внимательности гарсоновъ гостинницъ. Для этого вполне достаточно и десяти дней. Затѣмъ вы можете собрать всѣ анекдоты и рассказы, которые слышали за table d'hot'омъ, напечатать ихъ и посвятить своему отелю... Знаете, читатель, ей-Богу все это не смѣшно, и такой книги, какъ «Mystères de Nice» не придетъ въ голову написать ни одному нѣмцу, ни одному англичанину, ни одному американцу. Нѣтъ, у нѣмцевъ книги лучше, чѣмъ у французовъ. Въ Вѣнѣ я спросилъ въ гостинницѣ адресъ какого-нибудь хорошаго книжнаго магазина, и швейцаръ сторвалъ, отъ книжечки, въ родѣ нашихъ «рвотныхъ» календарей, висѣвшей на стѣнѣ, листочекъ и вручилъ его мнѣ. Это былъ адресъ придворнаго книгопродавца Лехнера, на Грабенѣ. Пошелъ я къ Лехнеру, но не нашелъ чего искалъ. Отправился по другимъ книжнымъ лавкамъ. На маленькомъ Грабенѣ, который длиною меньше Троицкаго моста, оказалось четыре книжныхъ лавки и въ нихъ выборъ болѣе интересныхъ вещей, чѣмъ «Тайны Ниццы». Между прочимъ, вышло въ нынѣшнемъ году вторымъ изданіемъ: «Bismarck. Zwölf Jahre deutscher Politik. (1871—1883)». Эта книжка частію панегирикъ Бисмарку, частію памфлетъ, направленный противъ противниковъ нѣмецкой политики. Понятно, что къ Россіи и Горчакову авторъ не относится съ особыми симпатіями. Первая глава озаглавлена: «Бисмаркъ—Горчаковъ—Андраши», и начинается словами Бисмарка: «Вы (нѣмцы) говорите такъ много о благодарности къ Россіи и не знаете того, что еслибы въ 1870 году все дѣлалось по симпатіямъ русскаго народа, то цар-

ская армія должна была бы идти противъ Германіи и что только симпатіи Царя создали исходъ въ противоположномъ смыслѣ». Это сказалъ Бисмаркъ въ 1876 г. Авторъ не безъ горечи говоритъ о внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи къ Германіи и объясняетъ ихъ общимъ настроеніемъ народа, который, считая западъ «гнилымъ», стремится изъ славянскихъ народностей создать «свободные» штаты подѣ главенствомъ Россіи. Горчаковъ, сказавшій: «Австрія— не государство, а только правительство», тридцать лѣтъ дѣйствовалъ какъ самый рѣшительный врагъ всего нѣмецкаго. Но еще раньше Горчакова русская политика отличалась по отношенію къ Германіи высокомѣриемъ и заносчивостію, а Германія ставила себя не только въ зависимость отъ Россіи, не только не считала возможной для себя другой политики, кромѣ политики подчиненія, но съ трибуны прусскіе уполномоченные называли русскаго Царя отцемъ Германіи. Въ 1854 году графъ Финкенштейнъ сказалъ: «Мы принадлежимъ Россіи». «На этомъ недостаткѣ въ насъ самоуваженія, говоритъ авторъ,—русскіе государственные люди хотѣли установить порядокъ отношеній, казавшійся имъ нормальнымъ. Подобное возрѣніе, создавшееся при Императорѣ Николаѣ, хотѣли перенести и на новую Германію, пока князь Бисмаркъ не выяснилъ русскимъ «своей точки зрѣнія». Онъ постепенно освободилъ насъ отъ Австріи, Франціи и Россіи». Вотъ «standpunkt» автора для оцѣнки политики Бисмарка по отношенію къ Германіи. Книжка намъ не особенно дружественная, но въ ней есть много интересныхъ фактовъ и составлена она съ нѣмецкой добросовѣстностію и усидчивостію.

На этомъ я пока и кончу свои первыя впечатлѣнія. Ужъ слишкомъ хороша погода: на небѣ ни облачка, солнце печетъ, море—какъ зеркало, ни одинъ листокъ не шевельнется на деревьяхъ; въ такую погоду тянетъ на берегъ моря...

Н. Ш.

ВОСКОВАЯ ГОЛОВА.

Разсказъ Жоржа Приса.

(Съ французскаго).

Защита подсудимаго.

....Господа присяжные, я начну съ того, что разскажу вамъ свою жизнь вплоть до дня, въ который я совершилъ преступленіе; послѣ этого я буду говорить о самомъ преступленіи и о сцѣпленіи цѣлаго ряда психологическихъ фактовъ, которые довели меня до убійства этого несчастнаго парикмахера. Слово «*психологическихъ*» вызвало на вашихъ губахъ улыбку... Нѣтъ, господа, я не рисуюсь; у человѣка, защищающаго свою голову, не то на умѣ. Но я принужденъ употребить именно это слово и думаю, что положеніе обвиняемаго, хотя и обязывающее человѣка къ крайнему смиренію, все-таки не можетъ заставить меня сознательно употреблять иное выраженіе, а не то, которое передаетъ мою мысль.

Во время предварительнаго заключенія и въ продолженіи моей болѣзни я долго и много думалъ. Эта болѣзнь, этотъ ужасный приливъ къ мозгу, который поразилъ меня послѣ ареста, былъ только конечнымъ бѣшенымъ взрывомъ того возбужденія, которое накопилось въ моемъ мозгу, сдавленномъ какъ въ клещахъ и близкомъ къ сумасшествію. Меня спасли отъ естественной смерти, и въ періодъ покоя, который наступилъ послѣ этихъ мучительныхъ потрясеній, во мнѣ совершилось странное явленіе: все мое нравственное существо, какъ будто обезчужденное, снова пережило прошлую жизнь, не испытывая прежнихъ страданій. Подобное-же ощущеніе должна-бы была испытать душа человѣка, которая-бы случайно проникла въ душу другого, незнакомаго существа: она при-

существовала-бы при внутреннихъ драмахъ психической жизни, сама-бы принимала въ нихъ участіе, но развязки ихъ не причиняли-бы ей ни радости, ни горя. Это состояніе позволило мнѣ подвергнуть всѣ факты хладнокровному анализу, подобному тому, который только что представилъ вамъ въ своемъ докладѣ врачъ-экспертъ. Какъ ни покажется это вамъ страннымъ, но въ настоящую минуту передъ вами говорить свидѣтель, безпристрастный свидѣтель. Хотя дѣло касается моей жизни, мнѣ нѣтъ нужды прибѣгать ко лжи, такъ какъ въ простомъ разказѣ истинныхъ фактовъ заключается достаточно аргументовъ защиты. Не удивляйтесь, что этотъ свидѣтель, котораго я изображаю сегодня, какъ на анатомическомъ столѣ вскрываетъ передъ вами сердце и жизнь того человѣка, которымъ я былъ до преступленія, и будьте снисходительны къ нему, если для выраженія своихъ мыслей онъ не всегда найдетъ строго соответствующее имъ слово.

Я не желаю выставлять себя въ вашихъ глазахъ человѣкомъ необыкновенной кротости, но положительно не вижу ничего, что-бы обнаруживало во мнѣ и звѣрскіе инстинкты. Я просто человѣкъ, какихъ много, — скорѣе добрый, чѣмъ злой.

Когда мнѣ минуло девятнадцать лѣтъ, я покинулъ маленький городокъ, въ которомъ родился. Это одинъ изъ фактовъ, которымъ воспользовалось обвиненіе, но позволю себѣ посвятить ему нѣсколько словъ. Да, господа, я покинулъ отца и мать, безъ ихъ согласія, и со ста франками въ карманѣ отправился въ Парижъ. Положеніе моихъ родителей было блестящее. Я ушелъ потому, что первые успѣхи въ школѣ и въ обществѣ маленькаго городка вскружили мнѣ голову, и я вообразилъ, что меня ждетъ блестящая будущность въ литературной карьерѣ.

И такъ, я прибылъ въ Парижъ. Какъ я уже сказалъ вамъ, въ карманѣ у меня было сто франковъ и нѣсколько рукописей.

Пріѣхалъ я въ пять часовъ утра. Это было весною. Начинало свѣтать. Выйдя изъ Монпарнаскаго вокзала... простите, что я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ... я гордо шелъ по этому городу, который до этого видѣлъ только одинъ разъ и въ которомъ рассчитывалъ завоевать себѣ видное, блестящее положеніе. Я шелъ съ высоко поднятой головой; я готовился зарабатывать себѣ средства къ жизни. Конечно, меня ожи-

даютъ препятствія; но вѣдь другіе-же побѣждали ихъ. Я шелъ все прямо, читая названія главныхъ улицъ, съ восторгомъ присматриваясь къ утреннему пробужденію города, которое казалось мнѣ символомъ наступившей во мнѣ самой весны. Самъ не зная какъ, я очутился около Люксембургскаго сада и вошелъ въ него. Я провелъ тридцать часовъ въ вагонѣ желѣзной дороги, но совершенно не чувствовалъ усталости. Только въ десять часовъ я нанялъ себѣ на улицѣ Вожираръ маленькую, довольно темную и невзрачную комнату, въ четвертомъ этажѣ, съ окномъ, выходившимъ на дворъ. Но, поселяясь въ ней, я освѣтилъ ее своими лучезарными мечтами. Я привелъ въ порядокъ свои рукописи и отправился въ походъ.

У меня не было въ Парижѣ никакихъ знакомыхъ. Я вошелъ въ кафе и выписалъ изъ адресной книги адреса всѣхъ газетъ и всѣхъ книгопродавцевъ. Послѣ этого я началъ свои странствованія.

Въ этотъ день я перебивалъ въ одиннадцать мѣстахъ.

Одиннадцать разъ меня отовсюду выпроваживали усатые конторскіе служители, и, несмотря на мою звѣрскую натуру, какъ выразился господинъ прокуроръ, я каждый разъ молча удалялся. Вечеромъ, вернувшись въ свою комнатку, я сталъ упрекать себя за то, что взялся за дѣло не такъ, какъ слѣдовало. Главные редакторы, вѣроятно, слишкомъ заняты; впредь я буду обращаться къ секретарямъ редакцій. Завтра же, для разнообразія, я обойду книгопродавцевъ.

Здѣсь меня встрѣчали приказчики. Эти, по крайней мѣрѣ, говорили мнѣ: «Оставьте вашу рукопись и зайдите черезъ двѣ недѣли».

Такимъ образомъ, у меня были хоть надежды.

Снова отправился я въ редакціи газетъ и повторилъ свои одиннадцать визитовъ. Одиннадцать разъ меня выпроводили за двери, и еще менѣе вѣжливо, чѣмъ въ первый разъ.

Послѣ этого я обратился къ дирекціи одного театра и предложилъ пьесу въ три акта. Дирекція потребовала, чтобы рукопись была представлена въ трехъ экземплярахъ. Это стоило 45 франковъ. У меня не осталось въ карманѣ ни гроша, но за комнату было заплачено впередъ. Вопросъ былъ только въ томъ, чѣмъ я буду жить.

Случайно я встрѣтилъ одного изъ своихъ школьныхъ товарищей. Онъ былъ двумя, тремя годами старше меня, полу-

чалъ изъ дома достаточное содержаніе и успѣлъ найти себѣ занятіе въ области второстепенной журналистики. Товарищъ мой былъ главнымъ редакторомъ одной маленькой газетки. Я считалъ себя спасеннымъ. Я объяснилъ ему свое положеніе, сообщилъ о своихъ проектахъ. Онъ слушалъ меня съ разсѣяннымъ видомъ, распредѣляя рукопожатія направо и налево и фамиллярно раселаниваясь съ женщинами, проѣзжавшими въ коляскахъ;—мы были на бульварѣ. Онъ, очевидно, уже готовился какъ-нибудь отдѣлаться отъ меня, но вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе.

— Послушай, милый другъ, положеніе твое внушаетъ мнѣ участіе; въ настоящее время у меня на рукахъ есть очень серьезная работа для газеты, и я намѣренъ предложить ее тебѣ. Ты, вѣдь, очень силенъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ; можешь ли ты въ трехъ статьяхъ, на основаніи древнихъ источниковъ, составить мнѣ резюме исторіи всѣхъ учреждений, сколько-нибудь походившихъ на сенатъ, начиная съ начала міра до настоящихъ дней?

— Въ трехъ статьяхъ?

— Ни болѣе, ни менѣе.

— Но это въ тысячу разъ труднѣе слѣзть въ трехъ статьяхъ, чѣмъ въ пятидесяти!

— Еще-бы.

— Я попытаюсь.

Поневолѣ проходило попытаться.

— И такъ, черезъ недѣлю!

— Благодарю, что ты принимаешь меня въ число своихъ сотрудниковъ.

— Нѣтъ, извини... не въ число сотрудниковъ. Въ послѣдствіи—мы увидимъ; а пока я бы назвалъ тебя... секретаремъ, если-бы ты не былъ моимъ товарищемъ. Ты понимаешь, что твоя неопытность, непривычка къ журнальной работѣ и т. д. и т. д... Я принужденъ буду многое исправлять, быть можетъ—передѣлывать. Ты получишь за эту работу сто франковъ.

Я продалъ свой перстень и золотую булавку и принялся за работу. Три статьи мои появились безъ малѣйшихъ измѣненій и были перепечатаны въ десяти газетахъ; подъ ними красовалось имя моего товарища.

Вотъ, господа, исторія моего перваго дебюта. Если я въ своемъ разсказѣ злоупотребилъ вашимъ терпѣніемъ и внима-

нѣмъ, то лишь потому, что вся остальная моя жизнь, вплоть до того дня, когда я, съ годъ тому назадъ, поселился въ улицѣ Де-Жуанъ, состояла изъ длиннаго ряда подобныхъ же эпизодовъ, вполне соответствовавшихъ началу.

Не имѣя ни единого друга, ни одного знакомаго дома, я весь погрузился въ лихорадочную работу. Статьи, которыя я писалъ для товарища, доставляли мнѣ сто, иногда сто-пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ. Я не дѣлалъ долговъ и кое-какъ существовалъ. Я рылся въ библиотекѣ Сорбонны.

Тѣмъ не менѣе. я не жаловался. Человѣкъ такъ твердо вѣрить въ двадцать лѣтъ! Кромѣ этихъ булавочныхъ уколовъ я въ первый разъ извѣдалъ и острое, жгучее страданіе: мой отецъ и моя мать оба умерли въ теченіи трехъ дней. У меня не было денегъ, и я не могъ поѣхать повидаться съ ними передъ смертью. Человѣкъ, для котораго я писалъ статьи, уѣхалъ изъ Парижа. Кромѣ него я только зналъ двухъ молодыхъ людей, которые обыкновенно рядомъ со мною работали въ Сорбоннѣ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ бы возможность помочь мнѣ, но онъ отказалъ. Второй, краснѣя, признался, что самъ слишкомъ бѣденъ для того, чтобы помочь мнѣ. Объ немъ, господа, мнѣ еще придется говорить.

Это горе оставило въ душѣ моей глубокой слѣдъ.

Я вышелъ изъ этого испытанія разбитымъ, но безъ злобы въ сердцѣ. Еще больше прежняго, съ какимъ то мрачнымъ ожесточеніемъ, погрузился я въ работу. Къ тому же, въ моей жизни прибавились новыя обязательства: нужно было платить нѣкоторые долги, которые мой отецъ, лишившись состоянія, не успѣлъ еще ликвидировать и которые я, разумѣется, взялъ на себя. Тѣмъ не менѣе, я нашелъ возможность увеличить свои доходы. Я сталъ работать въ центральномъ рынкѣ, въ качествѣ помощника, отъ полночи до пяти часовъ утра, и зарабатывалъ по пяти франковъ въ ночь. Съ этихъ поръ я спалъ когда придется. Но мнѣ это нравилось. Грохотъ съѣзжающихъ среди ночи телегъ, машинальная работа, состоявшая въ томъ, чтобы записывать въ списки рядъ цифръ, выкрикиваемыхъ хриплыми голосами передъ моимъ маленькимъ окошечкомъ, — все это составляло рѣзкій контрастъ съ торжественнымъ безмолвіемъ библиотечныхъ залъ и производило на меня впечатлѣніе отдыха, котораго не давалъ мнѣ мой лихорадочный сонъ.

Къ этому времени, господа, относится мое единственное

романтическое приключеніе. Не обвиняйте меня въ недостаткѣ скромности или въ желаніи рисоваться, которое свойственно иногда подсудимому. Повторяю еще разъ,—я не болѣе какъ свидѣтель и обязался передъ вами и передъ самимъ собою разсказать всю правду.

Впрочемъ, исторія эта коротка и не представляетъ собою ничего необычайнаго. Живя суровою, цѣломудренною жизнію скромнаго труженика, я съ увлеченіемъ кинулся навстрѣчу первой любви и отдалъ всю свою душу первой женщинѣ, которая, какъ мнѣ казалось, выразила желаніе обладать ею. Я боготворилъ ее. Ея чувство было простымъ капризомъ. Такой недостатокъ равновѣсія повлекъ за собою разрывъ, и я снова очутился одинокимъ, разбитымъ болѣе чѣмъ прежде.

Она доставила мнѣ нѣсколько счастливыхъ дней, единственныхъ, которые я когда-либо зналъ. вмѣстѣ съ ними въ мою душу проникло нѣсколько лучей свѣта. Зато насколько мрачнѣе, ужаснѣе была наступившая послѣ этого ночь! Все, что могло напоминать мнѣ о ней, внушало мнѣ ужасъ. Я покинулъ свою скромную комнату въ улицѣ Вожираръ. Съ тяжелымъ сердцемъ, исполненнымъ горечью разбитыхъ иллюзій и предчувствіемъ мрачнаго будущаго, простился я въ послѣдній разъ съ убогою мебелью, которая была свидѣтельницею моихъ блестящихъ мечтаній, долгихъ печальныхъ разочарованій и разбитой любви. Три года тому назадъ я въ первый разъ поселился въ этой комнатѣ; тогда мнѣ было двадцать два года.

Слѣдуя тому суетвѣрію, которое свойственно людямъ, утратившимъ вѣру, я желалъ переменить среду, перенестись въ другую часть парижскаго міра, подобно тому, какъ несчастный игрокъ мѣняетъ мѣсто за игорнымъ столомъ. Въ послѣдній разъ пошелъ я работать въ старыя залы Сорбонны, носящія какой-то семейный отпечатокъ; мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на симпатичныя фізіономіи тружениковъ лѣваго берега Сены; это—старые ученые съ кроткимъ, разсѣяннымъ взглядомъ, носящіе на своихъ спокойныхъ лицахъ свѣтлый отпечатокъ цѣлой жизни, проведенной въ непрерывномъ, спокойномъ занятіи наукою;—молодые труженики науки, подобно мнѣ поблѣднѣвшіе надъ работою. Наконецъ, мнѣ хотѣлось позвать руку единственному существу, съ которымъ я сошелся.

Это былъ тотъ сосѣдь по работѣ, о которомъ я упоминалъ

по поводу смерти моихъ родителей; тотъ самый, который, по недостатку денегъ, не могъ оказать мнѣ услугу.

Арнольди былъ въ такомъ-же положеніи, какъ и я. Я зналъ только его имя. Изъ жизни его мнѣ было извѣстно развѣ только то, что онъ приходилъ въ библіотеку въ одно время со мною и что мы вмѣстѣ уходили изъ нея. Это была странная натура, замѣчательное соединеніе холодности и страсти. Итальянецъ по происхожденію, но воспитанный во Франціи, онъ былъ высокаго роста, поразительно красиваго, чисто арабскаго типа, и появлялся всегда въ безупречной одеждѣ, подъ которою я, однако, видѣлъ ту-же знакомую мнѣ борьбу съ нуждою. Какъ я уже сказалъ, мы выходили изъ библіотеки одновременно и вмѣстѣ шли до Люксенбургскаго дворца. Здѣсь мы разставались. Онъ продолжалъ свой путь по направленію къ улицѣ Вавэнъ, а я входилъ въ свой домъ на улицѣ Вожираръ. Мы говорили о наукѣ, о философіи. Наши мнѣнія во многихъ отношеніяхъ сходились. Я чувствовалъ, что онъ прошелъ сквозь тѣ-же испытанія, какъ и я, что они и теперь еще не окончились, но что въ этой сильной душѣ несчастье, вмѣсто того, чтобы оставить, какъ во мнѣ, нервное утомленіе и болѣзненную раздражительность, разрушило все и посѣяло только ужасный скептицизмъ; такъ болѣзнь сильнѣе проявляется въ крѣпкомъ тѣлѣ, чѣмъ въ слабomъ организмѣ.

Чувствовалъ-ли этотъ человекъ ко мнѣ истинную привязанность, или-же онъ просто ощущалъ потребность въ обществѣ, которая такъ сильно проявляется даже у самыхъ ожесточенныхъ мизантроповъ, — на этотъ вопросъ я никогда не могъ себѣ отвѣтить. Во всякомъ случаѣ, когда я сообщилъ ему о своемъ рѣшеніи переселиться на правый берегъ, это его, по видимому, опечалило. По его просьбѣ, я обѣщала увѣдомить его о своемъ новомъ адресѣ; мы пожали другъ другу руки и разстались.

Въ тотъ-же день я поселился на улицѣ Де-Муанъ, въ 27 номерѣ. Моя новая квартира состояла изъ большой комнаты во второмъ этажѣ стараго дома. Въ былое время она, впрочемъ, была роскошно меблирована, и какъ послѣдніе слѣды минувшаго великолѣпія въ ней сохранились еще длинныя оконныя занавѣсы изъ плотной темной матеріи, выцвѣтшей и мѣстами обтрепанной отъ старости. Пробывавшійся между высокими зданіями улицы свѣтъ едва проникалъ въ мою ком-

нату, и это придавало ей унылый видъ. Какъ всѣ люди, привыкшіе къ страданіямъ, я испытывалъ какое-то горькое наслажденіе при мысли, что буду жить въ этой комнатѣ, въ которой ничто не будетъ развлекать мою меланхолію, гдѣ мнѣ можно будетъ вполнѣ предаваться своимъ печальнымъ думамъ.

Напротивъ меня помѣщалась скромная лавочка парикмахера предмѣстья. Выходя изъ дома, я замѣтилъ въ ея окнѣ предметъ, который произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе.

Всякому приходится въ жизни встрѣчать симпатичныхъ и антипатичныхъ людей. Точно также существуютъ и вещи, которыя привлекаютъ или отталкиваютъ васъ, независимо отъ свойства самого предмета и отъ тѣхъ мыслей, на которыя можетъ навести его предназначеніе. Само собою понятно, почему видъ, гильотины васъ отталкиваетъ, а красивая статуя, наоборотъ производитъ хорошее впечатлѣніе. Но помимо этого вы часто встрѣтите въ числѣ ничего не значущихъ вещей тотъ или другой неодушевленный предметъ, хотя-бы столъ, если хотите, который вамъ понравится, между тѣмъ какъ какой-нибудь стулъ произведетъ на васъ положительно отталкивающее впечатлѣніе, причѣмъ вы не будете въ состояніи истолковать такое различное дѣйствіе ни разсужденіемъ, ни эстетическими соображеніями. Это зависитъ единственно отъ того настроенія, въ которомъ мы находимся въ данную минуту. Это своего рода симпатія или антипатія, причина которыхъ совершенно субъективная. На неодушевленномъ предметѣ, такъ сказать, отражается для васъ то психическое состояніе, которое въ это время господствуетъ въ вашемъ умѣ. Вотъ другой примѣръ подобнаго, очень обыкновеннаго въ человѣческой жизни, явленія: вы печальны, вы встрѣчаете счастливаго, веселаго пріятеля; вы говорите ему: «мой *бѣдный* другъ». Слово «бѣдный» въ сущности относится къ вашему личному положенію, къ настроенію вашего ума, и вы невольно примѣняете его къ личности вашего пріятеля.

Это отступленіе, господа, было не бесполезно. Оно объясняетъ вамъ, что, если неодушевленнымъ предметамъ, по выраженію латинскаго поэта, не чужды слезы, то не чужда имъ и иронія. Предметъ, который я увидѣлъ въ витринѣ моего сосѣда, произвелъ на меня впечатлѣніе ироніи, которое было тѣмъ болѣе рѣзко, что я самъ стыдился его и, отдавъ себѣ ясный отчетъ въ своемъ чувствѣ, впервые усомнился относи-

тельно своей нравственной стойкости. Это была восковая голова.

Отчасти желая уяснить себѣ это впечатлѣніе, отчасти стараясь скрыть его отъ собственнаго сознанія, я приблизился къ окну и сталъ смотрѣть.

Она совершенно имѣла видъ отрубленной головы. Вы сами видите ее; это не бюстъ, какіе обыкновенно выставляются въ витринахъ парикмахеровъ. Это простая голова, и притомъ сдѣланная съ замѣчательнымъ искусствомъ. Даже теперь, когда она стоитъ на этомъ столѣ, я не могу взглянуть на нее безъ содроганія. Волоса ея, бѣлокурые, какъ у Офелии, взбиты, откинуты назадъ и распущены въ живописномъ беспорядкѣ, а синіе, какъ сталь, глаза свѣтятся глубокимъ, металлическимъ блескомъ.

Голова эта, помѣщаясь въ незатѣйливой витринѣ, рѣзко выдѣлялась на красномъ фонѣ саржевой занавѣски. Она стояла тамъ, покоясь на обрубкѣ шеи и смотрѣла; тонкія красныя губы ея искривлялись въ злую, высокомерную улыбку. Я продолжалъ свой путь и, углубившись въ свои думы, отправился по дѣламъ. Этотъ день былъ для меня какъ-то особенно несчастливъ. Главный редакторъ газеты отказался принять большую часть моей работы. Вечеромъ, печальнѣе, чѣмъ обыкновенно, я вернулся къ десяти часамъ. Витрина парикмахера была скудно освѣщена плохой лампою. Только двѣ точки свѣтились, словно алмазы; это были глаза восковой женщины. Я пришелъ въ ужасъ отъ того, что произошло со мною при видѣ этой картины. Я вошелъ въ свою комнату. Въ головѣ моей невольно родился вопросъ, не схожу-ли я съ ума,—до такой степени казалось мнѣ страннымъ то вліяніе, которое производилъ на мое физическое и нравственное существо блескъ этихъ двухъ кусковъ стекла. Я рѣшилъ избѣгать этого опаснаго вліянія и обѣщалъ себѣ не смотрѣть въ сторону парикмахера, выходя изъ дома и возвращаясь домой. Въ теченіи восьми дней я строго исполнялъ обѣщаніе. Это было не легко, господа. Странная притягательная сила, производимая на наши взгляды предметами, которые, казалось-бы, должны, скорѣе, отталкивать ихъ, давала себѣ чувствовать съ необыкновенною силою. Что-то положительно тянуло меня къ этой куклѣ. Тѣмъ не менѣе, я имѣлъ на столько силы воли, что устоялъ противъ ея вліянія.

Въ этотъ промежутокъ времени меня два раза постигли Арнольди. Наши отношенія сдѣлались интимнѣе. Я разсказалъ ему о нѣкоторыхъ условіяхъ моей жизни; онъ въ свою очередь отчасти познакомилъ меня съ своимъ положеніемъ. Мнѣ уже хотѣлось поговорить съ нимъ о восковой головѣ и о томъ дѣйстви, которое она производитъ на меня; но мнѣ стало стыдно сознаться въ томъ, что я считалъ слабостью, и я удержался. А между тѣмъ, такой анализъ моего нравственнаго состоянія, произведенный въ обществѣ этого скептика, быть можетъ, оказалъ-бы на меня благотворное дѣйствіе.

На восьмой день обаяніе этихъ мрачныхъ глазъ пересилило, — я посмотрѣлъ.

Начиная съ этого времени, каждый день это новое тягостное ощущеніе присоединялось къ остальнымъ горькимъ впечатлѣніямъ моей жизни. По прошествіи нѣкотораго времени, я даже примирился съ нимъ, какъ несчастный, истощаемый неизлечимою опухолью, примиряется съ ея разрушительнымъ вліяніемъ и носить съ собою своего палача, не стараясь освободиться посредствомъ болѣзненной операци отъ страданія, которое, какъ ему извѣстно, роковымъ образомъ должно возвратиться.

Матеріальныя условія моей жизни были все тѣ-же. Каждую недѣлю я относилъ своему школьному товарищу работу, надъ которою трудился въ продолженіи семи дней. Онъ выкраивалъ изъ моихъ мыслей то, что ему было нужно, часть отбрасывалъ, большую часть оставлялъ, платилъ мнѣ деньги и давалъ новую работу. О сотрудничествѣ давно уже не было и рѣчи. Относительно этого я также уже пересталъ надѣяться и мирился съ настоящимъ положеніемъ вещей. Но каждая суббота была для меня ознаменована новою пыткой и, странное дѣло, вмѣсто того, чтобы привыкать къ ней, я съ каждымъ разомъ все болѣзненнѣе чувствовалъ оскорбительность такого отношенія, какъ будто минувшія страданія накопились и присоединялись къ новой ранѣ.

И когда, возвращаясь домой, я видѣлъ устремленный на меня блестящій, неподвижный взглядъ этой отрубленной головы, я закрывалъ глаза, и мнѣ чудилось, что между моею судьбою и этимъ мертвымъ взоромъ существуетъ какая-то таинственная связь.

Въ одну изъ субботъ я, по обыкновенію, явился въ редакцію газеты.

Мой товарищъ уѣхалъ въ провинцію. Онъ намѣревался выступить кандидатомъ на должность депутата. Повидимому, онъ успѣлъ составить себѣ репутацію. вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и мой заработокъ.

Я вернулся домой со своими рукописями. Улица Де-Муанъ была темна и безлюдна. Только нѣсколько женщинъ, казавшихся какими-то тѣнями при слабомъ свѣтѣ сумерокъ, неподвижно стояли и вполголоса разговаривали на порогахъ дверей. Еще издали я старался рассмотреть освѣщена ли лавочка парикмахера; увидѣвъ, что и въ ней все было темно, я почувствовалъ положительное облегченіе и ускорилъ шаги. Несмотря на овладѣвшее мною отчаяніе, я испытывалъ жгучее наслажденіе, глядя на эту витрину, въ которой мое наэлектризованное воображеніе видѣло какую-то непонятную связь между мертвою куклою и моею собственною горькою долею. Я шелъ быстро, устремивъ глаза на темное, не страшное для меня окно; наконецъ-то я возвращусь домой, не увидавъ ея!

Я приближался уже къ двери моего дома. Еще три шага, и я буду внѣ опасности. Въ это время раздался сухой звукъ, газовый рожокъ уличнаго фонаря вспыхнулъ надъ самой лавочкой, подъ порывомъ вѣтра заскрипѣли и забряцали висѣвшія у окна мѣдныя тарелочки, наруганное лицо внезапно выступило передо мною и кинуло мнѣ свой вызывающій взглядъ.

Я перешелъ черезъ улицу и вошелъ въ лавку.

Я намѣривался убѣдить парикмахера, чтобы онъ снялъ эту куклу съ своего окна.

Онъ встрѣтилъ меня очень предупредительно, придвинулъ ко мнѣ свое кресло, обтянутое зеленою кожею, поднялъ его спинку, зажегъ газъ и принялся взбивать мыло. Я машинально сѣлъ и позволилъ ему выбрить мнѣ бороду, размышляя о томъ, какъ бы лучше приступить къ разговору, и боясь обнаружить передъ нимъ свой страхъ.

— Какая у васъ странная восковая кукла.

— Вы находите, сударь?

— Да. Развѣ присутствие этой головы въ витринѣ приносить вамъ какую-нибудь пользу?

— Разумѣется, сударь. Это привлекаетъ кліентокъ квар-

тала, которая по ея куафюрѣ судять о нашемъ талантѣ. Къ тому же эта одна изъ принадлежностей ремесла.

— Это правда. Но отчего вы не заведете бюста? Вамъ слѣдовало бы поставить въ витрину бюсть, тѣмъ болѣе что при плечахъ и шелковой драпировкѣ, и куафюра имѣеть болѣе эффектный видъ.

— Боже мой,—вы правы, сударь; но это потребовало бы довольно крупныхъ расходовъ, а въ нашемъ кварталѣ при большихъ расходахъ заработокъ такъ незначителенъ.

— Можетъ быть; но ваша кукла положительно похожа на отрубленную голову. Есть люди, на которыхъ это можетъ произвести непріятное впечатлѣніе... Я даже знаю одного человѣка...

Я не рѣшился продолжать. Изумленный парикмахеръ прекратилъ свою работу, приподнялъ кверху бритву и смотрѣлъ на меня, пытаясь угадать, серьезно ли я говорю или нѣтъ. Наконецъ онъ размѣялся и сказалъ:

— Л., консьержка, что живетъ напротивъ, беременна, а между тѣмъ она еще ни разу не жаловалась. Въ числѣ шести человѣкъ дѣтей, которыхъ она родила, до сихъ поръ не было ни одного урода.

Я возвратился домой въ состояніи крайняго, невыразимаго возбужденія. Отгѣздъ человѣка, доставлявшаго мнѣ средства къ жизни, моя неудача у парикмахера, увѣренность что эта голова будетъ продолжать меня преслѣдовать, все это дѣйствовало на мой мозгъ и вызвало во мнѣ ту лихорадочную бессонницу, при которой мысли перескакиваютъ съ одного предмета на другой, умъ погружается въ воспоминанія о прошломъ и строитъ безумные проекты, между тѣмъ какъ внутренний голосъ противъ вашей воли напѣваетъ вѣчно одну и ту-же пѣсню, большею частью на какойнибудь плясовой мотивъ. Это признакъ душевнаго разстройства, когда память возмущается противъ логики; это высшая степень ироніи, насмѣшка надъ слабостью нашей натуры. Я принялъ хлораля и заснулъ.

А на слѣдующее утро нужно было снова начинать борьбу. Отсутствіе главнаго редактора газеты отрѣзало у меня всякую возможность зарабатывать жизнь литературною работою, и, начиная съ этого времени, я покинулъ это поприще. Съ жадностью накинудся я на «Маленькія Афиши», на страницы,

успѣшныя объявленіями, знаменитымъ спросомъ и предложеніемъ работы, причемъ на сто спросовъ всегда приходится одно предложеніе. Я узнаю, что въ редакціи одной газеты освобо-дилось мѣсто... конторскаго служителя.

Нужда довела меня и до этого. Я явился по адресу.

— Что вы умѣете дѣлать?

— Я умѣю... я умѣю читать и писать.

Меня приняли.

Но три дня спустя, когда я утромъ одинъ сидѣлъ въ конторѣ и увидѣлъ лежавшія передо мною перо и бумагу, искушеніе было слишкомъ сильно. Я принялся писать возраженіе на статью, появившуюся наканунѣ въ газетѣ. Чей-то голосъ прервалъ мое занятіе.

— Я нанялъ васъ для того, чтобы подметать контору, а не писать статьи. Это чрезчуръ смѣшно, честное слово! Подите въ кассу, получите жалованье за вашу трехдневную службу и отправляйтесь сотрудничать въ другое мѣсто.

Нечего и говорить, что, подѣ влияніемъ всѣхъ этихъ мученій, здоровье мое было сильно потрясено. Я вѣчно находился въ лихорадочномъ возбужденіи. Тѣмъ не менѣе, я продолжалъ ходить по ночамъ въ центральный рынокъ. И каждый вечеръ, когда я въ десять часовъ выходилъ изъ дома, глаза восковой головы преслѣдовали меня своимъ злобѣщимъ прощальнымъ взглядомъ.

Будучи не въ силахъ долѣе терпѣть, рѣшившись на все, чтобы только прекратить эту вѣчную пытку, я заглушилъ въ себѣ чувство стыда и снова отправился къ парикмахеру. Я сказалъ ему, что страдаю нервною болѣзнію, смиренно признался, что его кукла производитъ на меня ужасное впечатлѣніе, просилъ его снять ее, настаивалъ и, наконецъ, даже умолялъ. Жена его присутствовала при нашемъ разговорѣ. Они съ улыбкою переглянулись, и парикмахеръ сказалъ, что если я боленъ, то мнѣ слѣдуетъ лечиться, что я воленъ, наконецъ, переѣхать на другую квартиру и что онъ не понимаетъ, изъ за чего ему расплачиваться за безумныя фантазіи человѣка, который даже не принадлежитъ къ числу его посѣтителей. Господа, я удалился, склонивъ голову и признавая въ глубинѣ души, что человѣкъ этотъ правъ.

Парикмахеръ рассказалъ мою исторію всему кварталу, и теперь вся улица дожидалась моего выхода и возвраще-

ня. Моя борьба съ восковой головой сдѣлалась предметомъ забавы. Всѣ смѣялись и указывали на меня пальцами. Черезъ три двери отъ меня помѣщалась маленькая прачечная. Тамъ работала молодая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати или семнадцати, съ большими кроткими и печальными глазами. Быть можетъ, и она также была несчастлива, и между нами возникла и развилась чистая, нѣмая симпатія. Когда я проходилъ, мы обмѣнивались взглядомъ, — вотъ и все. Однажды, проходя передъ прачечною, я, по обыкновенію, искалъ этого ежедневнаго взгляда. Дѣвушка поспѣшно дернула за рукавъ одну изъ своихъ подругъ; та посмотрѣла; онѣ вполголоса обмѣнялись нѣсколькими словами и разразились звонкимъ смѣхомъ. Чтобы избавиться отъ этихъ пытокъ, господа, мнѣ случалось тридцать часовъ сряду проводить внѣ дома, бѣгая по улицамъ, зимою, по снѣгу, въ черномъ скюртукѣ. Но такъ какъ нужно-же было иногда спать, то я возвращался, стараясь идти быстрые, отворачиваясь, когда раздавались насмѣшки сосѣдей, или-же, напротивъ, собиралъ послѣдніе остатки воли и, не моргнувъ, выдерживалъ этотъ взглядъ, который теперь проникалъ мнѣ до сердца и леденилъ мой мозгъ.

Наконецъ, наступилъ день 22 февраля.

Въ этотъ день,—это былъ вторникъ,—я узналъ, пробѣгая газету, чтомой бывшій профессоръ назначенъ съ тою же должностью въ одинъ изъ парижскихъ лицеевъ и уже три дня тому назадъ приступилъ къ исполненію своей новой обязанности. Это извѣстіе было для меня первымъ лучемъ надежды въ продолженіи очень долгаго времени. Черезъ часъ послѣ этого я уже былъ у него. Послѣ короткаго свиданія я вышелъ съ радостнымъ сердцемъ: одно итальянское семейство, собиравшееся уѣзжать въ Австралію, поручило ему найти учителя. Черезъ два дня это семейство должно было пріѣхать и остановиться въ Grand Hotel. Лишь только возможно будетъ принять меня, мнѣ дадутъ знать.

Я тотчасъ побѣжалъ къ Арнольди, чтобы передать эту радостную новость. Я буду жить! жить безъ тревоги о завтрашнемъ днѣ, буду путешествовать, вырвусь наконецъ изъ этого адскаго Парижа. Я передалъ ему все это съ наивнымъ эгоизмомъ первыхъ мгновеній счастья. Онъ выслушалъ меня съ холоднымъ видомъ, который я объяснилъ себѣ особенностью его характера, распросилъ меня о нѣкоторыхъ подробностяхъ, которыя

я передалъ ему съ удовольствіемъ, поздравилъ меня и проводилъ домой.

Въ теченіи четырехъ дней я ждалъ, подстерегая приходъ почтальона, растворяя дверь своей комнаты каждый разъ, когда онъ входилъ въ домъ. Тотъ, кто испыталъ лихорадку ожиданія, тотъ пойметъ до какого болѣзненнаго возбужденія я дошелъ. Я ждалъ жизни. Я ни на минуту не отходилъ отъ окна. Въ надеждѣ я почерпалъ нечеловѣческую храбрость, которая позволяла мнѣ выдерживать видъ восковой головы. Синеватый блескъ ея глазъ потрясалъ меня до мозга костей. По временамъ мнѣ казалось, что она шевелится зловѣщимъ отрицательнымъ движеніемъ. Я содрогался. Я слышалъ смѣхъ, но не двигался съ мѣста. Судорожно ухватившись за оконныя перила, я дрожалъ и продолжалъ смотрѣть воспаленными глазами. Я ждалъ.

Четвертый день подходилъ къ концу. Уже темнѣло. Я сидѣлъ въ своей комнатѣ, безъ свѣчи,—и блѣдный свѣтъ сумерокъ, пробиваясь черезъ длинныя, темныя гардины придавалъ всѣмъ предметамъ неопредѣленныя, причудливыя очертанія. Я отошелъ отъ окна и въ утомленіи опустился на единственное находившееся въ комнатѣ кресло. Всѣ органы чувствъ словно замерли во мнѣ, скованные какимъ-то болѣзненнымъ сномъ; только слухъ бодрствовалъ, а мозгъ работалъ съ лихорадочною энергіею. Мнѣ чудились свѣтлыя картины, которыя вдругъ смѣнялись ужасными сценами.—Громадный океанъ, красивое судно, воздухъ, безконечная даль... Затѣмъ все это подергивалось туманомъ, изъ котораго выплывали новыя очертанія, и мнѣ видѣлась восковая голова со своими неподвижными глазами...

Чьи-то шаги разбудили меня.

Это былъ почтальонъ.

Письмо!

Я зажегъ спичку и сталъ читать:

«Простите меня; я занялъ ваше мѣсто. Я былъ слишкомъ несчастливъ. Простите».

Арнольди.

Мнѣ показалось, что голова моя разрывается на части. Я въ безсиліи опустился на столъ передъ окномъ.

Быть можетъ, часъ спустя я очнулся отъ своего тяжелаго

обморока. Проникавшій сквозь промежутокъ между спущенными гардинами яркій свѣтъ ослѣпилъ меня. Я машинально поднялъ гардину.

Восковая голова, окруженная десятью огнями, рѣзко выдѣлялась среди блестящаго ореола и смотрѣла на меня съ торжествующею, насмѣшливою улыбкою.

Черезъ двѣ секунды я былъ въ лавкѣ парикмахера.

— Вы низкій, подлый человѣкъ!

— Ахъ ты, трусъ! хорошій-бы изъ тебя вышелъ солдатъ, отвѣчалъ онъ со смѣхомъ.

Туть-же, на столѣ, лежала бритва, господа

.

ОСАДЧИЕ.

I.

«Осадчими», «осадчицами», «ссадчицами» называют крестьяне Рязанской и Курской губернии—людей, являющихся инициаторами въ дѣлѣ переселеній. Выискивая «свободныя земли», эти инициаторы «ссаживаютъ» своихъ болѣе инертныхъ земляковъ съ насиженнаго мѣста и «осаживаютъ» ихъ на новомъ, иногда далеко за предѣлами родной губернии. Условія экономической жизни упомянутой черноземной полосы (мы будемъ говорить, впрочемъ, исключительно о Курской губернии) таковы, что тотъ или иной выходъ изъ малоземелья—вещь неизбѣжная. Конечно, только немногіе домохозяева могутъ воспользоваться услугами крестьянскаго банка, на что не разъ указывалось въ печати; большая, сравнительно, часть семей обезземеливается, продавая свои участки *), строенія, инвентарь, и уходитъ на югъ или поступаетъ въ разрядъ батраковъ. Огромное-же большинство крестьянъ еще крѣпко держится за землю, представляющую здѣсь, вслѣдствіе дороговизны и доходности, дѣйствительное обезпеченіе,—держится на родинѣ, пока тѣснота не заставитъ уйти въ другое мѣсто, въ поискахъ сельско-хозяйственнаго простора. «Видитъ, говорятъ крестьяне,—хозяинъ, что у него 4—5 сыновей, а всей родовой земли 3 десятины и—уходитъ; потому—ничего не подѣлаешь!» Или вотъ трое домохозяевъ выселились на Кавказъ... «Жили-жили, рассказываютъ ихъ односельчане,—да и вышли отъ скуки, тѣсно здѣсь стало жить». А то ушедшіе уже переселенцы пишутъ оставшимся: «бросайте мертвое—идите на живое»... Но чаще домохозяинъ не уходитъ, а только томится горькой

*) Въ 4-хъ уѣздахъ Курской губернии, по которымъ имѣются у насъ свѣдѣнія (въ Львовскомъ, Дмитріевскомъ, Фатежскомъ и Суджанскомъ) большинство крестьянъ—четвертнаго права, а такіе крестьяне могутъ совершенно свободно отчуждать «номера», подъ которыми участки земли записаны за ними во владѣнныхъ записяхъ.

думой о будущемъ своего семейства. Такъ какъ неожиданная развязка встрѣчается только на подмосткахъ классическаго театра, въ жизни же все имѣетъ свою причину, обстановку и условія, въ которыхъ проявляется, то описанный домохозяинъ или, вѣрнѣе, цѣлыя сотни подобныхъ домохозяевъ были-бы обречены на вѣчное ожиданіе, если-бы не являлся *осадчій*. Это, по большей части, наиболѣе подвижной, умный и практическій человѣкъ. Въ качествѣ подвижного, онъ человѣкъ бывалый: хаживалъ и въ Таврію, и на Кубань, въ Донскую область и въ Ставропольскую губернію, былъ въ Оренбургѣ и другихъ мѣстахъ. Какъ человѣкъ умный и наблюдательный, онъ вездѣ прииѣчалъ и не упустилъ случая «выискать свободныхъ земель», у казны и у помѣщиковъ. Практичность его выражается въ умѣнии придать юридически-прочную форму переселенію. Таковы: взносъ впередъ податей до 1 января слѣдующаго года, погашеніе всѣхъ недоимокъ, увольнительное свидѣтельство и пріемный приговоръ, если переселенцы идутъ на общественную землю, и, всѣ удостовѣряющіе мѣстное начальство документы, если они «салятся на купчую». Все это долженъ предвидѣть осадчій и все это умѣть достать.

Появляются осадчіе самыми разнообразными путями и, соотвѣтственно этому, представляютъ двѣ главныхъ группы и нѣсколько типовъ. Первая группа, это—осадчіе, уходящіе «искать землю» или удостовѣриться въ удобствѣ уже намѣченныхъ мѣстъ,—по приговору «мира». Это—люди, за которыми крестьянское общество признаетъ качества, обезпечивающія успѣшность порученія, большею частью еще крѣпкіе, хозяйственные старики, богатые опытомъ и практическими знаніями. Такіе послы извѣстны подъ именемъ ходокъ, повѣренныхъ, довѣряющихъ, депутатовъ, ходатаевъ. Вторую группу составляютъ люди личной инициативы, чаще всего извѣстные подъ собирательнымъ именемъ «осадчихъ». Первый типъ «мірскихъ людей» встрѣчается теперь сравнительно рѣже, и самая формы, въ которыхъ онъ проявляется, объясняютъ его исчезновеніе. Паденіе мірскихъ «устоевъ» (по крайней мѣрѣ въ описываемой нами полосѣ) заставляетъ мірянъ все съ большею недовѣрчивостью относиться къ такимъ выборнымъ, часто невыполняющимъ порученія общества и только тратящимъ собранныя міромъ деньги. Можетъ быть, причиной этому — духъ крайняго индивидуализма, сильно развитый у четвертныхъ крестьянъ, составляющихъ значительную часть населенія этихъ уѣздовъ. Между тѣмъ, типъ мірскихъ людей—старинный типъ. Въ нашихъ рукахъ имѣются указанія, что подобныя осадчіе-ходоки существовали еще тогда, когда переселенія изъ Курской губерніи совершались на казенный счетъ, «по наклику» палаты государственныхъ имуществъ, какъ говорятъ

крестьяне, т. е. въ 30—60-хъ годахъ. Узнавъ о существенныхъ льготахъ, которыя предоставлялись тогда переселенцамъ (помощь казенными деньгами, лѣсомъ, хлѣбомъ, податныя льготы) и рѣшивъ переселяться, крестьяне, прежде чѣмъ «записаться» у чиновника, — всегда посылали ходока осмотрѣть землю, удостовѣриться въ ея качества и удобствахъ, послѣ чего отправлялись «подъ» такого осадчаго. Такъ въ деревнѣ Верхней Жигаевой, Волинской волости, Дмитріевскаго уѣзда, въ 1851 году выселилось 6 дворовъ въ Тобольскую губернію, по словамъ крестьянъ, «по манифесту, подъ осадчаго». Въ с. Овсянниковѣ, Дмитріевской волости, Фатежскаго уѣзда, въ 1846 году, «по вызову правительства» ходилъ одинъ осадчій въ Оренбургскую губернію, куда потомъ «многихъ свелъ». Тамъ давали казенную землю, а свою здѣсь запрещали продавать: она шла на общество. Послѣднее указаніе особенно интересно, такъ какъ крестьяне—четвертного права.

Въ болѣе близкое къ намъ время типъ мірскаго осадчаго уступаетъ все болѣе и болѣе мѣсто людямъ, дѣйствующимъ на свой страхъ, хотя указанія на мірскихъ ходоковъ попадаются еще довольно часто. Именно, въ *Лыговскомъ уездѣ*, въ деревнѣ Левшинкѣ, Вышнедеревенской волости, разъ собирали даже деньги на развѣдки но ни чѣмъ дѣло не кончилось. Человѣкъ, которому поручено было дѣло, ушелъ на р. Лабу и умеръ. Изъ с. Машкиной Ивницы, Ивницкой волости, лѣтъ 10 тому назадъ посылали ходоковъ, собрали имъ по 1 р. съ души, но ходоки обманули (т. е. растратили деньги) С. Погребки, той-же волости, прислало 2-хъ ходоковъ, собравъ имъ на дорогу со двора отъ 1—3 р.,—ходоки «замотали» деньги Въ *Дмитріевскомъ уездѣ*, д. Щербачевка, Генеральминской волости послала въ 65 году ходока въ Самарскую губернію. Хотѣло идти 18 дворовъ; изъявившіе желаніе собрали по 5 р. съ семьи, но ходокъ обманулъ крестьянъ, «проведя» деньги. Д. Черная Грязь Фатѣевской волости, желая переселиться въ Оренбургскую губернію, рѣшила послать ходока. Думала выселиться вся деревня, да начальство уговорило: «вы разоритесь тамъ, это—васъ сбиваютъ. Если-бы велѣно было правительствомъ, вамъ-бы вычитали». Въ с. Петровскомъ, той-же волости, собирали деньги на ходоковъ, но мѣстное начальство не позволило переселяться, говоритъ: «здѣсь хорошо жить». Это, впрочемъ, было давно. Въ с. Пальцевѣ, Клибинской волости, разговаривали о переселеніи; одинъ хотѣлъ было хлопотать, собрали ему денегъ рублей 10,—воротился ни съ чѣмъ. Теперь тамъ толкуютъ: «надо идти, *знавши дѣло, челоуька послать*». Въ с. Расторогѣ, той-же волости, лѣтъ 7 тому назадъ, ушли въ Оренбургскую губернію 9 дворовъ изъ крестьянъ бывшихъ графа Шереметьева, получившихъ дарственный надѣлъ. Посылали

сначала ходоковъ,—тѣ нашли казенныя земли, но приписалось только 5 дворовъ, 3—живуть до сихъ поръ по паспортамъ, 1 дворъ воротился. Въ д. Клишиной, той-же волости, дѣтъ 6 тому назадъ ушло 20 дворовъ въ Оренбургскую губернію, продавъ свои четверти и души (причемъ домашнія запродажныя условія свидѣтельствовались въ волостномъ правленіи). Эти душево-четвертные крестьяне посылали ходоковъ, которые прискали имъ казенную землю. Д. Арсеньевка, Сквородневской волости, послала въ 75 году ходока въ Самарскую губернію и «провела» на немъ 40 рублей; онъ «съ чѣмъ пошелъ—съ тѣмъ и воротился». С. Нижнепесочное, той-же волости, послало осадчихъ исвать земли въ Черноморья; на найденныя ими земли ушло 5 дворовъ. С. Пады, той-же волости, послало осадчихъ въ разное время и въ разныя мѣста: въ Одессу, на Кубань и т. п. Д. Звегинцево (Запрутье), Воблинской волости, послало повѣреннаго въ Ишимскій уѣздъ, Тобольской губерніи и желающіе ушли только тогда, когда получили отъ ходока пріемный приговоръ того общества, къ которому онъ ихъ приписалъ.

Въ двухъ упомянутыхъ уѣздахъ (Львовскомъ и Дмитріевскомъ)—представляющихъ, кстати сказать, совершенно особый переселенческій районъ, довольно еще часты посылки мірскихъ людей на мірское дѣло. Традиціи «міра», очевидно, еще достаточно крѣпки здѣсь, что, конечно, нисколько не гарантируетъ крестьянское общество отъ печальныхъ ошибокъ. Какъ видно изъ тѣхъ-же приведенныхъ данныхъ, часто выборные ходоки обманываютъ довѣріе «міра», изводя деньги зря, безъ пользы,—частью, конечно, по неумѣнью устроить дѣло, но иногда просто съ цѣлью воспользоваться мірскими сборами. Обстоятельство это не покажется намъ удивительнымъ, если мы вспомнимъ, сколько разнообразныхъ качествъ долженъ былъ имѣть мірской человѣкъ. Но и этого иногда было мало. Кромѣ отличительныхъ свойствъ осадчаго вообще, отчасти указанныхъ на предыдущихъ страницахъ, «мірской» осадчій долженъ былъ обладать недюжинной смѣлостью и твердой рѣшимостью. Такъ въ Львовскомъ уѣздѣ, въ с. Кошарахъ, Шустовской волости, крестьяне хотѣли послать въ 1881 году ходатая въ Черноморье, но его—не пустили. Въ с. Ширковѣ, той-же волости, года 3 тому назадъ собиралось выселиться 12 дворовъ, «выбрали было довѣрителя, собрали ему сумму, тотъ мѣсто прискалъ, но его повернули съ Новочеркасска и по этапу назадъ пригнали». Въ томъ-же селеніи, два года спустя, было много желающихъ переселиться, но вожака солдата воротили назадъ.

Неудивительно, что при этихъ условіяхъ,—при незнаніи, гдѣ найти землю, при возможности самому быть обманутымъ всякимъ

шустрымъ встрѣчнымъ-поперечнымъ или сильно поплатиться, не выдерживаетъ «мірской человѣкъ» и часто не выполняетъ даннаго ему міромъ порученія. Въ силу этихъ причинъ, вѣроятно, описанный примитивный способъ исканія земли понемногу исчезаетъ, и на мѣсто добродушнаго и не всегда умѣлаго мірскаго ходатая становится осадчій по призванію, болѣе ловкій, изворотливый и практичный.

Въ *Фатежскомъ* уѣздѣ случаи послыли ходоконъ еще сравнительно рѣдки, но они идутъ преимущественно съ цѣлью *купить* земли для общества или, по крайней мѣрѣ, для товарищества домохозяевъ. Такъ, на примѣръ, с. Бычки, Нижнереутской волости, послало въ 75—76 году ходатая въ Оренбургскую губернію. Ходатай присмотрѣлъ такъ казенную землю и, кромѣ того, купилъ 30 десятинъ частновладѣческой земли. Въ с. Бреховѣ, Хмѣлевской волости, посылали ходока, но его воротили и «водили этапомъ» изъ волости въ городъ. Д. Томлинь Колодезь, Большежировской волости, послала въ 1876 г. ходока въ Самарскую губернію. Онъ приглядѣлъ и купилъ земли желающимъ переселяться 11 дворамъ, которые «сѣли» на участки разной величины, отъ 5 до 200 десятинъ, «кто сколько приобрѣлъ». Посылаю въ 1875 году ходоконъ с. Коронино, Горлиновской волости, въ Самару; ходоконъ присмотрѣли и купили землю; возвратившись, привезли планы купленныхъ участковъ. Эти-же ходоконъ были въ Томской губерніи, куда пошло не мало семей изъ Фатежскаго и Щигровскаго уѣздовъ за переселенцами изъ этого селенія. С. Дерлово, той-же волости, послало ходоконъ лѣтъ 7 тому назадъ въ Самарскую губернію. Изъ д. Липиново, той-же волости, въ 1876 году вышли туда-же на покушную землю, пославъ раньше повѣренныхъ для осмотра выбранныхъ мѣстъ и врученія задатка владѣльцу. Д. Усть-Трясиный колодезь (Шумская), Сергіевской волости, лѣтъ 8 тому назадъ, выпустила 13 семей въ Самарскую губернію; ихъ повели ходоконъ, бывшіе здѣсь раньше по порученію общества и приглядѣвшіе землю.

Въ *Суджанскомъ* уѣздѣ случаи, подобные описаннымъ, чрезвычайно рѣдки; здѣсь переселенческое движеніе, помимо того, что устремляется исключительно на купленную землю, принимаетъ еще совершенно оригинальныя формы. Объ этихъ формахъ будетъ сказано ниже; здѣсь-же упомянемъ только, что въ Суджанскомъ уѣздѣ всецѣло царитъ личная предприимчивость и все дѣлается по инициативѣ настоящихъ осадчихъ. Но прежде чѣмъ перейти къ тѣмъ фактамъ, которые создаетъ дѣятельность этихъ послѣднихъ, слѣдуетъ остановиться на переходной формѣ отъ послыки ходока міромъ къ личному почину осадчаго. Мы говоримъ о высылкѣ *одной*

семей своего болѣе опытнаго сочлена, съ нѣлюю пріисканія свободныхъ мѣстъ для поселенія или продажныхъ земель. Для Льговскаго и Дмитріевскаго уѣздовъ мы не знаемъ ни одного случая подобныхъ поселокъ. Точныя причины этого явленія трудно указать, но, вѣроятно, онѣ находятся въ связи съ меньшею плотностью крестьянскаго населенія и съ меньшимъ развитіемъ въ его средѣ духа инициативы.

Въ *Фатежскомъ* уѣздѣ подобные случаи попадаются уже чаще. Такъ, въ д. Комаровѣ, Нижнереутской волости, высылаютъ развѣдчиками своихъ сочленовъ не только большія семьи, но даже семьи съ однимъ работникомъ. Въ с. Молотычахъ, Хмѣлевской волости, одна семья послала старшаго сына осмотрѣть землю въ Ставропольской губерніи, уже раньше извѣстную изъ писемъ прежнихъ переселенцевъ. Сынъ поѣхалъ въ 1883 году на первой недѣлѣ великаго поста, исполнилъ порученіе и писалъ съ мѣста переселенія (съ р. Кумы), что заключить условіе съ владѣльцемъ, какъ только получить 200 рублей для внесенія задатка. Деньги были отправлены ему по почтѣ, а въ «Николу вешняго» переселенцы двинулись въ путь, приставъ къ значительной партіи, шедшей въ этомъ-же году изъ села Гниловоды, той-же волости. Въ этомъ послѣднемъ переселеніе устроилось подобнымъ-же образомъ. Тоже на первой недѣлѣ великаго поста (можетъ быть, вмѣстѣ съ предъидущимъ ходокомъ) одною изъ большихъ семей былъ посланъ старшій сынъ,—на р. Куму, въ Ставропольскую губернію. Черезъ нѣсколько времени отъ него было получено письмо, въ которомъ онъ сообщалъ отцу, что пріискалъ 15 десятинъ продажной земли и все дѣло за 150 рублями, необходимыми для покупки. Опасаясь, чтобы сынъ не «замоталъ» денегъ, отецъ ихъ не выслалъ, а 8 мая, вмѣстѣ съ другими 4 семьями изъ этого селенія, шедшими туда-же, отправился на лошадяхъ къ сборному пункту въ Курскѣ, гдѣ они должны были соединиться съ другими переселенцами изъ Фатежскаго уѣзда, и затѣмъ идти дальше. Приведенный фактъ доказываетъ, между прочимъ, что фатежскій крестьянинъ пережилъ уже стадію довѣрчиваго отношенія къ окружающимъ: такъ, отецъ не довѣряетъ деньги даже сыну, могущему растратить общее достояніе семьи по непрактичности или увлеченію.

Оуджанскій уѣздъ, отличающійся особенною подвижностью рабочаго населенія, даетъ значительно больше случаевъ послыки семьями своихъ ходоковъ-сочленовъ. Напр., въ д. Фанасѣвкѣ, Уланковской волости, по веснѣ 1883 года, пошло 6 человекъ осадчими «на Кубань-рѣку» — розыскивать землю; всѣ осадчіе — члены болѣе зажиточныхъ семей, отправившихъ ихъ на свой счетъ. Въ д. Липовѣ, Скороденской волости, пошли отецъ съ сыномъ искать

землю; если найдутъ—приведутъ остальную семью. Изъ с. Маховой Колодезь, Большесолдатченской волости, пошли *на заработки* сыновья одной изъ семей и въ своихъ поискахъ за работою попали въ Лабинскую станицу. Здѣсь они узнали, что сдается въ аренду очень дешево казацкая земля, и написали отцу. Последний, какъ только получилъ извѣстіе объ этомъ, сейчасъ-же двинулся въ путь-дорогу.

Последній случай, когда ходокъ, высланный семьей съ цѣлью заработка, случайно попадетъ на свободныя земли въ мѣстахъ обычнаго отхода, заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ о тѣсной связи переселеній съ отходомъ на сторону. Огромное количество рабочаго населенія въ Курской губерніи уходитъ на все время лѣтнихъ полевыхъ работъ или «на косовицу»—на югъ, въ Ставропольскую и Таврическую губерніи, въ области Кубанскаго и Донскаго казачьяго войска. Чтобы судить о количествѣ уходящихъ, приведемъ нѣкоторые цифровыя данныя изъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Курской губерніи», выпускъ 2, 3 и 4-го, вышедшихъ на-дняхъ. Въ Львовскомъ уѣздѣ уходящіе на сторону составляютъ $40\frac{1}{2}\%$ всего числа промышленниковъ и 15% мужскаго населенія рабочаго возраста (въ этой полосѣ Россіи не существуетъ женскихъ отхожихъ промысловъ). Въ Дмитріевскомъ—отхожіе промыслы даютъ $58,3\%$ всего промышленнаго мужскаго люда и 25% всего населенія въ возрастѣ отъ 18—60 лѣтъ. Въ Суджанскомъ—эти-же проценты выразятся величинами 47% и 22% . Отсюда ясно, что рѣдкая большая семья не отпускаетъ одного-двухъ работниковъ: идутъ или на полевая работы, или плотниками, чернорабочими, цегельщиками (отъ испорченнаго нѣмецкаго слова *ziegel*—кирпичъ, такъ какъ эти кирпичники работаютъ преимущественно въ нѣмецкихъ колоніяхъ) и т. п.

Отправляясь на заработки, крестьянинъ почти всегда имѣетъ въ виду, особенно за последнее время, присмотрѣть землю. Странствуя по казацкимъ станицамъ, частновладѣльческимъ экономіямъ, колоніямъ нѣмцевъ, такіе ушедшіе работники чутко прислушиваются ко всему, что касается сходной продажи или сдачи земли въ аренду. Конечно, въ ихъ поискахъ или, вѣрнѣе, въ благопріятномъ исходѣ этихъ поисковъ играетъ значительную роль случайность. Конечно, ничего опредѣленнаго въ смыслѣ предварительныхъ свѣдѣній о мѣстахъ, куда они направляются, у нихъ нѣтъ, но важно то, что, уходя, каждый изъ нихъ думаетъ: «авось, Богъ пошлетъ на свободную землю напасть!» Съ такими-же пожеланіями провожаютъ ихъ оставшіяся семьи. Нечего, конечно, удивляться той роли, которую играетъ случайность во всемъ, что касается присканія земли въ Россіи.

Это особенно нужно сказать относительно Фатежскаго и Суджанскаго уѣздовъ; подобнымъ характеромъ переселеній объясняется здѣсь очень многое, — укажемъ, для примѣра, преобладаніе въ числѣ переселенцевъ четвертныхъ крестьянъ, встрѣчающихъ меньше затрудненій въ продажѣ своихъ земель.

Болѣе подробное изложеніе послѣдствій этого важнаго обстоятельства вышло-бы за предѣлы нашей статьи. Поэтому, ограничившись бѣглымъ указаніемъ на общій характеръ переселеній въ этомъ районѣ, перечислимъ извѣстные намъ случаи ухода на заработки одновременно съ исканіемъ земли.

Въ *Дмитріевскомъ* уѣздѣ такого рода отходъ привелъ даже, въ нѣсколькихъ случаяхъ, къ полной перемѣнѣ образа жизни и занятій. Такъ изъ с. Рышкова, Кармановской волости, многіе ушли «на Украину» (общее названіе юга Россіи), продали свои надѣлы и тамъ приписались въ мѣщане, — занимаются «по плотницкой и каменщицкой части». Изъ д. Чертовки, Ольховской волости, съ 1871 по 1880 г., ушло 7 семей въ Ессентуки, плотниками. Купили тамъ дома и живутъ хорошо. Очевидно, сначала ходили отдѣльные работники; потомъ, присмотрѣвъ мѣста, перевели свои семьи и окончательно перестали заниматься земледѣліемъ. Но случаи, въ родѣ приведенныхъ, очень рѣдки. Въ большинствѣ случаевъ цѣлью исканія является не перемѣна главнаго занятія — земледѣлія — на служившее до сихъ поръ побочнымъ ремесло, а желаніе найти землю для хлѣбопашества, желаніе сельскохозяйственнаго простора. Объ этомъ будутъ говорить всѣ дальнѣйшіе извѣстные намъ случаи. Минуемъ *Львовскій* уѣздъ, — какъ наиболѣе инертный въ дѣлѣ переселеній, онъ почти не даетъ фактовъ подобнаго рода.

Въ *Дмитріевскомъ* — изъ с. Демина, Гламаздинской волости, ушло много семей за своими сочленами, ходившими раньше плотничать въ Донскую область и въ Ставропольскую губернію. Изъ с. Кирилвки, Березовской волости, одинъ домохозяинъ ходилъ плотникомъ на р. Кубань, тамъ отыскалъ свободную землю и выселился потомъ со всей семьей, оставивъ 5-ти душевой надѣлъ (17½ дес.) обществу. Это было лѣтъ 12 тому назадъ. С. Осодкое, Поповинской волости, выпускаетъ много семей и одиночекъ на плотничьи работы на Украину; они сначала живутъ тамъ, получая паспорта съ родины, потомъ устраиваются окончательно, строятъ себѣ хаты и прекращаютъ всякія обязательныя отношенія къ обществу. Изъ с. Яцыно, Мопкинской волости, одинъ ушедшій въ Ставропольскую губернію домохозяинъ ходилъ раньше туда на заработки и прискалъ себѣ «мѣстечко». Въ с. Кубань, Бычковской волости, крестьяне рассказывали о такомъ интересномъ

фактъ. Лѣтъ 10 тому назадъ, одинъ окончательно обнищавшій домохозяинъ ушелъ по міру и дошелъ, побираясь, до Ставропольской губерніи, гдѣ, заработавъ денъги, приобрѣлъ потомъ осѣдность и вызвалъ «изъ Расаи» жену съ дѣтьми. Въ с. Селина, волость того-же имени, настоящихъ переселеній не было, но большое количество домохозяевъ ушло на Украину на заработки, потомъ успѣло приобрести осѣдность и перевести свои семьи. Такіе домохозяева имѣютъ связь съ прежнимъ мѣстожительствомъ только путемъ получки паспортовъ. Въ селахъ Злобинѣ, Брысинѣ и Кожановкѣ, Сквородневской волости, многіе уходятъ «въ заработки на Черноморье» и живутъ вдали отъ родины съ семьями, нѣкоторые по 15—20 лѣтъ, не отчисляясь отъ общества. Изъ с. Подровнаго многіе ушли на работу, *иные вмѣстѣ съ семьями*, не возвращаясь и не требуя даже паспортовъ по нѣскольку лѣтъ.

Въ *Фатехскомъ* уѣздѣ, шурина ушедшаго «на сходцы» въ Ставропольскую губернію домохозяина с. Путчино, Нижнеревутской волости, былъ раньше въ тѣхъ мѣстахъ на заработкахъ и приглядѣлъ землю. Сейчасъ-же онъ прислалъ письмо, по которому отправился выселившійся домохозяинъ. Въ д. Останнинѣ, Сергіевской волости, ушло въ 1883 году на Куму-рѣку—7 семей; переселеніе было вызвано разказами объ имѣющейся тамъ землѣ—односельчанъ, ходившихъ туда на плотничьи работы.

Въ *Суджанскомъ*—изъ с. Кривицкихъ Будъ, Черноолешанской волости, пошелъ на Святой 1883 года одинъ домохозяинъ. Онъ раньше былъ въ тѣхъ-же мѣстахъ на заработкахъ и присмотрѣлъ земельку около Екатеринодара, а, узнавъ, что тамъ долгосрочная арендная плата за десятину—1 р. 30 к. (въ Суджанскомъ уѣздѣ озимая десятина сдается изъ экономій на одинъ посѣвъ по 25—30 р., яровая 8—15 р.), рѣшился поселиться въ одной изъ станицъ на арендованной землѣ. Въ д. Маховой Колодезь, Большесолдатченской волости, ушли 3 двора на Лабу-рѣку, «наугадъ» — больше посмотреть земли или поискать работы. Свою землю заложили и обѣщали вернуться къ осени. Въ с. Растворовѣ, той-же волости, ушло 7 дворовъ въ Ставропольскую губернію, куда раньше нѣкоторые ходили «на косовицу» и разузнали, что тамъ очень дешево сдается въ аренду земля, по 2—3 р. за десятину. Въ с. Илекъ, Бѣловской волости, переселенія 1883 года были вызваны разказами ходившихъ на заработки въ Ставропольскую губернію о плодородіи тѣхъ мѣстъ, о высокой заработной платѣ, о дешевой продажной и арендной цѣнѣ на землю. Изъ хутора Казачьей Ловни, Замостянской волости, ушло въ 1876 году 10 семей за Кубань, къ Екатеринодару. Раньше нѣкоторые домохозяева ходили туда кирпичниками.

Кромѣ этимъ многочисленныхъ случаевъ, дальнѣйшее перечисленіе которыхъ было-бы утомительно, переселенія въ Суджанскомъ уѣздѣ даютъ, какъ было уже упомянуто, совершенно особыя формы. Тамъ замѣчается въ послѣдніе годы *отульное* движеніе въ Кубанскую область: идетъ старъ и младъ, зажиточный и бѣдный. Проѣзжая по деревнямъ и разспрашивая о такихъ ушедшихъ домохозяевахъ, вы всегда получаете стереотипные отвѣты: «ушелъ искать земли», «искать, гдѣ лучше», «искать себѣ продовольствія», «искать счастья» и проч. При этомъ не можетъ не поразить еще одна интересная особенность, характерная для переселенческаго движенія въ Суджанскомъ уѣздѣ: крестьяне уходятъ нерѣдко на поиски «счастья» — *цѣлой семьей*. Такія семьи, уходящія «взя», какъ говорятъ крестьяне, явленіе очень недавняго времени, грозящее принять характеръ стихійнаго движенія. Перечислять всѣ извѣстные намъ случаи — нѣтъ никакой возможности; достаточно сказать, что администрація обратила уже вниманіе на это явленіе, предписавъ волостнымъ правленіямъ не выдавать семейныхъ паспортовъ такимъ домохозяевамъ, уходящимъ якобы «на работу». Но это распоряженіе едва-ли приведетъ къ какой-нибудь цѣли: видя сравнительный просторъ жизни и хорошіе заработки въ мѣстахъ отхода, крестьянинъ невольно отдастъ предпочтеніе тѣмъ мѣстамъ передъ своей родиной, и — достаточно мало-мальски неблагоприятнаго года (какимъ былъ, напримѣръ, 1881 г.), чтобы масса семей отправилась въ путь-дорогу за поисками «продовольствія». Уходятъ, конечно, малосемейные двory, сдавая «души», продавая «четверти», постройки, инвентарь, — словомъ, все, что нельзя нагромоздить на телѣгу-«будку». Приводить безчисленные факты этого рода переселеній — потому еще нѣтъ для насъ никакого основанія, что здѣсь цѣлой семьей, такъ сказать, поглощается личность «осадчаго» — пионера, отъ которой многое зависитъ въ переселеніяхъ хотя-бы предшествующаго типа. Дѣйствительно, идетъ на заработки много народа, многіе ищутъ земель, но для большинства это исканіе ни къ чему не приводитъ; только единицы, болѣе умѣлыя, быстрѣе ориентирующіяся въ условіяхъ жизни казацкихъ станицъ, болѣе предприимчивыя и рѣшительныя, кончаютъ свои поиски тѣмъ, что осѣдаютъ на новыхъ мѣстахъ, переводя затѣмъ свои семьи. Ихъ по праву можно считать осадчими — для своихъ семействъ; иногда они увлекаютъ еще 2—3 домохозяевъ, но это случается рѣдко. Неизвѣстные, дѣйствующіе изъ года въ годъ, они не гремятъ по деревнямъ такъ, какъ осадчіе, снимающіе съ мѣста цѣлые районы. Переведетъ такой осадчій свою семью, двѣ-три другихъ, и затѣмъ о немъ ничего не слышно. Да и затѣмъ ихъ имена? Имя ихъ по истинѣ — «ле-

гіоць», вѣчно обновляющійся,—затѣмъ, чтобы выполнить свое личное, семейное дѣло, и, отдавшись всею душою хлѣбопашеству на «вольныхъ» мѣстахъ, быть забытымъ на родинѣ. Безъ сомнѣнія, такимъ осадчимъ можетъ сдѣлаться и цѣлая семья изъ идущихъ на поиски въ полномъ составѣ, можетъ увлечь еще нѣсколько семей... Но это—случай, какъ мы сказали, рѣдкіе; по нимъ только можно себѣ представить, зная количество ушедшихъ семей, *возможные* размѣры этого движенія!

Мы пройдемъ молчаніемъ относящіеся сюда факты, отчасти вслѣдствіе ихъ многочисленности и однообразія, отчасти потому, что о нихъ болѣе умѣстно говорить въ общемъ очеркѣ переселеній. Здѣсь-же мы имѣемъ въ виду исключительно характеристику дѣятельности осадчихъ, не касаясь вопроса о переселенческомъ движеніи въ Курской губерніи во всемъ его объемѣ и значеніи.

II.

Предъидущіе типы инициаторовъ переселенія: ходоки—по выбору міра, ходоки—по порученію семьи, осадчіе,—дѣлающіеся таковыми случайно, на заработкахъ, и осадчіе—цѣлая семья, идущія, по выраженію крестьянъ, «за глазами вслѣдъ»—не даютъ возможности развернуться личной предприимчивости, той инициативѣ, которая задается мыслью не только о себѣ, но и о другихъ, независимо отъ взгляда осадчихъ на свое дѣло—какъ на простую комиссію или какъ на служеніе интересамъ земляковъ. Личныя качества вполне проявляются только у такихъ осадчихъ, которые дѣлаютъ изъ своего призванія нѣчто въ родѣ обширнаго предпріятія или профессіи, когда ихъ имена знаютъ, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ уѣздѣ и эта извѣстность обязываетъ ихъ, по логикѣ вещей, къ особой юридической и практической изворотливости. Этимъ людямъ крестьяне присваиваютъ по преимуществу названіе осадчихъ, повѣдниковъ, вѣстниковъ. Они, дѣйствительно, являются вѣстниками новыхъ условій земледѣльческой жизни для неподвижнаго, тоскующаго «въ тѣснотѣ» или идущаго «куда глаза глядятъ» населенія. Они—несомнѣнные практическіе герои уже потому, что сумѣли отличить свое вполне законно-обставленное дѣло отъ незаконныхъ формъ переселенія. Но ошибочно-было считать ихъ людьми высокаго нравственнаго развитія, задавшимися исключительно мыслью помочь своимъ землякамъ. Самая дѣятельность ихъ, по своей сущности, не гарантируетъ въ нихъ непремѣнно высокихъ нравственныхъ качествъ. Помогая другимъ, они не забываютъ себя, и это нужно всегда имѣть въ

виду при оцѣнкѣ ихъ дѣятельности, — иначе многое въ ней покажется непонятнымъ. Вся сила ихъ въ современной деревнѣ, повторяемъ, заключается въ умѣни стать выше современныхъ деревенскихъ условій, претворить въ практическое дѣло безсильные «охи и стоны» своихъ земляковъ — съ разными, конечно, шансами на успѣхъ. Сдѣлавъ такую общую характеристику, перейдемъ къ частнымъ фактамъ и къ частному знакомству съ людьми этого сорта, на сколько позволяетъ имѣющійся у насъ матеріалъ.

Въ *Львовскомъ* уѣздѣ, какъ было уже сказано, типъ осадчихъ по личной инициативѣ почти отсутствуетъ. Въ *Дмитріевскомъ*, шагнувшемъ уже впередъ въ дѣлѣ переселеній, — въ с. Петровскомъ, Фатѣевской волости, «прискался было путеводитель», деньги ему давали, звали переселяться. Деньги собралъ и «удралъ». Въ с. Киликинѣ, волости того-же имени, «подписывались къ вѣстнику» изъ д. Клишиной, той же волости, но тамъ вѣстникъ тоже «замоталъ» деньги, хотя изъ сосѣднаго села Лубошева пошли въ Оренбургъ «съ клишинскимъ ходатаемъ» — неизвѣстно съ тѣмъ-же или съ другимъ. Могло быть и такъ, что киликинскіе домохозяева почему-нибудь разошлись съ осадчимъ, который счелъ себя въ правѣ не возвращать задатковъ, а крестьяне остались при убѣжденіи, что «ходатай» обманулъ ихъ. Въ д. Полозовкѣ, той-же волости, «собиралъ подписку» мужикъ изъ д. Клишиной, но этотъ звалъ «на Самару». Въ с. Городьковѣ, Ваблинской волости, были разговоры о переселеніи, подписывались, скотъ продавали, но переселеніе не состоялось, потому что обманулъ осадчиевъ. Въ 79 году осадчіе изъ с. Жигаева, той-же волости, свели 7 дворовъ въ Петропавловскій уѣздъ, Тобольской губерніи, въ д. Матасы — на душевую землю. Къ нимъ приставали тогда переселенцы изъ смежнаго Фатеевскаго уѣзда. Въ с. Сквородневѣ, волости того-же имени, одинъ осадчій собиралъ подписку въ 1881 году, бралъ по 20 к. съ души. Подписывались у него нѣсколько разъ и съ тѣхъ поръ — «ни слуху ни духу». Въ с. Нижнепесочномъ, той-же волости, «шла подписка» лѣтъ 15 тому назадъ, подписались *все* домохозяева; осадчіе были изъ этого-же общества, но исправникъ не допустилъ переселеній и хотѣлъ наказать осадчихъ, — «едва отпросились». Въ 1880 году «шла подписка» кругомъ по деревнямъ, но это общество не подписывалось — боялось. Въ д. Тепловкѣ ѣздили было къ осадчимъ изъ Нижнепесочнаго сами, чтобъ записаться, но переселеніе разстроилось, а изъ д. Чубаровки только даромъ проѣздили за осадчими, записывавшими въ сосѣднихъ селеніяхъ, — не могли ихъ найти...

Такими отрывочными и неполными данными изобилуетъ исторія переселеній въ *Дмитріевскомъ* уѣздѣ. Очевидно, дмитріевскіе

осадчіе не умѣли придавать законную форму своему предпріятію и должны были или расплачиваться за него или отказываться отъ его выполненія. Не менѣе очевидно, что нерѣдко осадчіе просто-на-просто обманывали довѣрчивыхъ крестьянъ, летѣвшихъ, какъ бабочки на огонь, на обѣщанія и рассказы подобныхъ «вѣстниковъ». Ловкачъ солдатъ или свой-же братъ—крестьянинъ «объявлялъ подписку», собиралъ деньги и переселялся на собранныя суммы куда-нибудь, но только... въ единственномъ числѣ. Крестьяне, боясь самаго разговора о переселеніи, не преслѣдовали такого «подрядчика-обманщика» даже въ томъ случаѣ, если онъ преспокойно продолжалъ жить рядомъ съ ними. Но подобныя несложныя операціи, выросшія на почвѣ юридическихъ затрудненій, встрѣчающихъ всякое переселеніе, отходятъ въ прошлое. Въ послѣднее время не бываетъ уже такого наглаго обмана, такъ какъ, прежде чѣмъ «записаться», крестьяне тщательно провѣряютъ всѣ рассказы осадчихъ. Особенно это слѣдуетъ сказать про Фатежскій и Суджанскій уѣзды, гдѣ появляются настоящіе, типичныя осадчіе.

Въ *Фатежскомъ* уѣздѣ изъ д. Жердево, Хмѣлевской волости, сошелъ въ 1882 году, вмѣстѣ съ другими, осадчій Дронъ Жердевъ. Всѣ переселенцы отлично устроились на новомъ мѣстѣ жительства, въ Ставропольской губерніи. Въ 1883 году онъ воротился въ свою деревню, прожилъ тамъ три мѣсяца и рассказы-валъ много соблазнительныхъ вещей про тамошнія мѣста: «степь тамъ—глазомъ не окинешь, хлѣбъ дешевый, пшеничный, работа дорогая, винограду много»,—такъ передавали крестьяне эти рассказы. Собралось уходить еще 7 семей, и онъ повелъ ихъ по знакомой дорогѣ. Они пошли (на лошадяхъ) на купленную землю, приготовленную для нихъ переселенцами 1882 года. Жердевъ бралъ съ желающихъ въ задатокъ по 2—3 рубля за каждую приобретаемую десятину. Часть семей шла, впрочемъ, не на готовую землю; такимъ начальство сначала запрещало уходить, но Дронъ вмѣстѣ съ другими «доходилъ до губернатора», и тотъ, узнавъ, что переселеніе до известной степени обезпечено, разрѣшилъ имъ отправиться въ путь. О переселеніяхъ въ Миленинской и Большежировской волостяхъ были уже извѣстія въ печати *). Изложимъ здѣсь только то, что касается дѣятельности осадчихъ. Въ д. Хотемль, Большежировской волости, давшей сигналъ къ переселеніямъ 1883 года, были осадчіе еще въ 1877 году. Они сводили тогда крестьянъ въ Уфимскую губернію, на арендованную землю. Первымъ осадчимъ 1883 года (огульное переселеніе въ

*) См. корреспонденцію въ газетѣ «Новости» 1883 г., № 151.

Ставропольскую губернію началось собственно въ 1881—82 гг.) былъ Александръ Семеновъ Чернышовъ, средней зажиточности, высокій, здоровый и еще нестарый мужикъ, хорошій работникъ и хозяинъ. Онъ занимался извозомъ въ г. Курскѣ и разъ посадилъ 2-хъ прохожихъ, ѣхавшихъ изъ с. Гниловоды, Хмѣлевской волости, на мѣсто своего жительства—въ Ставропольскую губернію. Изъ разговора оказалось, что они родомъ изъ этого села, но сошли «на сходцы» во время бывшаго здѣсь переселенія и устроились по теченію р. Кумы. Заинтересованный энергичный мужикъ началъ подробно разспрашивать ихъ объ условіяхъ тамошней жизни, о маршрутѣ, стоимости проѣзда, и результатомъ собранныхъ свѣдѣній была его поѣздка съ 2-мя другими осадчими въ февралѣ мѣсяцѣ 1883 г. въ Ставропольскую губернію, съ цѣлью «посмотрѣть, нѣтъ-ли свободныхъ земель?» Тамъ, на мѣстѣ, осадчіе узнали, что около д. Цыгоновки продается большое имѣніе (до 3,000 десятинъ), принадлежащее г-ну Архинову. Тотчасъ-же была сдѣлана запродажная записка, по которой крестьяне разныхъ селеній Фатеевскаго уѣзда покупали закруговой поручкой все это имѣніе. Когда воротился Чернышовъ съ товарищами и объявилъ землякамъ о заключенной имъ сдѣлкѣ, еще 9 человекъ изъ разныхъ селеній отправились провѣрять удобства мѣстъ на р. Кумѣ и затѣмъ, возвратившись, подтвердили рассказы осадчихъ. Тогда начался наборъ желающихъ. Цѣнность десятины была объявлена въ 27 р., хотя, нужно прибавить, дѣйствительная стоимость десятины оставалась тайной осадчихъ; нѣкоторые крестьяне утверждали, что земля куплена осадчими на самомъ дѣлѣ по 19 р. за десятину, а 8 р., прибавленные ими—составляютъ премію за предприимчивость и вознагражденіе за расходы на поѣздки, предпринимавшіяся ими на свой рискъ и счетъ. Многіе факты доказываютъ, что переселеніе, о которомъ идетъ рѣчь, было задумано и выполнено вполне серьезно... Отъ переселенцевъ требовался взносъ податей и повинностей за годъ впередъ, отъ осадчихъ—не только предъявленіе запродажной записки, но и удостовѣреніе, что въ вводу крестьянъ во владѣніе имѣніемъ нѣтъ препятствій; все это предусмотрительно было заготовлено ими... Мѣстной администраціи не было поводовъ мѣшать крестьянскому движенію, и крестьяне дѣйствительно не встрѣчали никакихъ затрудненій. Александръ Чернышовъ и другіе осадчіе увели въ этомъ году 130 семей, изъ которыхъ 108 семей шло, давъ впередъ задатки осадчимъ, остальные-же 22 семьи присоединились къ обозу переселенцевъ, рассчитывая «на волю Божию», или думая арендовать землю у купившихъ. Въ Миленинской волости однимъ изъ первыхъ осадчихъ, поѣхавшихъ за Черныше-

вымъ, былъ Феоктистъ Елеазаровъ, обѣдѣнній домохозяинъ с. Глѣбова. Онъ давно потерялъ лошадей и, перейдя въ разрядъ бѣлошадныхъ, ходилъ въ деревенскихъ пастухахъ. Энергичный характеръ не далъ ему примириться съ горькой долей полугодичнаго безжизненнаго челоѣка. Онъ продалъ свою землю и съ 40 рублями въ карманѣ пошелъ во главѣ другихъ переселенцевъ этого селенія на купленную въ Ставропольской губерніи землю. — Дѣль 7 тому назадъ, въ с-дѣ Васильевскомъ, той-же волости (крестьяне бывшіе князя Мещерскаго, на дарственномъ надѣлѣ) осадчій «дѣль подъ Коренной» (Курскаго уѣзда) спутилъ съ крестьянами такую шутку: онъ приглашалъ ихъ переселиться на купленную землю въ Уфимскую губернію и собралъ съ желающихъ задатки. Затѣмъ отправился въ Стерлитамакскій уѣздъ и тамъ приписалъ переселенцевъ, безъ ихъ вѣдома, къ обществу, воспользовавшись разницей расходовъ и задатковъ. Впрочемъ, переселенцы устроились хорошо, и на слѣдующій годъ пошли осадчими домохозяева уже отсюда, поведя въ Стерлитамакскій уѣздъ много семей изъ другихъ деревень. Наконецъ, въ 1883 году приготовлялось обширное переселеніе изъ нѣсколькихъ деревень Фатежскаго уѣзда въ тотъ-же уѣздъ Уфимской губерніи *). Осадчіе отъ деревень: Томлина-Колодца и Лотаревки, Большежировской волости, д. Дерлова, Горюновской и д. Усть-Трасильнаго Колодца, Сергеевской волости, а также с. Черемошкѣ, Вышнедеревенской волости Льговскаго уѣзда (всего 5 челоѣкъ) отправились великимъ постомъ въ Тобольскую губернію «искать свободныхъ мѣстъ», перешли во время своихъ поисковъ въ Уфимскую, гдѣ узнали отъ прежде осѣвшихъ здѣсь «сходцевъ» о продажѣ земли въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, около мѣстечка Дѣдова. Осадчіе заключили домашнее условіе съ владѣльцемъ, по которому пенунали все имѣніе (1,500 десятинъ) по 22 р., съ разсрочкой половины платы на 6 лѣтъ. Возвратившись на Оминой недѣлѣ, осадчіе не сразу приступили къ набору желающихъ, такъ какъ имѣніе было заложено въ казнѣ и крестьяне ждали разрѣшенія на его продажу. Съ желающихъ они собирали по 1 р. 60 к. за каждую десятину будущаго владѣнія. Цѣна за десятину объявлена въ 25 рублей. Интересной особенностью приготовлявшагося переселенія является то обстоятельство, что всѣ уходящіе — сторонники одного безпоповщинскаго толка (кажется, вѣтковцы).

Такой-же характеръ, какъ у фатежскихъ осадчихъ, носитъ дѣятельность осадчихъ Суджанскаго уѣзда, этихъ настоящихъ народныхъ комиссіонеровъ. Изъ с. Черныя Ольхи, волости того-же

*) Объ этомъ фактѣ было рассказано въ газетѣ «Новости» 1883 г., за іюль.

названія, осадчій Филиппъ Васильевъ Старковъ, имѣвшій здѣсь около 10 десятинъ земли, свелъ 13 семей на рѣку Усть Лабу, въ Кубанскую область. Онъ раньше былъ въ тѣхъ мѣстахъ, «обискивалъ землю» самъ четверть съ товарищами осадчими изъ сс. Введенской Бѣлицы-Уланковской. Пункарнаго-Мартыновской и Озерковъ-Бѣловской волостей. Осадчіе ѣздили на свой счетъ и по собственной инициативѣ. Отыскавъ продавававшуюся какииъ-то прапорщикомъ землю, сторговали ее по 22 р. за десятину и писали односельчанамъ, чтобы тѣ, кто хочетъ приобрести землю, — выслали 500 рублей на задатокъ. По полученіи письма, 4 человека выборныхъ отъ желающихъ переселиться повезли деньги по желѣзной дорогѣ, а переселенцы пошли вслѣдъ за ними на лошадяхъ по указанному осадчими въ письмахъ маршруту. Въ 1882 году ходилъ осадчимъ тоже въ Кубанскую область Петръ Яковлевъ Оськовъ, домохозяинъ д. Петровыхъ Будъ, Черноолешанской волости и долго искалъ земли. Сходной продажной земли не находилось. Не смотря на это, онъ продалъ все и на оставшіяся за расходами деньги (150 р.) рѣшился уйти и пристроиться тамъ или иначе на новыхъ мѣстахъ. Впереди ничего опредѣленнаго не было, но онъ надѣялся на работниковъ (семья его состояла изъ 6-ти человекъ — 3 женатыхъ мужика, дѣтей не было). «Все вывезуть!» говорилъ онъ, и дѣйствительно — «вывезли», потому что уже черезъ годъ этотъ осадчій купилъ себѣ «дворовъ» (стало быть и землю). Въ 1883 г. его примѣру послѣдовало не мало семей. Но самое обширное переселеніе въ Суджанскомъ уѣздѣ было организовано «на Кубань рѣку» — осадчимъ Григоріемъ Матвѣевымъ Леоновымъ, домохозяиномъ с. Щеголька той-же Черноолешанской волости. Чтобы судить о степени его зажиточности, скажемъ, что у него было, когда онъ надумалъ уходить. У «Щеголянского Григорія», какъ зовутъ его теперь крестьяне Суджанскаго уѣзда, было: 12 десятинъ земли четвертнаго права, 2 лошади, 1 корова и 6 штукъ мелкаго скота; само собой разумѣется, хата и полное хозяйство. Почти въ одно время со Старковымъ, былъ и Григорій въ Кубанской области и, присмотрѣлъ тамъ землю «на рѣчкѣ Синявѣ», какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ «сидитъ» Филиппъ Старковъ. Земля (330 дес.) принадлежала казачьему полковнику и продавалась по 35 р. за десятину. Возвратившись въ деревню, Григорій сталъ «набирать номера» *). Такихъ №№ набралось 20 изъ разныхъ селеній Суджанскаго уѣзда. До 70 десятинъ оставалось еще нера-

*. Названіе «номеровъ», очевидно, сохранилось еще со времени переселеній по инициативѣ палаты государств. имуществъ, переводившей крестьянъ, между прочимъ, въ Оренбургскую губер. на *номерныя* (раздѣльныя на участки) казенныя земли.

зобраными у Григорія, когда отправились переселенцы (1 мая 1883 г.), но онъ не увывалъ, будучи увѣренъ, что ихъ скоро разберутъ. Нѣсколько семей (кромя записавшихся на номера) пошли «въ одномъ обозѣ съ Щеголянскими, но не въ компаньонахъ». Это были домохозяева, не повѣрившіе цѣнѣ десятины (35 р.), объявленной Григоріемъ, не захотѣвшіе отдавать ему деньги за комиссію и думавшіе сами купить землю на мѣстѣ гораздо дешевле. Не мало семей свелъ также Егоръ Семеновъ Подчилимовъ, по прованію «Соловей» (вѣроятно, за способность красно говорить)—домохозяинъ д. Лошаковѣи, Бѣловской волости. Этотъ осадчій, найдя 100 десятинъ продажной земли «сбокъ Старкова и супротивъ Григорія», раздѣлил ее на участки разной величины и на эти ММ повелъ желающихъ и давшихъ ему задатки. Изъ 100 десятинъ онъ оставилъ себѣ—40.

Мы упомянули только о болѣе интересныхъ случаяхъ переселеній, указали только на болѣе выдающихся осадчихъ... Значеніе подобныхъ людей въ современной деревнѣ несомнѣнно очень велико, можетъ быть, больше, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Начиная съ того момента, когда такой осадчій выходитъ изъ своего села за поисками «вольныхъ мѣстъ», на свой страхъ и рискъ, безъ какого-бы-то ни было опредѣленнаго маршрута, и — кончая тѣмъ временемъ, когда онъ «горитъ свѣчей» передъ мѣстной администраціей, побѣждаетъ недовѣріе односельчанъ, устраняетъ всѣ затрудненія для переселеній,—онъ долженъ быть очень энергичнымъ человѣкомъ. Поэтому-то главной отличительной чертой всѣхъ осадчихъ является практическій умъ, изворотливость, предприимчивость. Здѣсь ступеньваются — хозяйственность, зажиточность, мірскія качества человѣка. На мѣсто разсудительнаго и традиціоннаго старика-домохозяина становится болѣе подвижной середнякъ по лѣтамъ, опыту и зажиточности. Наконецъ, послѣднее качество дѣйствуетъ скорѣе неблагоприятно, чѣмъ помогаетъ дѣлу, — не допуская у подобнаго осадчаго личнаго побужденія къ уходу. Дѣйствительно, среди перечисленныхъ уже осадчихъ мы не видали богатыхъ людей, тогда какъ были бѣдные, даже одинъ безхозяинный пастухъ, какъ извѣстно, родъ деревенскаго илота. Правда, такіе оторвавшіеся отъ земли осадчіе очень рѣдки. Большинство осадчихъ хорошіе хозяева, потому что, намѣреваясь увести другихъ, всякій изъ нихъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду — какъ-бы самому устроиться «похозяйственнѣ» на новыхъ мѣстахъ. Поэтому, почти никто изъ крестьянъ-осадчихъ не смотритъ на свое дѣло какъ на службу міру или заботу о другихъ. Дѣло переселенія для него прежде всего практическое дѣло, простая комиссія, посредничество между продавцемъ земли

и покупателями-земляками. Но, надо отдать ему справедливость, онъ никогда не поступаетъ какъ заправскій комиссіонеръ, никогда не беретъ огромнаго комиссіоннаго процента, нерѣдко съ обѣихъ сторонъ, заключающихъ сдѣлку; прибавка къ покупной цѣнѣ десятины — необходимое для него вознагражденіе за расходы, поѣздки, угощеніе міра, всякія гербовыя марки, нотаріальныя пошлины и проч. Если принять все это во вниманіе, нужно признаться, что деревенскій осадчій беретъ еще «но-божески», какъ говорятъ крестьяне. Безъ сомнѣнія, не малой наградой ему служить устройство своей собственной семьи на новыхъ мѣстахъ, находящееся по большей части въ тѣсной зависимости отъ переселенія и устройства односельчанъ. Онъ, такъ сказать, переноситъ съ собою часть своего села, привычныхъ связей, близкихъ знакомствъ... Это дорого цѣнится мужикомъ вдали отъ родины.

А. Мурашинцевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РАБОЧІЕ НА КУБАНИ.

I.

Вольнонаемные рабочіе въ Кубанской области распадаются на двѣ довольно неравныя группы—на пришлымъ и мѣстныхъ. Первая группа значительно превосходитъ численностью вторую, и въ ней, въ свою очередь, первое мѣсто принадлежитъ рабочимъ, уходящимъ изъ дому только на лѣтніе заработки.

Хожденія южно-русскаго крестьянина на заработки въ тѣ мѣста, которыя вошли въ составъ нынѣшней Кубанской области, начались чуть-ли не съ первыхъ шаговъ колонизаціи края, но теперешній свой характеръ эти хожденія получили только въ относительно недавнее время.

До паденія крѣпостного права захожія рабочія въ Черноморіи и на Линіи, какъ назывались прежде составныя мѣстности нынѣшней Кубанской области, былъ часто не только рабочимъ, но и бѣглецомъ. Такими рабочими бѣглецами пополнялись большею частію «забродческія (т. е. рыболовныя) ватаги» на Черноморіи. Рѣже бѣглецы крестьяне встрѣчались въ роляхъ табунщиковъ, пастуховъ и чабановъ. Еще рѣже они были «работниками», т. е. собственно батраками. Что-же касается подневныхъ косарскихъ работъ, то бѣглецы и безпаспортные участвовали въ нихъ наравнѣ съ другими косарями, и такъ какъ работы эти совпадали съ періодомъ затишья въ рыбномъ промыслѣ, то за нихъ охотно брался и забродчикъ.

Въ описываемый періодъ отхожіе промыслы на Кубани не носили еще того характера, которымъ они отличаются теперь. Скотоводческое хозяйство составляло тогда почти все содержаніе эко-

номической жизни казака; натуральныя отношенія между работодателемъ и работникомъ царили во всей силѣ. Табунщикъ, пастухъ, чабанъ, батракъ, забродчикъ—всѣ они большею частію получали заработную плату въ смѣшанной формѣ—деньгами и натурою, въ видѣ приплода, части урожая, доли улова и пр. Только при подневныхъ работахъ косарь бралъ однѣми деньгами; но, во 1-хъ, тогда и захожихъ на одно лѣто косарей было мало, а во 2-хъ, для косарей изъ сколько-нибудь осѣвшего рабочаго люда заработная плата и тутъ часто сводилась къ вознагражденію натурою—частью убранныго сѣна или хлѣба, зимовкою скота и пр. Самое положеніе пришлаго рабочаго въ это время ничѣмъ существенно не отличалось по внѣшнимъ условіямъ отъ положенія казака-хозяина. Жили они оба въ одинаковой обстановкѣ, ѣли изъ одной чашки, работали рука объ руку, потребности имѣли одинаковыя, хозяйственную сноровку точно также.

Съ паденіемъ крѣпостного права прежній бѣглець смѣняется безпаспортнымъ. До чего явленіе это было распространеннымъ, видно изъ того, что впоследствии вышелъ особый законъ насчетъ безпаспортныхъ. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ кавказскаго комитета отъ 13 іюня 1870 года повелѣно было безпаспортныхъ людей «зачислить, по ихъ избранію въ старыя станицы кубанскаго казачьяго войска, но лишь въ тавія, въ которыхъ не встрѣтятся затрудненія въ надѣлѣ новыхъ поселенцевъ землею» *). Вновь приписанныхъ къ станицамъ казаковъ предположено было освободить отъ службы и земскихъ повинностей на два года. И, дѣйствительно, въ разное время было зачислено въ ст. Браньковской «10 семействъ безпаспортныхъ людей, скрывавшихся по рыболовнымъ заводамъ», въ ст. Ивановской 25 сем., въ ст. Курчанской 147 душъ **) и т. д. Но и эта гуманная мѣра, давшая возможность сотнямъ безпаспортныхъ батраковъ стать въ условія хозяевъ, не уничтожила въ корнѣ факта.

Само собою понятно, что по мѣрѣ того, какъ отживала свое время старина, рядомъ съ бѣглыми и безпаспортными все болѣе и болѣе усиливался притокъ рабочихъ элементовъ въ строгоемъ смыслѣ этого слова. Особенно сильныя приливы рабочаго люда на Кубань начинаются съ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. До этого времени самъ казакъ пробовалъ было ѣздить за крестьянами въ Россію. По крайней мѣрѣ черноморскіе хуторяне имѣли обыкновение ѣздить въ ближайшія губерніи южной Россіи и здѣсь нанимали у помѣщиковъ крѣпостныхъ крестьянъ

*) П. С. В., т. XLV, стр. 816.

**) Изъ мѣстныхъ станичныхъ архивовъ.

для работъ, на 3, на 5 лѣтъ и пр., или-же совсѣмъ покупали ихъ, какъ рабочую силу, отчего на Черноморіи образовался въ слѣдствіи цѣлый классъ такихъ привозныхъ «крѣпаконъ», обращенныхъ, по распоряженію правительства въ 1858 г., въ казачество. Съ паденіемъ крѣпостного права, бывший помѣщичій крестьянинъ самъ началъ являться въ Черноморію и на Линію для заработковъ. Отхожіи промыслы съ каждымъ годомъ все росъ и росъ. 1864 годъ, положившій конецъ 80-ти-лѣтней борьбѣ казаковъ съ черкесами, развязалъ руки казаку въ хозяйственномъ отношеніи. Экономическая жизнь осложнилась, потребовался новый притокъ пришлыхъ рабочихъ рукъ, и такъ какъ пустующихъ земель въ областѣ было достаточно, то крестьянинъ очень скоро смекнулъ, что ему выгоднѣе совсѣмъ не уходить на родину, а сколачивать капиталъ на этихъ чужихъ земляхъ, работая въ качествѣ-ли поденщика, долгосрочнаго рабочаго, или даже пайщика. Законъ 1868 г., дозволившій «лицамъ невоинскаго сословія пріобрѣтать недвижимую собственность на казачьихъ земляхъ», безъ вѣдома войска и общинъ, далъ въ этомъ отношеніи южнорусскому крестьянину твердую точку опоры. Захожіи рабочіи стали переселенцемъ, колонизаторомъ. Значительный процентъ крестьянъ, ходившихъ раньше на Кубань въ отхожіе промыслы, дѣйствительно осѣлъ здѣсь въ качествѣ переселенцевъ. Въ то-же время осѣвшіе на войсковыхъ, общинныхъ и частныхъ земляхъ переселенцы, двинувъ впередъ экономическую жизнь, вызвали новый притокъ пришлыхъ рабочихъ рукъ. Такимъ образомъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ и оканчивая семидесятыми, росли и расширялись приливы рабочаго люда, искавшаго на Кубани заработковъ.

Не трудно понять, что эта широкая экономическая волна, захватывавшая и двигавшая впередъ и взадъ ежегодно десятки тысячъ рабочихъ, должна была рѣзко отразиться на самомъ характерѣ отхожихъ промысловъ. При обиліи пришлыхъ рабочихъ рукъ нечего было и думать о вознагражденіи ихъ натурою, какъ это велось прежде. вмѣстѣ съ тѣмъ и формы хозяйства въ Кубанской области измѣнились: скотоводческое хозяйство отошло на задній планъ, земледѣліе окрѣпло и расширилось. Увеличивавшійся съ каждымъ годомъ отпускъ за границу зерновыхъ продуктовъ въ сильнѣйшей степени вліялъ на замѣну натурального хозяйства денежнымъ. Казакъ, производившій раньше хлѣбъ только для себя и для своей семьи, сталъ производить его и для англичанина, и для француза, и для нѣмца, и для бельгійца и т. п., мѣняя сырье на деньги. Все это, вмѣстѣ взятое, естественно должно было отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ работодателей и работниковъ. Старый натурализмъ и примитивность стирались съ каждымъ го-

домъ все больше и больше. Ихъ мѣсто заняли денежные отношенія съ неизбѣжнымъ закономъ спроса и предложенія рабочихъ рукъ, съ переполненіемъ послѣдними мѣстныхъ рынковъ, съ рискомъ остаться безъ работы и пр., пр.

Таковы-то тѣ общія историческія черты, которыми характеризуется прошлое отхожихъ промысловъ на Кубани.

Переходя къ настоящему положенію рабочихъ на Кубани, мы разобьемъ ихъ на три разряда—на косарей, на батраковъ и на рабочихъ побочныхъ промысловъ.

II.

Кромѣ мѣстнаго населенія, косарей на Кубани даютъ губерніи Полтавская, Черниговская, Курская, Харьковская, Воронежская и Екатеринославская; меньше ихъ приходится на долю Кіевской, Орловской и Тамбовской губерній; встрѣчаются также рязанцы, саратовцы, подоляне и проч. Косари обыкновенно отправляются на Кубань тремя путями—по ростово-владикавказской желѣзной дорогѣ, чрезъ Ейскъ и чрезъ Тамань. Первый и самый ранній косарь идетъ сюда преимущественно отъ домашней безхлѣбницы. Добравшись тѣмъ или другимъ путемъ до Кубанской области, онъ здѣсь недѣли двѣ или три перебивается кое-какими заработками въ ожиданіи сѣнокошенія, — рѣзетъ кизяки, приготовляетъ саманъ, роетъ колодцы, огораживаетъ и пр., получая за все это копѣекъ по 15 или 20 въ сутки и очень часто стараясь только прохарчиться до начала полевыхъ работъ. Съ мая, предъ началомъ сѣнокошенія, движеніе косарей усиливается. Это бываетъ самый большій ихъ притокъ. Къ концу юня, т. е. послѣ окончанія сѣнокошенія, начинается обратное движеніе косарей. Идутъ назадъ большею частію тѣ изъ нихъ, которыхъ ждетъ на дому уборка собственнаго хлѣба. Одновременный отливъ косарей въ это время также бываетъ наиболѣе значительный. Наконецъ, съ половины іюля, съ окончаніемъ полевыхъ работъ, косари начинаютъ расходиться по домамъ частями. Это остатки рабочей арміи, убиравшей собственно хлѣбъ.

Самое движеніе косарей на Кубани носитъ характеръ какой-то толкотни. Въ одиночку, партіями и цѣлыми толпами, они снуютъ вдоль и поперекъ области, мѣшаются одни съ другими, мѣняются мѣстами и пр. Услѣдить при этомъ за точнымъ количествомъ пришедшихъ рабочихъ рукъ нѣтъ возможности. Никакихъ регистрацій на этотъ счетъ не существуетъ. Судить объ общемъ количествѣ рабочихъ приходится лишь приблизительно. Можно указать съ нѣкоторою вѣроятностью, какъ великъ ежегодный при-

токъ косарей на Кубань, и нельзя выразить его точными цифрами.

Просматривая, въ самомъ дѣлѣ, станичныя и сельскіе общесвенные приговоры относительно сѣнокосенія, анализируя данныя, характеризующія область въ хозяйственномъ отношеніи, дѣлая учетъ отсутствующимъ рабочимъ рукамъ и пр.,—всюду наталкиваемся на одинъ и тотъ-же фактъ, что очень многія казачьи хозяйства не могутъ обходиться безъ наемныхъ рабочихъ рукъ, въ особенности въ періодъ сѣнокосенія. Такъ, изъ приговоровъ видно, что наемъ одного или двухъ косарей—обычное явленіе въ хозяйствѣ казака, что очень многіе хозяева держатъ въ теченіи недѣли или двухъ по 10, 12, 15 и болѣе косарей и пр. Такъ, въ среднемъ хозяйствѣ казака своихъ мужскихъ рабочихъ рукъ можетъ хватить на уборку только 20 изъ 26 десятинъ сѣнокоса. Еще рѣзче то-же бросается въ глаза на земляхъ владѣльческихъ, гдѣ и землевладѣльцы и крупныя арендаторы нанимаютъ десятками косарей, а такъ-наз. тавричане—даже сотнями. Такъ, наконецъ, изъ общаго количества лицъ мужскаго пола въ возрастѣ отъ 17 до 55 лѣтъ, равнявшася въ 1882 г. 211,372 д., около 15 т. собственно казачьяго населенія *) несло службу и не менѣе 10 т. приходилось на долю привилегированныхъ лицъ,—офицеровъ, духовенства, купцовъ, лавочниковъ и т. п., т. е. такихъ лицъ, которыя, во всякомъ случаѣ, «не тягаютъ косы».

Принимая все это во вниманіе, мы ни мало, поэтому, не погрѣшимъ противъ истины, констатируя тотъ вполне вѣроятный выводъ, что каждая два среднихъ хозяйства въ области потребляютъ въ страдную пору среднимъ числомъ одного наемнаго косаря. Но такъ какъ въ области считалось въ 1880 году 125,000 дворовъ или хозяйствъ, то, слѣдовательно, наемныхъ косарей должно быть въ области 62,500. Выводъ этотъ отчасти подтверждается и другими соображеніями. Въ области ежегодно приходится скашивать не менѣе 2½ мил. десятинъ травы; при 21 днѣ уборки для этого потребуетсся не менѣе 238,000 мужскихъ рабочихъ рукъ, а своихъ рабочихъ въ возрастѣ отъ 17 до 55 лѣтъ, по приведенному выше разсчету, оказывается 186,372.—слѣдовательно, не достаетъ 51,728 душъ, т. е. почти на 10,000 меньше противъ полученной выше цифры. Въ области, затѣмъ, существуетъ изъ 389 крупныхъ поселеній около 250 такихъ, на рынкахъ которыхъ производится наемка косарей, а такъ какъ на этихъ рын-

*) По спискамъ, количество строевыхъ казаковъ къ 1 января 1883 года равнялось 32,833 д.; изъ нихъ состояло въ дѣйствительной службѣ 11,450 чел.; сюда-же нужно прибавить внутренне служащихъ и лицъ, несущихъ общественную службу въ 389 станицахъ, поселкахъ, селахъ, аулахъ и пр.

кахъ въ дни найма при сѣнокосеніи бывають среднимъ числомъ не менѣе 250 косарей, то, значить, общее количество ихъ должно простираться до 62,500 д. Такъ какъ въ составъ этой цифры, а равно и выведенной въ первомъ случаѣ, вошли, очевидно, и мѣстные наемные косари, то, принявъ количество ихъ равнымъ 10,000. получимъ такимъ образомъ, за вычетомъ этой цифры, 52,000 косарей, т. е. цифру очень близкую къ полученной во второмъ случаѣ. Цифру эту и можно считать тою искомою величиною, около которой вертѣлось въ послѣдніе годы количество приходящихъ въ область на лѣтніе работы косарей *).

И такъ, иллюстрируя этими приблизительными данными тотъ общезвѣстный фактъ, что въ Кубанскую область приходятъ ежегодно массы косарей, можно отчасти понять и трудность распределенія ихъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ.

На самомъ дѣлѣ, пока спросъ и предложеніе не сдѣлають своего дѣла, нѣкоторые рынки, и преимущественно тѣ, которые лежатъ по главнымъ путевымъ артеріямъ, бывають до-нельзя переполнены косарями. Сразу надвинувшаяся масса ихъ буквально таки запруживаетъ такіе пункты, какъ Ейскъ, Кущевская, Тамань, Старощербиновская и пр. Часто площадь въ нѣсколько десятнѣ дотога бывають набита въ дни найма косарями, что съ трудомъ можно протолкаться между этою плотною толпою. А когда косари дѣлають передвиженіе изъ станицы въ станицу, то тянутся одинъ за другимъ на разстояніи 10 и 15 верстъ. Понятно, что все это объясняется трудностью распределенія въ короткое время по станицамъ массы припыхъ рабочихъ рукъ.

Тѣмъ не менѣе, это естественное распределеніе косарей по области совершается съ извѣстною систематичностью. Определенныя группы косарей обыкновенно по опыту придерживаются определенныхъ мѣстностей. Одни стремятся на Линію, другіе остаются въ Черноморіи, третьи движутся на Лабу и т. д., всюду собираясь на определенныхъ рынкахъ. Какъ мы замѣтили уже и выше въ области считается около 250 такихъ рынковъ. Одни изъ] рынковъ играютъ первостепенную, другіе — второстепенную роль. Къ числу первыхъ принадлежитъ около 60 пунктовъ, изъ которыхъ можно назвать, какъ выдающіеся, Ейскъ, Темрюкъ, Екатеринодаръ, станицы Таманскую, Славянскую, Крымскую, Полтавскую, Медвѣдовскую, Брюховецкую, Канивскую, Старощербиновскую, Уманскую, Кущев-

*) Такъ какъ съ косарями, кромѣ того, приходятъ въ область подростки-полуработники и женщины, въ качествѣ «гребцовъ», то къ 52 т. косарей нужно прибавить отъ 10 до 15 проц. гребцовъ, по среднему разсчету отъ 1 до 1½ проц. на партію въ 10 душъ, выведенному изъ частныхъ наблюденій, т. е. 52,000 + 6,500 д.

скую, Березанскую, Тихорѣцкую, Архангельскую, Устьлабинскую, Новопокровскую, Кавказскую, Новотроицкую, Невинномысскую, Баталпашинскую, Суворовскую, Прочноокопскую, Вознесенскую, Отрадную, Лабинскую, Гиэгинскую, селеніе Армавиръ и др. Въ каждомъ изъ такихъ пунктовъ скопленіе косарей достигаетъ наивысшихъ цифръ; меньше оно бываетъ на рынкахъ второстепенныхъ; вообще-же отдѣльныя поселенія отличаются въ этомъ отношеніи значительнымъ разнообразіемъ.

Такимъ образомъ, характерная особенность распредѣленія косарей по области состоитъ въ томъ, что пришлые косари, держась опредѣленными группами опредѣленныхъ мѣстностей, расходятся прежде всего по мѣстнымъ рынкамъ. Тутъ они нанимаются какъ мѣстными жителями, такъ и жителями поселковъ, хуторовъ и пр. Здѣсь-же, на рынкахъ, устанавливаются и «цѣны на косаря», какъ принято выражаться на этотъ счетъ въ Кубанской области.

Трудно представить себѣ ту запутанность и колебанія, какими характеризуется установленіе рабочей платы косаря. Если при распредѣленіи косарей по области замѣчаются очень рѣзкія крайности, то при установленіи рабочей платы и того болѣе. Тѣ-же затрудненія въ распредѣленіи косарей по станицамъ, степень урожайности травы по отдѣльнымъ мѣстностямъ, климатическія особенности этихъ послѣднихъ, одновременность сѣмки травы у разныхъ общинъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ соображеній и т. п. — все это въ сильнѣйшей степени влияетъ на высоту рабочей платы. Колебанія при этомъ получаются невѣроятныя. Часто въ одномъ и томъ-же году, въ одной и той-же мѣстности поденная плата косаря начинается съ 40 коп. и заканчивается 3 р., т. е. повышается на цѣлыхъ 650%. Но въ общемъ, однако, за временными колебаніями рабочей платы и отступленіями ея отъ средней нормы, легко замѣтить двѣ существенныя черты, характеризующія установленіе этой нормы: во-1-хъ, колебанія рабочей платы идутъ главнымъ образомъ отъ minimum'a къ maximum'у и, во-2-хъ, каждое уклоненіе ихъ въ ту или другую сторону является прямымъ слѣдствіемъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ рабочихъ рукъ. Такимъ образомъ, самая низкая рабочая плата бываетъ въ началѣ сѣнокосныхъ работъ. Въ это время предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ значительно спросъ на нихъ, такъ какъ косарей бываетъ въ области наибольшее количество и къ работамъ приступаютъ не вездѣ и не всѣ хозяева сразу. Около первыхъ чиселъ іюня поденная плата косаря становится болѣе или менѣе постоянною; въ послѣднихъ числахъ того-же мѣсяца, по мѣрѣ того, какъ начинается созрѣвать ячмень и рожь, она снова замѣтно повышается; наконецъ, при уборкѣ хлѣба она достигаетъ наибольш-

шей высоты, потому что, съ уходомъ около этого времени значительнаго количества косарей, и спросъ на нихъ начинается значительно превышать предложеніе. Въ цифрахъ эти колебанія можно выразить приблизительно въ слѣдующей схемѣ:

I-я недѣля	отъ —	40 к.	до 1 р.	— к.
II-я »	»	1 р.	»	» 1 » 20 »
III-я, IV-я и V-я нед.	»	1 » 20 »	»	» 1 » 50 »
VI-я недѣля	»	1 » 50 »	»	» 2 » — »
VII-я, VIII-я и IX-я нед.	»	2 » — »	»	» 3 » и выше.

Разумѣется, схема эта можетъ дать только приблизительное понятіе о тѣхъ колебаніяхъ, которыми сопровождается по времени поденная плата косаря. Въ дѣйствительности эти колебанія несравненно разнообразнѣе. Бываютъ, напримѣръ, случаи, когда плата поденщика начинается съ 30 коп., и бываютъ случаи, когда она сразу достигаетъ 1 р. 50 к. Достаточно въ одну и ту-же станицу придти 10 или 15 партіямъ новыхъ косарей, чтобы поденная плата упала на 40 или 50 проц. и т. д. Сообразно съ колебаніями платы для косаря происходитъ такое-же колебаніе платы и для гребца.

Но каковы-бы тамъ ни были колебанія рабочей платы въ томъ или другомъ единичномъ случаѣ, общій фактъ остается при этомъ неизмѣннымъ: средняя рабочая плата въ первую половину рабочаго періода, т. е. при уборкѣ сѣна, всегда бываетъ значительно ниже, чѣмъ во вторую, т. е. при уборкѣ хлѣба. И косари, и мѣстное населеніе опредѣляютъ рабочую плату именно по двумъ рабочимъ періодамъ. Такимъ образомъ, принявъ эти періоды въ основаніе, среднюю величину рабочей платы косарей и гребцовъ на Кубани можно выразить въ слѣдующихъ цифрахъ для четырехъ главныхъ районовъ области:

	При уборкѣ сѣна.		При уборкѣ хлѣба.	
	Косарь.	Гребець.	Косарь.	Вязальщица.
1. На Старой Линіи	1 р. 85 к.	75 к.	2 р. 85 к.	1 р. 40 к.
2. На Новой Линіи и Вѣлорѣченской равнинѣ	1 » 50 »	65 »	2 » 50 »	1 » — »
3. Въ Черноморіи	1 » 45 »	60 »	2 » 20 »	— » 95 »
4. Въ Закубаньѣ	1 » 25 »	50 »	— » — »	— » — »
	1 р. 51 к.	62 к.	2 р. 51 к.	1 р. 11 к.

Цифры эти выведены нами на основаніи свѣдѣній, собранныхъ путемъ сирова жителей по станицамъ въ 1881 году, при чемъ для сравненія въ большинствѣ случаевъ брались во вниманіе «цѣны на косаря» не только за упомянутый годъ, но и за два предыдущіе.

Изъ среднихъ величинъ для станицъ выведены потомъ среднія величины для отдѣльныхъ районовъ. Такъ какъ при этомъ рѣзкихъ уклоновъ въ величинахъ перваго рода не замѣчается, то, слѣдовательно, та или другая средняя цифра, взятая для отдѣльнаго района, является болѣе или менѣе постоянною величиною и для всѣхъ станицъ, входящихъ въ составъ его.

Но относительно собственно Закубанья не лишне будетъ сдѣлать оговорку. Во-1-хъ, изъ этого района мы выдѣлили Бѣлорѣченскую равнину, т. е. вѣрнѣе станицы Пигинскую, Келермесскую, Бѣлорѣченскую, Ханскую, Кужорскую и Ярославскую, и присоединили ее къ району Новой Линіи въ виду крайняго сходства обѣихъ мѣстностей по ихъ общимъ экономическимъ условіямъ. Во-2-хъ, затѣмъ остальную часть Закубанья можно разбить на двѣ полосы съ востока на западъ. Въ сѣверной полосѣ, лежащей ближе къ Кубани, рабочая плата нѣсколько выше, чѣмъ въ южной. Въ сѣверной полосѣ мѣстами встрѣчаются пришлые косари, въ южной — ихъ совсѣмъ не бываетъ. Въ сѣверной полосѣ, наконецъ, бываютъ случаи найма косарей для уборки не только травы, но и хлѣба; въ южной совершенно не оказывается послѣдняго рода случаевъ, да и хлѣбъ здѣсь сѣется не вездѣ. Вообще-же подневная плата косаря при уборкѣ хлѣба представляетъ въ Закубаньѣ настолько колеблющуюся и исключительную для многихъ станицъ величину, что мы сочли за лучшее совсѣмъ не брать ее въ расчетъ.

Разсмотримъ, однако, приведенныя выше цифры. Какъ видно изъ нихъ, колебанія рабочей платы замѣчаются прежде всего по отдѣльнымъ районамъ. Наивысшая плата встрѣчается на Старой Линіи, т. е. въ наиболѣе развитой экономически мѣстности; ниже она нѣсколько на Новой Линіи, занимающей по степени экономического развитія второе мѣсто въ области; еще ниже въ Черноморіи, отличающейся также значительнымъ экономическимъ развитіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда изобилующей пришлыми рабочими руками, благодаря тому, что косари идутъ чрезъ эту мѣстность на заработки и обратно по тремъ главнымъ направленіямъ; наконецъ, въ Закубаньѣ, въ самомъ бѣдномъ въ области районѣ, и рабочая плата оказывается наиболѣе низкою.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе тѣхъ-же цифръ показываетъ затѣмъ, что при уборкѣ хлѣба трудъ и мужчины и женщины цѣнятся вообще значительно выше труда при уборкѣ сѣна. Такъ, у первыхъ, въ среднемъ выводѣ, рабочая плата за уборку хлѣба выше на 39,9 проц. платы за уборку сѣна, а у вторыхъ на 44,6 проц. Какъ замѣчено и выше, разница эта объясняется меньшимъ предложениемъ рабочихъ рукъ при уборкѣ хлѣба, а хлѣбъ между тѣмъ цѣнится выше травы и всякое промедленіе въ уборкѣ его соединено съ зна-

чительными потерями. Въмѣстѣ съ тѣмъ, спросъ собственно на женскія рабочія руки, благодаря характеру работъ, также бываетъ выше и напряженнѣе.

Нельзя не отмѣтить здѣсь одну особенность, имѣющую мѣсто при опредѣленіи подневной платы за уборку хлѣба. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ области принято считать эту плату «за пару», т. е. для мужчины и женщины разомъ. Такъ, въ станицѣ Новопокровской платили въ 1881 г. до 6 р. «за пару», въ Новоалександровской отъ 4 р. до 5 р. 50 к., въ Ильинской отъ 4 р. до 5 р. 20 к., въ Архангельской отъ 4 р. 50 к. до 5 р. и т. п. Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочая плата составляетъ сумму дневного заработка мужчины и женщины, то, слѣдовательно, чтобы опредѣлить тотъ или другой видъ заработка въ частности, нужно вычесть изъ общей суммы существовавшую плату для одного мужчины и для одной женщины.

Что касается вообще рабочей платы за женскій трудъ, то во всѣхъ случаяхъ она бываетъ ниже рабочей платы за трудъ мужской. Такъ, изъ приведенныхъ выше цифръ видно, что первая относится ко второй, какъ 1 : 2²/₅ при уборкѣ сѣна и какъ 1 : 2¹/₅ при уборкѣ хлѣба, или въ первомъ случаѣ она составляетъ 41 проц. рабочей платы косаря, а во второмъ 44,2 проц. т. е. въ обоихъ случаяхъ она не составляетъ и половины заработка косаря.

Опредѣляя, наконецъ, валовой заработокъ косаря и гребца въ теченіи двухъ мѣсяцевъ (съ 15 мая по 15 іюля), при продолжительности работъ въ 42 дня *) или въ 21 день для уборки сѣна и въ 21 для уборки хлѣба, получимъ слѣдующія цифры:

	За сѣно.	За хлѣбъ.	Всего.
Работникъ . . .	31 р. 71 к.	52 р. 72 к.	84 р. 42 к.
Работница . . .	13 » 2 »	23 » 31 »	36 » 33 »

Цифры эти очень близко совпадаютъ съ тѣми, какія опредѣляются въ этомъ отношеніи самими косарями. Такъ, на вопросъ: сколько можетъ заработать косарь при уборкѣ хлѣба и сѣна опредѣляется косарями въ 80 и 90 р. Точно также средній заработокъ гребца въ первомъ случаѣ, по показанію косарей, доходить отъ 12 до 15 р., а во второмъ—отъ 30 до 35 р. Но, давая свои показанія, косарь всегда разумѣетъ валовую цифру, не вычитая изъ нея ни дорожныхъ издержекъ, ни вообще какихъ-бы то ни было расходовъ. Исключивъ то и другое, придется видоизмѣнить приведенныя выше цифры такимъ образомъ:

*) Съ 15 мая по 15 іюля считается 61 день; исключивъ отсюда 9 воскресныхъ, 5 праздничныхъ и 5 ненастныхъ дней, въ остаткѣ получимъ 42 рабочихъ дня.

	За сѣно.	За хлѣбъ.	Всего.
Работникъ.	23 р.	43 р.	66 р.
Работница.	6 >	15 >	21 >

Получается, слѣдовательно, что чѣмъ меньше работаетъ косарь, тѣмъ больше онъ тратитъ денегъ на расходы (преимущественно за проѣздъ), и что, поэтому, наиболѣе дѣйствительный заработокъ для косаря получается въ томъ случаѣ, когда онъ проработаетъ вѣкъ дома все лѣто.

Къ этъ му слѣдуетъ прибавить, что, сколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, повышение рабочей платы съ годами не идетъ въ унисонъ съ повышеніемъ ренты и чистаго дохода въ казачьемъ хозяйствѣ. Такъ, 10 лѣтъ тому назадъ, поденная плата косаря въ Черноморіи равнялась 1 р. 25 к. при уборкѣ сѣна и 1 р. 75 к. при уборкѣ хлѣба, а на Старой Линіи 1 р. 50 к. въ первомъ случаѣ и 2 р. во второмъ. Выраяя тѣ-же цифры въ процентныхъ отношеніяхъ, окажется, что рабочая плата косаря повысилась:

	При уборкѣ сѣна.	При уборкѣ хлѣба.
Въ Черноморіи на.	13,7%	20,4%
На Старой Линіи на.	14,5%	29,8%

Между тѣмъ, рента въ то-же время повысилась въ обоихъ районахъ отъ 75 до 100 проц.

Въ частности, любопытнымъ является то обстоятельство, что повышение заработной платы при уборкѣ хлѣба оказывается въ Черноморіи на 7,3 проц. и на Старой Линіи на 15,3 проц. выше сравнительно съ повышеніемъ платы при уборкѣ сѣна. Такъ какъ въ то-же время распашки въ обоихъ районахъ удвоились, то, очевидно, отмѣченное обстоятельство имѣетъ несомнѣнную связь съ расширеніемъ земледѣльческой культуры. Расширяется земледѣльческое хозяйство—разширяется и спросъ на рабочія руки, а повышение спроса надъ предложеніемъ повышаетъ и заработную плату именно въ этой отрасли сельскохозяйственнаго труда. Выходитъ, стало быть, что примитивное земледѣльческое хозяйство оказывается въ общемъ цѣннѣе примитивнаго скотоводческаго.

Если принять, однако, во вниманіе, что за 10 лѣтъ значительно понизилась цѣнность бумажнаго рубля, что въ этотъ промежутокъ времени была повышена чувствительно для косаря пассажирская плата на желѣзныхъ дорогахъ, что потребности у косаря вообще должны были расширяться, а средства удовлетворенія ихъ, между тѣмъ, съ каждымъ годомъ дорожаютъ и т. д., и т. д., то трудно сказать, много-ли выигралъ косарь отъ повышения рабочей платы въ денежныхъ знакахъ. Судя по тому, что

косари жалуются на увеличивающийся рискъ отхожихъ промысловъ и приведенныя выше цифры возвышенія рабочей платы должны быть разсматриваемы съ крайнею осмотрительностью и во всякомъ случаѣ условно.

Съ другой стороны, и положеніе косаря на отхожемъ промыслѣ, какъ рабочей силы, съ каждымъ годомъ несомнѣнно ухудшается. Это говорятъ сами косари; это-же подтверждается и дѣйствительностью. Правда, и прежде, какъ теперь, косарь на чужой сторонѣ не былъ застрахованъ ни отъ болѣзни, ни отъ смерти въ такой даже степени, какъ можетъ быть онъ застрахованъ дома. Но прежде сытнѣе ѣлъ онъ на работѣ, чаще попадалъ къ хозяину изъ своей-же рабочей среды, меньше имѣлъ соприкосновеній съ хозяиномъ-булакомъ.

Обычную пищу косаря составляютъ хлѣбъ, пшено, квасъ и вода во всевозможныхъ видахъ и со «всевозможными приправами»: «Борщъ», «галушки», «кулішъ», «приправленные» въ постные дни постнымъ масломъ, а въ скоромные кусочками свиного сала, крутая каша и «лемішка» или «дідъ», приправленные также разсчитливо, состоятъ именно изъ разнообразныхъ смѣсей названныхъ выше веществъ и служатъ наиболѣе постоянною пищею косаря. Рѣже появляются въ этой пищѣ молочные продукты (собственно молоко и творогъ), еще рѣже рыба, мѣстами раки и наирѣже солонина или баранина. Выражая расходы на пищу въ деньгахъ, въ среднемъ выводѣ можно принять эти расходы равными 20 коп. въ сутки, при чемъ на 8 коп. косарь съѣстъ хлѣба (около 3 ф.) и муки, на 8 к. приварочныхъ веществъ (соли, пшена, масла или сала, луку и пр.) и на 4 к. лакомой пищи (молочныхъ продуктовъ, рыбы или мяса). Такимъ образомъ, прокормленіе косаря въ теченіи 21 рабочаго дня обойдется хозяину въ 4 р. 20 или въ 8 р. 40 к. въ теченіи всей рабочей поры. Это составитъ около 10 проц. лѣтняго заработка косаря. Прибавивъ сюда слѣды добраго вліянія обычая, по которому казакъ кормить косаря обѣдомъ или нерѣдко въ теченіи всего дня по воскресеньямъ и праздникамъ, окажется, что, при разчетѣ даже на 12 праздничныхъ дней (или 7 праздничныхъ и 5 ненастныхъ), общія затраты на пищу косаря *) равняются 10 р. 80 к. или 12,7 проц. лѣтняго заработка косаря.

Работы косаря принадлежатъ къ числу самыхъ тяжелыхъ. Косарь принимается за косу часомъ раньше восхода и часомъ позже захода солнца оканчиваетъ косьбу, т. е. рабочей день его рав-

*) Разумѣется, расходы на пищу гребца должны быть, по крайней мѣрѣ, на $\frac{1}{3}$ меньше, т. е. равняться приблизительно 7 р. 33 к. за все время работъ.

няется 17 часамъ. Исключивъ отсюда 2 часа на обѣдъ съ отдыхомъ, по $\frac{3}{4}$ часа на завтракъ и полдникъ, по 10 минутъ на 3 привала во время работъ, окажется, сдѣдовательно, что косарь машеть косою по 13 часовъ въ сутки. Это тяжелое и однообразное маханіе косою буквально таки могло-бы убить организмъ косаря, если-бы самая косьба не распадалась на три приѣма, изъ которыхъ двумя отчасти парализуется напряженность и утомительность третьяго. Такъ какъ косарь косить рядами или «ручками» и нуждается повременамъ въ «натачиваньи» косы, то, поэтому, приѣмы эти состоятъ въ томъ, что скашивание травы періодически перемежается, съ одной стороны, обратными переходами вдоль ряда или «ручки», а съ другой, оттачиваньемъ косы при началѣ новаго ряда и натачиваньемъ косы на самой ручкѣ, такъ наз., «мантѣчкою», т. е. деревянною, иногда осмоленною и всегда покрытою смоченнымъ пескомъ лопаткою. Другими словами. принявъ среднюю длину ручки въ 300 шаговъ, въ цифрахъ эти приѣмы можно выразить такимъ образомъ: 19 минутъ косарь машеть косою, $2\frac{1}{2}$ идетъ вдоль ручки обратно и $2\frac{1}{2}$ минуты употребляетъ на три оттачиванья косы: или 8 ч. 40 м. въ сутки косарь машеть косою, 2 ч. 10 м. употребляетъ на обратные переходы вдоль ручки и 2 ч. 10 м. на оттачиванье косы. При такомъ трудѣ косарь проходитъ среднимъ числомъ 52 ручки въ день и скашиваетъ около $\frac{1}{2}$ десятины или 60 пуд. сѣна, т. е. отъ 4 до 5 степныхъ копенъ (въ 4 «маховыхъ» сажня, т. е. равныхъ среднему росту человѣка, въ окружности и въ 3 «черезъ верхъ»). Работы косаря вообще менѣе тяжелы при сѣнокошеніи и болѣе напряженны при уборкѣ хлѣба, который также въ Кубанской области обыкновенно скашивается. Особенно-же онѣ обременительны въ первую недѣлю, въ началѣ, когда косарь только «втягивается еще въ косьбу». Мускулы отъ непривычки бываютъ въ это время до того раздражены, что косарь косить даже во снѣ, ворочая сонный ногами и руками. Въ это-же время чаще бываетъ разстройство пищеваренія, сильнѣе приливы къ головѣ крови и больше вообще риска заболѣть. Втянувшись въ работу, при обычномъ ходѣ дѣла, косарь какъ-то костенѣеть, если можно такъ выразиться, превращается въ своего рода машину.

Подводя итогъ всему сказанному о физическомъ напряженіи косаря, рабочія сутки косаря можно разбить на слѣдующіе періоды: 13 часовъ косарь работаетъ, 1 часъ употребляетъ для переходовъ отъ мѣста работъ къ табору (8 переходовъ), $2\frac{1}{2}$ часа ѣсть (4 раза въ день), $\frac{1}{2}$ часа отдыхаетъ на привалахъ, $\frac{1}{4}$ ч. послѣ обѣда спитъ (или вѣрнѣе 1 ч. спитъ и $\frac{1}{4}$ ч. «от-

бываетъ» косу), $\frac{3}{4}$ часа тратитъ на приготовленіе постели, одѣванье, раздѣванье, умыванье, молитву и пр., и 5 часовъ на сонъ ночью.

Неудивительно, что, въ виду столь значительной затраты физическихъ силъ, косарь ревниво заботится о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ему приходится трудиться. Сколько-нибудь сносная пища и по крайней мѣрѣ 6 часовъ сна въ сутки онъ считаетъ тѣмъ необходимымъ minimumомъ этихъ условій, безъ котораго оказывается онъ не въ силахъ работать, бросая часто косьбу среди недѣли и теряя при этомъ значительную долю заработка. Особенно высоко цѣнитъ косарь питательную пищу. Благодаря ей, онъ предпочитаетъ одного хозяина другому, понижаетъ на нѣсколько копѣекъ рабочую плату, предпочитаетъ идти къ своему брату-хлѣборобу, который, ставши съ косою во хвостѣ косарей, хотя и «манежитъ» ихъ, «жучить» и пр., но за то ѣсть изъ одной чашки съ косарями и слѣдовательно, питается на столько удовлетворительно, чтобы и самому было работать не въ тяготу. На пищѣ чаще всего и происходятъ размовки между косарями и работодателями.

Большинство работодателей состоить изъ казаковъ-общинниковъ, хорошо знающихъ цѣну труду и ревниво заботящихся о подчиненіи своихъ внутреннѣхъ общинныхъ отношеній началамъ справедливости и общественнаго блага. Между тѣмъ, это же самое большинство всячески старается нажать косаря, такого-же труженика, изъ какихъ состоитъ и само оно. Казакъ всячески «сбиваетъ» цѣну, постановляетъ общественные приговоры, которыми обязываются отдѣльные хозяева не нанимать, подъ опасеніемъ штрафа, косарей выше опредѣленной цѣны, нажимаетъ косаря на ищиѣ, работѣ и при расчетѣ... Косари, въ свою очередь, входятъ въ стачку, повышаютъ, при малѣйшей возможности, среднюю дневную плату на 30, 50, и 70%, забастовываютъ съ тою-же цѣлью во время работы, не упустятъ случая нажать казачку, управляющую хозяйствомъ безъ мужа и пр.

Интересна та форма отношеній между косарями, которою эти послѣдніе стараются гарантировать себя отъ нажимокъ работодателей. Косари рѣдко работаютъ въ одиночку, а почти всегда партіями. Партія представляетъ собою своего рода артельный союзъ *), преслѣдующій не выгоды производства, а главнымъ образомъ цѣли самозащиты. Изъ какихъ-бы разнообразныхъ элементовъ ни составила партія, она всегда дѣйствуетъ замѣчательно единодушно

*) О косарскихъ артеляхъ см. „Очерки южно-русскихъ артелей“, изд. 1881 г.

во всемъ, что касается отношеній косаря къ работодателю. Во время работъ партія не даетъ въ обиду своихъ членовъ хозяину, требуетъ сообщая улучшения пищи, ослабленія работы и пр. При установленіи рабочей платы, на рынкѣ, партіи «сговариваются» относительно извѣстнаго minimum'a этой платы, стараясь общими силами отстоять его. Значить, самая артель тружениковъ оказывается лишь средствомъ для борьбы съ тружениками-же. Таковы ужь условія, создаваемые неумолимымъ закономъ спроса и предложенія.

Въ заключеніе остается отмѣтить незначительную относительно группу лѣтнихъ рабочихъ. Это тѣ рабочіе, которые убираютъ траву «съ круга», а хлѣбъ «съ десятины». Последняго рода работы практикуются чаще первыхъ, хотя въ прежнее время первые и были распространѣннѣе, чѣмъ теперь. Вообще-же работы обоого рода выполняются обыкновенно или артелями, или-же семейными группами, и крайне рѣдко одиночками. Во всѣхъ случаяхъ рабочіе харчуются «на свой счетъ», почему или уговариваются съ хозяевами относительно поставки пищи, или-же покупаютъ пищевые матеріалы на сторонѣ и имѣютъ свои. Такъ какъ харчеваться на свой счетъ сподручнѣе мѣстнымъ жителямъ, то упомянутыя работы исполняются ими чаще, чѣмъ пришлыми рабочими. Работы, понятно, ведутся на собственный рискъ. Чѣмъ больше рабочій сдѣлаетъ, тѣмъ больше онъ зарабатываетъ. И рабочій тутъ дѣйствительно не жалѣетъ себя. Намъ приходилось встрѣчать маловѣроятные примѣры, когда косари спали всего по 4 часа ночью, доводя рабочій день до 18 и 19 часовъ въ сутки и употребляя при этомъ на обѣдъ, полдникъ, завтракъ и ужинъ 3 часа. Благодаря, съ одной стороны, такой энергіи въ работѣ, а съ другой, отсутствію какихъ-либо тратъ по надзору для хозяевъ, и заработокъ самостоятельно работающихъ косарей, понятно, бываетъ выше заработка поденщиковъ, именно: процентовъ на 10 при уборкѣ сѣна и отъ 10 до 20% и выше при уборкѣ хлѣба. Такъ, въ 1881 году, въ ст. Крыловской косари убирали сѣно по 25 р. «съ круга» въ 10 т. кв. саж., что составить по 6 р. на десятину; въ ст. Бѣломечетской платили въ то-же время по 7 и 8 р. съ дес. Въ томъ-же году цѣны на уборку десятины хлѣба стояли въ разныхъ мѣстахъ области слѣдующія: въ ст. Дядьковской 12 р. при уборкѣ скошеннаго хлѣба прямо въ копны и 16 р. при уборкѣ хлѣба снопами; въ ст. Григориполисской отъ 12 до 15 р.; въ ст. Кавказской и Темиргоевской около 15 р. (въ послѣдней по 20 р. съ «сороковой десятины», т. е. за 320 кв. саж.); въ ст. Михайловской и Прочноокопской отъ 15 до 18 р. (или отъ 20 р. до 25 р. за сороковую десятину); въ ст. Петро-

павловской и Ильинской по 18 р. и т. д. Такъ какъ въ то-же время уборка десятины хлѣба съ помощью поденныхъ рабочихъ доходила до 14 р.; то, слѣдовательно, при 18 р. за десятину работавшіе съ десятины получали на 4 р. больше противъ поденщиковъ; вычтя отсюда 1 р. на пищу (для 5 душъ), въ остаткѣ получимъ 3 р., т. е. 21 проц. того, сколько получалъ поденщикъ, работавшій подъ руководствомъ хозяина и на хозяйскихъ харчахъ.

III.

Второй разрядъ рабочихъ на Кубани—батраки и батрачки—состоитъ изъ довольно разношерстной массы. Батраками бываютъ и косари, которымъ не хватаетъ лѣтнаго заработка для домашнихъ нуждъ, и немногіе обѣднѣвшіе или раззорившіеся казаки, и отставные солдаты, и лица иногороднія, живущія въ области постоянно. По тому или другому отношенію къ самому батрачеству, всѣ эти лица могутъ быть разбиты на двѣ группы—на батраковъ временныхъ и батраковъ постоянныхъ. Первыхъ больше, чѣмъ вторыхъ. За спинами первыхъ маячатъ еще собственныя хозяйства, почему рабочіе этого рода батрачатъ только временно, имѣя въ виду или поддержать падающее хозяйство, или-же сколотить средства на обзаведеніе имъ. Второго рода батраки оказываются представителями одного лишь плохо удовлетвореннаго аппетита да назойливой нужды. Потерявъ всякія связи съ собственнымъ хозяйствомъ и часто даже надежду на возможность обзавестись имъ, они и батрачатъ изъ году въ годъ потому именно, что имъ нечего дома терять и что самого этого «дома» для нихъ не существуетъ.

Какъ велико количество тѣхъ и другихъ рабочихъ—объ этомъ опять-таки, какъ и объ общемъ количествѣ косарей, можно судить только гадательно. Никакихъ статистическихъ данныхъ—ни официальныхъ, ни частныхъ—на этотъ счетъ не существуетъ. Здѣсь можно привести только нѣкоторыя соображенія, вытекающія изъ разрозненныхъ и единичныхъ фактовъ, чтобы не оставить съ этой стороны въ совершенной неизвѣстности разсматриваемое явленіе. Такъ, по официальнымъ даннымъ, въ области считалось въ 1882 г. 1104 заводовъ, фабрикъ и промышленныхъ заведеній съ 3770 рабочими. Имѣя въ виду, что Кубанская область—край преимуществу земледѣльческой, въ которомъ обрабатывающая промышленность находится въ зародышевомъ состояніи,—нужно, очевидно, допустить, что и батраковъ въ области больше, чѣмъ вышеназванныхъ рабочихъ. На сколько ихъ больше, объ этомъ можно

отчасти судить на основаніи того, что въ томъ-же году въ области считалось 590 паровыхъ и конныхъ молотилокъ съ 4,876 рабочими, т. е. только при одной сельско-хозяйственной операциіи количество рабочихъ оказывается на 1106 или, за вычетомъ 590 конзевъ, на 516 чел. больше количества рабочихъ при промышленныхъ заведеніяхъ. Тогда-же изъ 10,897 отставныхъ солдатъ въ области считалось 1,509 д. «неприписанныхъ и неводворенныхъ», т. е. такихъ солдатъ, для большинства которыхъ прямой исходъ составляетъ батрачество. Въ области находится затѣмъ 3,075 частновладѣльческихъ участковъ въ количествѣ 920,000 дес. Само собою попятно, что для эксплуатаціи такого количества земли требуется подходящее количество рабочихъ рукъ, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто должны занимать батраки. Наконецъ, изъ предыдущаго мы знаемъ уже, что собственно отъ казачьихъ хозяйствъ ежегодно отвлекается не менѣе 15 т. душъ службою. Замѣна значительнаго количества этихъ рабочихъ рукъ батраками также оказывается обычнымъ и общераспространеннымъ явленіемъ въ области. Такимъ образомъ получается цѣлый рядъ фактовъ, приводящихъ къ одному и тому-же выводу, что количество батраковъ въ области должно измѣряться не десятками и сотнями, а во всякомъ случаѣ тысячами.

Такой выводъ подтверждается и тѣми указаніями, которыя даютъ въ этомъ отношеніи сами жители. Такъ, во многихъ станицахъ Черноморіи, Старой и Новой Линіи жители опредѣляютъ среднимъ числомъ около 50 батраковъ на станицу, а такихъ станицъ считается 130, и, слѣдовательно, количество батраковъ должно равняться въ нихъ 6,500 д. Но въ области считается всего 389 поселеній, Предположивъ, что въ послѣднихъ 259 поселеніяхъ, какъ менѣе населенныхъ и болѣе бѣдныхъ въ экономическомъ отношеніи, батраковъ въ 10 разъ меньше,—въ конечномъ итогѣ для всей области получимъ $(6,500 + 1,945) = 8,445$ д. Допустивъ далѣе, что изъ этого количества годовые батраки составляютъ половину, окажется, что одинъ годовой рабочій приходится въ области почти на 12 наемныхъ косарей, на 30 хозяйствъ и на 200 д. населенія. Все это такого рода цифры, которыми скорѣе умалывается дѣйствительный размѣръ разсматриваемаго явленія, чѣмъ усиливается.

Какъ-бы тамъ ни было, впрочемъ, а батрачество представляетъ собою довольно крупное и вмѣстѣ характерное явленіе въ области. На немъ ярче, чѣмъ на всѣхъ другихъ явленіяхъ этого разряда, отразились смѣшанные черты современной сельскохозяйственной производительности — старинныя натуральныя отношенія хозяина къ работнику и позднѣйшія денежныя. Обстоятельство, въ

значительной степени осложняющее вопросъ о заработной платѣ батрака.

Переходя, въ самомъ дѣлѣ, къ этому вопросу, прежде всего замѣчаемъ, что общая масса батрачащихъ обнимаетъ собою нѣсколько разновидностей. Такъ, есть батраки-полурабочники, худшіе, средніе и лучшіе работники, есть батрачки-полурабочницы, худшія, среднія и лучшія работницы. Подраздѣленія эти одинаково встрѣчаются въ средѣ какъ годовыхъ, такъ и сроковыхъ батраковъ и батрачекъ. Сообразно съ принадлежностью батрака или батрачки къ извѣстной разновидности, колеблется и величина рабочей платы. Явленіе естественное и вполнѣ понятное. Но затѣмъ каждая разновидность батрачащихъ, въ свою очередь, подраздѣляется на двѣ подъ-группы, смотря по формѣ получаемой ими платы. Одни получаютъ эту плату деньгами, другіе деньгами и натурою. Явленіе также естественное, но отличающееся уже значительною запутанностью. Запутанность эта еще больше осложняется частными отступленіями обычая по различнымъ мѣстностямъ и даже станицамъ. Въ общемъ, такимъ образомъ, опредѣленіе величины рабочей платы батрака отличается большою сложностью, чѣмъ опредѣленіе величины заработка косаря.

Слѣдуя принятымъ уже приѣмамъ, мы приведемъ сначала среднія величины рабочей платы для однихъ годовыхъ батраковъ и батрачекъ по четыремъ главнымъ районамъ области, а затѣмъ сдѣлаемъ необходимыя замѣчанія о варьанці этихъ величинъ по мѣстностямъ, по поламъ рабочихъ, по качеству и возрастамъ ихъ, по времени работъ и по формѣ рабочей платы. Сами жители дѣлятъ обыкновенно батрачащихъ на посредственныхъ и лучшихъ. Такого-же дѣленія придерживаемся и мы въ нижеслѣдующей таблицѣ:

	Рабочники:		Работницы:	
	Посред.	Лучшіе.	Посред.	Лучшія.
Въ Черноморіи . . .	95 р.	135 р.	32 р.	45 р.
На Старой Линіи. . .	80 »	125 »	28 »	40 »
На Новой Линіи . . .	90 »	140 »	32 »	45 »
Въ Закубаньѣ. . .	75 »	120 »	40 »	50 »
	<u>85 р.</u>	<u>130 р.</u>	<u>33 р.</u>	<u>45 р.</u>
	107 р. 50 в.		39 р.	

Цифры эти выведены изъ среднихъ величинъ для отдѣльныхъ станицъ каждаго района; въ частныхъ-же случаяхъ рабочая плата, понятно, должна отличаться большимъ разнообразіемъ и видоизмѣняемостью. Тѣ или другія уклоненія ея въ этомъ отношеніи зависятъ прежде всего отъ степени экономического развитія мѣст-

ности или поселенія. Въ Черноморіи рабочая плата батрака болѣе или менѣе однообразна. На Старой Линіи есть станицы, гдѣ «хорошихъ работниковъ жители не нанимаютъ», такъ, напр., въ ст. Новомарьевской старики опредѣлили намъ рабочую плату годового батрака въ 80 р., прибавивъ, что наемъ работниковъ за 120 и 130 р., какъ это водится въ другихъ станицахъ, у нихъ «не въ обыкновеніи». То-же замѣчается и въ ст. Сингелѣвской, Воровсколѣвской, Барсуковской и пр. Все это, говоря относительно, бѣднѣйшія станицы Старой Линіи. На Новой Линіи аналогичные случаи еще въ болѣе рѣзкой формѣ имѣютъ мѣсто въ ст. Передовой, Подгорной, Надежной и др., т. е. опять-таки въ самыхъ бѣдныхъ поселеніяхъ этого района. Въ Закубанѣ такіе случаи широко распространены въ слѣдующихъ отъ ближайшихъ къ Кубани станицахъ, а далѣе затѣмъ, въ подгорныхъ поселеніяхъ, переходятъ въ совершенное отсутствіе найма батраковъ. Такъ, въ ст. Новодмитріевской, хозяева «довольствуются» одними подростками, считая невыгоднымъ наемъ взрослыхъ батраковъ; жители ст. Апшеронской батраковъ нанимаютъ крайне рѣдко и только «своихъ», платя имъ не выше 70 р. въ годъ; въ ст. Черниговской казаки «совсѣмъ не держатъ работниковъ» и т. д. Это тѣ самыя станицы, куда не заходятъ пришлые косари и гдѣ хлѣбъ или совершенно не сѣется, или-же сѣется въ очень незначительномъ количествѣ. Такимъ образомъ, какъ въ этихъ, такъ и въ предыдущихъ случаяхъ относительно низкій уровень рабочей платы или совершенное отсутствіе батрачащихъ обуславливается низкимъ уровнемъ экономической жизни населенія.

Однако, съ этими фактами, повидимому, не вяжется то колебаніе рабочей платы по районамъ, которое легко замѣтитъ въ приведенной выше таблицѣ. Старая Линія считается самымъ богатымъ въ области райономъ, а между тѣмъ средняя рабочая плата батрака и батрачки въ ней ниже, чѣмъ въ Черноморіи и на Новой Линіи; и наоборотъ, Закубанье оказывается самымъ бѣднымъ въ области райономъ, а женскій трудъ въ немъ цѣнится выше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ. Но факты эти объясняются своими особыми причинами. И Черноморія, и Новая Линія изобилуютъ такого рода землями, которыя легче, чѣмъ гдѣ-либо въ области, можно взять въ аренду или даже купить. Поэтому, лишь только батракъ раздобудется какими-либо средствами, онъ бросаетъ батрачество и старается устроиться на собственномъ хозяйствѣ, уменьшая такимъ образомъ каждый разъ предложеніе рабочихъ рукъ. Отсюда—повышеніе рабочей платы въ среднемъ выводѣ. На Старой Линіи упомянутыхъ земель почти нѣтъ: аренда вообще земли здѣсь менѣе возможна, а покупка ея и совсѣмъ не-

мыслима. Хотя земледѣльческое хозяйство здѣсь ведется шире и организовано лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ области, но это влечетъ на повышеніе рабочей платы только въ страдную пору. Съ минованіемъ-же этой экстренной поры вольнонаемный рабочій, благодаря вышеуказанной причинѣ, попадаетъ въ большую, чѣмъ въ Черноморіи и на Новой Линіи, зависимость отъ работодателя, который, понятно, и понижаетъ рабочую плату батрака. Наконецъ, относительная высота женской рабочей платы въ Закубань объясняется присутствіемъ здѣсь табачныхъ плантацій, для работъ на которыхъ всего пригоднѣе оказывается женскій и дѣтскій трудъ. Отсюда—повышеніе рабочей платы батрачки.

Разсматривая вообще отношеніе женской рабочей платы къ мужской, легко замѣтить, что оно здѣсь еще неблагопріятнѣе, чѣмъ у поденщиковъ. Тамъ рабочая плата женщины составляетъ 43 проц. мужской, здѣсь она равняется только 36,5 проц. да и то благодаря относительной высотѣ женской рабочей платы въ Закубань. Въ частности, по отдѣльнымъ районамъ, рабочая плата женщины составляетъ:

Въ Черноморіи . . .	33,4 проц. мужской.
На Старой Линіи . . .	33,1 > >
На Новой Линіи . . .	33,4 > >
Въ Закубань . . .	46,1 > >

36,5 проц. мужской.

Т. е., собственно въ Закубань, она почти на 13 проц. выше, отчего, понятно, повышается средняя величина ея и для всей области; исключивъ Закубань, получимъ среднюю величину рабочей платы женщины для остальныхъ райновъ равною 33,3 проц., т. е. $\frac{1}{3}$ мужской.

Еще разнообразнѣе колебанія рабочей платы оказываются по возрастамъ и по качествамъ рабочихъ. Такъ, подростки обоего пола получаютъ отъ 20 до 35 проц. средней платы взрослыхъ рабочихъ. Въ ст. Староминской, какъ значится въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ за 1877 г., мальчикъ 16-ти лѣтъ былъ нанятъ въ годъ за 25 р., что составитъ 21,7 проц. средней рабочей платы взрослого рабочаго; для Черноморіи вообще рабочая плата подростка можетъ быть принята около 35 р., т. е. 30,4 проц. рабочей платы мужчины; на Старой Линіи старики опредѣляли намъ рабочую плату подростка въ 30 р., что составитъ для этой мѣстности 29 проц. рабочей платы взрослого батрака; дѣвочкамъ подросткамъ (до 12 лѣтъ) въ первыхъ трехъ районахъ платятъ отъ 10 до 12 рублей въ годъ, или отъ 27 до 32,4 проц. рабочей платы батрачки;

дѣвушки 15 и 16 лѣтъ получаютъ тамъ-же отъ 40 до 60 проц. рабочей платы батрачки и т. д. Особенно высоко цѣнятся техническая сноровка и опытность взрослого рабочаго. Такъ, въ Черноморіи и на обѣихъ Линіяхъ рабочая плата для образцоваго работника доходить до 150 р. въ годъ, т. е. превышаетъ на 30 и 46 проц. среднюю рабочую плату батрака, а въ ст. Петровской (въ Черноморіи) и Михайловской (на Новой Линіи) она показана намъ даже въ 180 р., т. е. на 56,5 проц. выше средней рабочей платы батрака въ обоихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, собственно мужской трудъ взрослого рабочаго оплачивается въ 6 и 7 разъ выше труда подростка.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочая плата опредѣляется для нѣсколькихъ лицъ разомъ, т. е. для мужа и жены или мужа и жены съ дѣтьми. Такъ, въ ст. Староминской (по книгѣ сдѣлокъ и договоровъ за 1879 г.) мужъ и жена наняты были за 123 р. въ годъ, причеиъ для жены выговорена была хозяйская одежда, т. е. въ сущности рабочая плата равнялась 140 р.; въ ст. Таманской (по книгѣ сдѣлокъ и договоровъ за 1877 годъ) мужъ, жена, два сына, невѣстка и дочь наняты были за 300 р. въ годъ; въ ст. Кущевской (по условію за 1876 годъ) мужъ, жена и мальчикъ 12 лѣтъ—за 136 р. въ годъ, и т. д. Понятно, что въ такихъ случаяхъ рабочая плата составляетъ сумму заработка всѣхъ членовъ семьи.

Колебанія рабочей платы по времени зависятъ отъ рабочей поры: лѣтомъ плата бываетъ выше, зимою—ниже. Наемъ рабочихъ помѣсячно практикуется въ области, чрезвычайно рѣдко, и въ такомъ случаѣ размѣръ рабочей платы обыкновенно обуславливается характеромъ работъ и рабочей поры. Чаше жители нанимаютъ рабочихъ на сроки, а самые сроки бываютъ зимніе и лѣтніе, т. е. съ 1 октября по 1 мая и съ 1 мая по 1 октября. Впрочемъ, длина рабочихъ сроковъ и время найма бываютъ различны. Слѣдующіе примѣры, взятые изъ книгъ сдѣлокъ и договоровъ ст. Староминской, дадутъ нѣкоторое понятіе на этотъ счетъ. Такъ, одинъ рабочій былъ нанятъ за 50 р. и «на верхней хозяйской одеждѣ» съ 14 ноября по 14 іюня; другой за 35 руб. «съ кожухомъ и свитою для ношенія» съ 4 декабря по 4 іюня; третій за 69 р. съ 1 мая по 1 октября; четвертый за 40 р. съ 3 іюня по 1 октября; пятый за 25 р. и «сапоги» съ 1 января по 1 апрѣля и т. д. Установить что-нибудь опредѣленное на этотъ счетъ для всей области очень трудно. Сами жители затрудняются давать по этому поводу категорическія указанія. Если, однако, мы обратимся къ цифрамъ годовой рабочей платы и попытаемся, на основаніи ихъ, опредѣлить среднюю помѣсячную и поденную рабочую

плату долгосрочныхъ рабочихъ, то въ такомъ случаѣ, считая 12 мѣсяцевъ и 285 рабочихъ дней въ году, получимъ:

	П о м ѣ с я ч н о .		П о д е н н о .	
	Работникъ.	Работница.	Работникъ.	Работница.
Въ Черноморіи . . .	9 р. 58 к.	3 р. 20 к.	40 к.	13 к.
На Старой Линіи . . .	8 > 54 >	2 > 83 >	35 >	11 >
На Новой Линіи . . .	9 > 58 >	3 > 20 >	40 >	13 >
Въ Закубаньѣ . . .	8 > 12 >	8 > 75 >	34 >	15 >
	8 р. 95 к.	3 р. 25 к.	37 к.	13 к.

Само собою разумѣется, что величина этихъ цифръ въ значительной степени должна зависеть отъ размѣра рабочей платы въ лѣтнюю пору вообще и въ страдную въ особенности. Вычтя, въ самомъ дѣлѣ, отсюда плату за два страдныхъ мѣсяца, окажется, что помѣсячная и поденная плата понизится въ слѣдующемъ размѣрѣ для всей области:

Работникъ . . .	3 р. 22 к. въ мѣсяцъ	11 к. въ день.
Работница . . .	1 > 10 >	4 > >

Но такъ какъ и хозяинъ и работникъ принимаютъ во вниманіе, съ одной стороны, рискъ лѣтнихъ заработковъ, которые при неурожаѣ могутъ быть очень низки, а съ другой—непрерывность работъ въ хозяйствѣ, нарушеніе которой, при отсутствіи необходимыхъ рабочихъ рукъ, соединено съ убытками, то, сообразно съ этимъ, расчетъ на лѣтніе мѣсяцы дѣлается ниже, а на земліе выше сейчасъ выведенныхъ цифръ. Сдѣлавъ эти поправки, среднія цифры помѣсячной платы можно принять для каждаго изъ рабочихъ періодовъ равными:

	Зимой.	Лѣтомъ.
Работники . . .	6 р. — к.	11 р. 91 к.
Работницы . . .	1 > 75 >	4 > 75 >

что составитъ среднимъ числомъ 36 р. для батрака и 10 р. 50 к. для батрачки на зимній срокъ, или 71 руб. 50 к. для батрака и 28 р. 50 к. для батрачки на лѣтній срокъ. Цифры эти наиболѣе близки къ тѣмъ конкретнымъ случаямъ, какіе данты въ этомъ отношеніи книги сдѣлокъ и договоровъ и указанія самихъ хозяевъ. Читатель можетъ проверить это отчасти на приведенныхъ выше примѣрахъ рабочей платы для срочныхъ рабочихъ ст. Старожинской.

Опредѣляя среднія величины рабочей платы батраковъ и батрачекъ, до сихъ поръ мы разумѣли одну только денежную ея

форму. Между тѣмъ, въ дѣйствительности случаи одной денежной рабочей платы вообще рѣдки. Чаще къ денежному вознагражденію прибавляется, обыкновенно, извѣстная доля натурального, въ видѣ готовой одежды (для ношенія или въ полное распоряженіе) и рѣже въ видѣ посѣвовъ. Наибольше распространены наймы рабочихъ на верхней хозяйской одеждѣ, т. е. съ шубою и свитомъ. Обыкновеніе нанимать рабочихъ на всей хозяйской одеждѣ съ каждымъ годомъ практикуется все меньше и меньше. Что-же касается посѣвовъ для рабочихъ, то случаи этого рода встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и преимущественно тамъ, гдѣ они не идутъ въ разрѣзъ съ господствующими формами общиннаго земледѣльства.

Не трудно, конечно, понять, что натуральное вознагражденіе соответствуетъ извѣстной части денежнаго и что самая наличность его есть результатъ тѣхъ примитивныхъ отношеній работника къ работодателю, при которыхъ денежные знаки не играли теперешней широкой роли и при которыхъ такую роль играли самые продукты труда, потребительныя цѣнности. При наличности извѣстной доли натурального вознагражденія, денежная рабочая плата, соединенная съ нимъ, поэтому, всегда должна быть ниже на нѣсколько процентовъ своей обычной нормы. Такъ, напр., въ ст. Ясенской работникъ-солдатъ былъ нанятъ (книга сдѣлокъ и договоровъ за 1877 г.) на годъ за 125 р., 10 овчинъ и 1 десятину пшеницы (съ уборкой на счетъ работника), положивъ стоимость 10 овчинъ и десятины пшеницы равною 25 р., получимъ такимъ образомъ рабочую плату батрака равною 150 р. деньгами или 83,3 проц. денежнаго вознагражденія и 16,7 проц. натурального. Въ ст. Кущевской была нанята (по книгѣ сдѣлокъ и договоровъ за 1878 г.) нянька 14 лѣтъ за 10 р., платокъ въ 1 р., «хорошіе черевичи» (башмаки) и ситцевое платье. Принявъ стоимость платка, башмаковъ и платья равною 4 р., получимъ, слѣдовательно, 75 проц. денежнаго вознагражденія и 25 проц. натурального, и т. д., и т. д. Если батракъ или батрачка получаютъ отъ хозяевъ одежду только для ношенія, то, конечно, сообразно съ этимъ, должна быть принимаема въ расчетъ одна стоимость расходовъ по этой части. Вообще-же отношенія между составными частями рабочей платы—денежною и натуральною—бываютъ въ дѣйствительности до нельзя разнообразны и установить что-нибудь опредѣленное на этотъ счетъ невозможно.

Послѣ всего сказаннаго было-бы, конечно, весьма интересно сравнить размѣръ рабочей платы, по крайней мѣрѣ, за два десятилѣтія. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи не достаетъ достаточнаго количества такихъ данныхъ, на которыхъ можно было-бы

обосновать всестороннее освѣщеніе дѣла съ этой стороны. Что рабочая плата батраковъ за послѣднее десятилѣтіе повысилась — объ этомъ свидѣтельствуетъ общее цовышеніе экономической жизни казачества за взятое время. Но и развитіе экономической жизни и повышеніе рабочей платы совершилось для разныхъ мѣстностей и разныхъ группъ рабочихъ различно, и вотъ въ этомъ-то отношеніи и оказывается невозможнымъ учесть подлежащія экономическія явленія при наличности тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ. Довольствуясь меньшимъ, мы приведемъ наиболѣе достовѣрныя цифры относительно одной только мѣстности — Черноморіи.

Какъ видно изъ книгъ сдѣловъ и договоровъ, въ Черноморіи назадъ тому восемь-десять лѣтъ рабочіе нанимались по слѣдующимъ цѣнамъ: въ ст. Новонижестеблѣвской значится за 1871 г. наемъ годового работника за 55 р., а срочового, съ августа до Троицы 1872 г., за 45 р.; въ ст. Старонижестеблѣвской (1872) — за 50 р. въ годъ, въ ст. Курчанской за 90 р., въ ст. Полтавской — за 80 р.; въ ст. Новодеревянковской, крестьянинъ съ женою и дочерью 10-ти лѣтъ былъ нанятъ съ 15-го марта по 15-е октября — за 80 р. и за десятину пшеницы и т. д. Т. е. оказываются все такія цифры, сравненіе которыхъ съ приведенными выше за 1881 г. указываетъ на несомнѣнное повышеніе рабочей платы. На самомъ дѣлѣ, уясняя эти цифры путемъ разспросовъ, мы вывели для Черноморіи слѣдующія среднія величины рабочей платы за послѣдніе годы прошлаго десятилѣтія:

Рабочій 86 р. Работница 30 р.

Такъ какъ въ настоящее время средній размѣръ рабочей платы въ Черноморіи, въ первомъ случаѣ, равенъ 115 р., а во второмъ — 38 р. 50 к., то, слѣдовательно, за послѣднія 10 лѣтъ плата повысилась на 25,2% для работника и 22,2% для работницы. Но это вѣрно для одной Черноморіи, въ которой для рабочаго человѣка всегда существовали наиболѣе благоприятныя условія, а во взятое время явилась возможность широкой аренды земли для выходцевъ изъ внутреннихъ губерній, поставившихъ главный контингентъ рабочаго люда.

Сравнивая затѣмъ повышеніе рабочей платы батраковъ съ повышеніемъ платы у косарей, оказывается, что въ первомъ случаѣ она значительно, чѣмъ во второмъ, именно: въ первомъ случаѣ равняется 25,2%, а во второмъ только 17,5%, т. е. на 7,7% выше. И это также понятно. Въ Черноморіи и условія для заработковъ батрака благоприятнѣе, чѣмъ для рискованнаго промысла косарей.

Но заработная плата составляет только часть того, что затрачивается хозяином на батрака. По глубоко укоренившемуся обычаю, батраки повсеместно в Кубанской области харчуются на хозяйский счет. Самые суточные расходы по продовольствию батрака обходятся хозяевам в среднем выводѣ дешевле суточныхъ затратъ на харчи косаря, по той простой причинѣ, что косаря харчуются въ одну страдную пору, когда, при наибольшемъ напряженіи труда, требуется и больше (качественной, а за отсутствіемъ качества, по количеству) пищи для поддержанія рабочей энергіи, тогда какъ батраки харчуются круглый годъ. Принявъ средніи затраты на пищу батрака равными 15 к. въ сутки (по 7 коп. на хлѣбъ и 8 к. приварочныхъ), найдемъ, что въ годъ продовольствіе батрака стоитъ 55 р., что составитъ 47,8% его рабочей платы. Считая затѣмъ расходы на продовольствіе работницы на $\frac{2}{3}$ меньшими, окажется, что прокормленіе послѣдней обходится хозяину въ 33 р. въ годъ, что составитъ 85,6% средней рабочей платы батрачки. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, суточные расходы на батрака и меньше расходовъ на тотъ-же предметъ для косаря (для перваго—15 к., а для втораго 20 к.), то, съ другой, въ общемъ итогѣ первые тяжелѣе ложатся на карманъ хозяина, чѣмъ вторые, такъ какъ вторые составляютъ только 12,7% лѣтняго заработка косаря. Такое крайнее несоотвѣтствіе конечныхъ результатовъ объясняется, понятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что батракъ харчуетя, кромѣ рабочихъ дней, въ праздники и въ дни малозначительной хозяйственной производительности, и что, слѣдовательно, за вычетомъ этихъ послѣднихъ, прокормленіе батрака за дни напряженныхъ работъ должно стоить хозяину значительно меньше показанной выше цифры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе батрака далеко тяжелѣе положенія поденщика или косаря. Лѣтомъ батракъ бываетъ тѣмъ-же косаремъ, весной и осенью работаетъ онъ наравнѣ съ рачительнымъ хозяиномъ, а зимою на его долю выпадаютъ всѣ худшія работы въ хозяйствѣ—поѣздка въ непогоду, возня со скотомъ, присмотръ за нимъ ночью и пр. Главное-же, что дѣлаетъ особенно тяжелымъ положеніе батрака—это непрерывная зависимость отъ хозяина. Но не измѣнилось-ли относительно такое положеніе батрака за послѣднія 10 лѣтъ?

Судя по отзывамъ самихъ батраковъ, положеніе работника въ хозяйствѣ стало тяжелѣе, и тяжелѣе не отъ усиленія работъ, такъ какъ напряженность труда осталась неизмѣнною и средній рабочий день батрака, какъ и вообще сельскаго хозяина, остался однимъ и тѣмъ-же, а главнымъ образомъ, отъ ухудшенія отношеній работодателя къ работнику. Съ другой стороны, и хозяева жалуются

на лѣнь, нерадѣніе, злостное отношеніе батраковъ къ хозяйскому добру и пр. И нельзя, конечно, сказать, чтобы въ основѣ этихъ жалобъ не было фактической подкладки. Хозяинъ сталъ черствѣе и недоступнѣе, батракъ «лукавѣе» и «мстительнѣе»—это такъ, положимъ, но вѣдь это въ порядкѣ вещей. Таковы требованія тѣхъ тенденцій, которыя руководятъ отдѣльными хозяйствами, преслѣдующими денежныя цѣли и принаровливаемыми къ требованіямъ рынка и мѣновыхъ процессовъ для сырья. Зараженный этими новѣйшими тенденціями, хозяинъ сталъ дальше держать батрака отъ своего стола, сталъ рѣзче выдѣлять его, какъ наемника, изъ своей семьи, сталъ разграничивать удовлетвореніе своихъ обыденныхъ органическихъ потребностей отъ удовлетворенія тѣхъ-же потребностей батрака. Работникъ, въ свою очередь, не могъ, по очень понятной причинѣ, хладнокровно отнестись къ этому обстоятельству. Отсюда—то ухудшеніе взаимныхъ отношеній между работодателями и работниками, на которое жалуются обѣ стороны.

И такъ, отличительную черту настоящаго положенія батраковъ составляетъ измѣненіе прежнихъ, до извѣстной степени установившихся отношеній къ нимъ работодателей въ повседневной жизни. Старые обычаи стали ломаться, новѣйшія требованія пошли въ разрѣзъ съ патріархальнымъ складомъ народной жизни. Это—общій фактъ, и его значеніе отразилось также и на формальныхъ отношеніяхъ хозяевъ къ батракамъ. Словесные договоры съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе начинаютъ уступать мѣсто письменнымъ условіямъ.

IV.

Группа рабочихъ, обозначенная нами выше общимъ именемъ рабочихъ на побочныхъ промыслахъ, обнимаетъ собою довольно разнообразныя отрасли народнаго труда. Сюда относятся и пастухи, и ямщики, и рабочіе на табачныхъ плантаціяхъ, и «заброчики» или рыболовы. Все это не земледѣльческіе въ тѣсномъ смыслѣ слова производители. вмѣстѣ съ тѣмъ и роль ихъ въ общемъ обиходѣ экономической жизни значительно ниже и уже роли батраковъ и поденщиковъ.

Наиболѣе распространенный видъ побочныхъ рабочихъ составляютъ пастухи. Нѣтъ того крупнаго или мелкаго селенія въ области, гдѣ-бы не существовало пастуховъ. Принявъ среднимъ числомъ только по 10 наемныхъ пастуховъ на одно поселеніе, въ итогѣ получимъ довольно крупную цифру—до 4,000 душъ, занимающихся пастушествомъ. Это, конечно, свидѣтельствуетъ о зна-

чительныхъ размѣрахъ скотоводческаго хозяйства. Тѣмъ не менѣе, скотоводство въ большинствѣ мѣстностей низведено на степенъ подспорья, побочнаго для земледѣльца промысла. Поэтому, и пастухомъ здѣсь бываетъ не лучший труженикъ въ поселеніи, а чаще худшій въ земледѣльческомъ хозяйствѣ работникъ и еще чаще подростки и дѣти.

По роду дѣятельности, всѣхъ пастуховъ можно разбить на три разряда: табунщиковъ, чабановъ и собственно пастуховъ.

Первые составляютъ своего рода рѣдкость, явленіе, сходящее съ экономической сцены вмѣстѣ съ исчезновеніемъ степнаго табуноводства. Табунщики—плохіе работники; ихъ профессія считается легкою и до извѣстной степени заманчивою; табунщикъ больше сидитъ на сѣдлѣ и рыщетъ на лошади, чѣмъ занимается самымъ легкимъ родомъ труда. Но табунщикъ—отчаянный воръ и завзятый конокрадъ, и, значитъ, въ качествѣ такового, надежный охранитель отъ расхищенія порученнаго ему стада лошадей. Поэтому «хорошій» табунщикъ не только приравнивается къ хорошему батраку, но и получаетъ высшую рабочую плату сравнительно съ послѣднимъ. Въ Черноморіи табунщикамъ платятъ отъ 120 до 180 и даже 200 р. въ годъ; помощники табунщика или «підпасычи» получаютъ отъ 60 до 100 р. въ годъ. При этомъ табунщики харчуются на хозяйскій счетъ, имѣютъ хозяйскую сбрую и часто, вмѣстѣ съ деньгами, получаютъ дополнительное натуральное вознагражденіе—одеждою, кожами, приплодомъ и пр.

Чабаны бываютъ двухъ родовъ—чабаны при «отарахъ» т. е. при крупныхъ стадахъ, и чабаны мелкихъ стадъ. Первые представляютъ собственно истыхъ представителей описываемой профессіи; вторые играютъ роль какъ-бы временныхъ пастуховъ и полурбочихъ. Первые могутъ быть причислены къ отживающему типу вольнонаемныхъ рабочихъ, такъ какъ и самыя «отары» съ каждымъ годомъ все больше мельчаютъ и распадаются; вторые являются для хозяйства казака такою-же необходимостью, какъ и самое скотоводство, дополняющее земледѣльческій промыселъ. По существу, занятія тѣхъ и другихъ чабановъ ничѣмъ не различаются: уходъ за овцами сводится почти исключительно къ тому, чтобы не затерять овцы или не дать въ обманъ волку; затраты физическаго труда незначительны. Но разница выражается въ отвѣтственности, падающей на чабана въ томъ и другомъ случаѣ. Чабанъ, пасущій отару, беретъ стадо на собственный рискъ; онъ долженъ быть опытнымъ специалистомъ-практикомъ въ своей сферѣ; при многочисленности стада, онъ ходитъ за нимъ не одинъ, а съ подчиненными ему помощниками; тогда какъ мелкій чабанъ является только «сподручнымъ» для хозяина лицомъ, дѣйствующимъ

щимъ большею частію «подъ хозяйскимъ окомъ». Отсюда—и размѣръ рабочей платы для обоихъ видовъ чабановъ бываетъ различенъ. Мелкіе чабаны («чабонці») получаютъ за свой трудъ столько, сколько получаютъ вообще батраки-подростки и въ крайнемъ случаѣ не больше средней руки батрака; немного больше получаютъ помощники главнаго чабана, такъ назыв. «підпасичи и «гарбачій»; за то трудъ, опытность и знанія главнаго протарѣ чабана—«лычмана» или «салмача», дѣлятся отъ 150 до 300 р. и выше въ годъ. Харчи чабаны получаютъ отъ хозяина а самая плата производится большею частію въ смѣшанной формѣ въ особенности «лычманамъ», имѣющимъ часто собственныя овецъ и, поэтому, выговаривающимъ даровое ихъ содержаніе вместе съ хозяйскими.

Наконецъ, собственно пастухи занимаются уходомъ за рогатымъ скотомъ. Смотря по роду стада, они бываютъ извѣстны подъ разными именами—«самопасовъ», «товарчіевъ» и «чередниковъ». Первые два вида нанимаются къ отдѣльнымъ хозяевамъ; послѣдніе пасутъ исключительно общественныя стада. Уходъ за рогатымъ скотомъ отличается крайнею несложностью и наибольшимъ отсутствіемъ риска; затраты мускульнаго труда тутъ также существенно незначительны. Воплнѣ естественно, поэтому, что и бочая плата для этого рода пастуховъ менѣе значительна, для чабановъ и табунщиковъ. Въ этомъ отношеніи пастухи таго скота представляютъ собою тѣхъ-же батраковъ, изъ которыхъ наилучшіе довольствуются сторублевымъ годовымъ вознагражденіемъ. Какъ на особенность, свойственную рабочей пастуховъ, можно указать на то обстоятельство, что собственныя «чередники», въ качествѣ общественныхъ пастуховъ, получаютъ главнымъ образомъ натуральное вознагражденіе, именно хлѣбъ зерномъ, съ незначительною денежною платою. Изъ всѣхъ пастуховъ «чередники» также и харчуются на свой счетъ.

Такимъ образомъ, всѣ роды пастушества характеризуются и тѣми-же общими признаками: все это несомнѣнно примитивныя формы труда. Тутъ больше отведено мѣста обычаю, чѣмъ въ незатѣйливомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ; здѣсь шире, гдѣ-либо, практикуются еще натуральныя взаимоотношенія между работодателемъ и работникомъ. Страннымъ, повидимому, окажется лишь то обстоятельство, что отживающіе виды южно-русскихъ пастуховъ—«табунщики» и «лычманы»—получаютъ въ то-же наивысшую рабочую плату. Но вѣдь это именно и служитъ характернымъ признакомъ того, что примитивное скотоводство, формѣ самостоятельной отрасли хозяйства не можетъ развиваться, и чтобы сколько-нибудь гарантировать его успѣхъ.

приходится нести излишнія траты на записныхъ и вмѣстѣ рѣдкихъ пастуховъ и даже воровъ. Затѣмъ, исключивъ эти единичные случаи изъ массы другихъ, послѣдніе уже легко подвести подъ общій уровень экономической жизни: размѣръ рабочей платы тутъ соотвѣтствуетъ размѣру рабочей платы для остальныхъ отраслей сельскохозяйственнаго труда. Да это и повятво. Земледѣльческія и скотоводческія отрасли хозяйства тѣсно переплетены между собою.

Своеобразную группу побочныхъ рабочихъ представляютъ ямщики. Ямщики бывають двухъ родовъ—на казенныхъ станціяхъ («казенные») и при станичныхъ правленіяхъ («обывательскіе»). Первые нанимаются большею частію помѣсячно, рублей по 7 или 8 въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ харчахъ. Стало-быть, годовая плата «казеннаго» ямщика колеблется въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она колеблется и для посредственнаго батрака, т. е. около 90 р. Вторые, ямщики «обывательскіе», въ тѣхъ случаяхъ, когда тройки содержатся подрядчикомъ, получаютъ нѣсколько больше въ годъ сравнительно съ платою казенныхъ ямщиковъ, причеъ харчуются на хозяйскій счетъ и рядомъ съ ямщицкими обязанностями выполняютъ всевозможныя работы «во дворѣ». Чаше ямщики второго рода нанимаются станичными обществами. Тогда размѣръ ихъ платы значительно повышается, колеблясь между 120 и 180 рублями въ годъ, но въ такомъ случаѣ они живутъ на собственныхъ квартирахъ и харчуются на свой счетъ. Это большею частію семейные люди, имѣющіе свои огороды и изрѣдка занимающіеся между дѣломъ какимъ-либо ремесломъ. Общее-же количество всѣхъ ямщиковъ можно считать около тысячи душъ, такъ какъ въ области считалось въ 1882 г. однихъ общественныхъ троекъ 735, и не меньше трети этого числа, надо полагать, было троекъ на казенныхъ станціяхъ. Положивъ, слѣдовательно, на каждую тройку по ямщику и принявъ половину ямщиковъ, занимающихся ямщицествомъ «отъ себя», а не по найму, положимъ 500 душъ собственно наемныхъ ямщиковъ.

Еще дальше отъ земледѣльческаго хозяйства стоятъ забродчики или рыболовы. Это довольно многочисленный классъ рабочихъ. Такъ, въ 1882 г., по официальнымъ даннымъ, на 496 разнаго рода рыболовныхъ заведеній считалось около 4,500 рабочихъ, и изъ нихъ по крайней мѣрѣ 60 проц. приходилось на долю иногородцевъ, большинство которыхъ поставляють губерніи: Полтавская, Екатеринославская и Харьковская, а также отчасти Курская, Воронежская, Пензенская и др.

По роду дѣятельности, забродчиковъ можно раздѣлить на два разряда—на «крючниковъ» и «неводныхъ». Первые ловятъ рыбу

«крючьями», самоловами, вторые—неводами; первые имѣютъ дѣло преимущественно съ красною рыбою (осетромъ, севрюгою и бѣлугою), вторые—главнымъ образомъ съ бѣлою (судакомъ, таранью, лещомъ, рыбцомъ и карпомъ). Работы первыхъ, пожалуй, тяжелѣе чѣмъ работы вторыхъ; у первыхъ рѣже встрѣчаются артельныя формы труда, вторые, наоборотъ, «рыбачать» только ватагами, артелями; у первыхъ, поэтому, чаще практикуется наемъ за деньги, помѣсячно или на срокъ, вторые работаютъ изъ половины улова. Такимъ образомъ, въ общихъ экономическихъ условіяхъ, въ какихъ стоятъ тѣ и другіе забродчики, существуетъ видимая разница. Въ частности на рыболовныхъ промыслахъ замѣчается значительное раздѣленіе труда, влияющее какъ на характеръ работъ, такъ и на размѣръ рабочей платы для отдѣльныхъ рабочихъ группъ.

Трудно вообще учесть съ точностью заработокъ забродчиковъ. По официальнымъ даннымъ за 1882 г., общая сумма производительности на однихъ рыболовныхъ заводахъ равнялась 353,652 р. при 4,222 рабочихъ. По нашимъ же изслѣдованіямъ, цифру эту нужно по крайней мѣрѣ удвоить, чтобы приблизиться къ дѣйствительности. Въ такомъ случаѣ общая сумма производительности выразится въ 707,264 р. Отчисливъ 30% изъ нихъ на заработную плату, получимъ 212,500 р., то-есть среднимъ числомъ по 50 р. на забродчика.

Самая величина заработной платы зависитъ, во-1-хъ, отъ урожая въ области и въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ уходятъ на заработки забродчики, и, во-2-хъ, отъ улова рыбы. Хорошій урожай отвлекаетъ рабочія руки отъ рыболовства, а при уменьшеніи конкуренціи между рабочими повышается рабочая плата; точно также обильный уловъ рыбы требуетъ большаго количества рабочихъ рукъ и, слѣдовательно, опять-таки повышаетъ рабочую плату. Обратныя причины порождаютъ и обратныя послѣдствія, и только въ среднемъ выводѣ за нѣсколько лѣтъ получается въ этомъ отношеніи для забродчика нѣчто постоянное. Обыкновенно забродчиковъ нанимаютъ на сроки. Такъ, съ 14 ноября по 29 іюня рядовому забродчику платятъ отъ 30 до 40 р. на хозяйскихъ харчахъ; съ января по 29 іюня—около 30 р.; осенью, съ августа до 14 ноября—отъ 40 до 50 р.; атаманы получаютъ за одинъ срокъ отъ 60 до 80 р. Если перевести затѣмъ натуральное вознагражденіе на деньги за нѣсколько лѣтъ сряду, то въ среднемъ выводѣ получатся цифры нѣсколько, примѣрно на 20 или 25%, выше приведенныхъ, и это, конечно, будетъ объясняться тѣмъ обстоятельствомъ, что забродчикъ во второмъ случаѣ работаетъ на собственный рискъ и, притомъ, артелью, которая считается

вообще выгодною формою труда какъ для хозяевъ, такъ и для рабочихъ. Въ то-же время и атаманъ въ такихъ случаяхъ получаетъ два или три пая, т. е. удвоенную или утроенную плату рядового забродчика. Но если исключить вознагражденіе атамана, то рабочая плата рядового забродчика окажется, такимъ образомъ; колеблющеюся въ предѣлахъ тѣхъ самыхъ нормъ, какими опредѣляется рабочая плата батраковъ, при чемъ у крючниковъ даже атаманъ, служащій по найму, получаетъ часто за свой трудъ не больше того, чѣмъ довольствуется лучшей рабочей при сельскохозяйственной производительности.

Что касается положенія рабочихъ на промыслахъ, то его можно охарактеризовать четырьмя словами: хорошая пища, тяжелый трудъ. Забродчикъ, благодаря, конечно, тому обстоятельству, что имѣетъ дѣло съ рыбою; питается очень даже сытно. На этотъ счетъ у рабочаго люда существуетъ характерное выраженіе: «въ забродѣ по крайности отъѣшься». Такъ оно на самомъ дѣлѣ и бываетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудъ забродчика, по своей тяжести и напряженности, не уступить другимъ видамъ чернаго труда. Случается, что забродчикъ работаетъ по 18 часовъ въ сутки, на открытомъ воздухѣ, при самой ненастной погодѣ. Упершись грудью въ бортъ и удерживая силою своихъ мускуловъ и корпуса лодку въ наклонномъ положеніи, онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ «перебираетъ крючья» безъ отдыха и перерыва. Это самая тяжелая работа. Застигнутые бурей и непогодю въ морѣ, забродчики въ теченіи двухъ-трехъ сутокъ бодрствуютъ и выдерживаютъ борьбу съ стихіею, платясь нерѣдко за смѣлость и рискъ не только здоровьемъ, но и жизнію. «На неводѣ» забродчикъ «тянетъ ляжку, какъ быкъ». Въ обыденное время существуетъ масса другихъ мелочныхъ и кропотливыхъ работъ, каковы оттачиванье крючьевъ, починка снастей, возня съ рыбою и пр.

Неудивительно, поэтому, что у забродчиковъ широко практикуется раздѣленіе труда и извѣстная соподчиненность между отдѣльными лицами. Безъ дисциплины тутъ трудно что-нибудь сдѣлать. Хорошій рулевой на лодкѣ играетъ роль требовательнаго начальника, хорошій атаманъ въ ватагѣ распоряжается всѣмъ и всѣми, а на морѣ онъ превращается буквально таки въ диктатора. И того требуетъ самый характеръ работъ. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно забродческихъ ватагъ. Работая изъ половины улова у хозяина, ватага въ своей внутренней жизни пользуется полнѣйшею автономіею, но автономіею своеобразною, поддерживаемою цѣлымъ кодексомъ разнаго рода подраздѣленій и регламентацій. Во главѣ ватаги стоитъ обыкновенно атаманъ, главный распорядитель всего дѣла; за нимъ часто слѣдуетъ подъатаманъ,

играющій роль помощника перваго; далѣе идутъ рядовые рабочіе съ строгимъ подраздѣленіемъ своихъ обязанностей: такъ бываютъ салковничій, рубящій обыкновенно рыбу, каменщикъ, пригружающій неводъ, бѣжчикъ, орудующій «на концахъ» невода и т. п. Всѣ эти лица дѣйствуютъ точно разъ заведенная машина, взаимно поддерживая одинъ другого и взаимно пополняя операціи общаго артельного труда, дѣйствуютъ такъ и «дома», т. е. гдѣ-нибудь въ «балаганѣ» (въ шалашѣ) или въ землянкѣ, и на водѣ.

Такая организація труда у забродчиковъ является слѣдствіемъ чисто историческихъ причинъ. Рыболовство составляетъ первый по времени отхожій промыселъ южно-русскаго населенія. Когда черноморскіе казаки не были еще поселены въ Черноморіи, а жили на земляхъ бывшей Запорожской Сѣчи, они уже были знакомы съ здѣшними рыболовными угодьями. Сюда-же стекались потѣмъ разнаго рода бѣглецы и искатели приключеній. На рыболовныхъ промыслахъ до сихъ поръ еще почти не практикуются письменныя условія; отношенія между работодателемъ и работникомъ держатся на словесномъ договорѣ, на разъ данномъ словѣ. Но артель, однако, мельчаетъ, участіе въ дѣлѣ мелкаго производителя съ каждымъ годомъ суживается все больше и больше.

Оставивъ затѣмъ въ сторонѣ ремесленниковъ, какъ людей большею частію рѣзко выдѣляющихся изъ массы чернорабочаго люда, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко и соединяющихъ свои занятія съ занятіями земледѣльческими, а также рабочихъ на промышленныхъ заведеніяхъ, стоящихъ еще дальше отъ земледѣльческаго очага,—мы коснемся въ заключеніе рабочихъ на табачныхъ плантаціяхъ.

Табакководство представляетъ новинку для Кубанской области. Оно встрѣчается преимущественно въ Закубаньѣ и, при томъ, въ одной западной половинѣ его. Занесли сюда табачную культуру малоазійскіе греки. Въ десять—пятнадцать лѣтъ своего существованія табакководство успѣло значительно окрѣпнуть, давши работу цѣлымъ сотнямъ рабочихъ рукъ и наложивъ во многихъ случаяхъ далеко нежелательныя черты на жизнь казака.

Обычныхъ рабочихъ на табачныхъ плантаціяхъ составляютъ женщины, подростки обоаго пола и даже дѣти. Собственно рабочей принимаетъ слабое участіе въ культурѣ табаку. Такою специализаціе работъ на табачныхъ плантаціяхъ обусловливается въ Закубаньѣ повышеніе заработной платы женщинъ, какъ объ этомъ было замѣчено уже и выше. Такъ, въ ст. Натухайской въ 1879 г. были наняты мужъ съ женою на плантацію съ платою 70 р. въ годъ мужу и 50 р. за 7¹/₂ мѣсяцевъ женѣ; въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ ст. Гостагаевской за 1875 г. записанъ слѣдующій

рядъ условій: 15-ти лѣтъ дѣвушка нанята на 6 мѣсяцевъ за 42 р., казачка на то-же время за 46 р., подростокъ на то-же время за 50 р., казакъ на то-же время за 40 р. и т. д., т. е. взрослый рабочій оказывается получающимъ нѣсколько меньшую плату, чѣмъ женщина, дѣвушка и подростокъ, что можно объяснить, конечно, только различіемъ технической подготовки къ дѣлу всѣхъ этихъ лицъ.

Что касается среднихъ величинъ рабочей платы для разныхъ временъ года и разныхъ сроковъ, то величины эти обуславливаются довольно разнообразными условіями. Помимо различной технической подготовки къ дѣлу рабочихъ, на размѣръ ихъ вліяютъ урожай табаку, характеръ хозяйства у мѣстнаго населенія и урожай хлѣба, успѣшность дѣлъ у плантатора, состояніе погоды и пр., пр. Вообще-же можно принять за правило, что между годовой рабочей платою и платою сроковою за шестимѣсячный періодъ особенно горячихъ работъ разница бываетъ самая незначительная. Въ первомъ случаѣ рабочая плата колеблется между 50 и 80 р., а во второмъ между 40 и 70 рублями. Въ то-же время въ горячую пору, при уборкѣ табаку, платятъ помѣсячно отъ 8 до 15 р., поденно отъ 50 к. до 1½ и 2 р. Во всѣхъ такихъ случаяхъ рабочіе большею частію и харчуются на хозяйскій счетъ, при чемъ женщины, мужчины, дѣвушки и подростки идутъ, по мѣстному выраженію, «въ одной цѣнѣ». Иногда, кромѣ того, рабочіе нанимаются на плантаціи съ рабочимъ скотомъ. Такъ, въ Пшехской (въ 1877 г.) работникъ съ быками былъ нанятъ на мѣсяцъ за 44 р. 50 к.; въ ст. Новодмитріевской (въ 1878 г.) казакъ съ женою, съ дочерью 16 лѣтъ, сыномъ 9 лѣтъ и одноконною подводою нанялся съ 14 марта по 1 октября за 150 р.; за такую-же плату были наняты (въ 1879 г.) въ ст. Верхнебаканской мужъ, жена и три дочери съ парою рабочихъ воловъ на цѣлый годъ и т. п.

Роль наемнаго люда выполняетъ преимущественно мѣстное казачье населеніе, а хозяевами оказываются разнаго рода турецкіе выходцы—греки, братья славяне и въ нѣкоторыхъ случаяхъ богатые и чиновные казаки, каковы ставичные атаманы, писаря и пр. Самый наемъ всегда оформляется письменными условіями, съ обычными въ области неустойками съ обѣихъ сторонъ. Табаководство, несмотря на свои несомнѣнныя, а часто даже непомерно высокія выгоды, не пользуется популярностью у мѣстнаго населенія. Положеніе рабочихъ на плантаціяхъ до-нельзя неудовлетворительно и, что всего печальнѣе, соединено съ порчею добрыхъ нравовъ и семейныхъ отношеній. Казаки жалуются на развращающее вліяніе табачныхъ плантацій. Дѣти отъ рукъ

отбились, молодежь погрязла въ порокѣ, развились секретныя болѣзни. Одурающая атмосфера, житье въ грязныхъ и сырыхъ землянкахъ и шалашахъ вредно вліяютъ на организмы подростковъ и дѣтей. Таковы отзывы на этотъ счетъ жителей, и нужно замѣтить, что отзывамъ этимъ соотвѣтствуютъ несомнѣнные факты.

Такимъ образомъ, положеніе рабочихъ на табачныхъ плантаціяхъ представляетъ единственный въ своемъ родѣ въ области примѣръ эксплуатаціи рабочихъ силъ мѣстнаго кореннаго населенія наймомъ и развращающаго вліянія окружающей среды на рабочихъ. Тутъ замѣчаются тѣ-же самыя недуги, какими характеризуется въ другихъ мѣстахъ Россіи производство фабричное.

V.

Но пора, однако, подвести конечный итогъ всему сказанному о рабочихъ на Кубани.

Явленія, съ которыми мы имѣли дѣло въ настоящей статьѣ, повидимому, легко должны укладываться въ обычныя рамки общепринятыхъ политико-экономическихъ воззрѣній. Есть вольно-наемныя рабочіе, должны быть значить, и заработная плата, и желѣзный законъ, ее опредѣляющій, и конкуренція рабочихъ рукъ, и рынки для продажи труда, и рабочій день, и прибавочныя цѣнности и пр., пр. Можно, пожалуй, съ нѣкоторою натяжкою даже подробно разграничить всѣ эти моменты и элементы въ приведенныхъ выше явленіяхъ. Есть вѣдь рынки для косарей, встрѣчается конкуренція между послѣдними, нанимается-же человекъ подъ давленіемъ своихъ неотложныхъ потребностей, даетъ-же онъ хозяину извѣстную сумму прибавочныхъ цѣнностей и т. д. Все это, при желаніи, можно найти. Но если вы потребуєте частіе обследовать, этотъ фактъ, то съ первыхъ-же приступовъ къ дѣлу замѣтите, что онъ имѣетъ свои особенности, что онъ обставленъ такими условіями, которыя идутъ въ разрѣзъ съ обычными мѣрками школьной политической экономіи.

Остановимся, положимъ, на формахъ рабочей платы. При развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ, формы эти бываютъ исключительно денежными. Между тѣмъ въ Кубанской области деньги то и дѣло замѣняются то «линтваревымъ кожухомъ», то «козловыми черевиками», то «хорошими чоботами», то «постолами изъ свинячої шкуры», то «свитою», то платкомъ, то телкою, то десятиною пшеницы, то рыбою, то даже какимъ-нибудь недоуздомъ или «кожею съ быка-третьяка». Правда, косари и рабочіе на табачныхъ плантаціяхъ получаютъ вознагражденіе деньгами, что, къ слову сказать, обуславливается не формами производительности, а

своими особыми причинами, по крайней мѣрѣ въ первомъ случаѣ; но при этомъ тѣ-же косари и рабочіе работаютъ на хозяйскихъ харчахъ, а одно уже это обстоятельство указываетъ на несомнѣнную примитивность взаимоотношеній между работодателями и работниками.

Далѣе. Величина рабочей платы, какъ гласитъ желѣзный законъ, обуславливается minimum'омъ потребностей рабочаго. Попробуйте приложить этотъ законъ къ рабочей платѣ косаря, который не безъ основанія утверждаетъ, что хорошую плату дѣлаетъ хорошей урожай и что чѣмъ меньше остается дома казакъ, тѣмъ больше платятъ за трудъ ему, косарю, внимайте въ эти слова—и у васъ, пожалуй, окажется, что величина рабочей платы косаря опредѣляется, съ одной стороны, степенью урожая, а съ другой,—количествомъ наличныхъ рабочихъ рукъ въ тѣхъ казачьихъ хозяйствахъ, на которыя работаетъ опредѣленная группа косарей въ данной мѣстности. Опредѣлите minimum потребностей у чабана, который тратитъ на себя въ годъ равнымъ счетомъ рублей 15 или 20, а получаетъ 200 или 300 р. и преспокойно складываетъ ихъ «въ кубушку або въ гаманъ»—и сравните съ чабанскими потребностями затѣмъ потребности батрака, который тратитъ на себя вдвое больше, а получаетъ въ два раза меньше чабана. Возьмите примѣры изъ жизни забродчика, табунщика, чередника и пр., пр.—и всюду вы натолкнетесь на подобныя отступленія, для которыхъ видимо желѣзный законъ не писанъ.

Съ другой стороны, и рабочій день на Кубани оказывается всеѣмъ не тѣмъ рабочимъ днемъ западноевропейскаго рабочаго, изъ-за котораго этотъ послѣдній ведетъ такую упорную борьбу съ представителями капитала. У батрака рабочій день не больше, чѣмъ у хозяина, содержащаго того-же батрака: то-же надо сказать о косарѣ, который при уговорѣ съ хозяиномъ даже имѣетъ въ виду «хозяйскій» рабочій день; для забродчика рабочій день опредѣляется «горішнымъ або низовымъ вѣтромъ», благодаря которому забродчикъ работаетъ не по часамъ, а «по годынѣ», т. е. смотря по погодѣ; а ужъ у ямщика, «посвистывающаго» на лошадей и «помахивающаго кнутомъ» разъ или два въ недѣлю, у табунщика, «гасающаго на коні, якъ той гаспідъ», у товарчя, на игрывающаго «на губахъ» съ утра до вечера свое безконечное «трынды, трынды, трынды», у чабана, лѣниво ползущаго за старою, трудно даже подвести подъ понятіе о рабочемъ днѣ то время, которое употребляется всеими этими лицами на исполненіе своихъ обязанностей.

И подобными фактами характеризуется вся вообще обстановка и дѣятельность рабочихъ на Кубани. Вопросъ о прибавочныхъ

цѣнностей, даваемыхъ хозяину какими-нибудь забродчиками, чабанами или табунщиками, значеніе станичныхъ рынковъ, конкуренція рабочихъ, физическія условія труда, примитивныя орудія производства рядомъ съ усовершенствованными и пр., пр. — все это какъ-то топорщится, скользитъ изъ-подъ учета, не дается анализу, обоснованному на обычныхъ мѣркахъ и приемахъ политической экономіи. Что же все это означаетъ? Означаетъ, разумѣется, прежде всего, примитивность формъ труда и производства, но въ этомъ общемъ признакѣ выражается одна лишь формальная сторона отмѣченныхъ явленій, за которою должны скрываться свои конечныя причины. Въ чемъ заключаются эти послѣднія? Цѣликомъ въ тѣхъ условіяхъ, которыми характеризуется *домашнее положеніе* рабочаго класса—съ одной стороны, и работодателей—съ другой.

Все дѣло въ томъ именно и состоитъ, что обѣ стороны, работодатели и работники, одинаково принимаютъ непосредственное участіе въ производительныхъ процессахъ, и въ общей своей массѣ обѣ стороны сосредоточиваютъ личныя интересы около собственнаго дома и хозяйства. Хозяевъ-казаковъ, съ ихъ своеобразною общиною, нельзя приравнять къ западноеврейскимъ хозяевамъ-капиталистамъ и буржуа. Казакъ—мелкій производитель, строящій организацію своего хозяйства главнымъ образомъ на личномъ и семейномъ трудѣ. Точно также и вольнонаемныхъ рабочихъ на Кубани нельзя назвать рабочими въ смыслѣ западноевропейскомъ. Это—не бездомный пролетаріатъ, прикрѣпленный къ извѣстному роду производства узами капитала. Это — тоже хозяева, хотя и крошечныхъ, бѣдныхъ, разстроенныхъ, но своихъ хозяйствъ. Когда косарь идетъ въ отхожія промыслы, онъ пригоняетъ свои заработки не столько къ *минимуму* личныхъ потребностей или потребностей семьи, сколько къ *минимуму* нуждъ своего хозяйства, а это далеко не одно и то же. Когда батракъ, нанимаясь на годъ къ хозяину, выговариваетъ на ряду съ извѣстною денежною суммою двухъ годовыхъ бычковъ (въ надеждѣ вырастить изъ нихъ воловъ), то и въ этомъ случаѣ дѣло касается не столько *минимума* личныхъ потребностей батрака, сколько *минимума* тѣхъ средствъ, при наличности которыхъ батракъ сможетъ стать на ноги и повести собственное хозяйство, что дѣйствительно и замѣчается на каждомъ шагѣ. И такъ вездѣ и во всемъ. Вольнонаемный рабочій, если онъ не обездоленный хозяинъ, то стремится къ тому, чтобы стать хозяиномъ, въ качествѣ-ли собственника или арендатора чужой земли. Исключенія рѣдки. Съ своей стороны, и мелкій хозяинъ-общинникъ бьется не столько изъ за тѣхъ прибавочныхъ цѣнностей, которыя можетъ создать ему вольнонаемный рабочій,

сколько изъ-за равновѣсія основныхъ факторовъ въ своемъ хозяйствѣ. И въ этомъ отношеніи есть, конечно, также свои исключенія, но они предполагаютъ общее правило, прямо противоположное имъ.

И такъ, въ концѣ концовъ мы пришли къ тому выводу, что вольно-наемный рабочий на Кубани оказывается своего рода гермафродитомъ. Онъ не порвалъ еще связей—въ однихъ случаяхъ съ собственною землею, а въ другихъ—съ домомъ, онъ въ крайнемъ случаѣ стремится стать хозяиномъ.

Ф. Щербина.

НОВЫЯ КНИГИ.

Земскій Врачъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. *В. Е. Соловьева.* Сиб. 1883 г.

Прежде всего мы должны предупредить читателя, чтобы онъ отнюдь не смѣшивалъ г. В. Соловьева, автора «Земскаго Врача», съ г. Н. Соловьевымъ, авторомъ «Дикарки», «Женитьбы Бѣлугина» и пр. Г. Н. Соловьевъ—во всякомъ случаѣ талантливый писатель. Хорошо къ тому-же знающій условія и требованія сцены, тогда какъ *нашъ* г. Соловьевъ... Но судите лучше сами.

Знаете-ли вы, что дѣлается въ нашихъ земствахъ? О, вы не знаете, что дѣлается въ нашихъ земствахъ! Мы не даромъ заговорили въ этомъ лирическомъ духѣ гоголевскихъ описаній, потому что, въ самомъ дѣлѣ, если повѣрить г. В. Соловьеву на слово, то только и остается, что воскликнуть: «чортъ васъ возьми, земства, какъ вы хороши!» Знаете-ли вы, что «тамъ, въ глубинѣ Россіи», людей отравляютъ какъ мухъ, человѣческой, мужицкой кровью удобряютъ огородную землю, поятъ людей водкой съ опиумомъ, обносятъ и оговариваютъ прекраснѣйшихъ, достойнѣйшихъ дѣятелей, доводятъ ихъ до самоубійства—и все это съ молчаливаго согласія и разрѣшенія земскихъ воротилъ! Кто-жъ эти новѣйшіе Яго, эти Борджіа, эти отравители и кровопійцы? Земскіе фельдшера и деревенскіе трактирщики. А кто эти невинные страдалцы за общественное благо, для которыхъ не оказывается иного исхода, кромѣ самоубійства? Это—земскіе врачи. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ г. В. Соловьевъ, которому, конечно, и книги въ руки.

Вотъ, напр., какія рѣчи ведетъ за обѣдомъ, въ дружеской компаніи, фельдшеръ Лебедевъ: «почему у меня на песокъ родится капуста? Потому родится, что я удобряю кровью, человѣческой кровью!! Эта капуста (тычетъ пальцемъ) и эта свинина — кровь человѣческая! Поняли?? На свой капустникъ я не кладу назема вотъ столько (показываетъ кончикъ пальца), а капуста родится вотъ какая! (разводитъ руками). А когда здѣсь доктора живутъ —

гдѣ я возьму крови?! У нихъ (съ ироніей) все гуманнѣйшій способъ леченія! А развѣ мужика можно лечить безъ водки, да безъ кровопусканія?! Нельзя!» (10).

Ужасно! Знаменитый Тредьяковскій, конечно, имѣлъ въ виду людей или звѣрей этого сорта, когда сказалъ:

Аще міръ сокрушенъ распадется,
Сей мужъ николи-жъ содрогнется.

Дальше—еще, если возможно, страшнѣе. Лебедевъ воруетъ изъ аптеки медикаменты и ведетъ при этомъ такой монологъ:

«Прежде всего хинину. (Беретъ изъ шкафа и отсыпаетъ). Потомъ... Да, да. Салициловой кислоты и натру. (Отсыпаетъ). Бумаги вощаной, ну, это всегда можно. Теперь слѣдуетъ сулемы, каломеля и всего прочаго... (Отсыпаетъ изъ нѣсколькихъ стеклянокъ и кладетъ въ карманъ). Рвотный камень! слѣдуетъ. (Отсыпаетъ и въ карманъ кладетъ). Что-же я? Нужно надписать! А то, пожалуй, вмѣсто каломеля, сулемой угостишь. (Вынимаетъ изъ кармана свертокъ). Это что? (Развертываетъ). Вотъ тебѣ разы! (Пробуетъ на языкъ). Рвотный камень? Рвотный камень? Нѣтъ! (Плюетъ). Фу, ты проклятая! Должно быть каломель! Ну, пусть будетъ каломель. (Надписываетъ и беретъ другой свертокъ). А это? Сулема? Нѣтъ. (Пробуетъ на языкъ). Да тутъ издохнешь отъ одной пробы! (Плюетъ). Пусть будетъ рвотный камень! Послѣ разберусь, а и не разберусь, такъ все равно. Не мнѣ принимать!» (26).

Не подумайте, что это только такъ, одни «страшныя слова»: фельдшеръ-Борджіо не отъ небрежности только и не отъ невѣжества, а совершенно сознательно отравляетъ больныхъ, лишь-бы насолить доктору. Что-же, спросите вы, докторъ - то смотритъ? Доктору—великодушнѣйшему (по замыслу автора) молодому чело-вѣку — все это досконально извѣстно. Онъ говоритъ: «такой, доложу вамъ, фельдшеръ негодяй, что вы и представить не можете! Больныхъ травитъ, какъ собакъ! Въ прошлую визитацію тамъ было нѣсколько тифозныхъ; троихъ изъ нихъ я осматривалъ на дому и назначилъ лекарство, а остальныхъ поручилъ фельдшеру. И что-же? Тѣ, которыхъ осматривалъ я самъ—все умерли, которыхъ-же лечилъ фельдшеръ — выздоравливаютъ» (34). По ближайшему изслѣдованію оказалось, что больные дѣйствительно отравлены. Собесѣдница доктора резонно замѣчаетъ: «почему-же его нельзя стащить въ судъ? Ему мѣсто должно быть въ острогѣ, а не здѣсь!» на что докторъ даетъ такой, по истинѣ восхитительный отвѣтъ: «конечно, можно и это. Только, видите-ли, вопросъ-то очень сложный! На его мѣсто опредѣлять другого, который, можетъ быть, гораздо хуже этого» (36). Да развѣ можетъ быть хуже этого? спросите вы. Именно этотъ совершенно естественный вопросъ за-

даетъ и собесѣдница доктора, прибавляя, что «можетъ быть, пока мы здѣсь толкуемъ, онъ еще троихъ отправить на тотъ свѣтъ». Въ отвѣтъ своемъ докторъ возвышается до той ясности и опредѣленности, которая сразу очерчиваетъ человѣка съ ногъ до головы, со всѣми его умственными и нравственными ресурсами. «Весьма возможно, отвѣчаетъ онъ. Дѣло въ томъ, что фельдшеризмъ самое больное мѣсто въ земской медицинѣ. Противъ этой язвы врачи уже много лѣтъ ведутъ войну, но, кажется, безъ успѣха» (36).

Дальше, очевидно, идти некуда. Если-бы г. Соловьевъ хотѣлъ осмѣять тупость, лѣнность, равнодушіе, нравственную дряблость земскихъ врачей вообще, или своего «земскаго врача» въ частности—онъ одной этой сценой достигъ-бы своей цѣли. Да, конечно, если господа земскіе врачи «ведутъ войну» съ такимъ-же умомъ и, главное, съ такой-же энергіей, какъ и герой г. Соловьева, то усилія ихъ останутся «безъ успѣха». Но дѣло не въ томъ, и мы не будемъ разсуждать здѣсь о «самомъ больномъ мѣстѣ въ земской медицинѣ». Дѣло въ томъ, что г. Соловьевъ усматриваетъ въ этомъ слабоумномъ тюфякѣ-докторѣ истиннаго героя и страдальца за идею, который, въ полномъ отчаяніи за людей, отравляется съ такимъ пролятіемъ: «будьте вы прокляты, подлые губители всего честнаго и возвышеннаго!» Есть-же такіе идиоты на свѣтѣ! Нужно замѣтить, что вообще весь предсмертный монологъ героя, монологъ, котораго мы, за его длиннотою, не выписываемъ, представляетъ собою образецъ того бессознательнаго комизма, который происходитъ отъ колоссально-уродливаго несоответствія между причинами и результатами, между словами и дѣлами, намѣреніями и дѣйствіями. Человѣку отказали отъ мѣста — ясно, что ему ничего не остается, какъ покончить съ собой; человѣкъ разочаровался въ достоинствахъ предсѣдателя земской управы, — ясно, что люди — «подлые губители всего возвышеннаго»; человѣкъ изнемогъ въ борьбѣ съ своимъ подчиненнымъ — ясно, что никакая борьба невозможна, никакія условія не помогутъ. «Однимъ дуракомъ меньше на свѣтѣ»,—вотъ то напутствіе и та эпитафія, которыя вполне заслужены и вполне подходятъ къ такимъ героямъ и дѣятелямъ.

Мы остановились на драмѣ г. Соловьева, которая по своему полному литературному ничтожеству не заслуживала-бы, можетъ быть, и пары словъ, исключительно въ виду тенденцій автора. Въ который это разъ намъ приходится повторять, что въ литературѣ недостаточно только однихъ добрыхъ намѣреній? «Ужъ сколько разъ твердили міру», что для этого нуженъ талантъ или, по крайней мѣрѣ, извѣстная сноровка и ужъ во всякомъ случаѣ полное

обладаніе предметомъ, ясное пониманіе той идеи, которую автору желательно провести. Но представлять въ качествѣ героевъ и мучениковъ великовозрастныхъ болвановъ, которымъ, какъ Эми-стоклюсу, нужно еще носъ вытирать, — значитъ вредить тому дѣлу, которому думалъ послужить.

Стихотворенія графа А. А. Голенничева-Кутузова. Спб. 1884.

Во время сербско-турецкой войны газеты наши разсказывали объ одной болгаркѣ, попавшей случайно въ Одессу. Все семейство этой болгарки было перерѣзано башибузуками, имущество — разграблено, и сама она чуть не помѣшалась отъ горя и отчаянія. На вопросы объ ея несчастіяхъ — и это именно обстоятельство и любопытно для насъ въ настоящемъ случаѣ — болгарка сначала не отвѣчала ни слова, а затѣмъ начала пѣть, импровизируя складный, ритмическій разсказъ о перенесенныхъ ею страданіяхъ.

Вотъ прекрасное доказательство того, что поэзія, даже въ узкомъ смыслѣ простого стихосложенія, не простая выдумка празднаго человѣческаго ума, что ея источникъ заключается въ самыхъ глубокихъ тайникахъ нашего сердца, что она есть не что иное, какъ выраженіе потрясеннаго и взволнованнаго человѣческаго чувства. Но насколько этотъ фактъ говоритъ въ пользу поэзіи, въ пользу ея естественности, разумности, законности, настолько-же онъ говоритъ противъ огромнѣйшаго большинства существующихъ и существовавшихъ когда-либо поэтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если поэзія есть патетическое выраженіе извѣстнаго чувства, дошедшаго до степени страсти, или выраженіе идеи, занявшей въ сознаніи человѣка первенствующее мѣсто то... то какой, спрашивается, смыслъ прибѣгать къ «языку боговъ» вамъ, человѣку съ идеями заурядными, съ чувствами самыми обыденными и обыкновенными? Аффектація страсти вмѣсто самой страсти, декламация вмѣсто краснорѣчія, общія мѣста вмѣсто идей, и т. д. и т. д. — неужели со всѣмъ этимъ мы можемъ помириться и призвать все это за поэзію только ради одной стихотворной формы? Кто-то справедливо замѣтилъ, что въ русскомъ обществѣ французскій языкъ полезенъ потому, что глупость, сказанная по-французски, далеко не такъ шокируетъ какъ глупость, сказанная по-русски. Такою-же логикою, вѣроятно, руководствуется и большинство нашихъ поэтовъ. Сказать имъ въ сущности совсѣмъ нечего, а поговорить очень хочется: какъ быть? Ближайшее средство — прибѣгнуть къ рифмованной декламации, которая гораздо лучше, нежели самая ухищренная проза, можетъ прикрыть пустоту внутренняго содержанія. Громоздите сравненіе на сравненіе, эпитетъ

на эпитетъ, не жалѣйте синонимовъ, не скупитесь на восклицанія да выбирайте — это главное — рифмы побогаче и позвонче, — и вотъ вы «поэтъ» въ общепринятомъ значеніи этого слова, поэтъ, хотя у васъ нѣтъ ни серьезной мысли, ни истиннаго чувства, т. е. нѣтъ какъ разъ тѣхъ элементовъ, безъ которыхъ поэзія немыслима и невозможна.

Графъ Кутузовъ довольно хорошій стихотворецъ, стихослагатель, стиходѣлатель и совсѣмъ не поэтъ. Беремъ наудачу первое (по мѣсту въ книжкѣ) стихотвореніе «Первый громъ» и выпишемъ его цѣлкомъ.

Я услыхалъ сегодня первый громъ—
Онъ въ полдень прогремѣлъ изъ тучки малой,
А черезъ часъ цвѣтокъ гвоздики алой
Ужь распустился въ цвѣтникѣ моемъ
И весело кивалъ мнѣ головою,
Обрызганный весь влагой дождевою.
Я вышелъ въ садъ—шумя со всѣхъ сторонъ,
По воздуху махая какъ руками,
Пахучими и мокрыми вѣтвями,
Безъ умолку болталъ о чемъ-то онъ;
Его перекричать старались птицы.
Свисталъ скворецъ и громко зябликъ пѣлъ;
И вдругъ опять, какъ повзѣдъ колесницы,
Далекій громъ въ природѣ прогремѣлъ.
И—Богъ вѣсть почему—я вспомнилъ живо
Дни юности и первую любовь;
Какъ туча въ полдень, быстро и гнѣвливо
Она прошла и не вернется вновь;
Но изрѣдка, въ часы воспоминанья,
Мнѣ чудятся волшебныя мерцанья
И слышу я, тревогою объятъ,
Въ нѣмой дали, тиниственный раскатъ.

Что сказать объ этомъ? За исключеніемъ нѣсколькихъ неудачныхъ рифмъ («громъ»—«моемъ», «руками»—«вѣтвями») въ стихотвореніи «все обстоитъ благополучно». Ни одинъ журналъ не отказался-бы помѣстить его на своихъ страницахъ, какъ и большую часть стихотвореній г. Кутузова, и тѣмъ не менѣе намъ никакъ нельзя поздравить автора съ успѣхомъ. Успѣхомъ называется удачное достиженіе какой-нибудь цѣли. — а какой цѣли достигъ г. Кутузовъ своимъ стихотвореніемъ, если только у него была какая-нибудь цѣль, кромѣ желанія заявить публикѣ о своемъ умѣньи владѣть шестистопнымъ и четырехстопнымъ ямбомъ? Ни на сознаніе наше, ни на наше чувство г. Кутузовъ не воздѣйствовалъ, и, значитъ, его трудъ—трудъ потерянный. Мы говоримъ о стихотвореніи «Первый громъ» не какъ объ отдѣльномъ, самостоятельномъ произведеніи, а какъ объ образцѣ, по типу кото-

раго создана вся «поэзія» г. Кутузова. «Мечтанья изловилъ въ правдивыхъ я строфахъ» говоритъ г. Кутузовъ о своей поэзіи въ другомъ стихотвореніи и, если угодно, эта характеристика вѣрна: «строфы» нашего поэта «правдивы», какъ правдивы азбуки и прописи, а что касается до его «мечтаній», то они столько-же невинны, сколько и безцвѣтны. Это отчасти мечтанья о «ней», о классической «ней», частью маниловскія мечтанія въ славянофильскомъ вкусѣ о любви въ общемъ смыслѣ, о всепрощеніи, всепримиреніи и т. д.

Мы избавляемъ и себя, и читателя, и самого автора отъ разбора его «поэмъ». Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. въ «Разсвѣтъ») есть удачныя мѣста, но въ цѣломъ онѣ все безъ исключенія, — нескладаца.

По портамъ Европы. 1878 — 1879 гг. Очерки заграничнаго плаванія на фрегатѣ „Князь Пожарскій“. Бронштадтъ, 1884 г.

Въ коротенькомъ предисловіи къ этимъ «Очеркамъ» безымянный авторъ ихъ заранѣе предупреждаетъ читателей, что съ ними будетъ бесѣдовать «поверхностный наблюдатель случайныхъ явленій». Это, конечно, можно было-бы приписать авторской скромности, но съ первыхъ-же страницъ приходится убѣдиться, что собственная оцѣнка авторомъ своихъ очерковъ, къ несчастью, слишкомъ справедлива, и мы думаемъ, что онъ совершенно напрасно уступилъ желанію читателей морской газеты, гдѣ печатались эти очерки, видѣть ихъ издавными отдѣльно. Не совсѣмъ лишенный дарованія писатель долженъ, конечно, гораздо строже судить себя, чѣмъ судить его публика. Еслибы авторъ принадлежалъ къ числу невѣряемыхъ и безнадежныхъ бездарностей, которымъ совершенно прилично самодовольство, то и говорить не о чемъ было-бы. Но если мы не ошибаемся насчетъ его, онъ могъ-бы быть хорошей литературной силой, при болѣе серьезномъ и строгомъ отношеніи къ себѣ. Жаль уже то, что онъ такъ долго тратилъ себя на изготовленіе этихъ пустыхъ и безсодержательныхъ фельетонныхъ набросковъ, печатавшихся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и теперь составившихъ огромный томъ (авторъ обѣщаетъ издать еще и второй томъ), но еще болѣе достойно сожалѣнія, что онъ не предалъ ихъ забвенію тотчасъ послѣ того, какъ они были написаны, а продолжаетъ носиться съ ними и находить ихъ стоящими особой книги. Эти невинныя шалости пера еще могутъ быть сносны въ газетномъ фельетонѣ, гдѣ онѣ являются изрѣдка, но совершенно не-

возможно читать такого рода фельетонныя упражненія сплошь и подъ-рядъ. Самаго легкомысленнаго читателя должна взять одурь отъ этой безконечной и необузданной болтовни, занимающей 24 печатныхъ листа огромнаго формата. О чемъ эта болтовня—трудно сказать. Ни о чемъ характерномъ и дѣйствительно замѣчательномъ и обо всемъ мелочномъ, о всякихъ пустякахъ, какіе только могутъ случайно попасться на глаза безцѣльно скитающемуся туристу-фланеру. Авторъ, правда, нисколько не отвѣтствененъ за поверхностность своихъ наблюденій: онъ поставленъ былъ въ такія условія, что ему трудно было останавливать свое вниманіе на чемъ-либо иномъ, кромѣ тротуаровъ «общественныхъ кіосковъ» (1) ресторановъ и отелей. Въ виду такой скудости фактическаго матеріала, автору, безъ сомнѣнія, только и оставалось, что прибѣгнуть къ «отступленіямъ», къ «отсебятинѣ», которой онъ и отводилъ большую часть книги. По поводу незначительнѣйшаго обстоятельства онъ пускается въ пространныя разсужденія и приходитъ иногда къ самымъ удивительнымъ заключеніямъ, обнаруживающимъ лишь полное незнакомство автора съ тѣмъ, о чемъ онъ такъ смѣло беретъ судить и раять. Такъ напримѣръ, онъ былъ въ Брестѣ, и между прочимъ замѣтилъ, что тамъ дѣти очень любятъ ходить на ходуляхъ. Извѣстно, что это исключительная особенность всей области ландовъ, гдѣ издавна пастухи прибѣгаютъ къ ходулямъ во время пастбы скота; здѣсь эти ходули положительная необходимость. Между тѣмъ, авторъ, не зная, какъ видно, этого, пускается въ глубокомысленныя соображенія о характерѣ всей французской націи. У автора, впрочемъ, попадаются недурные эскизцы и довольно удачныя и хорошія мысли, выраженыя живымъ и бойкимъ языкомъ, но и этотъ языкъ носить, однако, слѣды слѣшной фельетонной работы и почистить его весьма не мѣшало-бы. Авторъ иногда такъ зарепортывляется, что его трудно бываетъ и понять. Въ одномъ мѣстѣ у него, напримѣръ, сказано: «портреты и пейзажи—ихъ начинаютъ валить съ плеча, талантъ начинаетъ гаснуть, шипѣть на *свѣтильни чувства* и погружаться въ *масло посредственности* (?), пока совсѣмъ не потухнетъ» (стр. 63).

Изслѣдованія народной жизни. Александры Ефименко.

Выпускъ первый. Обычное право. Изд. В. И. Косперова. Москва, 1884.

Г-жа Ефименко давно уже занимается изученіемъ правовыхъ и нравственныхъ возрѣній народа. Труды ея въ этой области имѣютъ большое значеніе; они всегда самостоятельны, чрезвычайно

богаты содержаніемъ и проникнуты живымъ и неподдѣльнымъ участіемъ къ судьбѣ народа. Мы, не ошибемся, если скажемъ, что отчасти подъ вліяніемъ ея изслѣдованій въ извѣстной части нашего общества въ послѣднее время усиливались и укрѣплялись симпатіи къ народу.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г-жа Ефименко бросаетъ вскользь нѣсколько замѣчаній о значеніи народа въ общественной жизни. Снова выдвигаетъ она на сцену туманную «народную правду», къ которой слѣдуетъ «относиться съ полнымъ признаніемъ ея» и которую во всякомъ случаѣ надо узнать. Раскрытію этой народной правды и посвящены собственно изслѣдованія г-жи Ефименко, уже напечатанныя въ разныхъ журналахъ. Въ лежащемъ предъ нами первомъ выпускѣ помѣщены этюды о народныхъ юридическихъ воззрѣніяхъ на бракъ, о крестьянской женщинѣ, о семейныхъ раздѣлахъ, трудовомъ началѣ, субъективизмѣ въ обычномъ правѣ и о землевладѣніи на сѣверѣ. Читатель, желающій ознакомиться съ нравственнымъ мировоззрѣніемъ нашего народа, съ большою пользою прочтетъ эту книгу, но онъ долженъ, однако, помнить, что съ нимъ говоритъ авторъ, не только склонный все оправдывать въ народѣ, но и стремящійся выставить его образцомъ для подражанія. Фактическая часть изслѣдованій г-жи Ефименко имѣетъ огромныя достоинства, если пользоваться ею критически и имѣть въ виду, что очень часто факты, вѣрные сами по себѣ, будучи освѣщены фальшивой тенденціей, теряютъ свой истинный смыслъ и должны быть понимаемы не такъ, какъ желаетъ этого авторъ. Помнить это въ особенности необходимо при чтеніи этюда «о народныхъ юридическихъ воззрѣніяхъ на бракъ.» Сколько любопытенъ этотъ этюдъ въ отношеніи собранныхъ здѣсь фактовъ, столько-же невозможенъ онъ по своимъ выводамъ и крайне грубой тенденціозности. Кажется, въ чемъ другомъ, а ужъ въ сферѣ воззрѣній нашего народа на бракъ ничего нельзя найти такого, чѣмъ-бы можно восхищаться или чему-бы можно было завидовать. Г-жа Ефименко задалась цѣлью показать, что наше нормальное брачное право много выиграло-бы, если-бы оно перекроемо было согласно народно-юридическимъ понятіямъ, отличающимся, будто-бы, замѣчательной цѣлесообразностью, практичностью и разными другими достоинствами. Г-жа Ефименко доказываетъ, что въ крестьянскомъ бракѣ преобладаетъ практическій расчетъ, сторона договорная, гражданская. Съ этимъ вполне можно согласиться, но это обстоятельство еще нисколько не выясняетъ намъ сущности крестьянскихъ взглядовъ на бракъ, да и ровно ничего не говоритъ въ ихъ пользу. Необходимо знать еще, изъ какихъ побужденій вытекаетъ эта хваленая сторо-

на, какова подкладка у этого практическаго расчета. Конечно, крестьянскіе брачныя договоры могли-бы имѣть тотъ смыслъ, который придаетъ имъ г-жа Ефименко, если-бы это были договоры между равноправными сторонами, но вѣдь этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Изъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ настоящемъ выпускѣ, самая замѣчательная «О землевладѣніи на сѣверѣ». Это обширный трактатъ, занимающій большую половину книги и посвященный вопросу о поземельной общинѣ. Г-жа Ефименко проводитъ совершенно новый взглядъ на происхождение и развитіе нашей общины, расходясь въ этомъ отношеніи со всѣми изслѣдователями, изучавшими общину. Вотъ какъ рассказываетъ сама г-жа Ефименко о тѣхъ результатахъ, къ которымъ привело ее изученіе общины. «Принадлежа къ самымъ крайнимъ поклонникамъ народа и его общины, я не убоилась на два года всецѣло погрузиться въ изученіе архивныхъ документовъ, чтобы почерпнуть себѣ желаемое знаніе у самыхъ его источниковъ... Черезъ два года я вынырнула, но, увы, читатель, вынырнула съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что наша поземельная община вовсе не исконная форма нашего землевладѣнія, какъ я до тѣхъ поръ была глубоко и всецѣло убѣждена: она есть продуктъ относительно поздняго времени, съ одной стороны—заключительное звено длиннаго историческаго процесса съ другой—плодъ внѣшняго воздѣйствія». По мнѣнію г-жи Ефименко, нынѣшняя поземельная община развилась изъ родовой семьи, изъ задруги или семейной коммуны; это—древнѣйшая форма социальнихъ отношеній, какую только удалось подмѣтить достоверной исторіи. Семейная коммуна представляла большую родовую семью изъ многихъ простыхъ семей, жившихъ въ отдѣльныхъ домахъ, расположенныхъ вокругъ главнаго центральнаго дома, куда всѣ собирались для ѣды, для общихъ хозяйственныхъ занятій, для совѣщанія о дѣлахъ и т. д. Безусловная общность имущества, труда и потребленія—главная особенность этой социальной формы. У юго-западныхъ славянъ она еще до сихъ поръ встрѣчается, у насъ-же теперь она чрезвычайная рѣдкость. Въ раннюю эпоху она, однако, была господствующей и называлась на сѣверѣ Россіи печищемъ. Впослѣдствіи, съ ослабленіемъ родовыхъ связей, печище распалось; отдѣльныя семьи или дворы, выдѣляясь, получали право на извѣстную долю поземельнаго имущества, хотя онѣ все-таки составляютъ одно цѣлое, «до дѣлежа—простое, послѣ дѣлежа—сложное». Это—вторая фаза въ развитіи социальнихъ отношеній, характеризующихся господствомъ «долевой деревни». Долевая деревня заключала въ себѣ въ зародышѣ и нынѣшнюю общинную, и нынѣшнюю участко-

вую формы землевладѣнія, которыя развивались подъ вліяніемъ различнаго рода условій. Переходъ долевои деревни къ нынѣшней общинѣ совершился главнымъ образомъ подъ давленіемъ государства. «Пока крестьяне, говоритъ г-жа Ефименко, оставались собственниками своихъ долей, едва-ли возможенъ былъ переходъ къ общинѣ... Но разъ крестьяне были лишены права собственности, которое переходило въ постороннія руки (государства), переходъ отъ долевои организаціи къ общинной былъ вполне естественнымъ» (стр. 376).

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. I и II. Изслѣдованія И. И. Дубасова. Москва, 1883 г.

Г. Дубасовъ не присяжный ученый и не историкъ, но просто собиратель мѣстныхъ лѣтописныхъ сказаній, превосходно знакомый съ описываемымъ краемъ. Важнѣе всего, однако, то, что онъ честно и умѣло отнесся къ своей скромной роли. Въ одномъ мѣстѣ своей книги, онъ, между прочимъ, говоритъ: «У насъ нерѣдко выражаютъ любовь къ отечеству преувеличенными ему похвалами, причемъ намѣренно умалчивается о такихъ фактахъ отечественной жизни, которые, понятно, всякому изъ насъ весьма не желательны. Такимъ образомъ происходитъ лицемерная и фарисейская подтасовка фактовъ, а въ результатъ получается фальсификація, т. е. непростительное преступленіе противъ науки».

Если исторія должна служить дѣлу прогресса, а не національному самохвальству и тщеславію, она должна быть прежде всего отчетомъ объ ошибкахъ и заблужденіяхъ, не признавъ которыхъ страна не можетъ сдѣлать ни одного шага впередъ. Г. Дубасовъ повялъ, поэтому, совершенно вѣрно свою задачу, какъ историка. Историческая правда для него не пустое слово, и уже поэтому критика должна признать его трудъ, не смотря на всѣ его внѣшніе недостатки, въ высшей степени отраднымъ и замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей исторической литературѣ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Последняя зоологическая экспедиция. — Жизнь въ глубинѣ моря. — Яркая окраска животныхъ. — Слѣпыя и зрячія животныя въ области абсолютнаго мрака. — Органы осязанія и освѣщенія. — Что дѣлается съ животными, внезапно перенесенными съ большой глубины на поверхность? — Обособленность жизни на различныхъ уровняхъ моря. — Ассоціація на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ метровъ. — Распределение морской фауны подъ различными географическими широтами. — Откуда взялось населеніе глубокихъ областей моря? — Комменсализмъ и паразитизмъ. — Ископаемые виды и новыя зоологическія группы. — У источниковъ холеры. — Работы нѣмецкой комиссіи въ Индіи. — Холерная бактерія. — Вода, какъ носитель холерной заразы.

Изъ 510 милліоновъ квадратныхъ километровъ, составляющихъ поверхность земнаго шара, только 135 милліоновъ, то-есть немного болѣе одной четверти, приходится на долю суши; громадна массы морей и океановъ скрыли отъ глазъ человѣка большую часть обитаемой имъ планеты; только воображеніе поэта проникло въ эти мрачныя подводныя пропасти, «въ нучину бездонной, таинственной мглы», и населяло ихъ фантастическими чудовищами. Почти до самаго послѣдняго времени изслѣдованія моря ограничивались узкой прибрежной полосой, составляющей приблизительно около двухъ сотыхъ всего морскаго дна, и сѣти зоологовъ не опускались даже до глубины 1,000 метровъ; остальные 0,98, гдѣ глубина моря колеблется между 1,000 и 9,000 метровъ, представляли собою невѣдомую область. Какихъ-нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ большинство зоологовъ думало, что на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ въ морѣ прекращается всякая органическая жизнь, что за этимъ предѣломъ слѣдуетъ царство абсолютнаго мрака, холода и смерти, гдѣ, при полномъ отсутствіи свѣта, подъ страшнымъ давленіемъ, простирающимся до нѣсколькихъ сотъ атмосферъ, немыслима органическая жизнь, даже въ самыхъ низшихъ ея формахъ. Затѣмъ наступило время, когда эти ложныя представленія сильно поколебались, благодаря нѣсколькимъ неожиданнымъ и случайнымъ от-
Опускаемый въ море лотъ
чныхъ животныхъ съ глу-

бины, превышавшей 3.000 метровъ. Въ 1860 году вытаскиваютъ изъ моря, съ глубины 2,400 метровъ, концы оборвавшагося телеграфнаго канала, соединяющаго Сардинію съ берегомъ Африки, и на канатѣ оказывается цѣлая коллекція прикрѣпившихся, присосавшихся къ нему животныхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1868 году, Англія снаряжаетъ первую ученую экспедицію для изслѣдованія морского дна подъ руководствомъ Томсона и Карпентера. Располагая маленькимъ, плохимъ парходомъ, не снабженнымъ тѣмъ превосходнымъ и разнообразнымъ арсеналомъ всевозможныхъ снарядовъ, которыми пользовались позднѣйшія экспедиціи, эти пионеры принуждены были ограничиться скромными результатами, но тѣмъ не менѣе привезли съ собою довольно богатую зоологическую коллекцію, нѣкоторые экземпляры которой были извлечены съ глубины, превышавшей 1,000 метровъ. Въ слѣдующемъ году новая англійская экспедиція, на пароходѣ *Rocurpine*, уже погружаетъ свои сѣти на разстояніе 4,456 метровъ отъ поверхности, и на этой страшной глубинѣ, подъ давленіемъ почти въ 500 разъ превышающимъ атмосферное давленіе, еще оказывается разнообразная, богатая фауна. Такимъ образомъ, прежнія представленія о границахъ животной жизни въ океанѣ окончательно рушились; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ мірѣ натуралистовъ возникаютъ новыя, также болѣе или менѣе фантастическія надежды. Въ 1871 году Агасисъ, знаменитый противникъ Дарвина, предпринимаетъ путешествіе вокругъ Южной Америки на пароходѣ *Hassler*, рассчитывая встрѣтить въ глубинѣ океана, въ вѣчно спокойныхъ, вѣчно неподвижныхъ и неизмѣнныхъ областяхъ его, всю ту фауну, которая съ теченіемъ тысячелѣтій успѣла исчезнуть въ болѣе поверхностныхъ слояхъ моря и представители которой были найдены только въ ископаемомъ видѣ. Проходитъ еще годъ и Англія снаряжаетъ новую, на этотъ разъ кругосвѣтную экспедицію, которая въ продолженіи трехъ лѣтъ изучаетъ научныя сокровища Атлантическаго и Тихаго океановъ. Наконецъ, въ 1880 году и французскіе ученые пускаются въ первое плаваніе для изученія глубокихъ областей океана, а лѣтомъ прошлаго года та-же Франція, ободренная успѣхомъ первой экспедиціи, располагавшей небольшимъ парходомъ *Travaillleur*, организуетъ уже вторую экспедицію, въ распоряженіе которой предоставленъ былъ большой, прекрасный пароходъ *Talisman* и всѣ необходимыя для ея специальныхъ занятій аппараты и денежные средства *). Эта вторая экспедиція, точно такъ-же, какъ и первая, работала подъ руководствомъ из-

*) *Edmond Perrier*. L'expédition du *Talisman*. La Nouvelle Revue, 15 mars et 1 avril 1884.—Н. Filhol. Explorations sousmarines. La Nature 1884. „Дѣло“ № 4, 1884 г., II.

вѣстнаго французскаго зоолога Мильнъ Эдвардса, къ которому присоединился цѣлый блестящій штабъ лучшихъ представителей французской науки,—зоологовъ, ботаниковъ, физиковъ, химиковъ и т. д. Плаваніе продолжалось три мѣсяца; ученая комиссія вернулась во Францію прошлою осенью, 1-го сентября, проѣхавъ вдоль береговъ Португаліи, посѣтивъ Канарскіе острова, берегъ Марокко, острова Зеленаго мыса и Азорскіе острова; но, несмотря на сравнительно короткое время, которымъ она располагала для своихъ работъ, онѣ дали такую богатую научную жатву, которой могутъ позавидовать всѣ предъидущія экспедиціи. До глубины 6,265 метровъ опускался лодъ во время плаванія «Талисмана», до глубины 5,005 метровъ спускала экспедиція свои сѣти, и каждый разъ, когда стальной канатъ со скрипомъ и визгомъ наматывался на воротъ, вмѣстѣ съ сѣтью надъ поверхностью всливали «морской глубины несказанныя чуда».—Опустимся-же и мы, читатель, сквозь волшебную, воспѣтую поэтомъ область «пурпуроваго сумрака» въ царство абсолютнаго мрака, только изрѣдка освѣщенное блуждающими зелеными огоньками, носящимися надъ пустыннымъ, лишеннымъ растительности морскимъ дномъ, какъ свѣтящіеся жучки въ темную лѣтнюю ночь. Путь туда долгій; часа полтора опускается снабженный сѣтью снарядъ, прежде чѣмъ достигнетъ глубины 4,000 метровъ, а поднимается еще гораздо медленнѣе,—часовъ пять, шесть; возвращается онъ нерѣдко изодранный, исковерканный: коралловые рифы и скалистые выступы морского дна, по которому скользятъ тяжелая желѣзная рама сѣти, задерживаютъ ея движеніе, и иногда обрывается даже крѣпкій стальной канатъ, выдерживающій тяжесть въ 4,500 килограммовъ.

Вмѣсто мертвой пустыни, мы встрѣчаемъ на этой громадной глубинѣ кипучую жизнь въ самыхъ причудливыхъ, разнообразныхъ формахъ; растительность, правда, прекращается на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ, но болѣе выносливый міръ животныхъ не утратился ни высокаго давленія, ни холода, ни мрака и привыкся даже къ такимъ условіямъ, которыя долго казались безусловно гибельными для всякой органической жизни. Корневожки, губки, полипы, морскія лиліи, морскія звѣзды, ежевики, гологурии, моллюски, ракообразныя и даже рыбы изобилуютъ въ глубокихъ слояхъ океана. Притомъ здѣсь невольно поражаетъ насъ преобладаніе скученной, стадной жизни; многіе виды, особи которыхъ въ болѣе поверхностныхъ слояхъ живутъ въ одиночку, здѣсь образуютъ многочисленныя общества. Такъ, напримѣръ, однажды сѣть оказалась наполненною почти исключительно однимъ видомъ морской звѣзды, число особей которой доходило, быть можетъ, до ста тысячъ; въ другой разъ она вынесла на поверхность до 1,000 эк-

земляровъ одной и той-же рыбы въ сопровожденіи такого-же приблизительно числа маленькихъ креветокъ, ярко-красныхъ съ небесноголубыми яичками подъ хвостомъ; такими-же тѣсными, многочисленными группами живутъ здѣсь и другія животныя, — анемоны, студнеобразныя голотурія, морскія лиліи, губки, полипы. Впрочемъ, такая скученность, такое развитіе тѣснаго общежитія въ морской глубинѣ становится понятнымъ, если мы вспомнимъ о тѣхъ специальныхъ условіяхъ, которыми обставлена здѣсь жизнь животнаго. Наверху, въ области болѣе или менѣе яркаго свѣта, шума и непрерывнаго движенія, все способствуетъ разьединенію общественной жизни, — погоня за добычей, механическое дѣйствіе сильнаго волненія, разнообразіе условій, къ которымъ не всѣ особи вида могутъ въ одинаковой степени примѣниться; внизу, въ абсолютныхъ потемкахъ, куда не проникаетъ ни единый звукъ, ни единый лучъ свѣта, гдѣ условія неизмѣнно однообразны, гдѣ никакое внезапное, непредвидѣнное впечатлѣніе не отвлекаетъ животное и не побуждаетъ его покинуть общество своихъ соплеменниковъ, къ которымъ его влекутъ половые инстинкты, — напротивъ, все способствуетъ сохраненію общежитія, если оно только не нарушается самымъ сильнымъ изъ противоположенныхъ условій, — недостаткомъ въ пищѣ.

Другое явленіе, поразившее на первыхъ порахъ зоологовъ, изслѣдовавшихъ глубокую морскую фауну, представляетъ собою яркая окраска животныхъ, населяющихъ такую область, куда не проникаетъ даже самый слабый лучъ дневнаго свѣта; въ такой средѣ, гдѣ окраска тѣла, повидимому, не должна-бы была оказывать животному никакой услуги въ борьбѣ за существованіе, встрѣчаются, однако, розовыя и лиловыя голотуріи, оранжевыя морскія звѣзды, пурпурово-красныя морскіе ежи, ярко-зеленыя морскія лиліи и т. д. Но и это неожиданное открытіе, повидимому, совершенно противорѣчившее тѣмъ законамъ, которымъ подчиняется окраска тѣла животныхъ въ областяхъ освѣщенныхъ, получило въ послѣднее время вполне удовлетворительное объясненіе, котораго мы не будемъ здѣсь касаться, такъ какъ уже имѣли (случай изложить его въ одной изъ нашихъ прошлогоднихъ хроникъ *). Если яркая окраска тѣла считалась совершенно бесполезною для животныхъ въ темныхъ пропастяхъ глубокаго моря, то съ еще большимъ правомъ можно было предполагать, что обитатели ихъ лишены органовъ зрѣнія, подобно многимъ пещернымъ животнымъ, землянымъ червямъ, или насѣкомымъ, проводящимъ всю свою жизнь въ темныхъ ходахъ муравейниковъ. И дѣйствительно, на всѣхъ уров-

*) См. „Дѣло“, № 6-й, 1883 г.

няхъ моря, начиная съ той черты, за которую уже не проникаютъ лучи свѣта, мы встрѣчаемъ слѣпыхъ животныхъ; но рядомъ съ ними попадаютъ и зрячія, съ болѣе или менѣе развитыми органами зрѣнія. вмѣстѣ съ тѣмъ, параллельно съ исчезновеніемъ зрительныхъ функцій, у животныхъ морской глубины развиваются спеціальныя органы осязанія, которые, разумѣется, при полномъ отсутствіи свѣта, для нихъ нужнѣе, чѣмъ глаза. Такъ, напримѣръ, одинъ видъ рыбы (*Bathypterois*) обладаетъ парюю очень длинныхъ, нитевидныхъ, упругихъ щупальцевъ, прикрѣпленныхъ съ обѣихъ сторонъ головы, непосредственно передъ грудными плавниками; двигая этими органами во всѣхъ направленіяхъ, животное можетъ ощупывать темное морское дно, подобно тому, какъ слѣпой оцупываетъ свою дорогу палкой. Другая рыба, *Eustonias obscurus*, снабжена подобнымъ-же органомъ, прикрѣпленнымъ къ кожѣ ея нижней челюсти. Между ракообразными различныя виды имѣютъ необыкновенно длинныя переднія ноги, и притомъ до такой степени тонкія, что онѣ, очевидно, могутъ служить только для осязанія; у другихъ, какъ, напримѣръ, у одного кревета (*Nematocarcinus gracilipes*), всѣ ноги въ нѣсколько разъ длиннѣе тѣла. Еще рѣзче выражена эта особенность у кревета *Benthesissymnus Barthleti*, у котораго четвертая и пятая пары ногъ утратили даже свою структуру и по строенію совершенно напоминаютъ щупальцы. Наконецъ, примѣромъ крайняго развитія органовъ осязанія могутъ служить нѣкоторые виды пауковъ, живущихъ на глубинѣ 4,000 метровъ. Пауки эти достигаютъ здѣсь огромныхъ размѣровъ; встрѣчаются экземпляры, имѣющіе до полуметра въ діаметрѣ и буквально состоящіе изъ однѣхъ ногъ; брюшная часть тѣла у нихъ почти совершенно исчезла, такъ что органы пищеваренія и половыя органы помѣщаются въ утолщенныхъ частяхъ непомѣрно длинныхъ ногъ, которыя, разумѣется, служатъ не столько для передвиженія, сколько для осязанія.

Но какъ ни своеобразны тѣ формы животнаго царства, съ которыми мы встрѣчаемся въ глубокихъ слояхъ океана, уже одинъ тотъ фактъ, что на ряду со слѣпыми животными здѣсь водятся и зрячія, доказываетъ намъ, что эти формы возникли не здѣсь, а перекочевали изъ болѣе поверхностныхъ слоевъ, изъ области свѣта, и лишь мало-по-малу заселили темную глубину моря. Органы зрѣнія, которые, какъ мы увидимъ ниже, могутъ быть здѣсь полезны только очень немногимъ животнымъ, при совершенно исключительныхъ условіяхъ, не могли развиться у такихъ видовъ, которые никогда не встрѣчались съ свѣтовымъ лучемъ; а между тѣмъ даже у слѣпыхъ животныхъ этой области мы еще встрѣчаемъ слѣды, указывающіе, что и у нихъ, или, вѣрнѣе, у ихъ отдален-

ныхъ предковъ, когда-то существовали зрительные органы; такъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ ракообразныхъ сохраняются стебельки, на которыхъ у родственныхъ имъ зрячихъ видовъ сидятъ глаза. Переселившись въ темное царство глубокаго моря, животныя эти, разумѣется, съ теченіемъ столѣтій перерождались, ненужные для нихъ органы, перестававшіе функционировать въ новой средѣ, постепенно атрофировались, повинуваясь въ этомъ отношеніи общему физиологическому закону, а вмѣстѣ съ тѣмъ новыя вліянія, новыя потребности благопріятствовали развитію другихъ органовъ, по преимуществу осязательныхъ, которые, благодаря біологическому процессу подбора, непрерывно совершенствовались съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Оба эти процесса,—вырожденіе ненужныхъ органовъ зрѣнія и развитіе новыхъ осязательныхъ органовъ,—отмѣчены въ глубокой морской фаунѣ цѣлымъ рядомъ переходныхъ формъ. Но почти всѣ онѣ, за очень немногими исключеніями, чѣмъ-нибудь непремѣнно отличаются отъ аналогичныхъ имъ представителей поверхностной фауны. Видовъ вполне тождественныхъ съ тѣми, которые водятся на незначительной глубинѣ, мы не встрѣчаемъ здѣсь почти никогда; всѣ животныя уже успѣли до нѣкоторой степени видоизмѣниться; всѣ они, слѣдовательно, живутъ здѣсь не со вчерашняго дня, забрели сюда не вдругъ, а опустились въ морскую глубину лишь постепенно, мало-по-малу, въ теченіи столѣтій, примѣняясь къ новымъ условіямъ и главнымъ образомъ къ усиленному давленію, значительно возраставшему, по мѣрѣ того, какъ новыя поколѣнія отваживались проникать все глубже и глубже.

Еще болѣе поразительнымъ кажется съ перваго взгляда тотъ фактъ, что рядомъ съ обыкновенными, не утратившими своей функціи глазами, у нѣкоторыхъ животныхъ, населяющихъ области абсолютнаго мрака, оказываются еще добавочные органы зрѣнія. Такіе органы мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ рыбъ, у которыхъ они размѣщены въ два ряда съ обѣихъ сторонъ тѣла, у ракообразныхъ—на челюстныхъ щупальцахъ или даже на обыкновенныхъ ножкахъ. Но, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи оказывается, что у многихъ видовъ, живущихъ на значительной глубинѣ, эти дополнительные глаза служатъ уже не для воспріятія свѣтовыхъ впечатлѣній, а наоборотъ, сами становятся источниками свѣта: изъ зрительныхъ органовъ они превращаются въ органы освѣщенія и распространяютъ вокругъ животнаго слабый, зеленоватый, фосфоресцирующий свѣтъ. «Не странное-ли явленіе представляетъ собою креветка, восклицаетъ Перье,—которая видитъ глазами, а освѣщаетъ себѣ путь зубами!» Но помимо этихъ добавочныхъ глазъ, видоизмѣнившихъ свою функцію, у нѣкоторыхъ

животныхъ существуютъ и спеціальныя свѣтящіеся органы; такъ, напримѣръ, у одной рыбы, надъ очень большими глазами расположены двѣ свѣтящіяся, изумрудно зеленныя пластинки; у нѣкоторыхъ акулъ, по бокамъ тѣла и около хвоста, находятся особенныя железы, выдѣляющія слизь, которая распространяется по всему тѣлу и облекаетъ его сіяющимъ покровомъ.

Встрѣчая въ глубинѣ моря животныхъ, одаренныхъ органами зрѣнія, мы могли-бы задать себѣ вопросъ, не перекочевываютъ-ли эти животныя въ болѣе поверхностныя, освѣщенныя области и не потому-ли и у нихъ и у потомства ихъ удерживается этотъ органъ, продолжающій оказывать имъ услуги? Но многія соображенія, основанныя на очень вѣскихъ аргументахъ, заставляютъ насъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Подняться на высоту нѣсколькихъ тысячъ метровъ—дѣло не шуточное и для животныхъ ползающихъ, какъ моллюски, голотурія, морскіе ежи и т. п., абсолютно невысказанное; но и между рыбами, населяющими очень глубокіе слои океана, мы почти совсѣмъ не встрѣчаемъ такихъ пловцовъ, которые могли-бы перебраться въ вертикальномъ направленіи на нѣсколько километровъ; большинство изъ нихъ обладаетъ непропорціонально большою головою и очень плохо развитыми плавниками, а хвостовая часть тѣла, играющая у рыбъ въ процессѣ плаванія главную роль, обыкновенно такъ слаба, что переселеніе въ область свѣта для этихъ животныхъ, точно такъ-же, какъ и для ползающихъ, невысказанно уже въ силу одной продолжительности и утомительности подобнаго путешествія. Но помимо этого, противъ возможности такого переселенія говорить другое, еще болѣе вѣское соображеніе. Если давленіе постепенно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ мы опускаемся въ глубину моря, если каждыя лишніе десять метровъ глубины увеличиваютъ это давленіе на одну атмосферу, то оно, естественнымъ образомъ, въ такой-же мѣрѣ понижается, когда мы съ глубокаго морского дна поднимаемся къ поверхности. Выдерживать давленіе въ 500 атмосферъ и затѣмъ очутиться подъ давленіемъ десяти, пяти, двухъ атмосферъ—значитъ перейти отъ жизни къ смерти; и дѣйствительно, большинство животныхъ, извлекавшихся съѣтими съ большой глубины, достигали поверхности уже мертвыми; тѣла ихъ тѣла, также уже привышшія къ высокому давленію, оказывались необыкновенно дряблыми, часто расплзались при малѣйшемъ прикосновеніи; многіе экземпляры были сильно попорчены вслѣдствіе одного тренія о веревки съѣти. Но особенно характерную картину представляли рыбы: все тѣло ихъ было вздуто, чешуя оттопиривалась и осыпалась, плавательный пузырь оказывался до того раз-

дугимъ, что выпячивался изъ рта, глаза были также выпячены и, наконецъ, всё тѣло тѣла отличалось дряблостью *).

Вотъ каковы результаты быстрого и значительнаго колебанія въ давленіи, претерпѣваемомъ тѣломъ животнаго на различныхъ уровняхъ моря. Благодаря этому, каждому уровню морской глубины соответствуетъ своя опредѣленная фауна, представители которой перемѣшиваются только въ пограничныхъ полосахъ. По содержимому сѣти обмѣновенно даже можно было приблизительно судить, съ какой глубины она поднималась, и только очень немногія животныя, напримѣръ, одна маленькая морская звѣзда (*Ampbiura squamata*), встрѣчающаяся подъ всѣми климатами и во всѣхъ частяхъ свѣта, попадалась на всякой глубинѣ. Растительное царство почти совершенно прекращается уже на глубинѣ трехсотъ, четырехсотъ метровъ, но изъ животнаго міра, населяющаго океанъ, до глубины 4,000—5,000 метровъ встрѣчаются пред-

*) Недавніе опыты Реньяра (*Les conditions de la vie dans les profondeurs de l'océan; Rev. Scientif., 29 mars*), пытавшагося подвергать высокому давленію различные организмы, какъ растительные, такъ и животные, начиная съ простѣйшихъ и кончая болѣе сложными, показали, что переходъ отъ простаго атмосфернаго давленія къ очень высокому всегда болѣе или менѣе отражается на ихъ жизненныхъ еуніціяхъ. Такъ, напримѣръ, клѣточки пивныхъ дрожжей подъ давленіемъ 600 атмосферъ утрачивали способность вызывать броженіе; инфузоріи подъ тѣмъ-же давленіемъ впадали въ состояніе мнимой смерти, но довольно скоро оправлялись послѣ того какъ давленіе прекращалось; на кольчатыхъ червей и ракообразныхъ высокое давленіе дѣйствовало точно такъ-же и вызывало въ нихъ летаргію, которая переходила въ смерть, если давленіе не ослабѣвало. Но особенно интересны опыты съ рыбами, такъ какъ относительно этихъ животныхъ Реньяру удалось въ точности подтвердить экспериментальнымъ путемъ тѣ выводы, которые были сдѣланы зоологами экспедиціи на основаніи распредѣленія поверхностныхъ видовъ въ болѣе глубокихъ слояхъ океана. Помѣщая рыбу въ наполненный водою цилиндръ аппарата, служащаго для сгущенія угольной кислоты, Реньяръ подвергалъ эту воду, а слѣдовательно и находившуюся въ ней рыбу, давленію въ 200 атмосферъ; это давленіе нѣсколько ошеломляло рыбу, но затѣмъ она довольно быстро оправдалась; подъ давленіемъ въ 300 атмосферъ наступала смерть, а при 400—окоченѣлость всѣхъ тканей. Давленію въ 200 атмосферъ, какъ известно, соответствуетъ глубина 2,000 метровъ, и вплоть до этой границы, какъ показала послѣдняя экспедиція, дѣйствительно еще заходятъ особи, принадлежащія къ поверхностнымъ видамъ; но далѣе этого предѣла онѣ не могутъ проникать подъ страхомъ смерти. При опытахъ съ рыбами необходимо было соблюдать, кромѣ того, одну предосторожность: прежде чѣмъ заключать ихъ въ аппаратъ, у нихъ прокалывали и опорожняли отъ воздуха плавательный пузырь, такъ какъ въ противномъ случаѣ воздухъ подъ высокимъ давленіемъ сгущался и растворялся въ крови животнаго, а при быстромъ переходѣ къ слабой давленію газы крови внезапно освобождались изъ раствора, кровь, превратившись въ пѣну, закупоривала воздушными пузырями мелкіе сосуды, и вслѣдствіе этого наступала моментальная смерть.

ставители почти всѣхъ главныхъ группъ,—полипы, морскія звѣзды, ракообразныя, моллюски, рыбы и т. д. Самая богатая, по числу особей, фауна оказывается на глубинѣ 1,000—1,500 метровъ, а далѣе въ глубь число особей начинаетъ быстро уменьшаться. Замѣчательно, однако, что, несмотря на обособленность жизни въ различныхъ полосахъ морской глубины, несмотря на рѣзкое различіе въ представляемыхъ ими внѣшнихъ условіяхъ существованія, мы тѣмъ не менѣе наблюдаемъ и въ очень глубокихъ полосахъ нѣкоторыя характерныя явленія въ жизни животныхъ, свойственныя родственнымъ имъ видамъ въ поверхностныхъ слояхъ моря. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ, напримѣръ, оригинальная форма общежитія, выработавшаяся между ракомъ отшельникомъ (*pagurus*) и актиніей. Въ одной изъ предъидущихъ хроникъ *) мы уже описывали довольно подробно эту ассоціацію и указывали на тѣ выгоды, которыя извлекаютъ изъ нея какъ ракъ, такъ и актинія. Но то-же сожительство въ глубокихъ слояхъ моря въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ еще болѣе оригинальный характеръ. Существенныя основы этой ассоціаціи и здѣсь тѣ же самыя: неподвижная анемона присасывается своею ножкою къ раковинѣ, занимаемой отшельникомъ, размножается на ней путемъ почкованія, и раковина буквально обростаетъ отъ вершины до основанія цѣлою колоніей тѣсно связанныхъ между собой особей. Близъ основанія находится небольшое отверстіе, сквозь которое ракъ можетъ просунуть свою клешню. Разсыпая во всѣ стороны свои ядовитыя стрекательныя нити, актинія не только защищаетъ рака отъ нападенія опасныхъ враговъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ ему возможность пользоваться частью убитой добычи; съ другой-же стороны, ракъ, обладающій большою подвижностью, чѣмъ колонія его жильцовъ, обыкновенно не трогающихся съ того мѣста, къ которому присосались, переноситъ ихъ съ мѣста на мѣсто и дѣлится съ ними общей добычей. Въ концѣ концовъ, стѣнки раковины, на которой расположились актиніи, постепенно растворяются и всасываются, а ракъ продолжаетъ жить въ полости, образуемой тѣсно слившимися тѣлами живой колоніи лловыхъ анемонъ, носящей коллективное названіе *Erizoanthe*.

Крайне интересны также свѣдѣнія, которыя дали послѣднія экспедиціи относительно распространенія извѣстныхъ видовъ морской фауны подъ различными географическими широтами. Такъ, напримѣръ, изъ моллюсковъ одинъ видъ (*Fusus berniciensis*), который до сихъ поръ встрѣчался только у сѣверныхъ береговъ Норвегіи и Россіи и у Шетландскихъ острововъ, на глубинѣ 90—150 метровъ,

*) См. «Дѣло», № 4; 1883 г.

былъ найденъ въ Гасконскомъ заливѣ, у береговъ Марокко и Сахары (близъ мыса Боддоръ на глубинѣ 1,918 метровъ); другой моллюскъ (*Scaphander striatus*), встрѣчавшійся у береговъ Скандинавіи на уровнѣ 36—450 метровъ, оказался возлѣ мыса Гиръ, на глубинѣ 2,200 метр. и т. д. Точно такъ-же распространены подъ всѣми широтами многія ракообразныя, причемъ одинъ и тотъ-же видъ непременно поднимается все ближе къ поверхности по мѣрѣ приближенія къ полярнымъ областямъ и, наоборотъ, спускается въ глубину въ тропическихъ полосахъ океана.

Существенное значеніе для разрѣшенія вопроса о происхожденіи глубокой морской фауны имѣетъ еще и тотъ фактъ, что на очень большой глубинѣ мы находимъ главнымъ образомъ высшія формы, между тѣмъ, какъ низшія почти совершенно отсутствуютъ. Если предположить, что животныя спустились сюда не изъ поверхностныхъ слоевъ, а развились на мѣстѣ, если, вмѣстѣ съ тѣмъ не признавать теоріи неизмѣняемости видовъ, давно опровергнутой Дарвиномъ, то рядомъ съ высшими формами мы, естественнымъ образомъ, должны-бы были встрѣтить въ глубинѣ моря и низшія, простѣйшія формы, изъ которыхъ постепенно развивались болѣе сложныя, и притомъ, въ виду рѣзкаго различія въ условіяхъ, изъ этихъ низшихъ формъ должны-бы были развиться высшія, имѣющія очень мало общаго съ тѣми, которыя мы встрѣчаемъ въ поверхностныхъ слояхъ. А между тѣмъ ни того, ни другого мы здѣсь не видимъ: низшіе представители фауны, какъ мы уже говорили, отсутствуютъ, а высшіе представляютъ большую аналогію и несомнѣнные признаки родственной связи съ верхними обитателями моря. Изъ всѣхъ этихъ соображеній, въ связи съ тѣми, о которыхъ мы упоминали выше, ясно вытекаетъ одинъ несомнѣнный выводъ: въ глубокихъ, темныхъ безднахъ океана не могла возникнуть животная жизнь; она зародилась и развивалась наверху, въ области тепла и свѣта, а съ теченіемъ времени тѣ особи, тѣ виды, которые оказывались болѣе другихъ способными переносить холодъ, отсутствіе свѣта и высокое давленіе, эмигрировали въ глубину, отыскивая просторъ и свободу, убѣгая отъ взаимнаго поѣданія, отъ безжалостной борьбы изъ-за пищи, которая кивитъ въ свѣтлыхъ, густо населенныхъ полосахъ. Впрочемъ, даже глубокое море не вполне гарантируетъ укрывшихся въ немъ животныхъ отъ различныхъ видовъ взаимной эксплуатаціи, встрѣчаемыхъ такъ часто въ гуще населенныхъ полосахъ. На ряду съ такими формами сожителства, какое представляетъ намъ вышеописанная ассоціація рака-отшельника съ актиніей, мы наблюдаемъ здѣсь и другія, начиная съ безполезнаго и болѣе или менѣе тягостнаго для хозяина

комменсализма и кончая чистѣйшимъ паразитизмомъ. Такъ, на-
примѣръ, нѣкоторыя голотурія, живущія на глубинѣ 4000—5000
метровъ, буквально превращаются въ «живыя гостиницы»; у од-
нихъ въ дыхательныхъ трубахъ живутъ маленькія рыбки съ очень
тѣснымъ и удлинненнымъ, какъ у угря, тѣломъ; другія пріютили
въ полости своего тѣла одну или нѣсколько паръ маленькихъ
крабовъ, или-же въ кишечномъ каналѣ ихъ живетъ родъ глисты,
извѣстной подъ именемъ *Aporodium*. Но, кромѣ этихъ жильцовъ,
не требующихъ отъ хозяина ничего, кромѣ квартиры, и тревожа-
щихъ его только своимъ болѣе или менѣе безпокойнымъ присут-
ствіемъ, нѣкоторые виды осаждаются настоящими паразитами,
которые присасываются къ тѣлу животного и питаются его соками.

Въ числѣ различныхъ новыхъ видовъ животныхъ, найденныхъ
въ глубокихъ областяхъ океана, первыя-же экспедиціи, рѣшив-
шіяся погрузить свои сѣти на глубину нѣсколькихъ тысячъ метровъ,
встрѣтили и такіе виды, представители которыхъ давно уже вы-
мерли въ другихъ мѣстахъ и до послѣдняго времени встрѣчались
только въ формѣ ископаемыхъ остатковъ. Этотъ фактъ, какъ мы
уже говорили, возбудилъ самыя пылія надежды въ Агасисѣ: въ
глубинѣ моря онъ надѣялся встрѣтить представителей цѣлой цѣпи
исчезнувшихъ, ископаемыхъ формъ, созданныхъ искони вѣковъ и
сохранившихся среди невозмутимаго спокойствія морской глубины
въ полной неизмѣнности со дня творенія. Но надежды его не
сбылись; фауна глубокаго моря не можетъ быть сочтена за перво-
бытную, она перечевала сюда сверху, и даже тѣ виды, которые
успѣли съ тѣхъ поръ исчезнуть въ поверхностныхъ областяхъ, но
сохранились въ глубинѣ, соответвуютъ только ископаемымъ ви-
дамъ юрской, мѣловой и третичной формаций; изъ фауны первич-
ной формации въ морѣ до сихъ поръ не нашлось еще ни одного
представителя, что, впрочемъ, вполне согласуется съ мнѣніемъ
большинства современныхъ геологовъ, которые думаютъ, что въ
первичный періодъ моря не достигали такой глубины, какъ теперь,
и что только съ наступленіемъ вторичнаго періода, вмѣстѣ съ
углубленіемъ морского дна, могло начаться и населеніе этихъ
глубокихъ областей океана, то-есть, въ такое время, когда
вся первичная фауна уже погибла.

Пока французская зоологическая экспедиція совершала свое
интересное путешествіе, пока ученые, собравшіяся на пароходѣ
«Талисманъ», наслаждались всѣми прелестями тропической при-
роды и каждый день, лягуя, привѣтствовали какое-нибудь новое
открытіе, появленіе какого-нибудь новаго, невиданнаго животного,
извлеченнаго изъ морской глубины, двѣ другія ученныя комиссіи,—

одна французская, другая нѣмецкая,—трудились въ Египтѣ надъ другою, несравненно менѣе благодарною работою. Среди труповъ, въ зараженной атмосферѣ холерныхъ госпиталей, эти скромные герои науки, изо дня въ день подвергая опасности свою жизнь, отыскивали специфическое, заразительное начало ужасной болѣзни, снова грозившей посѣтить Европу; и въ то время, когда экспедиція «Талисмана» съ торжествомъ возвращалась въ Парижъ, справедливо гордясь богатымъ научнымъ матеріаломъ, который удалось собрать во время путешествія, французская холерная коммиссія, послѣ долгихъ утомительныхъ работъ, пожертвовавъ жизнью одного изъ своихъ членовъ, также вернулась домой, съ тяжелымъ сознаніемъ, что цѣль, которою она задавалась въ своихъ работахъ, далеко еще не достигнута, едва только намѣчена. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ *) мы довольно обстоятельно познакомили читателя съ работами обѣихъ холерныхъ комиссій и сообщили между прочимъ, что нѣмецкая коммиссія, не ограничившись результатами, добытыми въ Египтѣ, рѣшилась продолжать свои изслѣдованія у самаго источника холерной заразы, въ Индіи. Съ осени прошлаго года Кохъ со своими помощниками поселился въ Калькуттѣ, и здѣсь снова закипѣла работа, съ результатами которой теперь и знакомятъ насъ отчеты комиссій **). Специфическій паразитъ холеры, повидимому, наконецъ, найденъ. Это—микроскопическая бактерія, рѣзко отличающаяся отъ всѣхъ остальныхъ микробовъ, живущихъ въ кишечномъ каналѣ больного и здороваго человѣка, своею особенною, загнutoю формою, напоминающею запятыю. Изслѣдованіе сорока-двухъ холерныхъ труповъ и двадцати-восьми больныхъ, пораженныхъ этою болѣзнию, показало, что паразитъ этотъ во всѣхъ, безъ исключенія, случаяхъ холеры находится въ кишечномъ каналѣ; съ другой-же стороны, онъ никогда не встрѣчался въ организмѣ больныхъ, умиравшихъ отъ какой-бы то ни было иной болѣзни. Это обстоятельство дало Коху право заключить, что открытая бактерія во всякомъ случаѣ имѣетъ какое-нибудь специальное отношеніе къ холерѣ. Вслѣдъ затѣмъ самъ собою возникалъ вопросъ, не объясняется-ли ея присутствіе въ организмахъ, пораженныхъ холерою, тѣмъ, что холерный процессъ, возникая совершенно независимо отъ нея, представляетъ лишь благоприятныя условія, благоприятную почву для развитія этого микроскопическаго паразита? Но при такомъ объясненіи, во всякомъ случаѣ, приходилось-бы, слѣдовательно, допустить, что загну-

*) См. «Дѣло» № 12; 1883 г.

***) La mission allemande du choléra dans l'Ynde.—Le bacille du choléra.—Gazette Medicale de Paris, №№ 14 et 15; 1884.

тая бактерія принадлежит къ числу безвредныхъ паразитовъ, населяющихъ кишечный каналъ здороваго челоука, и только размножается быстро, когда онъ заболѣваетъ холерою; а между тѣмъ самыя внимательныя микроскопическія изслѣдованія стѣнокъ кишечнаго канала и его содержимаго никогда не обнаруживали ея присутствія ни въ здоровомъ организмѣ, ни при какихъ-бы-то ни было другихъ болѣзняхъ. Въ силу этихъ фактовъ Кохъ считаетъ себя въ правѣ смотрѣть на открытую имъ бактерію, какъ на причину холеры. Въ этомъ мнѣніи его утверждаетъ еще и то соотношеніе, которое существуетъ между развитіемъ ея бактеріи и теченіемъ холернаго процесса. Въ началѣ болѣзни, пока испраженія имѣютъ еще консистенцію рисоваго отвара, бактеріи попадаютъ въ небольшомъ числѣ; нѣсколько позднее, когда болѣзнь принимаетъ болѣе тяжелый характеръ и кишечныя изверженія становятся водянистыми, безъ запаха, загнутыя бактеріи появляются въ необыкновенно большомъ числѣ, между тѣмъ какъ другіе виды паразитовъ исчезаютъ. Точно также у различныхъ больныхъ число бактерій всегда находится въ зависимости объ большаго или меньшаго развитія холернаго процесса. Все это, разумѣется, говорило въ пользу специфическаго характера открытаго Кохомъ микроскопическаго паразита. Но затѣмъ все-таки оставался неразъясненнымъ вопросъ, — какииъ путемъ распространяется зараза, какииъ образомъ холерная бактерія, развившаяся въ кишечномъ каналѣ одного больнаго, переходитъ къ другому, чѣмъ объяснить быстрое распространеніе холернаго процесса, поражающаго иногда населеніе цѣлой страны? Эти въ высокой степени важныя вопросы также значительно уяснились теперь, благодаря работамъ нѣмецкой холерной коммисіи. Изучая жизненныя свойства и особенности открытой имъ бактеріи, Кохъ могъ убѣдиться, что сырость болѣе всего благоприятствуетъ ея быстрому развитію и размноженію; такъ, напримѣръ, тонкій слой холерныхъ кишечныхъ изверженій, будучи помѣщенъ на поверхности смоченной земли, черезъ двадцать-четыре часа прекращался въ сплошную массу холерныхъ бактерій; то-же самое происходило и на сыромъ бѣлѣ, запачканномъ холерными изверженіями; а это послѣднее обстоятельство, разумѣется, какъ нельзя лучше могло-бы объяснить, почему такъ часто заражаются холерою именно тѣ люди, въ руки которыхъ постукаетъ грязное бѣлье больныхъ; если-же вспомнить, кромѣ того, что бѣлье это часто моется въ прудахъ, въ рѣчкахъ, изъ которыхъ ближайшіе жители берутъ воду для питья, то происхожденіе многихъ мѣстныхъ, ограниченныхъ холерныхъ эпидемій, которыя такъ часто наблюдаются именно въ Индіи, станетъ совершенно яснымъ. Съ этою гипотезою вполне согласовался, между

прочимъ, и тотъ фактъ, что смертность отъ холеры, по единодушному отзыву мѣстныхъ врачей, понизилась, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети, съ тѣхъ поръ, какъ городъ въ 1870 году снабженъ былъ хорошимъ водопроводомъ, приносящимъ чистую воду изъ источниковъ, не подвергающихся постоянной опасности превратиться въ источники заразы. Но въ самое послѣднее время къ числу аргументовъ, приводимыхъ Кохомъ въ доказательство специфическаго характера открытой имъ холерной бациллы, присоединился еще болѣе вѣскій фактъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ окрестностяхъ Калькутты, въ одной деревнѣ, вспыхнула эпидемія холеры. Деревня эта расположена на берегу небольшого пруда, куда обыкновенно бросаютъ и выливаютъ всякаго рода нечистоты, накопляющіяся въ домахъ, не исключая даже человѣческихъ испражнений; тутъ-же постоянно моютъ грязное бѣлье, что, однако, не мѣшаетъ прибрежнымъ жителямъ купаться въ этомъ пруду и брать изъ него воду для питья. Во время послѣдней эпидемии, изъ нѣсколькихъ сотъ жителей, составляющихъ населеніе деревни, въ короткое время отъ холеры умерло семнадцать человѣкъ, причемъ необходимо еще замѣтить, что эпидемія посѣтила исключительно береговныя хижины. Собирая свѣдѣнія относительно условій, при которыхъ воцѣлила и развивалась эта эпидемія, нѣмецкая комиссія могла констатировать, что грязное бѣлье холерныхъ больныхъ мылось въ пруду и что жители тѣмъ не менѣе продолжали брать изъ него воду для питья; когда-же вода эта была подвергнута микроскопическому изслѣдованію, то въ ней оказались тѣ-же самыя характеристическія, загнутыя въ видѣ запятой бациллы, которыя встрѣчаются исключительно у холерныхъ больныхъ.—Какъ, однако, ни интересно это послѣднее наблюденіе, но даже оно, въ связи со всѣми остальными наблюденіями Коха, еще не можетъ считаться неоспоримымъ, не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію доказательствомъ того, что именно эта бацилла и составляетъ причину холернаго процесса и распространенія его въ эпидемической формѣ. Такимъ доказательствомъ могъ-бы быть только прямой экспериментъ. Если-бы Коху удалось вызвать холеру прививаніемъ одной этой бациллы, изолированной отъ всѣхъ остальныхъ элементовъ, сопровождающихъ ее въ тѣлѣ человѣка, то всѣ сомнѣнія и возраженія сразу-бы пали. Но надъ человѣкомъ такого эксперимента, по весьма понятнымъ причинамъ, произвести нельзя; что-же касается прививаній, которыя пытались дѣлать животнымъ, то они до сихъ поръ, точно такъ-же, какъ и въ Египтѣ, оставались безъ всякихъ послѣдствій.—Не нужно забывать, что специфическій паразитъ холеры появляется въ лѣтописяхъ медицины уже не въ первый разъ. Во время эпидемии

1849 года было открыто нѣсколько такихъ паразитовъ; «кольцеобразныя тѣльца», «холерныя клѣточки», «холерныя грибки», по словамъ открывшихъ ихъ ученыхъ, встрѣчались точно также не только въ изверженіяхъ больныхъ и въ слизистой оболочкѣ ихъ кишечнаго канала, но и въ водѣ тѣхъ кварталовъ, гдѣ распространена была зараза, и даже въ воздухѣ больничныхъ холерныхъ палатъ. А между тѣмъ всѣ эти «открытія» давно уже преданы забвенію. Правда, съ тѣхъ поръ прошло уже не мало времени: современный изслѣдователь руководствуется при своихъ работахъ несравненно болѣе точнымъ, строго научнымъ методомъ, пользуется болѣе совершенными инструментами, и открытіе Коха по справедливости обратило на себя напряженное вниманіе всего медицинскаго міра. Но онъ самъ понимаетъ, что только экспериментальнымъ путемъ возможно разрѣшить послѣднія сомнѣнія, и не теряетъ надежды восторжествовать, наконецъ, надъ тѣми затрудненіями, благодаря которымъ оказывались до сихъ поръ безуспѣшными всѣ попытки привить холеру животнымъ.

Французской комиссіи, повидимому, менѣе посчастливилось со своимъ открытіемъ; по крайней мѣрѣ, по мнѣнію Коха, описанныя Страусомъ микроскопическія тѣльца, будто-бы встрѣчаемыя исключительно въ крови холерныхъ больныхъ, съ хорошимъ микроскопомъ и при надлежащей обработкѣ препарата могутъ быть обнаружены въ крови каждаго здороваго человѣка, хотя число ихъ значительно увеличивается подъ влияніемъ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ процессовъ (тифъ, пневмонія), къ числу которыхъ, дѣйствительно, принадлежитъ и холера.

А. М.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(Политическая и социальная хроника).

Первые мѣсяцы года могутъ быть названы дѣйствительно дѣятельнымъ періодомъ парламентской жизни. Лѣто—ея глухая пора, а осень посвящается бюджету. Какъ только наступили пасхальныя каникулы, уже не приходится рассчитывать на остальную часть года. Слѣдовательно, именно теперь настала минута разсмотрѣнія совершенныхъ работъ и рѣшенія вопроса о томъ, насколько господа законодатели заслужили благодарность своихъ довѣрителей.

Начнемъ съ Франціи.

I.

Только что окончившаяся, 10-го апрѣля, сессія французскаго парламента не можетъ быть причислена ни къ наиболѣе блестящимъ, ни къ наиболѣе полезнымъ. Однако, она была изъ тѣхъ, о которыхъ говорили, какъ о крайне важныхъ и имѣющихъ оказать значительное вліяніе на судьбы страны. Ж. Ферри объявилъ, что 1884 годъ будетъ годомъ реформъ, и, какъ мнѣ помнится, на первомъ по открытіи палаты засѣданіи произошло даже нѣкоторое затрудненіе по поводу установленія порядка занятій, яко-бы вслѣдствіе обилія предполагаемыхъ реформъ и потому что не знали, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе. Особеннаго вниманія со стороны законодателей ожидали три преобразованія: одно изъ нихъ касалось военной организаци, другое—устройства первоначальнаго образованія, третье — городского положенія. Всѣ эти три закона были крайне необходимы, и мы прибавимъ, что голосованія ихъ ожидали, по крайней мѣрѣ, въ теченіи трехъ законодательныхъ сессій. Такимъ образомъ, всѣ единогласно признавали ихъ неотложность; тѣмъ не менѣе, путемъ одного изъ тѣхъ фокусовъ, тайна которыхъ извѣстна парламентамъ, оказалось, что вмѣсто того, чтобы начать съ только что названныхъ законовъ, ихъ, по молчаливому соглашенію, запрятали какъ можно дальше и въ заключеніе заду-

шили со всею должною мягкостью и пощадою. Начали съ того, что, по требованію правительства, пустили въ ходъ извѣстныя лишенныя серьезнаго значенія законодательныя упражненія, которыя и заняли, на нѣкоторое время, публику. Долгія засѣданія посвящены были обсужденію закона объ уличныхъ манифестаціяхъ, причѣмъ не пришли ни къ какой, могущей быть принятою редакціи и выпутались простымъ возвращеніемъ къ закону 1848 года, то-есть сдѣлали скачокъ на добрыя тридцать-пять лѣтъ назадъ.

Прогрессъ, какъ видите, сомнительный. Къ тому-же слѣдуетъ прибавить, что этотъ законодательный зародышъ находится еще въ тѣхъ покояхъ, гдѣ сенатъ хранитъ, въ назиданіе потомства, феноменальныя законы. И такъ, ни на пассивъ, ни на активъ себѣ сн законъ этотъ отнесенъ быть не можетъ. Его надо занести въ счетъ прибылей и убытковъ, со спеціальною оговоркою, что министръ юстиціи озаботился объявить его заранѣе неудобоприимлемымъ.

Но такъ какъ подобною постною пищею удовольствоваться было невозможно и палата видимо желала чего-нибудь болѣе существеннаго, то депутатъ Ланглюа, знаменитый полковникъ и не менѣе знаменитый прудонистъ, принесъ ей, отъ имени кабинета, нѣчто въ родѣ запроса со сложными перегородками, изъ котораго можно-бы было извлекать все, что угодно, и на неограниченный срокъ. Этотъ запросъ по поводу экономическаго кризиса привелъ, однако, къ результату, котораго, впрочемъ, не желало правительство: онъ привелъ къ назначенію слѣдственной комиссіи. Затѣмъ изъ этой комиссіи постарались устранить все, что могло имѣть социалистическую или даже радикальную окраску, и выбранный предѣтелемъ Сподмеръ могъ, не опасаясь послѣдствій своихъ словъ, воскликнуть, что слѣдствие должно быть глубоко социалистично. Вопреки всему этому, парламентское изслѣдованіе не останется безплоднымъ. Но мы должны прибавить, что доброе и полезное, которое извлекутъ изъ него, будетъ произведено, такъ-сказать, внѣ-парламентскимъ путемъ, то-есть вопреки палатѣ и правительству, враждебныя и разъединяющія уловки котораго помнать всѣ. Безъ сомнѣнія, слѣдствие не дастъ ничего цѣннаго въ законодательномъ смыслѣ, но оно будетъ имѣть важное значеніе для статистики, вслѣдствіе допущенія всевозможныхъ показаній, относящихся до положенія національной индустріи. Изъ нѣдръ его возникнетъ нѣсколько томовъ, весьма неудобоваримыхъ, конечно, но которые, когда-нибудь, найдутъ желудокъ, способный приступить къ перевариванію и усвоенію ихъ весьма богатыхъ и разнообразныхъ элементовъ, которыми въ концѣ концовъ воспользуется и публика. Вернемся къ палатѣ. Надо-же было, однакоже, добраться до давно

обѣщаннаго и столько разъ отложеннаго закона, посредствомъ котораго долженъ быть поднятъ нравственный и матеріальный уровень условій существованія школьныхъ учителей. Нѣтъ человѣка, который-бы не понималъ, что вопросъ этотъ имѣеть жизненное значеніе для страны и является вопросомъ справедливости, по отношенію къ этимъ смиреннымъ слугамъ ея. Замѣьте также, что положеніе этихъ послѣднихъ, плохо обезпеченное и ранѣе, за послѣднее время только ухудшалось. Упраздненіе конгрегаціонныхъ школъ удвоило во многихъ мѣстахъ число учениковъ; сверхъ того, учителямъ хотятъ запретить отнынѣ пѣть на клиросѣ, исполнять обязанности церковнаго сторожа, звонаря, а все это доставляло небольшую прибавку къ слишкомъ скромному жалованью.

Меньше дѣла — меньше денегъ: таково ихъ настоящее положеніе.

Коммиссія, состоявшая подъ предѣдательствомъ Поля Бера, предложила раздѣлить преподавателей на пять классовъ и назначить имъ слѣдующее содержаніе: 5-му к. 1,000 франковъ; 4-му 1,500; 3-му 1,600; 2-му 1,900; 1-му 2,200. Безъ сомнѣнія такіе оклады не выходили-бы изъ предѣловъ благоразумія. Начинать поприще съ 400 рублями и имѣть въ перспективѣ идеаль 800 рублей, это немного и не можетъ удовлетворять даже простаго рабочаго. Но и этому, какъ заранѣе можно было предвидѣть, не суждено было удасться. Пренія велись только для формы и съ сознаниемъ, что они не приведутъ ни къ чему и представляютъ собою лишь напрасную трату времени. Единственнымъ результатомъ преній были заявленія о печальномъ финансовомъ положеніи. Какъ можно было думать объ увеличеніи содержанія 92,000 учителей, которыхъ чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ 100,000, когда средства страны израсходованы были на безумныя приключенія? Наступаетъ время, когда приходится лишать себя необходимаго. Что касается органической части закона, устанавливающей порядокъ назначенія этихъ должностныхъ лицъ, ихъ отношеній къ муниципалитетамъ и префектамъ, а также и другихъ пунктовъ, на которыхъ было-бы слишкомъ долго останавливаться, то съ ними справились лишь послѣ долгихъ и тяжелыхъ усилій. Затѣмъ въ заключеніе, законъ былъ объявленъ непримѣняемымъ, устами министра народнаго просвѣщенія, точно также, какъ законъ о манифестаціяхъ признанъ былъ неприложимымъ министромъ юстиціи. Затѣмъ депутаты перешли къ городовому положенію или муниципальному закону, и по этому поводу имъ пришло на мысль, что можно-бы заняться немного и Парижемъ. Назначена была коммиссія, съ цѣлью дарованія великому городу муниципальной хартіи, по которой онъ такъ давно вздыхаетъ. Прежде всего можно констатировать то за-

мѣчательное обстоятельство, что въ числѣ членовъ этой комиссіи не имѣется ни одного парижскаго представителя; ихъ всѣхъ устранили самымъ тщательнымъ образомъ и когда пришлось редактировать документъ, то обратились къ нѣкому Лешербонье, депутату отъ Бривъ Ла Гальяровъ.

Муниципальная хартія, даруемая Парижу республикою, это не пустякъ какой-нибудь, заявляетъ прежде всего почтенный докладчикъ. Закона этого ожидали съ 28-го плювіоза VIII года. Вотъ уже болѣе восьмидесяти лѣтъ поставленный вѣтъ общаго права Парижъ ждалъ, чтобы небо ниспослало ему какого-нибудь Лешербонье, который возвратилъ-бы ему его законныя прерогативы. Наконецъ, онъ явился изъ Брива и держать въ рукахъ желанную хартію. Что-же она заключаетъ? Парижскую мэрію? Нисколько. Новыя преимущества муниципальному совѣту? Еще менѣе того. — Открываю законъ и читаю: Статья 1-я. Измѣненіе наименованія города Парижа можетъ быть произведено лишь въ силу закона.

Давно пора было объ этомъ подумать. Вѣдь этотъ дьявольскій Парижъ способенъ на всякія узурпаціи. А этотъ муниципальный совѣтъ, доставляющій себѣ злокозненное удовольствіе перекрепить улицы, единственно для того, какъ я въ томъ увѣренъ, чтобы помѣшать депутатамъ найти дорогу въ палату, на подобіе тѣхъ римлянъ временъ имперіи, которые запрещали показывать новымъ сенаторамъ путь въ сенатъ. Отъ этого безжалостнаго совѣта можно ожидать, что онъ перекреститъ и Парижъ! Кто знаетъ? Быть можетъ въ головѣ одного изъ нашихъ эдиловъ зародилась мысль переименовать Парижъ и назвать его въ честь родины докладчика Бривъ Ла Гальярдъ. Честь и слава Лешербонье за предотвращеніе такой опасности.

Этимъ не ограничилась мудрая предусмотрительность этого почтеннаго человѣка. Онъ принялъ свои мѣры противъ всякаго рода узурпацій, чему доказательствомъ служить слѣдующая статья: «могутъ быть приводимы въ исполненіе лишь по утвержденіи высшихъ властей рѣшенія, касающіяся слѣдующихъ предметовъ: права свободнаго пастбища» и проч... Слова эти открываютъ намъ цѣлый новый міръ, міръ сельскаго Парижа, оставшійся невѣдомымъ для посѣщавшихъ его иностранцевъ. Приглашаю этихъ послѣднихъ обратить на него вниманіе, если имъ случится вернуться въ нашу столицу. Они увидятъ г. Лешербонье, съ посохомъ въ одной рукѣ и свирѣлю въ другой, ведущимъ своихъ коллегъ пасти на площадь Согласія. Они увидятъ, какъ оттуда онъ направится вдоль большихъ бульваровъ и окамляющихъ ихъ ручьевъ, гдѣ пасутся вечеромъ юныя овечки, отправляющіяся на водопой въ распивочныя. Стада эти присвоиваютъ себѣ право свободнаго

пастбища въ ночныхъ ресторанахъ. Вотъ, чему желаетъ воспрепятствовать или, по крайней мѣрѣ, что желаетъ регламентировать Лещербоны. Отнынѣ нѣтъ возможности пользоваться этимъ, священнымъ обычаемъ правомъ, иначе какъ въ силу декрета или закона, постановленія префекта или министра.

Извольте послѣ этого утверждать, что прогрессъ идетъ медленнымъ путемъ. Только четырнадцать лѣтъ существуетъ республика и уже созданъ для Парижа такого рода муниципальный законъ!

Обсуждался и еще вопросъ объ избирательномъ дѣленіи Парижа. По этому поводу велись самыя серьезныя пренія. Одни желали раздѣлить столицу на нѣсколько выборныхъ участковъ, другіе не желали. Одни находили, что ничего нѣтъ легче для каждаго парижскаго жителя, какъ вписать 80 именъ людей, за безкорыстіе которыхъ и способность вести дѣла города онъ можетъ ручаться. Другіе полагали, что это совсѣмъ не такъ легко. Впрочемъ и въ средѣ послѣднихъ замѣчалось разногласіе. Флоке хотѣлъ раздѣлить Парижъ на четыре большіе участка, Клемансо предпочиталъ сохранить существующее дѣленіе на округа. Проектъ Флоке одержалъ верхъ, вѣроятно потому, что онъ менѣе разсудителенъ.

Недоставало только одобренія сената. «Свободныя пастбища», запрещеніе измѣнять наименованіе города Парижа, все прошло съ быстротою почты. Разногласіе началось только по поводу дѣленія столицы. Отцы отечества высказались за подачу голосовъ по округамъ, съ тѣмъ, чтобы на каждый округъ приходилось по 4 совѣтника, независимо отъ цифры его населенія. Въ нѣкоторыхъ округахъ насчитывается до двухъ сотъ тысячъ жителей, въ другихъ—до ста пятидесяти; а въ нѣкоторыхъ не болѣе пятидесяти. Что за дѣло! Всѣ будутъ назначать по четыре совѣтника, ни болѣе, ни менѣе. Вотъ, наконецъ, истинно равенственный законъ!

Палата не захотѣла его утверждать и между Люксамбургомъ и Бурбонскомъ дворцомъ началось перебрасываніе, на подобіе игры въ волонъ. Оно продолжалось-бы и теперь, еслибы въ концѣ концовъ сенатъ не отвергъ просто-на-просто всего закона. Ранѣе какъ чрезъ три мѣсяца о немъ не можетъ быть и рѣчи. А такъ какъ въ этотъ промежутокъ времени должно произойти выборы, то, это равняется погребенію.

Остается военная реформа, то-есть законъ о рекрутской повинности. Не предрѣшая мнѣнія сената, можно было, по крайней мѣрѣ, предположить, что въ палатѣ законъ встрѣтитъ горячую поддержку, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ за себя симпатіи воен-

наго министра, генерала Кампенона. Уравнять воинскую повинность, то-есть требовать ото всѣхъ гражданъ, богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и не получившихъ образованія равнаго срока военной службы, развѣ это не было бы необходимою основою всякой демократической конституціи, непосредственнымъ примѣненіемъ принципа, стоящаго въ заголовкѣ деклараціи правъ челоуѣка и гражданина? Но декларація правъ, демократическіе принципы—все это не болѣе, какъ ветошь въ глазахъ правительственнаго оппортунизма. Ее замѣнили цѣлымъ рядомъ пошлостей о необходимости льготъ по рекрутской повинности для лицъ либеральныхъ профессій; дошли до того, что стали отрицать равенство, даже въ принципѣ. «Temps», газета серьезная, какъ извѣстно, преподнесла читателямъ слѣдующую жемчужину: «Между студентомъ изъ Сорбонны и бретонскимъ пастухомъ не существуетъ никогда и не будетъ существовать равенства». Какой-же новый естественный законъ, ставящій непроходимую пропасть между этими двумя категоріями гражданъ, открыла «Temps»? Разъ ступивъ на этотъ путь, оппортунистскій органъ уже не останавливается; онъ обвиняетъ сторонниковъ равнаго срока службы въ томъ, что они желаютъ заставить студентовъ исполнять въ республикѣ тѣ-же самыя обязанности, которыя исполняются пастухами. Такимъ образомъ, въ глазахъ новой школы налогъ на кровь не есть служба, а должность. Странное дѣло, но эта новая школа сильно напоминаетъ школу имперіи и логическимъ слѣдствіемъ и для нея должна явиться теорія замѣстительства. «Что-бы подумали о челоуѣкѣ, который дрался-бы на дуэли по довѣренности?» сказалъ Прудонъ въ своей «Théorie de l'impôt». По мнѣнію газеты «Temps», интересы національной культуры требуютъ, чтобы студенты «довѣряли» другимъ быть солдатами.

Оставимъ почву принциповъ и не станемъ входить въ разсмотрѣніе вопроса объ единственномъ достойномъ демократіи образованіи, то-есть о такомъ, которое могло бы привести къ интеллектуальному сближенію между сорбонскими студентами и бретонскими пастухами. Будемъ наблюдать лишь то, что происходитъ въ настоящее время. Что подразумѣвается подъ національною культурою и науками? Изученіе права и медицины, подготовку къ университетскому курсу? Но это профессиональное образованіе. Интересы собственно научныя, безкорыстныя изслѣдованія, долгія изысканія, мало или вовсе неоплачиваемыя, не озабочиваютъ «серьезную» газету. Извѣстно къ тому же, что пользующіеся наибольшимъ авторитетомъ ученые жалуются именно на то, что буржуазное юношество все болѣе и болѣе покидаетъ сферу этихъ благородныхъ стремленій, обращаясь

къ болѣе выгоднымъ занятіямъ. Интересы, о которыхъ заботятся и которымъ, какъ полагаютъ, грозитъ опасность, не интересы національной культуры, а чисто профессиональные и кастовые.

Германія, справедливо гордящаяся своею національною культурою, не осмѣлилась-бы преобразовывать свою военную организацію, ради подобной теоріи. Въ противномъ случаѣ, ей можетъ быть и не удалось-бы побѣдить свою зарейнскую сосѣдку.

Если перерывъ въ занятіяхъ наноситъ ущербъ будущему адвокату или врачу, то развѣ перерывъ въ занятіяхъ ремесленника не вредитъ его ловкости и искусству? Весьма возможно, что число законниковъ и докторовъ уменьшилось-бы въ нашей странѣ, но какая въ томъ бѣда, если, какъ мы то слышимъ со всѣхъ сторонъ и отъ людей, которыхъ невозможно заподозрѣть ни въ социализмѣ, ни въ радикализмѣ, либеральныя профессіи переполнены.

Впрочемъ, чѣмъ очевиднѣе будутъ неудобства системы, тѣмъ болѣе будутъ стараться уменьшить ихъ, посредствомъ улучшенія военной организаціи. Развѣ въ Швейцаріи, гдѣ, должно полагать, также существуютъ либеральныя профессіи, рѣшится кто-нибудь ссылаться на интересы національной культуры, въ видахъ освобожденія юныхъ буржуа отъ военной службы?

Если понимающіе дѣло реформаторы нашли возможнымъ сократить на нѣсколько часовъ рабочій день, не нанося ущерба производству, то мы полагаемъ, что и день военныхъ упражненій можетъ быть сокращенъ, безъ вреда для военного могущества, для производительности солдата.

Цѣль, къ которой должны клониться усилія демократіи, есть постепенная замѣна постоянныхъ армій національными милиціями. Но эта цѣль можетъ быть достигнута лишь путемъ введенія военного обученія въ школы, практикованія военныхъ упражненій до и послѣ періода несенія военной повинности. Исторія показываетъ намъ, что правящіе классы, вообще, мало щедры на проливаніе своей крови; она показываетъ, съ какою легкостью и быстротою они отвернулись отъ Наполеона I съ той минуты, какъ великій истребитель людей обложилъ ихъ воинскою повинностью. Когда никто не будетъ имѣть возможности сваливать роковой налогъ на плечи менѣе богатаго или менѣе образованнаго сосѣда, тогда и правители, опирающіеся на привилегированные классы, съ меньшею послѣдностію будутъ предпринимать далекія экспедиціи и колоніальныя приключенія, а тѣмъ болѣе большія европейскія войны. Народъ, которому, до сихъ поръ, приходилось расплачиваться за эти зловредныя фантазіи, весьма ясно сознаетъ эту истину; и вотъ почему онъ уже долгіе годы

идеть воинской равноправности, безъ которой равенство есть лишь пустое слово.

Какъ мы уже сказали, открыто и прямо отвергнуть эту реформу было невозможно, а потому прибѣгли къ извѣстному и нетрудному парламентскому способу, то-есть къ проволочкамъ. День идетъ за днемъ, часъ за часомъ.

При помощи различныхъ увертокъ, протянули время до пасхальныхъ каникулъ, не успѣвъ приступить къ обсужденію по статьямъ. Съ нѣкоторымъ стараніемъ, такимъ-же образомъ, доберутся и до лѣтнихъ каникулъ, не кончивъ дѣла. Затѣмъ наступитъ осень, а съ нею—обсужденіе бюджета. Что-же останется палатѣ? Нѣсколько мѣсяцевъ, первый семестръ 1885 года.

Тогда будетъ уже слишкомъ поздно. Если палата и вотируетъ законъ, то обсужденіе его въ сенатѣ не можетъ быть окончено ранѣе новаго законодательнаго періода, а это поставить въ необходимость начинать съизнова. Такимъ-то способомъ работаютъ парламенты. *Ab uno disce omnes*. Ибо всѣ они, за малыми различіями, походятъ одинъ на другой.

II.

Разница, если она существуетъ, заключается лишь въ постановкѣ. Парламентское тщеславіе обставлено, болѣе или менѣе, сильною агитаціей, большимъ или меньшимъ количествомъ министерскихъ кризисовъ; вотъ и все. Въ этомъ отношеніи нынѣшняя зима можетъ назваться роскошною. Всѣ, отъ мала до велика, старались разнообразить программу, по мѣрѣ средствъ.

Вчера отличалась Голландія, затѣмъ Италія, низложившая своихъ министровъ; сегодня выступаетъ Румынія, а потомъ наступитъ чередъ Гладстона. Что касается Бисмарка, то не проходитъ дня, чтобы онъ не подавалъ въ отставку.

Не имѣя возможности подробно описывать каждый изъ этихъ кризисовъ, въ виду чрезмѣрнаго обилія матеріала, мы принуждены выбирать. Одинъ изъ нихъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, по рѣдкости факта и оригинальности подробностей.

Есть-ли въ мірѣ народъ болѣе счастливый, болѣе спокойный, болѣе трудолюбивый, чѣмъ тотъ, который населяетъ оба сѣверо-европейскія государства?

Безъ сомнѣнія нѣтъ такого народа, отвѣтитъ каждый. А между тѣмъ, духъ политическихъ агитацій съумѣлъ проникнуть даже въ эти мирные края и внести въ нихъ свои опустошенія. Что-бы сказали, если-бы въ Парижѣ, этомъ очагѣ мятежей, пошла рѣчь о преданіи суду министровъ, на подобіе обыкновенныхъ

частныхъ лицъ? Европа, по всей вѣроятности, считала-бы себя накануне революціи, а Бисмаркъ взялъ-бы на себя роль Петра Пустынника новаго консервативнаго крестоваго похода. А между тѣмъ, этотъ необычайный и противорѣчій всѣмъ установленнымъ понятіямъ фактъ существуетъ, какъ вамъ извѣстно, въ настоящую минуту и мѣстомъ дѣйствія является не республиканская Франція, а именно страна, рожденная для спокойствія и счастья, страна гдѣ царствуетъ король Оскаръ.

Болѣе того, все это тянется вотъ уже цѣлый годъ; приговоры слѣдуютъ одинъ за другимъ; ни одинъ министръ не находитъ пощады у верховной юрисдикціи; и что всего страннѣе, никто за границей не обращаетъ на то особаго вниманія.

Извѣстно, что послужило поводомъ къ обвиненію. Оно основано на повторенномъ отказѣ короны санкціонировать мѣры, вогтированные тремя послѣдовательными сессіями стортинга и важнѣйшая изъ которыхъ заключалась въ организованіи министерской отвѣтственности на опредѣляющихъ ее въ конституціонныхъ странахъ основаніяхъ. Національное представительство нашло такой отказъ противнымъ конституціи.

Обвинительный актъ былъ выданъ 23-го апрѣля 1883 года. Норвежскій верховный судъ открылъ свои засѣданія 18-го мая; двадцать-восемь засѣданій, отъ 7-го августа до 18-го сентября, продолжалось судебное разбирательство; пренія начались 22-го октября.

Прежде всего разсматривалось дѣло Сельмера. Оно одно заняло 76 засѣданій. 22-го февраля началось совѣщаніе судей, а 28-го прочитаны были слѣдующія резолюціи:

1-е) Совѣтуя королю не санкціонировать и не обнародывая рѣшеній; принятыхъ стортингомъ и обязывавшихъ министровъ присутствовать на засѣданіяхъ парламента; 2-е) не привимаая въ соображеніе рѣшеній, въ силу которыхъ была-бы дарована субсидія «Центральному союзу» стрѣлковыхъ обществъ, для цѣлей вооруженія народа; 3-е) примѣняя лишь отчасти рѣшенія, касавшіяся регулированія окладовъ служащихъ при желѣзныхъ дорогахъ и учрежденія центральнаго желѣзно-дорожнаго управленія,

«Сельмеръ нарушалъ обязанности, лежащія на немъ, какъ на министрѣ и какъ на членѣ королевскаго совѣта. Верховный судъ приговариваетъ его къ увольненію и къ уплатѣ гонорара тремъ *акторамъ* (прокурорамъ), въ размѣрѣ 15,000 кронъ, кромѣ судебныхъ и другихъ издержекъ, всего въ размѣрѣ 18,225 кронъ (около 10,500 рублей)».

Извѣстіе объ этомъ приговорѣ произвело громадное впечатлѣніе въ обоихъ сѣверныхъ королевствахъ и члены радикальной

парти получили множество поздравительныхъ адресовъ. Однако, радикальная партія не осталась довольна:

«Не такой вердиктъ», говорятъ радикалы, — «внести-бы норвежскій народъ, если-бы онъ имѣлъ возможность постановить свое рѣшеніе. Сельмеръ осужденъ какъ министръ, но не какъ гражданинъ».

Само собою разумѣется, что консерваторы еще менѣе довольны. Впрочемъ, король поощряетъ ихъ протесты и не пропускаетъ случая выказывать свое неудовольствіе. Вечеромъ, того же 27-го числа, король Оскаръ, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль находившійся въ Христіаніи и слѣдившій за ходомъ процесса съ живѣйшимъ интересомъ, отправился къ Сельмеру, въ сопровожденіи королевы Софіи и наслѣднаго принца Густава, и въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ нашелъ нужнымъ выказать ему все свое благоволеніе. Затѣмъ, по возвращеніи во дворецъ, онъ увѣдомилъ высшую администрацію, что ему было-бы пріятно, если-бы чиновники сдѣлали визитъ тому, кого онъ считаетъ самымъ преданнымъ слугою своимъ. На другой день, делегаціи ото всѣхъ отраслей управленія отправились позать руку бывшему министру.

Радикальная печать строго осудила такой образъ дѣйствій, оскорбительный не только для верховскаго суда, но и для всего норвежскаго народа. Многіе сильно негодуютъ и видятъ въ немъ своего рода браваду.

Съ тревогою и нетерпѣніемъ ждали отвѣта короля, когда 11-го марта появился королевскій приказъ, объявлявшій, что Сельмеръ вышелъ изъ министерства. Документъ этотъ былъ составленъ въ самыхъ надменныхъ выраженіяхъ, но онъ все-таки успокоилъ всѣхъ, консервативныя газеты напечатали письмо короля, въ которомъ онъ выражалъ Сельмеру свою глубокую благодарность и жаловалъ ему орденъ Серафима. Не успѣвъ заставить короля рѣшиться прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, консерваторы продолжаютъ волноваться; они пытаются возбуждать общественное мнѣніе противъ стортинга и обманывать Европу относительно чувствъ, воодушевляющихъ норвежскій народъ. Они намѣреваются устроить банкетъ въ честь обвиненнаго министра и пригласить на него высшихъ должностныхъ лицъ. Въ то-же время ведется дѣятельное ходатайство предъ муниципальнымъ совѣтомъ въ Христіаніи, съ цѣлью побудить его къ дарованію титула почетнаго гражданина приговоренному министру. Сверхъ того, одельстингу представленъ протестъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «Верховный судъ не имѣтъ права лишать какого-бы то ни было изъ представителей власти должности, присвоенной ему конституціей; мы будемъ поддерживать впредь конституцію, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ и такою, какъ мы понимали ее до сего дня».

«Испанія», сказалъ Бисмаркъ въ одной изъ послѣднихъ рѣчей своихъ, «остаётся страной «Черной Руки» и пронуциamentовъ». Такое, нѣсколько неожиданное въ устахъ нѣжнаго друга, опредѣленіе должно было неприятно изумить его величество Альфонса XII. Стоило-ли съ такимъ смиреніемъ играть на руку канцлера, чтобы затѣмъ съ вами обращались такимъ нелюбезнымъ образомъ. Но если опредѣленіе не лестно, во всякомъ случаѣ, оно справедливо и три недѣли тому назадъ, намъ сообщали о только что открытомъ военномъ заговорѣ, имѣвшемъ республиканскій, даже федералистскій характеръ. По этому случаю, газета «La Ероса», изслѣдуя причины этого движенія, додумалась до обвиненія Швейцаріи, виновной, какъ извѣстно, въ томъ, что въ ней нашель убѣжище Рюисъ Зорилья. «Ероса» ошибается и приписываетъ слишкомъ широкую долю участія родинѣ Вильгельма Телля.

III.

«Въ наши годы не можетъ быть счастья», говорилъ въ старости Лудовикъ XIV. Эти годы, влекущіе за собою затмѣніе его звѣзды, повидимому, наступили для Гладстона. Для знаменитаго премьера насталь моментъ, когда успѣхъ упорно бѣжитъ отъ человѣка, что-бы тотъ ни дѣлалъ, чтобы вернуть его. Слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ простой капризъ судьбы? Это было-бы и несовременное и еще менѣе философское воззрѣніе. Въ наше время предполагается, что самыя недѣльныя вещи должны имѣтьлогическую причину, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, что эту причину всегда легко усмотрѣть.

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, это можетъ быть и не особенно трудно. Государство — тотъ-же механизмъ. Если оно не даетъ ожидаемыхъ результатовъ, причину зла слѣдуетъ искать въ немъ самомъ. Впрочемъ, министерскія газеты сами признаютъ, что не все ладно въ англійской государственной машинѣ: имъ слышится скрипъ колесъ и какой-то стукъ, заставляющій предполагать поврежденія. Да это и неминуемо такъ должно быть въ концѣ управленія, когда съ теченіемъ времени недостатки системы и ихъ послѣдствія выступили съ большею рѣзкостью и когда, вслѣдствіе большей опытности во взглядахъ на людей и вещи, накопившіяся разочарованія, порожденныя дѣйствительностью, смѣнили первоначальныя иллюзіи. Въ теченіи прошедшаго мѣсяца, прискорбные симптомы умножились и проявлялись въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. По отношенію къ большому египетскому кризису, правительство выказывало такую нерѣшительность, которая дѣлала бесполезными усилія англійскаго оружія. Въ довершеніе затрудненія, первый министръ заболѣлъ въ самую критиче-

скую минуту, представляя свой ность и роль адъютантамъ; затѣмъ парламентское большинство, отсутствуя въ минуту опасности, оставило своихъ друзей почти однихъ, предъ грозной коалиціей. Последнее обстоятельство показало, что существованіе кабинета, дѣйствительно, висѣло на волоскѣ и зависѣло отъ малѣйшей случайности. Вслѣдствіе договора, который сэръ В. Горкуръ называлъ гнуснымъ (dirty), предъ лицомъ палаты общинъ, и въ которомъ принимали участіе крайніе радикалы, парнеллисты и консерваторы, Гладстону чуть-было не пришлось въ тотъ-же день отправиться въ Виндзоръ, для врученія королевѣ прошенія объ отставкѣ. Маневръ былъ веденъ съ большою ловкостью и таинственностью. Въ порядкѣ засѣданій стояли разныя предложенія, въ томъ числѣ предложеніе Лабушера, въ которомъ заявлялось, что «палата основываясь на доставленныхъ министрами свѣдѣніяхъ, находитъ, что не было достаточной причины для пролитія крови въ Суданѣ. Это было не что иное, какъ заявленіе порицанія, въ нѣсколько коварной формѣ и предложенное, на этотъ разъ, радикаломъ. Предложеніе стояло въ самомъ концѣ очереднаго порядка и не было ни малѣйшаго шанса, чтобы успѣли приступить къ его обсужденію. Большинство не замѣтило ловушки и когда, вслѣдствіе предварительнаго уговора, консерваторы и парнеллисты поддерживали Лабушера, въ собраніи оставалось только тридцать или сорокъ сторонниковъ министерства. Министры принуждены были до послѣдней степени напрягать свои легкія, чтобы протянуть прелія до слѣдующаго дня; воскресенья, 6 часовъ утра. Такимъ способомъ дали возможность правительству пустить въ ходъ телеграфъ и собрать столько голосовъ, сколько было необходимо для того, чтобы спасти кабинетъ Гладстона отъ неминуемаго паденія.

Этотъ эпизодъ не останется одинокимъ. Можно предсказать его повтореніе и министерство вынуждено будетъ держаться постоянно на сторожѣ, въ виду противниковъ, возникающихъ на всѣхъ пунктахъ и нападающихъ на него со всѣхъ сторонъ.

Разложеніе усиливается и въ средѣ самаго кабинета. Къ числу признаковъ, обнаруживающихъ это состояніе, слѣдуетъ отнести полное отсутствіе точныхъ сообщеній не только о намѣреніяхъ правительства, но даже и о принятыхъ имъ мѣрахъ; ежедневно печатаются въ считающихся свѣдущими газетахъ извѣстія, которыя на слѣдующій-же день опровергаются другими органами, пользующимися такою-же репутаціей близости къ стоящимъ у кормила. Другимъ важнымъ признакомъ можно считать ослабленіе узъ, которыя должны существовать между администраціей и ея подчиненными. Неоднократно имѣли мы случай видѣть, что эти послѣдніе своевольно принимали мѣры отвѣтственности за которыя

предъ палатою общинъ отказывалось. затѣмъ, принимать на себя министерство.

Такъ пришлось слышать, что маркизъ Гартингтонъ выражалъ свое удивленіе по поводу словъ, произнесенныхъ Гордономъ и по поводу его поступковъ, притомъ по вопросамъ такой важности, какъ торгъ невольниками и назначеніе губернатора въ Суданъ. И въ томъ и другомъ случаѣ воля подчиненнаго, повидимому, одержала верхъ надъ волею его начальника. Позднѣе, палата узнала изъ устъ того-же оратора, что важное рѣшеніе о назначеніи награды за голову Османа Дигма, какъ за голову какого-нибудь грабителя съ большей дороги, принято было адмираломъ Геветтомъ, безъ вѣдома правительства, несмотря на то, что телеграфъ денно и ночно дѣйствуетъ между Лондономъ и Сономомъ. Военный министръ объяснялъ эту мѣру, оправдывалъ ее, и въ то-же время не одобрялъ, но и не объявлялъ, чтобы правительство ее отмѣнило.

Что думать также о правительствѣ, котореѣ отправляетъ Гордона-пашу пролагать себѣ путь къ Хартуму, цѣною величайшихъ опасностей, а затѣмъ, когда онъ достигъ мѣсто назначения, забываетъ, повидимому, объ его существованіи и заботится о немъ столько-же, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ. Такое отношеніе къ Гордону было достойнымъ завершеніемъ возстановленія торга невольниками, назначенія бывшаго торговца неграми Зебера-пашы суданскимъ губернаторомъ и распоряженія объ оцѣнкѣ головы Османа-Дигмы, послѣдовавшаго за признаніемъ Махдія султаномъ Кордофана. Съ отступленіемъ войскъ генерала Граама, Гордонъ былъ покинутъ на произволь судьбы. Слухъ о взятіи его въ плѣнъ оказался преждевременнымъ, но эта опасность должна быть признана неминуемой, такъ какъ, несмотря на побѣды при Эль-Тобѣ и Томалибѣ, Махди сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Весь край мирится съ нимъ и мятежныя племена заняли рѣку такимъ образомъ, что всякое сообщеніе, этимъ путемъ, съ Хартумомъ сдѣлалось невозможнымъ. Запертый въ укрѣпленномъ лагерѣ своемъ у Голубаго Нила, Гордонъ совершенно отрѣзанъ отъ обитаемаго міра. Предоставленный собственнымъ средствамъ, онъ истощаетъ послѣднія усилія своего изобрѣтательнаго ума, и, за неимѣніемъ арміи для подчиненія Махдія, пишетъ ему льстивыя письма и препровождаетъ къ нему посланцевъ, которымъ поручено покорить его убѣжденіемъ. Пророкъ, какъ нельзя лучше, принимаетъ посланныхъ Гордона и задаетъ для нихъ пиры, на которыхъ предоставляетъ имъ почетныя мѣста. Онъ простираетъ дружбу до того, что уплачиваетъ за нихъ путевыя издержки и оснащаетъ подарками, предназначенными для ихъ господина. Были поднесены: красный мун-

дирь, два слововыхъ вѣлка, одинъ талисманъ, четырнадцать червонцевъ Маріи Терезіи и нѣсколько меджидіевъ; наконецъ, прощаясь съ гостями, Махдїй присоединяется къ своимъ дервишамъ, чтобы молить небо о дарованіи имъ счастливаго пути.

Дружелюбіе нельзя и быть. Все это, однако-же, ни въ чемъ не измѣняетъ рѣшенія, постановленнаго пророкомъ. Рѣшено, что голова Гордона будетъ насажена на конецъ копья и ничто не въ силахъ измѣнить этого безповоротнаго приговора. Магомедъ-Ахмедъ до такой степени убѣжденъ въ этомъ, считаетъ свою добычу такою вѣрною, что и не торопится схватить ее. Вотъ почему онъ и не даетъ себѣ труда осаждать Хартумъ, который объявилъ очагомъ нечестія, обреченнымъ самимъ небомъ на роковую гибель.

Ошибочно было-бы, однако-же, вѣрить его кажущемуся бездѣйствию. Онъ понялъ, что то, что возможно было въ началѣ военныхъ дѣйствій и противъ египетскихъ легионовъ, недостаточно для веденія атаки противъ англійскихъ солдатъ. Поэтому, вотъ уже два мѣсяца, какъ онъ занимается, при помощи нѣсколькихъ офицеровъ арміи Араби, сформированіемъ прочно организованнаго экспедиціоннаго корпуса, поддерживаемаго хорошею артиллеріей и могущаго выдержать кампанію противъ регулярныхъ войскъ. Если англичане рѣшатся когда-нибудь снова перейти въ наступленіе, они встрѣтятъ серьезный отпоръ.

Въ Египтѣ, какъ и въ Суданѣ, дѣла идутъ все хуже и хуже. Открывшійся въ Каирѣ министерскій кризисъ обнажилъ, такъ сказать, всѣ затрудненія существующаго положенія. Сложный механизмъ, изобрѣтенный Гладстономъ, рѣшительно оказывается неудачнымъ. Пружины путаются одна съ другой и всѣ исправленія, которымъ ихъ подвергаютъ, не въ силахъ помочь горю. Напрасно патриотъ Шерифъ былъ замѣненъ полуевропейцамъ Нубаромъ, дѣла не пошли отъ этого успѣшнѣе. Первый удалился, чтобы не подписывать искалѣченія государства, завоеваннаго Мехметомъ-Али и Измайломъ. Второй, несмотря на всю свою гибкость, потерялъ терпѣніе и отказался продолжать сотрудничать съ младшимъ статсъ-секретаремъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Клеффордомъ Ллойдомъ. Однимъ изъ послѣднихъ дѣяній этого бывшаго ирландскаго судьи, котораго египтяне прозвали «благодѣтелемъ каторжниковъ», было освобожденіе, собственною властью, восьми ста уголовныхъ преступниковъ. Всѣ городскіе тюрьмы были очищены, по его приказу и въ видахъ экономіи, вѣроятно. Шайки бродягъ и преступниковъ всякаго рода, рассыпались по городу, къ великому ужасу жителей: ежеминутно совершаются кражи и грабежи. Въ ночь съ 31-го марта на 1-е апрѣля одна изъ такихъ

шаекъ выломала двери Меджлиса-Мегалли (зданія муниципальнаго совѣта) и похитила 40,000 франковъ, находившихся въ кассѣ. Клиффордъ-Ллойдъ не ограничился этимъ подвигомъ и распредѣленіемъ палочныхъ ударовъ людямъ, которые ему не нравились, онъ рѣшилъ, по собственному усмотрѣнію, цѣлый рядъ административныхъ вопросовъ, не сообщая о томъ президенту совѣта. Клиффордъ-Ллойдъ считаетъ себя безусловнымъ властителемъ Египта и поступаетъ согласно съ этимъ убѣжденіемъ. Должно полагать, что положеніе вещей сдѣлалось дѣйствительно невыносимымъ, если армянинъ Нубаръ не нашелъ возможности оставаться на своемъ посту. Самый покорный человекъ, въ концѣ-концовъ, возмущился-бы, видя, что ежеминутно бросается на чашку вѣсовъ чужеземная воля, причемъ не считается нужною отвѣтственность, которую, по справедливости, долженъ нести тотъ, кто повелѣваетъ.

Только энергическое рѣшеніе кабинета могло-бы положить конецъ неурядицѣ, но такого рѣшенія, повидимому, ждать нельзя. Гладстонъ не желаетъ ни выпустить изъ рукъ кормила правленія, ни энергически взять его въ руки; онъ не хочетъ ни провозглашать автономіи Египта, ни согласиться на протекторатъ. Чѣмъ объяснить такія колебанія? Слабость-ли тому причиною или неизбѣжность? Правительство заявляло въ палатѣ о существованіи важнаго документа, доказывающаго, что министерство не было свободно въ этомъ дѣлѣ, что оно принуждено было поддерживать правительство Тевфика-паши; оно прибавило, что документъ хранится въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и будетъ сообщенъ парламенту, если на то согласится Египетъ и Франція. Борь, исполнявшій, при прежнемъ правительствѣ, обязанности младшаго статсъ-секретаря въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, немедленно поднялся съ своего мѣста и объявилъ, что ни онъ, ни его товарищи ничего не имѣютъ противъ сообщенія документа. Рѣчь идетъ о документѣ, подписанномъ кабинетомъ Виконсфильда, быть можетъ о томъ самомъ, на который нерѣдко ссылались во время тунисскаго дѣла и который относится ко времени присоединенія о. Кипра. Было-бы крайне удивительно, если-бы нынѣшнее министерство согласилось оставаться со связанными руками въ силу обязательства, принятаго на себя его предшественникомъ. Дипломатія никогда не затруднялась развязываніемъ узъ этого рода и уваженіе къ нимъ зависитъ обыкновенно лишь отъ степени получаемой отъ нихъ выгоды.

Среди такихъ-то возрастающихъ затрудненій, поднять былъ въ палатѣ вопросъ о возможности распущенія и обращенія къ избирателямъ. По правдѣ сказать, трудно было-бы выбрать для такого вопроса менѣе удобный моментъ.

Возможно-ли надѣяться на успѣшное веденіе египетскихъ и суданскихъ дѣлъ министрами, готовыми покинуть свои посты и озабоченными своимъ собственнымъ переизбраніемъ. Если слово распушеніе провознесено было сэромъ Чарльзомъ Дилькомъ съ парламентской трибуны, то это значитъ, что въ правительственныхъ сферахъ чувствуется абсолютная невозможность идти далѣе при существующихъ условіяхъ и неотложная необходимость какого-бы то ни было рѣшенія. Распушеніе парламента можетъ считаться такимъ рѣшеніемъ и, повидимому, его предпочитаютъ крушенію министерства, сдѣлавшемуся неизбежнымъ.

Вопросъ въ томъ, въ чью пользу повернутся новые выборы. Когда разлагается правительство и вмѣстѣ съ нимъ и его парламентское большинство, трудно предположить, чтобы это не отразилось и на массѣ партіи, которая, въ свою очередь, должна испытать распаденіе. Общественное мнѣніе колеблется, въ немъ замѣчается разногласіе, а вскорѣ и недовольство. Все это проявляется во время частныхъ выборовъ; партія испытываетъ первыя пораженія и противное теченіе обрисовывается яснѣе. Незамѣтно страна, поддаваясь вліянію этихъ предварительныхъ голосованій, обращается въ сторону успѣха; оппозиція заявляетъ о себѣ ежедневно все съ большею и большею энергіей и силой и, наконецъ, наступаетъ канунъ большаго парламентскаго превращенія, зрѣлище котораго Великобританія даетъ, нѣкоторымъ образомъ, періодически.

Въ предостерегающихъ признакахъ подобнаго кризиса нѣтъ недостатка. Мы имѣли случай видѣть, какъ бывший либераль Марриоттъ, перешедшій въ консервативный лагерь, былъ вторично избранъ въ Брайтонѣ, несмотря на вмѣшательство министра почтъ; на недавнихъ выборахъ въ Кэмбраджшейрѣ, другой консерваторъ, Торнгилль, овладѣлъ мѣстомъ, которое занималъ Брандъ, бывший либеральный спикеръ. Этотъ неожиданный результатъ произвелъ въ политическихъ кругахъ весьма сильное впечатлѣніе. Полныя надежды торіи успѣшили поднять перчатку, брошенную Дилькомъ, и маркизъ Салисбюри заключилъ свою истинно-министерскую рѣчь, совѣтуя «обращеніе къ народу». Изъ этого можно заключить, что распушеніе вполне отвѣчаетъ желанію консервативной партіи.

IV.

Тѣмъ временемъ Гладстонъ снова появился въ палатѣ общинъ. Несмотря на то, что здоровье его не вполне поправилось, онъ снова занялъ свою боевую позицію и по энергіи наносимыхъ имъ

ударомъ претивники не замедлили убѣдиться, что болѣзнь не ослабила его ораторской доблести. Возвращеніе на политическую сцену ознаменовалось длинною и блестящею рѣчью о египетскихъ дѣлахъ. Улучшенія или даже разъясненія для ежедневно усложняющагося запутаннаго положенія не послѣдовало, но присутствіе великаго оратора оживило мужество его сторонниковъ и слишкомъ долго молчавшій голосъ его вернулъ ихъ подъ знамена либеральной партіи, которую начинали уже покидать. Разсчитываютъ также, что впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ, скорѣе ораторскимъ, чѣмъ политическимъ, распространится по странѣ, а для содѣйствія рѣшено было отпечатать и разослать рѣчь Гладстона въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ.

Усибютъ ли задержать неблагопріятныя теченія, существованіе которыхъ обнаружено было частными выборами? Предвидѣть это, конечно, трудно. По крайней мѣрѣ, либералы рѣшили воспользоваться остающимся имъ временемъ для совершенія великихъ преобразованій, вписанныхъ въ ихъ программу, чтобы имѣть возможность сказать своимъ избирателямъ, когда придется къ нимъ снова обратиться, что обязательства, принятыя по отношенію къ нимъ, нарушены не были. Въ числѣ самыхъ неотложныхъ реформъ, безспорно, на первомъ мѣстѣ стоятъ избирательная и муниципальная. Прежде всего, скажемъ слово объ этой послѣдней, о «London municipal bill'ѣ».

Въ настоящее время, въ Англіи немного городовъ, въ которыхъ муниципальный совѣтъ не подвергался спеціальнымъ преобразованіямъ. Такіе города или имѣютъ незначительное населеніе, или лишены торговаго значенія. Исключеніемъ является одинъ городъ, а именно Лондонъ. Вопреки громадныхъ интересовъ въ немъ сосредоточенныхъ, столица безъ всякой ясно опредѣленной причины была исключена изъ великихъ реформъ, введенныхъ въ городское управленіе крупныхъ англійскихъ центровъ. Когда во-тированъ былъ законъ, дававшій жителямъ различныхъ городовъ право выбирать членовъ своихъ муниципальных совѣтовъ, на городъ Лондонъ (именно *городъ*, а не *City*, то-есть старую его часть) не было распространено это право. Въ настоящее время положеніе вещей слѣдующее:

Лондонскій муниципальный совѣтъ, президентомъ котораго состоитъ лордъ-мэръ, распространяетъ свою юрисдикцію на пространство, равняющееся одной квадратной милѣ, по большей мѣрѣ, то-есть только на 50,000 жителей. Собственно-же Лондонъ имѣетъ центромъ Charing Cross и раіонъ его доходитъ до 15 миль, раіонъ, на который распространяется непосредственный надзоръ столичной полиціи. На этой обширной территоріи находится мно-

жество округовъ, имѣющихъ каждый свое мѣстное правительство, вполнѣ независимое, то-есть не обязанное никому давать отчета въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Легко понять, что подобная организація можетъ произвести лишь неслыханную путаницу. Виль сэра Вилльяма Гаркура предлагаетъ распространить на всю столицу юридическую власть муниципальнаго совѣта. Онъ предлагаетъ:...

Чтобы каждый округъ имѣлъ, какъ-то было до сихъ поръ, свой мѣстный муниципальный совѣтъ, функціи котораго будутъ чисто административныя, а не законодательныя, какъ прежде, то-есть мѣстныя дѣла котораго будутъ подчинены управленію центральнаго совѣта. Этимъ центральнымъ совѣтомъ будетъ лондонскій муниципальный совѣтъ. Онъ долженъ состоять изъ членовъ, выбранныхъ каждымъ мѣстнымъ совѣтомъ, сообразно съ цифрою населенія. Старый городъ, однако-же, City, въ виду его богатства и интересовъ, имъ представляемыхъ, будетъ имѣть право на 80 представителей. Общее число совѣтниковъ будетъ доходить съ 240.

Перехожу къ другому биллю, касающемуся «измѣненія закона о народномъ представительствѣ въ Соединенномъ Королевствѣ». Онъ несравненно важнѣе перваго и потому что распространяется на все королевство, и потому что составляетъ безпримѣрную въ исторіи страны демократическую реформу. Предъидущіе билли дѣйствовали, такъ сказать, гомеопатическими дозами. Они давали права голоса стамъ, тремъ стамъ гражданъ, не болѣе. Нынѣшній, Gladstonovskій дѣйствительно радикальный законопроектъ однимъ почеркомъ пера даруетъ избирательное право двумъ милліонамъ гражданъ.

Въ настоящее время, круглымъ числомъ, англійскій избирательный корпусъ включаетъ три милліона вотирующихъ. Въ тотъ день, когда учреждена будетъ всеобщая подача голосовъ, все-таки не наберется болѣе 6 или 7 милліоновъ избирателей. Изъ этого можно видѣть, насколько важно это увеличеніе ихъ числа разомъ на два милліона.

Я не стану передавать текста новаго билля, по причинѣ его непомернаго объема. Подобно всѣмъ законопроектамъ, выработаннымъ англійскими законниками, текстъ этотъ запутанъ, теменъ и до крайности многословенъ. Онъ заключаетъ шесть листовъ той мелкой печати, которая имѣетъ свойство приводить въ отчаяніе читателей англійскихъ газетъ. Весь онъ могъ-бы умѣститься въ пятидесяти строкахъ.

Gladstonъ пожелалъ самъ предположить билль и выполнялъ это въ блестящей рѣчи, одной изъ самыхъ замѣчательныхъ, когда-либо имъ произнесенныхъ. Предварительныя пренія заняли цѣлыя два засѣданія и уже съ этой минуты можно было составить себѣ

понятіе объ упорствѣ и энергіи оппозиціи, которую встрѣтили проектъ въ средѣ какъ виговъ либеральной партіи, такъ и консерваторовъ. Для тѣхъ и для другихъ это есть погруженіе въ неизвѣстное, изъ котораго никто не увѣренъ, что успѣетъ выйти съ сохраненіемъ неприкосновенности своего мѣста.

Новый законъ наноситъ ударъ не только торіямъ, но и аристократическимъ либераламъ. Они ясно видятъ, что преобладанію земельной аристократіи въ селахъ будетъ положенъ конецъ. Другою не менѣе серьезною причиною оппозиціи является распространеніе реформы и на Ирландію. Этого было слишкомъ достаточно для возбужденія неудовольствія и оно вспыхнуло съ самаго начала. Предложеніе законопроекта, обыкновенно, есть чисто-формальная процедура. На этотъ разъ оно приняло форму самыхъ серьезныхъ и торжественныхъ преній.

Что касается Гладстона, то дѣло его можетъ повернуться или за, или противъ него. Но какая-бы участь ни постигла его власть слава его отъ того не пострадаетъ. Министерства и люди проходятъ, но дѣла остаются. Если избирательному биллю удастся быть занесеннымъ въ англійскій statute book (а онъ уже только что прошелъ во второмъ чтеніи), то каковой-бы критикѣ не подверглась политическая дѣятельность Гладстона, потомство забудетъ его ошибки и будетъ помнить лишь о томъ, что имя его связано съ одною изъ величайшихъ реформъ Соединеннаго Королевства.

V.

Мы приберегли германскій парламентъ на закуску. Онъ этого вполне заслуживаетъ. Дѣло въ томъ, что ни одна сессія не открывалась съ большимъ блескомъ и большею оригинальностью. Началось, разумѣется, тронною рѣчью, на этотъ разъ представлявшей особый интересъ.

Императоръ, чрезъ посредство министра своего Беттихера, объявилъ, что дѣятельность депутатовъ въ предстоящую сессію должна быть направлена преимущественно къ обсужденію проектовъ, касающихся социальныхъ вопросовъ. Въ настоящее время, по его мнѣнію нѣтъ болѣе важнаго вопроса и онъ принимаетъ къ сердцу улучшеніе положенія рабочаго класса. Въ числѣ предложенныхъ законопроектовъ, находятся тѣ, о которыхъ я уже сообщалъ въ свое время читателямъ: проектъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и проектъ страхованія въ случаяхъ болѣзни и старости. Благодаря этимъ двумъ законамъ, правительство надѣется, что революціи будутъ навѣки предотвращены и что ра-

бочіе, къ какой-бы школѣ они ни принадлежали, положить оружіе, за неимѣніемъ недовольныхъ, которыхъ могли-бы завербовать въ свои ряды.

Таково въ короткихъ словахъ содержаніе этого важнаго документа.

Бисмаркъ не присутствовалъ при открытіи парламента, но онъ не могъ не явиться для отстаиванія проектовъ, отцемъ которыхъ его можно назвать. Онъ явился въ рейхстагъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ говоритъ, лицо разгнѣваннаго жанцлера принимало все болѣе и болѣе багровый оттѣнокъ. Морщины, прорытыя болѣзнью и старостью на его утомленномъ и похуѣвшемъ лицѣ, выступали еще рѣзче.

Не успѣлъ онъ успокоится, какъ открылись пренія, по поводу проекта страхованія рабочихъ. По этому случаю онъ продолжалъ высказывать неприятыя истины противникамъ, и въ особенности новой либеральной партіи. «Нѣтъ слова», сказалъ онъ «которымъ-бы такъ много злоупотребляли, какъ словомъ свобода. По правдѣ сказать, свобода есть не что иное какъ власть. Свобода церкви означаетъ господство духовенства, а свобода печати—господство нѣсколькихъ газетъ. Когда какая-нибудь партія называетъ себя либеральною, она этимъ желаетъ внушать, что другія не либеральны; не лучше-ли было-бы создать партію честныхъ людей.» «Въ сущности», прибавилъ онъ, посреди всеобщей веселости, «слово» либераль не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго довѣрія. Вообще, по его мнѣнію, время политическихъ партій и программъ миновало, или по крайней мѣрѣ имъ приходитъ конецъ. Избирательные корпуса выказываютъ все болѣе и болѣе опредѣляющуюся склонность исключительно къ «политикѣ интересовъ». Политическія партіи скоро исчезнутъ и превратятся въ партіи экономическія съ программами въ этомъ смыслѣ составленными и люди будутъ группироваться на экономической почвѣ, такъ, что представителями ихъ будутъ только лица, отстаивающіе ихъ интересы.

Жинкѣ.

ГОДОВЫЕ ИТОГИ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ.

Двѣнадцатая передвижная выставка картинъ Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ.

(Посвящается И. И. Крампу).

Выставленіе художественныхъ произведеній, представляющія наглядную общую картину того, что произвело за годъ искусство известной націи, даютъ прекрасный матеріалъ для сужденій о годовомъ результатѣ художественныхъ работъ всѣмъ интересующимся судьбами національнаго творчества. Въ то время, какъ произведенія литературы, помѣщаемыя обыкновенно въ журналахъ, читаются, такъ сказать, въ разбродъ, подъ разными настроеніями,—иногда наскоро, между дѣломъ; наконецъ, многія изъ нихъ можно просто пропустить или отложить до болѣе свободнаго времени, на выставкѣ;—напротивъ, передъ вами сразу цѣлая галерея всего того, что произведено за цѣлый годъ художниками, людьми, специально посвятившими себя только искусству. Здѣсь передъ вами въ нѣсколькихъ залахъ все, что ихъ интересовало, останавливало ихъ вниманіе, все, что ихъ волновало и мучило, что создалось въ тиши свободной творческой работы. Выставка—это, нѣкоторымъ образомъ, экзаменъ, годовой отчетъ художественныхъ работъ націи въ цѣлой области искусства. И тѣмъ болѣе интересна выставка *передвижная*, что она, такъ сказать, по преимуществу *демократическая, свободная*, гдѣ не стѣсняются экспоненты никакимъ пристрастнымъ рутиннымъ давленіемъ классической официальной Академіи. Выборъ картинъ, приемъ ихъ, производится на передвижной выставкѣ своимъ собственнымъ журу изъ лучшихъ нашихъ художниковъ, гг. Крамскаго, Рѣпина, Шишкина, Маковскихъ, Прянишникова, Барона М. П. Клодта, В. М. Максимова, Лемоха, Кузнецова и др. Кромѣ того, выставка эта существуетъ не для одного только Петербурга, какъ академическая,—она ѣдетъ по всей Россіи, съ цѣлью показать всей странѣ годовые результаты графическаго русскаго творчества, и, вонечно, не со стороны

одной только техники, но и въ отношеніи того, чтобы показать, какіе образы, какое жизненное содержаніе изъ настоящаго историческаго момента остановило вниманіе художниковъ, и какъ освѣтили эти художники эти образы, это содержаніе, силою своей творческой мысли.

Выставка, конечно, предназначается не для однихъ специалистовъ, могущихъ оцѣнить и смаковать перспективу, игру красокъ и тѣней, воздухъ, свѣтъ, или самый рисунокъ, т. е. технику дѣла;—выставка устраивается для нѣсколькихъ десятковъ, а то и сотенъ тысячъ, публики. Эта публика, разнообразная по своему развитію, образованію, вкусамъ, само собою, требуетъ отъ художника прежде всего умѣнья рисовать на столько, чтобы недостатки рисунка, эффектовъ свѣтовыхъ, цвѣтовыхъ и перспективныхъ не поражали неестественностью глаза обыкновеннаго зрителя; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта публика требуетъ отъ картинъ и извѣстныхъ впечатлѣній, настроеній, мыслей, которыя эти картины могли-бы въ ней возбудить. Если-бы эта публика знала, что господа художники преподносятъ ей одни только красивые чертежи, рисунки и прочія техническія тонкости, она на выставкѣ и не шла-бы, такъ какъ масса техники не понимаетъ, да и мало ею интересуется. И въ самомъ дѣлѣ, у какихъ картинъ всего болѣе останавливается на выставкахъ народъ?—у нѣкоторыхъ, наиболѣе прекрасныхъ, пейзажей, а всего чаще—у картинъ жанровыхъ, или историческихъ, которыя заставляютъ публику мыслить, чувствовать, возбуждаютъ толки и споры.

Посмотримъ-же на настоящую выставку, когда она уже для Петербурга закрылась, и поѣхала далѣе, по Россіи, глазами не специалиста (допустимъ, что, въ смыслѣ *техники*, она прекрасна), а публики.—глазами обыкновеннаго зрителя, который ищетъ въ живописи извѣстныхъ настроеній, мысли, содержанія, осмысленныхъ картинъ дѣйствительной жизни современной, или исторической. Что даетъ настоящая выставка именно съ этой, такъ сказать, общественной, общечеловѣческой, или національной, культурной, стороны?

Прежде всего нужно сказать, что выставка поражаетъ какою-то общою неопредѣленностью, безцвѣтностью, случайностью въ выборѣ сюжетовъ, какою-то посредственностью... Все, или почти все, такъ блѣдно, такъ какъ-то безжизненно, сухо, апатично, такъ сказать, объективно, пусто и плоско; такъ мало видно не только вдохновенной творческой работы, но даже, просто, мысли, чувства, которыя влагались-бы художниками въ ихъ произведенія. Точно эти произведенія не любимыя дѣтища своихъ отцовъ, а какіе-то предметы заказнаго аккуратнаго производства, ремесла,

заказа, рассчитывающіе на сбытъ.. Почти нигдѣ не видно—серьезнаго изученія жизни человѣка современнаго, и вовсе нѣтъ картинъ историческихъ, за исключеніемъ *единственной*, мало понятной картины Г. Неврева *Невѣста Михаила Федоровича Марья Ивановна Хлопова* (царскій врачъ Вильсъ, пожилой мужчина въ иностранномъ платьѣ, щупаетъ пульсъ недурненькой полной дѣвушки, а остальные лица, женщины и мужчины, въ русскомъ платьѣ, на это смотрятъ), да, пожалуй, еще недурнаго историческаго бытоваго жанра Г. Лебедева *Боярская свадьба* (родители ведутъ въ опочивальню почти мальчишка съ идіотскимъ лицомъ—жениха и довольно безцвѣтную, точно испуганную, невѣсту). Все пейзажи да пейзажи (ихъ болѣе всего), глѣблая масса портретовъ, много картинъ совсѣмъ странныхъ, надъ которыми стоишь, и рѣшительно недоумѣваетъ, зачѣмъ онѣ и для кого писаны, и только не болѣе семи, восьми картинъ, заставляющихъ задуматься. И какіе-же это печальные, безотрадныя сюжеты.... Однимъ еще явленіемъ поражаетъ эта выставка:—гдѣтъ на ней ни одной картинки съ поползновеніемъ на порнографическій сюжетъ, ни одной купающейся немцы; даже гдѣтъ вовсе портретовъ красавицъ съ соблазнительными декольта... Очень чистенькая, приличная эта выставка, по крайней мѣрѣ, куда приличнѣе дѣйствительной жизни, гдѣ царитъ великопостная оперетка кафе-шантаны и адюльтеры и литература во вкусѣ «Шура» и «Стрекозы». Нужно отдать справедливость гг. экспонентамъ настоящей передвижной выставки:—они народъ очень цѣломудренный...

Отъ общаго впечатлѣнія, производимаго выставкой, перейдемъ къ болѣе подробному ея разсмотрѣнію.

Изъ всѣхъ 138 номеровъ на долю пейзажа приходится болѣе пятидесяти, т. е. болѣе трети общаго числа картинъ. Пейзажей не мало выставялось и прежде,—теперь ихъ особенно много, болѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ родовъ живописи. И такое явленіе до нѣкоторой степени понятно. Пейзажъ, особенно *натуралистическій*, т. е. въ смыслѣ буквальной копировки природы, безъ малѣйшей примѣси творчества, и даже не особенно безпокоясь о выборѣ сюжета, прежде всего написать гораздо легче, чѣмъ картину жанровую или историческую, гдѣ глубокое изученіе жизни и творчество необходимы. Владѣй только техникой живописи, имѣй чуткость неувидимыхъ для простаго глаза тоновъ свѣта и тѣни,—и дѣло въ шляпѣ. Не надо тутъ и мыслить, пиши прямо съ природы все, что попадется на глаза: лужу увидѣлъ—и лужу пиши (Лужа, Мясоѣдова), лѣсокъ, такъ лѣсокъ (Лѣсокъ, Лагоды), прудикъ въ окрестностяхъ Москвы (Маковская), пиши и его—словомъ, что придется,—все-таки природа. Пей-

зажъ не будить жгучихъ вопросовъ, вызываемыхъ скорбными или отвратительными явленіями жизни, не поселяетъ превратныхъ толкованій и предосудительныхъ мыслей, не волнуется и не мучитъ сердце, подобно картинамъ, въ родѣ *Бурлакова* Рѣпина, или *Послѣдняя весна*, Клодта, *Раздѣлъ*; Максимова, и т. п. Пейзажъ дѣло невинное, безобидное, пріятное, какъ музыкальное изящное стихотвореніе талантливаго эпикурейца-поэта, витающаго въ области чистой красоты. А кромя того, хорошій пейзажъ скорѣе, поворачивать, и раскупается, такъ какъ многимъ-ли достаточнымъ или, вѣрнѣе, богатымъ людямъ (а такіе только и могутъ приобретать дорогіе пейзажи) охота украшать квартиру серьезными, особенно печальными, изображеніями наводящей на грустныя мысли дѣйствительности? Прекрасные пейзажи (а такихъ много на выставкѣ, напр. *Лѣсная дали* И. И. Шишкина, *Послѣдній листъ*, его-же, *Лесокъ*, Лагоды, *Кленовая аллея*—осень, Полѣнова, *Въ ночное* Волкова, *Октябрь*, его-же) успокаиваютъ наболѣвшую отъ заботъ трудной жизни душу на лонѣ природы. Пейзажъ—это своего рода убажывающая лирика мечтаній, какова, наприимѣръ, лирика Жуковскаго. Пейзажная живопись даже еще ближе, чѣмъ съ лирикой, граничитъ съ музыкой. Какъ и музыка, она не даетъ никакой опредѣленной, формулирующейся въ словахъ, мысли; какъ и музыка, пейзажъ возбуждаетъ только извѣстныя настроенія, мечты, сообразно индивидуальности каждаго. Такъ отрадно, подчасъ, уйти отъ житейской пошлости и прозы, на лono природы, въ поле, въ лѣсъ, въ деревенскую глушь, посидѣть на берегу рѣки или моря, взобраться на холмъ, или на вершину высокой горы—и наслаждаться природой полной душой, даже безъ опредѣленной мысли, уносясь, Богъ знаетъ, куда, на крыльяхъ пріятной грезы! Именно такихъ-то, успокоительныхъ, убажывающихъ пейзажей и много на выставкѣ.

Посмотрѣть на такого рода картины—это, до нѣкоторой степени, тоже, что уѣхать лѣтомъ изъ душнаго города куда-нибудь подальше въ глушь, чтобы забыться хоть на время. Оттого-то хорошо эти пейзажи и раскупаются, и винить-ли слишкомъ строго тѣхъ счастливицевъ, кто, имѣя средства, уѣзжаетъ на лѣто любоваться швейцарскими горами, видами Кавказа или Волги, наконецъ, просто заберется куда-нибудь на дачу и займется съ увлеченіемъ рыбной ловлей, какъ нашъ поэтъ А. Н. Майковъ (что за прелесть его картина-портретъ, художественно воспроизведенный И. Н. Крамскимъ), или охотой (*Охотникъ*, Прянишникова)? Благо счастливымъ, могущимъ не только уѣзжать на лono природы, но даже и покупать хорошіе пейзажи, которые и въ городѣ могутъ до нѣкоторой степени напоминать высокія эстетическія впечатлѣ-

нія отъ природы. Бываютъ эпохи, когда не только живопись, но даже и литература, становится до нѣкоторой степени *пейзажною*. Какія своего рода прелестныя вещи Буколики и Георгики Виргилія, и какимъ живымъ чувствомъ любви къ природѣ проникнуты описанія удовольствій сельской жизни у Горация! Благо имъ, что Августъ и Меценатъ даровали имъ средства забывать въ ихъ роскошныхъ виллахъ о развратномъ ювеналовскомъ Римѣ...

Легче, въ смыслѣ творчества, писать и портреты,—и на нихъ есть сбытъ. Этихъ портретовъ на выставкѣ изъ 138 номеровъ двадцать шесть, и они, въ общемъ, показываютъ, что художники наши портретисты отличные. За исключеніемъ портрета Тургенева, котъ и работы И. Е. Рѣпина, но мало передающаго черты покойнаго, графъ Л. Толстой (Н. Н. Ге), Г. И. Успенскій (Ярошенко), покойный академикъ Савичъ (Воброва), А. Н. Майковъ, съ увлеченіемъ удащій рыбу среди веселенькаго пейзажа (Крамскаго), Стрелегова (Ярошенко), Антокольскій (Васнецова), Крамской (Рѣпина)—смотреть съ полотна совсѣмъ живыми, и нельзя не порадоваться, что черты высокоталантливыхъ нашихъ современниковъ, благодаря вѣсти лучшихъ художниковъ, сохранятся въ потомствѣ, хотя, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и того явленія нынѣшней выставки, что такія лица, какъ Крамской, Ярошенко, Васнецовъ, Ге, или исключительно, или по преимуществу, занялись, вмѣсто жанра и исторической живописи, портретами и пейзажами. Но какое дѣло публикѣ до изображеній, хотя-бы и очень хорошо сдѣланныхъ, всякихъ господъ и госпожъ ***, В., Вѣрушки Мамонтовой, П. П. Демидова князя Санъ-Донато, его дѣтей, Гордѣенко, Денъера, Чельшева, Моласъ и др. Конечно, художникамъ нужно тоже чѣмъ-нибудь жить, и потому исполнять хорошо оплачиваемые заказы, но, право, какъ-то грустно прилагать подобный резонъ къ такимъ талантамъ, какъ Крамской, Рѣпинъ, Ярошенко, Мясоѣдовъ, Кузнецовъ, Харламовъ...

Отъ пейзажей, которые все-таки даютъ зрителю извѣстное музыкально-идиллическое настроеніе, отъ портретовъ отечественныхъ знаменитостей, или хоть простыхъ смертныхъ, заплатившихъ художникамъ за свои фізіономіи хорошія деньги, перейдемъ къ картинкамъ, такъ сказать, *увеселительнымъ*. Такихъ миленькихъ вещицъ, свидѣтельствующихъ о веселомъ, или, во всякомъ случаѣ, пріятномъ, расположеніи духа многихъ нашихъ художниковъ, весьма не мало. Вотъ, напримѣръ, *Дворикъ* г. Святославскаго, съ курами, цѣтучкомъ, корытомъ и просушивающимся платкомъ, а тамъ еще цѣлыхъ два *Дворика*—оба г. Лемоха, да еще *Задворки*, Киселева; вотъ миленькій *Прудикъ въ окрестностяхъ Москвы*, г-жи Маковской, *Лысокъ*, Лагоды, *Болото*, Волкова, а вотъ и цѣлая *Лужа*,

Мясоѣдова (!), а тамъ *Дѣвочка съ котенкомъ* и *Дѣвочка въ цвѣтахъ* (обѣ того-же г. Лемоха), а то еще есть дѣвочки и съ ягодами, и *Дорожки*,—наконецъ, есть даже цѣлыхъ два прелестнѣйшихъ букета цвѣтовъ (такъ таки просто букеты, и больше ничего, написанные самимъ г. Крамскимъ). Не менѣе увеселительны и такія миленькія картиночки, какъ напримѣръ г. Быкодорова *По призыву матери* (сидитъ въ богатой комнатѣ красивая молодая мамаша и шьетъ, а на полу маленькій сынъ вьзядъ какой-то доскутъ, и тоже пробуетъ шить), или *Старый помѣщикъ*, Кузнецова (въ хорошій лѣтній день вышелъ изъ барскаго дома толстый помѣщикъ, повидимому, изъ военныхъ, руки въ кармакъ, и гуляетъ, а тутъ въ сторонкѣ собаки играютъ;—ужасно емѣшной помѣщикъ); а то еще хорошая вещичка—*Въ передней*, В. Е. Маковского: старый чиновникъ въ вицмундирѣ сладко ухмыляется на снявшую съ него шубу хорошенькую горничную.

Но въ этихъ картинкахъ, по крайней мѣрѣ, увеселительность есть, и у кого на душѣ весело, тотъ ими и полюбуется, и, кромѣ указанныхъ, найдетъ въ томъ-же родѣ еще нѣсколько подобныхъ сюжетцевъ, а что сказать, напримѣръ, о такихъ непостижимыхъ сюжетахъ, вдохновившихъ художниковъ: *Палуба фрегата Свѣтлана*, Беггрова, *Иллюминація*, Н. Е. Маковского, *Храмъ Юпитера въ Баальбекѣ*, Полѣнова, *Паперть храма Господня*, его-же, *Благовѣщенскій соборъ*, Н. Е. Маковского, цѣлыхъ двадцать три алжирскихъ этюда, Брюлова, или хотъ о *Музеѣ изящныхъ искусствъ при харьковскомъ университетѣ*, Бородаевского? Неужели это искусство, а не ремесло, самое безплодное, бесполезное, копировка ни для кого ненужная, вполнѣ замѣняемая фотографіей? Неужели у авторовъ этихъ картинъ, на которыя потрачено все-таки не мало времени, за цѣлый годъ, въ который готовились они предстать на судъ всей Россіи съ результатами своей творческой дѣятельности, ни разу не мелькнула въ головѣ мысль: зачѣмъ-же и для кого они трудятся, что вносятъ въ сокровищницу родного искусства?

Но намъ возразятъ, можетъ быть, что мы слишкомъ требовательны, претендательны, что мы насилуемъ свободу художниковъ, требуемъ отъ нихъ тенденціозности, гражданскихъ сюжетовъ, надѣвшихъ достаточно и въ литературѣ. На это мы позволили-бы себѣ привести, часто забываемыя нынѣ, въ наше плоское, безидейное время, слѣдующія слова покойнаго Добролюбова. «Искусство должно быть чуждо, такъ называемой, тенденціозности, т. е. видимой, замѣтной, бьющей въ глаза поучительности. Но тѣмъ не менѣе, произведеніе искусства должно имѣть разумное содержаніе, имѣть историческую и философскую связь съ современною

художнику жизнью, т. е. выражать интересы, духъ и стремленія своей страны, душевныя мысли, которыми она проникнута. Съ такимъ служеніемъ современности легко согласуется и самая свобода творчества. Для этого не нужно принуждать себя творить на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть сыномъ своей родины, своей эпохи, усвоить себѣ ея интересы, слить свои стремленія съ ея стремленіями; для этого нужны: симпатія, любовь, здоровое практическое пониманіе чувства истины, которое не отдѣляетъ художественное произведеніе отъ жизни. Если же въ произведеніи будетъ разумное содержаніе, то оно будетъ доставлять не одно только наслажденіе, но и пользу, въ смыслѣ уясненія нашей жизни. И чѣмъ горячѣ художникъ сочувствуетъ человѣчеству, своей современности, родинѣ, тѣмъ болѣе это сочувствіе передается и намъ».

Вотъ этого-то сочувствія, этого-то нагляднаго уясненія жизни нашей, національной, или общечеловѣческой, этого-то присутствія мысли, озаряющей дѣйствительность, и требуемъ мы отъ художника, — будь онъ литераторъ, или живописецъ. Искусство—не красивые пустыя, ласкающіе воображеніе или глазъ; — мы выросли уже настолько, что не удовлетворяемся одной только красотой. Искусство—великое, серьезное дѣло, стоящее рядомъ съ другой громадной силой—наукой, и должно путемъ наслажденія будить нашу мысль и чувство, наполнять нашу пустоту, наглядно рѣшать наши недоумѣнія и возвышать насъ нравственно и умственно, и только тогда искусство можетъ серьезно интересовать публику. Художникъ долженъ помнить, что онъ, по своему таланту, рѣдкій избранникъ природы, и чѣмъ больше ему дано, тѣмъ больше съ него требуется; что если онъ, «какъ рабъ лѣнивый и лукавый», зароетъ свой талантъ въ землю и, какъ лермонтовскій поэтъ, «на злато промѣняетъ ту власть, которой свѣтъ внималъ въ нѣмомъ благоговѣннѣ»—не заслужитъ художнику не только отъ потомства, но и отъ современниковъ, не говоря уже о признательности, не даже и вниманія. И такое серьезное отношеніе художника къ своему дѣлу тѣмъ важнѣе именно въ настоящее время, и именно у насъ въ Россіи, что мы живемъ слишкомъ пусто и легкомысленно, безъ оглядки на прошлое, безъ критики настоящаго и безъ попытокъ взглянуть впередъ. Оттого-то такъ больно и досадно видѣть цѣлую галерею кропотливыхъ годовыхъ работъ талантливыхъ, а то и высоко талантливыхъ, людей, призванныхъ быть вождями и глашатаями нашей мысли,—видѣть, и не находить почти ничего, надъ чѣмъ можно было-бы серьезно задуматься.

Но неужели вся настоящая выставка такъ и не представляетъ

ровно ничего выдающегося, такъ сказать, съ общественной точки зрѣнія? Къ сожалѣнію, почти такъ, за очень малыми исключеніями. Такими исключеніями, и то весьма различныхъ достоинствъ, признали-бы мы всего только восемь картинъ, у которыхъ, по преимуществу, и останавливалась подолгу публики, нерѣдко громоко разговаривавшая и спорившая о сюжетахъ. Это *Причины незнати*, Ярошенко, *Слѣпой хозяинъ* и *Утро вдовца*, В. Максимова, *Отъездъ*, Ярошенко, *У большого товарища*, экспонента Костанди, *Не ждали*, Рѣпина, *Неутѣшное горе*, Крамского и, наконецъ, *Сестры милосердія*, М. П. Клодта. Объ этихъ-то картинахъ скажемъ поподробнѣе, потому что здѣсь есть о чемъ говорить.

Начнемъ съ картинъ В. М. Максимова. Художникъ этотъ, уже много лѣтъ подвизающійся на поприщѣ живописи, совершенно справедливо стяжалъ себѣ почтенное имя художника-народника, глубокаго знатока русскаго народа, къ которому онъ относился всегда такъ тепло, правдиво и разумно. Его прекрасныя картины—*Колдунъ* и *Раздѣлъ*, полныя драматизма, глубины и содержанія, до сихъ поръ остаются отличными образцами, какъ и что нужно изображать въ живописи изъ народной жизни, и дали полное право ожидать отъ г. Максимова цѣлаго рода великихъ творческихъ иллюстрацій темной и бѣдной жизни русскаго мужичья-люда. Голая, неприкрашенная, правда этихъ двухъ картинъ и замѣчательная ихъ экспрессія, при ловкости рисунка и тонкой отдѣлкѣ малѣйшихъ деталей, еще при появленіи ихъ, дали поводъ какому-то критику сказать, что молодой художникъ общается быть тѣмъ-же, если не больше, въ живописи, чѣмъ сдѣлался въ литературѣ Г. И. Успенскій. Но проходилъ годъ за годомъ; почти на каждой выставкѣ являлись новыя произведенія г. Максимова; вѣяло отъ нихъ все тою-же правдивостью, тѣмъ-же знаніемъ народа; но не видно было въ нихъ уже той глубины и серьезности какія сразу заявили въ этихъ первыхъ вещахъ... Все это были вещи, или вещицы, хорошія, но сюжеты задавались или маловажные, детальныя, или не выливались въ достаточно ясную, определенную форму, какъ напримѣръ, прекрасно задуманная картина *Кладомыскатель* или *Замъ хлѣба*.

И вотъ, наконецъ, настоящая выставка сразу даетъ двѣ картины съ сюжетами благодарнѣйшими, которыя, при достойномъ исполненіи, могли-бы стать наравнѣ, если не превзойти, и *Раздѣлъ*, и *Колдуна*. Чтобы могъ сдѣлать такой знатокъ народа изъ такого художественнаго матерьяла, какъ жизнь мужика-вдовца, оставшагося одинокимъ съ ребятишками на рукахъ, или какъ жизнь другого мужика, можетъ быть, тоже вдовца, да еще слѣпого! Вѣдь такія картины хватили-бы за дуню, всегда стояли-бы

призракомъ въ воображеніи зрителя, какъ живые примѣры без-
 выходнаго крестьянскаго горя! Что-же далъ художникъ? Да если
 хотите, все: удивительно вѣрно написана внутренность избы, всѣ
 принадлежности крестьянскаго хозяйства, всякіе горшки, ухваты,
 корыто, костюмъ вдовца и ребятишекъ, наконецъ, лица и позы
 мужа и дѣтей;—словомъ, все хорошо, и даже прекрасно, все
 именно такъ, какъ и должно быть, и дай Богъ, чтобы у всѣхъ
 вдовцовъ и не вдовцовъ крестьянъ было, т. е. и рубашки-то та-
 кія хорошія и чистыя, и вся домашняя утварь, и капуста, и кар-
 тошка, и изба самая такая-же чистая, просторная и свѣтлая, и
 видъ-то у ребятишекъ и у самого вдовца такой довольный, или,
 по крайней мѣрѣ, спокойный... Посмотрить на такую картину
 зритель интеллигентный, или мужичокъ, если-бъ таковыя попадали
 на выставку, и подумаетъ: «конечно, жалко, что безъ хозяйки
 остался, однако чтожъ, все-таки зажиточный мужикъ, все у него
 въ домѣ есть, и дѣтиски такіе красивенькіе, не мазанные, не
 грязные, сидятъ себѣ да карточку чистятъ; а самъ тятка, еще
 молодой мужикъ, стоитъ и задумался»... И зритель правъ. Ника-
 кого особеннаго впечатлѣнія, никакой мысли не вынесетъ онъ
 изъ этой, прекрасно написанной, случайной, идилліи; никакого
 участія не возбудитъ къ себѣ ни этотъ вдовецъ, ни эти двое
 красивенькихъ мальчишковъ-сиротокъ, чистящихъ, повидимому, съ
 большимъ удовольствіемъ, сидя на полу, картошку... Нѣтъ, не
 такое впечатлѣніе производитъ Тургеневскій Бирюкъ, брошенный
 одинъ съ двумя дѣтьми въ своей глѣбной избенкѣ бѣжавшей съ
 мѣщаниномъ женой; не такой разработки такого благодарнаго
 сюжета ждали мы отъ г. Максимова!

Еще неопредѣленнѣе и еще болѣе идиллически слащава дру-
 гая картина, *Слѣпой хозяйки*. Въ избѣ сидитъ еще далеко не
 старый, видный мужикъ, слѣпой; на колѣняхъ у него мальчонка
 лѣтъ двухъ, котораго онъ кормитъ кашей съ ложки; со слѣпа
 ложкой ему въ ротъ не попадаетъ, и каша проливается съ ложки
 на ребенка... Кто такой этотъ мужикъ? Для дѣдушки слишкомъ
 молодъ. Можетъ быть, также вдовецъ, или просто, какъ слѣпой;
 оставленъ семьею, ушедшею въ поле на работу, въ видѣ няньки.
 Ничего неизвѣстно, и никакого впечатлѣнія... Нѣтъ, ужъ куда
 лучше этихъ, прекрасно выписанныхъ, но совершенно случайныхъ,
 натуралистическихъ, вовсе не продуманныхъ, картинъ, два не-
 большіе чрезвычайно типическіе этюда того-же Г. Максимова—
Голова старухи и *Голова старика*, особенно послѣдняя; и да
 проститъ намъ художникъ, отъ котораго вправдѣ ожидать публика
 вещей глубокихъ и серьезныхъ, нашъ рѣзкій отзывъ, вызванный
 горькимъ раздумьемъ надъ судьбой великихъ русскихъ талан-

товъ... Г. Максимова дано много, и талантъ, и званіе народа, и любовь къ нему—много отъ такого художника и требуется.

Если Г. Максимова можно упрекнуть на этотъ разъ въ нѣкоторой идилличности, наклонности къ приукрашенію дѣйствительности, то всѣ остальные названныя нами лучшія картины отличаются колоритомъ чрезвычайно печальнымъ, и болѣе всего — *Причины неизвѣстны*, Ярошенко, производящая подавляющее, ужасное впечатлѣніе, хотя и не вполне ясное, и страдающая, къ сожалѣнію, при всемъ богатствѣ и жизненности сюжета, недостаточна искуснымъ письмомъ. Въ небольшой, новидимому, одной изъ простенькихъ, такъ называемыхъ, меблированныхъ, комнатъ; на постели, лежитъ на спинѣ, въ одной рубашкѣ и юбкѣ, трюизъ еще не старой женщины; у постели, въ ногахъ, на стулѣ, сброшено платье; въ головахъ, на столикѣ, нѣсколько книгъ, тетрадей, запечатанное письмо, склянка съ остатками какой то мутной жидкости валяется на полу и на столикѣ-же допитый стаканъ, на полу множество разодранныхъ писемъ, бумагъ, открытый чемоданъ... Мрачную комнату, и особенно мертвое лицо женщины, освѣщаетъ синеватый свѣтъ отъ послѣдняго мерцанія догорѣвшей въ подсвѣчникѣ, стоящемъ на столикѣ, свѣчи,—свѣтъ, борящійся съ утреннимъ свѣтомъ, проникающимъ черезъ почти задернутую завѣсу окна... Еще въ домѣ всѣ спятъ... Еще никто не знаетъ о страшной катастрофѣ... Какая сила концепціи, какое ужасное впечатлѣніе производитъ вся эта обстановка съ однимъ только лицомъ, и то трупомъ, и это предсмертное письмо, и эти ключи, можетъ быть, писемъ первой и единственной, несчастной, погубившей покойницу любви, можетъ быть, писемъ съ далекой родины отъ ничего неподозрѣвающихъ родителей единственной дочери, и этотъ раскрытый чемоданъ, и эти разбросанныя вещи... Легко дополнить воображеніемъ, какая борьба происходила въ душѣ покойницы, что пережила эта бѣдная страдалица въ послѣднія минуты своей жизни, когда поканчивала всѣ земные расчеты, чтобы черезъ нѣсколько минутъ сдѣлаться трупомъ; когда нервно сбрасывала съ себя платье, чтобы улечься поудобнѣе; когда, наконецъ, разстегивала, или просто разорвала воротъ рубашки, при наступленіи агоніи, когда не стало хватать воздуха... И кто она, бѣдная-ли, оставленная любовница, все принеся въ жертву любимому человѣку, ея не оцѣнившему; курсистка-ли, пріѣхавшая Богъ знаетъ изъ какой русской глуши въ столицу, чтобы учиться, но не пожелавшая изъ гордости заявить о своей бѣдности и отравившаяся съ голоду?.. Господь ее знаетъ... Многія дѣвушки оканчиваютъ нынче такъ, какъ она:—причины неизвѣстны... Эта картина полна глубокаго смысла и потрясающей правды. И

владѣй художникъ лучшимъ рисункомъ, напиши опредѣленнѣе и выразительнѣе лицо трупа, которое, какъ намъ кажется, всего хуже въ картинѣ, поражающей болѣе сюжетомъ и аксессуарами, обстановкой; сдѣлай болѣе естественной позу покойницы, придумай еще, для большей опредѣленности, двѣ-три детали—и картина заняла-бы высокое мѣсто въ русской жанровой живописи.

Рядомъ съ этой картиной, какъ-то невольно, хочется поставить небольшую хорошую вещичку г-жи Михальцевой—*Отъездъ*, точно прологъ къ страшной драмѣ. Простенькая, даже бѣдная, комнатка. У стола, передъ диваномъ, сидитъ старушка, повидимому, мать или бабушка, и горько плачетъ, опустивъ голову на столъ. Передъ столомъ, совсѣмъ одѣтая по дорожному, съ сумкой черезъ плечо, стоитъ дѣвушка, некрасивая, но съ умнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ... Она не плачетъ (можетъ быть, уже выплакалась раньше, наединѣ, чтобы не видѣла слезъ мать...), она твердо рѣшилась ѣхать... Въ открытую дверь кухарка выносить чемоданъ... Последняя минута въ родительскомъ домѣ... Уже простилась... Но мать опять заплакала и, обезсилѣвъ, присѣла... Дѣвушка ждетъ послѣдняго поцѣлуя... Пора ѣхать... Куда ѣдетъ дѣвушка? Можетъ быть, въ столицу, учиться, на послѣднія крохи, скопленные тяжелымъ трудомъ, или деньги, взятые изъ крошечнаго капитала матери, въ надеждѣ будущаго заработка... Кто знаетъ, что ждетъ дѣвушку въ столицѣ?..

Трогательное впечатлѣніе производитъ еще очень хорошая, чрезвычайно жизненная по замыслу, картина, повидимому, начинающаго художника—экспонента г. Костанди—*У больного товарища*. Въ небольшой комнатѣ, увѣшанной этюдами и набросками картинъ и портретовъ, на постели, лежитъ молодой человекъ, худой, истомленной болѣзью. Тускляя очи утомленно смотрятъ куда-то вверхъ, безучастно, апатично:—осталось жить недолго... Все гибнетъ: и надежды, и мечты объ извѣстности, о которой думалъ бѣднякъ, когда писалъ эти многочисленные этюды... На больного въ упоръ смотреть полны жизни, здоровья, силъ, молодой его товарищъ—художникъ (какъ жаль, что его лицу придано такъ мало экспрессіи), а въ сторонкѣ, спиной къ больному, стоитъ другой товарищъ, повидимому, тоже художникъ, и разсматриваетъ, въ грустномъ раздумьѣ, какую-то картину, или этюдъ,—можетъ быть, самый задушевный, послѣдній замыселъ умирающаго собрата. Одинъ умираетъ, они двое еще полны здоровья и силъ—что-то ихъ ждетъ?

Поразительнымъ письмомъ отличается глубоко содержательная вещь г. Крамскаго *Неутѣнное горе*. Женщина среднихъ лѣтъ, въ

траурѣ, съ полными слезъ глазами, вившими, окруженными темными кругами, стоитъ передъ свѣжимъ надгробнымъ вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ, лежащимъ на столѣ... Дверь въ другую комнату полуоткрыта и пропускаетъ красный лучъ свѣта отъ свѣчей у гроба покойника... Сейчасъ пойдетъ она въ эту комнату, положить этотъ вѣнокъ... Она будто застыла въ своемъ горѣ, своемъ раздумьѣ... Какая страшная печаль въ ея лицѣ, во всей ея одинокой, безпомощной фигурѣ! Этого лица не забудешь... Оно такъ безотрадно правдиво, такъ фатально безнадежно, какъ безотрадно правдива и неизбежна сама смерть. Какія силы въ этомъ художникѣ, и какъ жаль, что онѣ разбиваются, и на этой-же выставкѣ, въ сущности, на мелочи! Этого *неутраченного горя* не забудетъ никто, кто когда-нибудь терялъ близкихъ сердцу, послѣ которыхъ уже никого не осталось въ жизни, дорогихъ, милыхъ...

Отъ этой картины, прекрасной своей простотой и цѣльностью, перейдемъ къ самой, если не лучшей, то наиболѣе привлекающей публику, картинѣ г. Рѣпина, *Не ждали*, которая, возбуждая самыя разнорѣчивыя толки и недоумѣнія, тѣмъ не менѣе производитъ очень сильное впечатлѣніе оригинальностью и таинственностью сюжета и экспрессіею отдѣльныхъ фигуръ. Комната, самая простая, на скромной дачѣ, или окраинѣ города; свѣтлый день, дверь въ садъ полуоткрыта, полное дневное освѣщеніе... У стѣны старинное фортепьяно, на стѣнѣ портреты Некрасова, Шевченко, извѣстное изображеніе лежащаго на смертномъ одрѣ покойнаго Государя Александра II. Столъ, на которомъ учебныя книги и карта; за столомъ дѣвочка лѣтъ восьми - девяти и мальчикъ-гимназистъ.—Они готовили уроки... на фортепьяно играла молодая женщина, за столомъ сидѣла и пожилая... Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, открылась дверь, и вошелъ и остановился посреди комнаты какой-то молодой человекъ съ страдальческимъ, выразительнымъ интеллигентнымъ лицомъ, въ потасканномъ зипунѣ, съ шапкой въ рукѣ. Всѣ встрепенулись, и такъ и замерли: молодая женщина осталась у фортепьяно, и смотреть въ недоумѣнія... пожилая встала полуоборотомъ къ публикѣ; дѣвочка изумленными, точно испуганными, глазами такъ и впиалась въ гостя, будто не узнавая его, одинъ гимназистъ, повидному, сразу его узнавшій, обрадовался и смѣется... Въ дверяхъ кухарка и горничная, также пораженныя внезапнымъ визитомъ. Всѣ еще не могутъ придти въ себя, точно передъ ними предсталъ пришлецъ съ того свѣта. Но кто онъ, и кто такія приходятся ему эти женщины и дѣти? Вѣжаль-ли онъ изъ ссылки, или возвращенъ, уже искупивши свою вину, и явился неожиданно, не предупредивъ никого, къ женѣ, дѣтямъ и матери? Можетъ быть, закутившійся блудный сынъ,

давно пропавшій безъ вѣсти и уже считаемый умершимъ, вернулся въ родную семью просить пріюта? Наконецъ, рады-ли ему, или всѣмъ было-бы лучше, еслибы онъ и вовсе не возвращался? Ничего этого не говоритъ картина, да и не можетъ сказать, такъ какъ художникъ, какъ намъ кажется, взялъ несомнѣнно удачно самый моментъ появленія незнакомца, почему для публики понятно только одно — общее изумленіе всей семьи, а въ результатѣ, сколько ни смотри на картину, все-таки остается одно недоумѣніе...

Въ заключеніе бѣлаго обзора остановимся, по нашему мнѣнію, на самой богатой по сюжету, продуманности и теплотѣ картинѣ, или правильнѣе, трехъ въ одной рамѣ картинахъ, М. П. Клодта. *Сестры милосердія*. Вѣрный своему обыкновенію тепло и симпатично изображать на полотнѣ женщину, въ наиболѣе трогательныхъ моментахъ ея жизни, художникъ въ этихъ картинахъ создалъ настоящій апофеозъ русской дѣвушкѣ, самоотверженно пришедшей въ послѣднюю войну на помощь страждущимъ братьямъ. Во всѣхъ трехъ картинахъ дѣйствіе въ походной лазаретной палатѣ. На первой картинѣ, на смертномъ одрѣ лежитъ умирающій офицеръ;—за столикомъ молодая, миловидная сестра пишетъ подъ его диктовку послѣднее письмо на родину. Она старается разлышать едва выговариваемыя умирающимъ слова, и можетъ быть, такъ и не разлышитъ... Въ сторонѣ, весь ушедшій въ глубокую думу, понуря голову, сидитъ раненый молодой товарищъ умирающаго... На другой картинѣ отпѣваніе. Повойникъ на носилкахъ, прикрытый солдатскою шинелью, старичокъ священникъ совершаетъ передъ образомъ печальный обрядъ; сестра со свѣчой въ рукахъ и книжкой поетъ за дьячка; четыре раненыхъ солдатика: одни какъ-то равнодушно, апатично присутствуютъ на привычномъ обрядѣ, другіе сосредоточенно задумались. На третьей, самой потрясающей, трогающей до слезъ, картинѣ опять она-же, сестра милосердія, такая молодая, съ такимъ, не столько красивымъ, сколько незабываемо прелестнымъ, безконечно добрымъ лицомъ. Вотъ и ее самое настигла тяжкая, можетъ быть, смертельная болѣзнь. Лежитъ эта печальница чужихъ недуговъ и горя, беспомощно распростершись на походныхъ носилкахъ, замѣняющихъ постель... Она блѣдна, какъ смерть, воспаленные глаза широко раскрылись и куда-то смотреть; запершія уста что-то лепечуть. . Она бредитъ... Пожилой солдатикъ, тоже раненый, котораго, можетъ быть, выходила, спасла отъ смерти, таже, теперь умирающая, сестрица, чинитъ въ ногахъ больной свою рваную шинель... Но вотъ больная залепетала... Солдатикъ подвѣлъ голову, смотреть на сестру и прислушивается къ тому, что лепечать эти

уста... Сколько правды, задушевности во всѣхъ этихъ картинахъ, и особенно въ послѣдней: какаѣ богатая драма въ одномъ моментѣ раскрывается передъ глазами зрителя, заставляя его думать и такъ хорошо, человѣчно, чувствовать! Какое богатое, глубокое, жизненное содержаніе, ярко, вполне понятно для зрителя, озаренное творческой мыслью, какое достойное высоко талантливаго художника выполненіе!

Что-же сказать въ заключеніе о выставкѣ вообще? Она, конечно, въ общемъ очень неутѣшительна, пуста, безсодержательна и скорѣе, выставка хорошихъ вещей, въ смыслѣ ремесла, чѣмъ, за немногими исключениями, произведеній сколько-нибудь самостоятельнаго, продуманнаго творчества. Но живопись, какъ и литература, идетъ за жизнью, и если она пуста и безсодержательна, если и въ ней нѣтъ подъема духа, или тѣхъ условій, при которыхъ мысль не стѣснена выборомъ и разработкой сюжета, какъ хотѣлось-бы художнику,—обращается въ пустую копировку дѣйствительности, въ сухое ремесло, и самое искусство. Нигдѣ такъ не нужна свобода, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи. Тѣсныя цензурныя рамки, стѣсняющія художниковъ въ выборѣ и разработкѣ сюжетовъ, конечно, одна изъ самыхъ важныхъ причинъ малосодержательности настоящаго русскаго искусства; но не малая причина этого заключается, какъ намъ кажется, и въ маломъ образованіи, въ малой идейности нашихъ художниковъ, которые даже въ предѣлахъ возможнаго, могли-бы, подобно М. П. Клодту, Ярошенко, Рѣпину и Крамскому, создать вещи болѣе содержательныя, чѣмъ тѣ совершенно никому не нужные пустяки, какихъ такъ много видимъ мы на этой передвижной выставкѣ. Правъ Тургеневъ, говоря, что для истиннаго художника одного таланта недостаточно. Нужно еще постоянное общеніе съ окружающею человѣческою жизнью. нужна образованность, нужно знаніе. Безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ, къ своему народу, къ исторіи,—немислимъ истинный художникъ.

Викторъ Острогорскій.

БЕЗПОРЯДКИ ВЪ ЦИНЦИНАТИ.

(Письма изъ Америки).

На-дняхъ въ Цинциннати произошли ужасные безпорядки: толпа хотѣла ворваться въ тюрьму и расправиться судомъ Линча съ однимъ убійцею; явилась на сцену вооруженная милиція; произошло кровавое столкновение—много гражданъ было убито и ранено; зданіе суда подожжено; жители города цѣлую недѣлю были объаты паническимъ страхомъ. Вотъ голыя данныя. Безпорядки въ Цинциннати открыли американцамъ глаза на нѣкоторыя серьезныя злоупотребленія въ судѣ; поэтому я останавлиюсь на этомъ печальномъ случаѣ.

Въ декабрѣ прошлаго года, въ Цинциннати, молодой нѣмецъ Бернеръ и негръ Пальмеръ убили своего хозяина Кирка съ цѣлю грабежа; на нанятой повозкѣ, ночью, они вывезли тѣло за городъ и бросили его въ протокъ; на возвратномъ пути въ одномъ кабакѣ они спросили воды и смыли кровавыя пятна въ повозкѣ. Затѣмъ они обшарили всѣ углы дома своего хозяина и нашли около ста долларовъ; эти деньги они раздѣлили между собою въ кабакѣ. Въ эту-же ночь Бернеръ съ одной женщиной посѣтилъ нѣсколько ресторановъ и сорилъ вездѣ деньгами. Черезъ нѣсколько дней убійцъ арестовали, и Бернеръ признавался въ своемъ преступленіи нѣсколькимъ лицамъ.

Въ началѣ марта Бернеръ приведенъ былъ на судъ; дѣло продолжалось двѣ недѣли. Отецъ Бернера, состоятельный фермеръ, нанялъ трехъ способнѣйшихъ или, вѣрнѣе, самыхъ ловкихъ адвокатовъ. Все дѣло, конечно, зависѣло отъ присяжныхъ, и въ выборѣ-то ихъ адвокаты и показали свою «преступную» ловкость,—но объ этомъ послѣ. Жюри состояло изъ шести мелкихъ фермеровъ, одного содержателя кабака, двухъ клерковъ, изъ нихъ одинъ безъ работы; одного табачника, одно наборщика и одного

человѣка, занимающагося чисткой ковровъ. Подсудимый призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ во второй степени, т. е. въ преступленіи, наказуемомъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, между тѣмъ какъ его обвиняли въ убійствѣ первой степени, наказуемомъ висѣлицей. На судѣ были выяснены всѣ обстоятельства преступления. Предназначенное убійство было на-лицо. Защитники указывали на молодость подсудимаго и на то, что онъ будто-бы находился подъ влияніемъ негра Пальмера, какъ на обстоятельства, смягчающія его преступленіе. Дѣло было передано въ руки жюри; это было вечеромъ, въ субботу; послѣ двухчасоваго обсужденія дѣла присяжные были отпущены до понедѣльника; въ понедѣльникъ-же, послѣ короткаго совѣщанія, они вынесли обвинительный приговоръ — въ убійствѣ второй степени. Громкіе крики негодованія раздались въ залѣ суда. Тюремные служители немедленно увели преступника чрезъ комнату судьи и тунель, соединяющій залу суда съ тюрьмой. Говорятъ, даже судья былъ крайне удивленъ такимъ приговоромъ; онъ сухо отпустилъ присяжныхъ, не сказавъ ни слова обычной благодарности.

Когда присяжные показались на улицѣ, ихъ осыпали насмѣшками и угрозами; двухъ изъ нихъ, почему-то болѣе ненавистныхъ пришлось даже провести чрезъ тюремный тунель. Въ толпѣ даже толковали о судѣ Линча надъ Бернеромъ и другими пощажеными убійцами, а также и надъ «продавшими совѣсть жюри». Если-бы толпа сейчасъ-же двинулась въ тюрьму, то, говорятъ, никто не могъ-бы помѣшать ей учинить собственную расправу; но на этотъ разъ толпа состояла изъ почтенныхъ, хотя и недовольныхъ гражданъ, поэтому все дѣло ограничилось протестомъ на словахъ. Это было 24 марта.

Но негодованіе публики все росло по мѣрѣ того, какъ раскрывались дѣянія нѣкоторыхъ адвокатовъ и присяжныхъ въ связи съ мягкими приговорами надъ убійцами. Оказалось, что въ тюрьмѣ Цинциннати уже набралось до пятнадцати убійцъ, жизнь которыхъ по закону не должна-бы была быть пощажена. 27 марта состоялся шумный публичный митингъ и на слѣдующій день — другой митингъ, еще болѣе грозный. Одинъ изъ присяжныхъ былъ избитъ, а другой долженъ былъ скрыться изъ собственнаго дома.

28 марта Бернеръ былъ приведенъ въ судъ, гдѣ ему была объявлена высшая мѣра наказанія за убійство второй степени, а именно заключеніе въ тюрьму на двадцать лѣтъ. Между тѣмъ, десять тысячъ гражданъ собрались на митингъ: они громко и грозно осуждали дѣйствія жюри и адвокатовъ и требовали реформы съ судебной процедурѣ; тѣмъ-бы и покончили мирные

граждане; но бѣда въ томъ, что во всякомъ большомъ городѣ есть не мало людей, которымъ терять нечего, при какихъ-бы то ни было беспорядкахъ, а въ Цинцинати, съ его 250,000 населеніемъ, много такихъ бездомниковъ; эти-то люди теперь выдвинулись впередъ. «Въ тюрьму!» раздалось роковое слово и человѣческая волна хлынула къ тюрьмѣ—кто сознательно, кто бессознательно, кто изъ любопытства. Началась беспорядочная осада тюрьмы. Я говорю — «беспорядочная», потому что дѣйствительно толпа не выказывала никакого плапа. Здѣсь Линчъ—дѣло обыденное; и если граждане рѣшатъ съ кѣмъ либо покончить, то они все дѣло ведутъ систематично, при чемъ обыкновенно никто не страдаетъ, кромѣ условленной жертвы. Въ Цинцинати на этотъ разъ не было никакого порядка, что всего лучше показываетъ, что не регулярные граждане, а бездомная голь заварила кашу. Явилась полиція и попугала толпу холостыми зарядами; толпа стала только смѣлѣе. Казалось, что никто не хотѣлъ мѣшать толпѣ въ ея самовольной расправѣ. Мэръ города былъ нездоровъ, поэтому дѣло защиты тюрьмы пало на смотрителя тюрьмы; онъ послалъ за милиціей. Между тѣмъ толпа уже ворвалась въ тюрьму. Бернера тамъ не было, онъ былъ уже на пути въ Колумбусъ, главный городъ штата Огаіо. Другіе убійцы были за крѣпкими желѣзными дверями.

Вскорѣ явился на сцену отрядъ милиціи, солдаты проникли въ тунель со стороны суда; въ тунели было не мало народу; раздался ружейный залпъ—и многіе упали прострѣленными, въ томъ числѣ нѣсколько полицейскихъ. Толпа успѣшила очистить тюрьму, но съ улицы раздавались выстрѣлы, летѣли камни въ окна. Солдаты изрѣдка отвѣчали толпѣ выстрѣлами и положили на мѣстѣ или ранили многіхъ гражданъ, не принимавшихъ никакого участія въ нападеніи на тюрьму. Разсѣявши толпу, солдаты и полицейскіе занялись устройствомъ двухъ баррикадъ на улицахъ, ведущихъ къ тюрьмѣ. Это было ночью съ 28 по 29 марта.

Губернаторъ штата Огаіо изъ своей резиденціи въ Колумбусѣ послалъ въ Цинцинати три полка милиціи и двѣ баттарей.

На слѣдующій день, въ субботу, произошло ужасное кровопролитіе. Зданіе суда, оставленное незащищеннымъ, было подожжено еще ночью; само зданіе не могло сгорѣть, такъ какъ оно состояло изъ кирпича, камня и желѣза, но мебель, архивы, бібліотека—сгорѣли. Рано утромъ бездомная голь еще толпилась около зданія суда. За баррикадами стояло 12 солдатъ съ ружьями; по командѣ шерифа (не капитана) они выпустили въ толпу три залпа, толпа разсѣялась, оставивъ позади многіхъ убитыхъ и еще болѣе раненыхъ. Затѣмъ рѣшено было очистить улицы кру-

гомъ тюрьмы и зданія суда; пришлось снова стрѣлять — и новыя жертвы падали, обливаясь кровью. Улицы у тюрьмы были пересѣчены цѣпью на разстояніи ружейнаго выстрѣла: кто переступалъ черту, тотъ падалъ прострѣленнымъ. Оказалось, что до пятидесяти человекъ было убито и до 200 ранено; между тѣми и другими было много почтенныхъ гражданъ, заплатившихся жизнью или здоровьемъ за то, что были на улицѣ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Былъ тяжело раненъ одинъ миллионеръ; было ранено нѣсколько докторовъ, пришедшихъ на помощь раненымъ; нѣсколько солдатъ милиціи на своемъ пути къ тюрьмѣ были прострѣлены своими товарищами; одинъ капитанъ милиціи былъ убитъ выстрѣломъ изъ толпы.

Страшное волненіе охватило часть города близъ кровавой драмы: боялись поджоговъ, грабежей, динамита; но поджоговъ не было и динамитомъ не пахло, зато нѣсколько закладныхъ, гдѣ, между прочимъ было не мало оружія, было разграблено. Въ одномъ мѣстѣ толпа тянула пушку; человекъ двадцать полицейскихъ бросились въ толпу и отняли пушку, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

Воскресенье, 30 марта, прошло тихо, еще нѣсколько полковъ милиціи прибыло въ Цинциннати, солдаты охраняли публичныя зданія; полиція была усилена волонтерами; мэръ издалъ прокламацію, запретивъ гражданамъ безъ достаточной причины показываться на улицахъ позже 7 часовъ вечера; губернаторъ вызвалъ въ Цинциннати всю милицію штата—17 полковъ и пять баттарей. Но беспорядки уже прекратились и на слѣдующій день часть милиціи оставила городъ.

Уже въ воскресныхъ нумерахъ газетъ Цинциннати говорилось, что вызовъ милиціи былъ «фатальной ошибкой» городскихъ властей, что полиція могла-бы прекратить беспорядки безъ кровопролитія и что «не велика бѣда была-бы, если-бы толпа повѣсила споддюжины или даже дюжину убійць». Говорили такъ-же, что у полиціи и милиціи не было опытнаго, благоразумнаго, хладнокровнаго руководителя, а потому дѣло дошло до такихъ ужасающихъ размѣровъ. Словомъ, мотивъ толпы оправдывался вообще; осуждали только грубое насиліе съ одной стороны и пальбу—съ другой.

Въ среду, 2 апрѣля, баррикады были снесены, и городъ принялъ обычный, мирный видъ.

Теперь спрашивается: кто-же виноватъ? Посмотримъ, какъ сами американцы отвѣчаютъ на этотъ вопросъ.

Говоря о беспорядкахъ въ Цинциннати, губернаторъ штата Огаіо (Гадли) сказалъ: «корень зла кроется въ нежеланіи болѣе

порядочныхъ гражданъ исполнять обязанность присяжныхъ». И дѣйствительно, дѣловые американцы крайне неохотно оставляютъ свои занятія, чтобы идти въ жюри. Если болѣе образованные, развитые и состоятельные граждане отклоняются отъ исполненія своей высокой обязанности, то кого-же винить, какъ не самихъ гражданъ, когда попадаютъ въ жюри люди некомпетентные или даже продажные. Теперь губернаторъ штата Огаіо заявляетъ, что нужно провести законъ, чтобы ни одинъ гражданинъ не отказывался отъ службы въ жюри ни подъ какимъ предлогомъ, за исключеніемъ тяжелой болѣзни.

«New-York Times» высказалъ мнѣніе, что нѣкоторые законы штата Огаіо и въ особенности судебная практика давно нуждаются въ реформѣ и что безпорядки въ Цинциннати могутъ имѣть крайне благодѣтельные послѣдствія. Это мнѣніе сильно не понравилось многимъ американцамъ, такъ какъ оно косвенно оправдываетъ «нарушеніе закона съ хорошею цѣлію».

«New-York Herald» открыто заявилъ, что кровавая драма заставитъ юристовъ Цинциннати перестать «подбирать продажныхъ присяжныхъ».

«New-York Sun» во всемъ обвиняетъ самихъ гражданъ: они сами, чрезъ своихъ выборныхъ, пишутъ законы, сами-же они могутъ измѣнить ихъ законнымъ путемъ; иезуитское правило не можетъ быть приложимо къ безпорядкамъ Цинциннати. «Пусть граждане, говоритъ эта газета, сначала попробуютъ всѣ легальныя мѣры, и если-бы онѣ остались безъ желаемого результата, тогда обращеніе къ физической силѣ было-бы неизбѣжнымъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ нашей странѣ граждане могутъ исправить всякое зло мирнымъ, легальнымъ путемъ».

Одинъ членъ конгресса отъ Огаіо выяснилъ нѣкоторые судебныя порядки, существующіе въ Цинциннати. Оказывается, что адвокаты тамъ нашли ловкій способъ, при помощи котораго они отводятъ присяжныхъ по своимъ личнымъ соображеніямъ. Законъ штата гласитъ, что кто читалъ отчетъ о предварительномъ слѣдствіи (въ случаѣ убійства или посягательства на жизнь другого), тотъ не можетъ быть присяжнымъ. Имѣя это въ виду, адвокаты готовятъ такіе отчеты и рассылаютъ по почтѣ «не надежнымъ» лицамъ, означеннымъ въ спискѣ присяжныхъ; такимъ образомъ они получаютъ право на отводъ извѣстныхъ членовъ жюри. Предъ лицомъ суда прошло цѣлыхъ *тысяча двести* присяжныхъ прежде, нежели адвокаты Бернера могли выбрать *двадцать* человекъ! Этимъ-же путемъ въ томъ штатѣ сорокъ два убійцы были избавлены отъ висѣлицы.

На «митингѣ негодованія», въ Цинциннати, состоявшемъ изъ

самыхъ вліятельныхъ гражданъ, между прочимъ, было выяснено что по самымъ ничтожнымъ поводамъ дѣловые граждане избавляются отъ обязанности засѣдать въ судѣ и что, по законамъ штата, прокуроръ отъ имени народа можетъ отвести только *двухъ* присяжныхъ, между тѣмъ, какъ подсудимый имѣетъ право отвести *двадцать три* присяжныхъ; требованіе новаго суда на основаніи «легальныхъ погрѣшностей» также въ большомъ ходу въ Цинциннати.

Наконецъ, были голоса, правда единичные, осуждавшіе судъ присяжныхъ вообще; но общественное мнѣніе здѣсь гласитъ, что человѣчество еще не знаетъ лучшей системы суда, чѣмъ судъ присяжныхъ.

Выше я упомянулъ о Линчѣ. Правда, до сихъ поръ здѣсь бывають случаи самовольной расправы съ тяжкими преступниками (въ случаѣ изнасилованія, убійства женщины и т. д.), но это тамъ, гдѣ есть шансы на безнаказанность, т. е. въ мало населенныхъ западныхъ штатахъ и въ глухихъ мѣстахъ южныхъ штатовъ. Въ большихъ же городахъ и вообще въ восточныхъ штатахъ Линчъ въ послѣдніе года—дѣло неслыханное; здѣсь чувство законности и справедливости сильно развито въ массѣ народа; здѣсь общественное мнѣніе, выражаемое прессой, всемогуще; здѣсь нельзя найти законника, который рѣшился-бы нагло обойдти законъ,—такому не миновать-бы тюрьмы. Нью-іоркцы сильно удивлены, что такой громадный городъ, какъ Цинциннати, допустилъ у себя вопіющія злоупотребленія въ судѣ и кровавую стычку на улицѣ.

П. Поповъ.

Нью-Іоркъ,
5-го (17-го) апрѣля 1884.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

Авва. Очеркъ. (Окончаніе)	<i>Д. Н. Сибиряка.</i>
Школа борьбы въ социологіи	<i>Л. Мечникова.</i>
Въ капищѣ золотого тельца. (Окончаніе).	<i>Ивановича.</i>
Чѣмъ жизнь красна. Романъ Эмиля Золя. (Окончаніе) Переводъ	<i>А. Л. Москвина.</i>
Руфина Каздоева. Романъ въ 5-ти ча- стяхъ. Часть вторая. (Гл. I—VIII).	<i>Е. Ардова.</i>
Лондонская голытьба.	<i>Н. К.</i>
Изъ прекраснаго далека. (Путевыя за- мѣтки)	<i>Н. III.</i>
Восковая голова. Разсказъ. (Съ фран- цузскаго)	<i>Жоржа Приса.</i>
Осадчіе	<i>А. Мурашкинцева.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Рабочіе на Кубани	<i>Ф. Щербиня.</i>
Новыя книги.	
Научная хроника	<i>А. М.</i>
Парламентская дѣятельность. (Полити- ческая и социальная хроника)	<i>Жикѣ.</i>
Годовые итоги русской живописи.	<i>В. Острогорскаго.</i>
Безпорядки въ Цинциннати	<i>П. Попова.</i>

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ДѢЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гігіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1882 г. съ приложеніемъ «Военной гігіены» д-ра Вейнмана съ рисунками. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джіоаніоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ не воинъ. Романъ *Ф. Шпиллягена*. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюго*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣтели. (Біографіи и характеристики). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ *Ипполита Ньвео*. Перев. съ итальянскаго *В. А. Зайцева*. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Лягьева*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американка. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ *Д. И. Писарева*. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *И. Потъхина*. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военного. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военного быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое омерзелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идіотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра Н. П. Айрленда, съ предисловіемъ прое. Мержеевскаго. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Переводъ съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюль Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Т. Гексли. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Го. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обонимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДѢЛО» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки); пересылка на счетъ выписывающихъ.

Въ книжномъ магазинѣ **К. РИККЕРА** и другихъ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

РУКОВОДСТВО КЪ ПРОПИСЫВАНІЮ ЛЕКАРСТВЪ,

составленное **WALDENBURG'омъ** (проф. въ Берлинѣ) и **SIMON'омъ** (аптек. въ Берлинѣ), переводъ съ послѣдняго (9-го) нѣмецк. изданія, измѣн. и дополн. сообразно Россійской Фармакопееѣ.

I. ОБЩАЯ ЧАСТЬ (общая рецептура): подробный критическій обзоръ лекарственныхъ формъ для внутренняго и наружнаго примѣненія (сборы, порошки, пилюли, настилки, конфекты, кашки, консервы, экстрактивные формы, молочная сыворотка, травяной сокъ, прижигательные карандаши, мази, припарки, пасты, ванны (лекарственные, паровыя, газовыя, души), окуриванія и т. д. Методы примѣненія лекарственныхъ формъ къ общимъ покровамъ (эндерматическій и гиподерматическій методы), къ слизистымъ оболочкамъ (рта, носа, зѣва, дыхательныхъ, мочевыхъ и половыхъ органовъ, прямой кишки, глаза, наружнаго слуховаго прохода). Клистиры (опоражнивающіе, питательные, возбуждающіе, вяжущіе и др.). Впрыскиваніе лекарственныхъ веществъ въ вены,—серозныя полости и кисты. Переливаніе крови.

II. СПЕЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ: подробный обзоръ фармацевтическихъ препаратовъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ (при каждомъ препаратѣ указаны формы его употребленія, цѣлесообразность той или другой формы для того или другаго случая, corrigentia запаха и вкуса и терапевтическое примѣненіе), **2600** рецентныхъ формулъ, рекомендованныхъ извѣстными клиницистами (количества медикаментовъ выражены въ децимальномъ и юренбургскомъ вѣсахъ; при каждомъ рецентѣ указана цѣна его по русской таксѣ); подробные фармацевтическій и терапевтическій указатели, указатель авторовъ и полная русская аптекарская такса.

Бол. томъ въ **908** стран. убористой печати, ц. **6** руб.

Замѣчательныя явленія растительной жизни.

Соч. *М. К. Кука*. Перев. съ англійскаго. Съ 55-ю рисунками. 273 стр. Цѣна **1** руб. **50** коп.

Отечество разводимыхъ растений по Декан-долю. Цѣна **50** коп.

Иногородные, выписывающіе эти книги прямо изъ склада, находящагося при Типографіи **Н. А. Лебедева** (Спб., Невскій просп., д. № 8), за пересылку не платятъ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

И. И. ВИЛИБИНА.

- Поль Беръ.** Лекціи по анатоміи и фізіологіи. Введеніе въ зоологію. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. 458 стр. съ 402 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ *руководство* для реальныхъ училищъ.
- Фостеръ.** Учебникъ фізіологіи; переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. 2 тома. Цѣна 7 р. 50 к.
- Эд. Б. Тайлоръ** Антропологія. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи. Съ рисунками съ англійскихъ клише. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- Спенсеръ.** Основанія психологіи. 4 тома. Ц. 7 р., вѣсовыхъ за 4 ф.
- Спенсеръ.** Основанія соціологіи. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.
- Спенсеръ.** Основанія нравственности. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Клодь Бернаръ.** Жизненные явленія, общія животнымъ и растеніямъ. (Курсъ общей фізіологіи) Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.
- Тэнъ.** Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Кребсъ.** Превращенія энергіи. (Обзоръ теорій современной физики). Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Карпентеръ.** Спиритизмъ съ исторической и научной точекъ зрѣнія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.
- Жозефъ Бертранъ.** Курсъ теоретической ариметики. Ц. 75 к. вѣс. 1 ф.
- Робертъ Оуень.** Образование человѣческаго характера. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.
- Дж. Тиндаль.** Гніеніе и зараза. Ц. 2 р. 50 к.
- Зандеръ.** Руководство къ общественной гигиенѣ. Переводъ подъ редакціей проф. Доброславина. Ц. 1 р. 50 к.
- Сильванусъ Томпсонъ.** Электричество и магнетизмъ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра физики И. И. Боргмана. Ц. 2 р. 50 к.

Романсъ и Грантъ-Аллень. «Виньетки съ натуры». Научныя доказательства теоріи развитія. (Рядъ очерковъ изъ жизни животныхъ и растений). Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р. 50 к., въ красивомъ переплетѣ 2 р.

Флоузръ. Мода на уродованіе. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Ц. 60 к.

Сэже. Современная физика. Переводъ съ французскаго. Ц. 80 к.

По соглашенію съ издателемъ, подписчики „Дѣла“, выписывающіе изданія И. И. Вилибина черезъ контору „Дѣла“, пользуются 20% уступки съ объявленныхъ цѣнъ. Пересылка на счетъ выписывающихъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующіе романы **К. М. Станюковича**:

Безъ исхода. Спб. 1874 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Наши нравы. Романъ въ 2 частяхъ. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р. 50 к.; съ пер. 3 руб.

Два брата. Романъ въ 2 частяхъ. Спб. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к. съ пер. 3 руб.

Омутъ. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Выписывающіе черезъ Главную Контору «Дѣла» пользуются 20% уступки. Пересылка на счетъ выписывающихъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПОВѢСТИ М. АЛЬБОВА.

Содержаніе: I. День итога (психіатрической этюдъ). II. О людяхъ «взыскующихъ града»: 1) Воспитаніе Лельки, 2) Сутки на лонѣ природы. III. Конецъ Невѣдомой улицы. (Хроника).

Спб. 1884 г., 464 стр. Ц. 2 руб.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильнаго почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣчныхъ марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей просятъ обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 3—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДѢЛО

въ 1884 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
Журнала «ДѢЛО» (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 > — >	9 >
Съ пересылкою иногороднымъ . .	17 > — >	10 >
> за границу . .	19 > — >	11 >

4340-13
Издатель К. М. СТАНЮКОВИЧЪ.

Редакторъ В. П. ОСТРОГОРСКИЙ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 832